

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

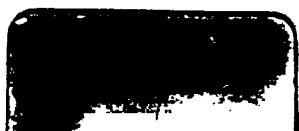
О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 07037567 4

*Q6K

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

0

КАСИМОВСКИХЪ ЦАРЯХЪ

и

ЦАРЕВИЧАХЪ.

В. В. Вельяминова-Зернова,

Члена Императорской Академіи Наукъ, Дѣятельнаго Члена и Секретаря
Императорскаго Археологическаго Общества, и Дѣятельнаго члена Импе-
раторскаго Русскаго Географическаго Общества и Германскаго Общества Оріен-
талистовъ въ Лейпцигѣ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Съ четырьмя таблицами.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1863.

RR

1847

Перепечатано изъ IX Части Трудовъ Восточнаго Отдѣленія
Императорскаго Археологическаго Общества.

ВЪСТЪ
СЪВЪ
ВЪСЪ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Городъ Касимовъ служилъ нѣкогда столицею ханамъ и султанамъ Татарскимъ. Продолжалось это болѣе 200 лѣтъ, отъ эпохи Василя Темнаго до начала царствованія Петра Великаго. Еще теперь слѣды пребыванія въ Касимовѣ особыхъ царей и царевичей не совсѣмъ исчезли. Въ самомъ городѣ остались отъ нихъ памятники; а Татары, обитающіе внутри Россіи, въ своихъ разсказахъ часто упоминаютъ о ханахъ Касимовскихъ. Имъ, наравнѣ съ прочими царями: Казанскими, Астраханскими и др., приписываютъ они разныя дѣла и подвиги. Нѣкоторыя мѣста, даже отдаленныя отъ Касимова, носятъ названія въ честь Касимовскихъ царей или царевичей. Такъ, еще въ прошломъ столѣтіи существовало преданіе, будто Царевъ курганъ, на Волгѣ, близъ устья р. Сока, получилъ прозвище Царева отъ какого-то Касимовскаго царевича, который имѣлъ тамъ свою усадьбу, отъ чего Царевщиною же звалось и находившееся при курганѣ село (Ленехинъ. Дневныя записки путешествія по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства. Ч. 1. 2 изд. Сиб. 1795, стр. 234).

Касимовское царство основалось случайно. Великій князь Василій III, желая противопоставить кого либо изъ

*

Татаръ опасному хану Казанскому, и имѣя у себя подъ руками выѣзжаго царевича Казанскаго, Касима, пожаловалъ ему въ удѣлъ Мещерскій городокъ на Окѣ, назвавшійся въ послѣдствіи въ честь Касима, Касимовымъ.

Точно также случайно упрочилось и существованіе царства. По мѣрѣ того какъ власть Русская стала возрастать, начали зачастую выѣзжать къ намъ цари и царевичи Татарскіе. Нѣкоторыхъ изъ нихъ приглашало къ себѣ изъ политическихъ видовъ Русское правительство; другіе приходили сами искать убѣжища или помощи. Государи Московскіе, обязанные при тогдашнихъ обстоятельствахъ честить и содержать всѣхъ этихъ заѣзжихъ гостей, придумали, для своего же облегченія, раздавать имъ города въ удѣлъ или въ кормленіе. Такихъ городовъ было много: Серпуховъ, Звенигородъ, Кашира, Юрьевъ, Сурожикъ управлялись въ различныя времена ханами и султанами. Въ число городовъ этихъ попалъ и Касимовъ. Нигдѣ не упрочилась власть Татарскихъ царей и царевичей: посидитъ въ Серпуховѣ, Звенигородѣ или другомъ мѣстѣ ханъ или султанъ, отѣдетъ, или умретъ, и тѣмъ дѣло кончится. Въ Касимовѣ же вышло иное: городъ пусть не оставался. Причины тому понятны. Касимовъ заселенъ былъ издавна Татарами и иновѣрцами; по этому и выѣзжіе къ намъ цари и царевичи охотились преимущественно на него. Въ добавокъ, и государямъ Московскимъ было выгодно въ извѣстную эпоху, имѣть постоянно въ Касимовѣ преданнаго хана или султана, для противо-

дѣйствія Казани и другимъ сосѣднимъ землямъ Татарскимъ.

Случайность, съ которою образовалось царство Касимовское, и исключительность его положенія въ Россіи, замѣтно отразились на его внутреннемъ бытѣ и устройствѣ. Составилось ханство своеобразное, рѣзко отдѣлявшееся отъ другихъ царствъ Татарскихъ, основавшихся на развалинахъ Золотой орды. Не было въ немъ даже особой династїи царей. Владѣльцы назначались исключительно по выбору Московскихъ государей, которые руководствовались въ этомъ случаѣ своими политическими соображеніями. Сынъ рѣдко наследовалъ отцу; цари даже не всегда были родственниками между собой. Лишь въ послѣднее время, когда прекратился слишкомъ частый выѣздъ къ намъ царей и царевичей Татарскихъ, и самое ханство Касимовское, съ перемѣною обстоятельствъ, утратило всякій смыслъ, одна изъ линій потомства Сибирскаго хана Кучума кое-какъ удержала за собою право наследованія; сидя въ городѣ болѣе для вида, нежели для дѣла. Мало того, въ Касимовѣ самый титулъ царскій или ханскій не былъ сопряженъ со званіемъ владѣльца. Въ теченіи двухъ-сотъ лѣтъ въ Касимовѣ смѣнилось много владѣльцовъ; титуломъ же ханскимъ пользовались только тѣ изъ нихъ, которые до пожалованія имъ городка были гдѣ либо, въ Казани или въ другихъ странахъ, дѣйствительными ханами, или тѣ, которымъ право носить титулъ хана было предоставлено особымъ повелѣніемъ государя Московскаго. Съ своей стороны продолжительное пре-

бываніе въ Касимовѣ Татарскихъ хановъ и султановъ, выѣзжихъ изъ разныхъ странъ, и бдительный надзоръ Русскаго правительства, которое не дозволяло имъ ступить ни шага безъ своего вѣдома и приказанія, породили въ ханствѣ странную во многихъ отношеніяхъ смѣсь разнородныхъ Татарскихъ обычаевъ съ учрежденіями чисто Русскими.

Изучить всѣ явленія, представляемыя исторіею Касимовскаго ханства—вопросъ важный, какъ для узнанія древней Руси, такъ и для ознакомленія съ бытомъ прежнихъ Татаръ. Между тѣмъ, до сихъ поръ никто надлежащимъ образомъ не занимался разработкою этого вопроса. Объ исторіи Касимовскаго царства писано было немного; да и то немногое, что было сдѣлано, полно ошибокъ. Отъ чего произошло это — на то были причины своего рода. Свѣдѣнія, имѣющіяся о прежнемъ Касимовѣ и о тамошнихъ царяхъ, по большей части отрывочныя, до того разсѣяны по источникамъ разнаго рода, что невольно уничтожалась охота заняться предметомъ, который съ перваго взгляда казался неблагоприятнымъ. Скажемъ болѣе, въ кругу ученыхъ существовало даже мнѣніе, что матеріалы о Касимовѣ слишкомъ скудны, и что съ помощью ихъ едва ли можно притти къ какимъ либо особеннымъ результатамъ. Къ тому же чтобы возсоздать исторію Касимовскаго ханства, необходимо было взяться за это дѣло лицу, знакомому съ одной стороны съ бытомъ Руси, а съ другою — съ языками и литературою востока. Наши же оріенталисты, которые одни могли бы приняться за по-

добный трудъ, къ сожалѣнію до сихъ поръ мало обращен вниманія на исторію Татаръ въ связи съ исторією древней Руси, часто предоставляя разъясненіе всѣхъ важныхъ вопросовъ, рождающихся на этой почвѣ либо иностраннымъ оріенталистамъ незнавшимъ языка Русскаго, либо Русскимъ мало свѣдущимъ въ томъ, что касается востока.

Недостатокъ въ ученой литературѣ относительно прежней исторіи Касимова я задумалъ пополнить. Цѣлью себѣ я поставилъ прослѣдить исторію Касимовскаго ханства отъ начала до конца. Трудъ мой совершенно оконченный рѣшаюсь нынѣ представить на судъ отечественныхъ ученыхъ.

Въ моемъ трудѣ я собралъ въ одно цѣлое все что только могъ найти о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, и о самомъ Касимовѣ и тамошнихъ Татарахъ за періодъ времени существованія ханства. Эпохи предшествовавшей учрежденію царства и послѣдовавшей за его уничтоженіемъ, коснулся я только въ немногихъ словахъ. Иначе мнѣ привелось бы отдалиться отъ моей задачи, и углубиться въ такого рода розысканія, которыя сами по себѣ могутъ составить предметъ отдѣльнаго и обширнаго сочиненія. Такимъ образомъ вопросъ, по существу своему весьма важный, о народахъ обитавшихъ въ прежней Мещерѣ, и о первобытномъ состояніи этого края, оставленъ мною за недостаткомъ времени и мѣста почти нетронутымъ.

Собралъ я о Касимовскомъ царствѣ свѣдѣній много. Доказательствомъ уже служить самый объемъ моего

сочиненія. Признаюсь откровенно, приступая къ труду, я и самъ не думалъ отыскать столь большого числа свѣдѣній разнородныхъ и частью совершенно новыхъ. Тѣмъ не менѣе, при всей добросовѣстности, съ которою я старался выполнить возложенную на себя задачу, я еще далеко не исчерпалъ всего предмета. *Во первыхъ*, я могъ легко упустить изъ виду, или забыть нѣкоторые факты, даже нелишенные значенія. *Во вторыхъ*, сочиненіе мое во многихъ отношеніяхъ неполно. Такъ собственно о Касимовѣ и о Татарахъ тамошнихъ, въ особенности же объ образѣ управленія Касимова при ханахъ, и вообще обо всемъ что имѣетъ связь съ внутреннею жизнью народа, я сравнительно собралъ мало данныхъ. По этимъ вопросамъ, едва ли не важнѣйшимъ изъ всѣхъ, не достало у меня источниковъ и матеріаловъ. Собственное сознаніе въ неполнотѣ моего сочиненія и принудило меня дать ему болѣе скромное заглавіе: «Ислѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царицахъ». Былъ бы весьма радъ, если бы кто либо со временемъ открывъ новыя данныя, взялся дополнить и улучшить трудъ мой. Буду и тѣмъ доволенъ, если за мною останется тогда одно достоинство первой попытки въ дѣлѣ, остававшемся до меня непочатымъ.

Источниковъ служившихъ для составленія моего труда, я здѣсь не указываю подробно, потому что въ концѣ сочиненія приложенъ будетъ особый и полный списокъ всѣхъ источниковъ и сочиненій, которыми я руководствовался при моихъ изслѣдованіяхъ и розысканіяхъ. Въ настоящемъ случаѣ ограничусь только

указаніемъ трехъ источниковъ любопытныхъ, которые были предоставлены въ мое распоряженіе Императорскимъ Археологическимъ Обществомъ, и хранятся въ его библіотекѣ.

1) *Башмаковская разрядная книга*, означенная у меня подъ сокращеніемъ: *Башм. разр. кн.* Она принадлежала нѣкогда Марку Григорьевичу Башмакову, и прислана была Обществу изъ села Святова (Владимірской губерніи Переяславскаго уѣзда) священникомъ Цвѣтковымъ; ее разсматривалъ и описалъ покойный М. А. Коркуновъ (Извѣстія Импер. Археол. Общ. Т. I. стр. 228—231).

2) *Собрание снимковъ и копій съ надписей на надгробныхъ памятникахъ, упомянутыхъ въ Касимовѣ*. Собрание это составлено было въ 1860 г. Членомъ-сотрудникомъ Общества и преподавателемъ Татарскаго языка при С. Петербургскомъ Университетѣ, даровитымъ и опытнымъ въ дѣлѣ разбора и чтенія старинныхъ Татарскихъ надписей, муллою Хусейномъ Фейзъ-хановымъ. Мулла Хусейнъ ѣздилъ нарочно лѣтомъ 1860 г. въ Касимовъ, по порученію Общества. Прибывъ въ городъ, онъ внимательно осмотрѣлъ всѣ мѣста, гдѣ могли сохраниться памятники временъ царей и царевичей. Труды его не остались безплодны: ему удалось найти довольно значительное число надгробныхъ памятниковъ и камней, съ Арабско-Татарскими надписями. Съ надписей хорошо сохранившихся онъ снялъ снимки, съ другихъ же списалъ точныя копія. Нѣкоторыя изъ надписей, снятыхъ и списанныхъ муллою Фейзъ-хановымъ, были

уже извѣстны ученому міру, но въ Русскихъ старинныхъ переводахъ, болышею частью ошибочныхъ; всѣ же остальные надписи совершенно новы. Мнѣ тѣмъ пріятнѣе заявить о счастливомъ результатѣ трудовъ мудлы Хусейна, что самая поѣздка его въ Касимовъ была совершена по предложенію сдѣланному мною въ Обществѣ (Извѣстія Импер. Археол. Общ. Т. II, стр. 395; Т. III, стр. 175, 511, 512). *).

3) *Бумаги И. С. Гагина*. Гагинъ былъ мѣщанинъ Касимовскій и имѣлъ врожденную страсть къ чтенію и занятіямъ. Онъ родился въ 1770 г., жилъ безвыѣздно въ Касимовѣ и скончался въ преклонныхъ лѣтахъ 1-го октября 1844 г. Жизнь его описана М. П. Погодинымъ въ статьѣ: «Житейская мудрость», напечатанной въ журналѣ: «Сельское Хозяйство» (№ 1, 1860. Смѣсь, стр. 10, 11). Гагинъ оставилъ по себѣ большую связку собственныхъ своихъ рукописныхъ сочиненій, и разнаго рода выписокъ и плановъ, касающихся болышею частью Касимова. Бумаги эти перешли съ начала къ К. И. Арсеньеву, а потомъ къ М. П. Погодину. Въ ноябрѣ 1860 г. Археологическое Общество, имѣя въ виду, что я уже занимаюсь изслѣдованіемъ о Касимовѣ, обратилось къ М. П. Погодину, съ просьбою передать въ распоряженіе Общества означенныя бумаги, въ томъ случаѣ, если онъ самъ не думаетъ дать имъ другаго какого нибудь назначенія. М. П. Погодинъ,

*) Въ моемъ сочиненіи въ описаніи памятниковъ найденныхъ муллою Фейзъ-хановымъ, звездочкою отмѣчены тѣ изъ нихъ, снимки съ которыхъ имѣются въ Обществѣ.

съ свойственною ему любезностію, исполнилъ просьбу Общества, и тотчасъ же переслалъ все бумажы Гагина. Собственныя сочиненія и изслѣдованія Гагина все писаны языкомъ тяжелымъ, и ничего новаго и полезнаго не представляютъ; но между выписками и планами находится нѣсколько документовъ и чертежей любопытныхъ (Извѣстія Импер. Археол. Общ., Т. II, стр. 377, 378 и Т. III, стр. 165 — 167).

Система мною, при составленіи труда, принята была слѣдующая. Сочиненіе расположено въ хронологическомъ порядкѣ, по временамъ управленія царей и царевнечей. При каждомъ сообщаемомъ фактѣ сдѣлана ссылка на источникъ: указаны не только страницы и листы, но приведены, по большей части, цѣликомъ и подлинныя выписки. Если нѣсколько источниковъ говорятъ объ одномъ и томъ же фактѣ, то выписка приведена мною изъ того, который мнѣ казался наиболѣе полнымъ или вѣрнымъ; на остальные же источники сдѣлана ссылка съ указаніемъ всехъ важнѣйшихъ вариантовъ. Въ томъ случаѣ, когда обозначать все варианты было бы черезъ-чуръ обременительно, приведены мною цѣликомъ подлинныя же выписки и изъ всехъ источниковъ. Выписки и варианты должны были, конечно, увеличить объемъ сочиненія, но я не считалъ себя въ правѣ поступить иначе. Имѣя подлинныя выписки подъ рукою, читатель можетъ во всякое время проверить трудъ мой; проверка же въ такомъ новомъ дѣлѣ какъ мое, необходима. Ссылки, выписки и варианты помѣщены, по большей части, въ

примѣчаніяхъ, напечатанныхъ особымъ мелкимъ шрифтомъ, и, для удобства читателя, вставленныхъ въ промежутокъ моего текста, подъ тѣми самыми мѣстами, къ которымъ онѣ относятся. Въ примѣчанія же включены мною и всѣ тѣ объясненія, разсужденія и замѣтки, которыя не прямо относятся къ изслѣдуемому мною предмету, и по этому не могли войти въ составъ основнаго текста.

Въ розысканіяхъ о Касимовѣ, приходилось мнѣ довольно часто встрѣчаться съ вопросами, тѣсно связанными съ исторіею Золотой Орды, Крыма, Казани, Астрахани и вообще Средней Азіи. Вопросовъ этихъ я не избѣгалъ, а старался напротивъ разъяснить ихъ, по мѣрѣ возможности и моихъ силъ. Я признавалъ это тѣмъ болѣе полезнымъ, что исторія Татаръ и Средней Азіи вообще мало извѣстна, и что всякое новое розысканіе по этой части, какого бы оно рода ни было, лишь бы основано было на вѣрныхъ данныхъ и приводило къ точнымъ результатамъ, составляетъ пріобрѣтеніе для науки.

Особенное вниманіе обращено мною на родоприсхожденіе Касимовскихъ царей и другихъ хановъ и султановъ, о которыхъ мнѣ доводилось говорить. Смѣю надѣяться, что въ этомъ отношеніи труды мои не остались совершенно безплодными. Новаго при этомъ открылось много. Такъ, между прочимъ, разбирая происхожденіе хана Касимовскаго Уразъ-Мухаммеда, бывшаго султана Киргизъ - Кайсацкаго, мнѣ удалось вывести не только подробную и точную его родословную, но опре-

дѣлать вмѣстѣ съ тѣмъ начало и постепенное развитіе всей династїи хановъ и султановъ Киргизъ-Кайсацкихъ, потомки которыхъ существуютъ до нынѣ въ Кайсацкихъ ордахъ Оренбургскаго и Сибирскаго вѣдомствъ. Вопросъ этотъ былъ спорнымъ; даже многіе оріенталисты сомнѣвались въ возможности найти для его разрѣшенія какія либо положительныя данныя. — Для облегченія читателей, родословныя таблицы всѣмъ ханамъ и султанамъ, происхожденіе которыхъ объяснено мною, будутъ приложены въ концѣ сочиненія.

Въ настоящую минуту я предлагаю читателямъ первую часть моего труда. Часть эта заключаетъ въ себѣ исторію Касимова при первыхъ восьми владѣльцахъ, отъ Касима до Шахъ-Алія включительно, отъ 1446 до 1567 г. Рисунки, слѣдующія къ этой части приложены, вмѣстѣ съ прочими, въ концѣ книги.

В. Вельяминовъ - Зерновъ.

С. Петербургъ.

24-го марта 1863 года.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ
О КАСИМОВСКИХЪ ЦАРЯХЪ
И
ЦАРЕВИЧАХЪ.

I.

НАСИНЪ (قاسم).

Осенью 1445 года сложилось царство Казанское.
Сынъ Улу-Мухаммеда (اولو محمد) — бывшего хана

¹) Улу-Мухаммедъ называется и Улугъ-Мухаммедомъ. Улу (اولو), тоже что улугъ (اولوغ), значить по Татарски: большой. Въ Русскихъ лѣтописяхъ ханъ этотъ зовется обыкновенно или Улу-Махметъ, или просто Махметъ; иногда (*Ник.* V, 136; *Врм.* I, 297), хотя рѣдко и вѣроятно по ошибкѣ, пишется онъ также: Махмутъ. Махмудомъ же (Махмудомъ) зовется онъ и въ одной Татарской рукописи, выписка изъ которой сообщена Фуксомъ въ его Краткой исторіи города Казани (Казань. 1817, стр. 42); вѣроятно по этому и Фуксъ (на стр. 27) называетъ его Махмудомъ (محمد).

Золотой Орды, изгнаннаго оттуда — Махмутекъ (محموتک) ²⁾ убилъ Казанскаго вотчича князя Али-бика

²⁾ Фукусъ (Краткая исторія города Казани, стр. 27), основываясь на одной Татарской рукописи, пишетъ Мамтякъ (ممتک). Мамтякъ есть сокращеніе отъ имени Махмутекъ, которое въ свою очередь ничто иное какъ уменьшительное отъ извѣстнаго имени Махмудъ. Махмутекомъ названъ сынъ Улу-Мухаммеда въ *Сб. лт.* (см. ниже, пр. 3).

(علی بیک), овладѣлъ городомъ, и чрезъ то положилъ начало новому ханству и новой династіи царей. Воспоминаніе объ этомъ событіи сопряжено съ памятью о преступленіи: Махмутекъ убилъ отца и меньшаго брата своего Юсуфа (یوسف) ³⁾.

³⁾ *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 114: Тое же осени (6954 г.) царь Мамотякъ, Улу Магметевъ сынъ, взялъ городъ Казань, вотчича Казанскаго князя Либѣя убилъ, а самъ сѣлъ въ Казани царствовать (*Врм.* II, 9). *Ник.* VII, 233: А царь Мамутякъ пришедъ изъ Курмыша Казань взялъ, а казанскаго князя Азыя убилъ, а самъ на Казани воцарил ся, и оттоле нача царство быти казанское. *Род.* I, 26: У Улу Махмета сынъ Момотякъ; то первой Царь на Казани. *Сб. лт.* 159: اما اولوغ محمد خان نینک اوغلی محموتک: т. е. У Улугъ-Мухаммедъ-хана же сынъ Махмутекъ, пришелъ въ страну Казанскую. — Либей и Азый должно быть — одно лице. Либей, по всей вѣроятности — искаженное имя

собственное: Алл-бикъ (слово бикъ بيک—князь—пишется и произносится также: бий بی); Азый же, по моему мнѣнію—ничто иное какъ: *азы* (غازی—вонитель невѣрныхъ), прозвище, которое часто присвоиваютъ себѣ мусульманскіе владѣльцы, отличившіеся какими либо подвигомъ въ битвѣ съ немусульманами, или просто предпринимавшіе противъ нихъ войны.

Многіе писатели считаютъ основателемъ Казанскаго царства не Махмута, а отца его Улу-Мухаммеда. Первый пустилъ это мнѣніе въ ходъ Лызловъ въ своей Сибирской исторіи (Изд. второе. Москва. 1787, ч. I, стр. 86); за нимъ последовали: Рычковъ (Опытъ Казанской исторіи древнихъ и среднихъ временъ. Спб. 1767, стр. 81), Карамзинъ (V, 159) и другіе. Мнѣніе это основано на словахъ сочинителя *Ик.*, который пишетъ (стр. 26 и 27): «И вознесся сердцемъ (Улу-Мухаммедъ послѣ побѣды надъ Русскими подъ Бѣлевымъ въ 1437 г.)... и шедъ полемъ округъ, и прелѣзе Волгу рѣку, и засяде Казань пустую, Саина Царя Юрьтъ (*прим.*: мало во граде живущихъ и собирающихъ Срачины и Черемисы разные по улусомъ Казанскимъ нѣкакю живущимъ) и ради ему быша изоставшія отъ плѣна худыя *Бомаре, Казанцы*, и молиша его быти заступника бѣдамъ ихъ и отъ насилія и воеванія Руского помощника и Царству строителя, да недоконца запустѣеть, и повинущася ему. Царь же *Улу Ахметъ* (такъ сочинитель *Ик.* постоянно называетъ Улу-Мухаммеда) вселися, и постави себѣ деревянный градъ крѣпокъ на новомъ мѣстѣ крѣ-

чайшій старого, недалече отъ старья Казани, разоренныя отъ Московскія рати. И начаша ко Царю збратися мнози варвары отъ различныхъ странъ и мѣсть отъ *златыхъ орды* и *Остараханъ*, и отъ *Азова*, и отъ *Крыма*. И нача изнемогать въ то время златая орда. И уселяти и укрѣплятися въ тоя мѣсто нача *Казанъ* новая орда». Исторія о Казанскомъ царствѣ, сочиненная въ XVI ст. какимъ то Русскимъ, попавшимся въ плѣнь къ Казанцамъ и жившимъ лѣтъ 20 при дворѣ одного изъ послѣднихъ хановъ — источникъ, которымъ надобно пользоваться съ большою осторожностью. Въ ней рассказывается множество басень и небылицъ; года часто перепутаны и происшества искажены; авторъ, какъ видно, писалъ на память, мало заботясь о томъ, что у него выйдетъ изъ подъ пера. Въ настоящемъ случаѣ, когда дѣло идетъ о томъ кто правъ: авторъ ли *Ик.*, который утверждаетъ, что *Улу-Мухаммедъ* занялъ почти пустую Казань около 1437 г. и основалъ въ ней новое царство, или другіе указанные мною источники, гдѣ сказано напротивъ, что *Казань*, управляемая особами княземъ, была, осенью 1445 г., взята силою сыномъ *Улу-Мухаммеда Махмутекомъ*, который и сдѣлался въ ней первымъ царемъ — мнѣ кажется, нѣтъ ни какой причины отдавать преимущество *Ик.*, плохому авторитету, предъ другими сочиненіями, заслуживающими гораздо большаго довѣрія. Мало того, даже по смыслу лѣтописей, хотя въ нихъ нигдѣ, кромѣ приведеннаго мною мѣста изъ *Ник.*, и не говорится положительно: когда и кѣмъ

(отцомъ или сыномъ) основано въ Казани ханство, заключить можно, что Улу Мухаммедъ не владѣлъ Казанью. Для этого очертить по свидѣнiямъ сохранившимся у лѣтописцевъ, жизнь Улу-Мухаммеда со времени побѣга его изъ Золотой Орды. Изгнанный царь бѣжалъ въ 1437 г. къ Бѣлеву. Здѣсь онъ выстроилъ себѣ городокъ, думая прозвонмать въ немъ. Великій князь Василій, которому это сосѣдство не очень нравилось, захотѣлъ было выжить его оттуда, и послалъ противъ него многочисленное войско, но оно было разбито. Въ 1439 г. Улу-Мухаммедъ явился подъ стѣнами Москвы, выжегъ посадъ, и простоявъ 10 дней, отступилъ. Зимой 1444 г. ханъ былъ у Нижняго Новгорода (*Сох. 2 лѣт. П. С. Р. Л. VI, 170 [Сер. II, 44]* прибавляетъ «и хотѣ ту зимовати», *Лѣ II, 327*—«и хотѣлъ зимовать тамо»), послѣ крещенія 1445 г. ходилъ на Муромъ, и былъ принужденъ бѣжать. Весною того же года отправилъ онъ противъ великаго князя двухъ сыновей своихъ: Махмутека и Якуба. Василій выступилъ къ нимъ на встрѣчу, попался въ плѣнъ въ знаменитой битвѣ 7 июля близъ Евсѣимьева монастыря и былъ отведенъ къ хану въ Нижній. Августа 25-го Улу-Мухаммедъ съ сыновьями и съ ордою двинулся изъ Нижняго къ Курмышу. Здѣсь 1-го октября великій князь получилъ отъ хана и сына его Махмутека свободу. (Въ *Арх. 128* значитса очевидно по ошибкѣ, что Василій былъ выпущенъ Махмутекомъ изъ Казани: «Октябрь въ 26 день... князь великій Василей Васильевичъ приде изъ Казани отъ царя Маматака»). Вотъ

вернуть все что мы знаемъ изъ лѣтописей объ Улу-Мухаммедѣ. Только въ одной *Арх.* 127, всего разъ, при описаніи похода, предпринятаго весною 1445 г. Махмутекомъ и Якубомъ, сказано: «того дни приде изъ *Казани* рать изгономъ Маматакъ царь да Ягубъ Салтанъ»; въ остальныхъ же лѣтописяхъ за все время жизни Улу-Мухаммеда, о томъ чтобы онъ или сыновья его когда либо приходили изъ *Казани*, либо приводили съ собою *Татаръ Казанскихъ* и помина вѣтъ: Казань какъ будто для нихъ и не существовала. Отъ чего же это—такъ, если ханъ дѣйствительно послѣ Бѣлевской битвы, какъ пишетъ авторъ *Ик.*, завладѣлъ Казанью? Чѣмъ объяснить это молчаніе? На *Арх.* полагаться нельзя: *во первыхъ*, по ней и великій князь Василій, получивъ свободу, вышелъ изъ Казани; а *во вторыхъ*, по *Црв.* и *Ник.* Махмутекъ и Якубъ весною 1445 г. приходили не изъ Казани, а изъ Нижняго (*Црв.* 267, 268 [*Ник.* V, 197]: Тое же весны приде вѣстъ къ великому Князю Василью Васильевичу на Москву, что отпустилъ на него Царь Улумахметъ, дѣтей своихъ Мамутака, да Ягуба изъ *Нова города изъ нижняго и стараго, и дѣи судяше*), и это показаніе должно быть вѣрно, потому что Улу-Мухаммедъ, какъ мы видѣли, чуть ли не весь 1444,5 годъ провелъ подъ Нижнимъ. Что значать также выраженія *Согб.* 2 *лт.* и *Ле.*, о которыхъ я упомянулъ выше: «и хотѣ ту зимовати, «и хотѣлъ зимовати тамо (въ Нижнемъ)»? Если бы ханъ видѣлъ столицю Казань, что за нужда была бы ему ходить въ Нижній и искать зимовки?—пришелъ бы

онъ просто воевать городъ, безъ всякой преднамѣренной цѣли. Въ Црв. 266, 267 (Ник. V, 196, 197) къ тому что сказано какъ тамъ такъ и въ другихъ лѣтописяхъ объ Улу-Мухаммедѣ, и что уже изложено нами вкратцѣ, прибавленъ еще, по случаю описанія войны хана въ 1444,5 г., небольшой очеркъ его жизни съ самой минуты его побѣга изъ Золотой Орды. Приведу этотъ очеркъ въ подлинникѣ: «А тогда Князь великій Василей Васильевичъ, пошелъ.... противу Царя Улу-махмета. Пришедъ бо *сѣмъ въ Новъ городъ въ нижнемъ старомъ* (объ этомъ только въ Црв. и Ник.): прежде бо сего и съ поля согнанъ съ большія орды отъ брата своего Кичи Ахмета. И прииде къ Белеву, и сядеся въ Белевѣ, и Князь великій послалъ на него Князей и бояръ и Воеводъ своихъ. И Богъ попустилъ за грѣхи наша, многихъ нашихъ Татарове побили, а Татаръ было тогда добръ мало. Изъ Белева поиде Царь къ Нову городу къ нижнему, и *засиде Новъ городъ нижней старой*. И тако много зла отъ него бываше и *изъ Новогорода изъ нижнею изъ старую* поиде къ Мурому. Слышавъ же то Князь Великій Василій Васильевичъ, и взя крещеніе въ Владимирѣ. И поиде противу его со всею братьею, и со всіми людьми къ Мурому: Царь же Улумахметъ слышавъ возвратися бѣгомъ *къ Нову городу къ нижнему къ старому, въ немъ же жилише*». Здѣсь лѣтописецъ прямо даетъ чувствовать что, по его мнѣнію, Улу-Мухаммедъ съ самаго побѣга изъ Золотой Орды вплоть до весны 1445 г. *жилъ постоянно въ Нижнемъ Новогородѣ*.

Ужь не было ли это за правду такъ? Изгнанный ханъ не избралъ ли себѣ мѣстопробываніемъ Нижній Новгородъ, и не старался ли въ немъ укрѣпиться и создать себѣ столицу, о Казани вовсе не думая?

Послѣ 1-го октября 1445 г. проведеннаго въ Курмышѣ, объ Улу-Мухаммедѣ нигдѣ въ лѣтописяхъ болѣе не упоминается ни разу, а въ *Вскр.*, *Врм.* и *Ник.* сказано, что осенью того же 1445 г. Махмутекъ, придя изъ Курмышя, овладѣлъ Казанью, сталъ царствовать тамъ, и чрезъ то, прибавляетъ *Ник.*, положилъ основаніе ханству Казанскому. Что же сдѣлалось съ Улу-Мухаммедомъ? Въ *Ик.* (стр. 27, 28) читаемъ: «И до самого дойде (Улу-Мухаммедъ) царствующаго града Москвы на другое лѣто *бѣлевского* побоища Юня въ 3 день, и позже около Москвы великія посадки, и христіанского народу много изсече, и въ полонъ сведе, градаже невзя, но дань взя на воя своя, и отъ иде и умре въ Казани съ меньшимъ сыномъ своимъ съ *Яуномъ* (въ спискахъ *Ик.*, которыми руководствовались Карамзинъ [пр. 354 къ Т. V] и Рычковъ [Опытъ Казанской исторіи, стр. 82] стоитъ: «съ *Юсупомъ*», что очевидно вѣрнѣе, потому что Якубъ, какъ мы увидимъ ниже, еще довольно долго оставался въ живыхъ), оба ножемъ рѣзаны отъ большаго сына его *Момотяка* (*приб.*: А царствова на Казани 3 лѣтъ, и приять по немъ царство Казанское сынъ его Царевичъ Момотякъ) отъ скорпіи змій остася. Сей же бысть и отца своего злѣе и ярѣе на христіяны воевати Рускія земли, яко и самого великого Князя *Василья Васильевича* Московскаго, увы все тогда Тата-

рошъ изгономъ пришедшимъ, изъ Суздаля града изыма, и вся сущія съ нимъ вой побивъ въ лѣто 5418. Юля въ 5 день и въ Казань его съ великою нечестію свеле къ себѣ и держа его у себя 14-ть мѣсяцовъ. Въ этомъ разсказѣ всѣ происшествія перепутаны до нельзя; по нему Улу-Мухаммедъ умеръ до битвы близъ Евенмьева монастыря, а Василій былъ плѣнёнъ въ царствованіе Махмутека и находился въ Казани 14 мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ мы знаемъ навѣрно, что великій князь захваченъ былъ при Улу-Мухаммедѣ, и что въ плѣну онъ жилъ только около двухъ мѣсяцевъ въ Нижнемъ и въ Курмышѣ. Но очень можетъ быть, что самый фактъ убіенія Улу-Мухаммеда, передаваемый въ разсказѣ, вѣренъ. Что нибудь да случилось съ ханомъ: не даромъ же онъ исчезаетъ въ лѣтописяхъ совершенно, и мѣсто его заступаетъ сынъ. Я себѣ объясняю дѣло такъ, что по освобожденіи Василія, Улу-Мухаммедъ, гордый одержанной побѣдой надъ Русскими, двинулся съ Махмутекомъ изъ Курмыша на Казань, съ цѣлью завоевать ее; Махмутекъ же, побуждаемый честолюбіемъ, рѣшился убить отца и выполнилъ этотъ умыслъ, либо не за долго до взятія Казани, либо не много времени спустя. Ужъ если Улу-Мухаммедъ и былъ когда либо ханомъ Казанскимъ, то развѣ объ эту пору, въ теченіи нѣсколькихъ дней.

Кто былъ Либей (Али-бикъ), вотчикъ Казанскій, котораго Махмутекъ лишилъ власти и убилъ—съ достовѣрностью рѣшить трудно. Въ выпискѣ изъ одной Татарской рукописи, помѣщенной Фукомъ въ его Краткой исторіи города Казани (стр. 40), упоминается о какомъ то Абдулѣ

ханѣ, у котораго Тимуръ взялъ въ 1390 г. Булгаръ, и о двухъ сыновьяхъ этого хана: Алтунъ-бекъ-ханѣ и Алимъ-бекъ-ханѣ, основавшихъ на мѣсто разореннаго Булгара, новый городъ—Казань. Быть можетъ, этотъ Алимъ-бекъ (عالم بيك см. Кр. ист. гор. Казани, стр. 27), о которомъ у Татаръ сохранилось преданіе—одно лице съ Либеємъ (Али-бикомъ). Замѣтимъ впрочемъ, что въ другомъ Татарскомъ сочиненіи, писанномъ подъ заглавіемъ: «Лѣтопись Булгарская (رساله تواریخ بولغاریه)» въ первой половинѣ XVI вѣка Шереф-ед-диномъ сыномъ Хисам-ед-дина (см. объ этомъ сочиненіи статью мою: Памятникъ съ Арабско-Татарскою надписью въ Башкиріи въ Трудахъ Восточнаго отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества, ч. IV. Спб. 1859, стр. 262), ханъ при которомъ г. Булгаръ былъ взятъ и разрушенъ Тимуромъ, названъ Бикъ-Чурою (بيك چوره); по словамъ той же лѣтописи, новою Казанью, основавшеюся послѣ паденія Булгара (*старой Казани*), управлялъ чѣкто Ильгамъ ханъ (الهام خان). Здѣсь не излишне присовокупить, что взятіе Тимуромъ г. Булгара—по всей вѣроятности, одно лишь преданіе; по крайней мѣрѣ историки Тимура не говорятъ ни слова объ этомъ событіи (В. В. Григорьевъ. Волжскіе Булгары, въ Библиотекѣ для Чтенія, 1836. Т. XIX. Отд. III, стр. 24). О г. Булгарѣ и рядомъ съ нимъ о Казани въ первый разъ—говорится въ нашихъ лѣтописяхъ подъ 1399 г. Русскіе взяли въ этомъ году Булгаръ, Жукотинъ, Казань и Кременчукъ. Карамзинъ (V, 159) пишетъ, что въ 1399 г. Казань была опустошена Русскими, и что

за тѣмъ до прихода въ нее Улу-Мхаммеда послѣ Бѣлевскаго побѣдъ и до основанія Казанскаго ханства около 1437 г. въ теченіи 40 лѣтъ она «состояла единственно изъ развалинъ и хижинъ, гдѣ укрывалось нѣсколько бѣдвыхъ семействъ». Этими Карамзинъ старался пояснить слова сочинителя *Ик.*: «И засяде (Улу-Мухаммедъ) Казань пустую... мало во граде живущихъ и собирающихъ Срацынъ и Черемисы разные по улусомъ Казанскимъ нѣкако живущимъ». Въ лѣтописяхъ нигдѣ не сказано, чтобы Русскіе въ 1399 г. разрушили Казань до тла, а написано просто, что войска наши взяли Казань и другіе города, и захватили богатую добычу, и что походъ этотъ длился три мѣсяца (*Соб. 2 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 130, *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 72, *Лв.* II, 226 и *Про.* 213 подъ 6907 = 1399 г.; *Ник.* IV, 267 и *Врм.* I, 291 подъ 6904 = 1396 г.).

Объ эту пору въ землѣ Черкасской появились два брата Махмутековы, сыновья Улу-Мухаммеда—Касимъ (قاسم) и Якубъ (يعقوب)⁴⁾. Лѣтописцы не объясня-

⁴⁾ Касимъ упоминается при этомъ случаѣ въ первый разъ нашими лѣтописцами; объ Якубѣ же говорится и раньше, а именно при взятіи въ плѣнъ великаго князя Василія (см. выше, пр. 3).

ють какъ это случилось, но по всей вѣроятности царевичи бѣжали отъ Махмутека, изъ опасенія чтобы онъ, умертвивъ отца и брата, не убилъ и ихъ. Пробывъ нѣсколько времени въ землѣ Черкасской,

Касимъ и Якубъ рѣшились идти далѣе и отправиться въ Россію къ великому князю Василию. Государь тототъ и прежде бывалъ къ нимъ добръ⁵⁾; къ тому же

⁵⁾ Царевичи, явившись въ предѣлы Русскіе, сами говорили, что они «пошли искати великаго князя за прежнее его добро и за его хлѣбъ, много бо добра его было до насъ» (см. ниже, пр. 7). Не было ли прежде еще при жизни Улу-Мухаммеда до послѣдняго похода его на Россію, какихъ либо сдѣлокъ между Василиемъ и сыновьями ханскими? Великому князю былъ прямой расчетъ привлекать на свою сторону царевичей. А быть можетъ и то, что въ словахъ Касима и Якуба заключался намекъ на пребываніе Василія въ плѣну. Припомнимъ что Якубъ былъ одинъ изъ султановъ, плѣнившихъ великаго князя. Не сошелся ли объ эту пору Василій съ Касимомъ и съ его братомъ; не оказали ли они какихъ нибудь услугъ ему, и онъ съ своей стороны не обѣщалъ ли покровительствовать имъ въ случаѣ нужды?

дворъ его вообще былъ открытъ для царевичей Татарскихъ⁶⁾, а теперь и случай ѣхать въ Россію пред-

⁶⁾ Еще до плѣненія Василія въ 1445 г. находились у него на службѣ царевичи, изъ коихъ одинъ назывался Бердыдадь (*Арц.* II, к. III, стр. 194, № 1363). Арцыбышевъ пишетъ Бердерать; такого имени Татарскаго не существуетъ; въ *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 112 и *Сер.* II, 46 стоитъ правильно: Бердѣдять. Имя Бердыдадь (بيردی داد) употребительно у Татаръ.

ставился удобный: великое княжение Московское сделалось въ послѣднее время предметомъ спора между Шемякою и Василиемъ. Царевичи, сопровождаемые толпою Татаръ своихъ, могли очень кстати явиться на помощь государю. Какъ было рѣшено, такъ и сдѣлано. Вступивъ въ предѣлы Русскіе, осенью 1446 г., Касимъ и Якубъ пустились искать великаго князя. Василий, уже ослѣпленный, шелъ тогда съ ратью на Москву противъ Шемяки, изъ Вологды, которую онъ только что получилъ въ удѣлъ, вмѣстѣ съ свободой, отъ своего противника. Въ Ельнѣ царевичи съ своими Татарами наѣхали нечаянно на подкрѣпленіе, которое вели изъ Литвы къ Василию же князь Василий Ярославичъ Боровскій, князя Рязанскіе, князь Иванъ Стрига Оболенскій, и Федоръ Басенокъ. Толпы, поровнявшись и не подозрѣвая что онѣ обѣ принадлежатъ къ одной партіи, стали готовиться къ битвѣ, и завязали даже перестрѣлку. Вскорѣ недоразумѣніе разъяснилось. — «Вы кто?» окликнули Татары. — «Мы Москвичи», отвѣчали Русскіе, «идемъ съ княземъ Василиемъ Ярославичемъ искать государя нашего великаго князя Василия Васильевича, о которомъ слышно, что онъ уже выпущенъ Дмитриемъ. А вы кто?» — «Мы», возразили Татары, «пришли изъ Черкасской земли съ двумя сыновьями Мухаммедовыми, съ Касимомъ и Якубомъ. Царевичи наши провѣдали о злѣ, которое учинили надъ Василиемъ его братья, и идутъ теперь къ нему на помощь, помня какъ онъ въ прежнія времена бывалъ къ нимъ добръ».

Русскіе, признавъ Татаръ за союзниковъ, соединились съ ними и двинулись вмѣстѣ искать великаго князя. Отрядъ князя Боровскаго настигъ Василія въ Угличѣ, царевичи же съ своею толпою явились къ нему, по словамъ однихъ лѣтописцевъ тоже въ Угличѣ, а по словамъ другихъ — въ Ярославлѣ ⁷⁾).

⁷⁾ *Согр.* 2 *лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 177, 178 (г. 6955): Пришедшимъ же имъ въ Елну, и ту срътошася съ ними Татарове, и начаша межи себе стрѣляти, посемъ же начаша Татарове Руси кликати: «вы кто естѣ?» Они жѣ отвѣщаша: «Москвичи, а вдемъ со княземъ Васильемъ Ярославичемъ искати своего государя великаго князя Василья Васильевича, сказываютъ его выпущена; а вы кто есте?» Татарове же рекоша: «а мы пришли изъ Черкасъ съ двѣма царевичи, Махметевыми дѣтми, съ Касымомъ да съ Ягупомъ; слышали бо про великаго князя, что братія надъ нимъ израду учинили, и они пошли искати великаго князя за прежнее его добро и за его хлѣбъ, много бо добра его было до насъ». И тако же спедшеся и укрѣпившеся межи себе и пондоша вкупѣ ищущи великаго князя, како бы помощи ему... А князь велики... пришедъ ста подъ Угличемъ... приде же къ нему князь Василей Ярославичъ тутю... И оттолѣ понде князь велики къ Ярославлю, и ту придоша къ нему царевичи Касымъ да Ягупъ (*Сер.* II, 57 — 59; *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 120, 121; *Црв.* 290 — 293; *Врм.* II, 16 — 18; *Ник.* V, 212, 213, гдѣ вмѣсто: «а мы пришли изъ Черкасъ съ двѣма царевичи, Махметевыми

дѣти, съ Касимомъ да съ Ягупомъ» стоитъ: «а мы пришли изъ Черкасъ со двема царевичема дѣти, с Касимомъ да съ Ягупомъ»; *Башм. разр. кн.* подъ 6955 г., гдѣ эти же самыя слова замѣнены слѣдующими: «а мы пришли изъ Черкасъ со двема царевичи Махметовыми дѣти съ Касимомъ да съ Ягупомъ». *Ст. II, 19, 20*: И во Елтъ срътошася съ ними (кн. Вас. Ярославичемъ и пр.) Татарове со двема Царевичема, Махметовыми дѣти, съ Казымомъ да съ Ягупомъ. Тако же придоша изъ Черкасъ, искати Великаго Князя, и служити ему за его прежнее добро, и укрѣпившеся единомысленно вси вкушѣ, поидоша искати Великаго Князя, еже служити ему... а самъ (Василій) пришедь ко Угличу и взять его. И ту приде къ нему Князь Василій Ярославичъ... и оттолѣ приде въ Ярославль, и тамо придоша къ нему Царевичи Казымъ да Ягупъ. *Собр. 4 лѣт. II. С. Р. Л. V, 269* (г. 6955): Князь же великій поиде къ Твери, и вся сила Московская съ всеѣ страны къ Твери къ великому князю, изъ Литвы приде князь Василей Ярославичъ, князь Семень Оболенскій, князь Иванъ Рязановскій, Феодоръ Басевъ, и иныхъ бояръ много и князей и воеводъ много, дѣтей боярскихъ множество, и царевичи два Трегубъ - Касымъ и Ягупъ, и наѣхаша великого князя на Угличь (ср. оконч. акад. списка *Носл. 4 лѣт. II. С. Р. Л. IV, 134*, и окончаніе ея въ хронографѣ, тамъ же стр. 146; изъ нихъ въ акад. списокѣ недостаетъ послѣднихъ словъ: «и наѣхаша великого князя на Угличь», въ обѣихъ же мѣстахъ царевичи названы:

Трегубъ Кансымъ и Ягубъ; въ другихъ спискахъ той же *Нов. 4 лѣт.* П. С. Р. Л. IV, 126 стоитъ коротко: «Въ лѣто 6956 [а также и 6955] Князь великій Василей выбѣже во Тферъ, и прїѣхаша къ нему князи, и бояре, и Татари»). *Арх.* 130, 131 (г. 6955): Слышавше же то въ Литвѣ князя великаго дворяне, что князь великій Василей Васильевичъ во Твери садится на конь, скоро прїидоша къ нему князь Василей Ярославичъ, князь Семень Оболенскій, князь Иванъ Рязановскій, Феодоръ Басенокъ и съ своими дворами, и вси князи и бояре, и воеводы, и дѣти боярскіе, многое множество приде; а царевича два Кайсимовы Трегубъ и Ягубъ еще на Угличѣ наѣхали, да съ нимъ и во Тверь пришли. *Лѣт.* II, 342 (г. 6954): Великій Князь со Княгинею и съ дѣтьми побѣжалъ во Тверь, и прїиде вся сила Московская со всѣхъ странъ къ Твери къ Великому Князю съ Литвою прїиде Князь Василій Ярославичъ, да Князь Иванъ Рязановской и Феодоръ Басенокъ, да три царевичи, Трегубъ, Кансымъ, Ягубъ, и иные князи и бояре, и дѣтей боярскихъ много.

При чтеніи этихъ выписокъ нельзя не обратить особеннаго вниманія на встрѣчающееся въ нихъ имя Трегубъ: «царевича два Трегубъ Кансымъ и Ягубъ», «царевича два Кайсимовы Трегубъ и Ягубъ», «три царевичи, Трегубъ, Кансымъ, Ягубъ». Я не берусь объяснить значеніе слова Трегубъ: передѣланное ли это на Русскій ладъ какое либо Татарское имя (напр. Тенгрикуль — *تنگری قول*), или простое прозвище, данное Русскими по созвучію съ словомъ Якубъ. Утвердительно

можно сказать только то, что имя или прозвище Трегубъ носилъ Касимъ. Думать нельзя, чтобы Трегубомъ назывался какой либо особый отъ Касима и Якуба третій царевичъ, выѣхавшій съ ними вмѣстѣ въ Россію. Всѣ лѣтописи, за исключеніемъ одной *Ле.*, утверждаютъ, что султановъ, прибывшихъ къ Василию въ 1446 г., было два. Въ доказательство того что Трегубъ и Касимъ дѣйствительно одно лице, можно привести еще мѣсто *Ник. VI, 48*, гдѣ сказано: «А съ нимъ царевичъ Даняръ Трегубовъ сынъ»; Даняръ же, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, былъ сынъ Касима. Показаніе *Арх.* будто въ Россію явились два царевича Трегубъ и Ягубъ Кайсимовы т. е. дѣти Касима—очевидно неосновательно.

Въ первый разъ по прибытіи Касима и Якуба ко двору великокняжескому, говорится о нихъ подъ 1448 годомъ. Въ договорной записи князя Дмитрія Юрьевича Шемяки и князя Можайскаго Ивана Андреевича съ княземъ Михайломъ Андреевичемъ и княземъ Боровскимъ Василюмъ Ярославичемъ о примиреніи съ великимъ княземъ Василюмъ (*Сб. юс. гр. I, № 67, стр. 150; сл. Др. Висл. I, № 47, стр. 299*) читаемъ: «А въ семь намъ перемиріе на Князя Великого Василя Васильевича, и на Князя *Михайла Андреевича*, и на Князя *Василя Ярославича*, и на Царевичевъ и на Князей на Ордыньскихъ, и на ихъ Татаръ не ити и не изгонити ихъ, не пастися имъ отъ насъ никоторого лиха, а вотчинѣ намъ Князя Великого и его братіи не чинити никоторые пакости» Хотя царевичи не поиме-

нованы, но по всей вѣроятности здѣсь рѣчь идетъ о Касимѣ и Якубѣ, и объ ихъ князьяхъ и Татарахъ⁸⁾).

⁸⁾ Если не до нихъ, то до какихъ царевичей можетъ касаться приведенное нами мѣсто изъ договорной записи? Дѣло очевидно идетъ о служивыхъ великокняжескихъ царевичахъ; мы же съ одной стороны знаемъ, что Касимъ и Якубъ выѣхали въ Россію въ 1446 г., а съ другой видимъ, что послѣ 1448 г. они одни встрѣчаются въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ числѣ слугъ Василія. Правда еще до 1445 г. были у великаго князя, какъ мы сказали выше (см. пр. 6), другіе царевичи Татарскіе, но послѣ 1445 года объ нихъ нигдѣ не значится ни слова, и куда они дѣвались—неизвѣстно: вѣроятно умерли или отѣхали.

Въ 1449 г. Касимъ и Якубъ упоминаются при двухъ случаяхъ. Съ начала великій князь Василій бралъ царевичей съ собою въ походъ противъ Шемяки⁹⁾;

⁹⁾ *Соф. 2 лѣт. П. С. Р. Л. VI, 178*: Въ лѣто 6957... (Шемяка) приде на Великъ день, и много бився подъ градомъ (Костромю)... А князь великій слышавъ то понде противу ему, возьмъ митрополита Іону съ собою, и епископы, и братію свою, и царевичевъ со всею силою; и какъ, пришедъ близъ Волги и князь великій отпусти братію свою и царевичевъ со всѣми силами: придоша на Рудино, а князь Дмитрей перевезеса Волгу на ихъ же сторону, и тако смиришася (*Сер. II, 60; Вскр. П. С. Р. Л. VIII, 122; Црв. 296, 297; Ник.*

V, 215, 216; *Врм.* II, 20). *Ст.* II, 23: Князь же Дмитрій Шемяка... приходитъ... ко граду Костромѣ на самую Пасху, и много ратовавъ, и ничто же успѣ. Великій же Князь поиде на него съ Москвы со многими силами, возьмъ съ собою и Митрополита съ Епископы, и братію свою и Царевичевъ, и дошедъ умиришася.

Разсказъ о походѣ царевичей противъ Шемяки помѣщенъ въ лѣтописяхъ почти въ слѣдъ за разсказомъ о прибытіи къ Василию Касима и Якуба, и тутъ уже не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что рѣчь идетъ дѣйствительно о Касимѣ и Якубѣ, а не о комъ либо другомъ.

а потомъ самъ Касимъ, прослышавъ что Татары поданные Седь-Ахмеда грабятъ наши предѣлы, выступилъ противъ нихъ изъ Звенигорода, разбилъ ихъ около рѣки Похры, и отнялъ у нихъ всю добычу¹⁰⁾.

¹⁰⁾ *Вскр.* II. С. Р. Л. VIII, 122: Того же лѣта (6957) скорые Татарове Седи Ахматовы придоша до Похры; и княгиню князя Василя Оболенского тогда взяли Марію, съ снохою Стефанидою, да Григоріеву жену Козлову Морозова, и много зла учинили христіаномъ, съкли и въ полонъ имали; царевичъ же Касимъ слышавъ то, иде противу ихъ изъ Звенигорода, а они розсунушася по земли, и съ конми стрѣтился, тѣхъ билъ и полонъ отымалъ; они же видѣвъ то бѣжаша назадъ (*Кар.* пр. 354 къ Т. V; *Црв.* 297 и *Ник.* V, 216, гдѣ въ обѣихъ недостаетъ словъ: «Марію, съ

снохою Стефанидою, да Григоріеву жену Козлову Морозова».

Въ 1450 и 1452 годахъ Касимъ и Якубъ снова являются на сценѣ. Въ январѣ 1450 г. участвовали они съ князьями своими, въ числѣ прочихъ войскъ Василия въ кровопролитной и пагубной для Шемяки битвѣ подъ Галичемъ ¹¹⁾. За тѣмъ въ томъ же году

¹¹⁾ *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 122, 123: Въ лѣто 6958... И слышавъ, что князь Дмитрей въ Галичѣ... князь же велики слышавъ то... начать отпущати князей своихъ и воеводъ съ всею силою своею, а болшей бысть воевода князь Василей Ивановичъ Оболенской, а прочихъ князей и воеводъ многое множество, потомъ же царевичевъ (безъ сомнѣнія Касима и Якуба; см. выше, пр. 9 и 10; помѣщенный тамъ рассказъ—въ связи съ настоящимъ) отпустилъ и всѣхъ князей съ ними. Придоша подъ Галичъ генваря мѣсяца 27... и бысть съча зла, и поможе Богъ великому князю (*Црв.* 298; *Ник.* V, 216, 217; *Соф.* 2 *лт.* П. С. Р. Л. VI, 178, 179; *Сер.* II, 61; въ послѣднихъ двухъ князь Оболенскій названъ Василюемъ Василюевичемъ, да въ *Црв.* и въ *Ник.* вмѣсто: «царевичевъ отпустилъ и всѣхъ князей съ ними» стоитъ: «Царевичевъ отпустилъ и всѣхъ Князей *ихъ* съ ними»). *Врм.* II, 21, 22: Въ лѣто 6958... Князь же великій слышавъ посла на него (Шемяку) воеводъ своихъ, князя Василя Ивановича Оболенскаго, и иныхъ князей и дѣтей боярскихъ; потомъ же и царевичевъ съ силою, и придоша подъ Галичъ Генваря въ 27 день... и бысть

съча велика, и поможе Богъ воеводамъ великаго князя. *Башм. разр. кн.* подъ 6958 г.: И уповав на Бога отпустилъ воеводъ своихъ со всею силою къ Галичю. Въ большомъ полку воевода князь Василей Ивановичъ Оболенской, потомъ же отпустилъ царевичевъ и пришли подъ Галичъ генваря въ 27 день. И князь Дмитрей Шемяка ста подъ градомъ со всею силою своею и воеводы великаго князя Василя Васильевича, и побилша войско князь Дмитрея Шемяки великаго князя воеводы, а Шемяка едва самъ утече во градъ.

подъ осень, великій князь, узнавъ что идетъ Меулимъ-бирды огланъ (имя: *موليم [مولام] بيردى*) существуетъ у Татаръ; въ простонародіи оно произносится и *Мелимъ-бирды*; слово: *موليم* составлено изъ Ар. *مولى* и Тат. *прит. мѣст. م*; Татары вообще сл. *مولى* произносятъ не *меуля* а *меули*), отрядилъ Касима съ Татарами и воеводу Беззубцева съ Коломничами. Касимъ и Беззубцевъ нагнали и разбили непріятеля у рѣки Битюга¹²⁾.

¹²⁾ *Црк. 300*: Того же лѣта (6958) бывшу Князю великому во своей отчинѣ на Коломнѣ, и прииде къ нему вѣсть, что идутъ Татарове изъ поля, Малбердей Уланъ, и иные съ ними Князи со многими Татары. Князь же великій посла противу ихъ Царевича своего Касима съ Татары да съ нимъ воеводу своего Константина Александровича Беззубцева съ Коломничи. И угодивша ихъ на Битюцѣ рѣцѣ въ полѣ, и побилша Татаръ много, а нини убѣжаша: тогда убилша Ромодана Зиновьева (*Ник. V, 217, 218*, гдѣ имя: «Малбердей» писано въ

двухъ словахъ: Малъ бердей; *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 123, гдѣ вмѣсто: «Малбердей» стоитъ: «Малымбердѣй», а Касимъ не названъ по имени, сказано просто: «и посла царевича своего»; ср. *Кар.* пр. 354 къ Т. V). *Врм.* II, 23: Тояжъ осени (6958) бывшу великому князю на Коломнѣ, и приде ему вѣсть, что идутъ изъ поля Татарове Малымъ Бердѣй Уланъ, и съ нимъ многіе князи и Татарове. Князь же великій посла противу ихъ царевича Касыма съ Татары, да съ нимъ воеводу своего Константина Александровича Беззубцева съ людьми, и утониша Татаръ на Бетюкѣ рѣкѣ, и многихъ побиха Татаръ.

Въ 1452 г. зимой, Якубъ ходилъ съ Иваномъ, сыномъ великаго князя Василя, въ погоню за Шемякою къ Кокушенгѣ и къ устью Ваги ¹⁸⁾.

¹⁸⁾ *Собр. 2 мт.* П. С. Р. Л. VI, 179, 180: Въ лѣто 6960. Приде вѣсть къ великому князю, что князь Шемяка идетъ къ Устюгу; князь же великій... поиде противу ему. Крещеніе бысть ему у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ, и оттуду поиде къ Ярославлю. Изъ Ярославля же отпусти сына своего великаго князя Ивана на Кокушенгу противу князя Дмитрея, а самъ поиде къ Костромѣ; а съ Костромы отпустилъ сниматися съ сыномъ царевича Ягупа на князя же Дмитрея... А князь велики Иванъ да царевичъ съ нимъ шедъ на Кокушенгу и гради ихъ поимаша, а землю ту всю пусту поплѣниша и въ полонъ поведоша; а ходиша до усть Ваги и до Осинова поля, и оттолѣ возвратишася назадъ вси здорови со многымъ плѣномъ и съ великою корыстью

(*Сер.* II, 62, 63; *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 125; *Црв.* 305; 306 и *Ник.* V, 224; въ обѣихъ послѣднихъ и въ выпискѣ, сообщенной у *Кар.* пр. 356 къ Т. V, вмѣсто: «отпустилъ сниматися съ сыномъ царевича Ягупа» стоитъ: «отпустилъ съ сыномъ своимъ сниматися Царевича Ягупа, Мамутякова сына», что очевидно ошибочно: Якубъ былъ не сынъ, а братъ Махмута; въ *Ник.* сверхъ того, и тоже безъ малѣйшаго сомнѣнія по ошибкѣ, вмѣсто: «на князя же Дмитрея» стоитъ: «да князяже Дмитрия»). *Врж.* II, 25: Въ лѣто 6960 ходилъ князь великій Василей воевати Новгородскіе земли зимѣ послѣ крещенія, и съ сыномъ своимъ со княземъ Иваномъ, и со царевичемъ Ягупомъ, и со многими воеводами и со всею силою, оборона Устюга отъ Князя Дмитрея отъ Шемяки; онъ же слышавъ рать великаго князя, посадъ Устюжской пожегъ, а самъ поиде прочь, и ходиша рать великаго князя до усть Ваги до Осинова поля, и градки Кокшенгу и иные поимаша, и землю всю плѣниша, и въ полонъ выведоша. *Ст.* II, 23: И потомъ второму лѣту еще не дошедшу, устремися Шемяка ратовати Устюга. Великій же Князь поиде въ Ярославль и на Кострому; а къ Устюгу посла сына своего Великаго Князя Ивана и Царевича Ягупа... Великій же Князь Иванъ тогда съ нимъ же и Царевичъ шедъ на Кокшенгу, и градки ихъ поимаша, а землю плѣниша. Ходиша же и до Устьваги и до Осинова поля, и оттолвъ возвратишася вси здрави со многымъ плѣномъ и съ великою корыстію.

Приведенные мною факты за періодъ времени отъ 1446 до 1452 г. ясно свидѣтельствуютъ о томъ,

что Касимъ и Якубъ первыя шесть лѣтъ по прїѣздѣ въ Россію прожили съ выведенными ими Татарами у насъ. Состояли же они, какъ видно, на службѣ у великаго князя, который употреблялъ ихъ въ случаѣ надобности: то бралъ съ собою въ походы, то посылалъ противъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ.

Послѣ 1452 года свѣдѣнія о Касимѣ становятся весьма скудны. Объ Якубѣ же мы рѣшительно ничего не знаемъ: онъ или умеръ, или отъѣхалъ куда либо. Между тѣмъ объ эту пору совершилась въ жизни Касима перемѣна, не только имѣвшая влияние на судьбу его, но даже, въ нѣкоторой степени, важная для Россіи. Касимъ получилъ отъ великаго князя Московскаго Городецъ (городокъ Мещерскій) на берегу рѣки Оки въ Рязанской области. Въ дѣйствительности этого пожалованія, хотя и нѣтъ на него прямыхъ доказательствъ, сомнѣваться нельзя. Въ пользу его говорятъ: и нынѣшнее названіе Городца, переименованнаго (если не при самомъ Касимѣ, то вѣроятно скорѣ послѣ него) въ честь царевича въ Касимовъ, и народное преданіе, живо сохранившееся доселѣ въ памяти жителей города изъ Татаръ, и наконецъ, какъ увидимъ ниже (стр. 33), нѣкоторыя имѣющіяся на то косвенныя письменныя указанія. Пожалованіе же Касиму Городца положило начало образованію внутри самой земли Русской удѣльнаго Татарскаго ханства, которое, состоя въ прямой зависимости отъ нашихъ государей, поддерживалось болѣе 200 лѣтъ.

Что побудило великаго князя Московскаго про-
 извести служиваго своего царевича въ владѣтельное
 лицо, и отъ чего выборъ палъ на Мещерскій горо-
 докъ, а не на какую либо другую мѣстность — мнѣ
 кажется, догадаться не трудно. Въ половинѣ XV
 столѣтія, въ эпоху выѣзда въ Россію Касима и
 Якуба, главнѣйшую опасность для насъ представляло
 конечно царство Казанское: Золотая Орда уже па-
 дала, отживая свой вѣкъ среди междоусобій; Казань
 же, только что возродившаяся, еще свѣжая силами,
 грозила захватить власть въ свои руки. Очеви-
 дно, что великому князю Московскому надо было
 изыскивать средства, какъ бы обезопасить себя отъ
 новыхъ страшныхъ непріятелей. Счастливый случай
 привелъ ко двору его двухъ царевичей, близкихъ
 родственниковъ и по видимому враговъ хана Казан-
 скаго. Нельзя же было не воспользоваться этимъ.
 Весьма легко, сама собою могла родиться мысль:
 пожаловать одному изъ царевичей городъ, и сдѣ-
 лать изъ него подвластнаго себѣ царька. Тутъ
 былъ прямой расчетъ: царька, родственника хана
 Казанскаго, всегда когда угодно, можно было напу-
 стить на Казань, не принимая на себя отвѣтственно-
 сти въ его поступкахъ; съ его же помощью не тру-
 дно было поддерживать междоусобія и безпорядки въ
 странѣ подобной ханству Казанскому, гдѣ какъ и во
 всѣхъ остальныхъ земляхъ Татарскихъ, правъ на
 престолъ не были точно опредѣлены, и гдѣ всякій ца-
 ревичъ, лишь бы онъ имѣлъ поддержку и партію, былъ

въ силахъ заявлять притязанія на верховную власть. Царекъ, выждавъ благопріятную минуту, могъ даже взобраться на престолъ Казанскій, и тогда Русскіе пріобрѣтали въ лицѣ его сосѣда, болѣе податливаго и менѣе опаснаго чѣмъ другіе ханы. А если жаловать кого либо городомъ и дѣлать себѣ гдѣ либо царька, то конечно всего ближе и лучше было дать городокъ Мещерскій. Во первыхъ, вся мѣстность кругомъ его въ Рязанской области была съ давнихъ поръ заселена: Мордвою и Мещерою (отъ чего и самый городокъ въ отличіе отъ другихъ звался Мещерскимъ), исповѣдывавшими частью язычество, частью, въ слѣдствіе близкихъ сношеній съ мусульманами — мухаммеданство; инородцевъ этихъ, скорѣе нежели Русскихъ, можно было отдать въ управленіе Татарину и мусульманину. Во вторыхъ, Городецъ на Окѣ лежалъ какъ бы на перепутьѣ между Москвою и Казанью; да и враждебные намъ Татары изъ разныхъ Ордъ, въ послѣднее время (какъ мы видимъ изъ лѣтописцевъ) все болѣе устремлялись на близлежащія мѣста: грабили по сосѣдству съ Нижнимъ, Муромомъ, и воевали съ Мордвою и Казаками Рязанскими. Царевичу изъ городка Мещерскаго было удобно во всякую минуту: и самому пробраться въ Казань, и защитить край отъ вторженій непріятельскихъ. Обстоятельство это было весьма важно.

Что Касимъ получилъ городокъ именно въ опредѣленную мною эпоху, т. е. около 1452 года—заключеніе это вывелъ я на слѣдующемъ основаніи:

Въ Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ, въ части I, на стр. 279—283, подъ № 115, напечатана договорная грамота великаго князя Ивана Васильевича и сына его великаго князя Ивана Ивановича и братьевъ его, съ великимъ княземъ Рязанскимъ Иваномъ Васильевичемъ, писанная 9 іюня 1483 года. Въ ней между прочимъ значится (стр. 280, 281): «А со Царевичемъ съ *Даньаромъ*, или кто будетъ иный Царевичъ на томъ мѣсте, не канчивати съ ними, ни съсылатися на наше лихо; а жити ти съ ними по нашему dokonчанью. А что шло Царевичю *Касыму* и сыну его *Даньару* Царевичю съ вашии земли при твоёмъ дѣдѣ при Великомъ Князи *Иванѣ Федоровичѣ* и при твоёмъ отцѣ при Великомъ Князи *Василѣ Ивановичѣ*, и что Царевичевымъ Княземъ шло и ихъ казначѣмъ и дарагамъ ¹⁴⁾: а то тобѣ

¹⁴⁾ Казначѣй — по Татарски: хазиначи и хазначи (خزناچی, خزینہچی) отъ слова Арабскаго происхожденія: خزینہ — казна. Дарага — очевидно тоже что *даруга* (داروغہ). Званіе даруги существуетъ и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ частяхъ востока. Значеніе его мѣнялось, смотря по времени и мѣсту. О даругахъ, какъ о чиновникахъ полицейскихъ и сборщикахъ пошлинъ у Чингизидовъ см. Hammer, Geschichte der Goldenen Horde. Pesth. 1840, стр. 238, 239; см. также о даругахъ: Березинъ. Внутреннее устройство Золотой Орды, стр. 10. Какъ понимать даругъ въ настоящей грамотѣ, гдѣ они стоятъ рядомъ съ казначеями: въ смыслѣ ли

полицейскихъ чиновниковъ, или простыхъ сборщиковъ, рѣшить трудно, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ. Въ Средней Азіи зовутъ теперь даругами областныхъ начальниковъ, въ Персіи — городскихъ старшинъ (см. Дорнъ. Отчетъ объ ученомъ путешествіи по Кавказу въ VIII части Трудовъ Восточнаго отдѣленія Императ. Археол. Общества, стр. 261).

давати съ своею земли Царевичю *Данъяру*, или кто иной Царевичъ будетъ на томъ мѣстѣ, и ихъ Княземъ и Княжимъ казначѣемъ и дарагамъ по тѣмъ записемъ, какъ отецъ мой Князь Велики Василей Васильевичъ за твоего отца за Великого Князя *Василья Ивановича* кончалъ со Царевичевыми съ *Касымовыми* Князми съ *Кобякомъ* съ *Айдаровымъ* сыномъ, да съ *Исакомъ* съ *Ахматовымъ* сыномъ. А ясачныхъ людей отъ Царевича отъ *Данъяра*, или кто будетъ на томъ мѣстѣ иной Царевичъ, и отъ ихъ Князей тобѣ Великому Князю Ивану и твоимъ Бояромъ и твоимъ людямъ не принимати. А которые люди вышли на Резань отъ Царевича и отъ его Князей после живота дѣда твоего Великого Князя *Ивана Федоровича* бесерменинъ, или Мордвинъ, или Мачяринъ ¹⁵⁾, черные люди, которые ясакъ Царевичю

¹⁵⁾ Бесерменинъ т. е. мусульманинъ. Мачяринъ, очевидно — тоже что Мещеринъ, Мещерякъ; это самое племя (Мещера) звалось у насъ Можарами (*Царк.* 172, *Лв.* IV, 234 и *Ник.* VII, 79: Чувашу, и Черемису, и Мордву, и *Можаровъ*, и Тархоновъ [*Ник.* и *Лв.*

Тархановъ] привели къ правдѣ; *Царк.* 178: и Чуваша, и Черемиса, и Мордва, и Тарханы, и *Можары*, и вся земля Казанская; ср. *Лв.* IV, 242, а также *Ник.* VII, 82, гдѣ: и Чуваша и Черемиса и Мордва и Тарханъ и *Моржары* и вся земля Казанская; объясненіе Арцыбышева, II, к. IV, стр. 175, № 1108, будто Можары «уповательно владѣльцы Мордовскіе» ни на чемъ не основано: тарханъ — званіе [см. Березинъ. Внутреннее устройство Золотой орды. Спб. 1850, изъ Журнала мин. нар. просв. 1850, № 10, стр. 4 — 6], а Можаръ — имя народа) и было одного происхожденія съ Мордвою, т. е. Финскаго, по крайней мѣрѣ оно постоянно упоминается у нашихъ лѣтописцевъ среднихъ временъ (древнимъ же оно вовсе неизвѣстно) вмѣстѣ съ Мордвою и Черемисами. Слово Мачаринъ и Можаръ сохранилось до сихъ поръ въ Татарскомъ имени: Мишаръ (میشار), которымъ называетъ себя часть Татарскаго по языку населенія (Мещеряки) губерній: Нижегородской, Пензенской, Саратовской, Симбирской, и Тамбовской, составляющая какъ думать можно, отатарившіеся остатки прежней Мещеры (Мачаровъ и Можаровъ). Теперь Мещеряками (میشار) зовется еще у насъ племя, обитающее по соседству съ Башкирами и говорящее особымъ Татарскимъ нарѣчіемъ. Племя это, должно быть, тоже одного происхожденія съ древнею Мещерою. Оно составилось изъ сходцевъ изъ Алатырскаго и Симбирскаго уѣздовъ (значить Мещеряковъ же), которымъ по грамотѣ 7196 г. повелѣно было служить по городу Уфѣ, обще съ

тамошними дворянами и иноземцами (Рычковъ. Топографія Оренбургской губерніи въ Сочиненіяхъ и переводахъ въ пользу и увеселенію служащихъ, февраль 1765 г., стр. 230, 231). Судя по окладу лица Оренбургскихъ Мецераковъ, должно полагать что въ нихъ, какъ и въ Башкирахъ, есть примѣсь Монгольской крови.

даютъ: и тебѣ Великому Князю Ивану и твоимъ Бояромъ тѣхъ людей отпустить доброволно на ихъ мѣста, гдѣ кто жилъ; а кто не похочетъ на свои мѣста пойти, ино ихъ всилу не вывести, а имъ Царевичю давати его оброки и пошлыны по ихъ силѣ. А что давали тѣ люди дѣду твоему Великому Князю *Ивану Федоровичю* и отцу твоему Великому Князю *Василью Ивановичю*; и ты свои пошлыны емлешь, а Царевичю въ то не вступатися, ни его Княземъ. Также и опроче того, который Царь или Царевичъ будетъ у насъ въ нашей землѣ, не канчивати ти съ ними, ни съсылатися на наше лихо; а учнутъ тебя чѣмъ обидети, и намъ за тебя стояти и боронити» (ср. тамъ же № 116, стр. 284; *Др. Визл.* II, № 96, 97, 98, стр. 167, 168, 175, 176, 185, 186). Въ грамотѣ говорится о каковой то дачѣ шедшей съ Рязанской земли въ пользу Касима и сына его Даніяра еще при великомъ князѣ Рязанскомъ Иванѣ Федоровичѣ, о записяхъ совершенныхъ по этому предмету Василиемъ III, за великаго князя Рязанскаго Василя Ивановича, съ Касимовыми Князьями: Кубекомъ сыномъ Хайдера (كوبك) и Исхакомъ сыномъ Ахмеда (اسحاق احمد).

لوغلی), и наконецъ о Мордвѣ и Мещерѣ и объ ихъ отношеніяхъ къ царевичамъ и великимъ князьямъ Рязанскимъ (см. также: *Прод. Древн. Росс. Визл.* IV, № 117, 118, стр. 28 — 30, 42 — 44). Не объяснено: почему и какъ состоялись всѣ эти постановленія, но очевидно что онѣ должны быть отнесены къ той эпохѣ, когда съ начала Касимъ, а потомъ, въ качествѣ его преемника, сынъ его Даніяръ (Даніяръ дѣйствительно, какъ мы увидимъ ниже, управлялъ Городцомъ) владѣли городкомъ Мещерскимъ; въ противномъ случаѣ не къ чему было бы опредѣлять ихъ отношеній къ Рязани, Мордвѣ и Мещерѣ. Рядомъ съ Касимомъ стоятъ имена великихъ князей: Московскаго Василя и Рязанскаго Ивана Федоровича. Василь скончался въ 1462 г., а Иванъ Федоровичъ—въ 1456 г. (см. Родословныя росписи Князей владѣтельныхъ Строева въ Ключѣ къ Ист. Гос. Росс. Карамзина. Спб. 1844. Росписи XV и VII). И такъ Касимъ получилъ Городецъ не позже 1456 г. — тотчасъ по выѣздѣ въ Россію въ 1446 г. едва ли—значить около 1452 г., немного ранѣе или немного позже.

Гаммеръ пишетъ, что Касиму въ награду за услугу оказанную имъ при разбитіи Татаръ около р. Похры, слѣдовательно въ 1449 году, отведено было пустое мѣсто на Окѣ въ землѣ Муромской, и что царевичъ построилъ городъ, названный имъ *городомъ хана Крымскаго*, изъ котораго въ послѣдствіи образовался нынѣшній уѣздный городъ, лежащій при впаденіи въ Оку рѣки Бабенки и про-

званный въ честь Касима — Касимовымъ¹⁶⁾. Откуда

¹⁶⁾ Такъ я понимаю слова Гампера (Gesch. der Gold. Horde, стр. 394): «Da eilte Sultan Kasim aus Swenigorod zu Hülfe herbey und schlug dieselben zurück. Aus Dankbarkeit dafür räumte der Grossfürst dem Kasim einen Jurt an der Okka, im Gebieth von Murom ein. Dort baute er eine Stadt, welche er die des *Chanes der Krim* nannte. Seinen Namen erhält noch heute die am Einflusse der Babinka in die Okka gelegene Kreisstadt, welche, auf einer Anhöhe gelegen, mit einem Erdwall umgeben, noch heute von einem halben Tausend Tataren bewohnt, durch tatarische Slobode und Moschee das Andenken ihres Ursprunges bewahrt». При этомъ ссылка: «Gaspari's und Hassel's Handbuch der Erdbeschreibung, XI Bd. S. 470, und antiquitates Mohammedanae monumenta vasa explicuit Fraehn parte II. Petropoli, 1822, p. 22, wo der Bau Kasimow's aber schon ins Jahr 1152 gesetzt wird».

Нѣмецкій ученый почерпнулъ занимательное свѣдѣніе о небываломъ «городѣ хана Крымскаго» не знаю. Ужъ не создалъ ли онъ его изъ «Царевичева городка»; именемъ же этимъ (которое донынѣ сохранилось въ Татарскомъ названіи Касимова¹⁷⁾): Ханъ-кирманъ خان کرمان —

¹⁷⁾ Касимовъ зовется еще по Татарски: Кизи-кирманъ, какъ пишетъ авторъ статьи: «О городѣ Касимовѣ, Разанской губерніи», помѣщенной въ Журн. мин. вн. дѣлъ 1841. Іюль. Ч. ХLI. Смѣсь, стр. 8.

царевъ городъ) звался въ XV и XVI стол., какъ мы уви-

димъ ниже, Мещерскій городокъ, получившій это прозвище, безъ сомнѣнiя, съ того времени какъ его стали жаловать царевичамъ Татарскимъ. Непонятно также почему Гаммеръ считаетъ Касима основателемъ Касимова, и думаетъ что ему пожаловано было пустое мѣсто, которое онъ застроилъ самъ. Городецъ, данный Касиму и прозванный въ послѣдствiи Касимовымъ, существовалъ издавна, съ какихъ поръ именно — положительно неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ гораздо ранѣе прѣзда въ Россiю Касима и Якуба. Щекатовъ (Слов. геогр. Росс. гос. II, сл. *Городецъ*) говоритъ, что городъ этотъ основанъ былъ въ 1152 г. великимъ княземъ Юриемъ Долгорукимъ, въ подражанiе Кiевскому Городцу, разоренному княземъ Изяславомъ ¹⁸⁾ (ср. Энцикл. Лексик.

¹⁸⁾ Подъ другимъ словомъ: *Касимовъ* (ч. III), тотъ же Щекатовъ говоритъ, что время основанiя этого города неизвѣстно.

Плюшара, Т. XV, сл. *Городецъ*). Многие (Миллеръ, Щекатовъ и др.) даже того мнѣнiя, будто въ городкѣ Мещерскомъ скончался великiй князь Александръ Невскiй, при проѣздѣ своемъ изъ Золотой Орды. Съ своей стороны жители думаютъ, что нынѣшняя каменная церковь Богоявленiя стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находился Городецкiй Богоявленскiй монастырь, въ которомъ, передъ кончиной своей, Св. Александръ прилгъ схиму (О городѣ Касимовѣ, Рязанской губернии въ Журн. мин. вн. д. 1841. Июль. Ч. ХLI. Смѣсь, стр.

12). Впрочемъ на это мнѣніе нельзя вполнѣ полагаться и вѣроятнѣе то, что Александръ Невскій скончался въ Городцѣ Волжскомъ или Радимовѣ (Отечественныя Записки 1842 г. Августъ. Т. XXIII. Смѣсь, стр. 65 и сл. П. Мельниковъ. Историческія Замѣтки: 1) Гдѣ скончался Св. Александръ Невскій?).

Любопытныя свѣдѣнія о старинномъ Городцѣ находятся въ статьѣ: «Историческая замѣтка о городѣ Касимовѣ (изъ дѣлъ Статистическаго комитета)», помѣщенной въ Рязанскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ за 1846 г., № 13. Въ ней читаемъ слѣдующее: «Городъ Касимовъ, называвшійся въ древности *Городцемъ*, находится при рѣкѣ Окѣ на устьѣ рѣки Бабенки. Городъ сей для охраненія отъ непріятельскихъ набѣговъ имѣлъ въ окрестностяхъ пять земляныхъ укрѣпленій на неприступныхъ мѣстахъ, которыя вошли нынѣ въ предѣлы владѣльческихъ дачъ: 1) съ восточной стороны *Земляной Стругъ* (названное по сходству съ стругомъ); къ нему примыкаетъ съ сѣвера особенная крѣпость съ землянымъ валомъ и воротами; 2) съ полуденной стороны *Столбище*, близъ деревни Поповской, красиваго пирамидальнаго вида, съ двойной площадью на уступѣ въ половинѣ холма; 3) къ западу отъ Столбища, на другомъ берегу Оки, *Бакшеевское*, на крутомъ и каменномъ утесѣ близъ села Перьевъ; 4) съ сѣвера при рѣкѣ Сынтулѣ, неимѣющее названія, на каменной же крутизнѣ, обнесено землянымъ валомъ; и 5) къ западу отъ рѣки Сынтула чрезъ рѣку Оку, *Бабенское*, при селѣ Бабенскомъ

Погостъ ¹⁹⁾. Среди этихъ укрѣплений стоялъ древній

¹⁹⁾ Съ этимъ описаніемъ прежняго Городца можно сравнить и то что сказано въ статьѣ: «О городѣ Касимовѣ, Рязанской губерніи», стр. 8. Тамъ значится: «При устьѣ послѣдней (Бабенки), на мысу выдѣвшагося кургана, находятся старинныя развалины Городца, состоящія изъ земляныхъ укрѣплений, какъ то: глубокихъ рововъ, высокихъ насыпей и бастіоновъ, при коихъ, по рассказамъ старожиловъ, были стѣны, башни и деревянные ворота. По разграниченіи Рязанской первобытной области, состоявшей тогда въ смежности съ Моравою и Муромомъ, Городецъ, какъ пограничный съ ними, имѣлъ вокругъ себя пять оборонительныхъ потайныхъ крѣпостей, съ высокими насыпями, не въ дальнемъ одна отъ другой разстояніи, коихъ признаки доселѣ видны. Онѣ называются: 1) на востокъ — *Земляной Стругъ* (по подобію съ стругомъ, или расшивой, баркою), съ примыкавшею къ нему особенную крѣпостью; 2) на югъ — *Поповскій* или *Столбищенскій*, крутой друхъ-ярусный мысъ; 3) отъ сего послѣдняго къ западу за рѣкою Оккою, на каменномъ, крутомъ, утѣсистомъ берегу — *Бакшеевская* или *Першинская* крѣпость; 4) на той же сторонѣ рѣки, отъ города къ западу, и на томъ же крутомъ берегу — *Бабенская*; 5) на сѣверъ, на берегу же рѣки Сыштула, *Сынтумская*» (см. также: Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. Рязанская Губернія. Составилъ М. Барановичъ. Спб. 1860, стр. 523). Дѣйствительно ли Земляной Стругъ, Столбище и пр., какъ полагаютъ сочинители ука-

занныхъ мною двухъ статей, были передовыми укрѣпленіями прежняго Городца—вопросъ этотъ далеко нерѣшенный, тѣмъ болѣе что и время ихъ возведенія неизвѣстно. Г. Барановичъ (Мат. для геогр. и стат. Россіи. Рязанск. губ., стр. 549) утверждаетъ даже положительно, будто «мнѣніе, что *Земляной Стругъ*, *Столбище* и курганы: *Бабенскій*, *Синтульскій* и *Бакшевскій* были нѣкогда крѣпостями, опровергается какъ разсудкомъ, такъ и самою ихъ мѣстностью». «Не было», говоритъ онъ, «никакой нужды окружать городъ со всѣхъ сторонъ отдѣльными передовыми укрѣпленіями, когда сама природа защитила его отъ всякихъ неожиданныхъ нападений едва доступными крутизнами береговъ Оки и глубокихъ овраговъ; если же, какъ полагаютъ нѣкоторые, курганы эти служили только наблюдательными постами, то на это можно замѣтить, что дѣла, покрывавшіе всю эту мѣстность, не позволяли обозрѣвать съ кургановъ и самыхъ ближайшихъ окрестностей». Мнѣніе г. Барановича, какъ специалиста въ дѣлѣ военномъ, весьма важно. Не бывавъ самъ на мѣстѣ, и чувствуя себя не въ силахъ разрѣшить вопросъ, я для лицъ, которыхъ этотъ предметъ можетъ занимать, выпишу изъ сочиненія г. Барановича (стр. 549, 550), описаніе нынѣшняго вида и положенія Касиовскихъ кургановъ. Описаніе это представляетъ много любопытныхъ и совершенно новыхъ свѣдѣній: «*Земляной стругъ* находится въ 2½ верстахъ къ С. В. отъ города. Окружающая его мѣстность гориста и имѣетъ глинисто-песчаную почву, покрытую мелколѣсьемъ; съ южной стороны прилегаетъ

къ нему оврагъ, верстахъ въ 4-хъ отсюда вѣзущій-
ся въ нагорный берегъ Оки. Названіе свое Земляной
Стругъ получилъ отъ сходства съ баркою (Стругомъ);
даже и теперь, когда наружный видъ кургана значи-
тельно отъ времени измѣнился, онъ все еще сохраняетъ
подобіе барки. Внутренній составъ кургана черноземъ;
окружность его до 30 сажень; высота до 4-хъ и ни-
зкихъ примѣтъ, которыя бы доказывали, что онъ
былъ нѣкогда обитаемъ, не существуетъ. Земляной
Стругъ, безъ всякаго сомнѣнія, есть замѣчательнѣйшій
остатокъ Касимовской старины; ясно видно, что онъ
дѣло рукъ человѣческихъ, но съ какою цѣлью и когда
устроенъ неизвѣстно. Народное повѣрье облачаетъ
происхожденіе кургана въ самый баснословный вымы-
селъ; говорятъ, что Ока протекала въ древности между
горами окружающими Земляной Стругъ и что здѣсь на
лодкахъ и баркахъ плавали разбойники, грабившіе
окрестности; но покровители Касимовскіе, сжалясь
надъ жителями, потопили самую большую разбойничью
барку, а Ока велѣла принять другое направленіе; та-
кимъ образомъ потопленная барка осталась на сушѣ и,
обросши землею, сохранила прежній свой видъ. Осно-
вываваясь на этой баснѣ многіе считаютъ Земляной Стругъ
притонемъ разбойниковъ; но справедливѣе, кажется,
заключить, что курганъ есть уже произведеніе позднѣй-
шаго времени и служилъ мѣстомъ увеселенія Касимов-
скихъ царей и хановъ. — *Столбищенскій курганъ*
находится въ 4-хъ верстахъ отъ города, близъ д. По-
повской. Наружный видъ кургана имѣетъ сходство съ

устьченнаго конуса; окружность его до 20, высота до 5 сажень, а внутренній составъ: глина, песокъ и черноземъ. Окрестная мѣстность овражиста и покрыта частымъ кустарникомъ также, какъ и самъ курганъ. Древнихъ развалинъ близъ кургана не существуетъ, и никакихъ старинныхъ вещей въ немъ не находилось; названіе онъ получилъ вѣроятно отъ фигуры своей; впрочемъ увѣряютъ, что д Поповская, не подалеку отъ кургана находящаяся, построена на урочищѣ, которое, неизвѣстно почему, изстари называлось *Столбище*. Къ сожалѣнію, не сохранилось никакихъ преданій объ этомъ курганѣ. — *Бакшевскій* или *Перемскій курганъ* стоитъ на каменистомъ и утесистомъ мысу праваго берега Оки, верстахъ въ осьми отъ Касимова, близъ селца Шемякина. Фигура кургана конусообразная съ устьченнымъ верхомъ, грунтъ глинистый, окружность до 25 и высота до 3 сажень. Въ 1836 году неподалеку отъ него было найдено нѣсколько серебряныхъ Татарскихъ монетъ» (въ описаніе г. Барановича включены и тѣ краткія свѣдѣнія о курганахъ: *Земляномъ Стругъ, Столбищъ* и *курганъ близъ селца Шемякина* т. е. Бакшевскомъ, которыя еще въ 1846 г. были сообщены г. Пискаревымъ, въ его статьѣ, помѣщенной въ Рязанскихъ губ. вѣд. за 1846 г., № 36, подъ заглавіемъ: «Географія Рязанской губерніи». Отдѣлъ VI. Курганы и остатки древнихъ укрѣпленій).

Городецъ, извѣстный въ Россійской исторіи подъ именемъ *Меуцераго городка*. Построеніе и кончи-

на святаго великаго князя Александра Ярославича Невскаго, въ бывшемъ тамъ Городецкомъ монастырѣ 1263 года, содѣлали этотъ городокъ замѣчательнымъ. Неподалеку отъ него лежитъ трактъ шествія Татаръ на Рязанское княжество, по которому великіе князья Русскіе ходили съ данью и поклонами въ Кыпчакскую Орду. Этотъ городокъ былъ истребленъ вмѣстѣ съ прочими городами, какъ видно изъ исторіи, въ 1376 году Монголами, обратившими тогда въ пепелъ всѣ города и селенія до Мурома. Въ послѣдствіи времени городъ сей выстроенъ вновь на красивѣйшемъ мѣстѣ, выше прежняго по теченію Оки на 600 сажень, гдѣ нынѣ соборъ и площадь, и назывался до 1471 года, по низовому положенію отъ Москвы, *Низовымъ Городомъ*. А съ 1471 года называется Касимовымъ, по имени Казанскаго царевича *Касима*, которому онъ былъ подаренъ Иоанномъ IV (?) Васильевичемъ Грознымъ» (ср. Журн. мин. нар. пр. 1851. Мартъ. Отд. VI, стр. 132)²⁰⁾.

²⁰⁾ Свѣдѣнія эти о Городцѣ, начиная съ извѣстія о разрушеніи его Монголами въ 1376 г., перешли почти цѣликомъ въ Иловайскаго Исторію Рязанскаго княжества (Москва. 1858), стр. 259, и въ Барановича Рязанскую губернію, стр. 14 и 523, съ тою только разницею, что гг. Иловайскій и Барановичъ годъ 1471, который въ «Исторической замѣткѣ» названъ годомъ переименованія Городца въ Касимовъ, считаютъ временемъ пожалованія Городца Касиму. Въ 1471 году

царевича, какъ думать должно, уже не было въ живыхъ (см. ниже, стр. 58).

Весьма любопытно было бы знать въ подробности правъ, на которыхъ Касимъ управлялъ Мещерскимъ городкомъ, и обязанности, которыя лежали на немъ, какъ на вассалѣ великаго князя. Къ сожалѣнію источниковъ къ тому нѣтъ. О правахъ можно только судить по вышеприведенной мною выпискѣ изъ договорной грамоты 1483 года. Оказывается, что по согласію великаго князя Московскаго съ великимъ княземъ Рязанскимъ царевичу, сыну его и князьямъ шла извѣстная дача съ земли Рязанской. Видно также что у него, какъ въ послѣдствіи у Даніяра, были мусульмане, Мордвины и Мещеряки, платившіе ясакъ (оброкъ) и пошлинны; но находились ли у него подъ властью Русскіе или нѣтъ — въ грамотѣ того не значится. Знаемъ еще, что царевичъ и князья его имѣли особыхъ казначеевъ и даругъ. Обязанности Касима относительно великаго князя Московскаго состояли, по всей вѣроятности, главнѣйшимъ образомъ: въ повиновеніи волѣ государя, и въ явкѣ къ нему при первомъ востребованіи со всею дружиною на службу воинскую. Послѣдующіе цари и царевичи Касимовскіе давали на себя шерти при пожалованіи имъ городка. Безъ сомнѣнія и Касимъ присягалъ въ вѣрности по особой шертной грамотѣ.

Что дѣлалъ Касимъ въ первое время по вступле-

ни своемъ въ управленіе Городцомъ — рѣшительно неизвѣстно. Послѣ 1452 года объ немъ упоминается не ранѣе, какъ въ 1467 году. Объ эту пору онъ предпринялъ походъ противъ Казани. Случилось же это слѣдующимъ образомъ. Въ Казани послѣ Махмутака, умершаго почти въ одно время съ Василиемъ Темнымъ, и сына его Халиля (خليل), правившаго не долго, вступилъ на престолъ другой сынъ Махмутековъ — Ибрагимъ (ابراهيمъ)²⁴⁾.

²⁴⁾ Въ Исторіи о Казанскомъ царствѣ, на основаніи которой, за неимѣніемъ другихъ данныхъ, я опредѣлилъ время смерти Махмутака, не говорится ни слова о Халилѣ, и настоящимъ наследникомъ Махмутака названъ сынъ его Ибрагимъ. «Въ то же время (т. е. вскорѣ по воцареніи Ивана Васильевича III)», пишетъ сочинитель *Ик.*, стр. 29, «по *мотяку* Царѣ Казанскомъ во Царствѣ на Казань сынъ его Царевичъ *Абрешигъ*». О Халилѣ умалчиваютъ и всѣ лѣтописцы Русскіе. Но что Халиль дѣйствительно существовалъ, и былъ сынъ Махмутака и братъ Ибрагима — о томъ свидѣлствуетъ старая Русская родословная царей Татарскихъ. Выписываю ее цѣликомъ по списку Родословной книги, помѣщенной въ Синописи Сторожевскаго монастыря 1676 года (Копенгагешская рук., л. 498—499; выписка сообщена мнѣ академикомъ И. И. Срезневскимъ): *Родъ царей Крымскихъ и Казанскихъ* (слѣдовало бы прибавить и *Астраханскихъ*, потому что въ началѣ упоминаются цари Астраханскіе). Темиръ

Туклукъ, Телербекъ улановъ сынъ. Темиръ Туклуевъ сынъ, Темиръ царь. Темиревъ сынъ, Махметъ царь. Махметовъ сынъ, Ахмать. Ахматовы дѣти: Муртаза, да Севтъ - Ахметъ, да Шм-Ахметъ. Большаго сына Муртазинъ сынъ, Ахкубекъ; другой—Бердябьякъ.

А Севтъ-Аметевъ сынъ, Касай царь. А Шихъ-Аметевъ сынъ, Шиадеръ. Ахкубековъ сынъ, Кайбула. А Бердебяковъ сынъ, Ахмурчѣй. Касуевъ сынъ, Семенъ царь. А Шиадеровъ сынъ, Дербышъ царь. Тахтамышъ, Тойгодинъ сынъ улановъ, а убилъ его Дигій князь. А Тахтамышевъ сынъ Бирдибекъ, а убили его братія. А другой сынъ Тахтамышевъ, Дулатъ-бердїй уланъ же въ Литвѣ у Витовта. Дулатъ-бердїй улановъ сынъ, Азигирей. Азигиревы дѣти: Норедъ - улатъ, Аидаръ, Минлигирей, Узтемиръ царевичъ, Хаджи царевичъ. Породоулатовы дѣти: Салтанъ-ганъ, да Джанай. А Мулгиревы дѣти: Махметъ-кирей, да Ахмать, да Бурнашъ, да Өатъ-кирей, Сади-кирей, Мубарекъ-кирей, Сапкирей. А Мамиткиреевы дѣти: Богатырь, да Алпъ, да Казигирей, да Магметъ, да Исламъ.

Өатигиревы дѣти: сынъ, Савагирей Казанской. А Мубарекъ - кирѣевъ сынъ, Девлетъ-кирей Крымской. Савагиревъ сынъ Казанского, Александръ. Зекиль-Асанъ уланъ. Сынъ его, Улумахметъ царь. Улумахметовъ сынъ, Моматякъ. *А Моматяковы дѣти: Халилъ царь, да Бреимъ.* У Бреима дѣти: Алыгамъ, да Милехъ-дандръ, да Кудугуль во крещеніи Петръ, да Махметъ-Аминъ, да Обделитивъ. А Милигдаровы дѣти: князь Василей, да князь Өедоръ. (Сообщенную мною родословную

можно сравнить съ родословными, помѣщенными подъ заглавіемъ: *Родъ Царей Крымскихъ и Казанскихъ и Астраханскихъ*, въ Родословной книгѣ, напечатанной во Временникѣ Императорскаго Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ. Кн. 10. Матеріалы, стр. 129, 130, 221 и 222, по спискамъ Московской Синодальной бібліотеки и Московскаго архива Министерства иностранныхъ дѣлъ [спис. Б.] Существенная разница между ними и родословной приведенной мною, замѣтна только въ той части, которая касается царей Крымскихъ; тутъ иногда встрѣчаются: перестановка лицъ, пропуски, и значительное несходство въ правописаніи именъ собственныхъ. Для примѣра укажу на варианты относящіеся до лицъ, имена которыхъ всего чаще будутъ встрѣчаться въ моемъ сочиненіи. Такъ вмѣсто: «Азигиревы дѣти: Норедъ-улатъ, Айдаръ, Минлигирей, Утемиръ царевичъ, Хаджи царевичъ. Нородулатовы дѣти: Салтанъ-ганъ, да Джанай» стоитъ въ *Сим.* списокъ: «А Ази Гиревы дѣти: Нородулатъ, да Идаръ Менли Гирей Азтемиръ Царевичъ; Нородулатовы дѣти: Салтаганъ, да Дчина»; въ *Арх.* — «Азигиревы дѣти: Нардулатъ, Айдаръ Мевглиричь, Утемиръ Царевичъ, Хадчисанъ, Таганъ, да Чинчина Царевичъ. Нардидлатовы дѣти: Махметъ-гирей да Охматъ» — здѣсь очевидно «Нородулатовы дѣти: Салтанъ-ганъ, да Джанай» *Коп.* списка включены въ число сыновей Азигирей; кто они, какъ не: [Халчи — Хаджи *Коп.*] санъ, Таганъ [Салтанъ-ганъ *Коп.*, Салтаганъ *Сим.*], да Чинчина [да Джанай *Коп.*, да Дчина *Сим.*] Царевичъ? Родословіе царей Астра-

ханскихъ и Казанскихъ во всѣхъ трехъ спискахъ [*Коп., Сын. и Арх.*] довольно схоже, и разница преимущественно состоитъ въ правописаніи именъ собственныхъ. Такъ въ *Сын.* списокѣ *родъ Астраханскихъ царей* выведенъ слѣдующимъ образомъ: «Царь Темиръ Кутлуй Темиръ Бекъ Улановъ сынъ, Темиръ Кутлуевъ сынъ Темиръ царь, Темиревъ сынъ Магметъ царь, Магмедевъ сынъ Ахмать царь; Ахматовы дѣти: Муртоза, да Сентъ Ахметъ, да Шихъ-Ахметъ, Муртозинъ сынъ Ахбуккиъ, а другой Бердебикъ; а Сентъ Ахматовъ сынъ Кайсай Царь Астраханской; а Шихъ Ахметовъ сынъ Андаръ; Ахкубиковъ сынъ Кай Булатъ; а Бердебиковъ сынъ Армугурчей; а Кайсаевъ сынъ Семіонъ Царь Казанской; а Шихъ Андаровъ сынъ Дербышъ Царь Астраханской»; въ *Арх.* списокѣ — «Царь Темиръ-Кутлуй Темиръ-Бекъ Улановъ сынъ; Темиръ - Кутлуевъ сынъ Темиръ Царь; Царь Темировъ сынъ Махмедъ; Царь Махметевъ сынъ Ахмать; Царь Ахматовы дѣти: Муртоза, да Сентъ-Ахметъ, да Ши-Ахметъ. Муртозинъ сынъ Ахкубикъ, другой Бердебекъ; а Сентъ-Ахметевъ сынъ Казай Царь; а Ши-Ахметевъ сынъ Шайдаръ; Ахкубиковъ сынъ Кайбула; а Бердебиковъ сынъ Ярмъ - Гурчей. Казаевъ сынъ Семіонъ Царь; а Шайдаровъ сынъ Дербышъ». О *Казанскихъ царяхъ* сказано въ *Сын.* списокѣ: «Зече Асянъ Уланъ, сынъ его Улу Ахметъ Царь; а Улу Ахметевъ сынъ Мамотякъ Царь; Мамотяковы дѣти: Халилъ Царь, да Обрегиятъ; а Обрегимовъ сынъ Алахтъ, да Мелегдаръ, да Кудалгу, во крещеніи имя Петръ, да Магметеминъ Царь Казанской, да Абдыле-

тно; а Мелегдаровы дѣти: Князь Василей, да Князь Ѳеодоръ; — въ *Арх.*: «Зегень Асанъ Уланъ сынъ его Алумахмедъ Царь. Алумахметевъ сынъ Моматякъ Царь. Моматяковы дѣти: Халилъ Царь, да Омбренкъ; у Амбренна дѣти: Алегамъ да Мелегъдаиръ да Кудугуль, во крещеніи Петръ, да Мегмедиминъ да Бдылетинъ. Мелегдаровы дѣти: Князь Василій, Князь Ѳеодоръ». Въ Родословной книгѣ князей и дворянъ Россійскихъ и выѣзжихъ [Ч. I, стр. 24, 25, 26. Глава 3. № 7, 8, 9], приведены три родословныя: 7. Родъ Астраханскихъ царей. 8. Родъ Крышскихъ царей. 9. Родъ Казанскихъ царей. Всѣ эти три родословныя — ничто иное, какъ видоизмѣненіе той же самой родословной царей Крышскихъ, Казанскихъ и Астраханскихъ, которая напечатана мною и во *Временникѣ*. Въ *родѣ Крымскихъ царей*, *Род.* наиболее близокъ къ *Кон.* списку; въ доказательство перечислю по *Род.* стр. 25, дѣтей Азигиреевыхъ: «А Азигиреевы дѣти: Нордо Улатъ Андаръ. Иминъ Гирей. Узтемиръ Царевичъ. Ихаджи Царевичъ. Нордо Улатовы дѣти: Салтаганъ. Идженай». Главнѣйшимъ же образомъ разнится *Род.* отъ *Кон.* списка при перечисленіи Крымскихъ хановъ въ томъ, что по *Род.* въ Литвѣ жилъ не отецъ Азигиреевъ, а самъ Азигирей, и жилъ не у Витовта, а у Казимира [этого вѣтъ и въ другихъ спискахъ], и что послѣ имени Савакирея находится еще въ *Род.* и въ немъ одною только, приписка гдѣ говорится о сынѣ Савакирея Утеминѣ и о томъ, какъ Утеминъ этотъ крестился и какъ на его мѣсто великій князь посадилъ

царя Шигалея [у Миллера въ *Sammlung Russischer Geschichte. Zweiter Band. Erstes Stück. 1736*, къ стр. 22 приложенъ Нѣмецкій переводъ одной родословной Крымскихъ хановъ. Это — та самая, которая напечатана въ *Pod.*; издатель *Pod.*, какъ онъ самъ пишетъ, руководствовался при печатаніи своей книги спискомъ сообщеннымъ ему Миллеромъ; впрочемъ и у Миллера есть нѣкоторая разница въ правописаніи именъ собственныхъ: Шигалей написанъ у него Schigitleja; сыновья Азигирея названы: Nordoullat. Aydar. Min Girei. Vs Temir. Chadzi; а Нордо Улатовы дѣти — Salatgan. Dschena]. *Подъ Казанскихъ царей* въ *Pod.* стр. 26, 27, слѣдующій: «Ечкель Асанъ Уланъ. У Ечкель Асанъ Улана сынъ Улу Махметъ Царь. У Улу Махмета сынъ Момотякъ; то первой Царь на Казани. У Момотяка Царя дѣти: Халиль Царь. Ибреимъ Царь. У Ибреима Царя дѣти: Алегамъ Мелехъ. Дамръ Кудангулъ, во крещеніи Петръ Царевичъ; а была за нимъ дочь Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Россіи; а у Царевича Петра были двѣ дочери: одна была за Княземъ Ѳеодоромъ Михайловичемъ Мстиславскимъ, а другая была за Княземъ Василемъ Васильевичемъ Шуйскимъ. Мегмедеминъ Царь. Абделетнъ Царь. Мелехъ Даиловы дѣти во крещеніи Василей, да Ѳеодоръ Царевичи». Эта родословная, какъ видно, близко подходитъ къ той, которая извѣстна намъ по спискамъ Копенгагенскому и Московскимъ; въ ней только то мѣсто, гдѣ говорится о царевичѣ Петрѣ — нѣсколько полнѣе. *Подъ царей Астраханскихъ* напечатанъ въ *Pod.* съ гораздо большими

подробностями нежели у меня по *Ком.* списку, и во Временникѣ. Выпишу его здѣсь такъ, какъ онъ приведенъ въ *Род.* стр. 24, 25: «Темиръ Бекбуланъ. У Темиръ Бекбулана сынъ Темиръ Кутлуй Царь, первой Царь на Астрахани. У Темиръ Кутлуя сынъ Темиръ Царь. У Темира сынъ Кеимагметъ Царь. У Кеимагмета Царя дѣти: Магметъ Царь. Егупъ Царь. Ахмать Царь. У Егупа Царевича сынъ Чювакъ Царевичъ. У Чювака сынъ Яныбекъ Царевичъ. У Яныбека Шиховлеяръ Царевичъ. У Шиховлеяра сынъ Шигалей Царь, былъ на Казани при Великомъ Князѣ Васильѣ Ивановичѣ всеа Руссiи, и при Царѣ и Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ всеа Россiи, напередъ Царей Александра и Семена; а Семень былъ на Казани послѣ Александра. А Ахматовы Царевы дѣти третьяго сына Кей Магметева Царева. Муртоза Царь. Сентъ Ахмать Царь. Шіахметъ Царь. У Муртозы дѣти: Акъ Кубекъ Царь. Бердибекъ Царь. У Акъ Кубека сынъ Кайбула Царевичъ. А у Бердибека сынъ Ешгурчей Царь. А у Сентъ Ахмата царя сынъ Касай Царь. У Касая дѣти Казбулатъ Царевичъ. Едигеръ, Царь Казанской, а во крещеніи Семіонъ; а взятъ въ Казани полономъ, какъ Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всеа Россiи Казань взялъ. А у Шіахмета Царя сынъ Аидаръ Царь. А у Аидара другой сынъ Дервишъ Царь; а былъ на Астрахани; а въ другой рядъ посадилъ его на Астраханижъ Царь и Великой Князь Иванъ Васильевичъ всеа Россiи, а посылалъ съ нимъ на Астрахань рать свою». Я съ цѣлю не только привелъ всю родословную Татарскихъ царей по списку Сторожевскаго монастыря,

но и сравнилъ ее со всѣми остальными родословными напечатанными по другимъ спискамъ, и даже вошелъ въ нѣкоторыя подробности. Всѣ списки очевидно одного происхожденія: основаніемъ имъ служилъ какой либо одинъ списокъ, который въ послѣдствіи пополнялся и сокращался смотря по усмотрѣнію. Сказать который изъ дошедшихъ до насъ списковъ вѣрнѣе — рѣшительно невозможно; въ одномъ одно мѣсто лучше, въ другомъ — другое; тамъ гдѣ одинъ списокъ искаженъ, другой вѣренъ; словомъ всѣ они пополняютъ и исправляютъ другъ друга, и чѣмъ больше бы ихъ имѣлось, тѣмъ было бы полезнѣе. Задача опытнаго изслѣдователя въ томъ и должна состоять именно, чтобы уметь отличить въ спискахъ вѣрное отъ невѣрнаго и, подыскивая гдѣ можно данныя положительныя изъ другихъ источниковъ Азіятскихъ и Европейскихъ, вывести изъ всѣхъ варіантовъ одну родословную. Въ настоящемъ трудѣ моемъ о Касимовѣ, мнѣ придется говорить, кромѣ тѣхъ лицъ о которыхъ я уже имѣлъ случай упомянуть, о многихъ царяхъ и царевичахъ поминovanýchъ въ нашей старой родословной; тогда я постараюсь, пользуясь между прочимъ и сдѣланнымъ мною сравненіемъ различныхъ списковъ, разъяснить мой взглядъ на родоприсхожденіе этихъ царей и на то чтеніе именъ собственныхъ, которое мнѣ кажется правильнымъ. Въ заключеніе замѣчу, что въ Родословной книгѣ изданной во Временникѣ по *Сим.* списку, сверхъ родословной на которую я ссылаюсь, находится еще особая статья подъ заглавіемъ: «Родъ Царей

большіе Орды» и въ ней между прочимъ, на стр. 129, приведена еще разъ родословная царей Казанскихъ, но совершенно другая, именно слѣдующая: «А Улумахметовы дѣти: первой сынъ Момоктякъ Царь Казанскій; а у Момотяка Царя дѣти: первой сынъ Абрагимъ Царь, другой сынъ Александръ, третій Халиль Царь, четвертой Мелегдаръ, пятой Ахметъ Салтанъ, а во крещеніи имя Петръ. А Мелегдаровъ сынъ Магметеминъ Царь, другой сынъ Болетинъ Царь, а Алехановы дѣти:» Про эту родословную можно сказать только то, что она такъ невѣрна, что не требуетъ даже опроверженія). А что Халиль царствовалъ, и что ему именно наслѣдовалъ Ибрагимъ, о томъ пишетъ Герберштейнъ. Вотъ собственные слова сочинителя *Regum Moscoviticarum Commentarii, Hist. Ruth. script. ext. I*, стр. 62: «Cazanensibus quondam rex erat Chelealek: qui cum relicta uxore Nursultan sine liberis decessisset, Abrahamin quidam ducta vidua regno potitur. Ex hac Abrahamin duos suscepit filios, Mahmedemin et Abdelatiw. Ex priore autem uxore, quae Batmassa soltan (Фатима-шахъ-султанъ *فاطمه شاه سلطان*; имя «Фатима» въ простонародіи произносится и «Патьма»; форма «Пати», сокращенная отъ «Фатима», общеупотребительна у всѣхъ Казанцевъ) vocabatur, Alegam filium habuit. Is patre defuncto, ut primogenitus in regnum successit» (ср. *Sarmatiae Europaeae descriptio Alexandri Guagnini. Spiraе. MDLXXXI*, стр. 105, въ статьѣ: *De regno Cazanensi*). Абрагеминъ Герберштейна—безъ малѣйшаго сомнѣнія, никто другой какъ Ибрагимъ (Брениъ, Обрегиъ, Омбренъ, Амбре-

нѣ, Ибреиѣ, Абраагмиѣ *Род. кн.*), сынѣ Махмутека (Моматякъ, Мамотякъ, Момотякъ, Момотякъ *Род. кн.*), который дѣйствительно былъ женатъ на извѣстной Нуръ-султанѣ (نور سلطان) дочери Темира, вышедшей въ послѣдствіи (по смерти втораго мужа) около 1485 г. за Менгли-гирея, хана Крымскаго (*Кар. пр.* 297 къ Т. VI), и имѣлъ между прочимъ трехъ сыновей: Мухаммедъ-Амина (محمد امين; Mahmedemin *Герб.*, Махметъ-Аминъ, Магметеминъ, Мегмедиминъ, Мегмедеминъ *Род. кн.*), и Абд-ул-латифа (عبد اللطيف; Abdelatiw *Герб.*, Обделитивъ, Абдылетивъ, Бдылетинъ, Абделетивъ, Болетинъ *Род. кн.*) отъ Нуръ-султаны (*Соб. 2 мт.* П. С. Р. Л. VI, 251: Да того же мѣсяца іюля 21 [7018 г.], въ недѣлю, приде на Москву царица Нуръ салтана, Крымскаго царя Менлигирѣева, Темирава дочь, да съ нею Менлигирѣевъ сынъ Саипъ-кирѣй салтанъ... а приде царица съ своими дѣтии видѣтиса, съ царемъ Магмедъ Аминемъ Казанскимъ да съ царемъ Абдыль Летифомъ, что великому князю служить), и Ильгама (الهام; Alegam *Герб.*; въ *Род. кн.* ханъ этотъ пишется: Алыгамъ, Алехамъ, Алегамъ, Алеханъ; въ Русскихъ лѣтописяхъ и актахъ — Алегамъ, Алегемъ, Алемагъ и пр.; Фуксъ въ Кр. ист. гор. Казани, стр. 27, предлагаетъ читать: Али ханъ — علي خان) отъ другой жены. Мать Ильгама считалась меньшою женою Ибрагима (*Соб. 2 мт.* П. С. Р. Л. VI, 237: что есмя отпустили къ тебѣ царевича [Мухаммедъ-амина] на томъ, что почнетъ нашъ царевичъ [Ильгамъ], царя нашего [Ибрагима] а меншицинъ сынъ, надъ нами чи-

ить лихо»; ср. *Свр.* II, 231; *Дв.* III, 196), не смотря на то что Ильгамъ былъ, какъ видно, старшій изъ братьевъ. Старшинство женъ у Татаръ опредѣляется не только временемъ выхода за мужъ, но и происхожденіемъ: иногда жена, родъ которой знатнѣе, считается старшею. Халеалекъ Герберштейна очевидно тоже что Халиль (*Халиль Род. км.*). Халиль показанъ первымъ ханомъ Казанскимъ послѣ Махмута, и въ выпискѣ изъ одной Татарской рукописи, сообщенной Фуксомъ (*Кр. ист. Казани*, стр. 42).

Въ 1467 году князья Казанскіе Абд-ул-муминъ (*عبد المومن*) и другіе вздумали тайкомъ пригласить къ себѣ Касима на царство. Былъ ли это обманъ съ ихъ стороны, какъ полагають лѣтописцы, или дѣйствительно, угнѣтаемые Ибрагимомъ, хотѣли они свергнуть его съ престола и посадить другаго—рѣшить трудно. Касимъ, а съ нимъ вмѣстѣ и великій князь Иванъ Васильевичъ, довольный какъ видно случаемъ вмѣшаться въ дѣла ханства, плѣнились призывомъ. 14-го сентября 1467 г. въ самый день Воздвиженія, царевичъ выступилъ къ Казани въ главѣ Татаръ своихъ, и въ сопровожденіи сильнаго Русскаго войска, находившагося подъ начальствомъ воеводъ князей Ивана Васильевича Оболенскаго-Стриги и Ивана Юрьевича Патрикѣева. Походъ этотъ кончился неудачно. Подойдя къ Волгѣ, войска наши увидѣли на той сторонѣ ея царя Ибрагима, ожидавшаго ихъ со всѣми князьями своими и съ многочи-

сленною ратью. Казанцы не допустили нашихъ перевестись чрезъ Волгу, и Касимъ съ воеводами долженъ былъ идти назадъ. Къ довершенію бѣды, привелось имъ на обратномъ пути испытать много горя. Осень была холодная и дождливая: лошади гибли съ голода, а воины Русскіе, отъ недостатка въ пищѣ, принуждены были ѣсть въ постные дни мясо и даже конину; люди съ отчаянія бросали оружіе. Къ счастью возвратились всѣ здоровы и невредимы²³⁾.

²³⁾ *Вскр.* II. С. Р. Л. VIII, 152: Въ лѣто 6976, съ Воздвиженіева дни, ходилъ царевичъ Касимъ къ Казани, а съ нимъ великого князя воеводы князь Иванъ Юрьевичъ да князь Иванъ Василіевичъ Оболенскій Стрига съ многою силою и прочимъ. И пришедшимъ имъ къ Волгѣ, идѣже бѣ имъ перевестися, и ту срѣте ихъ царь Казанскій Обреимъ съ всеми князи своими и съ силою своею, и не дасть имъ перевестися на свою сторону. А позванъ бысть царевичъ отъ князей Казанскихъ, отъ Авдуль-Мамона и отъ прочихъ, на царство лестію; онъ же надѣяся на нихъ, а лести ихъ не вѣдаа, испроси силу у великого князя, чаа получить обѣщанное ему. И не успѣвъ ничтоже вѣзвратися; истомень же бѣ путь имъ назадъ, понеже бо осень студена бѣ и дождева, а корму начать не ставати, яко мнози христіане въ постныа дни мясо яли, а кони ихъ зъ голоду мерли, яко мнози отъ нихъ и dospѣхи метали, но сами вси здрави придоша кійждо въсьвося (*Врм.* II, 42, 43, гдѣ Авдуль-Мамонъ не названъ по имени, и вообще весь

разскажъ короче; *Ник.* VI, 4; *Про.* 382 подъ 6975 г., гдѣ не «отъ Авдуль Мамона», а «отъ Авдулманова»; *Собс. 2 лт.* П. С. Р. Л. VI, 187, *Сер.* II, 94 и *Лс.* III, 1, 2, гдѣ во всѣхъ трехъ сказано просто, что воеводы и Касимъ пошли на Казань въ сентябрѣ, да вмѣсто: «отъ князей Казанскихъ» стоитъ: «отъ царей Казанскихъ», что очевидно неvěрно; въ *Лс.* Авдуль-Мамонъ названъ Авду Амамономъ; замѣтимъ еще что нигдѣ кромѣ *Врм.* Иванъ Юрьевичъ не показанъ въ числѣ воеводъ). *Про.* 263, 264: Въ лѣто 6976, пойдѣ великій князь Иванъ Васильевичъ въ Володимѣрь, и отпусти изъ Володимеря царевича Кайсима съ Татары и воеводъ своихъ, и съ ними полки свои, и братья своей полки отпусти, а иныхъ въ судѣхъ отпусти къ Казани на безбожныхъ Агарянъ, наши же пришедши на усть Свіяги къ Волгѣ противу Казани; Татарове же Казанстѣмъ срѣтоша ѣ, и не даша перевезтися за Волгу. Царевичъ же и воеводы возвратишася не успѣвъ ничтоже: бѣ бо подъ заморозъ, и назадъ плучи мнози наши конину ѣли, бысть бо гладъ великъ и на кони моръ, и бѣ нуженъ великъ быль путь сей. *Баши. разр.* км. подъ 6976 г.: Великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси послалъ х Казани царевича Касыма да воеводъ своихъ князя Ивана Юрьевича да князя Ивана Васильевича Оболенскаго Стригу и иныхъ воеводъ (за тѣмъ оставленъ пробѣлъ, очевидно пропускъ). *Ст.* II, 104: И по сѣхъ Великій Князь послалъ Царевича Касыма, съ нимъ же и Воеводъ своихъ со многими людьми къ Казани на Царя Обрейма; и не успѣша ничтоже.

Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, бывшая въ этомъ походѣ битва при Волгѣ разсказана съ большими подробностями, не заслуживающими впрочемъ, какъ мнѣ кажется, довѣрія. Войска наши, говорятъ эти лѣтописи, подоидя къ Волгѣ скрылись. Между тѣмъ Казанцы подплыли и высадились къ нимъ на берегъ; Русскіе вздумали было обойти непріятеля и отрѣзать его отъ судовъ, какъ вдругъ нѣкто, постельникъ великаго князя, Айдаръ Карповъ Григорьевъ, своею неумѣстною храбростію, разстроилъ этотъ планъ, и спасъ враговъ отъ грозившаго имъ пораженія. Не дождавшись того чтобы Татары хотя немного отошли отъ судовъ, онъ бросился на нихъ съ крикомъ; испуганные Казанцы кинулись къ судамъ, успѣли сѣсть на нихъ и скрылись изъ виду. *Нов. 4 лѣт. П. С. Р. Л. IV, 149*: Въ лѣто 6976. Князь великій Иванъ Васильевичъ посылалъ подъ Казань паревича Кайсыма, да съ нимъ князя Ивана Юрьевича, да князя Ивана Васильевича Стригу, и дворъ князя великаго, и сташа у Волги втам; и Татарове были вышли на нихъ изъ судовъ, а наши хотѣли ихъ заскочити отъ берега, и нѣкто уноша именовъ Айдаръ, постельникъ великаго князя, наполнился духа ратна и не отпуста ихъ нимало отъ судна, и кликну на нихъ, они же устрашившися и вметашася въ суды и побѣгоша на Волгу; въ той день содѣяся спасеніе велико Татаромъ, здоровьемъ Григорьева сына Карповича Айдаровымъ (*Соб. 1 лѣт. П. С. Р. Л. V, 274*, гдѣ вѣсто: «князя Ивана Юрьевича» стоитъ: «князя Данила Дмитреевича»; *Сер. II, 341*, гдѣ недостаетъ первыхъ строкъ, и

рассказъ начинается словами: «Татарове вышли изъ судовъ». *Арх.* 143: Тогоже лѣта (6976) князь великій Иванъ Васильевичъ посылалъ ратью воеводъ своихъ, царя Кайсима, да князя Ивана Васильевича Стригу, съ ними дворъ свой весь, конную силу на Казанскаго царя Абрейма; и пришла сила князя великаго на берегъ къ Волгѣ на Звеничѣ бору, и Татарове Казанскіе пришли на нихъ въ судѣхъ, и на берегъ вылезли изъ судовъ, а сила князя великаго норовятца заскочити Татаръ отъ судовъ, и нѣкто Айдаръ, постельникъ великаго князя Григорьевъ сынъ Карпова не отпусти Татаръ ни мало отъ судовъ кликну на нихъ, Татарова же въ метався въ суды, и побѣгоша за Волгу, а другая (судовая) сила еще не поспѣла. *Иж.* 30: Въ лѣто, сѣмъ посылалъ Князь великій *Иванъ Васильевичъ* подъ Казань, за безчестіе и срамоту отца своего великаго Князя *Василья Васильевича* служилаго ему Царевича *Кайсыма*, и дворъ свой со всею силою Московскою берегомъ. И пришедше стаха у волги реки въ тайнѣ мѣстѣ Татаровъ же изъ Казани выѣхавша въ судехъ многихъ, и вышли было изъ судовъ на берегъ и Московскія люди хотѣли было ихъ заскочити, и нѣкто юноша, именемъ *Айдаръ*, постельникъ великаго Князя наполни вся духа ратнаго, и не отпусти Татаръ нимало отъ судовъ, и кликнувъ со гнѣвомъ на нихъ. Татаровъ же устрашася и вметашася въ суды, и побѣгоша. И въ той часъ содѣяся Татаромъ великое спасеніе отъ *Аидара Григорьева сына Карпова*.

Въ лѣтописяхъ, въ которыхъ упоминается объ Айда-

рѣ, не говорится ни слова о томъ, чѣмъ кончился походъ Касима, и какъ онъ и воеводы возвратились въ Россію; рассказъ прерывается на бѣгствѣ Казанцевъ. Въ одной только *Ик.* значится, что воеводы послѣ битвы на Волгѣ, ходили въ землю Казанскую, разграбили Татаръ и Черемисовъ, но не успѣли причинить самому городу Казани никакого вреда и возвратились въ Москву ни съ чѣмъ. Земля Черемиская дѣйствительно была разорена Русскими объ эту пору, но только не Касимомъ, а немного позже, въ началѣ зимы 1468 г. отрядомъ, посланнымъ подъ начальствомъ князя Семена Романовича (*Арх.* II, к. IV, стр. 5).

Вскорѣ послѣ похода на Казань, Касимъ скончался. Годъ смерти его не означенъ нигдѣ, но думать должно, что онъ умеръ около 1469 года. Въ этомъ году лѣтомъ, великій князь Иванъ Васильевичъ отпустилъ въ Казань къ царю Ибрагиму мать его, жену Касима²³).

²³) *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 156, 157: И поиде Костянтивъ съ вѣсми вои съ Ирыхова къ Новугороду Нижнему вверхъ. Гребшимъ же имъ день той, а наутрѣи до полу утра, и ту срѣте ихъ царица Касимова, Казанского царя мати Обреимова, и начаятъ говорити воеводамъ великого Князя: «князь велики отпустилъ мене къ моему сыну съ вѣсми доброшъ и съ честію, то уже не будетъ никоего же лиха межъ ихъ, но все добро будетъ» и поплы мимо ихъ, а си вверхъ пондоша (*Црк.* 395; *Ник.* VI, 12; *Врм.* II, 49, 50; *Лс.* III, 13, 14, гдѣ вѣсто: «Обреимова» стоитъ: «Олбреимова»; *Сосф.* 2 лѣт. П. С. Р. Л.

VI, 190 и *Сер.* II, 99; въ послѣднихъ трехъ происшествіе описано не подъ 6977 г., а подъ слѣдующимъ 6978 = 1470 годомъ). *Ст.* II, 101: Тогда же Царица Касимова, иже баше мати Обреммова, иды отъ Великаго Князя съ Москвы съ честію отпущена, и пройде мимо воинство Великаго Князя, лъстивыми словесы увѣщавъ ихъ, да не ята будетъ отъ нихъ.—Касимъ, какъ видно, былъ женатъ на вдовѣ брата своего Махмутека, и Ибрагимъ приходился ему пасынкомъ.

Конечно сдѣлалъ онъ это изъ видовъ политическихъ, чтобы чрезъ мать дѣйствовать на сына, но едва ли могъ бы Иванъ отпустить жену Касима, если бы царевичъ мужъ ея былъ живъ.

Въ памяти народной у мѣстныхъ Татаръ Касимъ слыветъ за строителя мечети и перваго дворца въ Городцѣ²⁴⁾. О каждомъ изъ этихъ зданій, я скажу нѣсколько словъ особо.

²⁴⁾ По мнѣнію сочинителя Исторической замѣтки о городѣ Касимовѣ (Ряз. губ. вѣд., № 13), царевичъ имѣлъ не одинъ, а нѣсколько дворцовъ. «Въ Касимовѣ», пишетъ онъ, «своей столицѣ имѣлъ дворцы внутри города и на предмѣстіяхъ, гдѣ нынѣ Татарская слобода».

1) Мечеть, первоначальное построеніе которой приписывается Касиму, существуетъ до сихъ поръ, и находится въ самомъ городѣ Касимовѣ на площади, гдѣ бывають еженедѣльно базары. Она состоитъ

изъ двухъ строеній, довольно рѣзко отличающихся другъ отъ друга: *минарета*, носящаго на себѣ явные признаки старины—высокой и толстой круглой башни, сложенной весьма неискусно изъ тесаныхъ камней различной величины, и собственно *мечети* — двухъ-этажнаго зданія новѣйшей архитектуры.

На стѣнѣ *мечети* надъ дверью вдѣланъ камень, выкрашенный зеленою краскою; на немъ находится надпись: تاريخ ۱۱۸۲ نچى سنه ده او شبو مسجدنى ربيع الاول آينده بنا قبلدورديلار بکتر سيد برهان سيد ابراهيم مرزا چانشيف عبد الله مرزا موسى سيد مصطفى سيد سليمان مرزا نمر بولاط سيد يوسف مرزا چانشيف مرتضى سيد محمد سيد ابراهيم مرزا مقصوف يعقوب مرزا موسى مرزا دولت کلديف لار يوسف مرزا ابراهيم مرزا ۱۱۸۲ ت. е. 1182 مقصوف لار مصطفى مرزا نمر بولاط مرزا شاهقولف (1768) года эту мечеть въ мѣсяцѣ раби-ель-аввалѣ (іюнь—іюль) соорудили: Бектемиръ-сеидъ, Бурханъ-сеидъ, Ибрагимъ мурза Чанышевъ, Абдулла-мурза, Муса - сеидъ, Мустафа - сеидъ, Сулейманъ - мурза, Темиръ - Булатъ - сеидъ, Юсуфъ - мурза Чанышевъ, Муртаза-сеидъ, Мухаммедъ-сеидъ, Ибрагимъ-мурза Максютовъ, Якубъ-мурза, Муса-мурза Девлетъ-гильдѣвы, Юсуфъ-мурза, Ибрагимъ-мурза Максютовы, Мустафа-мурза, Темиръ-Булатъ-сеидъ Шакуловъ ²⁵⁾.

²⁵⁾ Татарскій текстъ надписи сообщенъ мнѣ былъ, чрезъ посредство муллы Хусейна Фейзъ-ханова, въ мартѣ

1861 г., Касимовскимъ жителемъ Бегадуръ-сендомъ Шакуловымъ. Въ Извѣстiяхъ Императорскаго Археологическаго Общества, Т. II, стр. 257, напечатанъ былъ старыи Русскiй переводъ этой же самой надписи, составленный въ 1792 г. ахунотъ Абдуллою Баклѣвымъ. Переводъ этотъ не совсѣмъ вѣренъ; въ добавокъ и списокъ, съ котораго въ Обществѣ онъ печатался (черновой отпущъ, найденный о. архимандритомъ Макариемъ въ бумагахъ стараго Рязанскаго консисторскаго архива), былъ неточенъ: запятые разставлены не по мѣстамъ, и недостаетъ послѣднихъ строкъ.

Фактъ, значущiйся въ надписи, подтверждается слѣдующимъ документомъ, найденнымъ мною въ копiи въ бумагахъ Гагина: «Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссiйской изъ Касимовской Воеводской канцелярiи города Касимова Татарской слободы сотнику Сеитъ-Бектемирову сыну Шакулову. — Сего 1768 года февраля 13-го дня въ присланномъ отъ Его Высокопревосходительства г-на генералъ-маiора и кавалера и Воронежской губерниi губернатора Алексѣя Михайловича Маслова въ Касимовскую Воеводскую канцелярiю предложенiи записано: Ея Императорское Величество именнымъ изустнымъ ему указомъ сего мѣсяца 18 числа, Высочайше повелѣтъ соизволила, по прошенiю города Касимова мурзы Ибрагима Чанышева, Бурхая Шакулова, построить въ томъ городѣ Татарамъ для молитвы ихъ мечеть; объявля сiе Ея Императорскаго Величе-

ства повелѣніе, Касимовской Воеводской канцеляріи рекомендуетъ во исполненіе онаго, города Касимова Татарамъ ту мечеть строить позволить, и препятствія въ томъ имъ не чинить; и во исполненіе онаго предложенія въ Касимовской Воеводской канцеляріи опредѣлено: съ прописаніемъ онаго къ тебѣ Шакулову послать указомъ объявить, что онаго города Касимова Татарамъ ту мечеть строить позволяется, и тебѣ Шакулову учинить о томъ по сему Ея Императорскаго Величеству указу. Апрѣля 9 дня 1768 года (№ 355)». На подлинномъ подписано: «Секундъ-маіоръ Николай Балбековъ и Порутчикъ Князь Василій Танкачеевъ. Секретарь Иванъ Лопухинъ. Канцеляристъ Федоръ Поповъ»²⁶⁾.

²⁶⁾ Упоминаемые въ указѣ мурза Ибрагимъ Чанышевъ и Бурхай Шакуловъ очевидно тѣ самыя лица: Ибрагимъ-мурза Чанышевъ и Бурханъ-сеидъ, имена которыхъ значатся въ надписи. Родъ Шакуловыхъ существуетъ до сѣхъ торъ въ Касимовѣ, и принадлежитъ къ числу извѣстнѣйшихъ Татарскихъ мусульманскихъ родовъ въ Россіи. Предки ихъ издавна поселились въ Касимовѣ, владѣли тамъ жалованными землями и, какъ увидимъ въ послѣдствіи, служили Касимовскимъ царямъ и царевичамъ. Шакуловы — сеиды т. е. потомки пророка Мухаммеда, и ведутъ свой родъ отъ Хусейна сына халифа Али и дочери Мухаммеда Фатимы; фамилію же свою они приняли отъ одного изъ предковъ, котораго звали Шахъ-куліемъ

(شاہ فولی). Сеидъ Бегадуръ Шакуловъ, живущій нынѣ въ городѣ Касимовѣ, былъ столь обязателенъ, что по просьбѣ мурлы Хусейна Фейзъ-ханова, сообщилъ мнѣ родословную своего рода, хранящуюся въ его семействѣ; я прилагаю этотъ любопытный документъ въ концѣ книги. Въ родословной Шакуловыхъ встречаемъ между именами близкихъ сродниковъ сеида Бурхана, одного изъ строителей мечети, имена всѣхъ сеидовъ (Мусы, Мустафы и др.), упоминаемыхъ въ приведенной нами надписи. По всей вѣроятности всѣ эти сеиды были Шакуловы. Сеидъ Бурханъ показанъ въ родословной сыномъ Бектемира. Бектемиръ этотъ безъ малѣйшаго сомнѣнія—тотъ самый Бектемиръ, имя котораго въ надписи стоитъ въ главѣ всѣхъ остальныхъ именъ строителей мечети, и сынъ котораго былъ въ 1768 г. сотникомъ, и получилъ указъ о дозволеніи Касимовскимъ Татарамъ строить мечеть. Шакуловы въ прошломъ столѣтіи состояли въ близкомъ родствѣ съ другимъ знатымъ мусульманскимъ Татарскимъ родомъ Тевкелевыхъ, одинъ изъ членовъ котораго Кутлу-Мухаммедъ (قوتلو محمد—генералъ-маіоръ Алексѣй Ивановичъ Тевкелевъ), приобрѣлъ себѣ громкую извѣстность въ Русской исторіи приведеніемъ въ подданство Россіи Киргизъ-Кайсаковъ въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны. Сестра Кутлу-Мухаммеда, Урай (اورای) была за мужемъ за сеидомъ Бектемиромъ Шакуловымъ, отцомъ Бурхана (см. Временникъ Императорскаго Московскаго Общества исторіи и древностей, кн. 13. Слѣсь. Свѣдѣнія о родѣ Тевкелевыхъ и о службѣ генералъ-маіора Алексѣя

Ивановича Тевкелева, сообщ. Я. В. Ханьковымъ, стр. 19, гдѣ очевидно по ошибкѣ сказано: «Ураа выдана за Бектира Сента Шакулова»; читать надобно: «за Бектемира Сента Шакулова»). Происхожденіе Тевкелевыхъ (пребывающихъ нынѣ въ Оренбургской губерніи) достоверно неизвѣстно, такъ какъ родовыя бумаги ихъ были затеряны во время Пугачевского бунта. Сами они называютъ первымъ родоначальникомъ своимъ нѣкого Уразлея (Уразлы — اورازلی), неизвѣстно когда и изъ какой Орды поступившаго въ Русское подданство (см. тамъ же). Но и Тевкелевы, если не всѣ то нѣкоторые изъ нихъ, были въ прежнія времена тоже, какъ и Шакуловы, Касимовцами; по крайней мѣрѣ изъ крѣпостныхъ актовъ, сохранившихся въ родѣ Тевкелевыхъ видно, что сынъ мурзы Девлетъ-Мамета Уразмаметева сына Тевкелева (Уразмаметь, т. е. Уразъ-Мухаммедъ اوراز محمد, какъ значится въ родословной Тевкелевыхъ былъ сынъ Уразлея; а Девлетъ-Маметь, т. е. Даулетъ-Мухаммедъ دولت محمد, по крѣпостнымъ актамъ былъ Ярославскимъ кормовымъ помѣстнымъ иноземцемъ и имѣлъ помѣстье во Владимирскомъ уѣздѣ) города Касимова мурза Маметь (מש — отецъ генералъ-маіора Алексѣя Ивановича) имѣлъ помѣстья въ Касимовскомъ, Владимирскомъ и Керинскомъ уѣздахъ, бывшія прежде за дѣдомъ и дядей его (см. тамъ же).

Палласъ, посѣщавшій Касимовъ въ 1768 г. въ августѣ, пишетъ (Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійской имперіи. Ч. I. Спб. 1773, стр. 42,

48), что при немъ дѣлалась мечеть, и что строилась она съ Высочайшаго соизволенія на мѣсто другой старой, которая развалилась. Вотъ собственные слова Палласа (онѣ очевидно относятся къ той самой мечети, о которой у насъ идетъ рѣчь): «Въ здѣшней Татарской слободѣ... стоитъ еще въ вышней части города высокая толстая круглая башня или *Мисиръ*²⁷⁾,

²⁷⁾ Чит. *Мисиръ* отъ слова *مسجد* (мечеть — мечеть); такъ въ старину звались у Русскихъ мечети; прииѣръ тому увидимъ ниже.

оставшаяся отъ разоренной мечети, которая нынѣ съ Высочайшаго позволенія опять строится» (ср. Щекатовъ. Слов. геогр. Росс. гос. III, сл. *Касимовские Татары*). Старая мечеть была, какъ увѣряетъ Палласъ, складена изъ кирпичей, которые имѣли въ величину болѣе 13 дюймовъ²⁸⁾. Значитъ, въ былыя

²⁸⁾ *Палласъ I, 43*: Старая мечеть была складена изъ кирпичей, которые величиною больше 13 дюймовъ; а башня построена изъ тесанныхъ и нарочито великихъ камней, которые, кажется, браны изъ находящейся по ту сторону Оки за 14 верстъ отъ города при деревнѣ Малевъ каменной ломки (ср. Щекатовъ. Слов. геогр. Росс. гос. III, сл. *Касимовские Татары*).

времена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ нынѣшняя мечеть, была другая старая, отъ которой уцѣлѣлъ одинъ минаретъ; теперешняя же новая построена въ 1768 г.

Въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Описаніе торжества, совершеннаго Рязанской губерніи въ городѣ Касимовѣ, при соборной ханской мечети, старшимъ Чиновникомъ Нахуномъ (чит. и Ахуномъ), по случаю совершеннолѣтія Его Императорскаго Высочества, Цесаревича, Наслѣдника въ 1834 году (переводъ съ Татарскаго)» — статьѣ, которую составили той же мечети старшій имамъ Абдулъ-Вахитъ (въ самой статьѣ напечатано: Иманъ-Абдулъ Сеахитъ) Смаиловъ сынъ Девлекамовъ и сынъ его ахунъ Фезлулла (см. Молву, изд. при Телескопѣ. Ч. X. Москва. 1835, стр. 68 и сл.), читаемъ между прочимъ: «А нѣкоторые съ духовенствомъ отличныя особы приглашены были къ богатоизбыточному столу одного усердствующаго градскаго жителя, происходящаго потомствомъ своимъ отъ царскихъ Сеитовъ, Мурзы Салеха Бурхаевича, Сеитъ Шакулова и сына его Почетнаго гражданина, 2-й гильдіи, Хамзы Салеховича²⁹⁾, пекущихся о назиданіи и соблюденіи оной мечети,

²⁹⁾ Хамза сынъ Салиха и Салихъ сынъ Бурхана значатся въ родословной Шакуловыхъ, приложенной въ концѣ книги.

превосходной древностію и честію царей (сочинители приписываютъ построеніе ея около 1467 г. Касиму), которую, изъ давнихъ лѣтъ, они украшали накладкою на нижній втораго этажа и довели до благовидности устроеніемъ красиваго, желѣзнаго купола съ вызолоченною, чрезъ огонь, бронзовою луною; а внутри оной колонаду, михрабъ (замѣчу, что такъ зовутъ мѣсто,

предназначаемое для имама) и стѣны отлично украсили блестящимъ и вѣтвистымъ мраморомъ и отлѣнною столярною уборкою, люстрами и каедрою; а опасность близко подливающейся водоронны (чит. водомонны), подкрѣпили каменными водопроводными бассейнами и каналами». И такъ мечеть, построенная въ 1768 году, была въ послѣдствіи, и не очень давно, еще разъ перестроена и увеличена на цѣлый этажъ сеидомъ Салихомъ Шакуловымъ и сыномъ его сеидомъ Хамзою ³⁰⁾.

³⁰⁾ По показанію Гагина, мечеть до постройки 2-го этажа была крыта тесомъ; по срединѣ же крыши стоялъ шпиль съ яблокомъ, на которомъ водружена была желѣзная луна. Замѣтимъ кстати, что нижній этажъ, возведенный въ 1768 г., сложенъ изъ камня, а второй, новый, построенъ изъ кирпича.

Изъ представленнаго нами очерка исторіи мечети ясно видно, что Касиму, если только онъ былъ за правду первымъ строителемъ мечети, можетъ быть приписано построение, изъ всѣхъ частей нынѣшняго зданія, одного минарета ³¹⁾. А справедливо ли то, что Касимъ

³¹⁾ Быть можетъ, впрочемъ, и минаретъ былъ въ последнее время исправленъ или подновленъ. Въ статьѣ «О городѣ Касимовѣ, Рязанской губерніи», стр. 10, 11, сказано: «По словеснымъ преданіямъ извѣстно, будто Петръ I повелѣлъ сломать здѣсь мечеть, и что верхъ минарета уже былъ сломанъ; но просьбы Татаръ убѣдили Государя отнѣнить разрушеніе ихъ единственнаго въ сей странѣ мо-

литвеннаго дома. Полуразрушенный минареть оставался въ такомъ видѣ до Императрицы Елисаветы Петровны; въ Ея царствованіе онъ опять возобновленъ и приведенъ въ то состояніе, въ какомъ теперь находится» (см. повтореніе этого разсказа въ Барановича Рязанской губерніи, стр. 526).

былъ основателемъ мечети, т. е. строителемъ минарета и той старой, разрушившейся молебни, на мѣсто которой была въ 1768 г. воздвигнута новая—рѣшить трудно. Преданіе существуетъ; многіе писатели, вѣря ему на слово, утверждаютъ, что Касимъ построилъ мечеть; нѣкоторые даже обозначаютъ годъ, когда зданіе было возведено, именно 1467 г. ³²⁾ (О древ-

³²⁾ Почему — не знаю. Не считаютъ ли эти писатели 1467 г. годомъ вступленія Касима въ управленіе Мещерскимъ городкомъ? Ихъ могло ввести въ заблужденіе Историческое обозрѣніе Рязанской губерніи Воздвиженскаго (Москва 1822). Воздвиженскій на стр. 176, 177, посвятилъ особую статью Касиму подъ заглавіемъ: «*Касимъ Царевичъ, 1467 года*», гдѣ тотчасъ подъ заглавіемъ пишетъ: «Царевичъ *Касимъ*, бывъ вѣрнымъ слугою Василія Темнаго, получилъ отъ него въ удѣлъ на берегу Оки Мещерскій городокъ», такъ что годъ 1467, въ которомъ уже властвовалъ Иванъ, неизвѣстно къ чему относится, и кажетъ какъ бы годомъ пожалованія городка Касиму. Статья Воздвиженскаго перепечатана слово въ слово изъ Исторіи Карамзина (Т. VI, стр. 10). Въ Исторіи государства Россійскаго разсказъ о пожалованіи Касиму удѣла

дѣйствительно связанъ съ описаніемъ происшествій 1467 года, но только потому, что объ эту пору былъ предпринятъ Касимомъ походъ противъ Казани.

нихъ зданіяхъ въ Рязанской губерніи, по 1827 годъ, въ Отечеств. Записк., изд. П. Свинынымъ, 1828, ч. 33, стр. 455; Описаніе торжества и т. д. въ Молвѣ, изд. при Телескопѣ. Ч. X. Москва. 1835, стр. 69; Историческая замѣтка о городѣ Касимовѣ, въ Ряз. губ. вѣд. за 1846 г., № 13, и Журн. мин. нар. пр. 1851. Мартъ. Отд. VI, стр. 132). Но совершенно противное этому говоритъ сочинитель издавнаго И. Н. Березинимъ въ II-мъ томѣ его Библіотеки восточныхъ историковъ «Сборника лѣтописей», приближенный хана Касимовскаго Уразъ-Мухаммеда, писавшій свое сочиненіе около 1600 года (см. ниже, статью объ Уразъ-Мухаммедѣ). Указаніемъ подобнаго автора пренебрегать нельзя, а онъ, толкуя о торжествѣ происходившемъ въ Касимовѣ по случаю пожалованія Уразъ-Мухаммеда въ ханы, пишетъ положительно на стр. 147: «شیخ علی خان نینک سالورغان تاش مسجدی ایچیندا» т. е. въ каменной мечети, построенной Шейхъ-Али-ханомъ». Слова эти могутъ быть отнесены только къ той модели, которая приписывается Касиму, потому что въ городѣ, сколько извѣстно, никогда никакой другой мечети не бывало. [Шахъ-Али (не Шейхъ-Али, какъ его неправильно называетъ авторъ Сборника лѣтописей) владѣлъ Касимовымъ въ 1516 и слѣдующихъ годахъ (см. ниже, статья объ [Шахъ-Алі].

Въ концѣ настоящей книги, на Таб. I, приложены найденные мною въ бумагахъ Гагина рисунки и планы, изображающіе какъ наружный видъ Касимовской мечети (Рис. 1), такъ и внутреннее расположеніе ея за 1834 г. Планъ 2 представляетъ нижній этажъ, а планъ 3 — верхній. Въ нижнемъ этажѣ: *а.* минаретъ; *б.* прихожая; *в.* комната, гдѣ прежде, до пристройки втораго этажа, совершалось богослуженіе; *г.* и *д.* кладовыя. Въ верхнемъ этажѣ: *а.* минаретъ; *б.* прихожая; *в.* такъ называемая *سنت بولاسی* (комната для отдѣльнаго моленія); *г.* самая молеельня и въ ней: *а'.* михрабъ (*محراب*), *б'.* минберъ (*منبر*—каедрa). Рис. 4 изображаетъ видъ внутренности комнаты *г.* верхняго этажа во время намаза.

2) Старый каменный дворецъ ханскій, который, если вѣрить преданію, былъ построенъ Касимомъ не подальеку отъ мечети, теперь уже не существуетъ. Но въ 1768 г. при проѣздѣ Палласа чрезъ Касимовъ, развалины дворца, не задолго предъ тѣмъ сло-маннаго, еще виднѣлись, такъ что по остаткамъ его и по разсказамъ очевидцевъ, можно было составить себѣ нѣкоторое понятіе объ его прежнемъ наружномъ видѣ и первоначальномъ устройствѣ.

Привожу описаніе самага Палласа (Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійской Имперіи, ч. I. Спб. 1773, стр. 43, 44): «Изъ такого же известковаго камня (какъ тотъ, который былъ употребленъ для постройки минарета; см. выше, на стр. 65, выпуску изъ Палласова Путешествія) состоятъ и прочіе

Татарскаго строенія остатки близь мечети въ саду находящіеся и заборомъ обнесенные. Кажется, что на семъ мѣстѣ дѣйствительно былъ дворецъ здѣшнихъ Хановъ, и отъ прежняго каменнаго строенія пребыли до новѣйшихъ временъ большія многими Готскими фигурами и Арапскими надписями украшенныя ворота, такъ же продолговатый четверугольный домъ, и такимъ же образомъ обнесенное кладбище знатныхъ Татаръ, отъ коего недалеко находится и кладбище простолюдинцовъ. Для нѣкоторыхъ причинъ по приказанію нынѣшняго хозяина недавно сломаны поминутыя ворота, и во большой части употреблены на сженіе известки, такъ что я могъ еще видѣть только остатки, а особливо кровельные рѣзные подзоры и теремочки. Ханскій домъ тоже сломали, и оставили только основаніе футовъ на пять вышиною, для построенія на ономъ деревянныхъ жилыхъ покоевъ. Сіе строеніе отъ юга къ сѣверу было въ длину нѣсколько больше 32 аршинъ, а въ ширину больше осьми аршинъ съ половиною. На каждомъ концѣ пристроена узкая часть длиною въ 16 футовъ. Въ сѣверной пристройкѣ есть ходъ въ сдѣланной съ уступами наизкосъ подземной и подъ всѣмъ строеніемъ простирающейся съ толстыми сводами погребъ, въ которомъ отъ проходящей сквозь сводъ воды, раждаются окаменѣлыя малыя изъ капель сосульки съ водяными концами, или такъ называемый сталактитъ (въ выноскѣ: *Stalactites apice natroso*)» (См. повтореніе того же самаго описанія въ нѣ-

сколько сокращенномъ видѣ въ Щекатова Слов. геогр. Росс. госуд. III, сл. *Касимовскіе Татары*).

При Гагинѣ фундаментъ, о которомъ говоритъ Палласъ, еще былъ цѣлъ. По крайней мѣрѣ среди рисунковъ, найденныхъ мною въ бумагахъ Гагина, отыскалъ я и планъ его. Онъ приложенъ въ концѣ настоящаго сочиненія, см. Табл. I, Рис. 5 (наружный видъ) и Рис. 6 (внутреннее расположение).

Въ 1841 году фундамента уже не было; его разобрали, такъ что теперь нѣтъ и слѣдовъ прежняго дворца Касима. Вотъ что пишетъ объ этомъ авторъ статьи «О городѣ Касимовѣ, Рязанской губерніи», стр. 9, 10: «Въ городѣ, при мечети, находились царскіе дворцы, по старому обыкновенію деревянные; дворецъ же Касима, Шахъ-Алея и позднихъ временъ Царевича Сейтъ-Бурхана былъ на каменномъ фундаментѣ, съ каменными, искусно вырѣзанными воротами. Подъ фундаментомъ въ землѣ былъ пространный ходъ; объ немъ упоминается въ Географическомъ словарѣ Щекатова. Нынѣ не видно и слѣдовъ этого фундамента; владѣлецъ мѣста разобралъ его и употребилъ камень на фундаментъ своего дома» (см. повтореніе этого разсказа въ Барановича Рязанской губерніи, стр. 525, 526).

II.

ДАНІАРЬ (دانیال).

Первымъ владѣльцемъ Мещерскаго городка послѣ Касима былъ сынъ его Даніарь³³⁾. Уже подъ

³³⁾ Даніарь—передѣланное мусульманское имя Даніаль (دانیال). Передѣлка эта—не искаженіе Русское; сами Татары вмѣсто Даніаль часто произносятъ: Даніарь. Доказательствомъ этому можетъ служить примѣръ родоначальника династїи Мангытской, нынѣ царствующей въ Бухарѣ. Родоначальникъ этотъ, Даніаль, зовется также Даніарь (см. въ Bulletin hist.-phil. de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg. T. XVI, № 12, и въ Mélanges Asiatiques. T. III, St.-Petersbourg. 1859, стр. 576—583, мою статью: Notice sur un poignard Boukhare).

1471 годомъ въ лѣтописяхъ Русскихъ Даніарь, сынъ Касима, является если не положительно владѣльцемъ Мещерскаго городка, то по крайней мѣрѣ жителемъ

Мещеры, и предводителемъ такихъ Татаръ, надъ которыми очевидно начальствовалъ бы Касимъ, еслибъ онъ былъ еще живъ. Упоминается же царевичъ подъ 1471 г., по поводу похода на Новгородъ, предприятияаго великимъ княземъ. Даніяръ «земли Мещерскіе» участвовалъ въ походѣ со всѣми своими царевичами, князьями и казаками³⁴). По окончаніи войны,

³⁴) Т. е. простыми Татарами. Простые Татары, пришедшіе служить въ Россію вмѣстѣ съ своими царевичами, а равнымъ образомъ и простые Татары Казанскіе Крымскіе и пр. обыкновенно звались у Русскихъ казаками; да и сами они называли себя казаками (قازاق).

великій князь, одаривъ Даніяра, Татары котораго потеряли 40 человекъ «въ загонѣ», а по другому извѣстію отличились и 14 іюля въ битвѣ Шелонской, отпустилъ его обратно въ Мещеру. Нельзя не замѣтить при этомъ, что Татарамъ во время похода запрещено было брать людей въ плѣнъ. Держа у себя на службѣ мусульманъ и пользуясь ихъ помощью, Иванъ не хотѣлъ однакожь отдавать имъ въ руки христіанъ православныхъ³⁵).

³⁵) *Собр. 2 лет.* П. С. Р. Л. VI, 191, 192, 193: Князь же велики тое же весны (6979) нача рядитися къ Новгороду... князя же Ивана Стригу отпусти по Мстѣ вверхъ со царевичевыми Татары. Самъ же поиде съ Москвы, уговѣвъ Петрова говѣйна двѣ недѣли... И съ нимъ же поиде царевичъ, Касимовъ сынъ, Дані-

аръ съ Татари... И поиде къ Торжку... и вси же князи поидоша кійждо изъ своей вотчины разными дорогами, со всѣхъ рубежовъ, воююще и сѣкуще, и во плѣти ведяху. Татаромъ же князь велики не повелѣ людей плѣнити (слѣдуетъ описаніе непріязненныхъ дѣйствій, битвы Шелонской и пр.)... Князь же велики умилосердися... и возвратися оттуду съ усть Шолоны... и приде на Москву съ великою славою сентября 1; и честивъ царевича Даниира, и одаривъ и отпусти въ Мещеру: убиша бо у него Ноугородци 40 Татариновъ въ загонѣ (*Сер.* II, 101, 102, 104, 105; *Про.* 270, 271, 274). *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 162, 163, 165: А въ 13 того же мѣсяца (іюня 6979), въ четвертокъ, отпустилъ князь велики князя Ивана Василіевича Оболенского Стригу съ многими вои, да съ нимъ князей царевичевыхъ Даныаровыхъ съ многими Татари, а велѣлъ тѣмъ итти на Волочеку да по Мѣстѣ... Князь же велики Иванъ Василіевичъ... выходитъ съ Москвы того же мѣсяца іюня въ 20 [день], въ четвертокъ... а съ нимъ царевичъ Даниаръ... и бысть радость велика князю великому (о побѣдѣ на Шелонѣ)... бѣ бо тогда у великого князя и царевичъ Даниаръ (*Црв.* 412, 415, 425, и *Ник.* VI, 22, 24, 29, гдѣ князь Оболенскій Стрига названъ Василіемъ Ивановичемъ; *Ст.* II, 110, 111, 115). *Собр. 1 мѣст.* П. С. Р. Л. VI, 9 (г. 6979): И тако уповаю на Бога всѣлъ на конь и самъ князь великій; а... въ свое мѣсто посадилъ на Москѣ сына своего... великаго князя Ивана Ивановича... а у него оставилъ брата своего меньшаго князя Ондрія

Васильевича, да еще повелѣ ему сыну своему держати у собе Муртосу царевича, Мустафина сына царева, и съ его князми и съ его казаки, на что ся гдѣ пригодить ему на каково дѣло... и царевича своего другаго князь великій съ собою же вземъ, царева сына Алдаяра (очевидно ошибка, чит. Данира) Касымовича своей земли Мещерскіе, и съ его царевичи и со князми и съ его казаки и со вѣсми ихъ людьми... И тако двигнувся князь великій вѣсми землями, поиде на свою отчину на Великій Новгородъ (*Свр.* II, 121, 122, гдѣ вмѣсто: «царева сына Алдаяра Касымовича» стоитъ: «Царева сына Касимова, Андаара»). *Врм.* II, 55, 56 (г. 6979): Самъ же князь великій Иванъ Васильевичъ упова на Бога, встѣд на конь, и поиде на Новградъ, а на Москвѣ остави въ свое мѣсто сына своего великаго князя Ивана Ивановича, а у него оставилъ брата своего Андрея меншова, да царевича Муртозу Мустоимна сына царева. А съ собою взялъ... и царевича Данира Касимова сына своей Мещерской земли. *Новг.* 4 лст. П. С. Р. Л. IV, 127, 128: Въ лѣто 6979. Въверже князь великій Иванъ Васильевичъ нелюбіе на Великій Новгородъ... и поидоша на Шолону воюючи... И Новгородци изыдоша противу на Шолону... И качаша ся бити и погнаша Новгородци Москвичъ за Шолону рѣку, и ударишася на Новгородцевъ западнѣя рать Татарове, и паде Новгородцевъ много. *Лв.* III, 16, 17 (г. 6978): И самъ (великій князь) поиде мѣсяца Іюня (къ Новгороду), а съ нимъ братія его... съ ними же Царевичъ Касимовъ сынь съ Татари.

Подъ 1472 годомъ лѣтописцы описываютъ походъ Золото-Ордынскаго хана Ахмеда на Россію и приступъ его къ городу Алексину. Ханъ, по ихъ увѣренію, бѣжалъ, боясь быть перехваченнымъ Русскими, собравшимися во множествѣ; въ числѣ войскъ нашихъ, выступившихъ противъ непріятеля, находился и Даніярь съ своими Татарами: онъ стоялъ въ Коломнѣ. Ханъ во время побѣга весьма опасался, чтобы Даніярь и еще другой царевичъ Татарскій, бывшій на службѣ великаго князя, Муртаза, не взяли орды и женъ его, которыхъ онъ предъ вторженіемъ своимъ въ наши предѣлы, оставилъ однихъ на самой границѣ. По окончательномъ изгнаніи Ордынцевъ, Иванъ, прибавляютъ лѣтописцы, отпустилъ Даніяря обратно «въ свой ему городокъ». Городокъ этотъ очевидно Мещерскій. И такъ, въ 1472 году Даніярь уже положительно владѣлъ Городцемъ на Окѣ ³⁶⁾.

³⁶⁾ *Собр. 2 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 195: Того же лѣта (6980), мѣсяца іюля 29, приходилъ царь Охмуть Кичахметевичъ ордынский со всею силою великою ордынскою, и подпелъ близъ Руси остави у Царицы старыхъ и больныхъ и малыхъ, и поиде съ проводники не путна, и прииде къ рѣцѣ Окѣ подъ городъ подъ Алексинъ съ Литовскаго рубежа... И видѣвши множество вой Рускихъ, лаваче боахуса князь Юрья Васильевича, понеже имени его трепеталуса страны; и спросише Татаръ, яже съ надей страны, которые князю великому служатъ,

яко не вся сила вмѣстѣ, князь же велики подѣ Ростиславлемъ стоитъ, а царевичъ Дашьяръ Кайсымовичъ на Коломнѣ стоитъ съ Татари, а князь Одрѣи болшой въ Серпуховѣ, а съ нимъ Муртаза царевичъ Мустофинъ сынъ царя Казанскаго; и слышавъ то побѣже прочь, а вода предѣ собою посла великаго князя килчя Волнина, блюдущаго того, егда князя великаго царевичи шедъ возмуть орду и царицу его (*Сер* II, 135, 136; *Лв*. III, 23, 24, 25, гдѣ слова: «и спросивше Татаръ, иже съ нашей страны» пропущены, и Волнинъ названъ Григоріемъ). *Соб. 4 лѣт*. П. С. Р. I. VI, 31, 32: Того же лѣта (6980) безбожный царь Ахматъ Кичинахметовичъ съ всею ордою поиде на Русь, и подшелъ близъ Руси и остави у Царицы старыхъ и молодыхъ и малыхъ, и поиде съ проводники не пута, и прииде къ рѣцѣ Оцѣ подѣ городокъ Алексинъ съ Литовскаго рубежа, июля въ 30, въ четвертокъ на заговѣнье... Царь же и вси Татарове видѣвше множество Рускихъ вой, навпаче же бояхуся князя Юрья Васильевича, понеже бо имени его трепетаху; и распросивши сихъ Татаръ, иже нашіе стороны, которые князю великому служатъ, яко еще не вся сила вмѣстѣ, князь же великий съ многими силами подѣ Ростиславлемъ стоитъ, царевичъ Дашьяръ Кайсымовичъ на Коломнѣ стоитъ съ Татари, и многіе воеводы князя великаго съ нимъ и князь Одрѣи Васильевичъ болшой въ Серпуховѣ стоитъ, а съ нимъ Муртоса царевичъ Мустофинъ сынъ царя Казанскаго; а слышавъ царь то, и побѣже прочь, а вода съ собою посла князя великаго килчя Григорья

Волнина и блудучися того, егда князя великого царевичи возмутъ орду и царици его (*Нов. 4 мт.* по окончанію хронографа П. С. Р. Л. IV, 150, 151, гдѣ Даниярь названъ по ошибкѣ Даярь; въ окончаніи Академическаго списка, тамъ же, стр. 133, стоитъ коротко: «Того же лѣта [6980] безбожный царь Ахмать Кочіахметовичъ съ всею ордою поиде на Русь, пріиде къ рѣцѣ Оцѣ подѣ городъ Алексинъ съ Литовскаго рубежа... князь великій съ братьею и со многими силами поиде къ берегу, и слышавъ то царь и побѣже прочь, блудучися того, егда великого князя царевичи възмутъ [орду] и царици его»). *Арх.* 151, 153: Въ лѣто 6981, безбожный царь Ахмутъ Кочи Яхматовичъ болшія Орды поиде на Русь ратью со всею Ордою; и пришедъ близъ Руси, ста; и остави царицъ своихъ, старыхъ людей, и малыхъ, и больныхъ, а самъ поиде свободники не нутьша. И пріиде къ рѣцѣ Оцѣ подѣ городъ подѣ Алексинъ... Царь же боится нача князя Юрья, понеже бо его трепетаху мнози страны поганіи. Татарове же роспросивше Татаръ, кои на сей сторонѣ великаго князя, только ли силы Рускія; ониже рѣша: Самъ князь великій подѣ Ростиславлемъ съ силою, а Даниярь салтанъ Кайсемовичъ съ Тотары и съ Русаки на Коломнѣ; а въ Серпуховѣ братъ великаго князя Угличскій князь Андрей, а съ нимъ Муртоса царевичъ Мурстофинъ Казанскаго. Слышавъ то Ахмутъ побѣже прочь. *Врм.* II, 82, 83, 84: Тогожъ лѣта (6980), злочестивый царь Ординскій Ахмать подвижесь на Русскую землю... а царь Ахмать Кичи Ахматовичъ

приде ко граду Олехсину со многими силами... Татаревежь видѣвше множество полковъ Христіанскихъ и побѣгоша за рѣку, а полцы великаго князя придоша ко берегу рѣки, такожь и царевичъ Данаръ Касымовичъ приде, и Муртеза царевичъ Мустоевичъ сынъ Казанскаго цара приде изъ Серпухова со княземъ Андреемъ Васильевичемъ боляшимъ. По семже приде ко берегу и самъ оказанный царь Ахматъ, вода съ собою посла великаго князя Киличѣя Григорья Воляина, и владѣ многія полки великаго князя... царь же видѣвъ ихъ начатъ по малу отъ берега отступати, бояся князя Георгія Васильевича, понеже имени его трепетаху многіи страны, еще же помышляя и блюдася, еда како великаго князя царевичи шедъ, возмуть орду его и царьцы. *Ник.* VI, 45, 46, 47, 48: Тогоже лѣта (6980) злочестивый царь ардинскій Ахмутъ подвижеся на рускую землю... а царь Ахметъ приде со многими силами по градъ Алексинъ... Татаривеже видевше множество полковъ христіанскихъ, побегоша за реку, а полцы великаго князя і всехъ князей придоша ко берегу, и бысть многое множество ихъ, такоже и царевича Данара Трегубова сына... а самъ князь великїи возвратился в Коломну, а с нимъ царевичъ Данаръ Трегубовъ сынъ, в оттолѣ и того почтивъ отпусти въ свои ему городокъ. (*Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 173, 174, 175).

О жизни Даніяра и объ управленіи его Мещерскимъ городкомъ знаемъ мы очень мало. За все время отъ 1472 до 1477 упоминается о немъ

только въ договорныхъ грамотахъ великаго князя Ивана Васильевича съ братьями его князьями Борисомъ Волоцкимъ и Андреемъ Углицкимъ 13 февраля и 14 сентября 1473 года, да еще въ грамотѣ Крымскаго царя Менгли-гирея, писанной имъ въ 1475 году къ великому князю Ивану. Въ договорныхъ грамотахъ князья Борисъ и Андрей обязываются содержать въ дружбѣ Даніяря и всякаго другаго царевича, кто будетъ на его мѣстѣ, или кого великій князь и сынъ его сочтутъ за нужное принять въ свою землю ³⁷⁾).

³⁷⁾ *Сб. гос. гр. I, № 97, стр. 235, 236: А Царевича имѣть Даньдра, или хто по немъ на томъ мѣстѣ нынѣ Царевичъ будетъ, и тобѣ его держати съ нами съ одного; а будетъ, брате, маѣ Великому Князю и моему сыну Великому Князю много Царевича отколе принять въ свою землю своего дѣла дѣла и хрестыанскаго дѣла, и тобѣ и того держати съ нами съ одного (ср. тамъ же, № 98—102, стр. 238, 241, 243, 246, 248; Др. Висл. II, № 75—77, 79, 80—82, стр. 53, 54, 59, 64, 65, 75, 80, 81, 86, 87, 92; Прод. Древн. Росс. Висл. III, № 87, 88, 92, 93, стр. 184, 192, 209, 210, 218).*

Въ грамотѣ же 1475 года, ханъ Крымскій проситъ великаго князя высылать царевичей Даніяря и Муртазу ³⁸⁾ противъ Ахмеда, царя Золотой

³⁸⁾ Имя царевича Муртазы (مرتضى) довольно часто встрѣчается вмѣстѣ съ именемъ Даніяря; потому здѣсь и не

излишнимъ будетъ сказать про него нѣсколько словъ. Въ первый разъ упоминается о немъ въ лѣтописяхъ подъ 1471 г. Великій князь, предъ самымъ выступленіемъ къ Новгороду, послалъ Никиту Беклемишева «въ поле» перезвать Муртазу къ себѣ на службу; Иванъ не успѣлъ еще возвратиться изъ похода, какъ уже царевичъ былъ въ Москвѣ у его сына (*Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 167, 168: А того же лѣта [6979] великій князь Иванъ, идя къ Новгороду, послалъ въ поле Никиту Беклемишова искати царевича Муртазы, Мустофина сына, звати къ себѣ его служити; Никита же наѣде его въ полѣ, и перезва его къ великому князю, и приде съ нимъ къ сыну великого князя на Москву, напередъ прихода великого князя изъ Новгорода. Ср. *Црв.* 433; *Ник.* VI, 33; *Ст.* II, 132). Сыну же своему великій князь, еще предъ отъѣздомъ изъ столицы, предписалъ держать при себѣ въ его отсутствіи, царевича «съ его князьми и съ его казаки, на что ся гдѣ пригодитъ ему на каково дѣло» (см. выше, пр. 35, стр. 76). Въ 1472 г. Муртаза, какъ мы видѣли (см. выше, пр. 36, стр. 78—80), участвовалъ въ войнѣ съ ханомъ Золотой Орды Ахмедомъ. Въ послѣдствіи, и именно какъ кажется въ 1473 г., великій князь Иванъ Васильевичъ пожаловалъ ему Новый городокъ на Октѣ (*Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 178: Тое же зимы (6982), декабря 31, пріѣхалъ служити великому князю Ивану Василіевичю царевичъ Муртоза, сынъ Казанскаго царя Мустофы; и князь велики его пожаловалъ, далъ ему Новѣгородъ на Октѣ съ многими волостми. См. также *Ник.* VI, 55; *Согл.* 1 лѣт. II.

С. Р. Л. VI, 32; *Свр.* II, 342; *Ноев.* 4 *лт.* П. С. Р. Л. IV, 133, 151; *Ноев.* 3 *лт.* П. С. Р. Л. III, 242; время прибытія Муртазы въ Россію, очевидно, означено ошибочно: годъ 1473 должно считать, какъ и полагаетъ Арцыбышевъ [II, к. IV, стр. 25, № 141], только годомъ пожалованія царевичу Нового городка). Послѣ 1473 г., о Муртазѣ упоминается еще подъ 1475 и 1480 г. (см. ниже, стр. 87); онъ жилъ тогда въ Россіи; что же съ нимъ сдѣлалось потомъ — неизвестно. Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній самое любопытное то, что лѣтописцы почти постоянно называютъ Муртазу сыномъ Мустафы, царя Казанскаго. Царя же въ Казани по имени Мустафы (مصطفى), не существовало никогда. Ужъ не былъ ли Муртаза сыномъ того извѣстнаго Мустафы, который палъ на берегу р. Листани, героически защищаясь противъ войска, посланнаго великимъ княземъ Василюмъ (*Лар.* V, 179)? Мустафа этотъ могъ быть по ошибкѣ названъ царемъ Казанскимъ. Новый городокъ на Окѣ, пожалованный Иваномъ Муртазѣ, по всей вѣроятности, какъ думаетъ Арцыбышевъ (II, к. IV, стр. 25, № 142) — Новый городокъ Олговъ, во всякомъ случаѣ не городокъ Мещерскій, хотя онъ назывался также, какъ мы видѣли (см. выше, стр. 41), *Новымъ низовымъ городомъ*. О ту пору когда Муртаза жилъ въ Россіи, Мещерскимъ городкомъ управлялъ Давіаръ.

Орды, обѣщая съ своей стороны быть съ Иваномъ за одно противъ короля Казимира. «А коли»,

сказано въ грамотѣ, «мой недругъ Агматъ Царь пойдетъ на меня на Менли Гирея Царя и тобѣ моему брату Великому Князю Царевичевъ своихъ Даньяра и Муртозу на Орду отпущати по своей правдѣ (Сб. юс. гр. V, № 2, стр. 2) ³⁹⁾).

³⁹⁾ См. въ *Кар.* пр. 124 къ Т. VI, наказъ данный Алексѣю Старкову, отправленному посломъ въ Крымъ 23 марта 1475 г., гдѣ сказано: «И учнетъ Царь говорить: приказывалъ есми къ своему брату... чтобы со мною былъ на Царя Ахмата за-одинъ: коли пойдетъ на меня Ахматъ, и онъ бы *Царевичевъ* своихъ отпустилъ на Орду; и братъ мой, Князь Великій, у своей правды то выговорилъ, а на томъ мнѣ правды не далъ» (не далъ, потому что ханъ не хотѣлъ тогда общать быть за одно съ Иваномъ противъ Казимира). Въ указанной мною грамотѣ Менгли-гирея упоминается о «Бояринѣ Алексѣѣ». Грамота, должно быть, была писана тотчасъ по пріѣздѣ Алексѣя Старкова въ Крымъ, потому что вскорѣ послѣ того, Менгли-гирей былъ сверженъ съ престола (см. ниже, статью о Нуръ-даулетѣ).

Въ 1477 году Даніяръ съ Татарами своими является въ рядахъ войска великокняжескаго, шедшаго на Новгородъ, и присутствуетъ за тѣмъ при паденіи славной республики Новгородской ⁴⁰⁾.

⁴⁰⁾ *Согр.* 2 лт. П. С. Р. Л. VI, 207, 213: Въ лѣто 6986... Октебра 9... выиде князь велики съ Москвы къ Новугороду... а Даньяру царевичю, Касы-

мону сыну, велѣлъ итти на Клинь, напередъ себя за 4 дни, да ко Тѣри да къ Торжку... Октября 23 выѣхалъ князь велики изъ Торжку, а пошелъ ратью на Новгородъ... А царевичю Даныару велѣлъ итти отъ Торжку по за Мстѣ, а съ нимъ воевода великого князя Василей Образецъ съ Боровичи... Того же дни (декабря 4) царевичъ Даныаръ пришелъ подъ городъ (Новгородъ), а съ нимъ воевода великого князя Василей Образецъ съ Боровичи; и князь велики велѣлъ царевичю стати въ Кириловѣ монастырѣ да у Ондрѣя святаго въ монастырѣ, на Городишеской же сторонѣ, а приставомъ царевичевымъ князю Петру Оболенскому да князю Ивану Звенцу велѣлъ стати на Ковалевѣ въ монастырѣ, а Василью Образцу съ Боровичи велѣлъ стати у Спаса въ монастырѣ на Волотовѣ (*Сер.* II, 176, 177, 187; *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 185, 191, гдѣ не: «Василей Образецъ съ Боровичи» и не: «Василью Образцу съ Боровичи», а съначала: «Василей Образецъ Федоровичъ», а потомъ: «Василей Образецъ зъ Борисовичи» и «Василью Образцу зъ Борисовичи»; *Ник.* VI, 75, 76, 89, гдѣ, на стр. 76, вмѣсто: «Василей Образецъ съ Боровичи», сказано: «Василей образецъ Борисовичъ»; *Лв.* III, 71, 73, 97). *Баши. разр. кж.*: Декабря (6986) въ 4 день въ понедельникъ пришлоу подъ городъ царевичъ Даныаръ, а съ нимъ воевода великого князя Василей Образецъ зъ Борисовичи, князь великии велелъ царевичю Даныару стати въ Кирилове монастырѣ да у Андрѣя святаго въ монастырѣ на Городише съ тоежъ стороны, а приставомъ царевичевымъ князю Петру Оболенскому да князю Ивану Звенцу велелъ стати на

Ковалеве въ монастырѣ, а Василью Обрасцу зъ Борисовичи велелъ стать у Спаса на Волотове въ монастырѣ. *Пск. 1 лѣт.* П. С. Р. Л. IV, 259, 260 (г. 6986): Самъ князь великой... сталъ... подъ Новымъгородомъ; а самъ сталъ въ Ракомли... по тую же сторону сталъ царевичъ Даньяръ еще и прежде великого князя съ своею силою Татарскою, и той изгонною ратью и посады и монастыри изгонилъ и не далъ ожечи, и тутова вси сами въ тѣхъ посадѣхъ и монастырѣхъ и стали, и со иными многими силами великого князя... и князь же великой... нача у нихъ подъ Великимъ Новымъгородомъ подъ стѣною стояніемъ стояти со всѣми своими силами... а еще кому у него и царевичъ Даньяръ и съ многими Татарскими силами своими тутю же стоялъ, служачи великому князю подъ Новымъгородомъ (*Пск. Пов.* 148). *Ст.* II, 122, 124: Паки же въ лѣто 6986 собра многое воинство свое, и поиде къ Новуграду... Подоша же съ нимъ братія его и Царевичъ Даньяръ Касимовъ сынъ, и Псковичи... Повелѣ же Великій Князь (ставъ подъ Новгородомъ) братіи своей и Царевичу Даньяру и всему войску и Псковичемъ и всѣмъ людемъ, идѣже кто нибуди, отвсюду во единъ день пріити ко граду съ пушками и со всякимъ оружіемъ мѣсяца Декабря въ 7 день въ четвертокъ.

Съ 1477 года почти единственнымъ источникомъ, по которому можно еще, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, слѣдить за обстоятельствами жизни Даніяра—служать дошедшіе до насъ оффиціальныя акты и гра-

моты того времени. Такъ, въ 1480 году Крымскій ханъ Менгли-гирей писалъ великому князю Ивану: «Коли пойдетъ на меня Царь Ахмать, и тобѣ, моему брату, Великому Князю Ивану, Царевичевъ своихъ отпустить на Орду съ Уланы и со Князми» (Сб. юс. гр. V, № 4, стр. 2). Здѣсь, безъ малѣйшаго сомнѣнія, дѣло идетъ о царевичахъ Даниярѣ и Муртазѣ, такъ какъ приведенныя мною слова хана — ничто иное, какъ повтореніе его же словъ, которыя онъ писалъ тому же Ивану въ 1475 году, и въ которыхъ называлъ поименно Данияра и Муртазу (см. выше, стр. 84). Въ 1481 году (2 февраля) въ договорныхъ грамотахъ великаго князя съ братьями его Андреемъ Можайскимъ и Борисомъ Волоцкимъ, включено по прежнему обязательство для князей: содержать въ дружбѣ Данияра и всякаго другаго царевича, кто будетъ на его мѣстѣ. «А Царевича намъ *Даниара*», значитъ въ договорѣ, «или кто по немъ на томъ мѣстѣ нный Царевичъ будетъ, и тобѣ его держати съ нами съ одного» (Сб. юс. гр. I, № 106, стр. 256; ср. № 107 — 111, стр. 258, 262, 264, 267, 269; Др. Висл. II, № 86—92, стр. 106, 107, 112, 117, 124, 131, 138, 145; Прод. Дрегм. Росс. Висл. III, № 102, 103, 105, 106, стр. 244, 252, 263, 264, 273, 274). Около того же 1481 года, князь Андрей Васильевичъ меньшей въ своей духовной завѣщевалъ: «Дати ми своему Господину своему брату старѣйшему Великому Князю Ивану Васильевичю тритцать тысячъ рублевъ, что

за меня въ Орды давалъ и въ Казань и въ городокъ Царевичю, и что есмь у него собѣ ималъ (*Сб. юс. гр. I, № 112, стр. 271; Др. Висл. II, № 93, стр. 146; Дрест. Росс. Висл. III, № 114, стр. 276, 277*). Здѣсь навѣрно городокъ—Мещерскій, а царевичъ—Даніяръ. Наконецъ въ 1483 г., 9 іюня, заключена была, между великими князьями Московскимъ и Рязанскимъ, та самая договорная грамота, выписка изъ которой, касающаяся Касима и Даніяра, весьма важная, какъ мы видѣли, для изслѣдуемаго нами предмета, сообщена выше на стр. 29 — 33.

Въ лѣтописяхъ, Даніяръ послѣ 1477 г. упоминается только разъ. Лѣтописцы рассказываютъ, какъ около 1483 г. выѣхалъ въ Россію Нѣмецкій врачъ Антонъ, какъ онъ взялся лѣчить и залѣчилъ Даніярова князя Кара-ходжу (فرا خواجه), какъ великій князь выдалъ врача сыну Кара-ходжи, который мучилъ его и отпустилъ на окупъ (по закону мусульманскому, можно за убійство откупаться взносомъ извѣстной денежной пени), и какъ за тѣмъ, по настоянію великаго князя, Татары зарѣзали несчастнаго Антона на р. Москвѣ, подъ мостомъ ⁴¹⁾.

⁴¹⁾ *Свѣд. 2 тт. П. С. Р. Л. VI, 235*: Того же лѣта (6991) врачъ нѣкій Нѣмчинъ Онтонъ пріѣха къ великому князю, его же въ величій чести держа князь великий его, врача же князя Каракучу царевичева Даньярова да увори его смертнымъ зельемъ за посылѣхъ; князь же великий выда его сыну Каракучеву, онъ же мучилъ его

хотѣ дати на окупъ, князь же велики не пожелѣ, но велѣ его убити; они же свезше его на рѣку на Москву подѣ мостъ, зинѣ, да зарѣзаша его ножемъ какъ овцу (Сар. II, 226; Лв. III, 185, подѣ 6993 г.). Здѣсь нельзя не замѣтить, что Караманъ (VI, 121) называетъ Кара-ходжу сыномъ Даниара. Будь Кара-ходжа действительно сыномъ Даниара, то лѣтописцы на вѣрно называли бѣ его не просто княземъ, а царевичемъ.

Любопытный разсказъ этотъ изображаетъ съ одной стороны нравы того времени, а съ другой — свидѣтельствуешь о значеніи, которымъ пользовались тогда, при дворѣ Русскомъ, не только служивые царевичи Татарскіе, но и князья ихъ. Великій князь конечно не за всякаго выдаѣ бы врача на смерть.

За тѣмъ уже болѣе нигдѣ не встрѣчается имя Даниара. Все что можемъ сказать, это то, что онъ умеръ или былъ смѣщенъ около 1486 года. Въ этомъ году въ договорныхъ грамотахъ великаго князя съ братьями, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде становало имя Даниара, стоитъ имя новаго лица — царя Нуръ-даулета. «А Царя *Нурдовмата*», говоритъ великій князь, «или кто по немъ иный Царь или Царевичъ будетъ на томъ мѣсте, и тобѣ его держати съ нами съ одного (см. Сб. юс. гр. I, дог. грам. в. кн. Ивана Васильевича съ Борисомъ Васильевичемъ, 20 августа 1486 г., и Андреемъ Васильевичемъ большимъ, 30 ноября 1486 г., № 123—126, стр. 309, 312, 316, 319; см. также Др. Висл. II, № 105—108,

стр. 237, 246, 254, 262; *Прод. Дрест. Росс. Висл.* IV, № 129—132, стр. 127, 139, 152, 164, 165).

Мы знаемъ навѣрно, что былъ Нуръ-даулетъ царь, владѣлецъ городка Мещерскаго. Въ Актахъ, собранныхъ въ библіотекахъ и архивахъ Россійской имперіи Археографическою экспедиціею, Т. I, въ Описи Царскаго архива, 1575—1584, № 289, стр. 340, прямо сказано: «Ящикъ 58. А въ немъ грамоты шертовые и списки старые Городетскіе, при Данъярѣ царевичѣ и при Нурдовлатѣ царѣ и при иныхъ царѣхъ и при царевичѣхъ».

Думать должно, что около 1486 года Даніяръ сошелъ со сцены, а мѣсто его въ городкѣ Мещерскомъ занялъ Нуръ-даулетъ царь ⁴³⁾.

⁴³⁾ Въ заключеніе статьи о Даніярѣ замѣчу вотъ что: Контарини, бывшій въ Россіи въ 1476 г., пишетъ въ своемъ путешествіи (*Библіот. иностр. писат. о Россіи.* Отд. I. Т. I. Путешествіе Амвросія Контарини, стр. 106 перевода и 177 текста), что великій князь Иванъ имѣлъ обыкновеніе ежегодно объѣзжать свои владѣнія и въ особенности посѣщать одного Татарина, котораго онъ, какъ говорили, содержалъ на жалованьи съ 500 всадниковъ, на Татарской границѣ, для защиты Русской земли отъ нападеній. — Не Даніяра ли имѣлъ Контарини въ виду?

III.

НУРЪ-ДАУЛЕТЪ (نور دولت).

Кто же былъ Нуръ-даулетъ, которому суждено было захватить въ свои руки наслѣдіе Касимова?

Въ лѣтописяхъ читаемъ, что осенью 1479 г., по отъѣздѣ великаго князя въ Новгородъ, прибыли въ Москву служить ему «изъ поля» два царя: «Нурдовлатъ (Мердоулатъ, Мордоулатъ, Мердеулатъ)» съ сыномъ своимъ «Бердоулатомъ (Бердеулатомъ, Мердоулатомъ)», и братъ его «Андаръ (Идаръ, Андаръ, Алебеданъ)», сыновья «Азигерея (Изигирея, Асирѣя, Ачигирея, Анчигирѣя, Акигирѣя)», царя Крымскаго⁴³⁾.

⁴³⁾ *Сопф. 2 мт.* П. С. Р. Л. VI, 223: Тое же осени (6987), егда бысть князь великій въ Новѣгородѣ, придоша на Москву къ великому князю два царя, Азигереевы дѣти, Нурдовлатъ и Андаръ; тое же весны уби и царевичъ большой (*Ср.* II, 205). *Про.* 297: Тое же осени (6988) егда бысть князь въ Новѣ городѣ, придоша на Москву къ великому князю два царя Изиги-

реевы дѣти, Нурдовлатъ и Андаръ. Тоеже весны уби царевича большаго. *Лс.* III, 138. Той же зимы (6988) мѣсяца Генваря, егда бысть Князь Великій въ Новгородѣ придоша на Москву къ Великому Князю два Царя Азигирѣвы дѣти Крымскіе Мердоулатъ съ сыномъ съ Бердоулатомъ, да братъ его Алебеданъ. *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 205: Тое же осени (6988), по отъѣздѣ великого князя въ Новгородъ, придоша на Москву къ великому князю два царя, Мердоулатъ съ сыномъ Бердоулатомъ да братъ его Андаръ. *Вр.м.* II, 126: Тояжь осени (6988) по отъѣздѣ великаго князя въ Новградъ, придоша къ великому князю два царя Мердоулатъ съ сыномъ Мердоулатомъ да братъ его Андаръ. *Согф.* 1 *лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 34: Тое же осени (6988), по отъѣздѣ великого князя въ Новгородъ, придоша къ великому князю Ивану Васильевичю и къ сыну его къ великому князю Ивану изъ Поля два царя служити, Мердоулатъ съ сыномъ Бердоулатомъ, да братъ его Андаръ, дѣти царя Ачигирѣя Крымскаго. *Ник.* VI, 109: Тоеже осени (6988) по отъѣзде великого князя в Новгородъ придоша к великому князю Ивану Васильевичю, и к сыну его к великому князю Ивану Ивановичю ис поля два царя служити, Мердоулатъ с сыномъ Бердеулатомъ, да братъ его Андаръ дѣти царя Ачигирѣя крымского. *Сер.* II, 344: Тое же осени (6988), по отъѣздѣ великого Князя въ Новгородъ, придоша къ великому Князю изъ Поля два Царя служити, Мердоулатъ со сыномъ Бердоулатомъ, да братъ его Андаръ, дѣти Царя Ачитирея Крымского.

Нов. 3 лт. П. С. Р. Л. III, 243: По отъѣздѣ великаго князя въ Новгородъ (уѣхалъ же великій князь осенью 6988 г.), придоша къ великому князю изъ поля два царя служить, Мердоулатъ съ сыномъ Бердоулатомъ да братъ его Андаръ, дѣти царя Ачигирѣя Крымскаго. *Нов. 4 лт.* (окончаніе хронографа) П. С. Р. Л. IV, 152: Тое же осени (6988), по отъѣздѣ великаго князя въ Новгородъ, придоша къ великому князю изъ Поля два царя служить, Мердоулатъ съ сыномъ Бердоулатомъ да братъ его Андаръ, дѣти царя Ачигирѣя Крымскаго. *Нов. 4 лт.* (окончаніе академическаго списка) П. С. Р. Л. IV, 133: Въ лѣто 6988. Князь великій былъ въ Новгородѣ, а стоялъ въ Славѣ; придоша къ великому князю изъ Поля два царя служить, Мердоулатъ съ сыномъ Бердоулатомъ да братъ его Идаръ, дѣти царя Асирѣя Крымскаго. *См. II*, 133: Та же (6990) придоша на Москву къ Великому Князю два Царя Мердоулатъ съ сыномъ Мердоулатомъ и братъ его Айдаръ.

По свѣдѣніямъ, имѣющимся объ исторіи Крыма, знаемъ, что Хаджи-гирей, первый ханъ Крымскій, умеръ въ августъ 1466 года. На престолъ вступилъ тогда старшій сынъ его Нуръ-даулетъ ⁴⁴⁾.

⁴⁴⁾ *Джурѣи* II, 396, 397; Circa medietatem Mensis Augusti (1466), Tartarorum Imperator Eczigeri absumptus est, et ut nonnulli ferunt, à suis venenatus. Qui sub omni tempore sui Imperii, pacem optimam cum Regno Poloniae, et terris Prussiae custodiuit et tenuit. humanus,

civilisque, et bene agendi cupidus (ср. *Мухомскій*, кн. IV, гл. LXVIII, стр. СССXXXIII). *Джуровъ* II, 403: Advenerat et novi Imperatoris *Thartarorum* vocati *Nurdmolad*, qui patri suo *Eezigero* in Imperio successerat, *Pyotrcomiam* (весною 1467 г.) Nuncius. Qui *Eezigeri* morte commemorata, *hunc in Imperium, omnium Principum et Vlanorum unanimi consensu, sublimatum, caeterisque fratribus praelatum* deduxit: offerens *illum in pari liga, amicitia et foedere, iuxta ac pater suus Eezigeri manserat, cum Casimiro Rege et Regno Poloniae, et Principibus suis mansurum...* Huic responsum est, *Casimirum Regem et Regnum Poloniae, de morte Eezigeri sincere doluisse, et dolere. De filii vero sui, in Solum paternum et Imperium substitutione lactari convenire: existimantibus illum, paternos mores, virtutes et vestigia sectaturum.* *Кромель*, кн. XXVII, стр. 576: Audita (весною 1467 г.) est etiam *Nurduuladi* novi *Tauricanorum Tartarorum* principis, qui *Eazigeri* patri ante septem menses extincto successerat, legatio, foedus et amicitiam paternam cum *Cazimiro* eiusque ditionis hominibus confirmans, et auxilia contra quosuis hostes pollicens. *Мухаммедъ-Риза* въ своей исторіи *Крымскихъ хановъ* (*Асеевъ о-ссейяръ* или *семь планетъ*). Сочиненіе сейида *Мухаммеда Ризы*, изданное подъ наблюденіемъ *Мирзы Казембека*. Казань. 1832, стр. v^{re}) считаетъ также 1466 г. (871 гаджры) годомъ смерти *Хаджи-гирея* (حاجی کرای). Некоторые изъ восточныхъ писателей, въ томъ числѣ и *Дженнаби* (см. ниже, пр. 48, стр. 100, 103), пола-

гавъ, будто Хаджи-гирей скончался въ 1475 г. (Hammer. Geschichte der Chane der Krim. Wien. 1856, стр. 32). Мнѣніе это ложно: оно противорѣчитъ положительнымъ даннымъ, известнымъ изъ исторіи Россіи и Польши. — Чей былъ сынъ Хаджи-гирей, достовѣрно неизвѣстно. Сводъ мѣтій, хотя и неполный, различныхъ писателей объ его родоприсхожденіи можно видѣть у Гаммера въ его Geschichte der Gold. Horde, стр. 399, и въ его Geschichte der Chane der Krim, стр. 26—28. Наша родословная книга, какъ мы видѣли (см. выше, пр. 21, стр. 44 и 47), называетъ Хаджи-гирея (Азигирея) сыномъ Даулетъ-бирды (Дулатъ-бердй — دولت بیردی) оглана и внукомъ Тохтамыша; по словамъ *Род. кн.* Даулетъ-бирды жилъ въ Литвѣ у Витовта. Въ этомъ *Род. кн.* наша согласна съ нѣкоторыми изъ Польскихъ историковъ (Hammer, l. c.; ср. *Кар.* пр. 384 къ Т: V). Во всякомъ случаѣ, по моему мнѣнію, правы тѣ, которые производятъ Хаджи-гирея изъ одного рода съ Тохтамышемъ. Сами ханы Крымскіе, потомки Хаджи-гирея, считали себя сородичами Тохтамышу. Сошлюсь на грамоту хана Мухаммедъ-гирея, 926 (1520) г., гдѣ читаемъ: «اولو تو قنماش خان برلا اولو حاجی کرای خان بابام» т. е. начиная съ великаго Тохтамыша хана и великаго Хаджи-гирея хана дѣда моего» (см. изданныя мною *Матер. для ист. Крыма*, стр. 3).

Ханъ этотъ продержался не болѣе двухъ лѣтъ и былъ замѣщенъ около 1469 года братомъ своимъ Менгли-гиреемъ, который до того времени

жилъ въ Кафѣ, подѣ защитою Генуезцевъ ⁴⁵⁾).

⁴⁵⁾ *Длугошъ* II, 438: Aduenerant illuc (въ началѣ 1469) etiam Imperatoris noui *Thartarorum Mengligeren* Nuncii: Caesarem suum *Cusimiro* Regi commendantes, et contra quemlibet hostem offerentes auxilia. Filium *Eczygeri* natu maiorem *Nardulab* expellunt, et fratrem eius *Mengligeren* substituunt: quem aegre illis *Caphenses*, apud quos tunc hospitabatur, collisionem ingentem *Tartarici* Imperii veriti restituerant. *Кромеръ*, кн. XXVII, стр. 585: Adfuit autem *Mengligeris* noui *Tartarorum* principis, qui *Nurdulabo* seu *Nurduuulabo* maiori natu fratri à suis eiecto successerat, legatio, foedus et amicitiam et auxilia contra quosuis hostes regi deferens. His de more cum donis et gratulatione dimissis, constitutisque pro tempore rebus *Russicis*, Rex ad finem *Aprilis* (1469) *Cracouiam* redijt. *Мухомовскій*, кн. IV, гл. LXVIII, стр. CCCXXXIV, CCCXXXV: Anno domini 1469 *Thartari Pzrecopenses* *Nardulab* expulerunt, qui in *Moskouiam* fugiens exulauit, et fratrem eius *Mengligeren* substituerunt, quem egre illis *Caphenses*, apud quos hospitabatur, imperii *Thartarici* ingentem collisionem ueriti restituerunt. О Менгли-гиреѣ, какъ о царѣ, упоминается еще разъ *Длугошемъ* (II, 450) и *Кромеромъ* (кн. XXVII, стр. 587) подѣ тѣмъ же 1469 годомъ.

Новый царь въ свою очередь устоялъ недолго. Чиновникъ Русскій Алексѣй Ивановичъ Старковъ, отправленный изъ Москвы въ мартѣ 1475 г., виѣстъ съ ѣхавшимъ обратно въ Крымъ по-

сломъ ханскимъ Даулетекъ-мирзою (دولتک میرزا), едва успѣлъ застать Менгли-гирея на престолѣ. Внутренніе раздоры, въ главѣ которыхъ стоялъ другой братъ Хайдеръ ⁴⁶⁾, принудили его снова искать

⁴⁶⁾ Хайдеръ (حیدر) этотъ еще въ 1474 г. (*Джюшъ II*, 515 и *Мъховскій*, кн. IV, гл. LXX, стр. CCCXXXVIII: circa festum sancti Ioannis Baptistae) въ главѣ 7000 чел. Татаръ самъ, безъ разрѣшенія хана (Менгли-гирея), нападалъ на Польскія владѣнія, и произвелъ страшныя опустошенія въ Подоліи и окрестныхъ мѣстахъ. Говорили, что Татары подучены были къ тому Литовскими вельможами. См. подробное описаніе похода Хайдера у *Джюша II*, 514 — 516, и у *Кромера*, кн. XXVIII, 609, 610; см также *Мъховскаго*, кн. IV, гл. LXX, стр. CCCXXXVIII. Всѣ три писателя называютъ Хайдера Айдоромъ (*Джюшъ II*, 515: sub praefati Aydor filii Eczigeri ductu; *Кромеръ*, кн. XXVIII, 609: duce Aidoro Ecigeris filio; *Мъховскій*, кн. IV, гл. LXX, стр. CCCXXXVIII: Aydor, filius Eczigeri).

убѣжища у Генуезцевъ въ Кафѣ (Siestrzencewicz. Histoire du royaume de la Chersonèse Taurique. 2 édit. St.-Petersbourg. 1824, стр. 334, 335 и 356; Sismondi. Histoire des républiques italiennes. Nouv. édit. T. XI. A Paris. 1826, стр. 40—42; см. Vberti Folietae Historiae Genuensium Libri XII. Genvae. MDLXXXV, Lib. XI, стр. 243—245).

Вскорѣ послѣ того, въ іюнѣ 1475 года, Кафа была взята Кедюкъ-Ахмедъ-пашою, великимъ визиремъ султана Мухаммеда II. За тѣмъ предъ Турками

пали Мангупъ и другіе города, и власть христіянъ на берегахъ Чернаго моря рушилась. Въ Крыму уже властвовалъ тогда, если вѣрить Гаммеру, Ахмедъ ханъ: на его имя писаны были Турками извѣщенія о побѣдахъ, одержанныхъ надъ Генуезцами (см. Hammer. Geschichte des Osmanischen Reiches. II Band. Pest. 1828, стр. 140 — 142, гдѣ ссылки на принадлежавшее ему рукописное собраніе султанскихъ грамотъ, собранныхъ рейс-эфендіемъ Феридуномъ) ⁴⁷⁾. При взятіи Мангупа

⁴⁷⁾ Не былъ ли этотъ Ахмедъ, котораго зоветъ Гаммеръ сыномъ Хаджи-гирея, Ахмедъ, ханъ Золотой Орды (Hammer. Gesch. d. Chané der Krim, стр. 42, пр. 1)? То что Гаммеръ говоритъ про этого Ахмеда, требуетъ тщательной повѣрки. — Сколько было сыновей у Хаджи-гирея неизвѣстно. Дженнаби (см. ниже, пр. 48, стр. 100, 103) говоритъ, что ихъ было 12. Абуль-газы считаетъ ихъ 8, въ слѣдующемъ порядкѣ: Даулетъ-яръ, Нуръ-даулетъ ханъ, Хайдеръ ханъ, Кутлукъ-земанъ, Гильдышъ, Менгли-гирей ханъ, Ямгурджи и Узтумуръ (Abulghasi Bahadür chani Historia Mongolorum et Tatarorum. Casani. MDCCCXXV, стр. 100, гдѣ сказано: حاجی کرای انینک سکز اوغلی بار ایردی بو ترتيب برلان دولت یار نور دولت خان حیدر خان قونلوق زمان کلدرس مینکلی کرای خان بغوری اوزتور). Въ нашей Родословной книгѣ (см. выше, пр. 21, стр. 44, 45, 47) поименовываются только 5 сыновей Хаджи-гирея (Азигирея): Нуръ-даулетъ (Жон. Норедъ-улатъ,

Нородулатъ; *Сим.* Нородулатъ; *Арх.* Нарадулатъ, Народилатъ; *Род.* Нордо Улатъ), Хайдеръ (*Кон.* Аидаръ; *Сим.* Идаръ; *Арх.* Айдаръ; *Род.* Андаръ), Менгли-гирей (*Кон.* Минлигирей, Мулгирей; *Сим.* Менли Гирей; *Арх.* Менглиричъ; *Род.* Минли Гирей), Узтимуръ (*Кон.* Узтемиръ; *Сим.* Азтемиръ; *Арх.* Утезириъ; *Род.* Узтемиръ) и Хаджи (*Кон.* Хаджи; *Арх.* Халчи; *Род.* Хаджи). *Арх.* списокъ, гдѣ число дѣтей Менгли-гирей увеличено двумя, которые по другимъ спискамъ признаются дѣтьми Нуръ-даулета, я считаю ошибочнымъ; причина тому будетъ видна ниже изъ статей «Сатылганъ» и «Джанай», въ которыхъ лица эти являются положительно сыновьями Нуръ-даулета).

вопался въ плѣнъ къ Туркамъ Менгли-гирей, бѣжавшій туда изъ Кафы, при появленіи Турецкаго войска (Кеппенъ. Крымскій Сборникъ. Спб. 1837, стр. 287, 288). Онъ былъ отвезенъ въ Константинополь и осужденъ на смерть, какъ вдругъ султанъ его помиловалъ, и не только даровалъ ему жизнь и свободу, но даже, снизойдя на просьбу Эменекъ-бика, приверженца плѣнненнаго царя, рѣшился сдѣлать его ханомъ Крымскимъ. Менгли-гирей, въ качествѣ султанскаго вассала, отправился, сопровождаемый Турецкимъ войскомъ, въ Крымъ, и занялъ вновь престолъ, на которомъ онъ уже сидѣлъ незадолго передъ тѣмъ⁴⁸⁾.

⁴⁸⁾ См. Дженнаби (ум. 999 = 1590, 1 г.) Авторъ этотъ обстоятельно излагаетъ исторію плѣненія Менгли-гирей и возведенія его на престолъ Крымскій. Такъ какъ Джен-

наби еще не былъ изданъ, и рукописи его сочиненія (исторіи различныхъ династій, властвовавшихъ на востокъ) довольно рѣдки, то я приведу здѣсь, въ Русскомъ переводѣ и въ Арабскомъ текстѣ, его описаніе царствованія Менгли-гирея. Замѣчу, что о жизни этого хана до и послѣ 1475 года, Дженнаби говоритъ только въ общихъ словахъ и весьма коротко. Текстъ напечатанъ по рукописи, принадлежащей Азіатскому музею Императорской Академіи наукъ, № 528; сочиненіе и авторъ названы такъ въ самомъ началѣ предисловія: وبعد فهذا تاريخ عجيب على خط غريب فيه اخبار الاوابل والاواخر وهوا بحر زاخر مسمى بتخفة الاديب وهدية الارباب تاليف العبد الفقير السيد الشريف الامير بن الامير الشهير بالامير مصطفى بن الامير حسن الحسيني الحنفى القاضى بحلب المحب صانها الله عن البلية مبدؤ بالسادة التابعين الى زمن آل عثمان الفاتحين

Вотъ что Дженнаби (отд. ملوك الرشت — Владѣльцы Дештскіе, л. 447, 448): «Около 880 (1475,6) г. скончался великій ханъ Хаджъ-гирей султанъ; послѣ него дѣла пришли въ разстройство, потому что онъ оставилъ по себѣ 12 человекъ сыновей, и многихъ родственниковъ, которые могли имѣть притязаніе на верховную власть; каждый изъ нихъ сталъ править по недолгу. Когда свѣдалъ объ этомъ государь Румскій, султанъ, вонитель невѣрныхъ, Мухаммедъ ханъ, то онъ послалъ визиря своего, по имени Кедюкъ-Ахмедъ-пашу, чтобъ овладѣть частью земель тѣхъ. Визирь отправился съ многочисленнымъ войскомъ Румъ-

скимъ, осадилъ Кафу и взялъ ее; городъ этотъ принадлежалъ Френганъ. За тѣмъ онъ двинулся къ Манкубу, одной изъ наилучше укрѣпленныхъ и сильнѣйшихъ крѣпостей, находившейся въ рукахъ князей, христіанъ Румскихъ. Ему удалось взять ее; при этомъ онъ овладѣлъ богатою добычею и захватилъ главнѣйшихъ христіанъ, которыхъ и отослалъ къ высочайшему двору. Въ крѣпости, между прочимъ, нашелъ онъ одного изъ сыновей Хаджъ-гирей-хана, по имени Менгли-гирей; онъ и его захватилъ и отослалъ ко двору, вмѣстѣ съ отправленными нтъ туда христіанами. Съ Менгли-гиреемъ случилось же это вотъ какъ: когда дѣти Хаджъ-гирейя оспаривали между собою власть, такъ что, бывало, повладѣть одинъ, потому одержить надъ нимъ верхъ другой и въ свою очередь процарствуетъ немного и т. д. — то въ числѣ тѣхъ, которые одно время управляли царствомъ былъ и Менгли-гирей: достигъ власти помочь ему великій эмиръ Эменекъ-бикъ, одинъ изъ знатнѣйшихъ эмировъ того края. Въ послѣдствіи одержалъ верхъ надъ Менгли-гиреемъ одинъ изъ братьевъ его. Ханъ бѣжалъ въ Манкубъ, гдѣ и оставался до тѣхъ поръ, пока Кедюкъ-Ахмедъ-паша не взялъ крѣпости, не захватилъ его и не отослалъ ко двору. По прибытіи плѣнниковъ, благовѣрный султанъ велѣлъ засадить ихъ въ одну изъ башенъ. Черезъ нѣсколько времени государь предписалъ визирю казнить всѣхъ помянутыхъ узниковъ. Визирь уже готовъ былъ привести въ исполненіе данное ему предписаніе, какъ вдругъ султанъ одумался, и послалъ къ визирю гонца съ приказаніемъ не убивать

сына царя Татарскаго. Посланный засталъ Менгли-гирея, творившаго послѣднюю молитву съ двумя земными поклонами; около него находился палачъ и ждалъ окончанія молитвы, чтобъ отрубить ему голову. Менгли-гирей былъ пощажень, всѣхъ же остальныхъ казнили. Вслѣдъ за тѣмъ благовѣрный султанъ приблизилъ Менгли-гирея къ себѣ, осыпалъ его почестями и милостями и пожаловалъ ему великолѣпный дворъ, не въдалекѣ отъ своего собственнаго дворца. Государь не переставалъ оказывать Менгли-гирею всякаго рода почетъ и уваженіе, до самой той поры, пока великій эмиръ Эменекъ-бикъ не обратился къ высочайшему двору съ прошеніемъ: «Слышали мы», говоритъ онъ, «что владѣлецъ нашъ находится у васъ; умоляемъ ваше величество прислать его къ намъ не мѣшая, такъ какъ за неимѣніемъ царя всѣ дѣла наши пришли въ разстройство. Пусть весь край будетъ собственностью султана, Менгли-ханъ же пусть будетъ его намѣстникомъ». Благовѣрный султанъ согласился на просьбу Эменека, пожаловалъ Менгли-хану царство Дештское, даровалъ ему барабанъ и знамя, и послалъ его въ его землю въ сопровожденіи войска. Когда Менгли-гирей прибылъ въ Дешть, Эменекъ-бикъ встрѣтилъ его съ Дештскимъ войскомъ. Хана приняли съ восторгомъ и посадили на престолъ въ Крыму. Это была первая земля въ Дештѣ, которая признала надъ собою власть государей Османскихъ. Менгли-гирей во время своего управленія, держалъ себя въ отношеніи къ подданнымъ какъ нельзя лучше, и былъ къ нимъ

добръ, милостивъ и справедливъ; любилъ ученыхъ и бѣдныхъ, давалъ имъ свободный къ себѣ доступъ, ласкалъ ихъ, и внималъ каждому изъ нихъ. Въ 900 г. гджры (1494,5) Менгли-ханъ отправилъ жену свою на поклоненіе святымъ мѣстамъ. Она посѣтила Египетъ и была принята отличнѣе тамошнимъ владѣльцемъ; при ней находилась свита, состоявшая болѣе чѣмъ изъ 50 человекъ. Около 920 (1514,5) г. скончался Менгли-гирей ханъ, владѣлецъ Дешта; онъ былъ одинъ изъ лучшихъ государей. Послѣ него вступилъ въ управленіе сынъ его Мухаммедъ гирей султанъ وفي حدود سنة ٨٨٠ توفي الخان الكبير حام كرى سلطان وتخبط الدولة بعده بسبب انه خلف من الاولاد اثني عشر ذكرا وعدة رجال من يصلح للملك من اهل هذا البيت فصار يملك كل واحد منهم ساعة من النهار ولما بلغ ذلك صاحب بلاد الروم السلطان المجاهد محمد خان ارسل وزيره المسمى بكرك احمد پاشا ليستولى على بعض من تلك البلاد فسار بعسكر كثير من الروم فحاصر كفه واخذها وكانت بيد الافرنج ثم سار الى قلعة منكوب وكانت من احصن القلاع وارفعها وامنعها وكانت بيد امراء نصارى الروم فاتفق ان افتتحها ففاز بغنائبها وقبض على ملوك من النصارى وارسلهم الى الباب العالي وكان قد صادف في القلعة واحدا من اولاد حام كرى خان يسمى منكلى كرى

فقبض عليه وارسله الى الباب مع جملة من ارسله من
النصارى وكان من امره ان اولاد حام كرى لما صار
يتقوى هذا ويقود الملك اياما ثم يغلب عليه آخر
ويتملك اياما ثم وثم وكان من جملة من تولى بعض ايام
منكلى كرى ببعاضة الامير الكبير امنك بك وكان
من اعظم الامراء فى تلك الدولة ثم غلب عليه بعض
اخوته فهرب هو الى قلعة منكوب فكان بها الى ان اخذ
القلعة كدك احد پاشا وقبض عليه وارسله الى الباب
فلما حصل الجميع عند السلطان البرور امرهم بالمحبس
ببعض الابراج فلما مضى على ذلك مدة رسم السلطان
لوزيريه بقتل المحبوسين المزبورين فمضى الوزير على
ما رسمه من قتلهم ثم تدارك السلطان فارسل الى
الوزير معجلا يقول امنرزوا عن قتل بن ملك التتار
فلما وصل الرسول وجد منكلى كراى خان قد صلى
ركعتين وهو يدعو والمجلاد عنده ينترصد فراغه ليضرب
عنقه فحبسوه عن القتل وقتلوا الباقيين ثم ان السلطان
البرور دعى جانبىه واكرم اليه وطيب خاطره واعطاه
منزلا لطيفا بقرب من داره فما زال معززا مبعجلا
حتى بعث الى الباب العالى الامير الكبير امنك بك
يقول سمعنا ان سلطاننا قد حصل عندكم فالأمول من

الجناب العالي ارساله اليها معجلاً وقد تعطلت امور
 الملكة بسبب فقد ملكها فيكون البلاد كلها للسلطان
 ويكون منكلى خان كالنايب عنده فاحاب السلطان
 المبرور الى مسئوله وقلد منكلى خان مملكة الدشت
 واعطاه الطبل والعلم وارسله الى بلاده صحبة جماعة
 من العسكر فلما وصل منكلى كرى الى بلاد الدشت
 استقبله امنك بك بعسكر الدشت فرحبوا به واجلسوه
 على سرير الملك بقرىم وهذا اول ولاية تولاهما السلاطين
 العثمانية ببلاد الدشت ولما تولى منكلى كرى الملك
 عامل الناس بالجميل واللفظ والعدل واحسن السيرة
 واحب العلماء والفقراء وقربهم واحسن اليهم واصفى
 لكلامهم. وفي سنة تسعمائة من الهجرة ارسل منكلى
 خان زوجته الى الحج فوصلت الى مصر وعظيها صاحب
 مصر ومعها جماعة تزيد عن الخمسين وفي حدود سنة ٩٢٠
 توفي منكلى كراى خان صاحب الدشت وكان من احسن
 الملوك سيرة وملك بعد ولد محمد كرى سلطان خاير-улла
 (خير الله), новѣйшій Турецкій писатель, въ своей исторіи
 Турціи, въ 8 части, изд. въ Константинополѣ въ 1271 г.
 гаджры (1854 г.) описываетъ, на стр. 149—154, всту-
 пление Менгли гирея въ 1475 г. на престолъ Крыма не
 много иначе. Онъ пишетъ, что въ 880 г. (1745), когда
 умеръ Турханъ (طورخان, вѣроятно Татарханъ,

ханъ Татарскій; Турки очень часто звали такъ хановъ Крымскихъ) Хаджи-гирей (حاجی کرای), въ Крыму вступилъ на престолъ старшій сынъ его Нуръ-даулетъ-гирей ханъ (نور دولت کرای خان). Менгли-гирей (منگلی کرای) вооружился было противъ брата, но счастье ему не благопріятствовало. Онъ вынужденъ былъ бѣжать и удалился съ семействомъ въ Кафу къ Венеціанцамъ (وندیکلو). Вскорѣ послѣ того Кафа была взята Турками; Менгли-гирей съ сыновьями своими Мухаммедъ-гиреемъ (محمد کرای) и Ягмуръ-мирзою (یعمر میرزا) попался въ плѣнъ и былъ отвезенъ въ Константинополь. Султанъ, желая угодить Нуръ-даулету и чрезъ то склонить его на свою сторону, велѣлъ заключить плѣнниковъ въ замокъ Семи башень (بدی قلہ). Вслѣдъ за тѣмъ (въ томъ же 880 году), объявленъ былъ походъ въ Молдавію (بغران), и дворъ Константинопольскій обратился къ Нуръ-даулету съ просьбою оказать ему содѣйствіе. Нуръ-даулетъ не только не послушался, но даже не далъ ни какого отвѣта. Тогда недовольный Мухаммедъ II рѣшился дѣйствовать иначе. Менгли-гирей былъ освобожденъ, торжественно провозглашенъ ханомъ Крымскимъ и отправленъ въ его новыя владѣнія.

По Польскимъ источникамъ Менгли-гирей былъ взятъ въ плѣнъ Турками не въ Мангупѣ, а точно также какъ пишетъ Хайръ-улла, въ Кафѣ. Равнымъ образомъ попался онъ въ руки осаждавшихъ не одинъ, а съ двумя членами своего семейства, но не сыновьями, какъ утверждаетъ Хайръ-улла, а братьями. *Джурюшъ* II, 533: Die Martis

vigesima mensis Iunii (1475), *Casimirus Poloniæ* Rex ex *Lablin* egressus, cum in *Zawichost* vigesima Iunii peruenisset, certus illi Nuncius cum literis, a *Mathia de Lomza* Notario suo Regio, ex *Byalogrod*, quem Rex *Casimirus* ad *Tartarorum* *Caesarem Mengligeren* cum certis mandatis destinauerat, aditus est, significans, quod *Turcorum* *Caesar Mahumeth*, ab *Adrianopoli* soluens exercitus, ad *Capham*, insignem et famosam *Genuensium* ciuitatem, quæ se ab eius exilio per annos tres viginti, ex quo *Constantinopolis* capta erat, muris et fortissimis et altissimis munire non cessauerat, cum forti et numerosa manu, nauali et terrestri itinere peruenit, ipsamque sexta die mensis Iunii cum *Tartarici* exercitus auxilio, qui unam partem obsidendo et impugnando moenibus repulsus fuerat, sexta die per fraudem primorum ciuium, genere *Italicorum*, quam annis quinque, aliis ignorantibus, a *Turco* maximo auro corrupti, practicauerant, deditibus se Primoribus, capit... *Tartarorum* etiam Imperatorem *Mengligeren*, qui tunc casualiter apud *Capham* agebat, cum duobus germanis cepit, et tam illos quam insigniores *Caphensium Constantinopolin* captiuos deduxit (ср. *Мъхровскій*, кн. IV, гл. LXXI, стр. CCCXL). *Кромъръ* кн. XXVIII, 615: Interea uerò *Mahometes* septuaginta nauium classe in *Tauricam Chersonesum* missa, *Tartaris* uerò cum equestribus copijs præstò esse iussis, *Capham* sine *Caphatam* urbem maritimam munitissimam, *Genuensium* ditioris, celeberrimo emporio nobilem, terra marique obsedit: et quamuis reiecti essent ab oppidanis *Tartari*, tamen intra sextum diem

in potestatem suam redegit, proditione primorum ciuium Italarum totis quinque annis instructa. Capta urbe, nobilitas cum uxoribus et liberis, ipsisque proditoribus, et Mengligere Tauricanorum Tartarorum principe, ac duobus fratribus eius, qui siue fortuito eò tunc uenerant, siue seruandi sui causa ex agro in urbem se receperant, Constantinopolim translata.

Съ приведенными мною извѣстіями любопытно сравнить и то, что говорятъ Русскіе лѣтописцы про Менгли-гирея въ 1475 г.; а они пишутъ вотъ что: *Вскр. П. С. Р. Л. VIII, 181*: Того же лѣта (6983) Туркове взяша Кафу, и гостей Московскихъ много вобиша, а иныхъ поимаша, а иныхъ пограбивъ на окупъ подаваша; Азигирѣву орду Крымъ и Перекопъ осадилъ даи давати, и посадилъ у нихъ меншего сына Азигирѣва Менлигирѣа, а два брата его, Азигирѣвы же дѣти, убѣжаша; а приходилъ воевода, а царь самъ не бывалъ (ср. *Врм. II, 97, 98; Иро. 285*; въ остальныхъ лѣтописяхъ сказано кратко, что султанъ Турецкій въ 1475 г. посылалъ войско въ Кафу, и овладѣлъ ею и другими-городами).

Барбаро, въ своемъ Путешествіи (*Библиот. иностр. писат. о Россіи. Отд. I. Т. I, стр. 49—53* перевода и 91—93 текста) описываетъ взятіе Кафы Турками, плѣнь и воцареніе Менгли-гирея въ 1475 г.; но въ разсказѣ Барбаро, хотя онъ и ссылается на слова очевидца, есть и басни. Замѣчу вообще, что исторія Крыма за всю эту эпоху весьма запутана. Свѣдѣнія, часто противорѣчащія другъ другу, разбѣяны по разнымъ

источникамъ. Я изложилъ одни главные факты, не вдаваясь вовсе въ подробности.

Плъненіе Менгли-гирея Турками и пожалованіе его Мухаммедомъ II въ званіе хана Крымскаго составляютъ важный фактъ въ позднѣйшей исторіи Таврическаго полуострова. Принявъ инвеституру отъ султана, Менгли-гирей положилъ чрезъ то начало вассальной зависимости, въ которой его преемники находились отъ государей Османскихъ. Въ чемъ именно должна была состоять зависимость отъ султана — обозначено было подробно въ условіяхъ, заключенныхъ между Менгли-гиреемъ и Мухаммедомъ. Условія эти можно видѣть въ «*Précis de l'histoire des khans de Crimée, depuis l'an 880 jusqu'à l'an 1198 de l'hégire, traduit du turc par M. Kazimirski; revu par M. Amédée Jaubert*» въ *Nouveau Journal Asiatique*. T. XII. Paris. MDCCCXXXIII, стр. 351 и 352 (А. Жоберъ [Charmoy. Sur l'utilité des langues orientales pour l'étude de l'histoire de Russie. St.-Petersbourg. 1834, стр. 42] полагалъ, что Турецкій текстъ «*Précis* и пр.» — ничто иное, какъ извлеченіе изъ «*Ассебъ о-ссейяръ*»; этого быть не можетъ: авторъ Турецкаго текста, во многомъ и, какъ увидимъ ниже, не далѣе какъ въ самомъ разсказѣ о подчиненіи Менгли-гирея Турціи — расходится въ мнѣніяхъ съ Ризю, сочинителемъ «*Ассебъ о-ссейяръ*») и въ «*Notice chronologique des khans de Crimée, composée principalement d'après les Auteurs Turks et Persans, par L. Langlès*» въ приложеніи къ «*Voyage du Bengale à Pétersbourg, par feu Georges Forster, traduit de*

l'Anglais par L. Langlès. T. III. Paris. An X (1802)» стр. 405, 406, а также въ: «*Die Verfassung des Handels auf dem Schwarzen Meere, aus dem Französ. des H. von Peyssonel übers. von Cuhn. Leipzig. 1788*», стр. 6—8, и въ «*Siestrzencewicz. Histoire du royaume de la Chersonèse Taurique*», стр. 356, 357. (Ланглесь и Сестрэнцевичъ пишутъ, будто Менгли-гирей въ теченіи трехъ лѣтъ находился пѣнникомъ въ Константинополѣ, и былъ отправленъ султаномъ въ Крымъ только въ 1478 г. Авторъ краткой исторіи Крыма, напечатанной въ *Nouveau Journal Asiatique* называетъ Генуезцевъ Венеціанцами; въ эту же самую ошибку впадаетъ, какъ мы видѣли [см. выше, стр. 106], и Хайръ-улла).

Мухаммедъ Риза въ своей исторіи Крымскихъ хановъ, отвергаетъ положительно фактъ взятія Менгли-гирея въ плѣнъ Турками (Ассель-о-ссейяръ, стр. v-c). Мнѣніе Ризы въ этомъ случаѣ заслуживаетъ весьма мало довѣрія, уже не только потому, что оно противорѣчитъ приведеннымъ нами показаніямъ, въ истинѣ которыхъ нѣтъ ни малѣйшей причины сомнѣваться, но и потому еще, что вообще весь рассказъ Ризы о происшествіяхъ въ Крыму отъ смерти Хаджи-гирея до взятія Кафы, до крайности перепутанъ и ошибоченъ. Риза (Ассель-о-ссейяръ, стр. v-c—v-o) пишетъ, что по кончинѣ Хаджи-гирея, около 871 (1476,7) г. на престолъ вступилъ сынъ его Менгли-гирей, но что, мѣсяца черезъ три, одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ Сеидъ - Ахмедъ - хана, Нуръ-даулетъ султанъ (نور

(دولت سلطان), подговорить на свою сторону братьевъ и многихъ эмировъ, свергнуть его съ престола и принудить искать убійщика у Генуезцевъ, владѣвшихъ Кафою. Нуръ-даулетъ не удержался на престолѣ. Дружба его съ братьями перешла во вражду, такъ что онъ казнилъ многихъ изъ нихъ и изъ своихъ племянниковъ. Тогда одинъ изъ братьевъ, оставшійся въ живыхъ и притворявшійся его другомъ, Гильды-бай (کیلدی بای, вѣроятно کلرش — Гильдышъ Абулъ газыя, см. выше, стр. 98, пр. 47) убилъ его на Днѣпрѣ и самъ провозгласилъ себя ханомъ. Гильды-бай царствовалъ весьма недолго. Противъ него возсталъ Эменекъ-мирза, приверженецъ Менгли-гирея. Гильды-бай бѣжалъ къ Волгѣ, а Менгли-гирей, воспользовавшись этимъ случаемъ, овладѣлъ престоломъ. Опасаясь могущества Генуезцевъ и чувствуя себя не въ силахъ одному совладать съ ними, новый ханъ чрезъ нѣсколько времени обратился съ просьбою о помощи къ Турецкому султану. Государь Османскій согласился, и прислалъ визиря своего Кедюкъ-Ахмедъ-пашу съ флотомъ, который при содѣйствіи Менгли-гирея и взялъ Кафу около 887 (1482,3 г.). Объ эту же пору ханъ Крымскій добровольно призналъ надъ собою верховную власть султана. (Charmoy Sur Futil. des lang. or., стр. 34—37). Въ этомъ разсказѣ Ризы, три грубыя ошибки прямо бросаются въ глаза: 1) Нуръ-даулетъ не былъ двоюроднымъ братомъ Сендъ-Ахмеда, а положительнымъ сыномъ Хаджи-гирея; 2) Нуръ-даулетъ не былъ убитъ предъ вступленіемъ Менгли-гирея на престолъ, потому

что, какъ увидимъ ниже, онъ жилъ еще долго послѣ того; 3) Кафа не была взята Кедюкъ-Ахмедомъ около 1482,3 г., а завладѣлъ ею паша въ 1475 году.

Но Менгли-гирею и тогда не удалось удержать ханскую власть. «Того же лѣта (6984 = 1476)», читаемъ въ *Вскр. П. С. Р. Л. VIII*, 183, «посла царь Ахматъ ордынскій сына своего съ Татары, и взя Крымъ и всю Азигирѣву орду, а сына Азигирѣва Менгирѣя съгна, его же Турки посадиша» (*Про.* 286)⁴⁹. Въ 1477 году Иванъ III сно-

⁴⁹ Ахмедъ, о которомъ упоминается здѣсь, былъ, по Русскимъ лѣтописцамъ, сынъ Кичи, или что тоже Кучукъ (оба слова كىچى и كوجكъ значать по Татарски: малый) Мухаммеда, известнаго хана Золотой Орды (см. выше, пр. 36, стр. 78, 79), бывшаго въ свою очередь, какъ явствуетъ изъ монетъ и изъ указаній восточныхъ писателей, сыномъ Тимура и внукомъ Тимуръ-Кутлука (см. Hammer. *Gesch. d. Gold. Horde*, стр. 372, 373, 389). Ахмедъ этотъ — тотъ самый ханъ Золотой Орды, который въ 1472 году подходилъ къ Алексию (см. выше, стр. 77—80), и противъ котораго Менгли-гирей въ 1475 и 1480 годахъ предлагалъ великому князю дѣйствовать общими силами (см. выше, стр. 81, 83, 84 и 87). Онъ погибъ несчастнымъ образомъ въ началѣ 1484 года (*Кар.* VI, 99).

Мухаммедъ-Риза (Асебъ о-ссейяръ, стр. vo — л.) и сочинитель краткой исторіи Крыма, напечатанной въ *Nouv. Journ. Asiat.* (XII, стр. 353 — 356),

въ слѣдъ за разсказомъ о взятіи Кафы Турками, описываютъ, не означая года, войну Менгли-гирея съ (сыномъ Ахмеда) Сеидъ-Ахмедомъ, ханомъ Тахтъ-ия. По словамъ ихъ, Сеидъ - Ахмедъ разбилъ Менгли - гирея, который, раненный, принужденъ былъ бѣжать и запереться въ Кыркортъ; за тѣмъ онъ разграбилъ Солгаты, и осадилъ Кафу. Успѣшное вторженіе Сеидъ-Ахмеда въ Крымъ, о которомъ толкуютъ Турецкіе писатели, не можетъ быть тѣмъ нападеніемъ сына Ахмеда, которое, по нашимъ лѣтописямъ, случилось въ 1476 г. Постараюсь доказать это.

Риза и сочинитель краткой исторіи Крыма, продолжая описаніе войны Менгли-гирея съ Сеидъ-Ахмедомъ, говорятъ, что счастье вскорѣ измѣнилось Сеидъ-Ахмеду; онъ отступилъ отъ Кафы. Между тѣмъ Крымцы оправдались. Сынъ Менгли-гирея калга Мухаммедъ-гирей внезапно напалъ на орду Сеидъ-Ахмеда, котораго онъ застигъ въ Тахтъ-илъ, ссорившимся съ братьями. Въ это же самое время подоспѣлъ и Менгли-гирей; Сеидъ-Ахмедъ былъ убитъ (такъ по Ризѣ; сочинитель краткой исторіи Крыма объ убіеніи Сеидъ-Ахмеда не говоритъ ни слова; вообще въ нѣкоторыхъ подробностяхъ описываемаго происшествія оба автора не вездѣ согласны) и все царство его досталось въ руки побѣдителю (см. Chagmou. Sur l'util. des lang. or., стр. 26, 27).

Сеидъ - Ахмедъ (سید احمد), или какъ онъ звался Русскими: Сентъ-Ахметъ, Седихмать и пр., сынъ Ахмеда хана Золотой Орды, упоминается всего чаще въ

промежутокъ времени отъ смерти отца его Ахмеда до 1502 г. Онъ является то одинъ, то преимущественно съ братьями своими Муртазою (مرتضى), Сеидъ-Махмудомъ (سید محمود; у Русскихъ: Сеить-Махмутъ, и даже просто Махмутъ) и Шейхъ-Ахмедомъ (شیخ احمد; Русскіе звали его Шигъ-Ахметъ, Шихмать и пр.). (У Ахмеда были и другіе сыновья; объ нихъ я буду говорить ниже въ статьѣ «Шейхъ-Аулі-яръ»). Всѣ три брата никакъ не могутъ согласиться, то дружатся, то ссорятся (*Кар.* пр. 520 къ Т. VI), и чрезъ то быстро влекутъ Золотую Орду, и безъ того уже готовую распасться, къ конечной гибели. Всѣ одновременно величаютъ себя царями. Соединяетъ ихъ только общая, завѣщанная отъ отца, вражда къ династіи Крымской, вражда понятная, потому что двумъ династіямъ: Золото-ордынской, которая въ себѣ олицетворяла идею о верховной власти надъ всѣмъ улусомъ Джучіевымъ, и Крымской, помышлявшей о томъ чтобы перевести эту власть въ свои руки, рядомъ существовать было нельзя. Предчувствуя опасность, братья, то порознь, то вмѣстѣ, клонятся на сторону Литвы и Польши, тревожатъ Россію, союзницу Крыма, и чуть ли не постоянно воюютъ съ Менгли-гиреємъ. Ханъ Крымскій не унываетъ, въ отношеніяхъ съ Россією, выговариваетъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы великій князь былъ съ нимъ за одно противъ *сыновей Ахмедовыхъ*, вредить имъ всячески и успокоивается только, когда подъ его ударами падаютъ ничтожные остатки Золотой Орды. Падаетъ же Орда около 1502 г. Въ 1502 г. іюня 28-го воз-

вратился изъ Крыма посолъ нашъ Федоръ Михайловъ сынъ Ксеновъ съ извѣстіемъ, что Менгли-гирей весною истребилъ орду Шейхъ-Ахмеда и принудилъ его бѣжать. Вскорѣ и самъ ханъ Крымскій торжественно уведомилъ великаго князя, что Большая Орда уже не существуетъ, и что улусы ея въ рукахъ его (*Кар.* VI, 192, и пр. 526, гдѣ ссылка на Дѣла Крымскія). Тоже самое извѣстіе повторено и въ лѣтописяхъ: *Собф.* 2 лѣт. II. С. Р. Л. VI, 243: Того же лѣта (7010 = 1502), іюня (?), Крымской царь Менлигирей побилъ Шихматъ царя Болшіе орды и орду взялъ (*Сер.* II, 270; *Ник.* VI, 168, гдѣ Шейхъ-Ахмедъ названъ просто Ахматомъ; *Лс.* III, 275, подъ 7018 г.; *Собф.* 1 лѣт. II. С. Р. Л. VI, 48; *Вскр.* II. С. Р. Л. VIII, 242; *Врм.* II, 197; въ послѣднихъ трехъ лѣтописяхъ мѣсяцъ не означенъ). Свѣдѣніе, сохранившееся въ Дѣлахъ Крымскихъ и въ лѣтописяхъ нашихъ, о завоеваніи Менгли-гиреемъ улусовъ Большой Орды въ 1502 г.—такъ близко сходится съ показаніемъ Мухаммедъ-Ризы и автора краткой исторіи Крыма о совершенномъ покореніи Менгли-гиреемъ Тахтъ-иля (слово это въ переводѣ значитъ тоже что по Русски: «Большая Орда», отъ تخت престолъ и ایل орда, т. е. престольная, большая орда), что невольно приходишь къ тому заключенію, что описанное ими происшествіе одно и тоже, хотя у однихъ главное дѣйствующее лицо: Шейхъ-Ахмедъ, а у другихъ—Сеидъ-Ахмедъ (даже и эту разницу объяснить не трудно: Сеидъ-Ахмедъ могъ, какъ пишетъ Риза, дѣйствительно погибнуть во время стычки; въ лѣтописяхъ же и актахъ сохранилось имя

одного Шейхъ-Ахмеда, какъ оставшагося въ живыхъ; куда нибудь да долженъ былъ дѣться Сеидъ-Ахмедъ, о которомъ, послѣ 1502 г., мы ничего не знаемъ). Изъ этого конечно еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ событія, которыя, по словамъ обонихъ Турецкихъ писателей, предшествовали паденію Сеидъ-Ахмеда, какъ то: взятіе имъ Солгата и т. п., случились непосредственно предъ 1502 г., или въ этотъ же самый годъ; авторы, мало знакомые съ хронологіею, могли слить происшествія нѣсколькихъ годовъ въ одно цѣлое и придать имъ такой видъ, будто онѣ сѣнялись одно за другимъ. Главный вопросъ остается все таки неразрѣшеннымъ; но тутъ представляется вотъ что: Мухаммедъ-Риза, и неизвѣстный сочинитель краткой исторіи Крыма, въ самомъ началѣ описанія войны Менгли-гирея съ Сеидъ-Ахмедомъ, рассказываютъ между прочимъ, что Муртаза султанъ, одинъ изъ братьевъ Сеидъ-Ахмеда, желая провѣдать умыслы непріятеля, выѣхалъ къ хану Крымскому подъ предлогомъ ссоры съ братомъ, и что ханъ принималъ его съ начала хорошо, но потомъ, узнавъ его настоящіе намѣренія, велѣлъ задержать его. Въ слѣдъ за тѣмъ, продолжаютъ авторы, Сеидъ-Ахмедъ выступилъ противъ врага и произошло сраженіе, послѣ котораго Менгли-гирей, разбитый и раненный, бѣжалъ, а Сеидъ-Ахмедъ овладѣлъ Солгатомъ и осадилъ Кафу. Въ Русскихъ лѣтописяхъ читаемъ слѣдующее: *Солф. 2 мѣт.* П. С. Р. Л. VI, 236, 237: Тое же зимы (6993 = 1485) царь ординскій Муртоза, Ахматовъ сынъ, при-

иде къ Менгирѣю Крымскому хотѣ зимовати у него, понеже бѣ въ ордѣ гладъ великъ; Менгирѣй же Крымски повнявъ его посла въ Кафу къ Турьскому царю, и посла брата своего меньшаго на князь на Темиревъ улусъ, и досталь орды разгвавъ... Того же лѣта ордынскій Махмутъ, Ахматовъ сынъ, со княземъ съ Темиремъ иде изгономъ на Мингирѣя: брата своего Муртозу, Ахматова же сына, отнемъ у него; самъ же Мингирѣй съ бою тайно утече изъ рати изъ своей; той же Махмутъ приведе брата своего Муртозу и посади на царствѣ, Мингирѣй же посла къ Турьскому, Турьской же посла силы ему и къ Ногаемъ посла, веля имъ орды воевати (*Свр. II, 230; Вскр. II. С Р. Л. VIII, 216; Врм. II, 144.* Замѣчу, что почти тоже самое, но безъ означенія года, говорить о Муртазѣ и Барбаро въ своемъ Путешествіи въ Тану [*Библиот. иностр. писат. о Россіи. Отд. I. Т. I, стр. 53, 54 перевода и 93 текста*]. Менгли-гирей, пишетъ онъ, пошелъ войною на Астрахань [*Citracan*], подвластную Муртазѣ хану [*Mordassa can*]; прибывъ къ Волгѣ [*Erdil*], гдѣ кочевалъ тогда Муртаза, онъ напалъ на него, разбилъ его и взялъ въ плѣнъ со множествомъ народа. Большую часть плѣнниковъ онъ отослалъ въ Кафу, самъ же остался зимовать на Волгѣ. Между тѣмъ другой Татарскій государь, дождавшись той поры, когда рѣка покрылась льдомъ, невзначай напалъ на Менгли-гирея, разбилъ его, освободилъ Муртазу и принудилъ хана Крымскаго возвратиться съ большимъ урономъ въ Кафу. Свѣдѣніе о плѣненіи Муртазы, относящееся къ 1485 г., безъ

сомнѣнія было занесено Барбаро, который окончательно возвратился на родину въ 1479 г., только по наслышкѣ, и вѣроятно въ 1487 г., когда онъ составлялъ описаніе своихъ путешествій [Adelung. Übersicht der Reisenden in Russland. Band I. St.-Petersburg. 1846, стр. 139]; это видно даже изъ словъ самаго Барбаро, по тому какъ онъ, нѣсколькими строками ниже, говоритъ о письмахъ, полученныхъ изъ Константинополя). Выѣздъ Муртазы, сына Ахмедова въ Крымъ, плѣнь и ссылка его въ Кафу, за тѣмъ вторженіе Махмуда, другаго сына Ахмеда, въ предѣлы Крымскаго ханства, битва и побѣгъ Менгли-гирея, и наконецъ освобожденіе Муртазы Махмудомъ — всѣ эти происшествія, передаваемые нашими лѣтописцами подъ 1485 г., безо всякаго сомнѣнія, тѣ самыя событія, которыя Мухаммедъ-Риза и авторъ краткой исторіи Крыма имѣли въ виду, описывая взятіе Муртазы подъ стражу, вторженіе Сеидъ-Ахмеда, брата Муртазы, въ Крымъ, побѣгъ Менгли-гирея и осаду Кафы. Выводъ изъ этого очевиденъ: происшествія, описанныя Турецкими писателями, обвиняють періодъ времени отъ 1485 до 1502 г. и рассказанное ими успѣшное вторженіе Сеидъ-Ахмеда въ Крымъ, не то о которомъ наши лѣтописцы говорятъ подъ 1476 г., а совершенно другое нападеніе Золото-Ордынцевъ.

Г. Шармуа (Sur l'util. des lang. or., стр. 27, 28; см. также предисловіе къ «Ассебъ о-ссейяръ», стр. XV) полагаетъ, что подъ Сеидъ-Ахмедомъ Мухаммедъ-Риза надобно понимать Ахмеда (отца Сеидъ-Ахмеда), и считаетъ по этому описанную Ризою гибель Сеидъ-Ахме-

да, гибелью Ахмеда, убитаго въ 1481 г. (см. выше, стр. 112). Нельзя на это не замѣтить, что обстоятельства смерти Ахмеда, извѣстныя намъ изъ Русскихъ лѣтописей (см. также Сборникъ Муханова. Москва. 1836, стр. 29), не представляютъ ничего схожаго съ описаніемъ гибели Сеидъ-Ахмеда, составленнымъ Ризою. На это указалъ и самъ г. Шармуа (см. также предисловіе къ «Ассебъ о-ссейяръ», стр. XVI). П. И. Кепчевъ въ Крымскомъ Сборникѣ, стр. 343, относитъ взятіе Сеидъ-Ахмедомъ Солгата, о которомъ говорятъ Мухамедъ-Риза и авторъ краткой исторіи Крыма, къ 1478? г., послѣдовавшее же за тѣмъ бѣгство Менгли-гирея въ Кыркоръ къ 1486 г. (тамъ же, стр. 313, 314).

Г. Казимирскій пишетъ про Сеидъ-Ахмеда, упоминаемаго въ краткой исторіи Крыма, что онъ умеръ въ Литвѣ (см. пр. 1 на стр. 356, 357, въ XII-й части *Nouv. Journ. Asiat.* въ «*Précis de l'histoire des khans de Crimée*). Въ Литвѣ жилъ не Сеидъ-Ахмедъ, а братъ его Шейхъ-Ахмедъ. Послѣ несчастной битвы съ Менгли-гиреемъ, о которой я упомянулъ выше, Шейхъ-Ахмедъ попалъ въ Литву (см. *Мѣховскій*, кн. IV, гл. LXXXI, стр. CCCLXV, и *Кромеръ*, кн. XXX, стр. 660; *Мѣховскій* называетъ его *Szachmetczag*, *Кромеръ* — *Sachmates*). Тамъ онъ жилъ довольно долго и въ послѣднее время содержался, какъ плѣнникъ, въ Ковно. Шейхъ-Ахмедъ и братья его были послѣдними лицами, которые пользовались титуломъ хановъ Большой Орды. Разбитая Менгли-гиреемъ Орда уже болѣе не возста-вала, и самое имя ея исчезло.

Былъ еще одинъ ханъ — Сеидъ-Ахмедъ, но онъ жилъ гораздо раньше; именно о немъ упоминается въ *Сб. юс. пр.* I, № 52, стр. 108, гдѣ читаемъ (г. 1434): «што есмь посылаѣ килчѣвъ своихъ ко Царемъ хъ *Кичимъ-Ахметю* (т. е. Кичи-Мухамеду) и къ *Сиди-Ахметю*». Русскіе лѣтописцы называютъ его: Седи, Сиди Ахметъ и пр., (даже иногда просто Ахметъ), а подданныхъ ему Татаръ — Татарами Синей Орды или по его имени, Татарами Сеидъ-Ахмедовыми. Это — тотъ самый ханъ, съ людьми котораго царевичъ Касимъ сражался въ 1449 г. (см. выше, стр. 21). Разбитый Хаджи-гиреемъ, онъ бѣжалъ въ Литву и умеръ плѣнникомъ въ Ковно (*Длугошъ* II, 96, 97; *Кромеръ*, кн. XXII, стр. 499; Длугошъ называетъ его: Sadahmeth Thartarorum Imperator, а Кромеръ: Sadachmetes Tartarorum dux). Подвластные ему Татары, еще и послѣ его плѣненія, звались нашими лѣтописцами, по старой памяти, Татарами Сеидъ-Ахмедовыми. Такъ въ *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 144, читаемъ: «Того же лѣта (6963 = 1455) приходили Татарове Седи Ахметевы къ Оцѣ рѣцѣ» (*Црк.* 360; *Ник.* V, 279; *Врм.* II, 27; *Нов. 4 мѣт.* П. С. Р. Л. IV, 147; *Арх.* 135, гдѣ: «Того же лѣта приходили Татарове ратью отъ Синіе Орды Ахметовы, и перелѣзши Оку рѣку»). Надъ Татарами начальствовалъ тогда Солтанъ царевичъ, сынъ Сеидъ-Ахмеда (*Соб. 2 мѣт.* П. С. Р. Л. VI, 180, *Сер.* II, 64 и *Лв.* II, 350, гдѣ этотъ же самый походъ занесенъ и подъ 6962 г.) Тоже названіе Сеидъ-Ахмедовыхъ Татаръ повторяется въ лѣтописяхъ и подъ 1459 г. (см.

Вскр. П. С. Р. Л. VIII, 147, гдѣ: «Того же лѣта (6967) Татарове Седи Ахматовы, похвалився, на Русь пошли»; сл. *Прв.* 368; *Ник.* V, 285; *Врм.* II, 32). Бутковъ (Исторія о Ногаѣ и всѣхъ прочихъ Монгольскихъ Ханахъ Дантъ-Кипчака, Сѣверный Архивъ, XI, Спб. 1824, стр. 40) совершенно напрасно сомнѣвается въ томъ, что Сеидъ-Ахмедъ умеръ въ Ковно, и увѣряетъ, будто самъ ханъ этотъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ до 1460 г. Замѣчу еще про Сеидъ-Ахмеда, что, должно быть, его имѣлъ въ виду Мухаммедъ-Риза, при описаніи борьбы Хаджи-гирея съ Сеидъ-Ахмедомъ, кончившейся паденіемъ послѣдняго (*Ассербъ о-ссейяръ*, стр. 49 — 50; *Charmoy. Sur l'util. des lang. or.*, стр. 28 — 32).

У Гампера въ его «*Geschichte der Goldenen Horde*» Ахмедъ, оба Сеидъ-Ахмеда, Шейхъ-Ахмедъ и даже самъ Кичи-Мухаммедъ такъ перемѣшаны между собой, что въ этой путаницѣ рѣшительно ничего разобрать нельзя. Между тѣмъ дѣло въ сущности весьма просто. Каждое лицо рѣзко отдѣляется одно отъ другаго, и имѣетъ свою особую исторію. Отдѣльное существованіе ихъ подтверждается не только указанными мною источниками, но и родословной напечатанной ниже, въ пр. 24. Въ ней съ начала является сынъ Теширъ-Кутлука *Теширъ* (تېشور); потомъ сынъ его Махметъ (*Син.* Магметъ, *Арх.* Махмедъ, *Род.* Кенмагметъ), безо всякаго сомнѣнія *Кичи-Мухаммедъ* (کچی محمد); за тѣмъ его сынъ Ахматъ т. е. *Ахмедъ* (احمد), и наконецъ его сыновья: *Муртаза* (مرتضی; *Син.* и *Род.* Муртоза, *Арх.*

Муторза), Сентъ-Ахметъ (*Сим. Севдъ Ахметъ, Род. Сентъ Ахметъ*) т. е. *Сеидъ Ахмедъ* (سید احمد) и Ши-Ахметъ (*Сим. Шихъ-Ахметъ*) т. е. *Шейхъ-Ахмедъ* (شیخ احمد). Словомъ, лица въ родословной слѣдуютъ одинъ за другимъ рѣшительно въ томъ же самомъ порядкѣ, въ которомъ являются въ исторіи. Съ указаніемъ нашей родословной сходно и то, что говоритъ Мѣховскій въ своемъ сочиненіи: «*Descriptio Sarmatarum Asianaе et Europianaе. Cracoviae. Anno MDXXI*», Lib. I, Cap. VIII. De geneologia imperatorum trans Volham incolentium. А онъ пишетъ вотъ что: «*Quintus imperator ex Temirkutlu progenitus fuit Temir czar... Sextus imperator ex Temir czar genitus, fuit Machmet czar. Ex isto genitus est Achmet czar, septimus imperator, et achmet sermone thartarorum exponitur componibilis* (Арабское слово *احمد* значить: болѣе стоящій похвалы). *Achmet genuit Sziachmet octauum imperatorem*». (Мѣховскій даетъ при этомъ объясненіе имени Sziachmet: «*Sziachmet sonat quasi religiosus achmet, et thartari cognominant ipsum Sachmet, quod est martyrisatus Achmet, quia per lithuanos captus detinetur in Kowno incarcerationatus*». Мѣховскій очевидно былъ наведенъ на мысль о подобномъ объясненіи словомъ: шейхъ — شیخ — въ имени: *شیخ احمد* — Шейхъ-Ахмедъ; шейхъ значить старикъ, употребляется и въ значеніи: настоятеля, главы, а иногда святаго. Во всякомъ случаѣ объясненіе Мѣховскаго ошибочно: Шейхъ-Ахмедъ больше ничего какъ сложное имя; и ни Sziachmet не значить: *religiosus Achmet*, ни *Sachmet* — *martyrisatus Achmet*.) — Отъ Ахмеда (*Fraehnii Nova*

Suppl., стр. 115, и Савельевъ. Монеты Джучидовъ, стр. 339) и отъ одного изъ Сендъ-Ахмедовъ (Fgæhnii Resensio, стр. 398) сохранились даже монеты.

сился уже съ царемъ Джанибекомъ⁵⁰⁾, которому

⁵⁰⁾ Кто былъ этотъ Джанибекъ (جانی بیک; у Русскихъ: Зенебекъ) не знаю. Гаммеръ (Gesch. d. Gold. Horde, стр. 406, 407), безо всякаго основанія, считаетъ его за одно лицо съ извѣстнымъ Эменекъ-бикомъ. Изъ наказа даннаго въ 1475 г. Старкову видно, что еще до 1475 г. Джанибекъ просился на службу къ великому князю, но что Иванъ отказалъ ему. Видно еще и то, что Менгли-гирею напротивъ хотѣлось, чтобы Джанибекъ жилъ въ Россіи: Старковъ долженъ былъ говорить хану, что великій князь, согласно его желанію, послалъ за Джанибекомъ въ Орду (Кар. VI, 56). Думать должно, что Менгли-гирей еще въ 1475 г. опасался имѣть въ Джанибекѣ противника, и предпочиталъ видѣть его скорѣе при дворѣ великокняжескомъ въ ряду служилыхъ царевичей, чѣмъ на свободѣ. Сдѣлавшись ханомъ Крымскимъ около 1477 г., Джанибекъ присылалъ въ Россію чиновника своего именемъ Джафаръ-Бирдыя (Яфаръ-Бердѣя — جعفر بیردی) узнать: можетъ ли онъ, въ случаѣ нужды, найти у великаго князя безопасное убѣжище. Иванъ согласился (Кар. VI, 57; 58). Около 1480 г. (Кар. VI, 89) Джанибекъ воспользовался даннымъ ему разрѣшеніемъ, и сверженный съ престола, явился въ Россію. Эменекъ, этотъ самое время и еще послѣ того, спокойно пре-

бывалъ въ Крыму (Кар. VI, 102, 107; Сборникъ Мухоманова, стр. 25, 27, 28),

Ахмедъ уступилъ Крымъ (Кар. VI, 57). Въ 1478 г. въ Крыму чуть ли не снова властвовалъ Нуръ - даулетъ ⁵¹). Только около 1480 г.

⁵¹) О Нуръ-даулетѣ, какъ о царѣ Крымскомъ въ 1478 г., говоритъ Длугошъ. Онъ описываетъ подъ этимъ годомъ прїездъ пословъ его и султана Турецкаго къ Казимиру королю Польскому. Вотъ собственные слова Длугоша II, 566: «*Casimiro Poloniae Rege in Brzesczye Ruthenicali agente (въ мартѣ 1478 г.), venit ad illum Caesaris Turcorum Mahumeti Nuncius, Turcisanus nomine, Tartarorum etiam Nuncio comitatus. Qui magnae importantiae muneribus, videlicet scutellis, et vasis argenteis, flaminibusque axamenticis, adamasценis, et purpureis, auro et murice intextis, praesentatis, propria etiam non vulgaria munera adiiciens, data licentia dicendi, retulit. Caesarem Turcorum, ad omnem amicitiam et pacem, cum Casimiro Poloniae Rege, Regnoque suo et Principatibus, servandam, firmandam et inscribendam, optime dispositum et qualificatum esse, orareque Casimirum Regem, ut Nunciis vicissitudinarie missis pax et amicitia firmetur et inscribatur inter eos, et habeatur pro gravi communi hoste, quicumque alterum ex eis inuaserit. Adiunabat hanc Turci legationem, etiam per speciales literas ingeminatam, Thartarorum Caesaris Nardulab, ut cum Rege Poloniae Casimiro foedus et amicitiam*

iungeret, Nuncius: asserens *Tartarorum* Caesarem induxisse ad eam *Turcum*. Ambobus Nunciis *Casimirus* Rex *Poloniae* magnifice remuneratis, responsum illis est. *Gratum esse Casimirum Regem, suscepturumque singula, quae voce et sermone offerebat, de benevolentia, amicitia et foedere Turcorum Caesaris, eamque non abnuiturum. Et missis Nunciis latius se super his responsum*». То же самое повторяет и Кромеръ, который, кн. XXIX, стр. 624, 625, пишетъ: «Inde uerò profectus, Lituanicum Breste adiit (Казимиръ): ibique conuentu Lituanoꝝ ad medium Martij mensis instituto, principatus illius rebus prospexit... Venit ad eum illuc Mahometis Turcarum imperatoris orator cum ingentibus donis, Tartarorum quoque principis Nurdunuladi legationem secum ducens, amicitiam et societatem petitem amborum nomine adijciens Tartarum Mahometis autoritate eo adductum esse. Quibus responsum est, regem libenter accipere, quae sibi deferrentur, suosque oratores ad utrunque confirmandi foederis causa missurum.»—Отъ Нурь-даулета сохранились двѣ монеты серебряныя (Fraehn. Die Münzen der Chane vom Ulus Dschutschis's. St. Petersburg. 1832, стр. 40 и Табл. IX, № CCCLXVI и Табл. XII, № 8). На лицевой сторонѣ одной изъ нихъ читается: «عظم نور داولت خان» — т. е. — великій Нурь-даулетъ ханъ», на оборотной — изображены Крымская тамга и годъ. Къ сожалѣнію годовое число весьма не ясно; Френъ полагалъ, что, быть можетъ, кроется въ немъ 878 г. гиджры, т. е. 1473,4 г. Основываясь на этомъ чтеніи, можно было бы думать, что Нурь-даулетъ царствовалъ еще

разъ въ промежутокъ времени между 1469 и 1475 г., и именно въ 1473, или въ 1474 г. Замѣчу на это, что Иванъ III въ теченіи 1473 и 1474 г. сносился, какъ видно изъ Дѣлъ Крымскихъ, съ однимъ Менгли-гиреемъ (*Кар.* VI, 55, 56).

окончательно утвердился на престолѣ Менгли-гирей (*Кар.* VI, 89).

«Нурдовлатъ» и «Аидаръ», дѣти «Азигирея» царя Крымскаго, явившіеся, какъ сказано въ лѣтописяхъ, осенью 1479 года, къ великому князю—очевидно тѣ самыя лица: Нуръ-даулетъ и Хайдеръ, сыновья Хаджи-гиреевы, которые въ промежутокъ времени отъ 1466 до 1478 года дѣйствовали въ Крыму.

Теперь остается разъяснить какимъ образомъ цари изъ Крыма могли попасть въ Россію. Въ Сборникѣ Муханова, подъ № 23 («Посольство до короля, его милости [Казимира] отъ Татарскихъ царевъ и отъ инныхъ, и отъ короля до нихъ», изъ Метр. Лит., ч. IV, стр. 92—101), читаемъ на стр. 25 (Посольство Княземъ Иваномъ Глинскимъ): «А также коли Царь (Менгли-Гирей) рекнетъ Глинскому. Братъ мой Король до мене всказываетъ, же не выступилъ ничего, а чомужъ Нурдовлата а Айдара до себе принялъ, вѣдьжо въ докончаніи стоитъ, што пріятелю быть пріятелемъ, а непріятелю непріятелемъ, тогда отъ себе Глинскій маєтъ говорити такъ,:... Царю, такъ бывало здавна, за предковъ господаря моего Великого Короля, коли

на которыхъ Царей пригодится неверемя и они при-
хоживали до Великого Княжства Литовского, ино
хлѣба и соли не боронивано, а какъ добровольно при-
хоживали такъ добровольно и отхоживали, а хто въ
Ордѣ на царствѣ сѣдитъ, съ тымъ таки въ пріязни
бывали, а тымъ ся пріязнь не рушивала, наболей
пакъ Господарь нашъ Король, его милость, з отцемъ
вашимъ докончаніе взялъ и въ пріязнь вполъ, и же
пріятти ему и всимъ дѣтемъ его, такижъ въ томъ сто-
ялъ у всимъ вамъ Ачгиреевымъ дѣтемъ то полнилъ,
ажъ и до тыхъ мѣстъ. А Нурдывлатъ а Ойдаръ при-
шли до его милости земли и его милости Господарь
нашъ имъ хлѣба и соли не боронилъ, и какъ добро-
вольно пришли, такъ добровольно и отошли и тепере
живутъ гдѣ имъ любо. Писанъ въ Вильнѣ. Индиктъ
14. (1480)». Далѣе въ томъ же Сборникѣ Муханова,
подъ № 25 («Посольство [отъ короля Казимира] до
царя Медлигирея Паномъ Яномъ Довойновичомъ,
Якубомъ Домотканомъ, з Троковъ, Августа 22, Ин-
диктъ 4 [1486]», изъ Метр. Лит., ч. VI, стр. 160—
163), читаемъ на стр. 30, 31: «А всказалъ еси къ
намъ своимъ посломъ, на имя Карачомъ, напоминая
насъ о братствѣ и о пріязни, абыхмо з тобою брат-
ство и пріязнь твердили, ино мы милостию Божою з
давнихъ часовъ, перво сего жили з отцемъ твоимъ,
Царемъ Ачгиреемъ, въ таковомъ братствѣ и пріяз-
ни... а вотомъ коли сѣлъ на Царствѣ братъ твой
Царь Мурдовлатъ, и мы з нимъ по томужъ жили въ
таковомъ братствѣ и въ пріязни и въ правдѣ твер-

дой, и полнили есьмо ему правду нашу во всемъ, а з того есьмо николи не выступали, а онъ намъ такожь правду свою держалъ и полнилъ, покогѣ на царствѣ сидѣлъ, на столцы отца своего; а какъ на него неверемя пришло и онъ въ тую свою пригуду пріѣхалъ к намъ до наше земли, до великого Княжства Литовского, з братомъ своимъ Айдаромъ, и мы имъ хлѣба нашего и соли и жалованія не боронили, кокожо здавна бывало за предковъ нашихъ а потомъ и за насъ, который коли Царь, або князи и уланове въ пригуду свою пріѣздживали до наше земли, за предковъ нашихъ и за насъ, тутъ имъ въ нашей земли отпочинокъ бывалъ... А потомъ братя твоя нѣкоторыми людьми подмовлены были и не хотѣли въ нашей земли мѣшкати и поѣхали тамъ, гдѣ и теперь живутъ, какжо и тобѣ о томъ вѣдомо есть, въ которой мѣрѣ живутъ».

Изъ приведенныхъ мною выписокъ ясно видно, что Нуръ-даулетъ, сверженный съ престола, бѣжалъ съ братомъ своимъ Хайдеромъ въ Литву. Вѣроятно это случилось или въ концѣ 1478, или въ началѣ 1479 г. Изъ Литвы уже Нуръ-даулетъ и Хайдеръ перебрались въ Москву. Слова Метрики Литовской: «тамъ, гдѣ и теперь живутъ», безо всякаго сомнѣнія, означаютъ Россію. Выѣхали же они изъ Литвы или сами, или быть можетъ, какъ намекаетъ Метрика Литовская, подговорилъ ихъ къ тому великій князь Иванъ ⁵²).

⁵²⁾ Гвагнинъ (Gwagninus, Guagnino) въ своей «Kronika Sarmacye Europskiej (W Krakowie. 1612)» утверждаетъ, будто Нурь-даулетъ еще въ 1467 г. призжалъ къ Казимиру. «Roku 1467», пишетъ онъ въ кн. II, ч. I (Kronika W. X. Litewskiego), стр. 54, 55, «przyjechał do krola Nordwãld syn nie dawno zmarłego Ecyngiera Cará Tátárskiego, potwierdzając stárodawnã miłość y zachowanie oycowskie z krolew, y obiecuiac mu pomagać przeciw każdemu nieprzyiacielowi». Здѣсь Гвагнинъ положительно ошибся. Въ 1467 г. былъ у Казимира не самъ Нурь-даулетъ, а призжали къ королю его послы (см. выше, пр. 44, стр. 94). Гвагнинъ вообще о Нурь-даулетѣ повторяетъ только то, что говорили до него Даугошь, Кромеръ и др.; въ означенномъ мѣстѣ онъ просто понималъ дурно ихъ слова. Въ ошибку же, но другого рода, впадаетъ и Мѣховскій; онъ пишетъ (см. выше, пр. 45, стр. 96), будто Нурь-даулетъ выѣхалъ въ Россію въ 1469 г.

Любопытно видѣть, какъ самъ Иванъ объяснялъ причину, побудившую его дать пристанище въ своей землѣ Нурь-даулету и Хайдеру. Боярину князю Ивану Звенцу, посланному въ 1480 году къ Менгли-гирею, вскорѣ послѣ его окончательнаго воцаренія, велѣно было говорить хану, «что великій князь, изъ особенной къ нему дружбы, принялъ къ себѣ не только изгнаннаго царя Зенебека (Джанибека, того самаго, который былъ ханомъ въ Крыму, см. выше, пр. 50, стр. 123), но и двухъ братьевъ Менгли-гиревыхъ, Нордоулата и Айдара, жившихъ прежде

въ Литвѣ, дабы отнять у нихъ способъ вредить ему» (*Кар.* VI, 89 и пр. 207, гдѣ ссылка на Дѣла Крымскія, № 1, л. 34—39). Тоже самое повторялъ великій князь Менгли-гирею въ 1483 и 1484 годахъ, чрезъ пословъ своихъ князя Ивана Владиміровича Лыкова и князя Василя Ноздроватаго: «Я съ своей стороны», приказывалъ Иванъ къ хану, «не упускаю ни единого случая дѣлать тебѣ угодное: содержу твоихъ братьевъ въ Россіи, Нордоулата и Айдара, съ немалымъ убыткомъ для казны моей» (*Кар.* VI, 107 и пр. 269, гдѣ ссылка на Дѣла Крымскія, № 1, стр. 84—100).

Въ первый же годъ по прибытіи Нуръ-даулета и Хайдера въ Россію, именно весною 1480 г., находившійся при Нуръ-даулетѣ, сынъ его, Биръ-даулетъ (بيردولت), былъ убитъ однимъ изъ Татаръ своихъ, которому за это отецъ царевича собственноручно отрубилъ голову⁵³). Въ это же самое время великій

⁵³) *Соб.* 1 *лт.* П. С. Р. Л. VI, 35: Тоя же зныы (6988), 15 марта, въ среду на пятой недѣли поста, Бердоулата царевича Мердоулатова сына, зарѣза Татаринъ его же, и тому Татарину Мердоулатъ, отецъ Бердоулатовъ, самъ голову отрѣзалъ (*Свр.* 344; *Нов.* 4 *лт.* П. С. Р. Л. IV, 153; *Ник.* VI, 110; *Лв.* III, 138; *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 205). *Врм.* II, 126, 127: И тоя же весны Мердоулата царевича, Мердоулатова сына зарѣзалъ Татаринъ его, и тому Татарину отецъ его самъ голову отрѣзалъ.—Слова *Соб.* 2 *лт.*,

Сер. в Про.: «уби и царевичъ болшой», «уби царевича болшаго» (см. выше, пр. 43, стр. 91, 92) очевидно относятся къ Биръ-даулету.

князь сослалъ за что-то Хайдера въ Вологду ³⁴⁾.

³⁴⁾ *Соф. 1 мт.* П. С. Р. Л. VI, 35: Тое же весны (6988) изыманъ царь Андаръ Крымскый, и посланъ въ заточеніе на Вологду (*Сер. II*, 344; *Нов. 4 мт.*, оконч. хронотрафа, П. С. Р. Л. IV, 153). *Ник. VI*, 110: Тоеже весны (6988) изыманъ Царь Андаманъ Крымскій, и посланъ в заточение на Вологду. *Нов. 4 мт.*, въ оконч. академ. списка, П. С. Р. Л. IV, 134: Того же лѣта (6988) изыманъ царь Идаръ, и посланъ въ заточеніе на Вологду. *Лв. III*, 139: Тогожъ лѣта (6988) изыманъ Царь Андаръ крымской и посланъ въ заточеніе на Волгу. *Врм. II*, 129: Тогожъ лѣта (6988) велѣлъ князь великій поимати Крымскаго царя Андара, и посла его въ заточеніе на Вологду.

Послѣ ссылки брата, Нуръ-даулетъ одинъ остался въ Россіи на виду.

Годы отъ 1480 до 1486 протекли для Нуръ-даулета, кажется, довольно тихо, безо всякаго, съ его стороны, особенно живаго участія въ дѣлахъ; по крайней мѣрѣ за всю эту шестилѣтнюю эпоху, въ нашей отечественной исторіи, о немъ упоминается только разъ, и то въ такого рода источникѣ, на который не всегда можно вполне полагаться, именно въ Исторіи о Казанскомъ царствѣ. Сочинитель ея,

описывая послѣднее нашествіе Ахмеда, хана Золотой Орды, на Россію въ 1480 г., говоритъ, между прочимъ, будто великій князь, въ то время когда ханъ стоялъ на р. Угрѣ, послалъ Нуръ-даулета съ воеводою княземъ Васиіемъ Ноздроватымъ, напасть невзначай на «Большую Золотую Орду». По словамъ автора, Нуръ-даулетъ успѣшно исполнилъ возложенное на него порученіе, доплылъ въ лодьяхъ до орды и, найдя въ ней однихъ стариковъ, женъ и дѣтей, разгромилъ ее; онъ бы могъ окончательно уничтожить «Юртъ Батыевъ», но его удержалъ одинъ знатный огланъ, который напомнилъ царю, что какъ онъ, такъ и всѣ его Татары — родомъ изъ Большой Орды, и имъ бы грѣшно было разорять въ концѣ это царство, ихъ общую отчизну. Удачное нападеніе Нуръ-даулета и было, какъ думаетъ составитель Исторіи о Казанскомъ царствѣ, причиною, почему Ахмедъ бѣжалъ съ р. Угры⁵⁵).

⁵⁵) Ик. 38, 39: И посылаетъ (великій князь) отам служимаго своего Царя *Нурдовлета* (очевидно ошибка; читать надобно Нурдовлета) городецкаго (опять ошибка; Городецкимъ въ 1480 году былъ Даниаръ; см. выше, статью о Даниарѣ), снниже воеводу князя *Василья Ноздреватого* сомногою силою вболшую златую орду, доколе Царь стояше на руси и невѣдуще ему сего. Ониж водою влодьяхъ пришедше на орду, и обрѣтошаю пусу безлюдей, токмо внеи женскъ полъ, и старъ и младъ. И тако ея поплениша, женъ и дѣтей

варварскихъ и скотъ весь овецъ вполонъ взяша, овецже огню и водѣ и мечю предаша, и конечно хотѣша Юртъ Царя *Батымевъ* разорити. Уланже Царя Городецкаго сильный обляз (до сихъ поръ существуетъ у Сибирскихъ Татаръ имя: Аблазы — *ابلازی*, быть можетъ, сокращеніе отъ имени: Абуль-газы — *ابو الغازی*) леств сотвори, глагола Царю своему: что твориши, о Царю, яко нелепо есть тебѣ, большого сего царства до конца разорити, отъ него же бо и самъ ты родися и мы всѣ, и наша земля то есть и отечество всконн, и се повеленная пославшаго ны по премному исполнихомъ, и довольно есть намъ, и отидемъ, егда како Богъ неопуститъ намъ. И прибѣгоша вѣстницы ко Царю *Ахмату*: яко Русь орду его расплениша и скорбъ втомъ часѣ Царѣ отъ реки Угры назадъ обратися бежащи, ни кояже пакости нашей земли учинивъ, да якожъ прежде реченое великаго Князя войско отъ орды остуни (Ср. Лызловъ, *Скифская Исторія*, I, стр. 71; Рычковъ, *Опытъ Казанской исторіи*, стр. 64; *Кар.* VI, 99; всѣ три писателя заимствовали рассказъ свой изъ нѣтъншихъ у нихъ списковъ *Иж.*; царь Городецкій названъ у Лызлова Уродовлетъ, а у Рычкова — Урдовлетъ; по Лызлову же и Рычкову воевода Русскій звался княземъ Гвоздевымъ Звенигородскимъ, а Облязь или Облазь былъ не огланъ, а мурза; у Карамзина вмѣсто Облязь стоитъ Обуязъ. Ср. также *Подр. лѣт.* II, 39, 40, гдѣ читаемъ: «Посылаетъ отай Царя Златыя Орды его полонити, елужащаго ему Царя Уланъ Довлета Городецкаго, съ

имѣ же Воеводу Князя Василья Ноздреватаго Звенигородскаго со многою силою. Доколѣ Царь стояше въ Россійскихъ предѣлахъ, сего же не вѣдаше; они же Волгою въ лодіяхъ пришедше на Орау, обрѣтающуюся пусту безъ людей, токмо въ ней женскъ полъ старъ и младъ; и тако они поплѣниша женъ и дѣтей Варварскихъ и скотъ весь, овыхъ въ плѣнъ взяша, овыхъ же огню и водѣ и мечу предаша, и конечнѣ хотѣша юртъ Батыевъ разорити; Улана же Царя Городецкаго сильный облязъ лести сотвори, глаголя Царю своему; что твориши о Царю, яко нехѣно есть тебѣ великаго сего Царства до конца разорити, отъ него же бо и самъ ты родися, нѣтнѣе все и наша земля, то есть, и отецъ твой оттуда искони; и се повелѣнная пославшаго мы исполнихомъ, и довольно есть намъ отойти, егда како Богъ не поуститъ намъ; и прибыгоша вѣстницы къ Царю Ахмату, яко Русь Орду его расплѣниша, и скоро въ томъ часѣ Царь отъ рѣки Угры назадъ обратися бѣжати, ни коея же пакости Россійстей землѣ учинивъ, Великаго же Князя вѣнство отъ Орды отступиша». Замѣчу кстати, что вся вторая часть *Подр. лѣт.* начиная съ стр. 30, до самаго конца—ничто иное, какъ Исторія о Казанскомъ царствѣ, списки которой всегда были въ довольно большомъ ходу [см. объ извѣстныхъ до сихъ поръ спискахъ *Иж.*: А. Артемьева, разборъ книги «Казанская Исторія, соч. Н. Баженова» въ *Сѣверномъ Обзорѣнн.* Т. I. Спб. 1848. Критика, стр. 15, 16, и *Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина Греко Россійской церкви.* Изд. 2. Т. I.

Сиб. 1827, стр. 259, 260, сл. *Іоаннъ Глазатой, Селищенникъ*, которому авторъ словаря, основываясь на указаніи Татищева—весьма, впрочемъ, слабѣтъ; см. Ист. Росс. Предъизвѣщеніе о исторіи, стр. XII — приписывалъ сочиненіе *Ик.*]; странно что этого не замѣтилъ издатель *Подр. мѣт.*, какъ это видно изъ примѣчанія его на стр. 114. Списокъ *Ик.*, по которому напечатана вторая часть *Подр. мѣт.*, говоря вообще, хуже тѣхъ, по которымъ издана Исторія о Казанскомъ царствѣ [ближе подходитъ къ списку № 74]. Въ особенности дурно начало: на стр. 55-ой, послѣ описанія возобновленія Казани Улу-Мухаммедомъ [см. объ этомъ выше, пр. 3, стр. 5, 6; статьи объ Улу-Мухаммедѣ въ *Подр. мѣт.* передана не совсѣмъ точно; даже самъ ханъ ни разу не названъ по имени], читаемъ что «той же царь» завоевывалъ Тверь, Вятку и Рязань и т. д., и назвался княземъ Московскимъ, какъ будто дѣло идетъ объ Улу-Мухаммедѣ, между тѣмъ, при сличеніи съ другими списками, оказывается, что здѣсь пропущены цѣлыхъ двѣ страницы, и что дѣло идетъ о государѣ Иванѣ Васильевичѣ; за тѣмъ въ *Подр. мѣт.* прямо говорится о царѣ Ильганѣ, а о Махмутекѣ и Ибрагимѣ не сказано ни слова; изъ четырехъ главъ: IX, X, XI и XII [по изд. *Ик.*], которыхъ бы слѣдовало находиться въ промежуткѣ, одна, IX, гдѣ, между прочимъ, описанъ походъ Касима на Казань, совсѣмъ пропущена, какъ и въ спискѣ № 74, а другія три, которыхъ въ спискѣ № 71 нѣтъ, поставлены, чуть ли не въ самомъ началѣ. Впрочемъ списокъ *Ик.*, напечатанный въ *Подр.*

лѣтъ, имѣть свою цѣну, и во всякомъ случаѣ лучше многихъ изъ тѣхъ, которыми Рыжовъ пользовался: въ нихъ путаница въ началѣ, особенно въ лѣтосчисленіи, была такъ велика, что и Рыжовъ въ своемъ Опытѣ Казанской исторіи надѣлалъ множество ошибокъ. Такъ у него за годы отъ 1470 до 1524 (7032), оставленъ пробѣлъ; всѣ же почти происшествія, случившіяся въ этотъ промежутокъ времени разсказаны предъ 1467 г., именно предъ той эпохой, когда царевичъ Касимъ ходилъ на Казань. О сбивчивости своихъ списковъ говорилъ и самъ Рыжовъ въ примѣчаніяхъ на стр. 96 и 100). Этотъ же разсказъ, но въ сокращеніи, съ ошибкою въ указаніи года и съ пропускомъ всей статьи объ огланѣ *Облазѣ*, читаемъ и въ Новомъ лѣтописцѣ, изданномъ кн. М. Оболенскимъ. Въ лѣтописцѣ этомъ, на стр. 15, значится: «Въ лѣто 6929 Ноября въ 1-й день, Златыя Орды Царь Ахматъ прииде на Русь ратію, хотя поглотити все христіанство и градъ Москву, и ста на рѣкѣ Угрѣ; Великій же Князь Московскій положи совѣтъ съ бояры своими и тайно посла воевати Златую Орду служащаго себѣ Царя Юрдовлетя Городецкаго, а съ нимъ посла Воеводу своего Князя Василья Ноздроватаго Звенигородскаго со многю силою. Они же поидоша въ лодіяхъ Волгою рѣкою, и пришедше обрѣтоша всю Златую Орду никимъ же обороняему, и поплѣниша ея всю, юрты всѣ разориша, конѣ же обрѣтоша, тѣхъ всѣхъ побииша и въ плѣнъ отведоша и пустую учиниша, и отъ того времени Орда она до конца оскудѣ». По всей вѣроятности разсказъ *Нов.*

мт. передѣланъ изъ Исторіи о Казанскомъ царствѣ; по крайней мѣрѣ ни въ одной лѣтописи древнѣйшей, сколько мнѣ извѣстно, не говорится о походѣ Нуръ-даулета въ Золотую Орду.

Въ какой степени вѣрно это извѣстіе: дѣйствительно ли царь нападалъ на орду и Ахмедъ бѣжалъ, пораженный слухомъ о бѣдствіи, постигшемъ его дома, или походъ Нуръ-даулета—выдумка, и Ахмедъ удался съ Угры просто, какъ объясняютъ другія лѣтописи, отъ сильныхъ морозовъ и недостатка въ одеждѣ, оказавшейся у людей его⁵⁶)—рѣшить трудно.

⁵⁶) См., между прочимъ, *Соф. 2 мт.* П. С. Р. Л. VI, 231: Съ Дмитреева же дни стала зима и рѣки вси стали, и мрази велики, яко не мощи зрѣти: тогда царь убояся и съ Татары побѣжа прочь, ноября 11; бяху бо Татарове наги и босы, ободрася.

Мнѣнія Русскихъ писателей, изслѣдовавшихъ этотъ вопросъ различны. Арцыбышевъ (II, к. IV, стр. 48, № 294) считаетъ разсказъ автора Исторіи о Казанскомъ царствѣ — сомнительнымъ. Карамзинъ (VI, 99), напротивъ, называетъ его удовлетворительно объясняющимъ бѣгство Ахмедово. Наконецъ Григорьевъ (О мѣстоположеніи столицы Золотой Орды, Сарая. Спб. 1845, изъ Журн. мин. вн. д., стр. 29—32) полагается на него вполне. Онъ придаетъ ему тѣмъ большее значеніе, что понимая, какъ и Карамзинъ, подъ именемъ «Юрта Батыева» Казанска-

го лѣтописца, не просто кочевку, въ которой Ахмедъ оставилъ старыхъ и малыхъ, предъ выступленіемъ на войну (какъ это и было въ 1472 г., когда тотъ же Ахмедъ, собираясь въ походъ противъ Россіи «подшедь близъ Руси остави у Царицы *старыхъ и болныхъ и малыхъ*», и принужденный бѣжать изъ подъ Алексина, шелъ, «блюдучися того, егда князя великаго царевичи шедъ возмутъ *орду* и царицу его; см. выше, пр. 36, стр. 77 — 80), а самый Сарай, полагаетъ, что походъ Нуръ-даулета и князя Ноздроватаго, если не одинъ, то по крайней мѣрѣ въ связи съ другими обстоятельствами, повелъ къ окончательному паденію столицы Золотой Орды.

Около 1486 г. (см. выше, стр. 89, 90) Нуръ-даулетъ, очевидно тотъ самый который выѣхалъ къ намъ въ 1479 г., былъ пожалованъ государемъ Иваномъ III Васильевичемъ, въ званіе царя Городецкаго.

Исторія жизни Нуръ-даулета, за время пребыванія его въ Мещерскомъ городкѣ, весьма мало извѣстна: только изъ Дѣлъ Крымскихъ дошли до насъ немногія данныя, и то касаются онѣ Нуръ-даулета, не какъ владѣльца Мещерскаго городка, а скорѣе какъ бывшаго хана Крымскаго. Главнѣйшее мѣсто между этими данными занимаютъ переговоры, которые ведены были въ 1487 году между Муртазою и великимъ княземъ. Ханъ Муртаза, одинъ изъ сыновей убитаго въ 1481 г. Ахмеда, хана Золотой Орды, вздумалъ попытаться переманить къ себѣ Нуръ-даулета, обѣщая возвести его на престолъ Крымскій. Цѣль хана

была очевидна: ему хотѣлось конечно не оказать дружбу изгнаннику, а просто водворить безпорядокъ въ Крыму и лишить Менгли-гирея средствъ вредить Золотой Ордѣ (см. о Муртазѣ и о враждѣ сыновей Ахмеда съ Крымомъ, выше, пр. 49, стр. 113—119). Съ предложеніемъ отъ имени Муртазы явился въ Москву въ 1487 г. посолъ его Шахъ-Баглуль (شاه باغلؤل). Онъ привезъ съ собою письма къ великому князю и къ Нуръ-даулету. Въ письмѣ къ Ивану, Муртаза говорилъ о дружбѣ, которая существовала еще между отцомъ его Ахмедомъ и Нуръ-даулетомъ, жаловался на вѣроломство и непріязненные поступки Менгли-гирея, и просилъ отпустить Нуръ-даулета, объявляя, что онъ намѣренъ возвести его на престолъ Крымскій, и надѣется успѣть въ этомъ. Въ заключеніе, ханъ предлагалъ великому князю оставить у себя, для бѣльшей вѣрности, въ залогъ, женъ и дѣтей Нуръ-даулета, съ тѣмъ, чтобъ отдать ихъ ему, когда тотъ, сдѣлавшись царемъ Крымскимъ, пришлетъ за ними. Въ письмѣ къ изгнанному царю, Муртаза уговаривалъ его покинуть землю невѣрныхъ — Россію, предлагалъ свои услуги и порицалъ Менгли-гирея. «Мы одного съ тобой рода», писалъ онъ, «отцы наши воевали, но потомъ помирились; Менгли-гирей же, братъ твой, измѣнивъ клятвѣ, снова возжегъ войну» ⁵⁷⁾.

⁵⁷⁾ Вотъ письма Муртазы къ великому князю и къ Нуръ-даулету, такъ какъ онѣ напечатаны: первое въ *Сб. юс. гр.* V, № 5, стр. 3, а второе въ *Ист. гос.*

Росс. Карамзина, т. VI, пр. 306 со ссылкой на Дѣла Крымскія, № 1, стр. 163.

1) *Письмо Муртазы къ великому князю Ивану.* Муртозино слово Ивану: свѣдоми буди, что тотъ Нурдовлатъ Царь, отъ отца моего до сѣхъ мѣсть, со мною въ любви былъ, опослѣ того пакъ съ Менли Гирейми были есмь правду учинили, и Менли Гирей въ той правдѣ не устоялъ. Послѣ того опять противъ того собѣ нашелъ таковожъ такъ ся надъ нимъ състало; а нынѣца Менли Гирей намъ недругъ; въ его мѣсто Нурдовлата Царя учинили, молвя надѣю держимъ. А нынѣца семъ путемъ, у тебя Нурдовлата Царя просити, Шахъ Баглуломъ зовутъ, слугу своего послалъ есмь. И сесь Шахъ Баглулъ дождеть сего Нурдовлата Царя, кое быти его къ намъ отпустить, за то не постоя; а жены бы его и дѣти у тебя были. Коли Богъ помилуетъ, тотъ юртъ ему дастъ, и онъ ихъ у тебя послѣ того тогда добромъ возьметъ. Менли Гирей Царь тобѣ другъ учинился, а Нурдовлатъ Царь ведъ тобѣ недругъ жо; намъ тотъ пригожъ и ты сего пути нынѣца его не заборони къ намъ отпустить. Молвя ярлыкъ послалъ есмь.

2) *Письмо Муртазы къ Нурь-даулету.* Братъ мой Нурдовлатъ Царь! Дай Господи, твое Осподарство у тебя было; дни бѣ твои впередъ были на многіе лѣта. Ближней еси намъ братъ, святой и милосердной и прямой вѣдомой еси промежъ всѣхъ добръ, правдою праведенъ, а величествомъ еси великъ и ко всѣмъ тщивецъ еси привѣтливъ, милосердой Государь ты; на семъ свѣтѣ

Вѣрѣ еси нашей подпора, Бесермевомъ и Бесерменству нашему помочь ты еси и Закону наказатель; милосердаго Бога милостью истинной еси прямой Осподарь. Ино, брате Нурдовлатъ Царь, велика бы и счастлива была твоя Держава до второго пришествія Магатметовы дѣла молитвы и учениковъ его. А послѣ сего добра и похвалы свѣдомо бы тебѣ то было, что изъ старины и до сѣхъ мѣсть съ вами мы одного отца дѣти есмя были: правда такъ есть. Послѣ пакъ того прилучей таковъ състался, преданіе наши о кости, о лодыжномъ мозгу Юрта дѣла своего разобралися: да того дѣла промежъ нхъ много лиха и нелюбви было; а опослѣ того опять то лихо отъ себя отложили, и кон потоки кровью текли, тѣ опять межъ нхъ молокомъ протекли, а тотъ бранной огонь любовною водою угасили; а съ вашинъ Юртоу нашъ Юртъ какъ бы одинъ учинилъ, кой на Божей покой пошолъ, святой Ахматъ Царь, а какъ ся ужъ есмя умирили, и тотъ бранной огонь опять зажогъ братъ твой, Мевгли-Гирей Царь, а право свое порушилъ, а намъ не по мѣрѣ силу учинилъ былъ: ино Сотворитель всей вселеннѣй, Господь Богъ, то лихо на него оборотилъ. Сколько надъ нимъ дѣлъ състалось, то тебѣ свѣдомо. А нынѣца отецъ мой, Ахматъ Царь, милосердіе Божіе надъ нимъ было: онъ былъ то намъ въ прокъ учинилъ; а мы пакъ братья твои: инако учинити, того у насъ на мысли нѣтъ; а хто будетъ лихъ, тому противу Богъ самому отдастъ. Намъ вѣрнымъ про твое величество своего брата, что ты живешь промежъ невѣрныхъ, не пригоже ся видить такъ. Сѣмъ случаемъ величе-

ству твоему тяжелый поклонъ съ легкимъ поминкомъ, Шихбаглуломъ зовутъ слугу своего, послалъ еси. А еще сесь Шихбаглулъ дождеть до твоего величества, лице твое увидить, и что будутъ у тебя твои тайные рѣчи, и ты тѣ рѣчи про свое величество и здоровье съ Шихбаглуломъ ко мнѣ прикажи, насъ себѣ въ любви держа. Нѣчто изъ тое изъ поганые земли избыти захочешь мысль твоя будетъ, ино азъ къ Ивану съ тѣмъ же Шихбаглуломъ о томъ же грамоту свою послалъ еси. Авось пакъ нѣчто не взохочешь, мысли твоей не будетъ, и ты гдѣ ни будешь, тамъ бы еси здоровъ быть, а насъ въ братствѣ не забывай. Молвивъ грамоту послалъ еси; лѣта 891 писана (годъ 891 гіджры кончился въ декабрѣ 1486 г.).

Любопытно сравнить вмѣстѣ оба эти письма Муртазы, дошедшія до насъ въ переводѣ почти подстрочномъ, и повтому не всегда понятномъ. Къ Ивану Муртаза пишетъ *армыжъ*, указъ, весьма кратко и сжато. Съ Нуръ-даулетомъ же обращается какъ съ равнымъ себѣ царемъ; посылаетъ ему длинную *грамоту*, сочиненную въ почтительныхъ и льстивыхъ выраженіяхъ. Простой фактъ этотъ свидѣтельствуесть ясно о томъ, какъ еще свѣжо было преданіе о величіи Татаръ и слабости Руси. Ничтожный ханъ Орды, доживавшей въкъ свой, считалъ себя въ правѣ приказывать великому князю, который былъ на дѣлѣ гораздо его сильнѣе, и ставилъ выше государя Русскаго служилаго ему изгнаннаго царя, потому только, что царь этотъ былъ изъ рода Чингизова и исповѣдывалъ вѣру мусульманскую.

Предложенія Муртазы далеко не соответствовали видамъ Ивана. Какъ для хана Золото-Ордынскаго было бы выгодно поселить раздоръ въ Крыму, такъ, на оборотъ, для великаго князя Русскаго было бы это не только бесполезно, но и вредно: Менгли-гирей, воюя съ дѣтьми Ахмедовыми, служилъ помощникомъ Ивану, прямой расчетъ котораго, какъ и Менгли-гиреевъ, состоялъ въ томъ, чтобы сгубить Золотую Орду. Орда эта была для обоихъ государей одинаково ненавистна: великому князю она напоминала прежнее поработеніе Россіи, царю же Крымскому мѣшала упрочить власть на твердыхъ основаніяхъ. По пріѣздѣ Шахъ-Баглауля, великій князь задержалъ его и сообщилъ о предложеніяхъ Муртазы Менгли-гирею, кстати присовокупивъ и то, что король Польскій тайно зоветъ къ себѣ другаго его брата, Хайдера. Отвѣтъ не замедлилъ придти изъ Крыма. Отвѣтъ былъ странный: Менгли-гирей просилъ отправить къ нему Нуръ-даулета, говоря, что цѣня уиъ и мужество брата, онъ самъ готовъ раздѣлить съ нимъ царство, и забыть прошлое. Ужь не была ли тутъ хитрая уловка, выдуманная для того, чтобы заманить соперника въ свои руки? Про Хайдера же Менгли-гирей писалъ, что его не боится, и что ему все равно, куда бъ онъ ни ушелъ. Великій князь не счелъ нужнымъ исполнять прихоти Менгли-гирея: написалъ ему дружескій отказъ и оставилъ Нуръ-даулета у себя. Тѣмъ и кончились переговоры (*Кар.* VI, 117).

Нуръ-даулетъ умеръ, кажется, около 1491 года. Свѣдѣній объ его смерти не имѣется никакихъ, но въ лѣтописяхъ подъ 1491 г. начальникомъ Татарской дружины, посланной великимъ княземъ, вмѣстѣ съ Русскимъ войскомъ, на помощь Менгли-гирею противъ хановъ Золото-Ордынскихъ—Сеидъ-Ахмеда и Шейхъ-Ахмеда—названъ уже не Нуръ-даулетъ, а сынъ его Сатылганъ ⁵⁸).

⁵⁸) *Согф.* 1 *лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 38: Тоя же весны (6999), мѣсяца маія, прииде вѣсть къ великому князю Ивану Васильевичю, что идутъ ордынскыя царя, Семъ Ахметъ и Шигъ Ахметъ, съ силою на царя Мингирея Крымского. Князь же великий на помощь Крымскому царю Мингирею отпустилъ воеводъ своихъ въ Поле подъ Орду, князя Петра Микитича Оболенского да князя Ивана Михайловича Репню Оболенского же, да съ ними многихъ дѣтей боярьскихъ двора своего, да Мердоулатова сына царевича Сатылгана съ уланы и съ князи и съ всеми казаки послалъ вмѣстѣ же съ своими воеводами; а Казаньскому царю Махметъ Аминю велѣлъ послати воеводъ своихъ съ силою вмѣстѣ же съ царевичемъ и съ великого князя воеводами; а князю Андрѣю Васильевичю, и князю Борису Васильевичю, братѣи своей, велѣлъ послати своихъ воеводъ съ силою вмѣстѣ же съ своими воеводами, и князь Борисъ Васильевичъ воеводу своего послалъ съ великого князя воеводами, а князь Андрѣй Васильевичъ воеводы и силы своей не послалъ. И снидошася вмѣстѣ великого

князя воеводы съ царевичемъ Сатылганомъ и съ Казаньскаго царя воеводами съ Абашъ-уланомъ и съ Бурашъ-сеитемъ въ Поли, и князь Борисовъ воевода тутю же ихъ наѣха; и поидоша вмѣстѣ подь орду. И слышавше цари ордынскыя силу многу великаго князя въ Поли, и убоявшися възвратишася отъ Перекопи; сила же великаго князя възвратися въсвоея безъ брани (*Сер.* II, 238, гдѣ вмѣсто: «да Мердоулатова сына царевича Сатылгана съ уланы», писано: «да Мердѣулата Царевича со Уланы», очевидно по ошибкѣ, такъ какъ нѣсколькими строками ниже, гдѣ говорится о соединеніи воеводъ съ Казанскою ратью, сказано и въ *Сер.*: «И снисдошася вмѣсто великаго Князя воеводы съ Царевичемъ съ Алтыганомъ»; эта же самая ошибка повторена и въ *Лс.* III, 208, 209, гдѣ съ начала сказано: «да Мердѣ-Улата Царевича со Уланы», а потомъ: «и снисдошася въ мѣсто Великаго Князя воеводы съ Царевичемъ Сатылганомъ»; *Ник.* VI, 127, 128, гдѣ имя царевича, Нуръ-даулетова сына, оба раза написано различно: въ первый разъ названъ онъ царевичемъ Сатылганомъ [да Меурлатова сына царевича Сатылгана съ уланы], а во второй — царемъ Сантыгханомъ [И снисдошася вмѣстѣ великаго князя с царемъ Сантыгханомъ и с казанскаго царя воеводами]; *Про.* 320, 321, съ тою разницею, что цари Ордынскіе названы съ начала: «Сейтъ и Ахметъ Шигахметъ», а потомъ, при описаніи побѣга ихъ, вставлены настоящія имена ихъ [И слышавше Цари Ордынскіе, Сейтъ Ахметъ, и Шигахметъ]; въ *Про.* же царевичъ названъ:

«Салтыганъ», да при описаніи его отправленія въ походъ, сказано: «да и Мердоулатова сына царевича Салтыгана со уланы, и со князи со всеми Казанскими, и казаки послалъ вѣстѣ же съ своими воеводы, а Казанскому царю Махметъ Яминю»; слово: «Казанскими» послѣ: «со князи со всеми», безъ сомнѣнія, лишнее; *Вскр. П. С. Р. Л. VIII, 223; Лѣт. Норм. 5, 6*, гдѣ рассказъ начинается просто словами: «Того жъ лѣта [6999] приде вѣстѣ», безъ означенія времени года и мѣсяца; въ этой же лѣтописи цари Ордынскіе поименованы: «Сентъ и Ахметъ и Шугахметъ», а царевичъ названъ: «Салтыганъ»; къ тому же конецъ рассказа нѣсколько сжатъ). *Врм. II, 158*: Тоя же весны (6999) Маія приде вѣстѣ къ великому князю Ивану Васильевичу, что идутъ Ордынскіе цари Китъ Ахметъ, и Шигъ Ахметъ, на Крымскаго царя Менгилирея. Князь же великій посла къ нему на помощь воеводъ своихъ, Князя Петра Никитича Оболенскаго, да князя Ивана Михайловича Репню, и дворъ свой, и царевича Мердоулатова сына Салтыгана: а Казанскому царю велѣлъ послати воеводъ своихъ съ силою со царевичемъ же вѣстѣ. И снидошась великаго князя воеводы со царевичемъ Салтыганомъ, и съ воеводами Казанскаго царя Магметъ Аминевыми, и поидоша вѣстѣ подъ Орду. И слышавше Ординскіи цари силу многу въ полѣ великаго князя, и убоявшесь, возвратишась отъ перекопи: а великаго князя воеводы возвратишась безъ брани. *Ст. II, 157, 158*: Потомъ же (6999 г.) слыша Великій Князь Иванъ Васильевичъ всеа Росіи,

яко Ординетинъ Царю Ма Ахметъ и Ши Ахметъ идутъ съ силою на Крымского Царя Мингирѣя, и посла ему на помощь въ поле во Орду Князя Петра Никитича Оболенскаго, и Князя Ивана Михайловича Репню Оболенскаго же, и многое воинства двора своего, и Царевича Салтыгана Мердоулатова сына со Уланы и съ Князьми и со всѣми казаки. Также и Казанскому Царю Ма Ахметъ Аминю, тогда тому отъ Великаго Князя поручено Царство Казанское, и братіи своей Князю Андрею Васильевичю и Князю Борису Васильевичю повелѣ имъ послати своихъ Воеводъ съ силами, и вси въ полѣ снисходшася въ мѣсто; токмо единъ Князь Андрей Васильевичъ преслушася Великаго Князя, и не посла Воеводъ своихъ. Царю же Ординетинъ слышавше силу многу Великаго Князя въ полѣ, и убояшася, возвратишася отъ Перекопи. И тако сила Великаго Князя кромѣ брани возвратишася во свояси. *Башм. разр. кн.*

Лѣта (7000) году прислалъ бить челомъ къ государю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Росіи царь Крымской Мингирѣй, что идутъ на него Ордынские царевичи Сентъ да Ахметъ съ силою на него. И князь великій Иванъ Васильевичъ всеа Росіи отпустилъ въ поле подъ Орду царевича Мердоулата да воеводъ своихъ князя Петра Никитича Оболенскаго, а х Казанскому царю Махмеду велелъ писать, а велѣлъ ему послать царевича Салтагана съ Казанскими людьми и съ великово князя воеводами (Въ этомъ разсказѣ еще бѣдшія ошибки, нежели въ *Свр., Лв. и Про.*).

Конечно на этомъ одномъ фактѣ было бы трудно основывать какое либо мнѣніе: множество различныхъ причинъ, кромѣ смерти отца, могли заставить сына принять начальство надъ дружиною во время похода, но начиная съ 1487 г. нигдѣ о Нуръ-даулетѣ не упоминается. Молчаніе это, въ связи съ приведеннымъ фактомъ, что нибудь да значить.

IV.

САТЫЛГАНЪ (سانيلغان).

Въ договорной грамотѣ, заключенной 19 августа 1496 г. между великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ Рязанскимъ, и братомъ его роднымъ княземъ Федоромъ Васильевичемъ, читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: «А Орды знати и вѣдати мнѣ Великому Князю и Царевичевъ ясакъ *Сатылгановъ*, или хто иной Царевичъ будетъ на томъ мѣсте; а имати ми у тебя выходъ и Царевичевъ ясакъ съ твоей отчины треть по старымъ дефтеремъ, по крестному целованью: а коли язъ Князь Великій въ Орду не дамъ и Царевичю ясака, и мнѣ и у тебя не взяти» (*Сб. юс. пр. I, № 127, стр. 321; ср. тамъ же, № 128, стр. 326; Др. Висл. II, № 109, 110, стр. 266, 278; Прод. Древн. Росс. Висл. IV, № 137, 138, стр. 172, 173, 189, 190*) — «Царевичевъ ясакъ *Сатылгановъ*», о которомъ великій князь Рязанскій Иванъ Васильевичъ напоминаетъ брату, едва ли

можетъ быть чѣмъ либо другимъ, какъ не тѣмъ самымъ, «что пло Царевичю *Касиму* и сыну его *Даняру* Царевичю», при великихъ же князьяхъ Рязанскихъ Иванѣ Федоровичѣ и Васильѣ Ивановичѣ, и что самъ Иванъ, сынъ послѣдняго, обязался въ 1483 г., по прежнему, «давати съ своею земли Царевичю *Даняру*, или кто иной Царевичъ будетъ на томъ мѣстѣ» (см. выше, стр. 29, 30). Выводъ изъ этого прямой: въ 1496 г. Сатылганъ получалъ то, чѣмъ, въ прежнія времена, пользовались Касимъ и Даніаръ. Значитъ, въ 1496 году Мещерскимъ городкомъ владѣлъ Сатылганъ, а не отецъ его Нуръ-даулетъ⁵⁹), и никто другой. По всей вѣроятности

⁵⁹) Сатылганъ былъ сынъ Нуръ-даулета. Это не подлежитъ сомнѣнію; такъ названъ царевичъ и въ летописяхъ (см. предыдущее примѣчаніе), и въ Родословной книгѣ (см. выше, пр. 24, стр. 44—48) по всѣмъ спискамъ ея, исключая одного *Арх.*, который, по этому самому, и долженъ быть, на этотъ разъ, признаваемъ ошибочнымъ. Имя Сатылгана въ источникахъ, гдѣ оно встрѣчается, писано различно. Въ Родословной книгѣ названъ онъ: по *Коп.* списку Салтанъ-ганъ, по *Сим.* Салтаганъ, по *Арх.* Санъ Таганъ (слогъ *санъ* слить въ *Арх.*, очевидно по ошибкѣ, съ предыдущимъ именемъ Халчи), по *Род.* Салтаганъ, по списку Миллера *Salatgan*. Звался онъ еще, какъ мы видѣли (см. выше, пр. 58), Алтыганъ, Салтыганъ, Салтыганъ и Салтыганъ. Нѣсколько другихъ право-

писаній увидимъ ниже. Изъ всѣхъ этихъ формъ, очевидно одна только можетъ быть вѣрна, или болѣе подходить къ истинному произношенію; всѣ же остальные формы должны быть искаженія. Какъ я думаю, настоящее имя царевича было: Сатылганъ. Имя это существовало у Татаръ. Хафизъ въ своей Абдулла-наме (Персидская рукопись, принадлежащая мнѣ, и заключающая въ себѣ исторію Бухарскаго хана Абдуллы; см. о ней мой: «Rapport sur le projet de publier le texte et une traduction de l'Abdollah-naméh» въ Mém. Asiat. T. III, стр. 258 — 263), л. 66 и 326, упоминаетъ о двухъ эмирахъ Узбекскихъ, одномъ — Сатылганъ-біи-аталики (ساتلغان بی اتالیق), а другомъ — Яры-біи, сынъ эмира Сатылгана (باری بی بن امیر ساتلغان).

сти, такъ и было. Думать должно, что новый царевичъ Городецкій заступилъ мѣсто отца, тотчасъ послѣ его смерти. Предположеніе это подтверждается и Описью царскаго архива, напечатанною въ Актахъ собранныхъ Археографическою экспедиціею, гдѣ, какъ увидимъ ниже (см. статью: «Шейхъ-Ауліяръ»), Сатылганъ (Салтангай) не только поименованъ въ числѣ владѣльцевъ Городецкихъ, но еще названъ въ слѣдъ за Нуръ-даулетомъ. Быть можетъ, онъ уже правилъ городкомъ въ 1491 г., когда водилъ служилыхъ Татаръ великокняжескихъ на улусы Золотой Орды (см. выше, стр. 144—148).

Взглянемъ теперь на дальнѣйшую участь Сатылгана.

Въ первый разъ послѣ 1496 г. говорится о немъ подъ 1504 г.⁶⁰⁾ 16 іюня этого года заключена была,

⁶⁰⁾ Въ *Башм. разр. кн.* упоминается еще Сатылганъ подъ 1499 г.; въ ней, подъ этимъ годомъ, читаемъ слѣдующее: «Тогоже году (7007) послалъ государь князь великій Иванъ Васильевичъ всеа Росіи х Казани полемъ къ царю Казанскому беречь ево отъ Урака и отъ Солтагана воеводъ своихъ». Тутъ, безъ сомнѣнія, ошибка; странно было бы воеводамъ Русскимъ беречь Казань отъ своего же служилаго царевича. Вмѣсто: «отъ Солтагана», слѣдуетъ читать: «отъ Агалака», какъ это и сказано въ лѣтописяхъ (въ однихъ лѣтописяхъ происшествіе это занесено подъ 1499 г., а въ другихъ—подъ 1500 г.). Карамзинъ, въ пр. 520 къ Т. VI, со ссылкой же на Разрядн. кн. г. 1504, пишетъ, что: Іоаннъ 7 авг. послалъ (на помощь Менгли-гирею противъ Золото-Ордынскаго хана Шейхъ-Ахмеда) Магметъ - Аминя съ Нордоулатовыми Уланами и К. Ноздроватаго, велѣвъ имъ взять съ собою Воеводъ Рязанскихъ, *Великой Княгини* (т. е. Аграфены Федоровны, жены великаго князя Рязанскаго Ивана Васильевича, умершаго 29 мая 1500 г.; она правила за малолѣтствомъ сына своего Ивана, см. Иловайскаго, *Исторія Рязанскаго княжества*. Москва, 1858, стр. 221, 222) и К. Θεодора (Рязанскаго, того самого, который заключилъ договоръ въ 1496 г. съ братомъ своимъ, великимъ княземъ Рязанскимъ Иваномъ Васильеви-

чемъ). Въ этой ссылкѣ на Разрядн. кн. Уланы названы *Нордоулатовыми* не иначе, какъ по старой памяти; кто же ими начальствовалъ во время похода—самъ ли *Маиметь-Аминъ*, царь Казани, на время лишившійся престола и тогда жившій у насъ, или подъ его присмотромъ *Сатылганъ*, или кто другой — изъ словъ *Карамишна* не видно.

по приказанію великаго князя Ивана и еще при жизни его, договорная грамота между сыновьями его, великимъ княземъ Василиемъ и княземъ Юриемъ. «А Орды», сказано въ грамотѣ, «вѣдати и знати мнѣ Великому Князю, а тобѣ Ордѣ не знати; а въ выходы ти въ Ординскіе, и въ Крымъ, и въ Асторохань, и въ Казань, и во Царевичевъ городокъ, и въ иные Цари и во Царевичи, которые будутъ у меня въ землѣ или у моего сына у Великаго Князя, и во всѣ Татарскіе проторы давати ти мнѣ и моему сыну Великому Князю со всеѣ съ своей отчины по тому, какъ отецъ нашъ Князь Велики въ своей духовной грамотѣ написалъ: а коли мы въ выходы въ Ординскіе и въ Татарскіе проторы не дадимъ, и намъ и у тебя не взяти» (*Сб. юс. гр.* I, № 133, стр. 345; ср. тамъ же № 134, стр. 347; *Др. Висл.* II, № 113, 114, стр. 303, 307, 308; *Древн. Росс. Висл.* IV, № 143, 144, стр. 260, 261, 267).

Духовная грамота отца, на которую ссылагается Василий, дошла до насъ. Писана она была Иваномъ, за годъ до кончины, около того же 1504 года.

Въ ней дѣйствительно говорится какъ о выходахъ, такъ о Царевичевѣ городкѣ, и сказано вотъ что: «А дѣти мои *Юри* зъ братьею даютъ сыну моему *Василю* съ своихъ удѣловъ въ выходы въ Ординские, и въ Крымъ, и въ Азтархань, и въ Казань, и во Царевичевъ городокъ, и въ иные Цари и во Царевичи, которые будутъ у сына моего у *Василя* въ землѣ, и въ послы въ Татарские, которые придутъ къ Москвѣ, и ко Тѣбри, и къ Новгороду къ Нижнему, и къ Ярославлю, и къ Торусе, и къ Рязани къ Старой и къ Перевитску, ко Князь *Федоровскому* жеребью Рязанского, и во всѣ Татарские проторы въ тысячу рублевъ сынъ мой *Юри* даетъ съ своего удѣла со всего и съ Кашина восемьдесятъ рублевъ и два рубля безъ гривны; а сынъ мой *Дмитрей* даетъ съ своего удѣла со всего, и зъ Зупцова и съ Опокъ пятьдесятъ рублевъ и восемь рублевъ съ полуною и семь денегъ; а сынъ мой *Семенъ* даетъ съ своего удѣла со всего шестьдесятъ рублевъ и пять рублевъ безъ десяти денегъ; а сынъ мой *Андрѣй* даетъ съ своего удѣла со всего, и зъ Старицы, и зъ *Холмскихъ* вотчины съ Холму, и съ Нового городка, и съ Олешни, и съ Синие, и съ иныхъ волостей съ Тверскихъ, что ему дано, сорокъ рублевъ съ полуною и полчетверты деньги; а сынъ мой *Василей* даетъ въ тузь тысячу рублевъ съ Москвы и со всего Великого Княженъ Московские земли, и со Тѣбри и со всеѣ Тѣбрские земли, что ему дано, и съ Рязани съ Старые и съ Перевитска семьсотъ рублевъ и полосманатцата руб-

ля и полтретяи деньги; а *Борисовъ* сынъ братень *Федоръ* даетъ сыну моему *Василю* въ ту же тысячу рублевъ съ своей отчины, и съ Кошпи и зъ Буягорода тритцать рублевъ и полосма рубля. А будетъ того болѣ или меньше Татарской проторъ: и сынъ мой *Василей*, и мои дѣти *Юри* зъ братьею, и братаничъ мой *Федоръ* дають по розочту» (*Сб. юс. гр. I, № 144, стр. 398; Др. Висл. II, № 123, стр. 429, 430; Прод. Древн. Росс. Висл. V, № 157, стр. 83 — 85*).

Слова духовной грамоты значительно пополняютъ и поясняютъ статью договорной грамоты 1504 года. Оказывается, что въ Царевичевъ городокъ, въ пользу управлявшаго имъ царевича, дѣйствительно шелъ отъ великаго князя Московскаго «выходъ», и что выходъ этотъ принимался въ расчетъ при распредѣленіи, между великимъ княземъ и удѣльными князьями, денегъ, слѣдовавшихъ на «Татарскіе проторы». Теперь становятся понятны и слова князя Андрея Васильевича меньшаго, который въ духовной грамотѣ своей, писанной около 1481 г. во время Даніяра, говорилъ, если припомнимъ (см. выше, стр. 87, 88), что долженъ брату своему великому князю Ивану «тритцать тысячъ рублевъ, что за меня въ Орды давалъ и въ Казань и въ городокъ Царевичю, и что есми у него собѣ ималъ». Андрей очевидно задолжалъ брату, между прочимъ, и деньги, слѣдовавшія съ него по раскладкѣ.

Какъ былъ великъ выходъ великихъ князей Мос-

ковскихъ въ Царевичевъ городокъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ на него надобно смотрѣть какъ на прибавокъ къ тому, что шло въ городокъ же отъ великихъ князей Рязанскихъ (см. выше, стр. 29, 30, 149, 150). До тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока Рязанское великое княженіе сохраняло кое-какую самостоятельность, «ясакъ», который давали тамошніе князья въ Царевичевъ городокъ долженъ былъ быть особый отъ выхода Московскаго. Развѣ въ послѣднее время, когда въ 1503 г. (см. Иловайскаго Исторія Рязанскаго княжества, стр. 223, пр. 220) умеръ Федоръ Васильевичъ, братъ великаго князя Рязанскаго Ивана (скончавшагося въ 1500 г.), и удѣлъ его — Старая Рязань и Перевитскъ — согласно его завѣщанію, перешелъ помимо его племянника, малолѣтняго великаго князя Рязанскаго Ивана Ивановича, къ великому князю Московскому Ивану III, то ясакъ этотъ уменьшился, и часть, слѣдовавшая съ удѣла покойнаго Федора, по договорной грамотѣ его съ братомъ 1496 г. (см. выше, стр. 149), перешла съ начала на самаго Ивана III, а потомъ и на его сына, великаго князя Василя, которому онъ завѣщалъ, между прочимъ, весь удѣлъ Федоровъ (А что ми далъ сестричиъ мой Князь *Федоръ Васильевичъ* Рязанской свою отчину, на Рязани въ городѣ и на посаде свой жеребей, и Старую Рязань, и Перевитескъ съ волостями и съ путми и зъ селы, и зъ бортью и съ тамгою и со всѣми пошлинами, по тому, какъ ся дѣ-

илъ съ своимъ братомъ со Княземъ съ *Иваномъ*: и язъ ту его вотчину... даю сыну своему *Василью* (см. Дух. гр. Ивана III, въ *Сб. юс. ф. I*, № 144, стр. 393; *Др. Висл. II*, № 123, стр. 418, 419; *Прод. Древн. Росс. Висл. V*, № 157, стр. 67).

Ни въ грамотѣ договорной 1504 г., ни въ духовной грамотѣ Ивана не названъ по имени царевичъ, сидѣвшій о ту пору въ Царевичевомъ (Мещерскомъ) городкѣ; но, по всей вѣроятности, дѣло касается Сатылгана, такъ какъ послѣ 1504 года онъ былъ еще живъ, и нѣтъ повода думать, чтобъ онъ при жизни былъ смѣщенъ или лишенъ городка, который, какъ мы видѣли, находился въ его рукахъ, по крайней мѣрѣ, съ 1496 года.

Въ 1505 г., не задолго до кончины великаго князя Ивана III, Сатылганъ, вмѣстѣ съ другимъ царевичемъ, братомъ своимъ Джанаемъ, ходилъ съ войскомъ къ Мурому. Чтобы хорошо понять цѣль этого похода, необходимо предварительно взглянуть на исторію Казани, и хотя кратко очертить случившіяся тамъ, въ послѣднее время, важнѣйшія перемѣны и происшествія.

Припомнимъ (см. выше, стр. 43), что въ Казани, послѣ Халиля, царствовалъ братъ его, сынъ Махмудовъ, Ибрагимъ. Ханъ этотъ умеръ вскорѣ послѣ 1478 г., когда въ слѣдъ за неуспѣшнымъ нападеніемъ своимъ на Вятку, и походомъ самихъ Русскихъ на Казань, онъ выпросилъ себѣ миръ, угодный великому князю

(Кар. VI, 114 и пр. 296). По смерти Ибрагима вступилъ на престолъ старшій сынъ его Ильгамъ ⁶¹⁾

⁶¹⁾ Въ разладахъ уже подъ 1482 г. Ильгамъ называется царемъ Казанскимъ. Въ *Башм. разр. кн.* читаемъ: «Лѣта 6990 году стояли воеводы въ Нижнемъ Новѣгородѣ по Казанскимъ вестямъ князь Борисъ Михайловичъ Оболенской, князь Иванъ Васильевичъ Оболенской, князь Ѳеодоръ Курбской, Семень Ивановичъ Птишковъ, князь Дмитрей Оболенской, Костянтинъ Сабуровъ, князь Костянтинъ Шаховской. Тогожь году на Вятке были воеводы тогдажь Василей Ѳеодоровичъ Сабуровъ, да Василей Ѳеодоровичъ Образецъ Сямской, да князь Семень Ивановичъ Ряполовской. Тогожь году іюля въ 16 день, въ Казанскихъ книгахъ въ посольствахъ написано: въ Нижнемъ Новѣгородѣ стояли воеводы отъ великого князя Івана беречь отъ Алега царя, бояринъ князь Иванъ Васильевичъ съ товарищи. И государь князь великкі послалъ къ боярину ко князю Івану Васильевичю съ товарищи грамоту, и съ наказомъ Івана Писемского, и писано въ рѣчи, а се говорить отъ великого князя Івану Писемскому бояромъ и воеводамъ князю Івану Васильевичю, да князю Семenu Ивановичю, да князю Борису Оболенскому, да князю Ѳеодору Курбскому, да князю Івану Шаховскому, да князю Дмитрею Оболенскому, да Костянтину Сабурову: Князь великкі велемъ вамъ говорить: послалъ есмь къ царю во Казань князя Івана Звенца и Бурнака есмь къ нимъ отпустилъ, и вы бѣ отобрались съ

тѣми людьми, которые съ вами, въ лехкихъ судахъ, да иные бы мои воеводы князь Борисъ Оболенской Турени, и князь Ѳедоръ Курбской, и князь Иванъ Шаховской, и князь Дмитрей Оболенской, и Костянтинъ Сабуровъ, и князь Михайловъ сынъ Дѣева, и брата моего князь Андрѣевъ воевода князь Семень Стародубской, промышляли бы есте моимъ дѣломъ, да опосле того писано дѣло (Сл. Разрядн. кн. Бекетова у Кар. VI, пр. 299).

О войнѣ Русскихъ съ Казанью въ 1482 г. говорится и въ лѣтописяхъ; но царь Казанскій по имени не означенъ нигдѣ, исключая одной *Арх.*, гдѣ названъ онъ еще, вѣроятно по старой памяти, Ибрагимомъ. Вотъ что, между прочимъ, говорятъ лѣтописи: *Сосф. 2 мт. П. С. Р. Л. VI, 233*: Того же лѣта (6990) поиде великій князь съ братьею къ Казани и увернуса изъ Володимери, а судовая рать ходила мало не до Казани и умиришася (*Сер. II, 223; Лс. III, 178, подл. 6994 г.; Про. 305*). *Тамъ же, 234*: Того же лѣта (6990) поча князь велики рать замышляти, на Казань хотѣ ити, воеводы же свои напередъ себе съ своимъ воємъ князь велики посла и Аристотеля съ пушками, самъ же князь велики со всѣмъ воємъ своимъ стоя въ Володимери; воеводы же домдоша и Аристотель съ пушками до Новгорода до Нижнего, ту же царь Казанскій присла съ челобитьемъ (*Сер. II, 226; Лс. III, 183, 184, подл. 6992 г.; въ Лс. послѣ словъ: «съ челобитьемъ», прибавлено: «Князь же Великій пожаловагъ его и возвратился»*). *Арх. 160*: Тогоже лѣта (6990) посылагъ князь

великій Иванъ Васильевичъ рать подѣ Казань на царя Абрейма; и воеводы великаго князя стояли на Волзѣ лѣто все, да со царемъ смирились, и прочь пошли.

(см. выше, пр. 21, стр. 52, 53). Вскорѣ начались въ Казани смуты и безпорядки. Явился соперникъ Ильгаму въ лицѣ младшаго его брата Мухаммедъ-Амина. Царевичъ этотъ, рожденный отъ другой жены Ибрагима, Нуръ-султаны, хотя и взятой царемъ въ замужество послѣ Ильгамовой матери, но считавшейся старшей (см. выше, пр. 21, стр. 52), вздумалъ предъявить права свои на престолъ. При дворѣ образовались партіи; не въ силахъ ничего сдѣлать сами, онѣ рѣшились обратиться къ Россіи. Иванъ III вмѣшался. Съ помощью его, оба сына Ибрагима стали чередоваться на престолѣ. Кончилось тѣмъ, что въ 1487 г. Ильгамъ лишился на всегда власти. Высланныя противъ него войска Русскія овладѣли его столицею Казанью, захватили его самаго съ семействомъ, и окончательно посадили на царство Мухаммедъ-Амина. Ильгамъ, привезенный въ Москву, былъ сосланъ съ женой въ Вологду; мать же, сестры и два брата его, попавшіеся съ нимъ вмѣстѣ въ плѣнъ, были отправлены въ Карголомъ на Бѣлоозеро ⁶²⁾. Братья эти были

⁶²⁾ Объ исторіи Казани отъ смерти Ибрагима до вступленія въ 1487 г. на престолъ Мухаммедъ-Амина, въ лѣтописяхъ нашихъ весьма мало свѣдѣній. Изъ нихъ узнаемъ только: 1) что въ 1482 г. была у Русскихъ

война съ Казанью (см. предъид. прим.); 2) что чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, именно въ 1487 г., Казань была взята войскомъ великокняжескимъ, Ильганъ сынъ Ибрагима, тамошній царь, попалъ съ семьею въ плѣнъ, и на его мѣсто возведенъ былъ братъ его, Мухаммедъ-Аминъ. Лѣтописи описываютъ это происшествіе, однѣ—съ меньшими, другія—съ большими подробностями. Представлю сводъ ихъ. Начну съ *Вскр.* II. С. Р. Л. VIII, 217. «Тое же весны (6995), апрѣля 11», сказано въ ней, «отпустилъ князь велики Иванъ Василіевичъ всеа Руси воеводъ своихъ х Казани, князя Данила Дмитреевича Хлѣмского, да князя Александра Василіевича Оболенского, да князя Семена Ивановича Ряполовского да князя Семена Романовича, въ четвертокъ великій; а царя Махметъ Аминя Казанского отпустилъ князь велики на другой недѣли по Велицѣ дни, въ вторникъ, 24 апрѣля. А пришли вѣводы съ силами подъ городъ Казань мѣсяца маія въ 18 день, въ четвертокъ на пятой недѣлѣ по Велицѣ дни, и взяша градъ Казань іюля въ 9 день, и царя Алегамы Казанского изымаша, съ матерію, и съ царицею, и съ двѣма браты, и съ сестрою и съ его князми. О взятіи Казани. Того же лѣта, іюля въ 20 день, приде вѣсть къ великому князю, что городъ Казань взяли воеводы его, а царя поймали; а пригонилъ съ тою вѣстію князь Федоръ Хрипунъ Ряполовской. И князь велики Иванъ Василіевичъ царя Махметъ Аминя изъ своей руки посадилъ на царство въ Казани, а коромолнихъ князей и улановъ полоненныхъ Казанскихъ смертию казнилъ,

и иныхъ корошолниковъ; а царя Алегамъ князь велики и съ парицею послалъ въ заточеніе на Вологду, а мать-его и братію и сестрѣ послалъ въ заточеніе на Белоозеро въ Карголомъ». Тоже самое, что въ *Вскр.*, читаемъ въ *Ник.* VI, 121, 122, *Про.* 313, 314, *Новг. 4 мѣт.* (оконч. хроногр.) П. С. Р. Л. IV, 156, и *Сер.* II, 349, 350. Почти вся разница состоитъ въ правописаніи именъ собственныхъ; такъ *Махметъ Аминъ* названъ: въ *Ник.* *Махметъ-Аминъ* и *Махметъ-Аминъ*, въ *Про.* *Махметъ Минъ*, въ *Новг. 4 мѣт.* *Ахметъ Аминъ*, въ *Сер.* *Ахметъ-Аминъ* и *Махметъ-Аминъ*; а *Алегамъ* названъ въ *Ник.* *Алегемъ*. Въ *Про.* сказано, что въ Карголомъ сосланы были не сестры, а сестра Алегамъ. Еще тоже самое, что въ *Вскр.*, но въ сокращенномъ видѣ, читаемъ во *Врм.* II, 147, 148, и въ *Новг. 4 мѣт.* (оконч. акад. списка) П. С. Р. Л. IV, 135. *Махметъ Аминъ* названъ: во *Врм.* *Махметъ Аминъ*, а въ *Новг. 4 мѣт.* *Махметъ Яминъ*; *Алегамъ* же названъ: во *Врм.* *Алеманъ*, а въ *Новг. 4 мѣт.* *Легамъ* и *Алегамъ*. См. также *Ст.* II, 152. *Арх.* описываетъ нѣкоторыя обстоятельства взятія Казани немного подробнѣе; въ ней же объясняется, между прочимъ, и выѣздъ въ Россію Мухаммедъ-Аминъ, чего нѣтъ ни въ *Вскр.*, ни въ другихъ, указанныхъ мною лѣтописяхъ. «Тогожъ лѣта (6994)», значитъ въ *Арх.* 163 — 165, «исъ Казани прибѣгъ къ великому князю Ивану Васильвичю царь Махмедминъ отъ брата своего отъ царя Алахама, да билъ челомъ великому князю, а называлъ себѣ его великаго князя отцемъ, а

просилъ у него силы на брата своего на Алахана царя Казанскаго, и князь великій силу рекъ ему дати. Въ лѣтѣ 6995, князь великій Иванъ Васильевичъ посла рать на Казанскаго царя Алахана; а воеводы были, князь Данило Холмскій, да князь Семень Ряполовскій; и пришла сила великаго князя подъ Казань, и конная и судовая вся. И царь Алаханъ изъ города изъ Казани со князьми своими и съ силою выѣхалъ противъ воеводъ великаго князя, мало побився, и въ городъ побѣже, а воеводы городъ Казань обступили, и острогъ около города достигли. Единъ князь Татарскій именемъ Алгазыи (т. е. علي غازي — Али-газы; у Татаръ имя это произносится часто: Алгазы) со царемъ въ городъ не палѣлъ, тотъ зла много чинилъ (войскамъ?) великаго князя, а послѣ, того князя, сила великаго князя прогна за Каму въ поле, а царь Алаханъ сидѣ въ городѣ три недѣли, и на всякъ день Татарове изъ города, вылази билися съ Русью, и приде на царя и на Татаръ изнеможеніе, и царь Алаханъ самъ выиде изъ города поволою въ руки воеводамъ великаго князя, ко князю Данилу Дмитреевичю Холмскому, да ко князю Семену Ивановичю Ряполовскому, и городъ взяли, и мать цареву, и его царичу вывели, и многихъ князей Татарскихъ и мнигинъ поимали, Іюля въ 9 день, Паткратія Тавроменійскаго. А воеводы великаго князя, князь Данило Холмской, да князь Семень Ряполовской, и по приказу великаго князя посадили на Казани царя Махмедовича, а сами пошли къ Москвѣ, а ведучи съ собою царя Алахана и мать и съ женою и съ братьею, и

со многими князьями Татарскими и со княгинями; и князь великій воеводъ своихъ изжаловалъ и бояръ и дѣтей боярскихъ, кто чего достоенъ, а царя Аляхама посадилъ на Вологодѣ за сторожи и съ матерію и со царицею, а князей и княгинь и Татаръ россажалъ по посельскимъ, а иныхъ привелъ къ ротѣ, что имъ государю хотѣтъ великому князю добра, и отпустилъ ихъ въ Казань». Съ рассказомъ *Арх.*, въ нѣкоторыхъ чертахъ, сходится и повѣствованіе Исторіи о Казанскомъ царствѣ. Авторъ ея точно также рассказываетъ о битвѣ, происходившей предъ взятіемъ Казани, и о выѣздѣ въ Россію Мухаммедъ-Аминна; къ этому онъ прибавляетъ только, что царевичъ выѣхалъ не одинъ, а вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Абд-ул-латифомъ. «По *Абрежю* же Царѣ Казанскомъ», пишетъ составитель *Ик.* 40 — 42, «воцарися на Казань сынъ его Царь *Алехамъ*, по взятіи же великаго Новаграда въ 9-е лѣто, по Тверскомъ же во второе, посла Князь Великій *Иванъ Васильевичъ* воеводъ своихъ на Казанское царство съ великимъ воинствомъ Князя *Данила Холмскою* да князя *Александра Оболенскою* (приб. и Кн. *Семена Рязполовскою*). И встрети ихъ Казанскій Царь *Алехамъ* съ Татарами своими на рѣкѣ *Свѣитъ*. И бывшу у нихъ бою великому, и поможе Богъ Московскимъ воеводамъ, и побѣдиша ту многихъ Казанцовъ, и мало ихъ живыхъ въ Казань утече, и града осадити не успѣша, и самого Царя Казанскаго *Алехамъ* жива съ собою руками взяша, и съ нимъ во градъ шведше матеръ его и Царицу его и двубратовъ его къ Москвѣ

ихъ сведоша, достальныхъ же Казанцовъ покориша Московскому государству. И заточи Князь Великій *Алехам* Царя (*приб.* со Царицею его на Вологдѣ. Матерь же Цареву и со двема Царевичи ея заточи) на *Бѣло озеро*, тамо же въ заточеніи томъ умре Царь и мати его. И (*чит. и*) братъ Царевъ *Мелендаръ*, другіи же Царевичъ остася живъ (*приб.* тогожъ взведе итемины, и крести его) и дасть за него Князь Великій дочь свою. И се тогда второе взята бысть Казань отъ начала ея въ лѣто 6995 (*приб.* іюля въ 9 день на память св. священномученика Пагкратія). И посади на Казани служилаго своего Царя *Махметмина Абретимовича*, пріѣхавшаго изъ Казани къ Москвѣ съ братомъ своимъ *Абделетифомъ*, служити Великому Князю (*приб.* и данъ бысть ему отъ него свогичну градъ Кошира, другому же брату иные грады. Отъѣхаста бо Царевичи тыя отъ большого брата своего *Алехам* Царя Казаньскаго скоторавшесе снмиъ о нѣкоей вещи, нестерпѣвши отъ него обиды многія. Онижъ и подняша Великого Князя на Казань взяти, да не царствуетъ на Казани братъ единъ смяся имъ и досаждае). (Ср. *Подр. мт.* II, 55, 56; сходится со спискомъ № 74, но имена собственные писаны иначе: вмѣсто *Алехамъ* — *Алехамъ* и *Алехамъ*, вмѣсто *Махметминъ* — *Матмелинъ*, а вмѣсто *Мелендаръ* — *Милиндиръ*; еще сказано въ *Подр. мт.* что великій князь выдалъ за царевича Казанскаго не дочь, а свою сестру). Особое значеніе заключаетъ въ себѣ разсказъ *Соф. 2 мт.* «Того же лѣта (6993=1485)»,

сказано въ ней (П. С. Р. Л. VI, 237, 238), «пріѣха царевичъ, Казаньскаго царя сына, а Темиревъ внукъ «еще бѣ малъ,» къ великому князю; князь же великій пріять его... Того же лѣта прислаша Казанци къ великому князю, а ркучи такъ: «что есмя отпустили къ тебѣ царевича на томъ, что почнетъ нашъ царевичъ, царя нашего а меншицинъ сынъ, надъ нами чинить лихо, и ты опять отпусти царевича нашего къ намъ; и нынѣша нашъ царевичъ, а меншицинъ сынъ, услышавъ то да зазававши насъ къ себѣ на ширь хотѣлъ насъ перетерати, и мы въ поле убѣжали, и онъ бѣжавши въ городъ да окрѣпивши городъ да за нами пошелъ въ поле». Того же лѣта, о Велицѣ дни, князь великій собравъ силу многу посла съ царевичемъ Казанскимъ на Казань въ судъ, а кони берегомъ повелѣ гнати... Въ той же день (на Ильинъ день) пригонилъ отъ Казани князь Федоръ Хрипунъ Ряполовской, повѣдая великому князю, яко воеводы его Казань взяли и царя поймали; князь же великій радъ бывъ и посла къ митрополиту повелѣ молебная съвершати: митрополитъ же повелѣ звонити во вся колоколы, и по всему граду повелѣніемъ великаго князя молебная свершиша и хвалу Богу воздаша; царя же приведоша къ Москвѣ въ четвергъ за недѣлю до Оспожина дни, и посадиша въ городъ на княжо Даниловъ дворѣ Александровича Ярославскаго, приведоша же и мать его и двѣ жены его... Въ лѣто 6996... Тое же зимы князь велики царя Казаньскаго пойманнаго посла въ заточеніе на Вологду» (Сер. II, 231—233). Хотя въ этомъ рассказѣ дѣй-

ствующихъ лица, цари Казанскіе, не названы по имени и годъ выставленъ не тотъ, но нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что происшествіе, описываемое *Согф. 2 мт.*, ничто иное, какъ то самое взятіе Казани, которое другія лѣтописи относятъ къ 1487 г. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ просто сравнить тексты: многія подробности тѣ же, безъ малѣйшей разницы; да и прозвище «Темпиревъ внукъ» почти прямо указываетъ на Мухаммедъ-Амина, который, какъ извѣстно, былъ сынъ Ибрагима и Нуръ-султаны, дочери Темира (см. выше, пр. 21, стр. 52). Для меня рассказъ *Согф. 2 мт.* кажется въ особенности важенъ потому, что онъ сообщаетъ извѣстіе о пріѣздѣ посланцевъ Казанскихъ, и приводитъ слова ихъ, въ которыхъ они одного изъ царей своихъ, очевидно Ильгана, въ послѣдствіи плѣннаго и сосланнаго въ Вологду, зовутъ: «царя нашего (кого, какъ не Ибрагима?) а менишчинъ сынъ (т. е. меньшей жены сынъ)». Этого указанія мы нигдѣ не встрѣчаемъ, а оно раскрываетъ многое: становится ясна причина, почему Мухаммедъ-Аминъ, младшій братъ, можетъ соперничать съ старшимъ — Ильганомъ; права свой на престолъ онъ основываетъ на значеніи матери (см. выше, пр. 21, стр. 52, 53). Годъ 1485 вмѣсто 1487 въ *Согф. 2 мт.*, безъ сомнѣнія, обозначенъ по ошибкѣ. Ошибка же въ лѣтосчисленіи, но еще болѣе большая, сдѣлана и въ *Лс. III*, 195—199. Въ *Лс.* рассказъ сходенъ съ описаніемъ *Согф. 2 мт.*; но пріѣздъ Темпирова внука и посланцевъ Казанскихъ отнесенъ къ 6997 (1489) г., походъ на Казань — къ 6998 (1490) г., а ссылка плѣннаго царя въ Волог-

ду — къ 6999 (1491) г. Подъ 1485 же годомъ занесено взятіе Казани и въ *Пск. 2 мт.* П. С. Р. Л. V, 44, гдѣ сказано: «Того же лѣта (6993) князь великій Іоанъ Васильевичъ посла своего царевича съ множествомъ Тотаръ, и воеводъ своихъ Московскихъ съ множествомъ вой, они же шедше взяша Казань» (*Пск. Пол.* 166). Еще въ *Густ. мт.* П. С. Р. Л. II, 358, читаемъ слѣдующее: «Въ лѣто 6977 (1469). Иванъ Василіевичъ посла свою великую рать, и водою и землею, на Обрема царя Татаръ Казанскихъ, иже пришедше побѣдиша его, и градъ его столный взяша, и самого емше принудиша изрещися царства своего; и оттолѣ самъ Іоанъ Василіевичъ царство Казанское пріять, и самъ царь нарицашеся, и преста данъ даяти Татаромъ. Въ ту же зиму сами Татары убиша сего Обрема, царя своего, яко погуби титу царскую своимъ безуміемъ». Въ 1469 г. Русскіе, какъ извѣстно (*Кар.* VI, 16) ходили на Казань, и принудили Ибрагима просить мира, но не удалось имъ ни города взять, ни хана захватить въ плѣнъ. По всей вѣроятности, въ *Густ. мт.* слиты въ одно цѣлое происшествія 1469 и 1487 г. Любопытно, впрочемъ, извѣстіе объ убіеніи Ибрагима (Обрема): быть можетъ онъ и былъ дѣйствительно умерщвленъ Казанцами; во всякомъ случаѣ умеръ онъ не въ 1469 г., а гораздо позже (см. выше, стр. 157).

Къ свѣдѣніямъ объ Ильгамовой эпохѣ, почерпаемымъ изъ лѣтописей, можно присоединить и то, что говорить о ней Герберштейнъ въ своихъ: *Regim*

Moscoviticarum Commentarii. По его словамъ, Ильгамъ, вступившій на престолъ послѣ смерти отца своего Ибрагима, не захотѣлъ во всемъ повиноваться приказаніямъ великаго князя; совѣтники великокняжескіе, которыхъ Иванъ держалъ въ Казани, чтобы наблюдать за дѣйствіями хана, разъ вечеромъ, напоили Ильгама гдѣ-то на пирѣ до пьяна, и посадили его въ повозку, но вмѣсто того, чтобы везти домой, проводили его прямо въ Москву. Великій князь, продержавъ хана нѣсколько времени, отправилъ его въ Вологду; мать же его и двухъ братьевъ, Абд-ул-латифа и Мухаммедъ-Амина, сослалъ на Бѣлоозеро. На мѣсто отвезеннаго въ Москву Ильгама, посаженъ былъ съ начала Абд-ул-латифъ; но и онъ былъ сведенъ съ престола. Тогда великій князь выпустилъ Мухаммедъ - Амина съ Бѣлоозера и возвелъ его на царство. «Cumque».

продолжаемъ выписку изъ Герберштейнова сочиненія, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы прервали ее выше, въ пр. 21, на стр. 51, «mandatis Mosci non ubique optemperaret, a Mosci consiliariis, quos ibi ut regis animum observarent, habebat, aliquando in convivio inebriatus, atque in vehiculum, ac si domum veheretur, positus, ea nocte ductus est Moscoviam versus, quem aliquandiu detentum, Princeps tandem in Vologdam misit, ubi reliquum aetatis peregit. Ejus autem - matrem cum Abdelatiw et Mahmedemin fratribus, Bieloosero relegavit... Alega porro ita in Moscoviam abducto, Abdelatiw sufficitur: qui cum pari ratione, ut Alega, regno amotus fuisset, Mahmedemin ex Bieloosero emissum,

Princeps in ejus locum substituit» (ср. *Sarmatiae Europae descriptio Alexandri Guagnini. Spiraе. MDLXXXI*, стр. 105, въ статьѣ: *De regno Cazanensi*). Какъ видно, свѣдѣнія, сообщаемыя Герберштейномъ, скудны; къ тому же и то, что онъ говоритъ о изятіи Ильгана и о царствованіи Абд-ул-латифа (который дѣйствительно правилъ Казанью, но гораздо позже) такъ противорѣчитъ указаніямъ всѣхъ, безъ исключенія, лѣтописцевъ, что не внушаетъ довѣрія.

Если бъ о Казани за эпоху Ильгана только и были тѣ данныя лѣтописей и Герберштейна, которыя мы привели, то мы бы смѣло могли сказать, что эта эпоха составляетъ одинъ изъ самыхъ темныхъ періодовъ исторіи Казанскаго ханства. Но существуетъ еще источникъ, на который до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, не было обращено должнаго вниманія. Въ виду у меня разрядныя книги. Приведу по *Башм. разр. кн.* все что касается Ильгамовой эпохи, за исключеніемъ уже сообщеннаго мною, въ предъидущемъ примѣчаніи, описанія Казанской войны 1482 года. «Лѣта 6992 (1484) году писалъ князь великій Иванъ Васильевичъ всеа Росіи съ Москвы воеводамъ на Казанскаго царя Олехама, а были воеводы по полкомъ. Въ большомъ полку: князь Данило Дмитріевичъ Холмской, да князь Осипъ Андрѣевичъ Дорогобужской. Въ передовомъ полку: князь Семенъ Ивановичъ Раполовской, да князь Ѳеодоръ Ивановичъ Ряполовской Хрипунъ. Въ правой рукѣ: князь Александра Васильевичъ Оболенской, да Иванъ Борисовичъ Захарыинъ (слѣдуетъ

иѣсто: «Захарьинъ», читать: «Тверитинъ»; см. ниже разр. 1487 г.) Бороздинъ. Въ лѣвой рукѣ: князь Семенъ Романовичъ Ярославской, да князь Василей Ивановичъ Луцка Хованской. И воеводы тогда Казань взяли, и царя Алехана изымали, а Магметъ Амнинъ царя въ Казани на царство посадили, по великого князя наказу. Въ лѣто 6993 (1485) году государь князь великий Иванъ Васильевичъ всеа Русіи отпустилъ въ Казань Алехана царевича, а съ нимъ послалъ воеводъ своихъ князя Василья Ивановича Оболенского, да Юрья Захарьевича, да князя Семена Романовича Ярославского, да князя Ивана Васильевича Ромодановского, да Магмедъ Амнинъ царя, и Алеханъ царевичъ, пришедъ, сѣлъ на Казани. А Мамадинъ царь съ Казани збежалъ.

Лѣта 6994 (1486) году государь князь великий послалъ въ Казань къ Магмедъ-Амниню царю для береженія воеводъ своихъ князя Василья Ивановича Оболенского; да князя Василья Дмитреевича Тулупева, да князя Тимофея Александровича Тростенского, по его Магмедъ-Амнине присылке; что онъ хотѣлъ братью мѣшную (здѣсь дѣло, по всей вѣроятности, идетъ объ Илгичѣ, потерявъ, какъ мы видѣли, считался меньшимъ, не смотря на старшинство лѣтъ; см. выше, стр. 167) государю и великому князю выдать, и князи Казанские ему братья выдать не дали, и самого хотѣли убить, и онъ ушелъ къ великому князю воеводамъ, и Казанцы прислали за нимъ бить челомъ, и онъ съ ними помирился, сѣлъ опять на Казани... Лѣта 6995 (1487) году взятіе Казанское при великомъ князе

Іване Васильевиче всеа Русіи, а воеводы были по полкомъ. Въ большомъ полку: князь Данило Бужской (слѣдуетъ вмѣсто: «*Бужской*», читать: «*Холмской*, да князь Осипъ Андрѣевичъ Дорогобужской»; см. выше, разр. 1484 г.). Въ передовомъ полку: князь Семень Ивановичъ Ряполовской. Въ правой рукѣ: князь Александръ Васильевичъ Оболенской, да Иванъ Борисовичъ Тверитинъ Бороздинъ, да князь Андрѣевъ Васильевича воевода, князь Василей Никитичъ Оболенской. Въ лѣвой рукѣ князь Семень Романовичъ Ярославской, да князь Борисовъ воевода Борисовича, князь Василей Ивановичъ Хованской Ушакъ Луцкиха, а шли воеводы въ судѣхъ. А берегомъ государь князь великнй Иванъ Васильевичъ всеа Росіи отпустилъ х Казанижъ воеводъ своихъ на коняхъ князя Ѳедора Хрипунова, да князя Василья Мниха Семеновичевъ Ряполовскихъ Стародубскихъ. А какъ всѣ воеводы судовые и конные сойдутца подъ Казань, ино князю Ѳедору Хрипунову и князю Василью Мниху Ряполовскимъ быть въ передовомъ полку со княземъ Семеномъ Ивановичемъ Ряполовскимъ. Да х Казанижъ государь князь великнй Иванъ Васильевичъ всеа Росіи послалъ полемъ ко князю Данилу Дмитреевичу Холмскому на помощь воеводъ своихъ князя Василья Ѳедоровича Шуйсково, да Дмитрея Ивановича Коньдырева. А въ судѣхъ х Казанижъ государь князь великнй послалъ на помощь къ воеводамъ князь Івана Васильевича Ромодановсково. И государевы и великого князя воеводы тѣмъ походомъ Казань взяли, и царя Алехана изымали, а Могмедъ Амния

царя на царство посадили на Казань, по великого князя приказу. А съ сеунчомъ къ великому князю воеводы послали князя Федора Хрипуна Ряполовского».

Свѣдѣнія, находящіяся въ *Башм. разр. кн.*, значительно пополняютъ пробѣлъ между 1484 и 1487 г. Оказывается, что кромѣ взятія Казани Русскими въ 1487 г., было еще два: одно въ 1484 г., а другое въ 1485 г. (Вѣроятно отъ этого и произошла въ лѣтописяхъ, путаница въ лѣтосчисленіи). Мы видимъ сверхъ того, какъ въ ханствѣ безпрестанно мѣняются цари: то править Ильгамъ, то властвуетъ братъ его Мухаммедъ-Аминъ; смѣны эти происходятъ ежегодно, и, замѣтимъ, чуть ли не всегда, благодаря вѣнчанію великаго князя. Такъ, въ 1484 г. Ильгамъ взятъ Русскими, а на его мѣсто возведенъ Мухаммедъ-Аминъ; въ 1485 г. Ильгамъ Русскими же посаженъ на престолъ; въ 1486 г. царемъ является опять Мухаммедъ-Аминъ, которому Иванъ посылаетъ войска свои «для береженья»; наконецъ въ 1487 г. Ильгамъ, успѣвшій уже снова сдѣлаться царемъ, захваченъ въ плѣнъ войсками великокняжескими, Казань взята, и воеводы, по приказанію Ивана, провозглашаютъ по прежнему царемъ Мухаммедъ-Амина. Вникая въ эти факты въ связи съ тѣми, которые известны намъ изъ лѣтописей и изъ сочиненія Герберштейна, мы можемъ ближе оцѣнить тогдашнюю политику Ивана: видимъ, что призванный силою обстоятельствъ, вѣнчаться въ дѣла Казани и кончить споръ между двумя соперниками, онъ не вдругъ произноситъ

рѣшительный приговоръ въ пользу одного изъ нихъ, но съ начала колеблется — склоняется то на сторону одного, то на сторону другого — и только послѣ трехъ лѣтъ раздумья, окончательно раздѣляется съ Ильгамомъ и ссылаетъ его въ Вологду, гдѣ и держитъ въ заточеніи до самой его смерти. Въ сущности, эти колебанія Ивана весьма понятны. Великому князю очевидно было все равно, кто бы ни сидѣлъ на престолѣ Казанскомъ, лишь бы царь этотъ исполнялъ его волю. Было два лица, искавшихъ престола; для того, чтобъ узнать кто изъ нихъ способнѣе поддаться Русскому вліянію, надобно было съ начала испытать ихъ. Такъ и сдѣлалъ Иванъ: онъ сталъ сажать ихъ поочередно на царство и держать при нихъ, какъ пишетъ Герберштейнъ, своихъ совѣтниковъ. Вѣроятно въ 1487 г. пришелъ онъ къ тому убѣжденію, что каковъ бы ни былъ Мухаммедъ-Аминъ, а Ильгамъ былъ все таки его хуже. Тогда онъ и рѣшился лишить его на всегда власти и держать у себя, какъ простаго военнопленнаго.

Разсужденіе объ эпохѣ Ильгама, я заключаю небольшимъ замѣчаніемъ. У Карамзина въ пр. 299 къ Т. VI его Ист. Гос. Росс., находится выписка изъ рядной книги Бекетова. Приведемъ ее такъ, какъ она помѣщена у исторіографа, съ его же объясненіями. «Посылалъ Государь (въ 1485 г.) Воеводу своихъ въ Казань, на Алегамъ, Царевича Магметъ-Аминя, да съ нимъ Кн. Василья Ивановича, да Юрья Захаревича, да Кн. Семена Романовича Ярославскаго, да К. Ивана Ромодановскаго; и братъ его

Алеганъ пришелъ изъ Нагай по слову съ Казанцы... и они, шедъ на Казань, *сзали* съ Магметъ - Аминею». Это несправедливо по лѣтонисамъ: ходили, но не взяли. «Посылалъ Государь (въ 1486 году) въ Казань къ *Магметъ - Аминею* Царю» (развѣ Алегану?) «Князь Василья Ивановича Оболенскаго, да Кн. Василья Тупупова, да К. Тимофея Тростенскаго, да по Царевѣ присылкѣ, что хотѣлъ выдать братью свою къ Вел. Князю, и Князи Казанскіе воли ему не дали, хотѣли его самого убить. Магметъ-Аминь (Алеганъ) ушелъ къ Государевымъ Воеводамъ, и Князи Казанскіе добили ему челомъ, и Магметъ - Аминь (Алеганъ) пошелъ къ нимъ опять въ городъ на Царство. — Посылалъ Государь (въ 1487 г.) Воеводъ своихъ (К. Данила Холмскаго и другихъ) и согналъ съ Казани Магметъ-Аминя» (Алегана).

Въ разр. кн. Бекетова, происшествія 1486 и 1487 г. (за исключеніемъ только того, что въ Бекет. кн. очевидно, по ошибкѣ, подъ 1487 г. названъ Магметъ - Аминь вмѣсто Алегана) также описаны, какъ и въ Банниковской; но годъ 1485 представляетъ значительную разницу, хотя дѣло, безъ сомнѣнія, идетъ о той же самой посылкѣ подъ Казань: по *Бекет. кн.* великій князь послалъ Магметъ-Аминя на Алегана; и воеводы съ царевичемъ «взяли» Казань; по *Банн.* же *кн.*, на оборотъ, великій князь послалъ Алегана на Магметъ-Аминя, Алеганъ «сѣлъ на Казани, а Мамадинъ царь съ Казани збежалъ». При недостаткѣ данныхъ объ исторіи Казани, трудно сказать

которая изъ двухъ разрядныхъ книгъ вѣрнѣе; я отдаю преимущество Башмаковской, потому что въ ней, какъ мнѣ кажется, рассказъ вообще обстоятельнѣе изложенъ, чѣмъ въ Бекетовской; къ тому же гораздо естественнѣе допустить то, что въ 1485 г. ходилъ Ильгамъ на Мухаммедъ-Амина, такъ какъ въ предшествовавшемъ 1484 г. (по словамъ той же Башм. кн.) Ильгамъ былъ свергнутъ съ престола, и на его мѣсто посаженъ былъ Мухаммедъ-Аминъ. Для того, чтобы Мухаммедъ-Аминъ въ 1485 г. могъ идти на Ильгана, надобно предположить, что въ Казани, не задолго предъ тѣмъ, произошелъ еще какой либо переворотъ, который заставилъ Мухаммедъ - Амина уступить престолъ брату.

Что касается объясненій Карамзина на выписку изъ Бекет. разр. книги, то мнѣ онѣ кажутся не совсѣмъ вѣрными. Что значать послѣ разр. 1485 г. слова: «Это несправедливо по лѣтописямъ: ходили, но не взяли»? Въ лѣтописяхъ, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ подъ 1485 г. не упоминается о походѣ Русскихъ на Казань: въ *Соб. 2 мт.*, а также, какъ я понимаю, во *Пск.*, по ошибкѣ, отнесенъ къ этому году походъ 1487 г., да и онъ окончился взятіемъ города. Что значить также и то, что Карамзинъ подъ 1486 г. вездѣ, послѣ имени Магметъ - Амина, ставитъ въ скобкахъ: Алегамъ? Конечно положительно не знаемъ, какимъ образомъ Мухаммедъ - Аминъ оказался въ Казани на престолѣ въ 1486 г., и какимъ образомъ вдругъ въ 1487 г. онъ уже не ханъ, и царствуетъ опять Иль-

ганъ, который попадаетъ въ плѣнъ къ Русскимъ. Но и отрицать возможности этихъ фактовъ мы не въ правѣ. Развѣ Мухаммедъ-Аминъ не бѣжалъ въ Россію изъ Казани, отъ брата своего Ильгана, въ 1486 г. (см. выше, стр. 162)? Бѣжать могъ онъ и со престола.

Съ выпискою изъ разр. кн. Бекетова, помѣщенной у Карамзина, можно сравнить сообщенную г. Соловьевымъ, въ его Исторіи Россіи. Т. V. Изд. 2. Москва. 1858, стр. 417, пр. 99, выписку изъ разрядн. кн. Моск. Архива мин. ин. дѣлъ, № 1, стр. 26: «Послалъ Князь Вел. въ Казань къ Магмеду царю воеводъ своихъ—Князя Василья Ив. Оболенскаго, да Кн. Василья Тулуна Стародубскаго, да Кн. Тимофея Прозоровскаго, по царевъ Мамедеминовъ присылкѣ, что хотѣлъ братью свою выдати В. Князю; и князи Казанскіе воли ему не дали, хотѣли Магмедемина самого убить, и Магмединъ ушолъ къ В. Князю воеводамъ, князи ему Казанскіе добили челомъ, и Магмединъ пошелъ къ нимъ опять въ городъ на царство».

Меликъ-Тагиръ (ملك طاهر) и Худай-кулъ (خدای قل) ⁶³⁾.

⁶³⁾ Всѣ источники, въ которыхъ число братьевъ, плѣненныхъ вмѣстѣ съ Ильганомъ, обозначено, согласны въ томъ, что ихъ было два; но царевичи названы по именамъ только у Герберштейна и у сочинителя Исторіи о Казанскомъ царствѣ. Первый утверждаетъ, что на Бѣлоозеро вмѣстѣ съ матерью Ильгана, сосланы были Мухаммедъ - Аминъ и Абд-ул-латифъ (см. выше, предгд. пр., стр. 169). Второй пишетъ про одного изъ плѣнен-

ныхъ царевичей, сосланныхъ потомъ на Белоозеро въѣсть съ матерью Ильгана, что звался онъ *Мелендаръ* (Миллиндаръ) и умеръ въ заточеніи; про другаго же говорить, что великій князь выпустилъ его изъ «теминицы», окрестилъ, и выдалъ за него (сноху) дочь (см. выше предъид. пр., стр. 165). Къ этому сочинитель Исторіи о Казанскомъ царствѣ на той же страницѣ, нѣсколькими строками ниже, прибавляетъ: «и по лѣтѣхъ живаше умроша, два Царевича на Москвѣ *Абделетимъ* въ Срацынской вѣрѣ своей, другій же, изведенный изъ темницы и вѣру крещеную примъ, именемъ *Петръ* Царевичъ, иже и зять бысть Великаго Князя» (въ *Подр. лѣт.* стр. 57, мѣсто это искажено: «И по лѣтѣхъ многихъ умроста на Москвѣ два Царевича, Абделетимъ Царевичъ въ Срацынской вѣрѣ, во крещеніи Христовѣ именемъ Петръ Царевичъ»). Значить, по мнѣнію Казанскаго лѣтописца, плѣненъ былъ вмѣстѣ съ Мелендаромъ, тотъ самый братъ Ильгановъ, который въ послѣдствіи обратился въ христіанство, названъ былъ *Петромъ*, и женился на дочери великаго князя. Петръ же, сынъ царя Ибрагима, зять великокняжескій, какъ увидимъ ниже, пона былъ мусульманиномъ, носилъ имя *Худай-кула*.

Вникнемъ въ дѣло; посмотримъ: правъ ли кто изъ двухъ писателей, обозначающихъ царевичей, взятыхъ въ плѣнъ, по именамъ, а если правъ, то кто именно. У Ибрагима, царя Казанскаго, по Родословной книгѣ (см. выше, пр. 21, стр. 44, 46 — 48), было 5 сыновей: Ильганъ, Меликъ-Тагиръ, Худай-кулъ во

крещеніи Петръ, Мухаммедъ-Аминъ, и Абд-ул-латифъ. (Имена Меликъ-Тагира и Худай-кула писаны въ Родословной различно: *Кон.* Милехъ-даиръ [Милангдаръ] и Кудангуль, *Син.* Мелегдаръ и Кудалгу, *Арх.* Мелегъ-даиръ [Мелегдаръ] и Кудангуль, *Род.* Мелехъ - Даиръ и Кудангуль [въ *Род.* съ начала разстановка именъ неправильная: слово Мелехъ соединено съ предъидущимъ: Алегамъ, а слово Даиръ съ послѣдующимъ: Кудангуль, такъ что при чтеніи можно, пожалуй, думать, что рѣчь идетъ не о трехъ царевичахъ, а только о двухъ; потомъ *Род.* поправляетъ свою ошибку и говоритъ: «Мелехъ Даировы дѣти»]; я пишу Меликъ-Тагиръ и Худай-кулъ, потому что имѣ это правописание кажется правильнымъ: имена Меликъ-Тагиръ — ملك طاهرъ и Худай-кулъ — خدای قل не рѣдко слышались у Татаръ). Изъ этихъ пяти сыновей Ибрагимовыхъ, очевидно, ни Ильгамъ, бывший самъ царемъ и отправленный въ Вологду, ни Мухаммедъ-Аминъ, участвовавшій въ походѣ противъ Казани и возведенный на престолъ, не могли быть въ числѣ двухъ *братьевъ Имамовеыхъ*, взятыхъ въ плѣнъ въ 1487 г., и сосланныхъ на Бѣлоозеро. Остаются за тѣмъ три царевича: Меликъ-Тагиръ, Худай-кулъ и Абд-ул-латифъ. Про Абд-ул-латифа мы знаемъ навѣрно, что онъ былъ рожденъ отъ одного отца и отъ одной матери съ Мухаммедъ-Аминомъ—Нуръ-султаны (см. выше, нр. 21, стр. 52), следовательно былъ Ильгаму не родной братъ. Попасть же въ плѣнъ вмѣстѣ съ Ильгамомъ значило бы держать его сторону. Ужъ это одно заставляетъ сомнѣ-

ваться въ томъ, чтобъ Абд-ул-латифъ могъ быть взятъ Русскими въ 1487 г. Къ тому же въ лѣтописяхъ подъ 1493 г. читаемъ: «*Сосф. 2 лѣт. П. С. Р. Л. VI, 240.* Тоа же зимы (7004), генваря 1, прииде къ великому князю служити изъ Крыму царевичъ Абдыль Летифъ, Обренимовъ сынъ Казанскаго царя, съ посломъ великого князя съ Лобаномъ съ Колычевымъ; и князь великій его пожаловалъ далъ ему Звенигородъ со всѣми пошлинами» (*Соср. II, 243; ср. Нов. 4 лѣт. П. С. Р. Л. IV, 162 и Про. 330, гдѣ «генваря» не 1, а 11; Вскр. П. С. Р. Л. VIII, 225 и Ник. VI, 135, гдѣ тоже показано 11 января, и, сверхъ того, недостаетъ конца о пожалованіи Звенигорода; Пск. 1 лѣт. П. С. Р. Л. IV, 268, гдѣ сказано просто: «Въ лѣто 7004. Прииде къ великому князю служити изъ Крыму царевичъ Абделетифъ, Абренимовъ сынъ Казанскаго царя»; сл. Пск. Пог. 170).* Не съ Бѣлоозера же попалъ Абд-ул-латифъ въ Крымъ; всего вѣроятнѣе, что онъ, опасаясь Ильгана, самъ выѣхалъ изъ Казани, либо прямо въ Крымъ, либо съ начала отправился, какъ говоритъ Казанскій лѣтописецъ, вѣстѣ съ братомъ своимъ Мухаммедъ-Аминномъ въ Россію, и потомъ ужъ оттуда отъѣхалъ къ Менгли-гирею. Въ Крымъ Абд-ул-латифа, безъ сомнѣнія, завлекло то, что тамъ жила мать его, вышедшая (см. выше, пр. 21, стр. 52), около 1485 г., за мужъ за Менгли-гирея. — И такъ, въ 1487 г., изъ дѣтей Ибрагима, значущихся въ Родословной, могли быть плѣнены Русскими, и сосланы въ заточеніе только Меликъ-Тагиръ

и Худай-куль. Невольно приходишь къ тому заключенію, что Герберштейнъ ошибся, а сочинитель Исторіи о Казанскомъ царствѣ правъ; его *Мелемдаръ* — никто другой, какъ Меликъ-Тагиръ.

Взглянемъ теперь на самую жизнь обоихъ царевичей, Меликъ-Тагира и Худай-кула, послѣ 1487 г.: не найдемъ ли въ ней какихъ либо новыхъ, болѣе точныхъ и положительныхъ доказательствъ въ пользу мнѣнія, высказаннаго Казанскимъ лѣтописцемъ.

Начнемъ съ Худай-кула. Царевичъ этотъ крестился 24 декабря 1505 г., и названъ былъ тогда Петромъ. Не съ большимъ черезъ мѣсяцъ послѣ того, великій князь Василій Ивановичъ выдалъ за него сестру свою Евдокію; свадьба была 15 января 1506. («Тоя же осени [7014]», сказано въ *Сох. 1 мт.* П. С. Р. Л. VI, 54, «присылалъ бити челомъ Куданкуль царевичъ, Абрекмовъ сынъ царя Казаньскаго, пресвященному Симону митрополиту всеа Русіи, чтобы государь пожаловалъ велѣлъ крестити въ православную вѣру; и по митрополичю печалованію велѣлъ князь великій Василей Ивановичъ царевичю у себя на очехъ бити, онъ же началъ бити челомъ съ слезами о крещеніи; и повелѣніемъ великаго князя, мѣсяца декабря 24, въ недѣлю, пресвященный Симонъ митрополитъ велѣлъ архимандриту Спаскому Аеонасію крестити на рѣцѣ Москвѣ у тайника царевича Куданкула въ имя Отца и Сына и святаго Духа, въ православную вѣру Греческаго закона, и нарече имя ему въ святомъ крещеніи Петръ; бысть же тогда на крещеніи томъ князь великій Василей Ивано-

вичь всея Русіи съ меншею братією и съ бояры... Того же мѣсяца генваря въ 25, въ недѣлю, пожаловалъ князь великій Василей Ивановичь всея Русіи царевича новопросвѣщеннаго Петра, далъ за него сестру свою княжну Евдокію; и вѣнчалъ царевича Петра и княжну великую Евдокію архимандритъ Спаской Аѳанасей, въ соборной церкви пречистыя Успенія, въ славнѣмъ градѣ Москвѣ» [*Сосф.* 2 *мт.* П. С. Р. Л. VI, 244, 245 и *Сер.* II, 275, 276, гдѣ царевичъ названъ: Кудакулъ; *Лв.* III, 285, 286 подъ 7020 г., гдѣ также читается: Кудакулъ, и, кромѣ того, выѣсто: «декабря 21», стоитъ: «сентября 21»; *Ник.* VI, 174, гдѣ архимандритъ Аѳанасій названъ въ первый разъ Псковскимъ, а во второй — Спаскимъ]. *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 245, 246 и *Врм.* II, 203 — 205 при-
бавляютъ, что «Куданкулъ» [во *Врм.* Куданкулъ], когда присылалъ къ митрополиту просить, чтобъ его крестилъ, «сидѣлъ въ Ростовѣ у архіепископа» [тоже и въ *Ст.* II, 174; по словамъ ея «царевичъ Куданкулъ, сынъ Абреима Царя Казанскаго», жилъ въ Ростовѣ «въ заточеніи»]. Въ *Про.* 345, происшествіе описано въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: «Тогожъ лѣта [7014] царевичъ Петръ женися, а поналъ великаго князя дщерь Евдокею». Описаніе крещенія и свадьбы царевича Петра, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ любопытное, но, съ другой стороны, полное ошибокъ, находится въ *Нов.* 4 *мт.* П. С. Р. Л. IV, 136; тамъ сказано: «Того же лѣта [7014] крестилъ князь великій Василей Ивановичь, царь и государь всея Руси, съ своимъ от-

денъ Симономъ митрополитомъ всея Руси, царя нечестиваго Алехова [т. е. Ильганова—очевидно ошибка; слѣдуетъ читать: Ибрагимова] сына и матери меншикина сына Казаньскому Магмедю [Мухаммедъ-Амину] на Петрову память Петра митрополита и чудотворца всея Руси, и нареченъ бысть въ святомъ крещеніи Петръ; и дать за него князь великій Василей Ивановичъ всея Руси сестру свою княжню великую Феодосью [опять ошибка; Феодосья, сестра Василия, еще въ 1500 г. была выдана отцемъ своимъ Иваномъ за князя Василия Холмскаго, сына извѣстнаго князя Даниила Холмскаго, и умерла чрезъ годъ послѣ выхода въ замужество; см. *Кар.* VI, 225, 226; *Др. Висл.* XIII, 1—5, гдѣ княжна названа Софьей], и два города дать ему вотчину, Клинъ городъ, другой Городень и пять селъ около Москвы, на прѣздѣ. Въ *Баши. разр.* см. читаемъ: «Того жъ году [7014] говорили отъ великаго князя Василя Ивановича всея Росні бояринъ Яковъ Захарьичъ, казначей Дмитрей Володимировичъ, печатникъ Юрья Дмитреевичъ Траханіотовъ, да дьяки Петру царевичю, что князь великий его жалуетъ, дастъ за него сестру свою княжну Евдокью»). Вскорѣ послѣ крещенія, но еще до брака съ Евдокією, именно 28 декабря 1505 г., царевичъ Петръ далъ записъ великому князю Василю, въ томъ, что будетъ служить ему вѣрно. Записъ эта начиналась словами: «Се язъ Петръ Царевичъ Ибраимовъ сынъ Царевъ, что есмь былъ впалъ въ руки съ братомъ своимъ съ *Алехомъ* Царемъ Государю Великому Князю Ивану

Васильевичю всеа Русіи: и ныне Государь мой Князь Великій Василей Ивановичъ всеа Русіи пожаловалъ меня изъ того нятства выпустилъ» (*Сб. юс. гр.* I, № 145, стр. 404; *Др. Висл.* III, № 124, стр. 1; *Прод. Древн. Росс. Висл.* V, № 158, стр. 92). Не прямо ли слова эти указываютъ на то, что Петръ, т. е. Худай-кулъ, былъ взятъ въ 1487 г. Русскими?

Перейдемъ къ другому царевичу, Меликъ-Тагирю. Свѣдѣнія о немъ весьма скудны. Но, значитъ онъ въ Родословной, и въ ней сказано, что у него было два сына: Василій и Федоръ (см. выше, пр. 21, стр. 44, 47, 48). Еще пишетъ про него, а вмѣстѣ съ нимъ и про Петра, Герберштейнъ въ своихъ *Reg. Mosc. Comm.* Описавъ взятіе Ильгама и ссылку Абд-ул-латифа и Мухаммедъ-Амина на Бѣлоозеро (см. выше, предъид. пр., стр. 169), онъ говоритъ: «Codaiculu unus ex Alegae fratribus baptisatus, nomen Petri accepit: cui post Basilius, modernus princeps sororem suam matrimonio junxit. Meniktair autem alter ex Alegae fratribus, in sua, quoad vixit, secta permansit: pluresque genuit liberos, qui post decessum patris cum matre omnes baptisati et mortui sunt: uno Theodoro, qui nobis in Moscovia existentibus adhuc supererat, excepto», т. е. Кодайкулу (Худай-кулъ), одинъ изъ Алегинныхъ (Ильгамовыхъ) братьевъ, былъ крещенъ и получилъ имя Петра; въ послѣдствіи Василій, великій князь, выдалъ за него сестру свою. Мениктаиръ же (Меликъ-Тагиръ), другой изъ Алегинныхъ братьевъ, оставался, пока жилъ, въ своей вѣрѣ, и имѣлъ многихъ дѣтей; послѣ его смер-

ти, они всё, какъ и мать ихъ, были крещены и умерли, за исключеніемъ одного Федора, который при насъ былъ еще живъ. Свѣдѣнія эти для наслѣдуемаго нами вопроса, не лишены значенія. Худай-кулъ, говоритъ Герберштейнъ, крестился; Меликъ-Тагиръ же, братъ его, остался мусульманиномъ, но послѣ его смерти, и жену и дѣтей его крестили. Послѣдній фактъ несомнѣненъ, потому что и въ Родословной значатся у Меликъ-Тагира дѣти подъ христіанскими именами: Василій и Федоръ, да въ официальныхъ актахъ, какъ увидимъ ниже, упоминается о князѣ Федорѣ Меликъ-Тагировичѣ. Изъ этого прямой выводъ тотъ, что Меликъ-Тагиръ, его жена и дѣти жили въ Россіи. Когда жъ и какими образомъ попали они къ намъ? Невольно соглашаемся съ Казанскимъ лѣтописцемъ, который утверждаетъ, что Меликъ-Тагиръ былъ взятъ въ плѣнъ въ 1487 г. Другаго объясненія нѣтъ.

Вотъ и конечный результатъ всего нашего изслѣдованія: вмѣстѣ съ Ильгамомъ были плѣнены въ 1487 г., и сосланы въ заточеніе Худай-кулъ и Меликъ-Тагиръ. Ужъ не были ль они родные братья Ильгаму отъ одной съ нимъ матери? Тогда бы сдѣлалось понятно, почему именно они попали въ руки Русскихъ при взятіи Казани, и за какую вину сослалъ ихъ великій князь. Имъ, какъ роднымъ братьямъ Ильгама, слѣдовало быть его сообщниками, и идти за него въ ссылку. Многое говорить въ пользу этого предположенія: 1) въ Родословной, гдѣ сыновья Ибрагима, по видимому, расположены по старшинству лѣтъ, Меликъ-Тагиръ и Худай-кулъ

названы раньше дѣтей, рожденныхъ отъ второй, хотя и старшей жены Ибрагима, Нуръ-султаны — Мухаммедъ-Амина и Абд-ул-латифа, и поставлены тотчасъ въ слѣдъ за Ильгамомъ; 2) въ сообщенной мною выше (стр. 182, 183), при описаніи крещенія Петра, выпискѣ изъ *Нов. 4 лт.*, Петръ названъ сыномъ «матери меншицина сына Казаньскому Магмеду». Значитъ, по *Нов. 4 лт.*, Петръ былъ рожденъ отъ одной матери съ тѣмъ царевичемъ, который приходился царю Казанскому Магмеду (Мухаммедъ-Амину) «меншицинымъ сыномъ»; а «меншицинымъ сыномъ», по отношенію къ Мухаммедъ-Амину, звался Ильгамъ, если припомнимъ выписку изъ *Соб. 2 лт.*, приведенную выше, въ пр. 62, на стр. 166.

Здѣсь скажемъ кстати нѣсколько словъ о томъ, какъ кончили свое поприще въ Россіи Петръ и Маликъ-Тагиръ, и что сдѣлалось съ ихъ родомъ. Царевичъ Петръ, послѣ крещенія, всю жизнь провелъ въ Россіи. Годъ его кончины съ точностью опредѣлить трудно. Въ разрядахъ онъ упоминается еще подъ 1522 г., когда великій князь, отправляясь противъ Крымцевъ, оставлялъ его въ Москвѣ (*Кар.* пр. 231 къ Т. VII). Въ *Про.* 378, читаемъ: «Тогожъ году (7034=1523) мѣсяца Марта преставися царевичъ Петръ, зять великаго князя, Абреймовъ сынъ». Въ Путеводителѣ же къ древностямъ и достопамяностямъ Московскимъ. Москва. Ч. 1. 1792, стр. 157, находимъ слѣдующую надпись, при описаніи одной гробницы въ соборѣ Михаила Архангела «у мѣстоу столна друаго»: «Въ лѣто 7017 (1509), Марта въ 13 день

преставился Царевичъ Петръ, сынъ Ибренность сына Манятикова, Царя Казанскаго». Какъ согласить эти данныя? Не ошибся ли издатель Путеводителя? Супруга Петра, Евдокія, скончалась въ февралѣ 1513 г., и погребена была въ Москвѣ, въ Вознесенскомъ дѣвичь-емъ монастырѣ (*Кар. пр.* 383 къ Т. VII; *Собр. 2 мѣт.* П. С. Р. Л. VI, 253, и др. лѣт.). У царевича Петра отъ брака его съ сестрою великаго князя Василія, остались двѣ дочери (*Под. см. выше*, пр. 21, стр. 48; *Ст.* II, 174). Одна, Анастасія, уже въ 1529 г. была за мужемъ за княземъ Федоромъ Михайловичемъ Мстиславскимъ (*Сб. юс. гр.* I, № 157, стр. 433; *Кар. пр.* 294 къ Т. VII; *Под.* I, стр. 43); скончалась она, мѣсяцевъ чрезъ шесть послѣ смерти мужа (*Лс.* IV, 129, 130) 17 декабря 1540 г. и погребена была воzglъ матери въ Вознесенскомъ монастырѣ (*Лс.* IV, 136, 137: Тоѣжъ осени [7049] Декабря 17 въ пятокъ преставился благовѣрная Книгиня Анастасія Великаго Князя Василія Ивановича Сестрична, а царева дочь Петрова, а жена Князя Федора Михайловича Мстиславскаго, и положена внутри града Москвы у Вознесенія воzglъ матери ея). Дочь Ивана Федоровича Мстиславскаго, сына Федора Михайловича и Анастасіи Петровны, Анастасія, (въ инокиняхъ Александра) была за мужемъ за царемъ Семеномъ Бекъ-булатовичемъ, бывшимъ одно время (въ 1570-хъ годахъ) царемъ Касимовскимъ, и называвшимся, до крещенія, Сантъ-пуладомъ (см. о немъ ниже, статью: «Сантъ-пуладъ»); умерла она въ 1607 году 7 іюня, и погребена была близъ дѣда своего кн. Ф. М. Мстиславскаго и дру-

гнѣхъ лицъ его рода, въ Симоновскомъ Московскомъ монастырѣ; рядомъ съ ней покоится и мужъ ея, умершій, инокомъ Стефаномъ, въ 1616 г. января 5 (Путев. къ древн. и достопамятн. Моск. Ч. IV. Москва. 1793, стр. 239—241, 245). Другая дочь Петра, Анастасія же, была въ супружествѣ за княземъ Василюмъ Васильевичемъ Шуйскимъ, женившимся на ней въ 1538 г., и вскорѣ послѣ того умершимъ (*Дл.* IV, 106: Тояжъ весны [7046 = 1538] Юня 6 въ четвертокъ седьмыя недѣли по пасцѣ пожаловалъ Великій Государь Иванъ Васильевичъ всея Россіи женилъ боярина своего князя Василя Васильевича Шуйскаго, а далъ за него сестру свою царевичеву дочерь Петрову, Анастасію Петровну; см. *Кар.* VIII, 32, и пр. 76 и 79). Внука царевича Петра, дочь князя Василя Васильевича Шуйскаго, Марѳа, была выдана Иваномъ IV, въ 1555 г. ноября 8, за князя Ивана Дмитріевича Бѣльскаго (*Дл.* V, 77: Тоежъ осени [7063] Ноября 8 въ четвертокъ, пожаловалъ царь и Великій Государь Иванъ Васильевичъ всея Россіи Самодержецъ, женилъ Князя Ивана Дмитреевича Бѣльскаго, далъ за него сестричную свою царевичеву Петрову внуку, а дѣда своего Великаго Князя Ивана Васильевича всея Россіи правнуку, а дочерь Князя Василя Васильевича Шуйскаго, а выдавалъ Государь отъ себя съ своего двора; сл. *Ник.* VII, 236 и *Род.* I, 70; см. *Др. Визл.* XIII, стр. 73 — 79 и *Опытъ Труд. Воим. Росс. Собр.* II, стр. 102—104; см. еще *Акты Истор.* IV, стр. 317 и I, стр. 351 и пр. 74 и 88, гдѣ сказано ошибочно, что кн. Ф.

М. Мстиславскій и кн. В. В. Шуйскій были супруга-ми одной и той же дочери царевича Петра—Анастасіи).

Когда и гдѣ умеръ царевичъ Меликъ-Тагиръ—положительно неизвѣстно. Казанскій лѣтописецъ увѣряетъ, что онъ умеръ въ заточеніи на Белоозерѣ; быть можетъ, онъ и правъ. Федоръ, сынъ Меликъ-Тагира, упоминается довольно часто въ разрядахъ. Въ 1531 г. онъ былъ намѣстникомъ Новгородскимъ (см. *Сб. юс. гр.* V, № 105, 106; упоминаемый тамъ князь Федоръ Мелегдайровичъ или Мелигдайровичъ, очевидно, никто другой, какъ сынъ царевича Казанскаго Меликъ-Тагира; въ заголовкѣ № 105, издатель назвалъ его, по ошибкѣ, княземъ Федоромъ Мелейдайровичемъ Черкасскимъ).

Смуты временъ Ильгама составляютъ важную эпоху въ исторіи Казанскаго ханства. Казань, нѣкогда гроза Россіи, независимая и сильная, въ первые, въ слѣдствіе внутреннихъ раздоровъ и безпорядковъ, получила хановъ отъ руки великаго князя Московскаго. Съ тѣхъ поръ, раздираемая междоусобіями, она постоянно слабѣла, и чѣмъ далѣе впередъ, тѣмъ болѣе подпадала вліянію Россіи, которая, на бѣду ей, крѣпла и расла. Съ Ильгамова царствованія, собственно говоря, и началось паденіе ханства. Съ его же плѣненія великіе князья Русскіе стали считать Казань своею собственностью (*Прод. др. Росс. Визл.* IX, стр. 120).

Мухаммедъ-Аминъ, утвердившись въ 1487 году, съ помощью Ивана, на престолѣ Казанскомъ, продер-

жался на немъ вплоть до 1496 г. Въ этомъ году царь Шибанскій Мамукъ подступилъ къ Казани. Устрашенный его приходомъ и опасаясь измѣны со стороны жителей города, изъ которыхъ многія, и даже значительныя лица, передались на сторону непріятеля, Мухаммедъ-Аминъ бѣжалъ, въ ноябрѣ, въ Москву. Мамукъ вступилъ въ Казань, но сохранилъ ее не долго. Сами же граждане, принявшіе его къ себѣ, вскорѣ измѣнили ему, и послали просить великаго князя, «чтобъ ихъ князь великій пожаловалъ, а нелюбки имъ отдалъ и вины ихъ, что они измѣнили государю своему Магамедъ Аминю царю, да и тебѣ великому князю». Одного только желали Казанцы, чтобы данъ имъ былъ въ цари не Мухаммедъ-Аминъ, а кто либо другой; «да и тѣмъ бы еси, государь князь великій», говорили они, «насъ жаловалъ, Магамедъ Аминя царя къ намъ въ Казань не посылалъ, занеже отъ него было велико насиліе и безчестіе катунамъ (т. е. женамъ, отъ Татарскаго слова خاتون) нашимъ и за то есмь ему измѣнили и прочь отъ него къ Мамуку отъѣхали». Иванъ согласился на просьбу Казанцевъ, и назначилъ царемъ меньшаго брата Мухаммедъ-Амина, Абд-ул-латифа (см. о немъ выше, пр. 63, стр. 180). Новый ханъ, сопровождаемый Русскими сановниками, княземъ Семеномъ Холмскимъ и княземъ Федоромъ Палецкимъ, въ маѣ 1497 г., прибылъ въ Казань и былъ торжественно возведенъ на престолъ. Мухаммедъ-Амину же, великій князь пожаловалъ тогда Коширу, Серпуховъ и Хотунъ ⁶⁴).

⁶⁴⁾ *Сосф.* 1 *лт.* П. С. Р. Л. VI, 40, 41; *Сер.* II, 252 — 254; *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 231, 232; *Ник.* VI, 146 — 148 и *Врм.* II, 177 — 181 подѣ 7004 и 7005 г.; *Лс.* III, 238 — 243 подѣ 7010, 7005 и 7011 г.; *Про.* 339 и *Пск.* 1 *лт.* П. С. Р. Л. IV, 270 (*Пск. Пол.* 171) подѣ 7004 г. Говоря о пожалованіи Мухаммедъ-Амину Кошеры и другихъ городовъ, лѣтописцы прибавляютъ, что онъ и тамъ не перемѣнилъ своего права и велѣ жизнь безпорядочную; жалоба Казанцевъ на хана, какъ видно, была справедлива. Не это ли самое пожалованіе Кошеры Мухаммедъ-Амину отнесъ сочинитель *Ик.* (см. выше, пр. 62, стр. 165), по ошибкѣ, ко времени выѣзда хана въ Россію еще до 1487 г.?

Абд-ул-латифъ правилъ Казанью до 1502 года. Не сумѣвъ угодить Ивану, онъ въ январѣ, въ своей же столицѣ, былъ схваченъ нарочно для того посланными чиновниками великокняжескими, привезенъ въ Москву, и оттуда отправленъ въ заточеніе на Бѣлоозеро. На его же мѣсто ханомъ въ Казань Иванъ опредѣлилъ снова Мухаммедъ-Амина, женивъ его, передъ отъѣздомъ, на невѣсткѣ, бывшей вдовѣ Ильгама, той самой, которая въ 1487 г., вмѣстѣ съ мужемъ, была взята въ плѣнъ и сослана въ Вологду ⁶⁵⁾.

⁶⁵⁾ *Сосф.* 1 *лт.* П. С. Р. Л. VI, 47: Тое же зимы (7010), генваря, пославъ князь великій князя Василья Ноздроватого да Ивана Талешева въ Казань, и велѣлъ

понмать царя Казаньскаго Абдыль Летифа за его неправду; они же ѣхавъ сотвориша тако, поймавъ царя и приведоша на Москву, князь великій послалъ его въ заточенье на Бѣлоозеро; а на Казань пожаловалъ князь великій на царство старого царя Казаньскаго Магамедъ Аминя, Абреймова сына, да и царицу невѣстку его ему далъ, Алегамовскую бывшаго царя Казаньскаго; а со царемъ послалъ князь великій князя Семена Борисовича Суздальскаго да князя Василья Ноздроватаго (*Сер.* II, 268, 269; *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 241; *Ник.* VI, 166; *Врм.* II, 195; *Лв.* III, 272, 273 подъ 7047 г.). Въ *Арх.* 176, это самое происшествіе рассказано иначе: «Въ лѣто 7040, князь великій Иванъ Васильевичъ велѣлъ князю Казанскому Калемету поимати царя Казаньскаго Аблетенна; онъ же пріѣхавъ съ Москвы отъ великаго князя въ веснѣ на полѣ водѣ царя Аблетенна поймавъ, да сковавъ въ желѣза къ Москвѣ послалъ; а князь великій на Казань послалъ другово царя брата его болшаго Махмеденна царя. Онъ же пріѣхавъ въ Казань, да князя Камелета убилъ, а на великаго князя гнѣвъ держа». (Упоминаемый здѣсь Калеметь — лицо, извѣстное въ Казанской исторіи: онъ пользовался большимъ влияніемъ, и, во время Мамука, былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствовавшихъ лицъ; въ лѣтописяхъ онъ зовется Калиметъ, Калеметь, Каликетъ, Казметъ и пр.; настоящее имя его было, какъ я думаю, Кель-Ахмедъ — كل احمد. У нѣкоторыхъ Татаръ, именно Симбирскихъ, до сихъ поръ существуютъ имена: Келметъ и Келмаметь, вѣроятно сокращенія отъ: Кель-Ахмедъ — كل احمد и

Кель-Мухаммедъ—كل محمد).—Ни въ *Согф. 1 тт.*, ни въ другихъ указанныхъ мною источникахъ не сказано, чтобы жена Ильгана, выданная Иваномъ за мужа за Мухаммедъ-Амина, была непремѣнно та самая, которую въ 1487 г. взяли въ плѣнъ и сослали въ Вологду. Но утверждаетъ это сочинитель Исторіи о Казанскомъ царствѣ (см. ниже, стр. 194, 195), и сомнѣваться въ справедливости его показанія нѣтъ причины. —Еще позволю себѣ сдѣлать небольшое замѣчаніе. Въ лѣтописяхъ говорится о ссылкѣ Абд-улла-тифа на Бѣлоозеро въ 1502 г. Не эту ли ссылку имѣлъ въ виду Герберштейнъ, когда писалъ, что царевичъ былъ отправленъ на Бѣлоозеро, при взятіи Ильгана въ плѣнъ (см. выше, пр. 62, стр. 169, и пр. 63, стр. 180)? Герберштейнъ могъ легко перепутать событія.

Первое время правленія возстановленнаго хана протекло довольно тихо, подѣ опекою Ивана. Вдругъ въ 1505 г. Мухаммедъ-Аминъ, «забывъ», какъ говорятъ лѣтописцы, «свое слово, и преступивъ шертныя грамоты», іюня 24-го, на Рождество Іоанна Предтечи, взявъ подѣ стражу только что пріѣхавшаго къ нему Русскаго посла Михаила Кляпика и ограбивъ купцовъ нашихъ, изъ которыхъ однихъ убилъ, а другихъ разослалъ къ Ногайцамъ (*Согф. 1 тт.* П. С. Р. Л. VI, 50, *Сер.* II, 273, 274, *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 244, 245, *Ниж.* VI, 172, *Врм.* II, 201, *Про.* 345 и *Пск. 1 тт.* П. С. Р. Л. IV, 278, подѣ 7013 г.; *Арх.* 178

подъ 7014 г.; *Лс.* III, 282, 283 подъ 7020 г.). Сочинитель Истории о Казанскомъ царствѣ приписываетъ эту измѣну Мухаммедъ-Амина проискавъ и вліянію жены его, вдовы Ильгамовой. «Той же Царь *Махметмингъ*», говоритъ онъ (*Ик.* стр. 42 — 44), «сѣде на Казани Царемъ, и взя за себя сноху свою, брата своего жену *Алехаму* Царя большаицу Царицу, по прошенію его у Великого Князя изъ заточенія (*приб.* истемницы свологды, мужу ея *Алехаму* Царю умершу взаточеніи) и любя ему бысть вельми братня жена, и нача она, яко по малу червь точити сладкое древо, и яко прелукавая змія научаема отъ вельможъ царевыхъ ухапавшися во уши шептаніемъ Царю день и ночь, да отложится отъ Великаго Князя, и да не словеть Казанскій Царь Московскаго Великого Князя до не и срамъ (по списку № 74 правильнѣе: и да не словеть Казанскій Царь рабъ его во всѣхъ земляхъ да не срамъ) и уничиженіе будетъ всѣмъ царемъ во всѣхъ ихъ бусурманскихъ земляхъ, и всю Русь да побіетъ живущую въ Казани, и корень ихъ изведетъ изо всего царства своего. И аще, рече, оія сотвориши; то много лѣтъ имаши царствовать на Казани, аще ли же сего не сотвориши, то вскорѣ съ безчестіемъ и поруганіемъ сведенъ будеши съ царства, якоже братъ твой *Алехамъ* Царь, и умреши такоже въ заточеніи. И всегдашняя капля дождевая и жестокий камень пробиваетъ, а льщеніе женское снѣдаетъ и премудрые человѣки. И много крепися Царь и прельстися отъ злыя жены своея, и послуша

проклятого совѣта ея окоянный, оле безумію его, измени Великому Князю Московскому, нареченному отцу своему (см. выше, пр. 62, стр. 162), и присече купцовъ богатыхъ и всю Русь, живущую въ Казани, и во всѣхъ улусехъ съ женами и дѣтьми, въ лѣто 7013 (1505) на рождество Ивана Предтечи» (сл. *Подр. мт.* II, 57, 58; текстъ ея ближе подходитъ къ тексту списка № 74; въ *Подр. мт.* Алехамъ [Алемахъ] названъ разъ, по ошибкѣ, Александромъ, именно вѣсто: «якоже братъ твой *Алехамъ* Царь», сказано: «якоже и братъ твой *Александръ* Царь»). Остальные лѣтописцы не объясняютъ настоящей причины, заставившей Мухаммедъ-Амина отложиться отъ Россіи, но почти всѣ (*Соб. 1 мт.* П. С. Р. Л. VI, 50; *Сер.* II, 272; *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 244; *Ник.* VI, 172; *Врм.* II, 201; *Лв.* III, 283) говорятъ о какихъ то рѣчахъ, принудившихъ Ивана послать въ Казань Михаила Кляпика, столь неудачно окончившаго свое порученіе. Быть можетъ эти рѣчи и были дѣйствительно, какъ утверждаетъ Казанскій лѣтописецъ, злыя наущенія вдовы Ильгамовой.

Ограбивъ купцовъ нашихъ и задержавъ посла, Мухаммедъ-Аминъ тотчасъ же рѣшился вступить въ открытую войну съ Россіей, собралъ войско и переправился чрезъ Волгу, грозя напасть на Нижегородскія и Муромскія мѣста. Вѣсть объ этомъ пришла къ Ивану въ началѣ августа 1505 г. Великій князь, не мѣшая, отрядилъ въ Муромъ воеводъ своихъ, князя Ивана Ивановича Горбатаго и Семена Ивано-

вича Воронцова. Черезъ нѣсколько дней, 30 августа, пришла къ Ивану новая вѣсть: дали знать, что Мухаммедъ - Аминъ переправляется чрезъ р. Суру, за 150 верстъ отъ Нижняго Новгорода.

Въ это то самое время и послалъ великій князь въ Муромъ царевичей Сатылгана и брата его Джаная. Съ ними вмѣстѣ отрядилъ онъ туда же и воеводу князя Василя Даниловича Холмскаго. При царевичахъ находились ихъ огланы, князья и казаки. Чѣмъ кончился этотъ походъ — неизвѣстно. Свѣдѣнія какъ о немъ, такъ и о посылкѣ князя Горбатаго и Воронцова находятся въ однѣхъ разрядныхъ книгахъ, а въ нихъ не объяснено: сдѣлали ли что нибудь войска великокняжескія, оставались ли въ Муромѣ, или возвратились ни съ чѣмъ ⁶⁶⁾. Все

⁶⁶⁾ Привожу подлинныя слова *Башм. разр. кн.* «Лѣта 7013 году, іюня въ день, пришла вѣсть къ великому князю, что царь Казанскій, Магметъ Аминъ, великого князя посла Михайла Клепика поймалъ, а гостей Русскихъ побилъ, а товаръ ихъ поймалъ на себя весь.

И после того, августа въ день пришла вѣсть къ великому князю, что Магметъ Аминъ, царь Казанской, съ людьми возитца Волгу, а хочетъ итти на Нижегородскіе и на Муромскіе мѣста. И князь великий послалъ заставу въ Муромъ воеводѣ своихъ князя Івана Ивановича Горбатаго, да боярина Семена Ивановича Воронцова. И после того, августа въ 30 день, пришла вѣсть къ великому князю, что царь Казанской, Магметъ Аминъ,

съ людьми возитца Суру рѣку, за полтора ста верстъ отъ Нижнего Новгорода. Князь великий послалъ, а велелъ быти въ Муроме царевичемъ Салтанакъ (*чит.* Салтагану), да Зенаю, съ уланами и со князьми и со вѣщи казаки. Да въ Муромъ же послалъ князь великий воеводу съ людьми князь Василья Даниловича Холмского. А каково будетъ дѣло, ино въ болшомъ полку съ царевичи быти князю Василью Даниловичю Холмскому, а въ правой рукѣ князю Ивану Ивановичю Горбату, а въ лѣвой рукѣ Семену Ивановичю Воронцову; а въ передовой полкъ и въ сторожевой князю Василью Холмскому, да князю Ивану Горбату, да Семену Воронцову воеводъ прибавити, кого будетъ пригоже. Упоминаемый здѣсь, вмѣстѣ съ Сатылганомъ, Зенай, очевидно, никто другой, какъ тотъ самый царевичъ, сынъ Нуръ-даулетовъ и братъ Сатылгановъ, который въ Родословной названъ: по *Коп.* Джанай, по *Син.* Дчина, по *Арх.* Чинчина, по *Род.* Дженай, по списку Миллера Dschena (см. выше, пр. 21, стр. 44, 45, 47, 48). Я считаю правильнымъ правописаніе: *Джанай*. Имя Джанай — جانای весьма употребительно у Татаръ. Царевичъ Джанай звался еще у Русскихъ: Дзанай, Янай, Зеденай, Зеналей и пр. Примѣры тому увидимъ ниже.

что знаемъ о дальнѣйшемъ ходѣ войны 1505 г., это то, что, въ сентябрѣ, Мухаммедъ - Аминъ подступилъ къ Нижнему Новгороду, два дни простоялъ подъ нимъ, и на третій ушелъ, благодаря мужествен-

ной оборонѣ намѣстника великокняжескаго Ивана Васильевича Хабарова Симскаго, который съ помощью горожанъ и Литовскихъ плѣнныхъ стрѣльцовъ, сумѣлъ не только отбить непріятеля, но и нанести ему чувствительный уронъ въ людяхъ (*Соф.* 1 *лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 50, *Свр.* II, 274, *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 245, *Ник.* VI, 173 и *Арх.* 178, подъ 7014 г.; *Врм.* II, 201, 202 подъ 7015 г.; *Лв.* III, 284 подъ 7020 г.; *Ик.* 45 — 47 и *Подр. лѣт.* II, 59 — 61, гдѣ сказано, что осада длилась не три, а тридцать дней).

Въ послѣдній разъ Сатылганъ упоминается подъ 1506 годомъ. Тутъ снова довелось ему участвовать въ дѣлахъ Казанскихъ.

Въ октябрѣ 1505 г. Иванъ умеръ и ему наследовалъ Василій. Новый великій князь счелъ первымъ долгомъ своимъ отомстить Мухаммедъ-Амину за его нападеніе на Нижній Новгородъ. Съ этою цѣлью онъ снарядилъ двѣ рати, судовую и конную, подъ главнымъ начальствомъ брата своего Дмитрія Ивановича. Въ апрѣлѣ 1506 г. войско двинулось къ Казани. Походъ кончился неудачнымъ для насъ образомъ. Съ начала, 22-го мая, разбита была подъ Казанью пришедшая прежде судовая рать, а потомъ, когда и конная подоспѣла черезъ мѣсяцъ, то все наше соединенное войско потерпѣло, 25 іюня, жестокое пораженіе. Дмитрій и многіе изъ воеводъ бѣжали къ Нижнему Новгороду на судахъ; другіе же, именно царевичъ Джанай, братъ Сатылгановъ,

который съ самаго начала похода находился въ конной рати съ Городецкими Татарами, и Федоръ Михайловичъ Киселевъ, сухимъ путемъ, отступили къ Мурому. Ихъ настигла дорогой, въ 40 верстахъ отъ Суры, погоня, высланная Мухаммедъ-Аминомъ; къ счастью, царевичъ и Киселевъ успѣли разбить ее. Нельзя при этомъ не замѣтить, что сами военачальники наши были причиною приключившихся имъ бѣдствій. Узнавъ о проигранномъ сраженіи 22-го мая, Василій отрядилъ на помощь къ брату князя Василя Даниловича Холмскаго, и отправилъ приказаніе, чтобы до его прихода, войска, стоявшія подъ Казанью, ничего не предпринимали. Димитрій же и воеводы не послушались государя, и, понадѣясь на свои силы, одни безъ Холмскаго, подступили къ городу, какъ скоро подоспѣла конная рать. Да и вообще, главные начальники наши дѣйствовали весьма небрежно и неосторожно.

Вскорѣ послѣ побѣга Русскихъ изъ подъ Казани, лѣтомъ же 1506 г., великій князь, вѣроятно, чтобы наблюдать за движеніями Мухаммедъ-Амина, послалъ войско къ Мурому. Именно при этомъ случаѣ упоминается въ послѣдній разъ Сатылганъ. Съ нимъ и съ братомъ его Джанаемъ вѣдно было находиться въ большомъ полку князю Василю Даниловичу Холмскому ⁶⁷⁾.

⁶⁷⁾ Выписываю изъ *Башм. разр. кн.* то что сказано въ ней объ обоихъ походахъ, какъ о томъ, въ которомъ нахо-

дился братъ великаго князя Дмитрій, такъ и о томъ, въ которомъ участвовалъ Сатылганъ. «Лѣта 7014 году, октября въ 27 день, преставися князь великнй Иванъ Васильевичъ всеа Росні, а по немъ сяде на великомъ княженнй сынъ ево князь великнй Василей Ивановичъ всеа Росні.

Тогожь лѣта царь Казанскі, Магметъ Аминь, побилъ въ Казани всѣхъ людей великаго князя, которые торговали (это, вѣроятно, повтореніе стараго: подѣ значущимся здѣсь побіеніемъ купцовъ, надо понимать, какъ я думаю, взятіе подѣ стражу посла и разграбленіе купцовъ нашихъ въ 1505 г.; къ тому же и лѣтописи не говорятъ ни слова о какихъ либо новыхъ притѣсненіяхъ, которыми бы въ 1506 г. подверглись Русскіе купцы въ Казани). И князь Василей Ивановичъ послалъ подѣ Казань на царя Магметъ Аминя брата своего князя Дмитрея Ивановича Углецкого, да съ нимъ воеводѣ своихъ въ судѣхъ по полкомъ. Въ болшомъ полку: великаго князя братъ, князь Дмитрей Ивановичъ Жилка. Да великаго князя воеводы, князь Ѳедоръ Ивановичъ Бельской, да Дмитрей Васильевичъ Шеинъ. Да въ болшомъ же полку, съ нарядомъ: князь Иванъ Васильевичъ Курля Оболенской, да Андрѣй Васильевичъ Сабуровъ, да Дмитрей Ивановичъ Ларевъ, да Алѣксѣй Ѳилиппевъ. Въ передовомъ полку: князь Михайло Ѳедоровичъ Карамышъ Курбской, да князь Юрьевъ Ивановича воевода Дмитровского, князь Давыдъ Даниловичъ Хромоу Ярославской. Въ правой рукѣ князь Дмитрея Ивановича воевода, князь Ѳедоръ Борисовичъ Волоцкой. А великаго князя воеводы. Въ правой

рукѣ: князь Михайло Ѳеодоровичъ Телятеской, да князь Володимерь Андрѣевичъ Микулинской. Въ лѣвой рукѣ: князь Иванъ Михайловичъ Репня, да Петръ Ивановичъ Житовъ. Въ сторожевомъ полку: князь Иванъ Ивановичъ Щетина Стригинъ Оболенской, да Ѳеодоръ Юрьевичъ Щука Кутузовъ. А на перевозъ послалъ сторожевого полку воеводъ, гдѣ коннымъ воеводамъ возитись: князь Иванъ Ивановичъ Щетина Оболенской, да Ѳеодоръ Юрьевичъ Щука Кутузовъ, да князь Ѳеодоръ Петровичъ Сипкой Кривой. А на Каме на перевозе были воеводы князь Семень Ѳеодоровичъ Курбской, да князь Александра Ѳеодоровичъ Оленка Ярославской, да Иванъ Вельяминовичъ Брехъ, да князь Иванъ Семеновичъ Голенище Андомской; а выше Казани стояли, противъ Собны, воеводы князь Ѳеодоръ Петровичъ Сипкой, да Иванъ Андрѣевичъ Большой Жулебинъ. А въ конной рати воеводы по полкомъ были. Въ большомъ полку: князь Александра Володимировичъ Ростовской, да князь Юрьевъ Ивановича воевода Дмитровского, Михайло Елизаровъ сынъ Гусевъ Хобаровъ, да князь Дмитреевъ Ивановича воевода, Василей Алексѣевъ сынъ Давыдовъ, да князь Ѳеодоръ Борисовича Волоцкого воевода, князь Григорей Мещерской. Въ передовомъ полку: князь Петръ Лобанъ Семеновичъ Ряполовской; да у передового жъ полку на праве Дзанай царевичъ съ Городецкими Татари, да Канбуръ мурза. Въ правой рукѣ: князь Василей Минхъ Семеновичъ Ряполовской. Въ лѣвой рукѣ: князь Ѳеодоръ Семеновичъ Ряполовской Стрига. Въ сторожевомъ полку: князь Ѳеодоръ Ивановичъ Стрига,

да Андрей Ивановичъ Коробовъ. Тогожъ лѣта послалъ князь великій въ Муромъ воеводѣ съ людьми князь Василья Даниловича Холмскаго. А велелъ ему быти въ болшомъ полку съ царевичи Салтыганомъ да съ Дзенаемъ. Въ правой рукѣ: князю Ивану Ивановичю Горбатуму. Въ лѣвой рукѣ: Семену Ивановичю Воронцову».

Подробности похода князя Дмитрія Ивановича можно видѣть въ лѣтописяхъ, и между прочимъ, въ Исторіи о Казанскомъ царствѣ (*Ик.* 48 — 52 и *Подр. лт.* II, 62 — 65), хотя въ ней разсказъ объ этой войнѣ и не совсѣмъ точенъ. Еще нѣкоторые извѣстія сообщаетъ Герберштейнъ въ *Reg. Mosc. Comm. Hist. Ruth. script. escl.* I, стр. 62 — 63. Полнаго наименованія воеводъ, участвовавшихъ въ походѣ, нѣтъ нигдѣ, кромѣ *Врм.* II, 205, 206. Сравнивая *Врм.* и *Башм. разр. кн.* найдемъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть разница, но что вообще въ *Башм. разр. кн.* многое изложено обстоятельнѣе и лучше.

Царевичъ, отступившій съ Киселевымъ къ Мурому, послѣ пораженія претерпѣннаго нашими войсками, и разбившій поговю, высланную Мухаммедъ-Аминумъ, названъ по имени только во *Врм.*; въ немъ онъ названъ Зеналеемъ (*Врм.* II, 207: И прідоша Казанская погоня на царевича Зеналея, и на Ѳедора Михайлова сына Киселева. Царевичъ же и Ѳедоръ съ боярскими людьми сотвориша бой съ Татары, и Божією помощію одолѣша Татаръ, а сами прідоша поздорову). Кто же былъ этотъ царевичъ Зеналей? Отвѣтъ находимъ во *Врм.* же; тамъ, гдѣ въ *Башм. разр. кн.* сказано: «да у передо-

вого жъ полку на праве Дзанай царевичъ», во *Врм.* 206, читаемъ: «да въ передовомъ же полку въ правой рукѣ Зеналей царевичъ». Значить, Зеналей *Врм.* и Дзанай *Баим. разр. кн.* одно и тоже лице. Изъ этого узнаемъ: кто изъ царевичей отступилъ къ Мурому и разбилъ погоню; — то былъ Джанай, братъ Сатылгановъ. Если во *Врм.* царевичъ названъ Зеналеемъ, а въ *Баим. разр. кн.* — Дзаналеемъ, то въ этомъ еще нѣтъ ничего удивительнаго. *Дзанай* — тоже что *Джанай*, а *Зеналей* — Русская перепись Татарскаго имени: *Джанъ-Али*. Форма же Джанай, въ свою очередь, должно быть, ничто иное, какъ сокращенная форма известнаго имени Джанъ-Али (جان علي). Арцыбышевъ (II, кн. IV, стр. 82, № 529) принимаетъ, кажется, Зеналея *Врм.* не за Джаная, сына Нуръ-даулета, а за Джанъ-Алія, брата Шахъ-Алія. Дѣйствительно Шахъ-Али, отецъ котораго выѣхалъ въ Россію въ 1502 г. (см. ниже статью: «Шейхъ-Ауліяръ»), имѣлъ брата, служилаго царевича великокняжескаго, по имени Джанъ-Алія; но *во перомъ* Джанъ-Али, сынъ Шейхъ-Ауліяра, звался Русскими почти всегда Еналеемъ или Яналеемъ, *во вторыхъ* этотъ Джанъ-Али является на сценѣ политической гораздо позже Джаная (см. ниже, статью: «Джанъ-Али»).

О походѣ Сатылгана и Джаная, вмѣстѣ съ княземъ Василиемъ Даниловичемъ Холмскимъ, въ 1506 г. къ Мурому, послѣ побѣга Русскихъ изъ подъ Казани, въ лѣтописяхъ не говорится ни слова. Я отмѣтилъ этотъ походъ на основаніи *Баим. разр. кн.* Не будь поиме-

нованъ съ Холмскимъ *Джанай*, который былъ подъ Казанью въ одно время съ Димитріемъ Ивановичемъ, можно было бы, пожалуй, думать, что рѣчь въ *Башм. разр. кн.* идетъ не о какомъ либо новомъ походѣ противъ Казанцевъ, а просто о посылкѣ Василя Даниловича Холмскаго на помощь стоявшему подъ Казанью Димитрію — посылкѣ, о которой упоминають лѣтописцы, и о которой, въ свою очередь, я говорилъ выше на стр. 199.

V.

ДЖАНАЙ (جانای).

Въ Исторіи государства Россійскаго Карамзина, въ пр. 38 къ Т. VII, читаемъ слѣдующую выписку изъ Дѣлъ Ногайскихъ, хранящихся въ Моск. Арх. мин. ин. дѣлъ: «Въ Августѣ 1508 г. пріѣзжалъ къ В. К. сынъ Царевича Ногайскаго Ахкурта, Акде-влетъ⁶⁸), и просилъ, чтобы Государь далъ отцу его

⁶⁸) Настоящее имя Акдевлета (у Кар. пр. 201 и 301 къ Т. VII: Авдовлетъ, Акидевлетъ и Ахдовлетъ) было, очевидно, Акъ - даулетъ (آق دولت). Ахкуртъ, иначе Ахтуртъ, Ахпуртъ (Кар. пр. 201 къ Т. VII), Акуртъ (Сб. юс. пр. V, № 46, стр. 32, № 50, стр. 34), по Татарски, звался, какъ я думаю, Акъ-курдъ (آق کورد — въ переводѣ на Русскій языкъ: бѣлый волкъ). Акъ-даулетъ выѣхалъ въ послѣдствіи въ Россію и былъ въ числѣ служилыхъ царевичей великаго князя Василія. Въ

Башк. разр. км. о немъ упоминается довольно часто. Въ ней онъ зовется Агдавлетъ Агакуртовъ, Акде-влетъ, Окдевлетъ Ахкуртовъ, Акдавлетъ Ахкуртаевъ и пр. Я буду имѣть случай говорить о немъ нѣсколь-ко разъ.

или Казань или городъ Мещерскій (Касимовъ), или Андреевъ городокъ каменной⁶⁹). Чиновники Велико-

⁶⁹) Андреевъ городокъ въ Мещерѣ. *Род. II*, 239: Въ лѣто 6706 (1198?) Князь Ширинской Бахметъ Усеиновъ сынъ, пришелъ изъ большіе Орды въ Мещеру, и Мещеру воевалъ, и засѣлъ, и въ Мещерѣ родился у него сынъ Беклемишъ. И крестился Беклемишъ, а во крещеніи имя ему Князь Михайло, и въ Андреевъ городокъ поставилъ храмъ Преображенія Господа нашего Иисуса Христа, и съ собою крестилъ многихъ людей.

княжескіе отвѣчали ему, что Казанскій Царь, Магметъ-Аминь, сдѣлался уже другомъ Василию, а городокъ Мещерскій и Андреевъ пожалованы Янаю Царевичу. Акдевлета отпустили съ дарами, но безъ писемъ».

И такъ въ 1508 г. Мещерскимъ городкомъ владѣлъ уже не Сатылганъ, а новый царевичъ — Янай. Подтвержденіе этому факту находимъ и въ шертной грамотѣ, данной, 29 декабря того же 1508 г., великому князю Василию бывшимъ царемъ Казанскимъ, Абд-ул-латифомъ. Царь этотъ, захваченный

Русскими въ 1502 г. (см. выше, стр. 191) и содержавшійся съ тѣхъ поръ въ заточеніи, получилъ въ это время, по ходатайству Крымскаго хана Менгли-гирея и матери своей Нуръ-султаны (см. *Сб. юс. пр.* II, № 26, стр. 30, 31 и V, № 55, стр. 38), свободу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и городъ Юрьевъ. Въ шертной грамотѣ 29 декабря, данной именно по случаю пожалованія Абд-ул-латифу Юрьева, значитсѣ, между прочимъ, слѣдующее (*Сб. юс. пр.* II, № 27, стр. 33): «А что ъ васъ Янаи Црѣвъчъ в городкѣ в Мещерскомъ и Шихъ Авлиаръ Црѣвъчъ в Сѣрѣжикѣ (см. о царевичѣ Шихъ Авлиарѣ ниже, статью: «Шейхъ-Ауліяръ»), или инои Црѣ, или Црѣвъчъ будетъ ъ васъ в вашей земли, и мнѣ, Абды Летиеѣ Црю, имъ лиха никакова не мыслити, ни чинити, ни моимъ Уланомъ, ни Кйсемъ, ни казакомъ (т. е. простымъ Татарамъ, см. выше, пр. 34, стр. 74) нашимъ всѣмъ; а ѣ нихъ мнѣ ихъ Улановъ и Кйсей и казаковъ всѣхъ не принимать, хотя которые Уланы и Кйси и казаки ѣ нихъ ѣстанѣтъ, поидѣтъ в ордѣ и в Казань, или инѣда, а захотятъ ко мнѣ, и мнѣ ихъ и ѣтоле к себѣ не примати: а Іданаю Црѣвъчю и Шихъ Авлиарѣ Црѣвъчю мнѣ, Абдылѣ Летиеѣ Црю, лиха не мыслити, ни чинити никакова, ни моимъ Уланомъ, ни Кйсемъ, ни казакомъ всѣмъ; а ѣ меня имъ к себѣ моихъ Улановъ и Кйсей и казаковъ всѣхъ не примати, хотя которые Уланы и Кйси и казаки ѣ меня ѣстанѣтъ, поидѣтъ в ордѣ и в Казань, или инѣда, а захотятъ к нимъ, и имъ ихъ ѣтоле к себѣ не примать. А гдѣ поидемъ на ваше

дѣла съ вами вмѣстѣ, или съ вашею братьею, или опрочѣ вастъ, или Улановъ и Кйзен и казаковъ своихъ Опустимъ, или казаки иѣи кѣды поидѣтъ на поле, ино промежъ насъ и промежъ иѣихъ Улановъ и Кйзен и казаковъ не быти лихъ никому нигдѣ⁷⁰⁾.

⁷⁰⁾ Приведенная мною выписка любопытна не только какъ подтвержденіе того факта, что въ 1508 г. въ Мещерскомъ городѣ сидѣлъ Янай, но еще и потому, что по ней, мы можемъ, хотя и приблизительно, судить объ отношеніяхъ, существовавшихъ тогда между царями и царевичами Татарскими, жившими въ Россіи. Другаго полнѣйшаго источника для изученія этого предмета не имѣемъ. Не менѣе любопытна и остальная часть шертной грамоты Абд-ул-латифа; въ ней опредѣлялись отношенія его къ великому князю; состояли онѣ въ слѣдующемъ: 1) служить вѣрно, и не ссылаться съ неприятелими великаго князя; 2) самому царю, огланамъ его, князьямъ и простымъ Татарамъ, проходя по Московскимъ землямъ, не грабить и надъ христіанами насилія не дѣлать, а если кто изъ Татаръ Абд-ул-латифовыхъ это сдѣластъ, того выдать; убьютъ Татарина на мѣстѣ преступленія — вины нѣтъ; 3) послать, отправляемымъ Абд-ул-латифомъ къ великому князю и къ его дѣтямъ, при проѣздѣ изъ Юрьева въ Москву и обратно, ѣздить по ямамъ и получать кормъ по числу людей и лошадей; остальнымъ же людямъ Абд-ул-латифовымъ, ѣдущимъ по торговымъ или по своимъ другимъ частнымъ дѣламъ, кормъ покупать; если же кто изъ

Татаръ — посолъ ли то будетъ, или нѣтъ — вѣдываетъ брать силою кортъ и его убьютъ на мѣстѣ, то вины въ томъ нѣтъ; 4) пословъ и купцовъ Московскихъ и продолжавшихъ изъ разныхъ Ордъ, не грабить и не задерживать, а также бѣглыхъ изъ Ордъ плѣнныхъ Русскихъ, которыми случится попасть къ Абд-ул-латифовымъ Татарамъ, не обижать и отпускать безпрепятственно; 5) не принимать къ себѣ отъ великаго князя Татаръ, а равнымъ образомъ и великому князю не принимать отъ Абд ул-латифа людей, за исключеніемъ лицъ, принадлежащихъ къ родамъ: Ширинъ, Барынъ, Аргынъ и Кипчакъ — «также ни ѿ васъ Татаръ не примати, и вамъ ѿ меня людемъ непримати, опричь Ширинова родѣ и Баарынова и Аргинова и Кипчакова» (на это слѣдуетъ смотрѣть, какъ на право свободного отъѣзда, которымъ особы, происходившія изъ четырехъ поименованныхъ сильныхъ родовъ, должны были пользоваться, одни, для отличія отъ другихъ лицъ менѣе знатнаго происхожденія); 7) съ Казанью безъ вѣдома великаго князя не воевать; 8) довольствоваться Юрьевымъ, не выѣзжать изъ Московскаго государства, и быть послушнымъ великому князю. — Нѣтъ сомнѣнія, что если не все, то, по крайней мѣрѣ, многія изъ обязанностей, перечисленныхъ въ шертной грамотѣ Абд-ул-латифа, лежали и на другихъ служившихъ царяхъ и царевичахъ Татарскихъ, сидѣвшихъ объ эту пору по городамъ Московскаго государства, а въ томъ числѣ и на владѣльцахъ Мещерскаго городка. Отношенія всѣхъ этихъ лицъ къ великому князю такъ мало извѣстны, что нельзя не

пожалѣть, что до насъ не дошло болѣе шерстныхъ грамотъ въ родѣ Абд-ул-латифовой; въ особенности же, въ виду изслѣдуемаго мною предмета, жаль, что не сохранилось шерстныхъ грамотъ Городецкихъ царей и царицъ.

Царевичъ Янай, упоминаемый въ выпискѣ изъ Дѣлъ Ногайскихъ, сообщаемой Карамзинымъ, и въ шертной грамотѣ Абд-ул-латифа, безъ малѣйшаго сомнѣнія — тотъ самый сынъ Нуръ-даулетовъ и братъ Сатылгановъ, Джанай, о которомъ мы уже имѣли случай говорить нѣсколько разъ.

Когда Джанай получилъ Мещерскій городокъ — не знаемъ; во всякомъ случаѣ назначеніе его должно было послѣдовать въ короткій промежутокъ времени между 1508 г. и лѣтомъ 1506 г., когда въ послѣдній разъ упоминается о Сатылганѣ (см. выше, стр. 199). Даже и то быть можетъ, что уже въ концѣ 1506 г. Сатылгана не было въ живыхъ, и Джанай владѣлъ Мещерскимъ городкомъ. Предполагать это мы въ правѣ на томъ основаніи, что въ разрядахъ конца 1506 г. значится одинъ Джанай безъ брата, именно: съ начала, въ октябрѣ, ему велѣно было идти «по Казанскимъ вестямъ» въ Муромъ, и стать во главѣ сбиравшагося тамъ отряда, а потомъ, ему предписано было, когда подоспѣютъ новыя войска и выступятъ въ походъ, находиться «у передового полку на правѣ» ⁷¹⁾. Конечно и въ апрѣлѣ того же 1506 года

71) *Башм. разр. тм.*: Лѣта 7045 году, октября въ 16 день, по Казанскимъ вестямъ, велелъ князь великнй Василей Ивановичъ всеа Росні быти въ Муроме Янаю царевичю, и велелъ ему розрядити полки. Въ болшомъ полку: Янай царевичъ, да Семенъ Ивановичъ Воронцовъ. Въ передовомъ полку: князь Петръ Лобанъ Семеновичъ Ряполовской. Въ правой рукѣ: князь Василей Ивановичъ Стригинъ Шихъ Оболенской. Въ лѣвой рукѣ: Михайло Юрьевичъ Захарьинъ. На Плесе были воеводы: Иванъ Васильевичъ Жулебинъ, да князь Юрья Ивановичъ Дѣвѣ. Тогожь лѣта, по Казанскимъ же вестямъ, послалъ князь великнй въ Муромъ князя Данила Васильевича Щеня, да Юрья Костянтиновича Сабурова, а на Плесо послалъ князь великнй князя (Михайла) Ивановича Булгакова Колышку, а ко князю Михайлу послалъ князя Юрья Пронского, а того не написано, воеводою ли или въ дѣтѣхъ боярскихъ, а скорменей (?) посланы къ немужь князь Андрей Меншой Гундоровъ да князь Иванъ Осиповской. А съ Ярославля посланъ къ нему Григорей Стерлянъ Вельяминовъ. А только воеводы сойдутца Казанского для дѣла, и князь великнй велелъ имъ быти по полкомъ. Въ болшомъ полку: князю Данилу Васильевичю Щеняти. Въ передовомъ полку: Семену Ивановичю Воронцову; а царевичю Янаю быти у передового полку на праве. Въ правой рукѣ: князю Михайлу Ивановичю Булгакову, да Андрѣю Сабурову. Въ лѣвой рукѣ: князю Ивану Ивановичю Стриге Оболенскому. Въ сторожевомъ полку: Юрью Костянтиновичю Сабурову; а Юрья Сабуровъ былъ челомъ го-

сударю на Семена Воронцова, что Семенъ кабы ево почетнея; и государь Юрья Сабурова пожаловазъ, учинилъ ихъ съ Семеномъ мѣстниками по счету. А въ Новгородѣ въ Нижнемъ, послѣ князя Дмитрея Ивановича остатися князю Василью Даниловичю Холмскому, да Григорью Ѳедоровичю, да князю Василью Ноздроватому, да князю Осипу Андрѣевичю Дорогобужскому, да Юрью Сабурову.—Ср. помѣщенную у *Кар.* въ пр. 13 къ Т. VII, выписку изъ Разрядн. кн., гдѣ сказано: «Того же лѣта по Казавскимъ вѣстямъ послазъ К. В. въ Муромъ К. Данила Васильев. да Юрья Констант. Сабурова, а на Плесо К. Михайла Голицу Ивановича Булгакова... Розрядъ: въ большомъ полку Бояр. и Воев. К. Данило Васильев. Щеня... а Царевичу Енаю (или Зеденаю) быти у передоваго полку на правѣ».

(см. выше, стр. 198 — 204), Джанай ходилъ въ походъ одинъ, между тѣмъ какъ братъ его, настоящій владѣлецъ городка Мещерскаго, оставался дома, но забывать не слѣдуетъ того, что послѣ лѣта 1506 г. о Сатылганѣ положительно нигдѣ не говорится нислова.

Исторія Городецкихъ Татаръ и жизнь самаго Джаная за все время управленія его Мещерскимъ городкомъ, весьма мало извѣстны. Подъ конецъ войны Василія съ Сигизмундомъ, въ августѣ 1508 г., часть Городецкихъ Татаръ, имѣя въ головахъ у себя Мухаммедъ-Амина, сына Карачукъ - миргена, ходила подъ главнымъ начальствомъ воеводы князя Василія Даниловича Несвицкаго, съ Галичанами и

Костромичами, провожать въ обратный путь знаменитаго измѣнника Литовскаго князя Михаила Глинскаго, который самъ прїѣзжалъ на нѣсколько дней въ Москву, и, между прочимъ, выпросилъ у великаго князя войско для обереженія городовъ Мозыря и Турова. Около этого же времени Джанай съ другою частью Городецкихъ Татаръ, былъ посыланъ, вмѣстѣ съ княземъ Василіемъ Ивановичемъ Оболенскимъ, на подкрѣпленіе князю Данилу Васильевичу Щени, который получилъ приказаніе идти изъ Вязьмы къ Торопцу, чтобы выгнать появившійся тамъ Литовскій отрядъ ⁷³⁾.

⁷³⁾ *Башм. разр. кн.*: А князь Михайло Лвовичъ Немець Глинской, отъѣхавъ отъ воеводъ съ рубежа, прїѣхалъ къ великому князю, на подводахъ, въ четвергъ, передъ Оспожинымъ днемъ, августа въ 10 день. А воеводы съ нимъ прислали къ великому князю Ѳедца Яропкина. Да того дни у великаго князя князь Михайло Немець ѣлъ со всѣми прїатели, и пировалъ съ нимъ князь великїи, и дары ему и ево прїателевъ на пиру были; а въ приставехъ у него здѣсь былъ Ѳедецъ же Яропкинъ. И былъ у великаго князя князь Михайло Немець Глинской 10 дней, а во 11 день, августа въ 20 день, въ неделю, князь великїи ево отпустилъ; и билъ челомъ великому князю князь Михайло Немець Глинской, и просилъ людей въ свои города въ Мозырь и въ Туровъ. И князь великїи послалъ со княземъ Михайломъ воеводу своего князя Василья Да-

ниловича Несвицкого, и людей послалъ съ Несвицкимъ выборомъ Галичанъ, Костромичъ, да Татаръ Городецкихъ, а въ головахъ съ ними посланъ Магметъ Аминъ Карачюковъ сынъ Мигриновъ. (По моему мнѣнію, ния это слѣдуетъ читать по Татарски: Мухаммедъ - Аминъ сынъ Карачукъ-миргена — محمد امين قراجوق ميرگن اوغلي. Слово миргенъ — ميرگان, ميرکن — существуетъ и въ языкахъ Монгольскомъ и Манджурскомъ [см. также Heldensagen der Minussinschen Tataren, rhytmisch bearbeitet von Anton Schiefner. St. Petersburg. 1859. Einleitung, стр. XXX, XXXI]. Первоначальное значеніе его было, какъ думать должно: стрѣлокъ. Теперь ни Казанскіе, ни Симбирскіе Татары слова этого не употребляютъ, но существуетъ у нихъ слово: *мере* — مره [Монг. *мериэ*] — цѣль; говорить, наприимѣръ: مره کا آتق — стрѣлять въ цѣль [مره — употребляется и въ дѣтскихъ играхъ]. Наиболее въ ходу, въ настоящее время, слово: ميرکن — миргенъ, въ Средней Азіи, у Киргизъ-Кайсаковъ и въ Сибири. Значить оно: стрѣлокъ, охотникъ. Въ Средней Азіи имѣется даже особый родъ войска: ружейные стрѣлки, которыхъ зовутъ миргенами; такъ въ прошломъ столѣтіи въ Хивѣ находился отрядъ вооруженныхъ ружьями стрѣльцовъ, миргеновъ; см. мои «Историческія извѣстія о Киргизъ-Кайсакахъ. Т. I. Приложенія. Уфа. 1853. Подлинное донесеніе изъ Хивы переводчика Гуляева и канцеляриста Чучалова, отъ 9 марта 1754 г.», стр. 43, гдѣ сказано: «А на передъ приказалъ итти съ ружьями предписаннымъ у насъ на караулѣ стоящимъ девяти человѣкамъ *Мергенамъ*... и ввелъ въ передній

загъ, въ коемъ по обѣимъ сторонамъ поставлено было съ ружьями *Миргенъ* человекъ съ двѣсти»; см. также «О нѣкоторыхъ событіяхъ въ Бухарѣ, Хокандѣ и Кашгарѣ. Записки Мирзы-Шейса Бухари, изданныя въ текстѣ, съ переводомъ и примѣчаніями В. В. Григорьевымъ. Казань. 1861 [перепечатано изъ I-й книжки Ученыхъ Записокъ Императорскаго Казанскаго Университета], стр. 35 текста, стр. 37 перевода, пр. 88 на стр. 104, и стр. 124. Подъ словомъ же: *میرکن*—миргенъ понимаютъ человека умнаго, изворотливаго и храбраго. Въ послѣднемъ случаѣ, оно отчасти совпадаетъ въ значеніи съ извѣстнымъ словомъ: *بہادر* — бегалуръ, батырь. Точно также какъ и слово батырь, слово миргенъ иногда дается къ имени какого либо лица, и составляетъ какъ бы почетное его прозвище. Примѣры этому встрѣчаются довольно часто у Киргизъ-Кайсаковъ; см. также А. Schiefner, op. sup. laudat. Einleitung, стр. XXXI). И къ великому князю писали изъ Торопца князь Василей князь Юрьевъ сынъ Ростовской, что къ Торопцу пришли люди Литовскіе, да и къ целованью приводятъ Торопчанъ за короля. И князь великій князю Данилу Васильевичю съ Новгородскою ратью велелъ итти изъ Вязьмы къ Торопцу, и отпустилъ князь великій царевича Дзеназъ зъ Городецкими Татарами, а съ нимъ послалъ князь Василья Ивановича Шиху Оболенскаго; а Якову со всѣми людьми велено быть въ Вязьме; да по Торопецкимъ же вестямъ изъ Великого Новгорода велено итти къ Лукашъ Григорью Оедоровичю Давыдову.

Кромѣ этихъ двухъ данныхъ, не знаемъ ничего, что бы можно было присовокупить къ тѣмъ отрывочнымъ извѣстіямъ, которыя мы сообщили о Джанаѣ въ началѣ статьи нашей.

Годъ смерти царевича неизвѣстенъ; съ нѣкоторою увѣренностью можно сказать, впрочемъ, что власть его надъ Мещерскимъ городкомъ прекратилась до 1512 года, и что мѣсто его заступилъ тамъ царевичъ Шейхъ-Ауліяръ ⁷³⁾.

⁷³⁾ Имя Шейхъ-Ауліара, какъ увидимъ, писалось весьма различно. Надгробные памятники, уцѣлѣвшіе въ Касимовѣ, свидѣтельствуютъ, что царевичъ звался: Шейхъ-Ауліяръ — شیخ اولیار.

VI.

Шейхъ-Ауліяръ (شیخ اولیار).

Въ *Башм. разр. кн.* при описаніи похода великаго князя Василія подъ Смоленскъ, предпринимаго 19 декабря 1512 г., читаемъ, что когда государь прибылъ въ Можайскъ, то къ нему присоединился царевичъ Шейхъ-Ауліяръ «зъ Городецкими Татари»⁷⁴).

⁷⁴) *Башм. разр. кн.* : Лѣта 7021 году, ноября въ день, походъ великаго князя Василія Ивановича всеа Росіи къ Смоленску. А напередъ себя послалъ князь великий воеводъ съ людьми къ Смоленску. Въ большомъ полку: бояринъ и воевода князь Иванъ Михайловичъ Оболенской Репня, да конюшей и воевода Иванъ Андрѣевичъ Челядинъ. Въ передовомъ полку: воевода князь Андрей Васильевичъ Оболенской, да другой воевода Федоръ Никитичъ Бутурлинъ. Въ правой рукѣ: князь Иванъ Андрѣевичъ Лугвица Микулинской, да другой воевода Федоръ Клементьевичъ Протасевъ.

Въ лѣвой рукѣ: воевода князь Никита Васильевичъ Оболенской, другой воевода Иванъ Никитичъ Бутурлинъ. Въ сторожевомъ полку: воевода Михайло Юрьинъ сынъ Захарыина, да другой воевода Иванъ Васильевъ сынъ Сабакинъ. Да съ темижъ воеводами итти вмѣстѣ за Смоленскъ, да отъ нихъ итти воевать отъ Друцка и отъ Орши, по великого князя наказу, къ Бряславлю и къ Дрисвату, Ѳедору Юрьевичу Щуке Кутузову, да Михайлу Семеновичу Воронцову, да Андрѣю Никитину сыну Бутурлину. А ся роспись воеводамъ и людямъ по полкомъ съ Лукъ великихъ къ Бряславлюжъ. Въ болшомъ полку: воевода князь Василей Семеновичъ Одоевской Швихъ. Въ передовомъ полку: воевода князь Семень Ѳедоровичъ Курбской. Въ правой рукѣ: князь Данило Бохтеаръ, да съ нимъ Иванъ Мисиновъ. Въ лѣвой рукѣ: князь Петръ Ивановичъ Елецкой, да Андрѣй Семеновъ сынъ Кутузовъ. Въ сторожевомъ полку: Иванъ Андрѣевъ сынъ Колычовъ. А изъ Новгорода Великого велелъ князь великні итти въ Холмской городокъ воеводамъ по полкомъ. Въ болшомъ полку: воевода князь Василей Васильевичъ Шуйской. Въ передовомъ полку: князь Борисъ Тебеть Улановъ. Въ правой рукѣ: Иванъ Григорьевичъ Морозовъ. Въ лѣвой рукѣ: Василей Григорьевичъ Морозовъ. Въ сторожевомъ полку: князь Иванъ Буйнось княжъ Александровъ сынъ Ростовской. Тогожъ году, декабря въ 19 день, князь великні Василей Ивановичъ всеа Росні, слушаѣъ обѣди у Пречистые Богородицы, вышелъ съ Москвы на Литовскую землю къ городу Смоленску

ратю, а съ нимъ съ Москвы вмѣстѣ выѣхалъ братъ его князь Дмитрей Ивановичъ, да зять государевъ Петръ царевичъ. А бояръ и воеводъ съ великимъ княземъ съ Москвы: князь Данило Васильевичъ Щеня, князь Александра Володимировичъ Ростовской, Григорей Феодоровичъ. А князь Иванъ Михайловичъ Воротынской да Петръ Житовъ пріѣхали къ великому князю въ Можаяскъ. Околичихъ съ Москвы съ великимъ княземъ: Костантинъ Григорьевичъ Заболоцкой, Андрѣй Васильевичъ Сабуровъ, Петръ Яковлевичъ. Дворецкой: Василей Андрѣевичъ. Оружничей: Андрѣй Михайловичъ Салтыковъ. А съ казною: Петръ Ивановичъ Головинъ. А съ постелею: Яковъ Мансуровъ, да Федець Кучецкой. Ловчей: Михайло Ивановичъ Нагой, да Михайло Васильевъ сынъ Дятловъ. Бараши: Алешка да Борисъ Хомяковы. А братъ великого князя, князь Юръя Ивановичъ, да князь Феодоръ Борисовичъ, съ своими людьми, да царевичъ Шиговлеярь зъ Городецкими Татари, пришли къ великому князю въ Можаяскъ. Съ великимъ же княземъ къ Смоленску дьяки: Елизаръ Цыплятевъ, Суморокъ Путятинъ, Андрѣй да Некрастъ Харламовы, Иванъ Переславецъ, Василей Аргамаковъ, Василей Жукъ. Дворцовые: Худакъ Григорьевъ сынъ Борадатаго, да Васюкъ Александровъ. Какъ пришлоъ князь великий въ Можаяскъ, и изъ Можайска пришлоъ князь великий къ Смоленску по полкомъ. Въ болшомъ полку съ великимъ княземъ: зять его Петръ царевичъ Обрешковъ, да бояринъ и воевода князь Данило Васильевичъ Щеня; да въ болшомъ же полку: князь Михайло

Львовичъ Глинской, да Мосальскіе князи, князь Дмитрей да князь Семень Ивановичи. Въ правой рукѣ: братъ великого князя, князь Юрья Ивановичъ Дмитровской, а съ нимъ великого князя воеводы: князь Александра Володимировичъ Ростовской, да князь Петръ Семеновичъ Лобанъ Ряполовской. Въ передовомъ полку: князь Василей Семеновичъ Стародубской, да бояринъ и воевода князь Василей Васильевичъ Шуйской, да князь Иванъ Михайловичъ Воротынской, да Петръ Яковлевичъ Захарьинъ. Въ сторожевомъ полку: князь Ѳедоръ Борисовичъ Волоцкой, а съ нимъ великого князя воеводы: князь Михайло Ивановичъ Голица Булгаковъ, да Петръ Ивановичъ Житовъ, да князь Костяптинъ Ѳедоровичъ Ушатой. Въ лѣвой рукѣ: братъ великого князя, князь Дмитрей Ивановичъ, да великого князя воеводы: Григорей Ѳедоровичъ Челяднинъ Давыдовъ, да князь Иванъ Ѳедоровичъ Ляпунъ Ушатой. А во дворовыхъ воеводахъ: дворецкой Василей Андрѣевичъ Челяднинъ, да оружничей Андрѣй Михайловичъ Солтыковъ.—Приведенную мною выписку изъ *Башм. разр.* можно сличить съ тою выпискою изъ Разрядн. кн., которая помѣщена Карамзинымъ въ пр. 94 къ Т. VII его Исторіи государства Россійскаго. Выписка Карамзина разнится нѣсколько отъ моей, и не такъ полна; про Шейхъ-Ауліяра сказано просто, что онъ находился при особѣ великаго князя: «А съ нимъ (великимъ княземъ) братья его, К. Юрьи, да К. Дмитрей Ивановичи, да К. Ѳедоръ Борисовъ, да Петръ Царевичъ, да Царевичъ Шигъ-Авлярь».

Какъ объяснить эти слова *Баим. разр. кн.*? Начальствовалъ ли царевичъ Шейхъ - Ауліяръ надъ Городецкими Татарами въ 1512 г. случайно, или предводительствовалъ ими по своей прямой обязанности, какъ владѣлецъ городка Мещерскаго?

Вопросъ разрѣшается слѣдующимъ образомъ. Въ Актахъ, собранныхъ Археографическою экспедиціею, въ т. I, подъ № 289, напечатана Опись Царскаго архива 1575 — 1584 г., и въ ней, между прочимъ (на стр. 336), читаемъ: «Ящикъ 16. А въ немъ грамоты шертные Городецкіе, Нордоулатова царева и Салтангаева и Зенаева и Шихъавліярова, и сейтевъ и князей Городецкихъ, а всѣхъ грамотъ 9». Строки эти важны; въ нихъ: *во первыхъ*, Шейхъ-Ауліяръ поименованъ на ряду съ другими владѣльцами Городецкими; значить и самъ онъ былъ такимъ же точно владѣльцемъ, какими были и они; *во вторыхъ*, при перечисленіи владѣльцевъ, если судить по именамъ первыхъ трехъ изъ нихъ: Нуръ-даулета (Нордоулата), Сатылгана (Салтангая; въ той же Описи архива, въ другомъ мѣстѣ, на стр. 337, Сатылганъ названъ еще Саталганомъ: «Да другой ящикъ 22 же. А въ немъ списки Саталгановы царевичевы»), и Джаная (Зеная), соблюденъ тотъ самый порядокъ, въ которомъ они слѣдовали одинъ за другимъ; значить Шейхъ-Ауліяръ занялъ мѣсто Джаная, и былъ первымъ послѣ него владѣльцемъ Городецкимъ. Мы знаемъ положительно съ одной стороны, что въ 1516 г. Мещерскимъ городкомъ правилъ сынъ Шейхъ-

Ауліяра, Шахъ-Али (см. ниже, статью «Шахъ-Али»), а съ другой, что еще въ 1508 г. сидѣлъ тамъ Джанай; слѣдовательно Шейхъ-Ауліяръ, преемникъ Джанаевъ, могъ править городкомъ только въ промежутокъ времени между 1508 и 1516 г. Годъ 1512, въ которомъ Шейхъ-Ауліяръ водилъ Городецкихъ Татаръ въ походъ, такъ близко совпадаетъ съ означенною эпохою, что выраженіе «зъ Городецкими Татары», употребленное въ *Баши. разр. кн.*, иначе и понимать трудно, какъ въ томъ именно смыслѣ, что царевичъ предводительствовалъ Татарами не случайно, а въ качествѣ ихъ прямаго начальника.

Кто же былъ этотъ Шейхъ-Ауліяръ; откуда родомъ; какъ и когда явился въ Россіи; и что дѣлалъ у насъ до 1512 года?

Постараемся, по мѣрѣ возможности, отвѣтить на эти вопросы. Начнемъ съ первыхъ трехъ.

Русскіе лѣтописцы утверждаютъ, что Шейхъ-Ауліяръ былъ сыномъ Бахтіяръ-султана (بختیار سلطان). По ихъ увѣренію, онъ и другой царевичъ, Юсуфъ-султанъ (یوسف سلطان), сынъ Якубъ - султана (یعقوب سلطان), оба племянники Ахмеда, хана Золотой Орды, выѣхали служить къ великому князю изъ Астрахани въ 1502 году⁷⁵). Указанное лѣтописцами родопрое-

⁷⁵) *Жар.* пр. 629 къ Т. VI: Г. 1502... Приидоша къ Вел. Князю служить два Царевича изъ Астрахани, Исупъ Салтанъ, Ягупъ Салтановъ сынъ, да Шигауліаръ Салтанъ, Бахтѣаръ Салтановъ сынъ, братаничи

Ахмата Царя Большія Орды. *Врм.* II, 197: Тогоже лѣта (7010) придоша къ великому князю изъ Асторокани служить два царевича, Исупъ Салтанъ Ягупъ Салтановъ сынъ, да Шигавріаръ Салтанъ, Бахтеръ Салтановъ сынъ, братаничи Ахмата царя болшія Орды. *Соф.* 1 *лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 48: Того же лѣта (7010) приходиша къ великому князю служить два царевича изъ Хазторокани, Исупъ салтанъ, Ягубъ салтановъ сынъ, да Шигавліамъ салтанъ, Бахтіаръ салтановъ сынъ, Ахматовы царевы братаничи, Болшія орды. *Ник.* VI, 168: Тогожъ лѣта (7010) придоша к великому князю служить два царевича изъ Астрахани, Исубъ салтанъ Егубъ салтановъ сынъ, да Шигавліамъ салтанъ Бахтиаръ салтановъ сынъ, ахматовы царевы братаничи болшія Орды. *Соф.* 2 *лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 244: Того же лѣта (7010) придоша къ великому князю служить два царевича изъ Хазтарокани, Исупъ салтанъ, Въягубъ салтановъ сынъ, да Шигаванамъ салтанъ, Бахтіаръ салтановъ сынъ, Ахматовы царевы братаничи Болшія орды (*Сер.* II, 270). *Лв.* III, 275: Тогожъ лѣта (7018) приходили къ Великому Князю служить два царевича изъ Астаракани Исупъ Салтанъ, Ягупа Салтана сынъ, да Шигаванамъ Салтанъ Бахтіара Салтана сынъ, Ахматовы царевы братаничи болшія Орды. *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 242, 243: Того же лѣта (7010) приходиша къ великому князю служить два царевича изъ Хазторокани, Исупъ Салтанъ Бахтіаръ Салтановъ сынъ, Ахматовы царевы братаничи Болшія орды. *Лѣт. Норм.* 14: Того жъ лѣта (7010) приходили къ

Великому Князю служить два Царевича из Амстарокани: Исупъ Салтанъ Бахтеяровъ Салтановъ сынъ Ахматовы Царевы братаничи Болшіе Орды. Ст. II, 165: Къ Великому Князю два Царевича служити приидоша изъ Астрахани, Исупъ и Бахтіяръ, Ахматовы Царевы братаничи большія Орды.

хождение Шейхъ - Ауліяра должно быть вѣрно. У Ахмеда, хана Золотой Орды, сына Кичи - Мухаммеда (см. выше, пр. 49, стр. 112), были дѣйствительно братья: Якубъ и Бахтіяръ. Ссылаюсь на *Сб. лѣт.*

стр. 159, гдѣ прямо сказано: اما کچیک محمد خان نینگ
اوغلان لاری بو ترور محمود خان احمد خان یعقوب سلطان
بختیار سلطان т. е. А Кучукъ - Мухаммедовы дѣти: Махмудъ - ханъ ⁷⁶⁾, Ахмедъ - ханъ, Якубъ - султанъ, Бахтіяръ - султанъ».

⁷⁶⁾ Отъ этого Махмудъ - хана дошли до насъ монеты. На нихъ, на лицевой сторонѣ, значится: Махмудъ-ханъ, сынъ Мухаммедъ - хана, сына Тимуръ - хана — محمود خان بن محمد خان بن تیمور خان, или: Государь правосудный, Махмудъ, сынъ Мухаммеда, сына Тимура — السلطان العادل محمود بن محمد بن تیمور; монеты эти биты въ Астрахани и въ другихъ мѣстахъ (*Fraehnii Recensio Numorum Muhammedanorum Academiae Imp. Scient. Petropolitanae. Petropoli. MDCCCXXVI, стр. 393 и 394*). Кичи-Мухаммедъ былъ, какъ извѣстно, сынъ Тимура (см. выше, пр. 49, стр. 112).

Въ Родословной книгѣ, изданной по *Сим.* списку во Временникѣ Императорскаго Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ (Кн. 10. Матеріалы, стр. 127), въ началѣ особой статьи подъ заглавіемъ: *Родъ Царей болшиѣ Орды*, происхожденіе Шейхъ-Ауліяра выведено иначе, чѣмъ въ лѣтописяхъ, именно слѣдующимъ образомъ: «Царь Чингисъ, а у Царя Чингиса дѣти: первой Ючи Царь, другой Чагадай Царь, третей Угудей Царь, четвертой Тулей Царь. А у Ючи Царя дѣти: Берканъ Царь, да Итоктя Царь, Итоктинъ сынъ Изебякъ Царь, Изебяковъ сынъ Язебенеханъ Царь, Язебенехановъ сынъ Жалебекъ Царь, третій Чисарей Санъ Царь, четвертой Иземъ Царь, пятой Туатемиръ Царь, шестой Баштемиръ Царь. А у Чисарей Сано-ва сына у Туатемира 6 сыновъ: первый сынъ Тогозя Уланъ, Тогозиновъ сынъ Улановъ Тахтамышъ Царь, Тогозиновъ братъ Тахтамышовъ дядя, Темиръ Бекъ Уланъ, Темиръ Бекъ Улановъ сынъ Темиръ-Кутлуй Царь. А Темиркутлуевы дѣти: первой сынъ Ахметъ Царь, другой сынъ Махмутъ Царь Седиахматъ; у Седиахмата дѣти: Хозякъ Салтанъ, а у Хозякъ Салтана Якубъ Салтанъ, а у Якубъ Салтана Нашиговлеяръ Салтанъ, а у Нашиговлеяра сынъ Царь Шигалей» ⁷⁷⁾).

⁷⁷⁾ Имя «Шигалей» прямо указываетъ на то, что подъ «Нашиговлеяромъ» надобно понимать Шейхъ-Ауліяра, а не кого либо другаго: у Шейхъ-Ауліяра былъ дѣйствительно

сынъ, по имени Шигалей (Шахъ-Али; см. ниже, статью «Шахъ-Али»). Лишній слогъ *на* въ началѣ имени «Нашиговлеяръ», вѣроятно, составляетъ простое повтореніе слога *на*, которымъ оканчивается предъидущее слово «Салтана».

Оцѣнить достоинство этой родословной иначе нельзя, какъ разобравъ ее подробно, съ начала до конца, отъ перваго упоминаемаго въ ней лица до послѣдняго; тогда окажется тотчасъ, что сказанному въ ней о происхожденіи Шейхъ-Ауліяра довѣрять нельзя. Приступимъ къ разбору.

Царь Чингисъ, очевидно — знаменитый Чингизъ-ханъ (جنکیز خان); нечего и говорить, что *Ючи*, *Чагадай*, *Угудей* и *Тулей* — тѣ самые сыновья Чингиза, которыхъ мусульманскіе писатели зовутъ: Джучи (جوچی), Джагатай (جغتای), Оготай (اوکدای), и Тули (تولی). Джучи, какъ извѣстно, имѣлъ многихъ сыновей, и въ томъ числѣ одного, по имени: Берке (برکه), хана Золотой Орды, умершаго въ 1266 г. (Савельевъ. Монеты Джучидовъ, Джагатайдовъ, Джелаиридовъ, и другія. Вып. II, Спб. 1858, стр. 283). Онъ первый изъ государей Улуса Джучіева принялъ мусульманство. Этотъ Берке или Беркай, которому Ибнъ-Арабшахъ и Дженнаби приписываютъ неправильно основаніе города Сарая (В. В. Григорьевъ. О мѣстоположеніи столицы Золотой Орды, Сарая. Спб. 1845, изъ Журн. Мин. внутр. дѣлъ, стр. 4—12; см. также Defrémery. Fragments de géographes et d'his-

toriens arabes et persans inédits, relatifs aux anciens peuples du Caucase et de la Russie méridionale. Paris. MDCCCXLIX, extrait № 10 de l'année 1849 du Journal Asiatique, стр. 205) и былъ, безъ малѣйшаго сомнѣнія, *Берканъ Царь*, значущійся въ *Син. сп.*

Въ именахъ: *Итокта* и *Изеблякъ* нельзя не узнать именъ хановъ Золотой Орды: Токту или Токта (توقتا), 1291 — 1313, и Узбекъ (اوزبك), 1313 — 1342 (Савельевъ. Монеты Джучидовъ и пр. Вып. II, стр. 189 — 192 и 288 — 290, и Вып. I, стр. 17 и 18). Но дѣло въ томъ, что ни Токту не былъ сыномъ Джучія, ни Узбекъ — сыномъ Токты. Первый изъ нихъ былъ сынъ хана Менгу-Тимура, сына Тутукана (Тугана) и внука Батыя, сына Джучіева; а второй имѣлъ отцемъ Тогрыла (Тогрыдже), сына Менгу-Тимурова, и слѣдовательно былъ племянникомъ Токты (Hammer. Geschichte der Goldenen Horde, стр. 248, 249 и 281, 282; Defrémery. Fragments de géographes et d'historiens, стр. 217, 218).

Изебляковъ сынъ Язебенехана, очевидно, никто другой, какъ Джанибекъ-ханъ (جانی بک خان) царствовавшій въ Золотой Ордѣ съ 1341 по 1357 г. (Савельевъ. Монеты Джучидовъ и пр. Вып. I, стр. 19—21), котораго и Русскіе лѣтописцы и восточные писатели называютъ сыномъ Узбека. *Жалебекъ Царь*, по всей вѣроятности, описка; читать слѣдуетъ или *Бердыбекъ Царь* (Бердыбекъ-ханъ, сынъ Джанибека, правилъ Золотой Ордой около трехъ лѣтъ, съ 1357 по 1359 г.; см. Савельевъ. Монеты Джучидовъ и пр. Вып. I, стр. 26),

или *Жанибекъ Царь*. Жанибекомъ, между прочимъ, звался, въ Русскихъ лѣтописяхъ, Джанибекъ сынъ Узбековъ; переписчикъ могъ по ошибкѣ, говоря о сынѣ, повторить имя отца въ другой искаженной формѣ.

Въ строкахъ: *Третій Чисарей Санъ Царь, четвертой Иземъ Царь, пятой Туатемиръ Царь, шестой Баитемиръ Царь*, продолжается перечисленіе сыновей Джучія; по крайней мѣрѣ, слово «третій» нельзя объяснить иначе, какъ въ томъ смыслѣ, что *Чисарей Санъ* былъ третій сынъ Джучія, послѣ перваго *Беркана*, и втораго *Итокти*. Изъ всѣхъ четырехъ лицъ, упоминаемыхъ въ приведенныхъ строкахъ, что нибудь положительное можно сказать только о Туатемирѣ. Въ числѣ сыновей Джучія, о которыхъ говорятъ мусульманскіе писатели, значится одинъ, по имени Тукатимуръ или Тукай - Тимуръ (Hammer. Geschichte der Goldenen Horde, стр. 97; Defrémery. Fragments de géographes et d'historiens, стр. 212). Онъ и долженъ быть Туатемиръ *Син.* сп. (у Пяно - Карпини: Thuatamur; см. Собраніе Путешествій къ Татарамъ. Спб. 1825, стр. 146, и пр. 78 и 79). Имена остальныхъ трехъ лицъ до того искажены или перепутаны, что я не берусь разгадать ихъ. Подъ *Чисарей Саномъ*, быть можетъ, кроется знаменитый Бату, сынъ Джучіевъ, который, какъ извѣстно, звался *Саинъ-ханомъ* (صابان خان). *Иземъ Царь*, по всей вѣроятности — Орда - Иченъ, старшій сынъ Джучіевъ (Урдюй или Урьдюй Русскихъ лѣто-

писцевъ; см. П. С. Р. Л. II, 177 и VII, 145; см. также Абуль-газы. Hist. Mongol. et Tatar., стр. 101: (جوہی خان نینک اولوغ آغلی آتی اوردا ولقبی الچن). Что касается до *Баштемира*, то такого сына Джучи не имѣлъ. Не слѣдуетъ ли подъ Баштемиромъ понимать Ташь-Тимура, потомка Джучіева, отъ котораго дошли до насъ монеты (Савельевъ. Монеты Джучидовъ и пр. Вып. II, стр. 312 — 314)?

Ау Чисарей Санова сына у Туатемира 6 сыновъ: первый сынъ Тогоя Уланъ, Тогояиновъ сынъ Улановъ Тахтамышъ Царь ⁷⁸⁾. Слова «у Чисарей Санова сына»,

⁷⁸⁾ Въ другомъ мѣстѣ того же *Син.* списка въ статьѣ: *Родъ Царей Крымскихъ и Казанскихъ и Астораханскихъ*, Тохтамышъ названъ просто Тайгозинъ Улановымъ сыномъ. «Царь Тахтамышъ Царь», сказано тамъ, «Тайгозинъ Улановъ сынъ былъ на Крыму, а убилъ его Едигей Князь Нагайской». Чей же былъ сынъ этотъ «Тайгозя», и отъ кого происходилъ — изъ текста не видно. Точно также коротко говорится о происхожденіи Тохтамыша и въ другихъ Родословныхъ, въ статьяхъ, которыя соответствуютъ статьѣ *Син.* списка: *Родъ Царей Крымскихъ и Казанскихъ и Астораханскихъ*. Въ *Коп.* списокѣ отецъ Тохтамыша названъ Тойгодя Уланъ (Тахтамышъ, Тойгодинъ сынъ улановъ, а убилъ его Дигій князь; см. выше, пр. 21, стр. 44), а въ *Арх.* — Тойгозя Уланъ (Царь Тахтамышъ Царь Тойгозинъ Улановъ сынъ, убилъ его Едигей князь; см. Врем. Моск. Общ. ист. и древн. Кн. 10. Матер.,

стр. 222). Въ *Род.* читаемъ: «Тонго Зиулановъ сынъ Тохтамышъ Царь, первой на Крышѣ; а убилъ его Идиги Князь» (см. *Род.* I, 25. Родъ Крымскихъ Царей). Тогозя Уланъ, Тайгозя Уланъ, Тойгозя Уланъ, Тойгода Уланъ, Тонго Зиуланъ — очевидно, ничто иное, какъ варианты одного и того же имени.

очевидно, лишнія, и вставлены по опискѣ. Тохтамыша, прославившагося борьбою съ Тимуромъ, Абулъ-газы (Hist. Mongol. et Tatar., стр. 99) называетъ сыномъ *Туй-ходжа-оглана* (توی خواجه اوغلان), сына Тукъ-кулъ-ходжа-оглана (توق قول خواجه اوغلان), сына Сарыча-Кунчакъ-оглана (سارچه کونچک اوغلان), сына Узтимура (اوز تیمور), сына *Тукай-Тимура* (توقای تیمور), сына Джучіева (по Рашид-ед-дину Кунчакъ былъ сынъ Сарычи, сына Унгъ-Тимура [Узбека], третьего сына Тукай-Тимура; см. о Рашид-ед-динѣ ниже, пр. 79, стр. 232). Въ Тогозя Уланѣ *Сим.* сп. нельзя не признать Туй-ходжа-оглана Абулъ-газыя. Про Туатемира *Сим.* сп. мы уже сказали, что считаемъ его за одно лице съ Тукай-тимуромъ. Оказывается, что сочинитель Истории Монголовъ и Русскій составитель *Сим.* сп. выводятъ родъ Тохтамыша совершенно одинаковымъ образомъ; послѣдній только сократилъ родословную, пропустивъ промежуточные лица между Туй-ходжей, отцемъ Тохтамыша, и Тукай-Тимуромъ, сыномъ Джучія. Происхожденіе, приписываемое Тохтамышу Абулъ-газыемъ и составителемъ *Сим.* списка невярно. По свидѣтельству Мунеджимъ-башія и

Гаффарія, отецъ Тохтамыша, Тули-ходжа (Туй-ходжа Абуль-газыя) былъ двоюроднымъ братомъ Урусъ-хана; Урусъ же, по словамъ этихъ же самыхъ авторовъ, происходилъ отъ Орда-Ичена, старшаго сына Джучія и родоначальника хановъ Синей орды (Абуль-газы, Hist. Mongol. et Tatar., стр. 100, считаетъ также Тохтамыша родственникомъ Урусу; но и Уруса производитъ онъ отъ Тукай-Тимура, именно: отцемъ Уруса называетъ онъ Бадакула — باداقل, потомка Узтимура, сына Тукай-Тимура). По Мунеджимъ-башію и Гаффарію, Урусъ былъ сынъ Чимтая (745 — 763 = 1344 — 1361), сына Абисана (ум. въ 720 = 1320), сына Сасыбуки (Hammer. Gesch. der Gold. Horde, стр. 328 — 330). Сасыбука же, какъ извѣстно по Рашид-ед-дину, былъ сынъ Баяна, сына Кубинчія, сына Сертактая, сына Орда-Ичена ⁷⁹⁾).

⁷⁹⁾ Савельевъ, въ своемъ сочиненіи «Монеты Джучидовъ и пр.», въ одномъ мѣстѣ, стр. 62, называетъ отца Тохтамыша двоюроднымъ братомъ Урусъ-хана, а въ другомъ мѣстѣ, именно въ родословной Джучидовъ Синей Орды, помѣщенной имъ на стр. 160, называетъ его же роднымъ братомъ Урусъ-хана, потомка Орда-Ичена. Про свою родословную Савельевъ пишетъ, что она составлена по Рашид-ед-дину, Гаффарію и Мунеджимбашію. На это замѣтимъ, что ни одного экземпляра Гаффарія и Мунеджимбашія нѣтъ въ Петербургѣ; сочиненія этихъ авторовъ, въ рукописяхъ, находятся въ Лейденѣ, Лондонѣ, и Вѣнѣ; существуетъ въ Петербургѣ, въ Пуб-

личной библіотекѣ и въ Азіятскомъ Музеѣ Академіи Наукъ, Нигаристанъ — نگارستان — Гаффарія; но это ничто иное, какъ слабое извлеченіе изъ его знаменитаго «Джеганъ-ара — جهان آرا», и въ немъ про Тохтамыша сказано только, что онъ былъ потомокъ Джучіевъ. Во всемъ, что относится до Гаффарія и Мунедджимбашія, мы должны полагаться на Гаммера, который имѣлъ Джеганъ-ара и Тарихи-Мунедджимбашіи у себя въ рукахъ, и представилъ изъ нихъ нѣкоторыя извлеченія. Что касается Рашид-ед-дина, то я помѣщаю въ концѣ настоящаго сочиненія подробныя родословныя росписи потомковъ Джучіи, составленныя по Джамі-ет-теварихъ. Рашид-ед-динъ, какъ извѣстно, далеко не доходитъ до временъ Тохтамыша.

Тогтозминовъ братъ Тахтамышовъ дядя, Темиръ Бекъ Уланъ, Темиръ Бекъ Улановъ сынъ Темиръ-Кутлуй Царь. Темиръ-бекъ, или, какъ его называютъ мусульманскіе писатели: Тимуръ-меликъ (слова: бекъ — بیک, и меликъ — ملوکъ равносильны и значатъ: князь; Темиръ и Тимуръ составляютъ два различныхъ, но одинаково правильныхъ, произношенія одного и того же имени), и его сынъ Темиръ - Кутлуй (на монетахъ: Тимуръ-Кутлу или Кутлы), или, какъ его зовутъ мусульманскіе лѣтописцы, Тимуръ - Кутлукъ (также точно имя его писано и въ ярлыкѣ; см. Березинъ. Тарханские ярлыки Тохтамыша, Тимуръ-Кутлука и Саадетъ-гирея. Казань. 1851, стр. 3) — занимаютъ довольно видное мѣсто въ исторіи Золотой Орды въ эпоху

Тохтамыша и Тамерлана. Послѣдній изъ нихъ, Тимуръ-Кутлукъ, былъ ханомъ Золотой Орды, отъ 1397 до конца 1399 г., и прославился побѣдою при Ворсклѣ, которая окончательно ниспровергла власть Тохтамыша (Савельевъ. Монеты Джучидовъ, я пр. Вып. II, стр. 315—317). Его—Польскіе писатели смѣшиваютъ иногда съ Тамерланомъ (Mathias de Miehow. Descriptio Sarmatarum Asianae et Europianae. Cracoviae. Anno MDXXI. Lib. I, Cap. VIII). Одно, въ чемъ можно упрекнуть составителя *Сим.* списка, это то, зачѣмъ онъ Тимуръ Бекъ Улана зоветъ: Тогозиновымъ братомъ, Тахтамышевымъ дядею. Тимуръ-меликъ былъ сынъ Уруса (Hammer. Gesch. d. Gold. Horde, стр. 332—334). Въ этомъ согласны почти все восточные писатели. Абуль-газы (Hist. Mong. et Tatar. стр. 100) ошибочно называетъ Тимуръ-мелика (علي تيمور) сыномъ какого-то Кутлукъ-Тимуръ-оглана (يک اوغلان), сына Тумгана (تومغان), сына Абая (ابای), сына Узтимура, сына Тукай-Тимура (у Рашид-ед-дина Абай названъ сыномъ کونمور, четвертаго сына Тукай-Тимура); слѣдовательно, если не считаетъ Тимуръ-мелика, вмѣстѣ съ составителемъ *Сим.* сп., близкимъ родственникомъ, дядею Тохтамышевымъ, то, по крайней мѣрѣ, согласенъ съ нимъ въ томъ, что Тимуръ-меликъ и Тохтамышъ были оба изъ дома Тукай-Тимурова.

А Темиркутлуевы дѣти: первый сынъ Ахметъ Царь, другой сынъ Махмутъ Царь Седиахматъ. Выше, пр. 49, стр. 112—119 и 121, 123, я имѣлъ уже случай ска-

зять, что былъ Сеидъ-Ахмедъ, ханъ Золотой Орды, сынъ Ахмедъ - хана, сына Кичи-Мухаммедъ - хана, сына Тимура и внука Тимуръ - Кутлука ⁸⁰). Въ

⁸⁰) Братомъ Кичи-Мухаммеда (см. выше, пр. 3, стр. 9), называютъ наши лѣтописцы и Улу-Мухаммеда (Махмета Шильтбергера. *Reisen des Iohannes Schiltberger aus München in Europa, Asia und Afrika von 1394 bis 1427. Herausgegeben und erläutert von K. F. Neumann, München 1859*, стр. 91), знаменитаго родовачальника первой династии Казанскихъ царей. Улу-Мухаммедъ и Кичи-Мухаммедъ едва ли были родными братьями. Точныхъ свѣдѣній о родоприсхожденіи Улу-Мухаммеда нѣтъ никакихъ, но если бы онъ и Кичи-Мухаммедъ, действительно, какъ утверждаютъ наши лѣтописцы, происходили отъ одного отца, то Венеціанецъ Барбаро, описывающій борьбу ихъ, и самъ лично посѣщавшій Кичи-Мухаммеда, навѣрно упомянулъ бы объ этомъ обстоятельстве. Онъ же, въ своемъ Путешествіи въ Тану (*Библиот. иностр. писат. о Россіи* Отд. I. Т. I, стр. 38 перевода и 85 текста), только даетъ чувствовать, что ханы были родственниками между собою. (Барбаро, въ указанномъ мною мѣстѣ своего путешествія, какъ будто пишетъ, что сынъ Улу-Мухаммеда былъ двоюроднымъ братомъ [*fratel sugino*] Кичи-Мухаммеда. Къ сожалѣнію мѣсто не совѣтъ ясно; можно толковать его и иначе [*Нашнег. Gesch. d. Gold. Horde*, стр. 390, пр. 3]. Если бы принимаемое мною объясненіе словъ Барбаро было вѣрно, то вышло бы, что Улу-Мухаммедъ и отецъ Ки-

чи-Мухаммеда, Тимуръ, были родными братьями, и что, следовательно, Улу-Мухаммедъ былъ сыномъ Тимуръ-Кутлука. Выводъ этотъ былъ бы весьма правдоподобенъ). Наши родословныя объясняютъ слѣдующимъ образомъ происхожденіе Улу - Мухаммеда; онъ называютъ (см. выше, пр. 21, стр. 44, 46—48, 51) Улу-Мухаммеда (*Ком.* и *Род.* Улумахметъ, *Син.* Улу Ахметъ и Улу Махметъ, *Арх.* Алумахмедъ) сыномъ: по *Ком.* сп. Зекиль Асанъ Улана, по *Син.* Зече Асанъ Улана, по *Арх.* Зегенъ Асанъ Улана, по *Род.* Ечкель Асанъ Улана. Въ статьѣ: *Родъ Царей болшихъ Орды, Син.* сп. прибавляетъ, что отецъ Улу - Мухаммеда, Асанъ, былъ сынъ, т. е. потомокъ Туатемира (Третій сынъ туатемиревъ Асанъ Уланъ, а Асанъ Улановъ сынъ Улу Махметъ Уланъ). Въ происхожденіи Улу-Мухаммеда наши родословныя согласны съ Абуль-газыемъ. У Абуль-газыя (*Hist. Mongol. et Tatar.*, стр. 99, 100), при перечисленіи потомковъ Тукай-Тимура, читаемъ: «*توق قلی خواجه مذکور نینک انسی نینک اتی نولک تیمور آنینک اوغلی حینه انینک اوغلی حسن اوغلان اتی ابجکلی حسن دیرلار انینک اوغلی محمد خان* т. е. у вышепомянутого Тукъ - кули-ходжи (по Абуль-газыю, дѣда Тохтамыша, и потомка Тукай-тимура; см. выше, стр. 230) былъ меньшей братъ, по имени Тулякъ-Тимуръ; у него былъ сынъ Хина; у него — сынъ Хасанъ огланъ, котораго зовутъ Ичкили Хасанъ; у него — сынъ Мухаммедъ-ханъ». Здѣсь Мухаммедъ-ханъ, безъ сомнѣнія — Улу-Мухаммедъ; а Ичкили-Хасанъ, или пре-

сто Хасанъ — Ечкель Асанъ, Зече Асанъ, Зекиль Асанъ, Зегенъ Асанъ, Асанъ нашихъ родословныхъ. Нельзя на это не замѣтить, что если Улу-Мухаммедъ былъ, какъ и думать должно, родственникомъ Кичи-Мухаммеда, то онъ не могъ быть никакъ потомкомъ Тукай-Тимура. Различныя извѣстія и мнѣнія о происхожденіи Улу-Мухаммеда можно видѣть у Гаммера (Gesch. d. Gold. Horde, стр. 382), Буткова (Исторія о Ногаѣ, Ств. Арх. XI. 1824, стр. 2, 9), Ланглеса (Notice chronologique des khans de Crimée, въ Voyage du Bengale à Pétersbourg, Т. III, стр. 394), Рычкова (Опытъ Казанской Исторіи, стр. 54) и Лызлова (Сквенская Исторія, I, стр. 62, 63). О нѣкоторыхъ изъ этихъ мнѣній я буду имѣть случай говорить подробно.

приведенныхъ мною строкахъ *Син. сп.*, *Царь Седиахматъ*, очевидно, никто другой, какъ этотъ самый Сеидъ-Ахмедъ-ханъ. Выходитъ ясно, что строки *Син. сп.* полны ошибокъ: между Тимуръ-Кутлукомъ и Ахмедомъ, пропущены два лица: Кичи-Мухаммедъ и Тимуръ (властвовалъ въ Золотой Ордѣ въ 1411, 1412 годахъ; см. Савельевъ. Монеты Джучидовъ и пр. Вып. II, стр. 329); Сеидъ-Ахмедъ же показанъ, неизвѣстно почему, братомъ Ахмеда, между тѣмъ какъ онъ былъ его сыномъ. Слово *Махмутъ*, прибавленное въ *Син. сп.* къ имени Царя Седиахмата, объяснить не трудно: подъ нимъ понимать надо или Махмуда, брата Ахмеда (см. выше, стр. 224, пр. 76), или Сеидъ-Махмуда (Русскіе звали его и просто:

Махмутъ), брата Сендъ - Ахмеда (см. выше, пр. 49, стр. 114).

У Седиахмата дѣти: Хозякъ Салтанъ, а у Хозякъ Салтана Якубъ Салтанъ, а у Якубъ Салтана Нашино-мляръ Салтанъ. Въ лѣтописяхъ читаемъ: *Ник.* VI, 169: Тогожъ лѣта (7011=1503) приде посолъ шнахматовъ царевъ Аллиаръ, а брата его Хозякъ салтановъ посолъ Хозяжъ, а богатыревъ салтановъ посолъ Кемурукъ. *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 243: Того же лѣта (7011) приде посолъ Шнахматовъ царевъ Аллиаръ, а брата его Хозякъ салтановъ посолъ салтановъ Хозя же, а Багатыревъ салтановъ посолъ Кемъ Урусъ. *Собф.* 1 *мт.* П. С. Р. Л. VI, 49: Того же лѣта (7011) приде посолъ Шихъ Ахматовъ царевъ Аллиаръ, а брата его Хозя салтановъ посолъ Хозя же, а Багатыревъ салтановъ посолъ Кемурусъ (*Собф.* 2 *мт.* П. С. Р. Л. VI, 244). *Сер.* II, 271: Того же лѣта (7011) приде посолъ Шихматовъ Царевъ, Амiаръ; а брата его, Хозякъ Салтановъ посолъ Кемъаруй (*Собф.* 2 *мт.* П. С. Р. Л. VI, 244, пр. а; *Лс.* III, 278, подъ 7019 г., гдѣ вмѣсто «Кемъаруй», стоитъ «Кемруй»⁸¹⁾). Мѣховскій (*Descr. Sarmat. Lib. I, Car.*

⁸¹⁾ Упоминаемыя въ этихъ выпискахъ имена собственныхъ пословъ писаны такъ различно, что я считаю излишнимъ сказать о нихъ вѣсколько словъ. Аллиаръ (Амiаръ), по всей вѣроятности, Татарское имя: الله يار Алла-яръ; въ словѣ Хозяжъ или Хозя же, буквы «жъ, же» едва ли составляютъ отдѣльное слово въ смыслѣ:

также, тоже; посоль звался, какъ я думаю, не: Ходжа
 خواه (Хозя), а Ходжашъ خواجش; послѣднее имя и
 теперь еще употребительно у Татаръ. Слово Кемурукъ
 (Кемъ Урусь, Кемурусь, Кемъаруй, Кемруй) объяс-
 нить труднѣе. Не передѣлка ли это имени: Тимрюкъ
 (تمروک)?

VIII) и Кромеръ (кн. XXX, стр. 665) упоминаютъ о
 какомъ то Козакѣ (Kazak, Kozakus), братѣ Шиахмета
 или Сахмата, (Sziachmet, Sachmates). Авторъ *Сб.
 мт.* (стр. 159), перечисляя сыновей Ахмеда, называетъ
 одного, по имени Куджака (قوجاق سلطان). Хозякъ и Хози
 лѣтописей, Козакъ Мѣховскаго и Кромера и Куджакъ
Сб. мт., очевидно, одно лице съ Хозякомъ *Син. сп.* На-
 стоящее его имя было, безъ сомнѣнія, Куджакъ; въ
 правописаніи имени собственнаго нельзя не отдать
 предпочтенія автору—Татарину. И такъ, съ одной сто-
 роны, имѣемъ мы свидѣтельство лѣтописей, Мѣховска-
 го, Кромера и автора *Сб. мт.*, которые всѣ единоглас-
 но называютъ Куджака сыномъ Ахмеда и братомъ
 Сеидъ-Ахмеда (припомнимъ, что Шиахмать, Шихъ
 Ахмать и Шихмать лѣтописцевъ, Шиахметъ Мѣхов-
 скаго и Сахмать Кромера—Шейхъ-Ахмедъ—былъ
 братъ Сеидъ-Ахмеда и сынъ Ахмеда; см. выше, стр. 49);
 а съ другой — указаніе *Син. списка*, который одинъ
 утверждаетъ напротивъ, будто этотъ самый Куд-
 жакъ былъ сынъ Сеидъ-Ахмеда. Кому вѣрить?
 Отвѣтъ не труденъ. Въ *Син. списокѣ* должна быть
 ошибка. Обратимся теперь къ главному для насъ лицу

въ родословной, къ Шейхъ-Ауліяру. *Сим.* сп. называетъ его сыномъ Якуба, внукомъ Куджака, правнукомъ Сеидъ-Ахмеда. Здѣсь опять должна быть ошибка и вотъ почему: Шейхъ-Ауліяръ, какъ мы знаемъ изъ лѣтописей (см. выше, стр. 222), выѣхалъ въ Россію служить великому князю въ 1502 году; въ это время Золотая Орда падала: то была эпоха Сеидъ-Ахмеда, и Шейхъ - Ахмеда, сыновей Ахмедовыхъ (см. выше, пр. 49). Никакой царевичъ не могъ выѣхать въ Россію *служить* ребенкомъ; стало быть въ 1502 г. Шейхъ-Ауліяръ былъ уже человекъ взрослый. Если вѣрить родословію *Сим.* списка, то выйдетъ, что Сеидъ-Ахмедъ при жизни имѣлъ взрослого правнука. Подобный случай конечно возможенъ, въ особенности у мусульманъ, которые женятся рано и имѣютъ много женъ, но все таки составляетъ исключеніе. Гораздо естественнѣе допустить, что Шейхъ-Ауліяръ, какъ говорятъ лѣтописцы, былъ сынъ Бахтіяръ-султана и племянникъ Ахмеда. Якубъ, названный въ *Сим.* списокѣ отцемъ Шейхъ-Ауліяра, по всей вѣроятности — дядя его Якубъ, братъ Бахтіяровъ и Ахмедовъ (см. объ Якубѣ выше, стр. 222 и 224).

Ошибочность родословной Шейхъ-Ауліяра, выведенной въ *Сим.* списокѣ, подтверждается еще слѣдующими доводами. Въ томъ же *Сим.* списокѣ, тотчасъ послѣ родословной Шейхъ-Ауліяра, находится приписка: «А у Темиркутгуева сына у Ахмета Царя дѣти: первый сынъ Седи Ахмать Царь, другой сынъ Сен Магмуть Царь, третей сынъ Муртоза Царь, чет-

вертой сынъ Шаахъметъ царь, пятой сынъ Хозякъ Салтанъ, шестой сынъ Якубъ Салтанъ». Тутъ Сеидъ-Ахмедъ (Седи Ахматъ) названъ правильно сыномъ Ахмеда; списокъ его братьевъ пополненъ (о Сеп Магмутъ, т. е. Сеидъ-Махмудъ, Муртозъ и Шаахъметъ, т. е. Шейхъ-Ахмедъ, см. выше, пр. 49), а Куджакъ (Хозякъ) и Якубъ, оба включены въ число братьевъ Сеидъ-Ахмеда. Если это поправка, то вся родословная Шейхъ-Аулияра, выведенная за нѣсколько строкъ предъ тѣмъ, должна рушиться сама собою. Но этого еще мало; въ другомъ мѣстѣ *Син.* списка встрѣчаемъ новое перечисленіе братьевъ Сеидъ-Ахмеда и опять съ измѣненіями. Перечисленіемъ этимъ начинается особая, въ другихъ спискахъ недостающая статья: *Родъ боліиіе же Орды Царей*, которая составляетъ какъ бы продолженіе статьи: *Родъ Царей боліиіе Орды*, и помѣщена въ слѣдъ за нею. «Повелися», сказано въ ней, «отъ Царя Темиръ Кутлуя Царя; а у Царя Темиръ Кутлуя дѣти: Седи ахматъ Царь, да Муртоза Царь, да Ша-Ахматъ Царь, розныхъ матерей дѣти, да Хозякъ Салтанъ бездѣтенъ, да Цженай Салтанъ, да Сеидъ Магметъ, да Богатырь Салтанъ⁸²⁾». Здѣсь прямо бросается въ

⁸²⁾ Цженай Салтанъ (Джанай-султанъ — جنای سلطان) и Богатырь Салтанъ (Бегадуръ-султанъ — بهادر سلطان) поминены въ числѣ сыновей Ахмеда и въ *Сб. лѣт.*, стр. 159. Богатырь (Бегадуръ), безъ сомнѣнія, тотъ самый, который въ 1503 г. присылалъ посланцевъ

въ Россію (см. выше, стр. 237). Сколько именно было сыновей у Ахмеда — положительно сказать трудно. Авторъ *Сб. мт.*, стр. 159, насчитываетъ ихъ десять (въ текстѣ *Сб. мт.* стоятъ, по ошибкѣ: *تقوز* — девять), въ слѣдующемъ порядкѣ: *отъ Бикай-бикемъ* (بيکای بيکم; въ текстѣ *Сб. мт.* напечатано, по ошибкѣ: *بيکای بيکن*), *родственниковъ Султанъ-Хасанъ-мирзы* (سلطان حسن ميرزانيك قربنداشи); Муртаза-ханъ (ایديکه سلطان), Хусейнъ-ханъ (حسين خان) и Даулетъ-султанъ (دولت سلطان); *отъ другой бикемъ* (وتقی بر بيکم); Шейхъ-Ахмедъ-ханъ (شیخ احد خان), Куджакъ-султанъ (قوجاق سلطان) и Джанай-султанъ (جنای سلطان); *отъ Уйиунъ-бикемъ* (اوبيشون بيکم): Сеидъ-Махмудъ-ханъ (سيد محمود خان), Сеидъ-Ахмедъ-ханъ (سيد احد خان) и Бегадуръ-султанъ (بهادور سلطان). Объ Идиге (Едигеѣ) говоритъ и Карамзинъ въ *Исторіи Государства Россійскаго*, Т. VI, стр. 145, со ссылкой въ пр. 374 и 375 на Дѣла Крымскія. Въ Актахъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи, изданныхъ Археографическою Коммисіею, Т. II, стр. 49, Куджакъ названъ Халекомъ Солтаномъ.

глаза, что предполагаемый дѣдъ Шейхъ-Ауліяра, Куджакъ (Хозякъ), не только названъ братомъ Сеидъ-Ахмеда, но еще бездѣтнымъ, и что Якуба вовсе нѣтъ.

Существуетъ еще одна родословная Шейхъ-Ауліяра. Она находится въ *Род.*, и включена тамъ въ статью: *Родъ Астраханскихъ Царей* (см. выше, пр. 21, стр. 49). Шейхъ-Ауліяръ (Шиховлеяръ) названъ въ ней

сыномъ Яныбека царевича, внукомъ Чювака царевича, правнукомъ Егуна царя или царевича (очевидно, того самого Якуба, который въ лѣтописяхъ названъ дядею Шейхъ-Ауліяра), сына Кеимагмета царя, т. е. Кичи-Мухаммеда (см. выше, пр. 49, стр. 121). Родословная эта заслуживаетъ точно также мало довѣрія, какъ и та, которая выведена въ *Сим.* списокѣ. Она ничто иное, какъ искаженіе родословной одной отрасли потомства Кичи-Мухаммеда, которая съ начала сидѣла въ Астрахани, а потомъ переселилась въ Бухару, и тамъ положила начало особой династїи, Астраханской, властвовавшей до конца прошлаго столѣтія (Senkowski. Supplément a l'histoire générale des Huns, des Turks et des Mogols. St. Pétersbourg. 1824, стр. 31, 32, и мои Монеты Бухарскія и Хивинскія въ Трудахъ Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества, Ч. IV, стр. 402, 403). Эта родословная приведена вполнѣ у Абуль-газы въ его исторїи Монголовъ и Татаръ, и въ تذكرة مقیم خانى Мухаммедъ-Юсуфа ель-муншія. Чювакъ, сынъ Якуба, и внукъ Кичи-Мухаммеда, упоминаемый въ *Род.*, безъ всякаго сомнѣнія—тотъ самый Чувакъ-султанъ, котораго Абуль-газы и Мухаммедъ-Юсуфъ называютъ сыномъ Кичи-Мухаммеда. Въ числѣ потомковъ Чувака, какъ у Абуль-газы такъ и у Юсуфа, значится одинъ, по имени Джанъ или Джани-султанъ. Этотъ Джанъ или Джани, родоначальникъ Астраханской династїи, царствовавшей въ Бухарѣ, и есть, по всей вѣроятности, Яныбекъ *Род.* Отцемъ Шейхъ-Ауліяра онъ не могъ быть ни-

какъ, потому что жилъ въ послѣдней половинѣ XVI-го столѣтія ⁸³⁾).

⁸³⁾ Hist. Mong. et Tatar., стр. 100: تیمور قونلوқ خان انینگ اوغلی تیمور سلطان انینگ اوغلی محمد خان انینگ اوغلی جواق سلطان انینگ اوغلی منقشلاق سلطان انینگ اوغلی محمد سلطان انینگ اوغلی جان سلطان т. е. Тимуръ-Кутлукъ-ханъ; у него сынъ — Тимуръ-султанъ; у него сынъ — Мухаммедъ-ханъ (очевидно Кичи-Мухаммедъ); у него сынъ — Чувакъ-султанъ; у него сынъ — Манкышлакъ-султанъ; у него сынъ — Мухаммедъ-султанъ; у него сынъ — Джанъ-султанъ. تذکرۂ مقیم خانی (рукопись Азіятскаго музея Императорской Академіи наукъ, № 574 ag.), стр. 53: اشترخانی کہ ولایت ما ورا النهر بعد از پادشاهان شیبانیہ باین طبقہ انتقال یافت واول ایشان را جانی خان می گفتند ونسب او باین ترتیب است جانی خان بن بار محمد خان بن بغشلاو خان بن جواق خان بن محمد خان بن بہادر خان بن قتلق تیمور خان بن قتلق بوغا سلطان بن ارش (ارس. چیت) خان بن چوچی خان بن چنگیز خان т. е. *Разсказъ о воцареніи государей Астраханской династіи, къ которымъ область Мавероемнатрская перешла послѣ Шейбанидовъ.* Перваго изъ нихъ звали: Джани-ханъ. Вотъ его родоприсхождение: Джани-ханъ, сынъ Яръ-Мухаммедъ-хана (Мухаммедъ-султана

Абуль-газья), сына Бугишлау-хана (очевидно, Манкышлакъ-султана Абуль-газья; въ Татарскомъ письмѣ **بغشلاو** можетъ легко обратиться въ **منتشلاق**, и на оборотъ), сына Чувакъ-хана, сына Мухаммедъ-хана (т. е. Кичи-Мухаммеда), сына Бегадуръ-хана (ошибка; чит. Тимуръ хана; см. выше, пр. 49, стр. 412), сына Кутлукъ - Тимуръ-хана, сына Кутлукъ - Буга - султана (ошибка; Тимуръ-Кутлукъ былъ сынъ Тимуръ-мелика; см. выше, стр. 232), сына Урусъ-хана, потомка Чучи-хана, сына Чингизъ-хана.—Родъ Тимуръ-Кутлуковъ, по словамъ Мухаммедъ-Юсуфа, владѣлъ Астраханью до временъ Яръ-Мухаммеда (**فرزندان او قتلک تیمورخان**: [تذکره مقیم خانی, стр. 54: **نا یار محمد خان در آنجا [در ملک اشترخان] حکومت میکردند**; Сенковский, *Supplément*, стр. 32, переводить невѣрно: *Tous ces princes* [т. е. лица, поименованныя въ родословной] *régnèrent à Astracan jusqu'à Yâr-Mouhammad*), который, разсорившись съ братьями и родственниками, выбѣжалъ съ сыномъ своимъ Джани въ Бухару, въ царствованіе Искендера. Искендеръ занималъ престолъ отъ 968 до 994 г. гаджры, т. е. отъ 1561 до 1583 г. по Р. Х.; см. мон. Монеты Бухарскія и Хивинскія въ Трудахъ Восточн. Отдѣл. Импер. Археолог. Общ. Ч. IV, стр. 334, 394 и 397.

Что дѣлалъ Шейхъ-Ауліяръ въ Россіи, со дня выѣзда своего изъ Астрахани въ 1502 г., до 1512 г.—эпохи, когда онъ является правителемъ городка Мещерскаго—свѣдѣній объ этомъ сохранилось весьма

мало. Знаемъ только, что онъ въ 1508 году владѣлъ Сурожиномъ (см. выше, стр. 207), и въ томъ же году, весною, ходилъ воевать Литовскую землю, вмѣстѣ съ воеводами великокняжескими ⁸⁴⁾.

⁸⁴⁾ *Башм. разр. кн.*: Тогожь лѣта (7016 = 1508), сентября (чит. мая; приводимая мною статья находится между двумя другими статьями, одной, помѣченной маемъ, а другой — апрѣлемъ того же 1508 г.; см. *Арц.* II, кн. IV, стр. 85, № 550), послалъ князь великій на Литовскіе мѣста дву князей Васильевъ Стародубского, да Шемячица, а съ ними послалъ воеводу своихъ. Въ болшомъ полку велелъ быть воеводамъ своимъ: князь Василей Даниловичъ Холмской, да Яковъ Захарьичъ, да князь Володимерь Андрѣевичъ Микулинской. Въ передовомъ полку: князь Александра Володимировичъ Ростовской, да князь Иваѣ Михайловичъ Воротынской, да князь Василей Ивановичъ Голенинъ, да князь Дмитреевъ Ивановича воевода Облязь Вельяминовъ; да въ передовомъ же полку: царевичъ Шагавлеярь, да Канбаръ мурза. Въ правой рукѣ: князь Василей Васильевичъ Шуйской, да князь Василей Васильевичъ Ромодановской, да князь Юрьевъ Ивановича воевода князь Давыдъ Даниловичъ Хромой. Въ лѣвой рукѣ: князь Василей Мнихъ, да князь Петръ Лобанъ Семеновичъ Ряполовскіе. Въ сторожевомъ полку: князь Ѳеодоръ Васильевичъ Оболенской Телепень, да князь Костянтинъ Ѳеодоровичъ Ушатоѣ.

Послѣ 1512 г., сколько мнѣ извѣстно, о Шейхъ-Ауліярѣ уже нигдѣ не упоминается ни разу.

Шейхъ - Ауліяръ женатъ былъ на Шагъ - султанѣ (شاہ سلطان), дочери Ногайскаго князя Ибрагима. «А у Бренма Князя», читаемъ въ Родословной книгѣ, по *Син. сп.*, въ статьѣ: *Начало Орды Нагайской, и родословіе Княземъ и Мурзамъ Нагайскимъ*, во Временникѣ Импер. Московск. Общ. ист. и древн. Кн. 10. Матер., стр. 130, «...двѣ дочери: Бурнаша за Шибанскимъ Царевичемъ была, да Шасалтана была за Шиговлеяромъ Царевичемъ».

VII.

Ш а х ъ - А л и (شاه علي).

Въ 1516 г. отъ новаго хана Крымскаго, старшаго сына и преемника Менгли-гирея (Менгли-гирей умеръ въ Великую Субботу 1515 г.; см. *Кар.* пр. 137 къ Т. VII, гдѣ ссылка на Дѣла Турецкія, л. 70 на об.) — Мухаммедъ-гирей, пріѣзжалъ къ великому князю Василю, въ бытность его въ Можайскѣ, посолъ, по имени Абд-ул-вали шейхъ-заде (عبد الولی شیخ زاده — Абдылъ Авельшихъ Зода). Ханъ писалъ, между прочимъ, что его Ширинскіе князья не хотятъ присягнуть въ дружбѣ къ Россіи, видя царевича Астраханскаго Шахъ-Алія владѣтелемъ городка Мещерскаго (*Кар.* пр. 150 къ Т. VII). Мухаммедъ-гирей желалось, чтобы великій князь отнялъ городокъ, бывшее Нуръ-даулетово помѣстье, у Шахъ-Алія, и уступилъ его кому либо изъ его собственныхъ сыновей или братьевъ (*Кар.* VII, стр. 49;

см. также Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. V. Изд. 2, стр. 356).

Царевичъ Астраханскій Шахъ-Али (имя этого царевича, какъ увидимъ ниже, писалось Русскими и другими народами весьма различно; надгробные памятники, сохранившіеся въ Касимовѣ, положительно доказываютъ, что надобно читать и произносить: Шахъ-Али — شاہ علی) былъ, по единогласному увѣренію всѣхъ источниковъ, сынъ Шейхъ-Ауліяра. И такъ, вотъ фактъ положительный: въ 1516 г., на мѣстѣ Шейхъ-Ауліяра, въ городкѣ Мещерскомъ, сидѣлъ сынъ его Шахъ-Али.

Отъ чего Мухаммедъ-гирей, ханъ Крымскій, добивался такъ усердно, чтобы великій князь взялъ городокъ у Шахъ-Алія—понять не трудно. Тутъ, конечно, не столько дѣйствовало желаніе пристроить кого либо изъ сыновей или братьевъ, сколько чувство совершенно другаго рода. Припомнимъ вражду, раздѣлявшую дѣтей Ахмеда, хана Золотой Орды, съ Менгли-гиреемъ. Причины и ходъ ея намъ извѣстны (см. выше, пр. 49, стр. 114 и сл.). Крымъ нуждался въ гибели Ахмедова рода. Въ 1516 г., какъ ни было ничтожно значеніе этого дома, но все таки память объ его прежнемъ могуществѣ была свѣжа; еще послѣдній изъ представителей хановъ Золотой Орды—Шейхъ-Ахмедъ, злой врагъ Крыма, доживалъ свой вѣкъ въ Польшѣ; еще Ахмедовы дѣти тревожили Крымъ своими нападеніями. Мухаммедъ-гирей, преемникъ власти и политики отца, не могъ не слѣдить за дѣйствіями всѣхъ чле-

новъ ненавистнаго ему рода. Разъединить ихъ, отнять у нихъ всякую поддержку, въ особенности же со стороны двухъ сильныхъ сосѣдей, Россіи и Польши, даже склонить правительства обѣихъ этихъ государствъ дѣйствовать противъ нихъ съ Крымомъ за одно—вотъ цѣль, къ которой Мухаммедъ-гирей долженъ былъ стремиться ⁸⁵).

⁸⁵) И онъ дѣйствительно стремился къ этой цѣли. «И пойдутъ на меня на Магмедъ Гирей Царя», писалъ Мухаммедъ-гирей, 8 декабря 1518 г., къ великому князю Василію (*Сб. ис. пр. V, № 86*, стр. 80. Переводъ шертной грамоты Крымскаго Царя Магмедъ Гирей къ Великому Князю Василію Іоанновичу, данной имъ предъ Россійскимъ посланникомъ Остафѣемъ Андрѣевымъ. Писана въ Крымѣ въ 1518 году Декабря 8), «Ахматовы Царевы дѣти, и ты, братъ мой, Князь Великій Василій, Салтановъ и Улановъ и Князей пошлешь, и язь, Магмедъ Гирей, Царь, на Ахматовы царевы дѣти самъ иду, или съ братьею своею и съ дѣтьми своими рать свою пошлю... А нѣчто поидеть нашъ недругъ Жигимонтъ Король съ нашимъ же недругомъ съ Шихъ Ахметемъ на меня на Магмедъ Гирей Царя придетъ... и тебѣ ему тогда правда сложити, и обѣи намъ съ тобою на него быти за одинъ». «А ты, братъ мой (Сигизмундъ)», писалъ Мухаммедъ-гирей, въ октябрѣ 1520 г., въ Польшу (*Матер. для ист. Крыма*, изданные мною, стр. 3), «держи за крѣпкимъ карауломъ врага моего Шейхъ-Ахмедъ-хана, и по самую смерть, не выпускай его изъ своихъ владѣ-

تقی سیز فرزنداشدا بزیم دشمنانیمز شیخ احمد)
 خاننی بانندرا نوکارلارینی بنک نوتوب اولوم یتکیجه
 (ملاکاتینکردان چیقرмағаيسز)

Отецъ **Шахъ-Алія**—**Шейхъ-Ауліяръ**—былъ, какъ извѣстно, родной племянникъ **Ахмеда** и двоюродный братъ хановъ Золотой Орды — **Сеидъ-Ахмеда** и **Шейхъ-Ахмеда**. Одного этого уже могло быть достаточно для хана Крымскаго, чтобы не любить **Шахъ-Алія**, и чтобы стараться, если не удалить его изъ Россіи, то по крайней мѣрѣ, отнять у него званіе владѣльца городка Мещерскаго, доставлявшее ему многія преимущества, и даже нѣкоторое значеніе при дворѣ Московскомъ.

Послѣ 1516 г. **Шахъ-Али** не долго оставался въ Мещерскомъ городкѣ. Онъ не потерялъ городка въ слѣдствіе происковъ **Мухаммедъ-гирея**, хотя великій князь, въ томъ же 1516 г., въ угоду хану Крымскому и предлагалъ Мещеру брату **Мухаммедъ-гирееву**, **Ахмедъ-гирею** (Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. V, изд. 2, стр. 356), а промѣнялъ **Касимовъ** на другой, лучший удѣлъ. Въ декабрѣ 1518 г. умеръ въ Казани ханъ **Мухаммедъ-Аминъ**. Въ послѣднее время онъ примирился съ Россіею и жилъ въ ладу съ нами. За мѣсяцъ предъ смертію хана (9 ноября; см. *Кар.* пр. 177 къ Т. VII) скончался въ Москвѣ и **Абд-ул-латифъ**, который, на основаніи особаго договора, долженъ былъ ему наследовать. Казанцы, уже привыкшіе получать хановъ отъ руки великаго князя Московскаго, обра-

тился къ Василию съ просьбою назначить имъ царя. Изъ Улу - Мухаммедовой династїи, которой Казань принадлежала по праву, не было на виду никого: послѣдніе ханы умерли, не оставивъ по себѣ прямыхъ наслѣдниковъ (нигдѣ не упоминается, чтобъ Ильгамъ, Абд-ул-латифъ или Мухаммедъ - Аминъ имѣли сыновей); другіе же члены Улу - Мухаммедовой династїи были крещены (см. выше, пр. 63, стр. 181 — 185). При такомъ положеніи дѣлъ, выборъ великаго князя палъ на Шахъ-Алія, и весною 1519 года, царевичъ Касимовскій былъ торжественно объявленъ ханомъ Казанскимъ ⁸⁶).

⁸⁶) *Собр. 2 мт.* П. С. Р. Л. VI, 262, 263: Въ лѣто 7027... Тое же осени, декабря, преставися царь Казанской Магметъ Аминъ... Того же лѣта, марта въ 4, явилъ князь велики Василей Ивановичъ Городецкому царевичю, Шавлеярову сыну, Шаалею царство Казанское (*Собр. II, 311*). *Ик.* 56: И вдаетъ имъ на царство служилаго своего Царя *Шихъ Алмая* (*приб.: Шихъ - Алейровича*) Касимовскаго (*Подр. мт. II, 69*, гдѣ: «И вдаде имъ на Царство, по прошенію ихъ, служимаго своего Царя Шигалея Шиханьяровича Касимовскаго»). *Нов. мт.* 16: Въ лѣто 7020 (?) г. Великій Князь Василій Ивановичъ посла въ Казань на царство служилаго своего Касимовскаго Царя Щиголѣя. — О подробностяхъ воцаренія Шахъ-Алія въ Казани, см. *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 266, 267; *Ник.* VI, 218, 219; *Лв.* III, 365—369; *Лит. Норм.* 21, 22; *Про.* 365, 366; *Врм.* II, 261, 262; *Ст.* II, 192, 193.

Если вѣрить Герберштейну, то возвышенію Шахъ-Алія не мало способствовало и то, что онъ женился на вдовѣ Мухаммедъ - Амина, и чрезъ это приобрѣлъ себѣ поддержку со стороны ея брата ⁸⁷⁾.

⁸⁷⁾ *Rerum Moscoviticarum Commentarii, Hist. Ruth. script. ext. I*, стр. 63: *Caeterum Mahmedimin rege, sub quo Cazanenses defecerant, mortuo, Scheale ducta ejus uxore vidua, Principis Moscoviae et fratris uxoris auxilio, Cazan regnum obtinuit.*

VIII.

ДЖАНЪ-АЛИ (جان علي).

Въ *Башм. разр. кн* читаемъ: 1) *подъ годомъ 7029 (1521)*: «А въ Мещере были воеводы князь Петръ Дмитриевичъ Ростовской, да Михайло Семеновичъ Воронцовъ, да князь Андрѣй Петровичъ Великого, да Григорей Большой Андрѣевичъ Колычовъ, да князь Василей Васильевичъ Чюлокъ (прозвище Чюлокъ, которое было въ большомъ ходу у нашихъ предковъ, я произвожу отъ Татарскаго слова چولاقъ—чулакъ—калѣка; см. мои Историческія извѣстія о Коканскомъ ханствѣ во II Части Трудовъ Восточн. Отдѣл. Импер. Археол. Общества, стр. 341) Ушатой, да Дмитрей Семеновичъ Воронцовъ, да волостель Мещерской, да князь Иванъ Васильевичъ Середней Капшинъ, да съ Мещережъ были царевичъ Аналтъ, а съ нимъ селтъ и князи и мурзы (безъ сомнѣнія Городецкіе)»; 2) *подъ годомъ 7036 (1528)*: «Тогожъ году отъ Литовскіе украинны

въ Вязме были царь Казанской Шигаей, да Городецкой царевицъ Еналей, да Еуланча уланъ; да въ Вязмежь были воеводы бояринъ Иванъ Васильевичъ Хобаръ, да околничіе Иванъ Васильевичъ Ляцкой, да Андрѣй Никитичъ Бутурлинъ. А съ царемъ Шигалеемъ Ѳеодоръ Семеновъ сынъ Воронцовъ.

А съ царевичемъ были Андрѣй Клеопинъ Кутузовъ, да Борисъ Ступишинъ. А съ Татары служилыми былъ Посникъ Сатинъ»; 3) *подъ юдомъ 7039 (1531)*: «Тогожь лѣта князь великїи Василей Ивановичъ всеа Росїи послалъ въ Казань на царство *Еналя царя*, а съ нимъ околничего Якова Григорьевича Морозова, да дьяка Аѳонасіа Курицына, а велелъ его посадить на Казани»; 4) *подъ юдомъ 7040 (1532)*: «Лѣта 7040 году послалъ князь великїи Василей Ивановичъ всеа Росїи воеводъ своихъ по полкомъ въ Нижней Новгородъ, а въ тѣ поры *Еналя царя* сажали въ Казани на царство. Въ болшомъ полку: бояра князь Василей да князь Иванъ Васильевичи Шуйские, да околничей Василей Григорьевичъ Морозовъ. Въ передовомъ полку: бояра князь Никита Васильевичъ Оболенской Хромой, да князь Петръ Ивановичъ Репнинъ. Въ правой рукѣ: бояринъ князь Андрѣй Михайловичъ Шуйской, да князь Ѳеодоръ Ивановичъ Телица Ховапской. Въ лѣвой рукѣ околничей Яковъ Григорьевичъ Морозовъ, да Михайло Ильичъ Бакѣевъ. Въ сторожевомъ полку: князь Иванъ Туронтай Ивановичъ Пронской, да князь Петръ Ѳеодоровичъ Охмѣтинъ.

Да въ Нижнемъ же Новѣгородѣ былъ царь Ши-

халѣй Казанской, а у него въ приставехъ были князь Юрья Ивановичъ Темкинъ Ростовской, да Юрья Дмитриевичъ Шеинъ, да князь Дмитрий Ивановичъ Курлятевъ; а съ Москвы былъ съ царемъ Шигалѣемъ въ приставехъ, да и въ Новѣгородѣ былъ же Александра Семеновъ сынъ Упинъ».

Въ лѣтописяхъ находимъ, что въ 1532 году, лѣтомъ, великій князь Василій назначилъ въ Казань ханомъ царевича *Яналѣя*, за которымъ и посылалъ нарочно, по словамъ *Вскр.*, *Ник.* и *Лв.*, въ *городокъ* (*Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 277: а къ Яналѣю царевичю послалъ князь велики въ Городокъ Феодора Демида Семенова сына Воронцова [*Ник.* VI, 243]; *Лв.* III, 409: къ Яналеюжъ царевичу послалъ Великій Князь въ городокъ Феодора Семенова сына Воронцова). *Яналѣя* этого, или, какъ онъ еще зовется въ лѣтописяхъ, Янилѣя, Еналѣя и пр., лѣтописцы считаютъ роднымъ братомъ Шахъ-Алія, сыномъ Шейхъ-Ауліяра.

Аналѣй (Еналѣй) *Баим. разр. кн.*, и Яналѣй лѣтописцевъ — очевидно одно лицо. Не трудно догадаться, что его настоящее имя было Джанъ-Али (جان علي).

Джанъ-Али, сынъ Шейхъ-Ауліяра, о которомъ *Баим. разр. кн.* такъ ясно и положительно говорить, что онъ былъ *царевичемъ Городецкимъ* въ 1521 и 1528 годахъ, по всей вѣроятности, получилъ Мещерскій городокъ тотчасъ послѣ назначенія брата его Шахъ-Алія ханомъ въ Казань, т. е. въ 1519 г., и сохранилъ

его вплоть до 1532 года, когда онъ, въ свою очередь, по волѣ великаго князя, переѣхалъ царствовать въ Казань. По крайней мѣрѣ, такъ я понимаю дѣло Самый *юродокъ*, куда, по словамъ *Вскр.*, *Ник.* и *Лв.*, Василій посылалъ за Джанъ-Алиемъ, едва ли можетъ быть чѣмъ либо другимъ, какъ не *юродокъ Мецкерскимъ*.

Какъ и почему Джанъ-Али въ 1532 г. изъ царевича Городецкаго сдѣлался вдругъ царемъ Казанскимъ—постараюсь объяснить въ немногихъ словахъ. Припомнимъ, что въ 1519 г. провозглашенъ былъ ханомъ въ Казани Шахъ-Али. Возвышеніе его не могло нравиться Мухаммедъ-гирею, хану Крымскому; не говоря уже о враждѣ, которую онъ питалъ къ Шахъ-Алію, какъ къ члену ненавистнаго ему Ахмедова рода, былъ у него и другой расчетъ: Мухаммедъ-гирей самъ хотѣлъ прибрать Казань въ свои руки; еще при жизни Мухаммедъ-Амина, предвидя близкую его кончину, онъ прочилъ престолъ ея для брата своего Сагибъ-гирея. Казанцы, подстрекаемые Крымскимъ ханомъ, весною 1521 г., согласились свергнуть Шахъ-Алія и признать царемъ у себя Сагибъ-гирея. Султанъ Крымскій, въ сопровожденіи войска, двинулся къ Казани. Средствъ для защиты у Шахъ-Алія было мало; онъ, не вступая въ борьбу съ непріателемъ, рѣшился добровольно уступить требованію народа, взялъ женъ своихъ, наложницъ и все свое имущество, и выѣхалъ обратно въ Россію.

Въ слѣдъ за его уходомъ, Сагибъ-гирей прибылъ въ городъ и занялъ престолъ Казанскій ⁸⁵⁾.

⁸⁵⁾ О промкахъ хана Крымскаго см. *Кар.* VII, стр. 57 и 65, и Соловьевъ. *Исторія Россіи.* Т. V. Изд. 2, стр. 376 и 377.

Наибольшія и наилучшія подробности о переворотѣ, случившемся въ Казани въ 1521 г., сообщаетъ Герберштейнъ въ *Regum Moscoviticarum Commentarii, Hist. Reth. script. ext.* I, стр. 63; ошибается онъ только въ томъ, что заставляеть самаго хана Крымскаго, Мухаммедъ-гирея, идти въ Казань, для возведенія Сагиба на престолъ. Личное присутствіе Мухаммедъ-гирея въ Казани, судя по ходу тогдашнихъ дѣлъ (Соловьевъ. *Исторія Россіи.* Т. V. Изд. 2, стр. 377), было невозможно. Низверженіе Шахъ-Аліа Герберштейнъ приписываетъ излишней преданности его къ великому князю, и ненависти, которую онъ съумѣлъ возбудить къ себѣ въ подданныхъ. Не мало вредилъ ему въ глазахъ народа, по словамъ сочинителя описанія Московскаго государства, и самый наружный видъ его, доказывавшій ясно неспособность его къ дѣлу ратному: онъ имѣлъ большое отвислое брюхо, рѣдкую бороду и женственное лице. «*Augebant haec*», пишетъ Герберштейнъ, «*turpis et mollis corporis constitutio, erat enim homo ventre prominenti, rara barba, facie pene muliebri: quae enim bello haudquaquam idoneum esse ostenderent*». Очеркъ наружности Шахъ-Аліа, представленный Герберштейномъ, долженъ быть вѣренъ, потому что писатель этотъ, какъ

увидимъ ниже, нѣтъ случая, во время пребыванія своего въ Россіи, лично разсмотрѣть Шахъ-Алія. Замѣчу кстати, что весьма сходно съ Герберштейномъ описываетъ наружность Шахъ-Алія и сочинитель *Подр. мѣт.* II, 5 и 6. Вотъ подлинныя слова его, которыми онъ заключаетъ статью о возведеніи Шахъ-Алія въ 1519 г. на престолъ Казанскій: «Оной Шеялъ зѣло былъ взору страшнаго и мерзкаго лица и корпуса, нѣтъ уши долги на плечахъ висящія, лице женское, толстое и надменное чрево, короткія ноги, ступени долги, скотское съдалице: такого нѣтъ Татарамъ нарочью изобраша Царя въ поруганіе и посмѣяніе нѣтъ».

Въ Исторіи о Казанскомъ царствѣ (*Ик.* 57 — 62; *Подр. мѣт.* II, 69 — 72) находится довольно длинный рассказъ о низверженіи Шахъ-Алія съ престола въ 1521 г.; но и этотъ рассказъ, какъ большая часть книги, полонъ ошибокъ: въ немъ многое походитъ на басню. По увѣренію сочинителя Исторіи о Казанскомъ царствѣ, Шахъ-Али пострадалъ за любовь и вѣрность къ великому князю. Казанцы, возненавидѣвъ его, послали отъ себя людей въ Крымъ къ *Менде Гирею* (*Манди-тирю*, *Менди-тирею*, т. е. Менгли-гирею; но его уже давно не было въ живыхъ), выпросили себѣ въ царя меньшаго его сына *Сава Гирея* (по списку, напечатанному въ *Подр. мѣт.* — *Сати-ирея* или *Сати-ирея*; въ Казани было два хана: одинъ Сагибъ-гирей, а другой Сафа-гирей; сочинитель Исторіи о Казанскомъ царствѣ ихъ вовсе не отличаетъ другъ отъ друга), привели его въ Казань и провозгласили ханомъ. Въ слѣдъ за тѣмъ народъ съ новымъ ца-

ремь возсталъ на христіанъ, захватилъ казну, разграбилъ домъ воеводы Московскаго, и перебилъ всѣхъ Русскихъ, находившихся въ городѣ. Съ трудомъ удалось *Сава Гирею* (*Сатирею*) упросить Казанцевъ пощадить воеводу и Шахъ-Алія, котораго онъ хотѣлъ спасти, уважая въ немъ кровь ханскую. Шахъ-Али, избавленный отъ смерти, былъ отпущенъ съ воеводою и съ однимъ или съ двумя только служителями: его выпроводили въ чистое поле на худомъ конѣ и почти раздѣтаго. Всего любопытнѣе и несбыточнѣе конецъ разсказа. Сочинитель Исторіи о Казанскомъ царствѣ описываетъ какъ Шахъ-Али, по своему изгнаніи изъ Казани, встрѣтился близъ Волги съ Русскими рыболовами, какое ужасное впечатлѣніе произвела на нихъ вѣсть о Казанскомъ бунтѣ, какъ они бѣжали съ царемъ, предавъ огню свои снарады, и какъ наконецъ добрались они всѣ вмѣстѣ, послѣ многихъ претерпѣнныхъ ими бѣдствій, до предѣловъ Московскихъ. Тутъ же приложено описаніе печали, которая овладѣла великимъ княземъ при извѣстіи о бунтѣ Казанскомъ, и при той мысли, что любимый имъ Шахъ-Али, быть можетъ, погибъ жертвою своей преданности къ нему. За тѣмъ авторъ посвящаетъ цѣлую страницу повѣствованію о томъ, какъ великій князь, увѣдомленный о спасеніи Шахъ-Алія, выслалъ къ нему людей съ брашномъ, драгоценными одеждами и лошадьми, какъ въ небольшомъ разстояніи отъ Москвы, приняли изгнанника вельможи и кланялись ему до земли, и какъ самъ великій князь встрѣтилъ царя на лѣстницѣ своего дворца, и обнималъ его со слезами на глазахъ, видя въ немъ не слугу, а какъ бы брата и друга.

Въ лѣтописяхъ нашихъ вообще, переворотъ, происшедшій въ Казани въ 1521 г., описанъ весьма кратко: сказано просто, что Казанцы, весною этого года взбунтовались, взяли себѣ въ ханы изъ Крыма царевича Сагибъ-гирей, выслали Шахъ-Алія съ женою (по *Лѣт. Норм.* какъ у Герберштейна — съ женою), и разграбили и задержали гостей великаго князя (*Соф. 2 лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 263; *Свр.* II, 311, 312; *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 269; *Ник.* VI, 227; *Лѣ.* III, 377; *Врм.* II, 269; *Лѣт. Норм.* 22); только въ *Про.* 368, про гостей великаго князя не упомянуто ни слова, а значится, что Казанцы умертвили сына боярскаго Василя Бушмарьева сына Поджегина, находившагося при особѣ Шахъ-Алія (едва ли это вѣрно: былъ посолъ Русскій въ Казани Василій Поджегинъ, который, по свидѣтельству лѣтописей, въ томъ числѣ и *Про.* 377, былъ убитъ въ 1523 г. Сагибъ-гиреемъ; см. ниже, стр. 263), да еще прибавлено, что Шахъ-Али, съ женою своею, выбѣжалъ въ Москву, въ сопровожденіи казаковъ Касимовскихъ. «А посланнаго великимъ княземъ царя Шигалея», читаемъ въ *Про.*, «съ царства збили; онъ же приде къ Москвѣ и съ царицею по Божѣ правимъ казаки Касимовскими, которые отъѣхали въ поле государское, и царь Шигалей сопасилъ ихъ великому князю».

Сагибъ-гирей (صاحب کرای), преемникъ Шахъ-Алія, въ лѣтописяхъ нашихъ писался обыкновенно Сапкирей, рѣдко Саипъ-кирей, а еще рѣже, какъ во *Врм.*, совершенно правильно: Сагибъ-гирей. Сапкиреемъ

же зовутъ его Герберштейнъ и наши родословныя книги. Въ родоприсхожденіи Сагибъ-гирея согласны всѣ источники. Сыномъ Менгли-гирея и братомъ Мухаммедъ-гирея называютъ его, между прочимъ, Русскіе лѣтописцы, при описаніи его пріѣзда въ Россію, еще при жизни отца его, вмѣстѣ съ ханьшею Нуръ-султаню (см. для примѣра выписку изъ *Соч. 2 мт.*, выше, въ пр. 21, на стр. 52; ср. *Акты Зап. Росс.* II, стр. 73, 74), Герберштейнъ, при описаніи его воцаренія въ Казани (*Regum Moscoviticarum Commentarii, Hist. Ruth. script. ext.* I, стр. 63: *Quibus rebus Cazanenses ducti, Saggirej, Mendligeri filio, uni ex Tauricae regibus, regnum deferunt... Mahmetgirej, rex Tauricae, Saggirei fratrem magno exercitu in Cazan introducit*), и наши же родословныя книги (*Кон.* см. выше, пр. 21, стр. 44: А Мулгиреевы [Менгли-гиреевы] дѣти Махметъ-кирей [Мухаммедъ-гирей], да Ахматъ [Ахмедъ-гирей; см. о немъ выше, стр. 250]... да Фатъ-кирей [Фатхъ-гирей]... Сапкирей [Сагибъ-гирей]; *Син.*, статья *Родъ Царей болшіе Орды*, Врем. Моск. Общ. ист. и древн. Кн. 10. Матер., стр. 127, 128: А Менгиреевы дѣти: Магметъ Гирей Царь, другой сынъ Фети-Гирей Салтанъ, третей сынъ Сапгирей... пятой сынъ Сагапъ Гирей [тутъ по ошибкѣ Сагибъ названъ два раза: разъ Сапомъ, а другой—Сагапомъ; въ статьѣ *Родъ Царей Крымскихъ и Казанскихъ и Астораханскихъ*, Сагибъ-гирей выпущенъ; точно также выпущенъ онъ и въ *Арх.*, Врем. Моск. Общ. ист. и древн. Кн. 10. Матер., стр. 222, гдѣ сверхъ того сыновья Менгли-гирея, Мухаммедъ-гирей и Ахмедъ-гирей, включены, по ошибкѣ, въ число сыновей

Нуръ-даулета; ошибка очевидна: дѣти Хаджи-гирея Менгли-гирея и Нуръ-даулета перепутаны; см. выше, пр. 21, стр. 45 и пр. 47, стр. 99]; *Род. I. 26*: У Минлигирея дѣти: Махметъ Кирей, Ахмать... Оатекирей... Сапкирей). По словамъ сочинителя *Подр. лѣт.* II, 6, Сагибъ-гирей (Сѣль-гирей) былъ рожденъ отъ одной матери съ Мухаммедъ-гиреемъ, именно отъ бывшей вдовы Казанскаго хана Ибрагима, Нуръ-султаны, вышедшей (см. выше, пр. 21, стр. 52) замужъ за Менгли-гирея. Мухаммедъ-гирей былъ дѣйствительно сынъ Нуръ-султаны (*Щерб.* Т. IV. Ч. III, стр. 324, 325).

Сагибъ-гирей, сынъ Менгли-гиреевъ и царь Казанскій, былъ въ послѣдствіи ханомъ Крымскимъ. Объ этомъ упоминаетъ и Мухаммедъ-Риза въ *Ассебъ-о-ссейяръ*, стр. 90. Описывая жизнь Сагибъ-гирея до воцаренія его въ Крыму, онъ говоритъ, что ханъ этотъ, при братѣ своемъ Мухаммедъ-гирей, правилъ Казанью. По увѣренію Ризы, Сагибъ-гирей заступилъ въ Казани мѣсто потомка Улу-Мухаммеда, Иджамъ-хана, умершаго безъ прямыхъ наследниковъ (اول عصرده الغ محمد خان نسلندن مملکت قزان) *حاکمی ایجم خان بلا وارث تارک بزم زندگانی اولوب اعالی ولایت نسل جنکیزباندن بر سلطان ارسالنه اظهار رغبت ایلدکلرنده صاحب کرای سلطانی نصب وتعیین ایتیشیدی*). Тоже самое пишетъ и сочинитель краткой исторіи Крыма, напечатанной въ *Nouv. Journ. Asiat.* (Т. XII, стр. 365); авторъ этой исторіи опредѣляетъ даже годъ смерти Иджамы (Itchim) и воцаренія Сагибъ-гирея

въ Казани: случилось это, по его словамъ, въ 924 = 1515 г.—Имя *Иджемъ* не передѣлано ли изъ имени Казанскаго хана *Имама*?

Воцареніе въ Казани Крымскаго султана повлекло за собою важныя послѣдствія. Война между Россією и Казанью не замедлила вспыхнуть. Сагибъ-гирей, увѣренный въ поддержкѣ брата Мухаммедъ-гирея, сталъ свирѣпствовать въ Казани надъ жившими тамъ Русскими, и въ началѣ 1523 г., перебилъ ихъ множество, въ томъ числѣ умертвилъ и посланника великокняжескаго Василья Юрьевича Поджегина. «Кровь пролія яко воду», говорятъ лѣтописцы наши про Сагибъ-гирея, описывая это происшествіе. Великій князь, который помнилъ изгнаніе Шахъ-Алія и ждалъ только случая, какъ бы возвратить утраченное вліяніе надъ Казанью, не захотѣлъ оставить поступка Сагибъ-гирея безъ наказанія. Лѣтомъ же 1523 г. онъ самъ выступилъ въ походъ, и 23-го августа, прибылъ въ Нижній Новгородъ. Отсюда онъ отправилъ Шахъ-Алія съ судовою ратью, и сверхъ того конное войско громить землю Казанскую; самъ же, сентября 1-го, соорудилъ при устьѣ Суры деревянную крѣпость, названную имъ Василь-городомъ, и за тѣмъ, сентября 15-го, возвратился въ Москву. Шахъ-Али и воеводы выполнили удачно возложенное на нихъ порученіе (*Согф.* 2 лѣт. П. С. Р. Л. VI, 264; *Сер.* II, 313; *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 270; *Ник.* VI, 229; *Врм.* II, 281, 282; *Лѣт. Норм.* 22;

Про. 377; Лк. III, 379; Ст. II, 202 и Regum Moscoviticarum Commentarii, Hist. Ruth. script. ext. I, стр. 65).

Весною слѣдующаго 1524 г. открылись вновь военныя дѣйствія. Великій князь отправилъ противъ Казани Шахъ-Алія съ воеводами, въ главѣ многочисленной конной и судовой рати ⁸⁹⁾. Слухъ о прибли-

⁸⁹⁾ *Башм. разр. кн.*: Тогожь году (7032) посылалъ государь князь великій Василей Ивановичъ всеа Росніи Казани царя Шигалея, а съ нимъ воеводъ своихъ въ судахъ Волгою по полкомъ. А полемъ иныхъ воеводъ своихъ посылалъ, а судовыхъ воеводъ отпустилъ за день до Троицына дни, а конныхъ на Троицынъ день. Въ болшомъ полку: судовые воеводы, князь Иванъ Ѳедоровичъ Бельской, да князь Михайло Васильевичъ Горбатой Кислой, да Михайло Юрьевичъ Захарыинъ. Въ передовомъ полку: князь Семень Ѳедоровичъ Курбской, да околничей Иванъ Васильевичъ Лапкой. Въ правой рукѣ: бояринъ князь Семень Дмитреевичъ Серебренинъ, да князь Петръ Ѳедоровичъ Охлабининъ. Въ лѣвой рукѣ: князь Юрья Ивановичъ Большой Ушатай, да князь Иванъ Шаминъ. Въ сторожевомъ полку: бояринъ князь Михайло Ивановичъ Кубенской, да князь Василей Васильевичъ Чюлокъ Ушатай. А съ нарядомъ съ меншимъ были: Григорей Сабакинъ, да Якубъ Івашенцовъ, да Михайло Звѣрь. А съ болшимъ нарядомъ: Степанъ Сабакинъ, да Исакъ Шенгурской; а надъ ними князь великій велелъ нарядъ надзирать боярину Михайлу Юрьевичу Захарыну. А полемъ въ

конной рати шли государевы воеводы тогдажъ и Казани по полкомъ. Въ болшомъ полку: бояринъ Иванъ Васильевичъ Хобаръ Симской, да Михайло Семеновичъ Воронцовъ. Въ передовомъ полку: Василей Андрѣевичъ Шереметевъ, да Ѳеодоръ Семеновичъ Колычовъ. Въ правой рукѣ: бояринъ князь Петръ Ивановичъ Репнинъ, да Дмитрей Григорьевичъ Бутурлинъ Косой. Въ лѣвой рукѣ: князь Иванъ Ѳеодоровичъ Овчина Оболенской, да князь Андрѣй Александровичъ Меншой Кропоткинъ. Въ сторожевомъ полку: Иванъ Васильевичъ Колычовъ Лошакъ, да князь Иванъ Михайловичъ Чулокъ Засѣкинъ. А шли съ ними Шигоня Поджегинъ, да дьякъ Авонасей Куршцынъ. — Поименованіе воеводъ, бывшихъ въ походѣ 1524 г., помѣщено и въ лѣтописяхъ: *Вскр.*, *Ник.*, *Лв.*, *Про.* и *Лѣт. Норм.* Въ настоящемъ случаѣ *Баши. разр. кн.*, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, разнится отъ лѣтописей, а въ другихъ — полнѣе ихъ.

женіи сильнаго непріятельскаго войска до того поразили Сагибъ-гирея, что онъ бѣжалъ подъ защиту султана Турецкаго, оставивъ вмѣсто себя юнаго своего племянника, вызваннаго изъ Крыма. Царевича этого, который звался Сафа-гиреемъ⁹⁰), жители провозгласили

⁹⁰) Русскіе лѣтописцы, говоря о воцареніи Сафа-гирея въ Казани, называютъ его Крымскимъ царевичемъ, но не объясняютъ кто былъ его отецъ. Герберштейнъ пишетъ, что царевичъ, котораго Сагибъ-гирей оставилъ въ Казани вмѣсто себя, т. е. Сафа-гирей, былъ

его племянникъ (*Regum Moscoviticarum Commentarii, Hist. Ruth. script. ext.* I, стр. 65: *Eo apparatu adeo terribili, Saggirej rex Cazani percussus, accersito ad se ex fratre nepote, rege Tauricae, juvenem tredecim annorum, qui interim regno praeesset, ad Turcarum Imperatorem, ejus auxilium opemque imploraturus, confugit*). По нашимъ родословнымъ книгамъ, Сафа - гирей былъ сынъ Фатхъ-гирея (فتح کرای; см. о немъ выше, пр. 88, стр. 261), сына Менгли - гирея и брата Сагибъ - гирея (*Коп.*, см. выше, пр. 21, стр. 44: *Фатигиреевы дѣти: сынъ, Савагирей Казанской; Сын., статья Родъ Царей Крымскихъ и Казанскихъ и Асторахатскихъ*, *Врем. Моск. Общ. ист. и древн. Кн. 10. Матер.*, стр. 129: *А Фитигиреевъ сынъ Сафа Гирей Царь Казанской; Сын., статья Родъ Царей болшия Орды*, *Врем. Моск. Общ. ист. и древн. Кн. 10. Матер.*, стр. 128: *А Фитигиреевъ сынъ Сафа Гирей Царь на Казани былъ; Арх.*, *Врем. Моск. Общ. ист. и древн. Кн. 10. Матер.*, стр. 222: *А Жатигиреевъ* [очевидно описка вмѣсто Фатигиреевъ, тѣмъ болѣе, что нѣсколькими строками выше, въ этомъ же самомъ спискѣ, онъ же названъ Фатигиреемъ] *Савагирей Царь Казанской; Род. 1, 26: А у Фатекирея сынъ Савакирей Казанской*). По словамъ Ризы, Сафа - гирей былъ сынъ брата Сагибъ - гиреева, Махмудъ - гирея, по видимому, того самаго, котораго Русскіе источники зовутъ Ахмедъ - гиреемъ. (*Ассесъ-о-ссейлрѣ*, стр. 90: *صاحب کرای [بش سنه: مقدارى زمان متحمل بار کران حکومت اولوب نو بنو ظهور ایدن شرور وقتن وعلم استقلال موجب استيفا*

اولفله مكمومت بى ايرادى معبته اولان برادرى محمود
كرائى سلطان زاده صفاكرايه تفويض و فراغت و كندوسى
مح ابتيك بهانه سيله باب شوكتمدار سليمان زمانه جيهه
فرسائى عبوديت اولدقده مظهر عنابت ملوكانه لرى
(اولوب بر مدت سر نهاده امن و راحت اولشيدى).

ханомъ. Вскорѣ Русскіе подступили къ городу. Распоряженія главныхъ военачальниковъ нашихъ были вообще дурны въ продолженіи всего похода; тѣмъ не менѣ Казанцы смирились и обѣщали быть покорными великому князю. Осенью явились послы ихъ въ Москву просить государя забыть прошлое и признать Сафа-гирея ханомъ. Василій согласился на эту просьбу (*Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 270, 271; *Ник.* VI, 229—231; *Лв* III, 380—382; *Врм.* II, 282, 283; *Про.* 379, 380; *Лѣт. Норм.* 23; *Согб.* 2 *лѣт.* П. С. Р. Л. VI, 264; *Свр.* II, 313, 314; *Ст.* II, 202, 203; *Ик.* 63—66; *Подр. лѣт.* II, 73—76; *Rerum Moscoviticarum Commentarii, Hist. Ruth. Script. ext.* I, стр. 65—67).

Миръ, заключенный между Россією и Казанью въ 1524 г., какъ и слѣдовало ожидать, былъ только наружный. Вынужденная зависимость отъ великаго князя стала, съ первой же минуты, тяготить Сафа-гирея; начались ссоры и новыя войны. Тогда Василій задумалъ свергнуть Сафа-гирея съ престола; кончилось тѣмъ, что Казанцы, подученные изъ своей же среды людьми преданными великому князю, вес-

ною 1532 года, выгнали Сафа-гирея, и отправили въ Россію пословъ съ грамотами, прося Василя назначить къ нимъ новаго царя.

Со стороны великаго князя все уже было приспособлено къ этому дѣлу; даже царь въ Казань былъ выбранъ, и съ декабря 1531 г., жилъ въ Нижнемъ Новгородѣ, готовый, по первому слову, двинуться и занять обѣщанный ему престолъ. То былъ Шахъ-Али, прежній ханъ Казанскій ⁹¹⁾. Въ этомъ только

⁹¹⁾ Съ Шахъ - Алиемъ въ Нижнемъ Новгородѣ находилось и Русское войско; о воеводахъ, бывшихъ въ войскѣ и лицахъ, состоявшихъ при особѣ Шахъ - Алиа въ качествѣ приставовъ, см. помѣщенную выше, на стр. 254, 255, выписку изъ *Башм. разр. кн.* Въ лѣтописяхъ нашихъ ни воеводы, ни пристава не упоминаны; видно только по ходу разсказа, что въ Нижнемъ съ декабря 1531 г., жилъ Шахъ - Али, и что тамъ же стоялъ князь Василій Васильевичъ Шуйскій съ товарищами. *Башм. разр. кн.* дополняетъ показаніе лѣтописцевъ.

выборѣ ошибся Василій. Казанцы въ грамотахъ своихъ просили именно не назначать царемъ Шахъ-Алиа, котораго народъ боялся, а дать брата его Джанъ-Алиа. «А писали въ грамотахъ къ великому князю», читаемъ въ *Вскр. П. С. Р. Л. VIII*, 277, «по государеву наказу Сафа Кирѣя царя изъ Казани выслали, а насъ государь хочетъ жаловати, и беречи земли Казанской и дати намъ на Казань Шигалѣя царя, и мы Шигалѣя

царя блюдемся, чтобы государь насъ пожаловалъ, далъ намъ на Казань царя Яналъа царевича, Шихавліарова царевичева сына» (*Ник.* VI, 242, 243; *Лв.* III, 408: А писано въ грамотахъ по Государеву наказу. Сафагиръа царя изъ Казани выслали а насъ Государь хочеть жаловать и беречь земли Казанскіе и дать намъ на Казань Шигалъа царя, и мы Шигалъа царя опасаемся, а просимъ, чтобъ Государь насъ пожаловалъ, далъ намъ царя Яналъа Шигавліарова царевичева сына). Великому князю не было особеннаго разсчета настаивать непремѣнно на своемъ: тотъ или другой братъ — въ сущности было все равно, лишь бы въ Казани сидѣлъ человѣкъ, преданный Россіи. Немедленно Василій изъявилъ согласіе на желаніе Казанцевъ, и отправилъ нарочныхъ въ городокъ за Джанъ-Аліемъ. Окольникъ Якову Григорьевичу Морозову и дяку Афанасію Курицыну поручено было ѣхать въ Казань съ новымъ ханомъ, и возвести его на престолъ.

Вотъ какимъ образомъ Джанъ-Али, можно сказать, почти неожиданно и для другихъ и для себя самаго, сдѣлался въ 1532 г. ханомъ Казанскимъ ⁹²).

⁹²) Подробности о возведеніи Джанъ-Аліа на престолъ Казанскій см. въ *Вскр.* II. С. Р. Л. VIII, 274—277, *Ник.* VI, 237—244, *Лв.* III, 397—411 и *Лѣт. Норм.* 25. Во *Врм.* II, 291, происшествіе описано короче; сказано, что Казанцы выгнали Сафагиръа и прислали просить у великаго князя царя, и что «Василей далъ имъ на

Казань царя Ямалея Шигаврірова сына царевичева». Еще короче о Джанъ-Аліѣ въ *Нов. лѣт.* 16, гдѣ читаемъ: «Въ лѣто 7040 г., Великій Князь Василій Ивановичъ еще посла на Казанскаго Царя съ ратию служилаго своего царя Гевалѣя, а съ нимъ посла князя Василья Ярославскаго Пенькова». См. также *Ст.* II, 210, 211. Лѣтосчисленіе въ лѣтописяхъ вообще запутано: въ однихъ происшествіе отнесено къ 7039, а въ другихъ—къ 7040 г.; въ *Лѣт.* годъ выставленъ 7044. Изъ *Вскр.* однако, хотя въ заголовкѣ статьи и значится годъ 7039, а по сравненію съ ней изъ *Ник.* и *Лѣт.* ясно видно, что Джанъ-Алія занялъ престолъ лѣтомъ 7040, т. е. 1532 г. Дѣло въ томъ, что переговоры о низверженіи Сафа-гирея начались въ 1530 г., а окончательная развязка послѣдовала въ 1532 г. Этой путаницей въ лѣтосчисленіи объясняется и то, почему въ *Баши. разр.* км. одно и тоже происшествіе, возведеніе Джанъ-Алія на престолъ, занесено подъ двумя годами 7039 и 7040 (см. выше, стр. 254). Свѣдѣнія о воцареніи Джанъ-Алія въ Казани находятся еще въ Исторіи о Казанскомъ царствѣ, но весьма неточныя. По словамъ сочинителя ея (*Ик.* 66—74; *Подр. лѣт.* II, 76 — 82), Сафа-гирей бѣжалъ изъ Казани въ 1530 г., испугавшись Русскихъ, которые пришли осаждать городъ. (Въ 1530 г. Казань дѣйствительно была осаждаема Русскими). Вслѣдъ за тѣмъ Казанды, утомленные осадой, заключили миръ съ нашими воеводами и прислали вѣстѣ съ ними пословъ просить великаго князя дать имъ царемъ «брата царя *Шихъ Алія*

(Шигалеева) меньшого, царевича *Геналмъ* (Геналей). Государь принялъ эту просьбу благосклонно и *Геналмъ* (Геналей) сдѣлался Царемъ Казанскимъ. «И вѣдасъ», пишетъ сочинитель Исторіи о Казанскомъ царствѣ (*Иж.* 74) про великаго князя, «на царство в Казань *Геналмъ* Царя, брата Шихъ Алтѣева, младу ему сущу 15 лѣтъ и кротку и тиху» (*Подр. лѣт.* II, 82: И владѣ нмъ на царство Геналея Царя брата Шигалеева, еще бо ему младу, патьнадесятолѣтну сущу). Мнѣніе, будто Джанъ-Алію, при вступленіи его на престолъ Казани, было всего 15 лѣтъ, т. е. будто бы онъ родился въ 1517 или, по крайней мѣрѣ, въ 1515 г. (если принимать, вмѣстѣ съ сочинителемъ Исторіи о Казанскомъ царствѣ, годъ 1530 за эпоху возведенія царевича на престолъ) — очевидно невѣрно. Джанъ-Али, какъ мы видѣли выше (стр. 253), уже въ 1521 г. начальствовалъ Татарами Городецкими. Не могъ же онъ быть съ ними четырехъ или шести лѣтъ отъ роду.

Ко времени управленія Джанъ-Аліемъ Мещерскаго городка относится касающаяся отчасти и до Касимова (Царевичева городка), договорная грамота великаго князя Василя Ивановича и сына его великаго князя Ивана Васильевича съ братомъ его княземъ Юрьемъ Ивановичемъ, заключенная 24-го августа 1531 г. Въ грамотѣ этой читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: «А Орды вѣдати и знати мѣѣ Великому Князю и моему сыну *Ивану*, а тобѣ Орды не знати; а въ выходы ти въ Ордыньскіе, и въ Крымъ, и въ Азстороканъ, и въ Казань,

и въ Царевичевъ городокъ, и въ иные Цари и въ Царевичи, которые будутъ у меня въ землѣ и у моего сына *Ивана*, и во всѣ Татарскіе проторы давати ти мнѣ и моему сыну *Ивану* со всеѣ своей отчины по тому, какъ отецъ нашъ Князь Велики въ своей духовной грамоте написалъ: а коли мы въ выходы въ Ордынскіе и въ Татарскіе проторы не дадимъ, и намъ и у тебя не взяти» (*Сб. юс. гр.* I, № 160, стр. 445; ср. тамъ же № 161, стр. 447; *Др. Висл.* III, № 139, 140, стр. 87, 92; *Древн. Росс. Висл.* V, № 174, 175, стр. 222, 223, 230, 231). Вся эта статья о Татарскихъ проторахъ и о выходахъ—ничто иное, какъ повтореніе слово въ слово помѣщенной мною выше на стр. 153, въ статьѣ о царевичѣ Сатылганѣ и рассмотрѣнной тамъ подробно, выписки изъ договорной грамоты, заключенной 16 іюля 1504 г., между великимъ же княземъ Василиемъ и его же братомъ Юриемъ, еще при жизни родителя ихъ *Ивана III*. На этотъ фактъ нельзя не обратить вниманія. Оказывается, что въ теченіи 27 лѣтъ, положеніе Царевичева городка и тамошнихъ владѣльцевъ не измѣнилось вовсе, или очень мало, и что въ 1531 г. *Джанъ-Али* пользовался если не тѣмъ же самымъ содержаніемъ, какое имѣлъ Сатылганъ въ 1504 г., то по крайней мѣрѣ получалъ это содержаніе изъ одного съ нимъ источника, и на одномъ съ нимъ основаніи.

Ко времени же управленія *Джанъ-Алиемъ* Мещерскаго городка долженъ быть отнесенъ и тотъ походъ подвластныхъ ему Городецкихъ Татаръ въ Путивль

противъ Крымцевъ, о которомъ говоритъ Карамзинъ въ пр. 301 къ Т. VII своей Исторіи Государства Россійскаго. «Государь (въ 1531 г.)», пишетъ Карамзинъ, «послалъ въ Путивль Царя Шигъ-Алея и Шибанскаго Царевича Ахдовлета съ Городецкими Козаками и съ служивыми Татарами, К. Бориса Горбатаго, Воронцова, Оболенскаго (Намѣстника Новгорода Сѣверскаго) съ Дѣтьми Боярскими, Козаками, и *Северюками*, а въ Коломну и Коширу К. Василья Шуйскаго съ сильнымъ войскомъ». Свѣдѣніе объ участіи Городецкихъ казаковъ или Татаръ въ Путивльскомъ походѣ заимствовано Карамзинымъ изъ Дѣлъ Крымскихъ. Въ *Башм. разр. кн.* за весь 1531 годъ о Городецкихъ Татарахъ не говорится ни слова; стоялъ дѣйствительно, и по ея словамъ, въ 1531 г. Шахъ-Али съ княземъ Борисомъ Горбатымъ, Воронцовымъ и другими воеводами, но одинъ, безъ Акъ-даулета и Городецкихъ Татаръ. «Того же лѣта (7039), апрѣля въ 19 день», читаемъ въ *Башм. разр. кн.*, «в Сѣвере на Наклевине стоялъ царь Шига-лей, да съ нимъ воеводы: бояринъ князь Борисъ Ивановичъ Горбятый, да князь Иванъ Ивановичъ Барбашинъ, да князь Ѳедоръ Васильевичъ Овчина Телепневъ, да Дмитрей Семеновичъ Воронцовъ, да Василей Коробовъ, да съ нимижъ Никита Алферьевъ сынъ Ѳлипова Нащокинъ, да Астаня Аньдрѣевъ».

Герберштейнъ, посѣщавшій въ послѣдній разъ Россію въ 1526 г., значитъ во время управленія Джанъ-Алія Мещерскимъ городкомъ, упоминаетъ о Касимовѣ.

Онъ-зоветъ его Касимовгородомъ, и при этомъ сообщаетъ хотя немногія, но весьма любопытныя извѣстія о тогдашнихъ обычаяхъ тамошнихъ Татаръ; по его увѣренію, Касимовскія Татарки красили себѣ ногти черною краскою, и ходили постоянно съ непокрытою головою и съ распущенными волосами. Вотъ подлинныя слова Герберштейна, заимствованныя изъ его *Rerum Moscoviticarum Commentarii, Hist. Ruth. script. ext. I*, стр. 44 (см. также стр. 46): «*Haud procul inde est Moscha fluvius, qui et ipse ex Meridie profluens, Occam supra Murom illabitur, non longe ab oppido Cassimowgorod, quod Moscus Tartaris habitandum concessit. Horum mulieres arte quadam ungues, decoris causa, nigro colore inficiunt: ac aperto capite, passisque crinibus perpetuo incedunt*».

По возведеніи своемъ на престолъ Казанскій, Джанъ-Али жилъ недолго. Въ 1535 г. онъ былъ убитъ, и на его мѣсто снова воцарился Сафа-гирей.

При особѣ Джанъ-Алія, во время его царствованія въ Казани, находились и Татары Городецкіе, которыхъ онъ, по всей вѣроятности, вывезъ съ собою изъ Касимова; по крайней мѣрѣ лѣтописцы упоминаютъ о какомъ то Кутлу-булатѣ (قوتلو بولات), князѣ Городецкомъ, который, въ качествѣ посла, вмѣстѣ съ другими, пріѣзжалъ изъ Казани, лѣтомъ 1533 года, просить, между прочимъ, у великаго князя дозволенія Джанъ-Алію жениться на дочери Юсуфа, мурзы Ногайскаго⁹⁸).

⁹⁸) *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 282, 283: Тоя же весны (7041), июня 6, придоша къ великому князю Василью Ивановичю на Москву послы Казанскіе, Аппай уланъ, да Кадышь князь Отучевъ братъ, да Кутлу Булатъ князь Городецкій да Евтекъ бакшей, были челомъ государю великому князю отъ царя Яналъа, и отъ Булата въ головахъ, и отъ Табаа князя, и отъ улановъ, и отъ князей, и отъ карачей и отъ всѣхъ людей Казанскіе земли, чтобы великій государь пожаловалъ царю ослободилъ и волю далъ у Юсуевъ мурзы Нагайского жениться, да и о иныхъ великихъ дѣлахъ земскихъ. И князь велики Яналъа царя брата и сына своего пожаловалъ, на ту волю далъ и ослободилъ ему у Юсуевъ мурзы Нагайского дочь за себя взяти того ради, чтобы земля Казанская въ упокоѣ была, да и о земскихъ дѣлахъ управу учинилъ: и отпустилъ пословъ Казанскихъ, Аппай улана съ товарищи. августа (*Ник.* VI, 254, 255, подъ 7042 г., гдѣ Кутлу булатъ назанъ: «Котулубулатъ», а Юсуевъ — «Юосу», и гдѣ, сверхъ того, Юсуфъ значится въ первый разъ, безъ сомнѣнія, по ошибкѣ, мурзою Казанскимъ, а посолъ Аппай уланъ, въ концѣ статьи, названъ Аппануляномъ; *Лс.* III, 429, 430, подъ 7046 г., гдѣ вмѣсто: «да Кутлу Булатъ князь Городецкій», стоитъ невѣрно: «Икутлу Булатъ Городецкой Князь»; Евтекъ Бакшей названъ въ *Лс.* Эвтей Бакшей).

IX.

ШАХЪ - АЛИ (شاه علی).

Мы видѣли, что Шахъ-Али, съ самой минуты своего изгнанія изъ Казани въ 1521 г., почти во все время управленія Мещерскаго городка братомъ его Джанъ - Алиемъ, жилъ у насъ, и употреблялся великимъ княземъ на различныя случайныя дѣла и порученія. Такъ въ 1523 и 1524 годахъ онъ ходилъ воевать Казанскую землю, въ 1528 г. былъ посыланъ на Литовскую Украину, а въ концѣ 1531 и началъ 1532 г. стоялъ въ Нижнемъ Новгородѣ (см. выше, стр. 254, 255, 263, 264 и 268; см. также выше, стр. 273). Но гдѣ было постоянное его мѣстопробываніе — владѣлъ ли онъ въ Россіи какимъ нибудь городомъ, или нѣтъ — намъ это положительно неизвѣстно. Быть можетъ, Шахъ - Али, во всѣ одинадцать лѣтъ отъ 1521 до 1532 г., состоялъ при лицѣ великаго князя, и время, свободное отъ выпадавшихъ на

его долю походовъ и войнъ, проводилъ въ Москвѣ. По крайней мѣрѣ, тамъ, въ свитѣ великокняжеской, видѣлъ его Герберштейнъ въ 1526 году, когда онъ во второй разъ, пріѣзжалъ въ Россію, въ качествѣ посла ерцгерцога Фердинанда. Говоря о Шахъ-Аліѣ, Герберштейнъ называетъ его не владѣльцемъ какого либо города, пріѣхавшимъ гостить въ Москву, а просто Татариномъ, изгнаннымъ царемъ Казанскимъ ⁹⁴).

⁹⁴) Герберштейнъ видѣлъ Шахъ-Алія въ 1526 г. близъ Москвы на охотѣ великокняжеской, на которую приглашено было посольство Шахъ-Али ѣхалъ верхомъ, по правую руку Василія. На немъ висѣло два калчана: одинъ для стрѣлъ, другой для лука. Почетъ царю былъ оказываемъ, по видимому, большой. Ему съ послами дозволено было прежде всѣхъ спускать собакъ. Какъ скоро, по окончаніи охоты, потѣздъ расположился отдыхать въ заранѣе раскинутыхъ шатрахъ, то изъ нихъ особо предназначенныхъ оказалось всего три: одинъ большой — для великаго князя, другой — для царя, третій — для пословъ. Когда же, чрезъ нѣсколько времени, позвали въ шатеръ къ великому князю пословъ, то они нашли тамъ Шахъ-Алія сидящаго рядомъ съ государемъ, и опять по правую руку. Слуги предлагали угощеніе великому князю, царю и посламъ, преклоняя колѣни. *Rerum Moscoviticarum Commentarii, Hist. Ruth. script. ext.* I, стр. 86, 87: *Claudebat ejus dextrum latus, expulsus Casani rex, nomine Scheale, Tartarus... Rex Scheale accin-*

ctus erat duplici pharetra: in una sagittas reconditas, altera vero arcum inclusum quodammodo habebat... Porro nemini ab initio dimittere canem venaticum permissum erat, quam regi Scheale, et nobis... Princeps ex venatione ligneam quandam turrin versus, quae abest a Moscovia quinque millibus passuum, progressus est, ubi aliquot tentoria erant collocata, primum, magnum et amplum, instar domus, pro se: aliud pro rege Scheale: tertium pro nobis: dein alia pro aliis personis et rebus... Princeps in suum pariter ingressus, vesteque commutata, nos continuo ad se accerserat, nobisque ingredientibus, sedebat in sede eburnea: latus ejus dextrum claudebat rex Scheale... Discumbentibus itaque omnibus, apponebantur primum confectiones (ut vocant) coriandri, anisi, et amygdalorum: dein nuces, amygdala, atque saccari integra pyramis: quae ministri genibus flexis Principi, regi, et nobis tenentes porrigebant.

Съ отъѣздомъ Джанъ-Алія въ Казань въ 1532 году, слѣдовало бѣ ожидать, что Мещерскій городокъ, оставшійся безъ владѣльца, перейдетъ къ его прямому наслѣднику, къ Шахъ-Алію, такъ же точно, какъ этотъ же самый городокъ изъ рукъ Шахъ-Алія, отправившагося царствовать въ Казань, перешелъ къ Джанъ-Алію. Но нѣтъ; про Шахъ-Алія мы можемъ навѣрное сказать, что первые годы послѣ 1532 г. онъ Мещерскимъ городкомъ не управлялъ. Вскорѣ по назначеніи Джанъ-Алія ханомъ, Василій пожаловалъ Шахъ-Алію, въ сентябрѣ того же 1532 г., Коширу и Серпуховъ,

куда царь и отправился почти немедленно, именно 21 сентября ⁹⁵⁾). Тамъ, по своей собственной винѣ, онъ

⁹⁵⁾ *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 280: И того же мѣсяца сентября (7041) пожаловалъ князь великій Василей Ивановичъ, государь самодержецъ всеа Руси, бывшаго царя Казанскаго Шигаѣа, а далъ ему Коширу да Серпуховъ съ вѣсми пошлинами, да и отпустилъ его съ Москвы того же мѣсяца (22) 21 (*Ник.* VI, 250, подъ 7042; *Лв.* III, 421, 422, подъ 7046 г.; *Врм.* II, 296, 297; *Про.* 388). *Акты Арх. Эксп.* I, № 289, Опись Царскаго архива, 1575 — 1584, стр. 342: Ящикъ 88: А въ немъ грамота шертная Шигалеева царева, далъ ѣдучи на Коширу и на Серпуховъ лѣта 7041, съ Великимъ Княземъ Васильемъ Ивановичемъ всеа Русіи.

прожилъ весьма недолго, не болѣе трехъ мѣсяцевъ ⁹⁶⁾).

⁹⁶⁾ Къ этой эпохѣ управленія Шахъ-Азіемъ Коширы и Серпухова относится жалованная грамота, данная имъ Троицкому Бѣлопесоцкому монастырю, объ освобожденіи отъ пошлинъ и повинностей монастырской отчины въ Коширскомъ уѣздѣ, съ изыятіемъ крестьянъ отъ суда намѣстниковъ и волостелей, и о пр., напечатанная въ *Актахъ Арх. Эксп.* I, № 175, стр. 146 — 148. Писана ова «на Коширѣ, лѣта 7041, Ноября въ семьнадцатый день». Самъ царь называетъ себя Казанскимъ. «Се язъ», пишетъ онъ, «Царь Шаалей Шаавлеяровичъ Казанской». Для насъ въ грамотѣ особенно любопытны слѣдующія слова, встречающіяся въ концѣ ея: «Такоже

есми игумена Сергія съ братьею пожаловалъ: наши уланы, и князи, и мурзы, и пошлины люди, и псары, въ нихъ селцахъ и въ деревняхъ не ставятся, и корму своего и конского у крестьянъ не емяють». Значить, при Шахъ-Али состояли и Татары: огланы, князи, мурзы и пр., вѣроятно, частью Казанскіе, частью Городецкіе.

Уличенный въ преступныхъ и тайныхъ сношеніяхъ съ Казанью и другими землями, онъ былъ, въ январѣ 1533 г., взятъ подъ стражу, лишенъ удѣла, и, вмѣстѣ съ женою, сосланъ на Бѣлоозеро. Людей же его, Татаръ (оглановъ, князей, мурзъ и пр., см. выше, пр. 96), развели по городамъ: въ Тверь, Новгородъ и Псковъ⁹⁷⁾. Шахъ - Али оставался въ заточеніи

⁹⁷⁾ *Вскр* П. С. Р. Л. VIII, 281: Тоя же зимы, генваря (7041), князь велики Василей Ивановичъ всеа Руси положилъ опалу свою на бывшаго царя Казанского Шигалѣа, что онъ правду свою порушилъ, учалъ ссылаться въ Казань и въ иные государства безъ великого князя вѣдома; и за то его велѣлъ князь велики ж жалованіа своего свести съ Коширы и съ Серпухова, да поймавъ съслагъ на Бѣлоозеро и съ царицею и посадилъ за сторожи (*Ник.* VI, 252, 253, подъ 7042 г.; *Врм.* II, 297, 298). *Лс.* III, 426: Зимю Генваря мѣсяца (7046) Великій Князь Василей Ивановичъ положилъ опалу свою на бывшаго царя Казанскаго Шигалѣа, что онъ правду свою порушилъ, учалъ ссылаться въ Казань и во иные Государства безъ Великаго Князя вѣдома и за то велѣлъ его сослать на

Бѣло озеро и съ царицею за карауломъ отобравъ отъ него все имѣніе. *Про.* 388: Тояже зимы (7041) бывшій царь Казанской пойманъ за то, что онъ учалъ ссылатися въ Казань, и сосланъ на Бѣло озеро. *Совб.* 2 *лт.* П. С. Р. Л. VI, 266: Тое же зимы, декабря (7041), поималъ князь велики царя Шигалѣя, что былъ на Казани (*Сер.* II, 316). *Пск.* 1 *лт.* П. С. Р. Л. IV, 299: Тоя же зимы (7042), въ великій постъ, засадиша на Москвѣ царя Шигалѣя Татарского и послаша его на Бѣлоозеро, а людей его по городомъ розведоша, во Тверь и въ Новгородъ и во Псковъ, Татаръ съ женами и съ дѣтми; п приведоша ихъ во Псковъ, и нарядиша имъ избы и весь нарядъ дворный на ямскомъ дворѣ у Трупеховскихъ воротъ (*Кар.* пр. 30 къ Т. VIII). *Акты Арх. Эксп.* I, № 289, Опись Царскаго архива 1575—1584, стр. 342: Ящикъ 94. А въ немъ книги и списки Шигалѣя царя, какъ его Князь Велики пожаловалъ, далъ ему городъ Коширу, и былъ въ опалѣ.

вплоть до конца 1535 года. Эпоха эта была самая тяжкая въ жизни Шахъ-Алія. Если не ему самому, то его Татарамъ, которые были заключены съ нимъ въ опалу, привелось вытерпѣть много горя Ихъ держали въ тюрьмахъ, гдѣ ихъ морили голодомъ или убивали. Женъ и дѣтей крестили. Нѣкоторые, для того, чтобъ избавиться отъ мученій, сами принимали христіанскую вѣру⁹⁸).

⁹⁸) *Пск.* 1 *лт.* П. С. Р. Л. IV, 300, 301: Того же лѣта (7043 = 1535), мѣсяца іюня въ 26 (27) день,

посадиша Татаръ царя Шигалей людей 73 въ тюрьму, въ Среднемъ городѣ подъ Бурковскимъ костромъ отъ Великіе рѣки, на смерть, и малыхъ дѣтокъ 7 въ томъ же числѣ, и ти изомроша въ день и въ ночь и выкидаша ихъ вонъ, а восемь живы оставася въ тюрьмѣ, ни поены ни кормлены на многи дни, а тѣхъ прибиша; а катуней (т. е. женъ, отъ Татарскаго слова: *خاتون*—хатынь—жена) посадиша въ иную тюрьму, легче и виднѣе, у Трупеховыхъ воротъ къ Василью Святому на Горку (Видѣсто всего этого по другому списку: «Того же году Татарокъ крестиша; а мужей ихъ уже утушили въ тюрьмы 72 человека»; см. *Иск. Пог.* 187)...Тоя же зимы (7044=1536), по Крещеніи Господни, архіепископъ Великого Новагорода и Пскова владыка Макарей пріѣхалъ во Псковъ на 4-й годъ, и уприси у великого князя Ивана Васильевича всея Русіи и у его матери великой княгини Елены, у вдовы, на свое бремя Татаръ Шигалей людей и женъ, кои сѣдили въ тюрьмахъ въ Новгородѣ и во Псковѣ, и подаваше ихъ священникомъ и повелѣ ихъ крестити во христіанскую вѣру; и бысть радость велия въ людехъ о новокрещеныхъ, и начаша ихъ священники давати замужъ, а онѣ къ вѣрѣ христіанстѣй добры быша (*Кар.* пр. 30, въ Т. VIII). *Отрывокъ Русской Лѣтописи*, П. С. Р. Л. VI, 297, 299: Того же лѣта 43 (1535) государь князь великій Иванъ Васильевичъ всеа Русіи ополчѣся на Татаръ Шигалѣя царя, и бысть ихъ въ Новгородѣ восьмьдесятъ и болѣ, и пометаша ихъ въ тюрьму; они же, по своей скверной вѣрѣ, въ пять дней все изомроша, тако-

же и во Псковѣ семьдесятъ вскорѣ изомроша. Единъ же отъ нихъ позна святую православную вѣру и крестися съ женою и съ дѣтми, зовемый прежде Осанъ (вѣроятно Хасанъ — حسن), а во крещеніи нареченъ Мизаилъ; они же яко отъ тяжкого сна возбнуша и отъ великого уныніа воспрянуша, и начаша прилежно молитися Живоначалной Троицы и хвалити православную святую вѣру... Тое же зимы, лѣта 7044 (1536) онѣхъ прежереченныхъ Татаръ жены же ихъ видѣвше мужей своихъ, по своей скверной вѣрѣ, скорую и нужную смерть и погибши же душою и тѣломъ, они же яко отъ злаго сна воспрянуше и начаша приходяще молитися боголюбивому архіепископу Макарію, просити святаго крещенія. И пресвященный архіепископъ Макарій посылалъ ко государю великому князю Ивану Васильевичю всеа Русіи и мола о нихъ, чтобы ихъ крестити, хотя бо вся человѣки спасти и въ разумъ истинный привести; и государь князь великій повелѣ ихъ крестити. И архіепископъ Макарій повелѣ ихъ роздати по священникомъ соборнымъ святѣй Софѣи и по градскимъ священникомъ, гдѣ которымъ подобно быти, и повелѣ ихъ учити по правиломъ святыхъ Апостолъ и святыхъ Отецъ посту и молитвѣ, и просвѣтити ихъ святымъ крещеніемъ во имя Отца и Сына и святаго Духа. Они же прежде бывше Агаряне и видѣвше яко породися водою и святымъ Духомъ, «не сиче бо, еже бы стару челоуѣку второе внити во утробу матерню и паки родитися изъ ложенъ, но еже породися водою и святымъ Духомъ,» и оттолѣ начаша прилежно молитися святѣй Живона-

члнѣй Троицѣ и хвалити святую православную вѣру; видѣна бо яко избыша отъ козней лукаваго діавола и отъ темнаго дна адава. А крестившася числомъ въ Великомъ Новѣгородѣ женъ 43, а дѣтей 36, а во Псковѣ крестивша женъ и дѣтей 50 и единъ, а въ Орѣшкѣ 12, а въ Корѣлѣ 30; и се елико множество душъ избыша козни лукаваго діавола и познаша святую православную вѣру (*Сер.* II, 389, 392, 393; см. *Кар.* пр. 30 къ Т. VIII) — Такъ какъ Шахъ-Али, какъ увидимъ ниже, получилъ свободу въ декабрѣ 1535 г., то всѣ свѣдѣнія о крещеніи женъ и дѣтей Шахъ-Алиевыхъ Татаръ въ 1536 г., или занесены въ лѣтописяхъ подъ этимъ годомъ по ошибкѣ, или же надобно понимать дѣло такъ, что прощеніе, объявленное царю, не распространялось на его Татаръ. Быть можетъ, тогда было разрѣшено имъ, въ знакъ особой милости, креститься, или же вдовы и сироты казенныхъ лицъ, не предвидя другаго исхода своимъ бѣдствіямъ, рѣшились сами принимать христіанскую вѣру.

Кто же управлялъ Мещерскимъ городкомъ во весь промежутокъ времени отъ осени 1532 г. до конца 1535 года, пока Шахъ-Али сидѣлъ съ начала на Коширѣ и Серпуховѣ, а потомъ въ заточеніи на Бѣлоозерѣ?

О Городецкихъ Татарахъ, за всю эту эпоху, мы знаемъ, что Русское правительство не оставляло ихъ въ бездѣйствіи.

Касимовцы, вѣрные слуги наши, участвовали

въ войнахъ: ходили сторожить на Волгу ⁹⁹⁾, и подѣ

⁹⁹⁾ Такъ, то были казаки Городецкіе, ходившіе на Волгу, которые въ 1532 г. привезли вѣсть о перемѣнѣ, происшедшей о ту пору въ Астрахани. «Того же лѣта (7040), іюля 21», читаемъ въ *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 279, «пріѣхалъ къ великому князю на Москву изъ Асторокани, отъ Касима царя, человекъ его Злоба съ товарищи съ грамотою. И опослѣ того пріѣхали къ великому князю съ Волги казаки Городецкіе, а сказали великому князю, что пришедъ ко Асторакани безвѣстно Черкасы, да съ Асторакани взяли царя, и князей и многихъ людей побили и животы ихъ пограбили, и пошли прочь; а на Асторокани учинился Акъкубекъ царевичъ (*Ник.* VI, 248, гдѣ вмѣсто: «Касима», стоятъ: «Касамъ», а вмѣсто: «Акъкубекъ» — «Аккоубекъ»; *Лв.* III, 418; *Лѣт. Норм.* 26, гдѣ имя царевича писано: «Акбекъ», а слова: «Злоба съ товарищи» пропущены по *Ник.*, *Лв.* и *Лѣт. Норм.* Касимъ былъ убитъ при взятіи Астрахани). — Казаки же Городецкіе; привезли съ Волги же, въ октябрѣ 1535 г., извѣстія о дѣлахъ Казанскихъ. «И тогожъ мѣсяца Октября 25 дня (7044)», сказано въ *Царк.* 51, 52, «пріѣхали къ Великому Государю Ивану Васильевичу всеа Руссиі съ Волги Козаки, Городецкіе Татарова, Евгастей Итаковъ съ товарищи. А были на Волгѣ сто человекъ ихъ; а сказали Великому Князю, и его матери Великой Княгинѣ Еленѣ; что Казанскіе Князи (въ текстѣ слѣдуютъ имена князей)... и съ ними Князей, и Мурзъ, и Козаковъ 60 человекъ изъ

Казани вышли, и къ нимъ на островъ изъ судовъ выходили, и стояли, и говорили, и приказали съ ними къ Великому Государю, что Ковгоршадъ Царевна, и Булатъ Князь въ головахъ, и всѣ Уланы и Князи Великому Князю измѣнили, и Яналея Царя убили; а на Казань взяли Царемъ изъ Крыма Сафакирея Царевича; а насъ въ заговорѣ Казанцевъ Князей и Мурзъ съ пять сотъ человекъ... и мы хотимъ Государю служити Великому Князю прямо; и Государь бы насъ пожаловалъ, Шига-лею бы Царю гнѣвъ свой отложилъ, и къ себѣ бы ему велѣлъ на Москву быти; и коли будетъ Шигалей у Великаго Государя на Москвѣ, и мы совокупимся съ своими Советники, кои въ Казани, и тому Царю Крымскому въ Казани не быти» (*Дв.* IV, 53, 54, гдѣ стоитъ не «Евгастей», а «Евгасей», и не «Ковгоршадъ», а «Ковгородша»).

часть вторгались въ чужія Орды. Всего больше и чаще доставалось отъ нихъ Ногайцамъ: князь Сейдякъ — *سیدک*, или, какъ звали его Русскіе, Шыйдякъ (Сейдякъ ничто иное, какъ сокращеніе имени Сеидъ - Ахмедъ; видно это даже изъ напечатанныхъ въ *Прод. Древн. Росс. Вѣст.*, ч. VII, VIII, переводныхъ грамотъ самаго «Шыйдяка», который въ нихъ не иначе себя зоветъ какъ Сеидъ Ахметемъ, Сеидъ Ахматомъ и пр.), глава Ногайскаго народа, и мурзы жаловались, что они не даютъ имъ покоя и отбиваютъ скотъ, говорили о людяхъ, посланныхъ въ Казань и перехваченныхъ Касимовцами, просили унять ихъ, и требовали выдачи

плѣнныхъ, содержащихся въ разныхъ частяхъ Россіи, а въ томъ числѣ и въ городкѣ Мещерскомъ ¹⁰⁰⁾.

¹⁰⁰⁾ *Донесеніе Данилы Губина изъ Ногайскихъ улусовъ, полученное 2 мая 1535 г.*: Да (Сейдякъ) прислалъ, Государь, к намъ *Тику Дувана*, да *Рождовлетя* а велѣлъ говорити: посылаю де и стѣмъ ко государю ктовому гонца, что де и неправда отца его, а нынѣча его, что де и городетцкіе Татаровѣ грабили у *Баракы* мою казну и гостей моихъ сорока человекъ. А сего лѣта посолъ мой шелъ изъ Казани *Салтанакъ*; инѣ его городетцкіе же ограбили (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VII, 240; см. нѣкоторыя подробности объ этихъ грабежахъ въ *Шерб.* Т. V, Ч. I, стр. 487, и *Прод. Древн. Росс. Вивл.* VII, стр. 249, 250, 320, 321; Баракъ былъ посолъ Ногайскій, ѣхавшій въ Казань).

Донесеніе Данилы Губина полученное 7-го октября 1535 года: Исмаилъ Мырза, Государь, выслушавъ рѣчи, учалъ мнѣ говорити: язъ деи великимъ Княземъ хочу быти вдружбѣ, чтобы де и Князь велики *Косимовскихъ* унялъ, а мы бы своихъ *Яртоуловъ* уняли... И *Кошумъ*, Государь, учалъ мнѣ говорити... чтобы де и Князь велики *Косимовскихъ* унялъ, а мы де и уишемъ своихъ *Яртоуловъ*. А сего де и лѣта *Косимовскіе* взяли у меня человека. И Князь велики бы де и велѣлъ моего человека доискаться да отдать моему послу (*Прод. Древн. Росс. Вивл.* VII, 308, 314).

Грамота в. к. Ивана къ князю Сейдяку, послан-

ная съ *Д. Губинъмъ 8 сентября 1534* г.: Да писалъ еси къ намъ, и словомъ намъ отъ тебя говоришь посолъ твой *Кудояръ* князь, что попали въ руки ваши люди нашими людямъ, иные тѣхъ людей у насъ на Москвѣ, а иные въ Городкѣ, и намъ бы тѣхъ людей донскався къ тебѣ отпустить. . . И будутъ которые есть, и мы тѣхъ тебѣ отдадимъ, а въ городокъ есмь послалъ, а велѣи тѣхъ людей пытать (*Щерб.* Т. V, Ч. I, стр. 498; тоже самое писано было тогда и къ Мамай - мурзѣ, см. *Прод. Древн. Росс. Висл.* VII, 229). *Грамота в. к. Ивана къ князю Сейдяку, отправленная въ февраль 1536* г.: Да писалъ еси кнамъ, которые твои люди попали вруки нашими людямъ, и намъ бы тѣхъ твоихъ людей донскався ктобѣ отпустить. И мы нынѣ въ *Гордокъ* послали и выные украинные мѣста, а велѣи твоихъ людей доискиватись (*Прод. Древн. Росс. Висл.* VII, 340, 341).

Были и Городецкіе Татары, которые томились въ неволѣ у Ногайцевъ. «Да здѣсь, Государь», писалъ Данило Губинъ въ донесеніи, полученномъ въ Москвѣ 2 мая 1535 г. (*Прод. Древн. Росс. Висл.* VII, 243), «не дожидая княжово (Сейдяка) улусу, окупилъ племянника своего Городетцкаго, и Татаринъ *Бахтеяромъ* зовутъ. И какъ есмь, Государь, приѣхали во княжой улусъ; и князь, Государь, намъ велѣлъ стати у *Токи Дувана*. И Тока, Государь, того его племянника у Бахтеяра отнялъ. А просилъ у Государя, (Государь,) у Бахтеяра одноратки, а хотѣлъ ему того полонянника отдати. И Бахтеяру, Государь, было одноратки добыти немочно. И онъ, Государь, его ноги разнасталъ до нага, мало до смерти не замучилъ.

А полоняникъ, Государь, тотъ и сего дни у Токи». Плѣненный Татаринъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, еще долго оставался въ неволѣ у Ногайцевъ. Отъ Тока-Дуванъ онъ перешелъ снова къ прежнему хозяину. «А что есми писалъ ктобѣ ко Государю», писалъ Губинъ въ донесеніи, полученномъ 26 сентября 1535 г. (*Прод. Древн. Росс. Визл.* VII, 288, 289), «про Бахтешарова племянника, что былъ у Токи Князя, отдалъ его старому Государю Кошумову человѣку».

Носились даже одно время слухи, впрочемъ невѣрные, будто Городецкіе Татары убили сына самого Сейдяка, Сюндюкѣ - мурзѣ (سوندوک مرزا). «Да что есми, Государь, писалъ ктобѣ ко Государю, съ Иваномъ Саттегымъ», говорилъ посолъ нашъ Данило Губинъ въ донесеніи своемъ изъ Ногайскихъ улусовъ, полученномъ 2 мая 1535 г. (*Прод. Древн. Росс. Визл.* VII, 246, 247), «что ми сказали Бахтешаръ да Акингъ, Шійдякова сына княжово Сюндюка Мурзѣ убита отъ Городетцкихъ казаковъ, ино, Государь, Сюндюкѣ Мырза живъ».

Наравнѣ съ военными предпріятіями употреблялись Касимовцы Русскимъ правительствомъ и на мирныя порученія: ихъ наряжали вожаками къ посламъ, ѣздившимъ въ орды, а иногда и ихъ однихъ посылали туда съ грамотами и для переговоровъ. Такъ, въ маѣ 1535 г. пріѣзжалъ въ Москву отъ посла нашего Данилы Губина съ донесеніемъ, изъ Ногайскихъ улусовъ «Городетской вожъ Янъ Булатъ»

(جان بولات — Джанъ-Булатъ; Губинъ въ донесеніяхъ своихъ зоветъ его: Янбулатъ, Еябулатъ и Ембулатъ; см. *Прод. Древн. Росс. Висл.* VII, 233, 279, 290, 291, 298). Этотъ же «Янъ Булатъ», въ іюнѣ того же года, былъ отправленъ сопровождать Ногайскихъ гонцовъ, возвращавшихся изъ Москвы въ свои улусы; онъ явился въ октябрѣ съ новымъ донесеніемъ Губина. (*Прод. Древн. Росс. Висл.* VII, 254, 307). Въ 1535 же году, въ августѣ, посланы были къ Ногайскимъ мурзамъ «Городетцкіе казаки Шеръхозя Ильясовъ» (شیر خواجه الباس اوغلی — Ширъ-ходжа сынъ Ильяса) съ товарищи; они возвратились въ декабрѣ того же года (*Прод. Древн. Росс. Висл.* VII, 257, 259).

Всѣ эти свѣдѣнія о Городецкихъ Татарахъ за періодъ времени отъ 1532 до 1536 г. не лишены, конечно, значенія и интереса, но въ нихъ нѣтъ отвѣта на заданный вопросъ.

Одно весьма любопытное указаніе находится въ *Башм. разр. кн.*

Говоря о войнѣ Россіи съ Сигизмундомъ, королемъ Польскимъ, въ 1534 г., и перечисляя воеводъ нашихъ, которые въ концѣ этого года должны были двинуться на Литву: одни изъ подъ Москвы, подъ главнымъ начальствомъ князей Михаила Васильевича Горбатаго и Никиты Васильевича Оболенскаго, другіе изъ Новгорода и Пскова, подъ предводительствомъ князя Бориса Ивановича Горбатаго и Василя Андреевича Шереметева, *Башм. разр. кн.* прибавляетъ, между прочимъ, что въ войскѣ велѣно было состоять «ца-

ревичю и Канбаръ мурзину сыну и Городецкимъ Татаромъ» ¹⁰¹⁾. Царевичъ не названъ по имени, но нѣтъ

¹⁰¹⁾ *Башм. разр. кн.* Лѣта 7043 году, декабря въ день, послалъ государь князь великій Иванъ Васильевичъ всеа Росіи и мати его великая княгиня Елена воеводъ своихъ въ Литовскую землю воевать по полкомъ, и пошли изъ разныхъ мѣстъ въ зимней походъ. Изъ Можайска росписъ воеводамъ. Въ большомъ полку: бояре и воеводы князь Михайло Васильевичъ Горбатой Кислой, да бояринъ князь Никита Васильевичъ Оболенской Хромой. Въ передовомъ полку: бояринъ и воеводы и конюшей князь Василей Ѳедоровичъ Овчина Телепневъ Оболенской, да князь Никита Борисовичъ Туренинъ, а стояли они въ Боровску. Въ правой рукѣ: бояринъ и воеводы князь Петръ Ивановичъ Репнинъ, да князь Петръ Ѳедоровичъ Ахлебнинъ, а стояли они въ Рузе. Въ лѣвой рукѣ: князь Василей Ивановичъ Репнинъ, да князь Иванъ Семеновичъ Мезецкой. Въ сторожевомъ полку: бояринъ князь Иванъ Ивановичъ Белевской, да Василей Петровичъ Борисовъ Бороздинъ. А изъ Великого Новагорода и изъ Пскова велѣлъ князь великій итти бояромъ и воеводамъ въ Литовскую землю, декабря въ день, по полкомъ же, а воевали Полоцкъ, и Витепскъ, Браславль, Осиновець, Латыговъ, Стѣну, а воротились отъ Вильны за 40 верстъ. Въ большомъ полку: бояринъ и воевода и намѣстникъ Новгородской князь Борисъ Ивановичъ Горбатой, да Василей Андрѣевичъ Шереметевъ. Въ передовомъ полку:

князь Михайло Михайловичъ Курбской, да князь Дмитрей Ѳеодоровичъ Палецкой. Въ правой рукѣ: князь Михайло Ивановичъ Кубенской, да Иванъ Ѳока Семеновичъ Воронцовъ. Въ лѣвой рукѣ: воеводы Дмитрей Семеновичъ Воронцовъ, да Ѳеодоръ Семеновичъ Колычовъ. Въ сторожевомъ полку: воеводы князь Ѳеодоръ Михайловичъ Курбской, да князь Иванъ Чюлокъ Михайловичъ Засѣкинъ. А въ наказе съ дьякомъ съ Оеонасіемъ Ѳеодоровымъ сыномъ Курицына написано: Можайскимъ воеводамъ боярину князю Михайлу Васильевичю Горбатову съ товарищи. Нѣчто почаятъ дѣло и Новгородскимъ воеводамъ и ихъ людямъ быть съ ними вмѣстѣ, а какъ сойдутца Новгородскіе воеводы съ Можайскими, ино быть имъ Новгородскимъ воеводамъ съ Можайскими воеводы по полкомъ, а тѣмъ полкомъ по тому же снятись правой и лѣвой рукѣ и передовому и сторожевому полку, и быть имъ вмѣстѣ по полкомъ, а царевичю и Канбаръ мурзину сыну и Городецкимъ Татаромъ быть у передового полку на правѣ. — Росписъ воеводамъ, ходившимъ въ Литву въ концѣ 1534 г. изъ подъ Москвы в Новгорода помѣщена в въ лѣтописяхъ (*Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 288; *Царк.* 41, 42; *Ник.* VII, 4, 5; *Лѣ.* IV, 27—29; *Лѣт. Норм.* 31, 32). По *Царк.* воеводы получили приказаніе идти съ Москвы въ октябрѣ, по *Вскр.*, *Ник.*, *Лѣ.* и *Лѣт. Норм.* — въ ноябрѣ 1534 г.

никакого сомнѣнія, что составитель *Баши. разр. кн.* имѣлъ въ виду царевича Шахъ-Алія, сына Акъ-даулета

Акь-куртова (см. объ Акь-даулетѣ выше, пр. 68, стр. 205, 206). Вотъ тому доказательства. Въ той же *Баим. разр. кн.*, нѣсколькими страницами выше, подъ 1534 же годомъ, читаемъ: «Тогожь (7042) лѣта, въ Вязмѣ были воеводы князь Ѳеодоръ Ивановичъ Шуйской Скопинъ, да околничей Яковъ Григорьевичъ Морозовъ. Да въ Вязмежь былъ князь Данило Дмитриевичъ Пронской. Да въ Вязмежь былъ *царевичъ Шигалей Акъдеулетевъ сынъ, да Канбаръ мурзинъ сынъ*; а съ царевичемъ былъ Александра Семеновъ сынъ Упинъ, а съ Татары былъ Посникъ Сатинъ». Черезъ страницу послѣ описанія похода на Литву, предпринятаго въ концѣ 1534 г., при исчисленіи воеводъ, посланныхъ изъ различныхъ мѣстъ на Литву же, лѣтомъ слѣдующаго 1535 (7043) г., въ *Баим. разр. кн.* читаемъ опять: «Да въ Литовской же землѣ былъ царевичъ *Шигалей Акъдеулетевъ сынъ, да Канбаръ мурзинъ сынъ*, а съ царевичемъ Александра Семеновъ сынъ Упинъ, а съ Татары служилыми былъ князь Василей князь Ѳеодоровъ сынъ Лопатинъ». Еще ниже, въ *Баим. же разр. кн.*, подъ 1536 (7044) г., читаемъ: «Въ Торопце тогда (въ апрѣлѣ, когда строилась Велижская крѣпость въ Торопецкомъ уѣздѣ, см. *Лв.* IV, 74, 75), былъ Казанской (очевидно ошибка, чит. Шибанской) *царевичъ Шигалей да Канбаръ Мурзинъ сынъ*, да намѣстникъ Торопецкой князь Василей Наготковъ Андрѣевичъ Оболенской, да Данила Ивановъ сынъ Бутурлинъ». Если въ трехъ случаяхъ, занесенныхъ въ *Баим. разр. кн.*, одинъ въ слѣдъ за другимъ, подъ 1534, 1535 и 1536 гг. *Кан-*

баръ мурзинъ сынъ является съ *царевичемъ Шилеемъ Акдеветевымъ сыномъ*, то тотъ царевичъ, который, подъ 1534 же годомъ, въ *Башм.* же разр. км. упоминается рядомъ съ тѣмъ же самымъ *Канбаръ мурзинъ сынъ*, очевидно, не можетъ быть никѣмъ другимъ, какъ только *Шилеемъ же Акдеветевымъ сыномъ* ¹⁰²⁾.

¹⁰²⁾ Въ *Пск. 1 мѣт.*, П. С. Р. Л. IV, 299, 300, сказано, что въ войскѣ Русскомъ, ходившемъ опустошать Литву въ 7043 г., находились, между прочимъ, и Татары съ царемъ своимъ. «Тоя же зимы (7043)», говоритъ лѣтонецъ, «князь великій Иванъ Васильевичъ посла своихъ воеводъ, съ Москвы князя Михаила Кислицу, а изъ Новагорода князя Бориса Горбатого и Михаила Воронцова, а изъ Пскова князя Михаила Кубенского да Дмитрея Воронцова, съ Новгородскою силою и Псковскою, и иныхъ воеводъ много, и царя Татарского съ Татари со многими, а иные что на лыжахъ ходять, да и Мордвичи Рязанскіе земли, и вся земля Московская государева область ходиша въ землю Литовскую, за Двину и за Березу рѣку, и плѣниша землю Литовскую, и наполнися земля вся Руская полоу Литовского; а сами воеводы вси придоша великого князя Ивана Васильевича Богомъ сохранены и пречистою Богородицею и Новыми чудотворцы, а выидоша вси воеводы на Опочку, а царь съ Татари шолъ на Псковъ, а по ямомъ кормъ давали, во Псковъ имъ не велѣли быти, и Псковичи царю и съ Татари давали кормъ въ улазныхъ нивахъ; и

бысть во Псковѣ того году поборъ великъ, таковъ не бывалъ во Псковѣ». Походъ, описываемый *Пск. 1 мт.*, очевидно, тотъ самый, о которомъ говорятъ и другія лѣтописи въ *Башм. разр. кн.* подъ 7043 же годомъ (см. выше, пр. 101, стр. 292, 293). Ни одна лѣтопись, кромѣ *Пск.*, не упоминаетъ о присутствіи въ рядахъ нашего воинства Татарскаго царя съ Татарами, но изъ *Башм. разр. кн.* знаемъ, что у насъ въ войскѣ были тогда царевичъ Шахъ-Али Акъ-даулетовъ, и при немъ Городецкіе Татары (см. выше, стр. 291). Этотъ царевичъ Шахъ-Али и эти Городецкіе Татары и должны быть царь и Татары *Пск. 1 мт.* Слово: *царь* вмѣсто слова: *царевичъ* вкралось, вѣроятно, по ошибкѣ; а ошибиться было тѣмъ легче, что въ Россіи жилъ тогда дѣйствительно царь Татарскій, и въ добавокъ звался также точно какъ и царевичъ, Шахъ-Алиемъ. То былъ, какъ извѣстно, Шахъ-Али Шейхъ-Ауліяровъ. Карамзинъ (пр. 30 къ Т. VIII), толкуя о приведенномъ мною мѣстѣ *Пск. мт.*, полагая, что упоминаемый въ немъ царь «долженъ быть Шигъ-Алей» (т. е. Шахъ-Али Шейхъ-Ауліяровъ). Предположеніе это не можетъ быть вѣрно, потому что «Шигъ-Алей», объ эту пору, былъ въ немилости, и жилъ въ заточеніи на Белоозерѣ. Самъ Карамзинъ, высказавъ свое мнѣніе, прибавляя: «но еще Василій сослалъ его (Шигъ-Алея) на Белоозеро».

Изъ приведеннаго мною свѣдѣнія объ участіи Шахъ-Алія Акъ-даулетова, вмѣстѣ съ Городецки-

ми Татарами, въ походѣ на Литву, можно было бы пожалуй заключить, что царевичъ водилъ Татаръ на войну въ качествѣ владѣльца Городецкаго и преемника Джанъ - Алиева. Въ подобномъ предположеніи нѣтъ, конечно, ничего противнаго существу дѣла, но допустить его безпрекословно, такъ какъ оно основано на одномъ косвенномъ указаніи, я не рѣшаюсь. Быть можетъ, Шахъ-Али Акъ-даулетовъ находился при Татарахъ только случайно. Могло быть даже и то, что Городецъ за все время отъ 1532 до 1536 г., оставался безъ владѣльца. Не далѣе какъ черезъ годъ послѣ назначенія Джанъ - Алиа ханомъ въ Казань, именно 3-го декабря 1533 г., скончался великій князь Василій. Его сынъ и наслѣдникъ Иванъ былъ еще малъ, и власть сосредоточилась въ рукахъ супруги покойнаго государя Елены и боярѣ. При такой обстановкѣ, и безъ того было много заботъ, чтобы думать о назначеніи царя въ Мещерскій городокъ.

Въ концѣ 1535 года Шахъ-Али получилъ свободу. Прощеніемъ онъ былъ обязанъ случаю. Осенью 1535 г., пришло въ Москву извѣстіе, что Казанцы, убивъ Джанъ-Алиа, возвели у себя снова на престолъ Сафагирея; вмѣстѣ съ тѣмъ, при дворѣ великокняжескомъ, узнали, что въ Казани существуетъ партія, которая не совсѣмъ довольна происшедшею переменой, клонится на сторону Россіи, и расположена къ Шахъ-Алию ¹⁰³).

¹⁰³) См. выше, пр. 99, стр. 286, 287. Джанъ-Али былъ

убить въ сентябрѣ 1535 г. «А *Волу* есмь, Государь», писалъ Данило Губинъ въ донесеніи государю, полученномъ 7 октября 1535 г., «перевезлись Сентября 31 день ниже *Казацкихъ юрѣ*. И наравне, Государь, кнамъ приплыли втрехъ стругахъ ваташники *Нижновагорода Ивашко Кашинъ*, да *Оедко Черемнишковъ*, да *Богданко* полоняникъ серебряной манстеръ, и всѣхъ ихъ тринадцатъ человекъ. А сказываетъ, Государь, Богданко, что въ *Казани Ямалѣ* царя убили, и на Казань взяли царя искрыму *Савакиръя*, и при Савакирьѣ царя сказываетъ былъ въ *Казани* два дни, какъ Савакирьѣ въ Казань прѣхалъ, а кнамъ Государь, сказываетъ изъ *Казани* приплылъ на шестой день, а тѣ, Государь, Ивашко, да Оедко, сказываютъ, кнамъ прибежали переграблены, а товарищевъ ихъ перенимали (*Прод. Дрест. Росс. Висл.* VЦ, 318, 319). Въ *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 291, *Царк.* 51, *Ник.* VII, 10, *Лв.* IV, 52 и *Лѣт. Норм.* 34, обозначенъ даже день убіенія Джанъ-Алія, именно 25 сентября (въ *Царк.*, по ошибкѣ, ноября) 1535 г., въ субботу, предъ Покровомъ пресвятыя Богородицы. Это число должно быть вѣрно: оно весьма близко подходитъ ко времени, указанному въ донесеніи Губина.

Въ *Прод. Дрест. Росс. Висл.* про донесеніе Губина, изъ котораго я привелъ выписку, сказано, что оно пришло въ Москву 7 октября 1536 г., а слѣдовательно и было писано въ этомъ же самомъ году; если бы это было дѣйствительно такъ, то вышла бы, что Джанъ-Али умеръ не въ 1535, а въ 1536 г., а это противорѣчило бы

всѣмъ даннымъ, известнымъ объ исторіи Казани. Дѣло въ томъ, что въ *Прод. Дрест. Росс. Висл.* VII, 275—329, всѣ вообще грамоты, пріѣзды и отъѣзды пословъ—начиная съ донесенія Губина, привезеннаго въ Москву 24 сентября, вплоть до шертной записи Ногайскихъ пословъ отъ 23 февраля—помѣчены неправильно 1536 г.; его слѣдуетъ вездѣ замѣнить 1535 г. Простое внимательное чтеніе документовъ можетъ убѣдить въ этомъ; да и въ грамотѣ Шейхъ-Мамай-мурзы, которую представили Ногайскіе послы будто бы въ ноябрѣ 1536 г., стоитъ (*Прод. Дрест. Росс. Висл.* VII, 327): «шолъ грамоту послалъ осми лѣтъ девять сотъ чотыредесать втораго вначалѣ Іюля мѣсяца», т. е. іюля 1535 г. Если въ грамотѣ Сейдяка, привезенной вѣстѣ съ Шейхъ-Мамаевой, и выставленъ 943 г. гаджры, т. е. 1536 г., то это, безъ сомнѣнія, произошло отъ описки или опечатки. Замѣчу разъ навсегда, что у меня во всѣхъ ссылкахъ на VII часть *Прод. Дрест. Росс. Висл.* года, гдѣ нужно, исправлены.

Великая княгиня Елена, посовѣтовавшись съ боярами, рѣшилась тогда вызвать царя изъ ссылки и отправила за нимъ, декабря 10-го, на Бѣлоозеро князя Никиту Борисовича Туренина съ дѣтьми боярскими ¹⁰⁴).

¹⁰⁴) *Царж.* 52: И князь Великій Иванъ Васильевичъ всея Руссїи, и мати его Великая Государыня Елена, о томъ совѣтовали съ Бояры, что ему того дѣла пригоже Шигаля Царя изъ ятства выпустити. И послалъ Князь

Великій по Шигалея Царя на Бѣло озеро, Князя Никиту Борисовича Туренина, да съ нимъ дѣтей Боярскихъ, декабря (7044 г.) въ 10 день (*Лв.* IV, 54, гдѣ выставлено не 10-ое а 12-ое число). *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 291: Тое же осени, декабря 12, пожаловалъ князь велики Шигалѣа царя изъ нятства выпустилъ, а седѣлъ на Бѣлѣозерѣ, и опалу свою ему отдалъ и очи свои далъ ему видѣти (*Ник.* VII, 11; *Лѣт. Норм.* 34).

Шахъ - Али, прибывъ съ женою своею Фатимою (فاطمة) въ Москву, былъ принять при дворѣ съ большимъ почетомъ.

Любопытно подробное описаніе приѣма Шахъ-Алія и Фатимы, сохранившееся въ *Царк.* 53—58 и *Лв.* IV, 54—62. Въ первый разъ, когда Шахъ-Али явился къ великому князю, онъ палъ передъ государемъ, и, стоя на колѣняхъ, произнесъ рѣчь: «Отецъ твой, Государь мой Князь Великій Василей Ивановичъ всеа Руссiи», говорилъ онъ (привожу подлинныя слова *Царк.* 53; ср. *Лв.* IV, 54—56), «взялъ меня дѣтинку мала, да меня жаловалъ, какъ отецъ сына, и пожаловалъ на Казани, Царемъ меня учинилъ, и жалованьемъ своимъ великимъ жаловалъ; и по моимъ грѣхомъ въ Казани пришла въ Князехъ и въ людехъ Казанскихъ несогласица, и азъ опять къ Государю своему, къ отцу твоему пришелъ на Москву. И отецъ твой, Государь мой, меня пожаловалъ въ своей земли, подавалъ мнѣ городы; и азъ грѣхомъ своимъ предъ своимъ Государемъ виноватъ учинился, и впалъ есми передъ нимъ

въ великую проступку, гордостнымъ своимъ умомъ и лукавымъ помысломъ. И Богъ за мое преступленіе и за лукавое помышленіе не попустилъ, и отецъ твой, Государь мой, меня за мое преступленіе наказалъ, и опалу свою положилъ меня смиряючи; и нынѣ ты Государь мой, памятуючи отца своего великое ко мнѣ жалованіе, надо мною милость показалъ, а то тебѣ Богъ положилъ по сердцу, что еси Государь мой пожаловалъ меня не по моимъ грѣхомъ». Юный великій князь, выслушавъ рѣчь, приказалъ Шахъ-Алію встать, поздоровался съ нимъ, и велѣлъ ему сѣсть съ правой руки на другой лавкѣ; за тѣмъ наградиъ его шубой, и отпустилъ домой на подворье. Прощаясь, Шахъ-Али просилъ дозволенія представиться великой княгинѣ Еленѣ. Государыня, посовѣтовавшись съ боярами, согласилась, и ханъ получилъ приказаніе явиться 9-го января 1536 г. Въ назначенный день Шахъ-Али пріѣхалъ на дворъ къ великому князю. По данному приказанію, его встрѣтили у саней: бояринъ князь Василій Васильевичъ Шуйскій, бояринъ и конюшій князь Иванъ Федоровичъ Телепневъ, и дьяки Федоръ Мишуринъ и Меньшой Путятинъ. Великій князь, въ ожиданіи хана, сидѣлъ съ матерью въ палатѣ у Лазаря святаго; у великой княгини сидѣли боярыни: княгиня Настасья, супруга князя Федора Михайловича Мстиславскаго, и дочь царевича Петра Ибрагимовича (см. выше, пр. 63, стр. 187), Елена, супруга Ивана Андреевича (Челядина), Аграфена, супруга Василя Андреевича (Челяд-

нина), и многія другія; бояре сидѣли по обѣ стороны. Когда ханъ вошелъ въ сѣни предъ палату, то самъ великій князь встрѣтилъ его тамъ съ боярами. Вслѣдъ за тѣмъ государь и ханъ отправились вмѣстѣ въ палату къ великой княгинѣ. Приблизившись къ Еленѣ, Шахъ-Али ударилъ челомъ въ землю, и обратился съ рѣчью: «Государыня, Великая Княгиня Елена», сказалъ онъ (Царк. 55, 56; ср. Лк. IV, 58, 59), «взялъ меня Государь мой, Князь Великій Василей Ивановичъ всея Руссиі, млада; пожаловалъ меня вскормилъ, какъ щеня, и жалованіемъ своимъ великимъ жаловалъ меня, какъ отецъ сына; и на Казани меня Царемъ учинилъ. И грѣхомъ моимъ Казанскіе люди съ Казани меня сослали, и азъ опять къ Государю своему пришелъ; и Государь мой паки меня пожаловалъ Великимъ своимъ жалованіемъ, города мнѣ подавалъ въ своей землѣ. И азъ Государю своему, Великому Князю Василю Ивановичу всея Руссиі изиѣнилъ, и правду свою преступилъ, и во всѣхъ есми своихъ дѣлахъ предъ своимъ Государемъ виновать; и вы, Государи мои, меня, холопа своего, въ томъ пожаловали, таковую мою проступку мнѣ отдали, и меня холопа своего, въ томъ пощадили, и очи свои Государскіе мнѣ, холопу своему дали видѣть. А азъ, холопъ вашъ, нынѣ какъ вамъ учинилъ правду Государемъ своимъ; и на той на своей правдѣ, и до смерти своей хочу крѣпко стояти, и умерети за ваше Государево жалованіе; тако же хочу умерети, яко же братъ мой, чтобы и мнѣ тотъ миньятъ ¹⁰⁸) съ себя вамъ

¹⁰⁵⁾ Слово минять или минять весьма часто встречается въ старинныхъ Русскихъ переводахъ грамотъ Ногайскихъ князей и мурзъ, писанныхъ къ Русскимъ великимъ князьямъ, и напечатанныхъ въ *Прод. Древн. Росс. Висл.* Приведу тому нѣсколько примѣровъ: Ч. VII, стр. 265, 266: А будетъ Крымской рати на тебя ити, и мы тотъ миньякъ на себя возмемъ, не пустимъ еѣ. А отъ Казани да отъ Короля самъ ся береги. А Нагайской да Крымской миньянь на себя возмемъ... А будутъ твои слова лжи; и ты минята на насъ не клади. Тамъ же, стр. 304: Похоченъ жо старые нашѣ дружбы... поновить; и язъ за Шихъ-мамай мирзу, и за Мамай мирзу, и за Юсуфъ мирзу и за Исмаилъ мирзу имуеъ и всѣхъ братѣмъ своей и детей минять на себя возму. Ч. VIII, стр. 102: Прошу тебя кречата и соколикомъ... И только соколиника пришлешъ, и тотъ минять на мнѣ буди, что ему кормъ дадимъ. Тамъ же, стр. 193: Отцу моему съ твоимъ отцомъ слово было. А нынече минять ихъ ни на комъ не остался. Оба они отъ сего свѣта отошли. И намъ бы ныне межъ себя добра хотѣти. Ч. IX, стр. 110: Нашихъ двусотъ тысячь Нагаевъ писмяныхъ въ дружбе не отступно учинити минять на мнѣ буди, всѣ нагаи друзи будутъ; не лучше ли тебѣ то? Тамъ же, стр. 165: А брата нашего Дервиша Царя по нашему хотенью учинилъ еси. И твой минять на мнѣ. Тамъ же, стр. 240: И толко Утегирѣя Царевича дашь намъ, и тотъ минять на насъ, положи, что Крымъ по воюемъ и возмемъ. Тамъ же, стр. 277: Твой посолъ къ намъ придетъ, и намъ лиха

не учинити, и силы и заворотни не дѣлати. Тотъ минять на насъ буди. Ч. XI, стр. 51: А отецъ нашъ Князь на своей правде и ротѣ устоялъ, дастъ Богъ мы также учинимъ. И нынешней минять на тебѣ вѣрь тому, что еси отъ тебя не отступенъ. — Слово минять, хотя и рѣже, но встрѣчается также и въ старыхъ Русскихъ переводахъ грамотъ хановъ Крымскихъ. Такъ у Шерб. Т. IV, Ч. III, стр. 350, въ переводѣ грамоты хана Мухамедъ-гирея, сына Менгли-гирея, писанной имъ къ великому князю Василю, читаемъ: «А ты токмо братъ мой на моего недруга на *Астораханъ* не пойдешь, сколько ни есть миняту, и шерть на тебѣ на братѣ моемъ останится».

Русское слово минять или минять, по моему убѣжденію, ничто иное, какъ извѣстное Арабско-Татарское слово *منت* — миннеть. Въ Татарскихъ нарѣчіяхъ оно употребляется именно въ тѣхъ самыхъ значеніяхъ, въ которыхъ оно приведено въ старинныхъ Русскихъ переводахъ; говорятъ, между прочимъ: *انتك منتن اوزمه* — отвѣчаю за него, беру на себя. Въ рѣчи Шахъ-Алія выраженіе: «чтобы и мнѣ тотъ минять съ себя вамъ государемъ своимъ свести» должно, какъ я думаю, понимать такъ: чтобы и мнѣ предъ вами отличиться такъ же точно, какъ отличился братъ мой, погибшій изъ преданности къ вамъ.

государемъ своимъ свести, и на вашей службѣ Государевѣ голова бы ми своя положить». По окончаніи этой рѣчи, великій князь велѣлъ Шахъ-Алію сѣсть.

Тогда Елена приказала Федору Карпову отвѣчать хану. «Царь Шигалей», сказалъ Карповъ (*Царк.* 56; ср. *Лс.* IV, 59), «Князь Великій Василей Ивановичъ всея Руссiи, гнѣвъ свой и опалу на тебя положилъ, и сынъ нашъ Князь Великій Иванъ Васильевичъ всея Руссiи, да мы, пожаловали есмь тебя милость свою показали, и очи свои дали есмь тебѣ видѣти. Тыжъ нынѣ заднихъ своихъ забывай, а впередъ обѣщаніе правды своея совершай; а мы хотимъ свое великое жалованіе и брѣженіе къ тебѣ держати». При этихъ словахъ, Шахъ-Али снова ударилъ челомъ въ землю великому князю и великой княгинѣ. За тѣмъ государь и государыня дарили хана, и отпустили его назадъ на подворье; боярамъ велѣно было проводить царя съ такими же точно почестями, какія были ему оказаны при встрѣчѣ. Жена Шахъ-Алія, Фатима-султанъ (*Царк.* Фатма-Салтанъ Царица; *Лс.* Фатма Салтанъ царица), представлялась чрезъ нѣсколько времени послѣ мужа: она сама просила чрезъ бояръ дозволенія быть у великой княгини. Приѣздъ царицы ко двору былъ торжественный: ее встрѣтили у саней Аграфена, супруга Василя (по *Царк.* Ивана) Волынскаго, и съ нею молодыя боярыни, а среди лѣстницы боярыня великой княгини Аграфена, супруга Василя Андреевича (Челяднина), съ молодыми же боярынями; наконецъ въ сѣняхъ передъ Лазаревскою палатою сама великая княгиня приняла царицу и поздоровалась съ нею. Обѣ вмѣстѣ онѣ вошли въ палату. Вскорѣ явился и великій князь.

Передъ нимъ царица встала. Государь, поздоровавшись съ нею по Татарски ¹⁰⁶⁾, съѣлъ на своемъ

¹⁰⁶⁾ Царк. 57: И Князь Великій молвилъ Царицѣ Табугъ Саламъ, и съ нею карашевался. Лс. IV, 61: Великій же Князь молвилъ царицѣ: Табагу-Саламъ, и съ нею карашевался. — Тапугъ, تپوغ, или тапу, تپو (تبوغ, табугъ, تپو, табу) — устарѣлое Татарское слово; значить: поклонъ, поклоненіе, служеніе. Оно встрѣчается во многихъ прежнихъ Татарскихъ книгахъ; такъ, между прочимъ, находимъ его въ Сборникѣ лѣтописей, изданномъ И. Н. Березинымъ (Библіотека Восточныхъ историковъ, Т. II, Казань, 1854; см., для примѣра, стр. 3, 4, гдѣ: سانسبز خان اوغلی سلطان لاری ایشیکنده تپوغ ایتتورکان т. е. Государь, приведшій себѣ въ служеніе безчисленное множество султановъ, сыновей ханскихъ; и стр. 163, гдѣ: قنبر سلطان هر حالدا قاسم خان نینگ т. е. Канбаръ-султанъ всю жизнь свою провелъ на службѣ Касимъ-хана), и, особенно часто, въ пользующемся у Татаръ большою извѣстностью, небольшомъ разсказѣ въ стихахъ, весьма древняго происхожденія: قصه حضرت یوسف (см., напримѣръ, въ Казанскомъ изданіи 1852 г., стр. 36, гдѣ: داغی بنک قل قراوش ویرام بیلہ * پیوستہ تپوغنکده خدمت قبلہ * مدام آنلار т. е. Еще дамъ я тебѣ тысячу рабовъ и невольницъ; постоянно онѣ будутъ служить тебѣ; всегда будутъ къ вашимъ услугамъ; или стр. 52, гдѣ: ملک ریان تپوسینه حاضر کیلدی т. е. Она [Зулейха] пошла

челомъ ударить Медикъ - Рейану). Существуетъ и глаголъ **تابع** (تابع, تابع) — покланяться, служить; такъ въ **قصة يوسف**, на стр. 27, читаемъ: **سننك كى ملك يوته تابع نلوك** т. е. Годится ли такой могущественной особѣ, какъ ты, покланяться идоламъ? Глаголъ **تابع** употребляется и въ настоящее время. — Слово *салымъ* слишкомъ извѣстно, и не требуетъ объясненія. — *Тапузъ - салымъ*, въ переводѣ на Русскій языкъ, ничего болѣе не значить, какъ: здравствуй.

мѣстѣ у матери, по правую руку царицы. По обѣ стороны сѣли бояре. Тутъ же были великой княгини боярыни: княгиня Настасья, супруга князя Федора Михайловича Мстиславскаго, Елена, супруга Ивана Андреевича (Челяднина), Аграфена, супруга Василия Андреевича (Челяднина), Аграфена, супруга Василия Волынскаго, и многія другія. Въ этотъ же самый день, Фатима обѣдала у великой княгини въ палатѣ у Лазаря святаго. Юный великій князь обѣдалъ особо съ боярами, но только въ материнской избѣ. За столомъ у государыни съ правой руки въ углѣ сидѣла царица; съ лѣвой, въ лавкѣ — двоюродная сестра великаго князя, княгиня Настасья, супруга князя Федора Михайловича Мстиславскаго; подъ нею сидѣли: Елена, супруга Ивана Андреевича (Челяднина), Аграфена, супруга Василия Андреевича (Челяднина), и другія боярыни. Въ скамьѣ сидѣла княгиня Марфа, супруга князя Дмитрія Федоровича

Бѣльскаго; подъ нею сидѣли: Аграфена, супруга Василя (по *Дарк.* Ивана) Волынскаго, и еще многія боярыни. Въ кравчихъ у великой княгини былъ Иванъ Ивановичъ Челяднинъ, а у царицы — князь Василій Репнинъ. Всѣ столъники и чашники были у государыни за столomъ. По окончаніи обѣда, Елена подала чашу Фатимѣ, дарила ее, и потомъ отпустила домой на подворье. Боярыни провожали царицу такъ же точно, какъ и встрѣчали ее.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Шахъ-Али былъ прощенъ, возвращенъ въ Москву, и принять съ женою столь милостиво при дворѣ, съ тою мыслью, чтобы противопоставить его Сафа-гирею, и, быть можетъ, дать ему престолъ, обогранный кровью его роднаго брата, Джанъ-Алія. Планъ этотъ однакожь не состоялся, и врагъ Россіи, Сафа-гирей, удержался въ Казани.

Въ 1540 году Шахъ-Али является на сценѣ политической въ качествѣ владѣльца Касимовскаго. Въ концѣ этого года, именно 18 декабря, Сафа-гирей въ главѣ многочисленнаго ополченія, составленнаго изъ Казанцевъ, Крымцевъ и Ногайцевъ, подступилъ къ Мурому. Узнавъ объ этомъ, воеводы Владимірскіе немедленно двинулись на выручку осажденнаго города. Въ это же самое время послано было къ царю Шахъ-Алію *изъ Касимовъ городокъ* приказаніе идти къ Мурому. Шахъ-Али отправился съ своими Татарами. Дѣйствія его въ этомъ походѣ были удачны. Въ Мещерѣ онъ настигъ Ногайцевъ, которые

грабили села и производили большія неистовства. Касимовскіе Татары побили многихъ изъ нихъ, и отняли всѣхъ захваченныхъ ими Русскихъ; нѣкоторыхъ плѣнныхъ Шахъ-Али отослалъ въ Москву.¹⁰⁷⁾

¹⁰⁷⁾ Лс. IV, 137, 138: Тогожъ мѣсяца (декабря 7049) 18 въ субботу приходилъ полъ Муромъ Казанской царь Сафакирей со многими людьми Казанскими и Крымскими и съ Нагайскими, а пришелъ безвѣстно... и какъ Великаго Князя воеводамъ вѣсть учинилась во Володимірь, и воеводы пошли въ Муромъ, а Великій Князь послалъ ко царю Шигалею въ Касимовъ городокъ и велѣлъ царю пойтить къ Мурому, и царь Шигалей пошелъ съ своими Татары, и какъ пришелъ къ Мещерѣ и натхалъ Нагайскихъ людей въ загонѣхъ, и Касимовскіе Татарове многихъ загонщиковъ побили и полонъ Руской отлучили, а иныхъ Татаръ къ Великому Князю въ Москву прислалъ, а иные загонщики много плѣниша народу Христіанскаго и селъ пожгоша, и Святыхъ Божіихъ церквей, и около города Мурома, и какъ пришла вѣсть царю Казанскому, что на него идетъ царь Шигалей и воеводы Великаго Князя, пошелъ прочь отъ Мурома, а царь Шигалей и воеводы за нимъ не пошли.

Съ какихъ именно поръ Шахъ-Али въ 1540 году управлялъ Касимовымъ — съ самаго ли возвращенія съ Бѣлоозера или нѣтъ, рѣшить трудно. То, что мы знаемъ какъ о Шахъ-Аліѣ, такъ и о Касимовскихъ Татарахъ за пять лѣтъ отъ начала 1536 г. до конца

1540 г. не открываетъ намъ на этотъ счетъ ничего, да и знаемъ мы очень немного.

Шахъ-Али въ 1537 г., лѣтомъ, былъ во Владимірѣ съ воеводами великокняжескими, для защиты границъ нашихъ со стороны Казанцевъ ¹⁰⁸); а въ 1539 г.,

¹⁰⁸) *Башм. разр. кн.*: Тогожъ лѣта (7045), іюля въ день, росписъ воеводамъ отъ Казанскіе у крайны. Въ Володимере былъ царь Шигаей, а съ нимъ Юрья Дмитреевичъ Шенинъ. А воеводы были въ Володимере: бояринъ князь Дмитрей Ѳедоровичъ Бѣльской, да бояринъ Иванъ Григорьевичъ Морозовъ.

осенью, съ княземъ Федоромъ Михайловичемъ Мстиславскимъ, разбилъ Казанцевъ, подступавшихъ къ Мурому и Костромѣ ¹⁰⁹).

¹⁰⁹) *Кар.* пр. 97, къ Т. VIII (выписка изъ ветхаго Синод. лѣт. подъ № 365): Въ лѣто 7048 приходили Татарове Казанскіи къ Мурому и къ Костромѣ, и учинися бой пониже Костромы у Пятницы Св. на Плесь... и сами Татарове побѣгоша; и придоша на нихъ Царь Шигъ-Алей, да К. Ѳедоръ Мих. Мстиславской, и побѣша Татаръ, а иные по лѣсомъ разбѣгошася и отъ мраза измроша; а половъ Вел. Князя отполониша весь.

Касимовскіе же Татары несли прежнюю службу: Ногайцы не переставали на нихъ жаловаться ¹¹⁰);

¹¹⁰) *Грамота Кошумъ-мурзы (Кошъ-Мухаммедъ-мурзы—قوش محمد مرزا) къ в. к. Ивану IV, полученная 22 іюня 1538 г.*: А попалъ тогда, коли потоптали

Баубека, да *Тюикаторомъ* зовутъ паробокъ, а нынѣ во Царевичеве городкѣ. И тыбъ того отдалъ, инакобъ не учинилъ (*Прод. Древн. Росс. Висл.* VIII, 47). *Грамота Кель-Мухаммедъ-мурзы* (كل محمد مرزا; Русскіе звали его Калмагметъ и Келмагметъ - мурзою) къ в. к. *Ивану IV*, полученная 22 іюня 1538 г.: А вдругомъ мѣсте ещо порушилъ еси (правду), на Волзе на отца своего юрте стоялъ еси, и пришедчи твои *Мещеряны* у меня четыре паробки головами свели. А третее то не порухали шерти? послалъ еси ктобъ посла своего *Байтерека* (въ 1536 году; см. *Прод. Древн. Росс. Висл.* VII, 344—347; VIII, 1), а снмиъ сто человекъ, да сними же гонца своего большего *Кульболду*, а сними вмѣстѣ былъ твой посолъ *Розхозъ Азъи*. И твои люди тѣхъ потоптали. Пятьдесятъ человекъ кнамъ пришли живы, а нятьдесятъ человекъ нѣтъ. Да тутуже у нихъ две тысячи лошадей взяли .. Да коли приходили на *Байтерека*, и толды детину взяли вполонъ, *Ахикелдѣмъ* зовутъ. И тыбъ и того къ намъ прислалъ (*Прод. Древн. Росс. Висл.* VIII, 50 — 53). *Ответъ в. к. Ивана Кель-Мухаммеду*, писанный въ іюль 1538 г.: А въ грамоте въ своей писалъ еси къ намъ .. да кочевалъ еси на Волзе на отца своего въ Юрте, и казаки наши городетцкіе пришедъ подвашы улусы, четыреста лошадей у васъ отгнали. И то еси дѣло на передъ сего и отмогнулъ намъ своею грамотою и съ своими людьми про тѣ кони, а писалъ еси къ намъ о дву паробкахъ, что де и тѣ наши казаки взяли у тебя два паробка, и мы тѣхъ двухъ паробковъ допскався да и послали къ тобѣ съ вашими

людьми. А что къ намъ посылалъ еси посла своего Байтерека, а съ нимъ сто человекъ, и на сей сторонѣ Волги наши казаки Байтерека потоптали, пятьдесятъ человекъ убили, а пятьдесятъ человекъ тѣхъ людей къ вамъ пришли, а лошадей взяли у твоихъ людей двѣ тысячи. И намъ бы тѣхъ дѣлъ всѣхъ отискати и убытки вамъ поплатити. И вамъ гораздо вѣдомо, лихихъ гдѣ иѣтъ. На поле ходять казаки многие, *Казанцы, Азовцы, Крымцы*, и иные *Баловни* казаки. А и нашихъ Украинъ съ нимижъ смешався ходять, и тѣ люди какъ вамъ тати, такъ памъ тати и разбойники, и на лихо ихъ никто не учить, а учинивъ которое лихо, розѣзжаются по своимъ землямъ. Да о томъ дѣле здѣ и бояре наши говорили съ посломъ съ твоимъ зъ Байтерекомъ. И посолъ твой Байтерекъ сказалъ, что ты то дѣло пооставилъ. А и самъ посолъ твой Байтерекъ такъ же не хочеть памятовати тѣхъ своихъ убытковъ. А мы нынѣ въ *Городокъ* послали велики отомъ обыскивати, и тѣхъ людей пытать. И кого доищются, и мы лихихъ велимъ казнити. А что мочно на нихъ доправити, и мы велимъ доправивъ да вашнимъ людямъ отдати (*Прод. Древн. Росс. Визл. VIII, 73—75*).

а Городецкіе Татары, по старому, воевали, и ходили сторожить на Волгу. Сохранилось даже описаніе одного изъ такихъ походовъ. Въ 1536 г. мурза Гильды (گیلدی) Городецкій, съ 500 человекъ, былъ посланъ на Волгу. Іюня 23, мурза донесъ, что онъ перехватилъ Тебенекъ-оглана (تبنک اوغلان),

шедшаго съ значительною толпою изъ Казани, и побилъ многихъ непріятелей. Самаго Тебенекъ и съ нимъ 14 чел. плѣнныхъ Казанцевъ Касимовскіе Татары привели въ Москву ¹¹¹).

¹¹¹) *Дс.* IV, 78, 79: Тогожъ мѣсяца (іюня 7044) 23 прислалъ къ Великому Государю Татаринъ его Мурза Гадѣй Городецкой, что посылалъ ихъ Великій Князь на Волгу пятьсотъ человекъ беречи въ Казань и изъ Казани посылаемыхъ и во нныя Орды и изъ нныхъ Орлъ присылокъ и пошелъ изъ Казани во нныя Орды Тебенекъ Уланъ, и съ нимъ многіе Татарове Казанцы, и Великаго Князя казаки многихъ Казанскихъ Татаръ побили, а Тебенка Улана поймали, и съ нимъ четырнатцать человекъ Казанцовъ поймали и на Москву къ Великому Государю привели. Великій же князь Татаръ своихъ Городецкихъ казаковъ пожаловалъ (*Кар.* пр. 62 къ Т. VIII).

О царевичѣ Шахъ-Аліѣ Акъ-даулетовѣ, который въ 1534 г., какъ мы видѣли выше (стр. 291—297), водилъ Городецкихъ Татаръ, и о которомъ, пожалуй, можно было бы думать, что онъ продолжалъ до нѣкоторыхъ поръ управлять Касимовымъ, знаемъ мы за періодъ времени отъ 1536 до конца 1540 года только то, что, пока царь Шахъ-Али въ 1537 г. стоялъ во Владимірѣ, онъ находился съ Канбаръ-мурзинимъ сыномъ въ Одоевѣ, но былъ ли онъ тамъ одинъ, или съ Татарами Городецкими, свѣдѣній объ этомъ нѣтъ никакихъ ¹¹²).

¹¹²⁾ *Баим. разр. кн.*: Лѣта 7045, іюля въ 14 день...

А въ Одоеве Шибанской царевичъ Шигалей да Канбаръ-мурзинъ сынъ, да въ Одоевежъ воевода князь Ѳеодоръ Андреевичъ Прозоровской, да съ ними намѣстникъ Степанъ Сидоровъ.

Долго ли послѣ 1540 года Шахъ-Али просидѣлъ въ Касимовѣ, достоверно неизвѣстно. Все что мы въ правѣ положительно сказать, это то, что онъ владѣлъ имъ до 1543 г. На это мы имѣемъ указанія несомнѣнныя. Такъ, въ 1541 году, лѣтомъ, какъ скоро пришли въ Москву вѣсти о приближеніи хана Крымскаго, Сагибъ-гирея (бывшаго хана Казанскаго; см. выше, пр. 88, стр. 262), и у насъ въ Россіи стали готовиться къ отпору, то къ Шахъ-Алію послано было въ *Мещеру* приказаніе идти со всѣми князьями, мурзами и людьми во Владиміръ, чтобы слѣдить за дѣйствіями Казанцевъ ¹¹³⁾; а нѣсколько времени спустя, когда

¹¹³⁾ *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 296: И царевича Шигалѣа Шибанского да боярина своего князя Юрія Михайловича Булгакова князь велики отпустилъ съ Москвы, а съ ними послалъ двора своего многихъ людей; а велѣлъ царевичю и князю Юрью стояти на Похрѣ. А въ Володимерь послалъ къ боярину своему и вѣведѣ, къ князю Ивану Васильевичю Шуйскому съ товарищи, велѣлъ имъ стояти въ Володимери; а въ Мещеру послалъ къ царю къ Шигалѣю, чтобы съ князми и съ мурзами и съ всѣми людьми пошолъ въ Володимерь же; а съ Костромы вѣведѣ своему князю Феодору Ивано-

вичю Шуйскому съ товарищи велѣлъ идти къ Володимерю съ всеми людьми съ царемъ сниматися (*Царк.* 81; *Ник.* VII, 21; *Лѣт. Норм.* 41).

Сагибъ-гирей уже громилъ наши предѣлы и Москва была въ страхѣ, то митрополитъ Іосафъ, призванный на совѣтъ съ боярами, чтобы рѣшить: слѣдуетъ ли великому князю ѣхать изъ столицы или нѣтъ, склоняясь въ пользу послѣдняго мнѣнія, говорилъ, что есть кому защитить Москву, и въ примѣръ приводилъ Шахъ-Алія, расположеннаго со всею *Городецкою ордою* и съ сильнымъ войскомъ во Владимірѣ ¹¹⁴).

¹¹⁴) *Вскр.* П. С. Р. Л. VIII, 297, 298: Митрополитъ же рече:.... А съѣзжали великіе князя съ Москвы того для, чтобы, събрався съ людьми, Москвѣ же пособляти и инымъ городомъ; а у великого князя нынѣша въ Володимери многіе люди: царь Шигагѣй, а съ нимъ орда Городецкаа вся, да боаринъ и вѣвода князь Иванъ Васильевичъ Шуйской и иные вѣводы съ многими людьми, которые стоятъ Казанского для дѣла; да и съ Костромы и съ Похры вѣводамъ велѣлъ князь велики съ царемъ же сыматися, ино съ царемъ и съ воеводами будутъ люди многіе; просити у Бога милости, а есть кѣмъ великого князя дѣло беречи и Москвѣ пособляти (*Царк.* 85; *Ник.* VII, 24).

Такъ же точно и въ 1542 г., посланникъ нашъ Федоръ Невѣжинъ, ѣздившій въ Астрахань, доносилъ, по возвращеніи отсюда 8 іюля, что царевичъ Астра-

ханскій Ядигаръ (بادگار) идетъ на службу къ великому князю, и остановился *въ Касимовѣ у Шахъ-Али* ¹¹⁵⁾.

¹¹⁵⁾ *Царк.* 99, 100: Тогожъ мѣсяца (іюля 7050) 8; пришелъ Великаго Князя Посланиникъ изъ Асторахани Ѳеодоръ Невѣжинъ; и сказалъ Великому Князю, что идетъ служить къ Великому Государю Царевичъ Астораханской Идегеръ; а остался у Шигалея Царя въ Касимовѣ. Да съ Ѳеодоромъ же вмѣстѣ пришелъ къ Великому Князю Астораханской Посолъ отъ Абдырахмана Царя, Ишинъ Князь съ товарищи, о крѣпкой дружбѣ (*Ник.* VII, 37; *Лв.* IV, 158, гдѣ не «Идегеръ», а «Идигеръ»; *Кар.* пр. 128, къ Т. VIII, гдѣ царевичъ названъ: «Едигеръ»). Черезъ недѣлю послѣ пріѣзда Невѣжина, Ядигаръ былъ уже въ Москвѣ, и былъ уже принятъ на службу. *Лв.* IV, 159: Тогожъ мѣсяца (іюля 7050) 16 пріѣхалъ къ Великому Князю служить Идигеръ царевичъ и Князь Великій его пожаловалъ царевича принялъ къ себѣ въ службу (*Царк.* 106; *Ник.* VII, 36, гдѣ царевичъ названъ: «Ижигеръ»). Въ *Лѣт. Норм.*, 47, оба извѣстія какъ о пріѣздѣ Ядигара въ Касимовъ, такъ и о принятіи его на службу къ великому князю, соединены въ одно. «Пріѣхалъ», сказано тамъ, «Великаго Князя посланиникъ изъ Астрахани Ѳеодоръ Невѣжинъ, а сказалъ Великому Князю что идетъ служить к Великому Государю Царевичъ Едегиръ, а остался у Шигалея Царя въ Касимовѣ, и Князь Великій его пожаловалъ, принялъ к себѣ в службу».

Сверхъ того, зимою того же 1542 г., стояли *въ Ка-*

симостъ у Шахъ-Аліа окольничій Иванъ Ивановичъ Беззубцевъ и Василій Тимофѣевичъ Замыцкой ¹¹⁶⁾.

¹¹⁶⁾ *Баим. разр. кн.* Лѣта 7051 ноября... Въ городкѣ у царя Касимовскаго окольничей Иванъ Ивановичъ Беззубцовъ да Василей Тимофѣевъ сынъ Замыцкой. — Здѣсь хотя Шахъ-Али не названъ по имени, но рѣчь, безъ малѣйшаго сомнѣнія, идетъ о немъ. Въ 1542 г. при Московскомъ дворѣ было служилыхъ Татарскихъ царевичей нѣсколько, царь же былъ одинъ: Шахъ-Али Шейхъ-Ауліаровъ. Какъ скоро въ *Баим. разр. кн.* рѣчь идетъ о царѣ Касимовскомъ, то дѣло, очевидно, касается Шахъ-Аліа Шейхъ-Ауліарова, а не кого либо другого. Въ противномъ случаѣ, владѣлецъ Касимовскій названъ былъ бы *царевичемъ*.

Лѣтомъ 1543 года (18 іюля), Шахъ-Али, находясь въ Москвѣ, далъ Троицкому Сергіеву монастырю жалованную грамоту о безпрепятственномъ вѣздѣ монастырскихъ прикащиковъ въ Каширскіе лѣса, и объ освобожденіи отъ пошлинъ монастырскаго судна. «А здѣсь мнѣ Царю», сказано въ грамотѣ, «били челомъ, на Москвѣ, а сказываютъ, что деи игуменъ Никандра съ братьями посылаютъ на монастырское дѣло по лѣсъ, своихъ прикащиковъ монастырскихъ, на своихъ судѣхъ, рѣкою Окою внизъ, Великаго Князя въ отчину и въ наши царевы, въ Гусевской лѣсъ, и Городскихъ людей въ лѣсъ въ болшой, и ниже Городка въ нашихъ крестьянъ въ отчины земецкіе... И язъ ихъ Царь Шыгалеи Шыгавліаровичъ пожаловалъ: въ

тѣхъ лѣсѣхъ велѣлъ лѣсъ сѣчи всякой, опричь боротного деревья и знаменновъ; и какъ поѣдутъ прикащики на суднѣ Троицкого монастыря, рѣкою Окою внизи и вверхъ, и вы бѣ съ нихъ наши прикащики и на мытѣхъ мытчики, на Гусѣ и въ Городкѣ, никакихъ нашихъ пошлинъ не имали съ судна и съ ихъ людей, по сей моей грамотѣ... Писано на Москвѣ, лѣта 7051 Юля въ 18 день» (*Акты Арх. Эксп.* Т. I, № 199, стр. 178). Упоминаемый въ грамотѣ Городокъ, по всей вѣроятности, старая Кашира, лежавшая на Московской сторонѣ, на лѣвомъ берегу Оки (см. Записки Отд. Русск. и Слав. Арх. Имп. Арх. Общ. Т. I. Спб. 1851. II. Археологическое обозрѣніе Русской земли. Памятники Тульской губерніи И. П. *Сахарова*, стр. 22). Быть можетъ, лѣтомъ 1543 г., Шахъ-Али владѣлъ Каширою; но продолжалъ ли онъ вмѣстѣ съ тѣмъ управлять Касимовымъ, или городъ этотъ достался кому нибудь другому — того не знаемъ ¹¹⁷⁾).

¹¹⁷⁾ Въ *Баши. разр. км.* подъ 7051 г. читаемъ: «Тогожь году былъ у государя царь Шигалей на четвертой недѣли въ Петрова говейна въ помедѣльникъ, и государь послалъ его встрѣчать бояръ князь Петра Ивановича Репнина, да князь Василья Васильевича Чулка Ушатаго». Грамота Троицкому Сергіеву монастырю 18 іюля 1543 г., по всей вѣроятности, была писана Шахъ-Алиемъ въ этотъ пріѣздъ его въ Москву. Быть можетъ, объ эту именно пору и была пожалована ему Кашира.

Съ 1543 г. по 1546 годъ ни о Шахъ-Алиѣ ни о Касимовѣ, ни даже о Городецкихъ Татарахъ не упоминается нигдѣ.

Въ 1546 году, въ іюнѣ, Шахъ-Али, призванный самими Казанцами, которые незадолго передъ тѣмъ, изгнали Сафа-гирѣя, занявъ, съ разрѣшеніемъ Русскаго правительства, престолъ Казанскій, но не болѣе какъ черезъ мѣсяцъ, онъ былъ принужденъ бѣжать и уступить свое мѣсто снова Сафа-гирею. Лѣтописцы наши, описывая бѣгство Шахъ-Али изъ Казани, говорятъ, что онъ отплылъ на судахъ въ низъ по Волгѣ, на Волгѣ взялъ лошадей у Городецкихъ Татаръ, и за тѣмъ полемъ вышелъ въ городокъ, очевидно Касимовъ ¹¹⁸).

¹¹⁸) *Царк.* 122, 123: И какъ вѣсть пришла къ Государю, что Казанцы измѣнили, а Шигалей съ Казани збѣжалъ; а того невѣдомо, на которыхъ мѣстѣ. И Государь послалъ Царя стрѣчати на полѣ Льва Андреевича Салтыкова, а съ нимъ дѣтой Боярскихъ и Татаръ; а на Вятку Алексѣя Даниловича Басманова. И Левъ Царя на полѣ встрѣтилъ; а Царь Шигалей какъ збѣжалъ съ Казани на низъ Волгою въ судѣхъ, а на Волгѣ поймалъ кони у городецкихъ Татаръ, и послалъ къ Великому Князю своего Дворянина съ грамотою; а писалъ въ грамотѣ, что Казанцы измѣнили Великому Князю, на Казань взяли Сафакирея Царя, а его хотѣли выдати Сафакирею Царю; и овъ у нихъ изъ Казани ушелъ; а шелъ чрезъ поле въ городъ, и пришелъ на Украину

Августа 15 далъ Богъ здоровъ; а на Казани сидѣлъ онъ мѣсяцъ (*Жик.* VII, 48 и *Лс.* IV, 179, 180, гдѣ въ обѣихъ стоитъ не «городъ», а «городокъ»).

Любопытныя подробности о переворотѣ, случившемся въ Казани въ 1546 г., находятся въ перепискѣ сыновей Юсуфа, князя Ногайскаго (Юсуфъ - мурза сдѣлался княземъ послѣ Шейхъ - Мамаа, преемника Седъ - Ахмеда), съ Иваномъ IV. Вотъ что писали они въ 1551 г.: «Бѣлому Царю великому Князю Ивану *Васильевичю* всеа Русіи Государю. Отъ *Юсузъ* мирзы, да отъ *Али* мирзы челобитье моляя слово то. Богъ сотворилъ васъ Христьяны, а насъ сотворилъ Мусульманы. И у васъ въ вашей землѣ нѣкоторые Мусульманские Государи были *Казанские* люди *Савакиртъ* Царя на царство полюбили, да за то и согнали его. А у васъ взяли на Царство въ Казань *Алиа* (Джанъ - Алиа) Царя. Да къ отцу нашему къ *Юсузу* Князю Казанские люди съ вашего вѣдома, хотя снами братства, пословъ присылали. И божіими судьбами отецъ нашъ Юсузъ Князь зъ братомъ твоимъ *Яналиемъ* Царемъ въ братстве учинился, и сестру нашу за Яналиа Царя далъ, и званіи былъ въ дружбе, и въ братстве учинился. И безо всѣхъ людей вѣдома которой былъ отехалъ *Савакиртъ* Царь, и они по него послали грамоту, и провезли въ Казань, да Яналиа Царя убили, а сестру нашу за Савакиртъ Царя дали. А вто время Савакиртъ Царь пришелъ былъ съ немногими людьми, и годъ другой спустя *Крымскихъ* голодныхъ и нагихъ привелъ. Да надъ Казанскими людьми учалъ насилство

дѣлать. У ково отца не стало, и онъ отцова доходу не давалъ. А у ково брата болшова не станеть, и онъ тово доходу меньшому брату не давалъ. А истобю долго завоевався жилъ. И тѣхъ его дѣлъ Казанскіе люди и Князи немогли терпѣти, да отъ него отступивъ выехавъ вонъ съ Крымцы завоевалися и побилися, и Крымцовъ въ прогоны побили, а иныхъ многихъ прогнали. А Савагирѣя Царя съ немногими людьми оставили. И во время изъ *Астрахахи* пришелъ *Мансырьсейтеъ*. И после того нѣсколко день спустя Савагирѣй Царь съ Мансырьсейтею побегалъ въ Астрахань. Да у Астраханскаго Царя и у Царевича силу взявъ пришедъ Казань облегъ, чаялъ того, нѣчтоль дей Князи и лучіе люди его похотять. Съ такою надежею постоятъ и Казанскихъ Князей и лутчихъ людей никто къ Савакирѣю Царю не пошегъ. И после того пришедъ да побился, да ничего не учинилъ, да и побегалъ, да приѣхалъ къ отцу нашему къ *Юсуу* Князю. А онъ былъ отцу нашему и нашъ недругъ. Здумали были есмь его убить. Прежнихъ пословица, покорную дей голову мечъ не сотнеть. язь дей челоуѣкъ достоинъ былъ смерти; къ Богу да къ Юсуу Князю плакатися пришелъ есмь, чтобы ныне Юсуъ Князь пожаловалъ далъ мнѣ рать. И братью бы свою меньшую ихъ детей своихъ послалъ. А въ Казани дей тѣхъ людей много, которые насъ хотять, только дей съ *Манымтскою* (т. е. Ногайскою) силою помду, и они дей меня возмутъ. А возму дей Казань, и язь дей *Юсуфу* Князю да и вамъ дамъ *Горнюю* сторону, да и *Арскую*. А жонъ дей и детей своихъ у

васъ возмемъ на окупъ. На томъ намъ Сафагирѣй Царь въ головахъ и всѣ Крымцы роту и правду дали. И отецъ нашъ Юсуфъ Князь въ головахъ да и мирзы также приговорили. Да и послали насъ съ Сафагирѣемъ Царемъ ратью. И мы дорогою идучи подумали съ своими людьми съ *Азиртесовыми* Царевыми детьми (т. е. съ родомъ Крымскихъ хановъ, потомствомъ Хаджигирея; см. выше, стр. 93), наши отцы и дяди колѣнжиды межъ себя головъ секали и кровь проливали. А Саагирѣй Царь времени для нынѣ кнамъ таковъ. А изъ начала въ братстве есмь, съ Государь своими съ *Темиръ-Кутлусовыми* Царевыми дѣтми (т. е. съ родомъ Астраханскихъ царей, потомствомъ Темиръ-Кутлука, отъ котораго происходили и Джанъ-Али и Шахъ-Али; см. выше, стр. 222—244 и 255). Да еще брата нашего *Яналия* Царя убилъ, да сестру нашу въ полонъ за себя взялъ. Таковъ онъ намъ недругъ. И намъ опять такова времени надъ ними не будетъ. Да примыслили были есмь, что бы намъ въ Казани дошедъ вестей провѣдати Только *Шигалѣй* Царь похочетъ снами потомуже въ дружбѣ и въ братстве быти, какъ былъ Яналѣй Царь. И съ Саагирѣемъ Царемъ Крымцовъ всѣхъ шестьдесятъ человекъ, и мы ихъ побьемъ, а сестру свою дадимъ за Шигалѣя Царя, и по прежнему въ братстве будемъ. Такъбы и есмь примыслили. Какъ есмь пришли блиско Казани, аже Шигалѣй Царь изъ Казани пошелъ, и мы себя порозсудили, когочъ для намъ Саагирѣя Царя убить? да неубили. А земля стояла безъ Царя и безъ Государя. И мы шедъ восемь день стояли подъ городомъ,

и билися есмь. Добрые князь Казанские люди не приехали, приехали князь худые люди. И мы *Казань* взяли, да и дали *Савакиръю* Царю. А сами есмь опять въ *Мамиты* пришли. А Царицы у насъ въ Мангитехъ зимовали» (*Прод. Древн. Росс. Визл.* VIII, 269 — 274). Подтвержденіе всѣмъ этимъ подробностямъ находимъ мы и въ грамотѣ самого Юсуфа, присланной имъ къ Ивану IV въ юлѣ 1549 г. съ человекомъ его Байсунгуромъ. Въ грамотѣ этой читаемъ: «Отъ *Юсуфъ* мырзина величества другу моему Ивану Князю поклонъ, молвя слово то. *Казанскіе* князи напередъ сего *Савакиръя* Царя отгоня, у отца у твоего у *Василья* Князя *Шигалтева* Царева брата *Яналия* Царя въ *Казань* на царство взяли, да *Казанскихъ* добрыхъ людей къ намъ прислали, хотячи съ нами свойства. И мы судбами Божиими за *Яналиа* Царя дочь свою дали и въ свойствѣ учинились были. И которой былъ отшелъ прочь *Савакиръй* Царь, и *Булатъ* Князь утаниъ у земли посылалъ къ нему грамоту, да привелъ его, а твоего друга и брата, и нашего зятя *Яналиа* Царя убили, а дочь мою за *Савакиръя* Царя дали. Коли *Савакиръй* Царь въ первые въ *Казань* пришелъ и съ нимъ толды пришли человекъ съ трицать. И после того спустя нѣсколько лѣтъ, привелъ многихъ нагихъ и голодныхъ людей *Крымцовъ*. Да почалъ надъ *Казанскими* людьми насильство чинити. И *Казанскіе* люди не хотячи отъ него того терпѣти, да *Савакиръя* Царя опять съ *Казани* сослали. И онъ къ намъ пришелъ, да почалъ говорити: отецъ деи мой *Бетикиръй* (*Фатхъ-гирей*; см.

выше, нр. 90, стр. 265—267) Царевичъ твоему старѣйшему брату *Шимъ* мирѣ въ нѣкое время добро учинивалъ. Чтобы де и ты ныне мнѣ добро свое учинилъ. Пошли дей со мною сына своего да и рать свою мнѣ пожалуй дай. По твоему дей жалованью только Казань возму. И азъ дей въ твоей волѣ учиню. А убью дей челоуѣка или дву, а болѣ де и того не убью. А опричь де и того никому никакого убытка не учиню. Такъ молва и правду былъ учинилъ. И мы за то которое добро отецъ его учинилъ, то есмь сыну его воздали. Съ сыномъ своимъ *Юнусъ* мирзою рать свою съ нимъ послалъ, да *Казань* есмь взявъ были дали» (*Прод. Дресс. Росс. Висл.* VIII, 141—143). Эти же самыя подробности, но только въ весьма искаженномъ видѣ, значатся и въ Исторіи о Казанскомъ царствѣ. По словамъ сочинителя ея, Сафа-гирей, изгнанный изъ Казани въ 1546 г., бѣжалъ прямо къ Юсуфу, князю Ногайскому; и обратился къ нему съ просьбою о помощи. Юсуфъ и Сафа-гирей, вмѣстѣ съ многочисленною толпою Ногайцевъ, двинулись на Казань, и осадили ее, но послѣ двухъ мѣсяцевъ принуждены были отступить, не взявъ города. Тогда Казанцы выпросили себѣ изъ государства Московскаго въ царя Шахъ - Алія; Сафа - гирей же остался у Ногайцевъ; тамъ онъ и жилъ до тѣхъ поръ, пока Шахъ - Али, опасаясь измѣны со стороны своихъ подданныхъ, не бѣжалъ изъ Казани, и жители города не прислали просить его, Сафа-гирея, снова къ себѣ на царство (*Ик.* 95 — 108; *Подр. мт.* II, 90 — 98). При всей этой путаницѣ въ разсказѣ, сочинитель Исторіи о Ка-

занскомъ царствѣ впадаетъ еще въ ошибку: онъ увѣ-
ряетъ, будто Сафа-гирей женился на дочери Юсуфа,
не по смерти Джанъ-Алія, а именно объ эту пору,
т. е. въ 1546 г., тотчасъ по изгнаніи своемъ изъ Ка-
зани. «И побѣжа Царь Саагирей», пишетъ онъ (*Иж.*
95, 96), «ис Казани *с Нагаи* за *Яикъ* и присвоися тамо
Заяицкому Князю *Исуну* дщерь у него вземъ в жену
красну вельми и мудру снеюже взя и улусы кочевныя
внихъ же кочюя живаше (и бысть ему та пятая жена,
и возлюбилъ зело паче первыхъ своихъ болющихъ). И
подъя сособою оттуду теста своего Князя *Исуну*, и при-
ведѣ сособою и снмиъ нагайскихъ срацынъ всю орду
заяицкую, и прииде ко граду Казани хотя взяти Казань»
(сл. *Подр. лѣт.* II, 90, гдѣ текстъ, по ошибкѣ, пе-
реименованъ: «И побѣже Царь Сатгирей въ Нагаи за
Яикъ, и присвоися тамо прибѣжавшій Казанскій Князь
Юсупъ, взявъ у него за себе дщерь вельми красну и
мудру, за нею же взя и улусы кочевныя, въ нихъ же
кочюя живаше, и бысть ему та пятая, и возлюбилъ
зѣло Юсупъ. Они же собравъ Нагайскихъ Срацынъ и
всю Орду Заяицкую прииде на взятіе Казани»). Что
Сафа-гирей взялъ за себя дочь Юсуфа, бывшую вдову
Джанъ-Алія, вскорѣ послѣ воцаренія своего въ Ка-
зани въ 1535 г., въ этомъ не можетъ быть никакого
сомнѣнія. Письма роднаго отца ея и братьевъ служатъ
тому неоспоримымъ доказательствомъ. Была же эта
дочь Юсуфа, навѣрное, та самая, на которой, по свѣдѣ-
ніямъ сохранившимся у Русскихъ лѣтописцевъ, Джанъ-
Али, въ 1533 г., просилъ у великаго князя дозволенія

жениться (см. выше, стр. 274, 275). Джанъ - Али, кажется, не очень любилъ ее, и держался ея только изъ уваженія къ отцу ея. «А *Мамай* Мурза и *Юсювъ* Мурза», писалъ Д. Губинъ въ донесеніи изъ Ногайскихъ улусовъ, полученномъ 26 сентября 1535 г., «кочуютъ близко *Казани* на лѣтовище. А къ *Юсюву* Государь, изъ *Казани* дочь присылала *Яналтева* Царица. Сказываютъ, Государь, *Яналтъ* Царь еѣ не любитъ. И *Юсювъ*, Государь, сказываютъ, послалъ *Казанскимъ* Княземъ, чтобы *Яналия* Царя *Казани* сослали, а дочь его ему отдали» (*Прод. Древн. Росс. Вѣст.* VII, 287).

За чѣмъ *Шахъ-Али* бѣжалъ изъ *Казани* прямо въ *Касимовъ*? Ужъ не отъ того ли, что онъ до отправленія своего въ *Казань*, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, жилъ въ *Касимовѣ* и правилъ имъ? Если такъ, то выйдетъ, что *Шахъ-Али*, если и владѣлъ въ 1543 г. *Каширою* одною, то сидѣлъ въ ней не очень долго, и вскорѣ послѣ того получилъ снова *Касимовъ*. Замѣтимъ, что сочинитель *Исторіи* о *Казанскомъ* царствѣ, хотя на него конечно и трудно полагаться, говоритъ даже утвердительно, будто *Шахъ-Али* былъ вызванъ въ 1546 г. въ *Казань* изъ *Касимова*. «И втоже злочасное время», читаемъ въ *Иж.* на стр. 96, 97, 99, «притушаше *Казанцемъ* Царь *Шихъ Алімъ* *Касимовскій* всегдашнимъ воеваніемъ земля ихъ... И послаша съ лестію къ *Москвѣ* послы своя со многими дарыми къ Царю и великому Князю о прощеніи просити Царя *Шихъ-*

Алгѣя на царство на Казань... Обмануша Царя и великаго Князя послы Казанстѣи, иять бываетъ Касимовскій Царь Шихъ-Алгѣй аки медведь накрепко плетенными мрежами звѣрными» (сл. *Подр. лт.* II, 91).

Слѣдующія за бѣгствомъ изъ Казани пять лѣтъ, отъ осени 1546 до августа 1551 года, Шахъ-Али провелъ въ Россіи на службѣ великаго князя.

Что происходило тогда въ Касимовѣ—свѣдѣній объ этомъ немного. Нѣсколько разъ встрѣчается его имя, но все больше мелькомъ и случайно, въ связи съ именемъ Шахъ - Алиа, такъ что почти единственное заключеніе, которое можно вывести — это то, что Касимовъ, отъ конца 1546 до осени 1551 г., составлялъ, по прежнему, удѣлъ Шахъ-Алиа.

Объясню это примѣрами, взятыми изъ исторіи того времени.

Въ первый разъ послѣ 1546 г. упоминается о Шахъ-Алиѣ подъ концомъ 1547 г. и началомъ 1548 г., по поводу дѣлъ Казанскихъ. Въ концѣ 1547 г. Иванъ, рѣшившись предпринять походъ противъ Казани, велѣлъ, между прочимъ, Шахъ-Алию изъ *Мещеры* идти съ княземъ Владиміромъ Воротынскимъ и другими воеводами къ устью Цывили, чтобы тамъ соединиться съ главнымъ войскомъ. Шахъ-Али двинулся; вмѣстѣ съ нимъ находился и Ядигаръ царевичъ; шелъ также цѣлый отрядъ служилыхъ Татаръ. Въ приставахъ были: у Шахъ-Алиа князь Федоръ Андрѣевичъ Прозоровской, а у Ядигара князь Иванъ Михайловичъ Хворостининъ. Съ

Татарами былъ Иванъ Ильичъ Челищевъ. Съ своей стороны и государь выступилъ въ декабрѣ. Впрочемъ до Казани онъ не дошелъ. Оттепель и распутица, въ февралѣ 1548 г., принудили его возвратиться съ острова Роботки. Начатыя военныя дѣйствія поручено было продолжать Шахъ-Алію, Ядигару и воеводамъ ¹¹⁹⁾.

¹¹⁹⁾ *Башм. разр. кн.*: Лѣта 7056 году, декабря въ 11 день, въ недѣлю, по Николине дни, государь царь и великий князь Иванъ Васильевичъ всеа Росіи пошолъ съ Москвы, для своего дѣла и земского, въ Володимиръ; а изъ Володимера итти ему къ Нижнему и х Казани. А съ нимъ пошолъ въ Володимиръ братъ его князь Юрѣя Васильевичъ; а бояръ съ царемъ и великимъ княземъ, которые пошли съ Москвы: князь Дмитрей Ѳеодоровичъ Палецкой, околничей и дворецкой Данило Романовичъ Юрьевъ, околничіе Ѳеодоръ Михайловичъ Нагово, Григорей Васильевичъ Морозовъ, Ѳеодоръ Григорьевичъ Адашевъ, Тверской дворецкой Василей Михайловичъ Юрьевъ, Дмитровской дворецкой Долмать Ѳеодоровичъ Карповъ. Оружничей князь Юрѣя Ивановичъ Щетининъ; казначей Ѳеодоръ Ивановичъ Сукнинъ; дьяки Иванъ Елизаровъ сынъ Цыплетевъ, Борисъ Ивановъ сынъ Сукнинъ, Боканя Митрофановъ, Яковъ да Василей Захаровъ. А отпустилъ царь и великий князь передъ собою въ Володимиръ воеводъ своихъ князь Дмитрея Ѳеодоровича Бѣлскаго и иныхъ своихъ воеводъ, и велѣлъ имъ въ Володимире съ людьми збиратися; а изъ *Мещеры велѣлъ*

итти царю Шихалею, да съ нимъ воеводамъ князь Володимеру Воротынскому и инымъ воеводамъ, а велѣмъ имъ съ собою сниматися на устьѣ Цавильскомъ. А становъ великому князю до Володимера двадцать первой станъ былъ въ Танинскомъ; а въ Володимеръ пришло въ четвергъ, за три дни до Рождества Христова. А изъ Володимера государь пошолъ въ Нижней Новгородъ, въ другую недѣлю по крещеніе Господне; а становъ до Нижнего Новогорода было одиннатцать; а брату своему князь Юрью Васильевичю велѣмъ стоять въ Володимере для Казанскихъ людей приходу. А воеводы съ царемъ и великимъ княземъ были въ Володимере по полкомъ. Въ болшомъ полку: бояре и воеводы князь Дмитрей Ѳеодоровичъ Бѣльской, да князь Данило Дмитриевичъ Пронской. Въ передовомъ полку: бояринъ князь Александра Борисовичъ Горбатовъ, да князь Василей Ѳеодоровичъ Лопатинъ Оболенской. Въ правой рукѣ: бояринъ князь Иванъ Михайловичъ Шуйской, да князь Василей Семеновичъ Серебреной. Въ лѣвой рукѣ: князь Иванъ Шемяка Васильевичъ Пронской, да князь Давыдъ Ѳеодоровичъ Палецкой. Въ сторожевомъ полку: конюшей и бояринъ Иванъ Петровичъ Челяднинъ, да князь Семень Ивановичъ Гундоровъ. А какъ царь и великнй князь пошолъ изъ Володимера на свое дѣло къ Нижнему Новугороду, а воеводы шли изъ Володимера къ Нижнему: болшой полкъ, правая рука по той же росписи; а въ передовомъ полку съ бояриномъ со князь Александромъ Горбатымъ, на князь Васильево мѣсто Лопатино, изъ лѣвые руки князь Давыдъ Палецкой; а въ лѣвой рукѣ

со князь Иваномъ Шемякою Провскимъ, князь Василей княжъ Семеновъ сынъ Мезецкой; а изъ Володимера князь великиі отпустилъ къ Москвѣ Ивана Петровича Ѳедорова Челяднина, да князь Василья Лопату Оболенскаго лечитца для болѣзни, а въ сторожевомъ полку велѣлъ быти, въ первыхъ, въ Иваново мѣсто Челяднина, князь Семену Васильевичю Ростовскому, да князь Семену Ивановичю Гундорову. А у большова наряду были до Нижнего Новагорода: бояринъ Василей Дмитриевичъ Шенинъ, да Яковъ Андрѣевичъ Салтыковъ. А рынды у государя были: князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславской, да Семень Васильевичъ Яковлевъ, да Иванъ Петровичъ Яковлевъ, да Никита Романовичъ Юрьевъ, да Ѳедоръ Ивановичъ Умноі Колычовъ, да Алексѣй Ѳедоровъ сынъ Адашовъ. А шолъ государь къ Нижнему Новгороду на Гороховецъ да на Болахну. А съ государемъ и великимъ княземъ къ Нижнему Нову городу шель сторожевой полкъ, а большой полкъ и правая рука и передовой полкъ шли со всѣми людьми на Муромъ, а лѣвая рука стояла въ Муроме. А изъ Мурома государь велѣлъ итти воеводамъ своимъ: большому полку и передовому полку и правой рукѣ и лѣвой, со всѣми людьми, х Казани прямо на Тешу; а на Тешу велѣлъ сниматися съ *царемъ Шихалеемъ* и съ Мещерскими воеводами, а съ собою государь князь великиі велѣлъ сниматися имъ на Лысковъ. А изъ Мещеры велѣлъ государь итти х Козанижъ на Тешу *царю Шихалеею*; а шель онъ горною стороною до Цывили. А съ *царемъ Шихалеемъ* воеводы были по полкомъ. Въ

болшомъ полку: князь Володимиръ Ивановичъ Воротынской. Въ передовомъ полку: князь Юрья Ивановичъ Кашинъ. Въ правой рукѣ: князь Михайло Ивановичъ Воротынской. Въ лѣвой рукѣ: князь Василей Ивановичъ Осиповской Стародубской. Въ сторожевомъ полку: Борисъ Ивановичъ Салтыковъ. А у царя *Шималей* въ приставѣхъ князь Федоръ Андрѣевичъ Прозоровской. Да съ царемъ же *Шималей* былъ царевичъ Едигеръ Астараханской, а у царевича Едигера въ приставѣхъ князь Иванъ князь Михайловъ сынъ Хворостининъ. А съ служилыми со всѣми ратными Татары Иванъ Ильинъ сынъ Челищевъ. А велѣлъ князь великкіи царю *Шималю*, а съ нимъ воеводамъ своимъ, со всѣми людьми итти хъ Казани на Сакану да на Тешу; а сниматца съ собою велѣлъ ему на Цывилн. А царь и великкіи князь пришло въ Нижней Новгородъ въ четвергъ, февраля въ 2 день. И февраля, недѣлю спустя после Стретенева дни, князь великкіи пошелъ изъ Нижнего на свое дѣло хъ Казани; а станъ ему былъ первой на Елиѣ, другой станъ на Роботкѣ, 40 верстъ отъ Нижнего. А пришло на Роботку на заговѣйной недѣли въ пятницу, да тутъ стоялъ на Роботкѣ три дни, того для, что пришла теплота великая: съ норяломъ Волгою итти нельзя, что Волга не подыметь. И прислалъ къ царю и великому князю съ Тешн царь *Шималей* на Роботку сына боярскаго Мещеринина Гришу Ветлина, что царь *Шималей* а съ нимъ воеводы великого князя пришли на Тешу въ четвергъ на заговѣйной недѣли, далъ Богъ здорово, со всѣми люд-

ми, а итти имъ истомно: пришла теплота великая, а рѣчки малыя всѣ испортило. И съ Роботки государь воротился въ Нижней Новгородъ во вторникъ, на масленой недѣли, потому что стала теплота великая. А пришелъ въ Нижней съ Роботки, на масленой недѣли, въ среду; а изъ Нижнего Новгорода пошелъ къ Володимеру въ пятницу, на масленой недѣли; а ночевалъ на Балахнѣ; а изъ Балахны пошелъ къ Москвѣ. А какъ государь воротился съ Роботки, и въ околничихъ были передъ государемъ Григорей Васильевичъ Морозовъ, да Иванъ Васильевичъ большой Шереметевъ. А съ царемъ и великимъ княземъ изъ Нижнего Новгорода: бояре князь Иванъ Михайловичъ Шуйской, да князь Данило Дмитріевичъ Пронской, околничей и дворецкой Данило Романовичъ Юрьевъ, Григорей Васильевичъ Морозовъ, Ѳеодоръ Михайловичъ Нагой, Ѳеодоръ Григорьевичъ Адашевъ, дворецкой Дмитровской Долмать Ѳеодоровичъ Карповъ. А царица и великая княгиня была тогда въ Володимере, а у ней въ Володимере: бояринъ Василей Юрьевичъ Малаго, да дьякъ Борисъ Ивановъ сынъ Сукинъ. А царя и великого князя братъ князь Юрья Васильевичъ былъ тогда въ Володимережъ; а съ нимъ были въ Володимере: бояринъ князь Ѳеодоръ Андрѣевичъ Булгаковъ, конюшей Иванъ Ивановичъ Умной Колычовъ, дворецкой Семень Ивановичъ Жулебинъ, дьякъ Посникъ Путятинъ, дворцовые Шестакъ Воронинъ, Гаврило Северицынъ. А на Москвѣ тогда былъ князь Володимеръ Андрѣевичъ, а бояря царя и великого князя были на Москвѣ: Иванъ Григорьевичъ Морозовъ,

князь Михайло Ивановичъ Кубенской, Григорей Юрьевичъ Захарьинъ. Да на Москвѣжь были: бояринъ князь Ѳеодоръ Ивановичъ Шуйской Скопинъ, окольничіе Иванъ Дмитріевичъ Шенинъ, Иванъ Ивановичъ Рудакъ Колычовъ. А о всѣхъ своихъ дѣлѣхъ царь и великніи князь велѣлъ князю Володимеру Андрѣвичу и своимъ бояромъ приходити къ Мокарію митрополиту, а грамоты писалъ государь ко князю Володимеру Андрѣвичу. А подъ Казань князь великніи велѣлъ итти *царю Шигалею*, да царевичу Едигеру; и отпустилъ съ Роботки къ царю Шигалею съ наказомъ дворецкого Тверского Василья Михайловича Юрьева, а велѣлъ государь Василью быти у царя и итти съ царемъ хъ Казани. А бояромъ и воеводамъ своимъ велѣлъ государь итти съ Роботки хъ Казанижъ по полкомъ, и велѣлъ сниматися на Цивили съ *царемъ Шигалеемъ*. Въ большомъ полку: бояре князь Дмитрей Ѳеодоровичъ Бельской, да князь Дмитрей Ѳеодоровичъ Палецкой. Въ передовомъ полку: князь Семень Ивановичъ Микулинской Пунковъ, да князь Давыдъ Ѳеодоровичъ Палецкой. Въ правой рукѣ: бояринъ князь Александра Борисовичъ Горбатой, да князь Василей Семеновичъ Серебреной. И князь Василей Серебреной билъ челомъ государю, что ему въ правой рукѣ быти немочно, потому что въ большомъ полку князь Дмитрей Палецкой; и государь велѣлъ быть князю Василью безъ мѣстъ, а какъ съ службы сходятъ, и имъ дать счетъ. Въ лѣвой рукѣ: князь Иванъ Шемяка Васильевичъ Пронской, да князь Василей Семеновичъ Мезецкой. Въ сторожевомъ полку: князь Петръ Ивановичъ Шуйской, да князь Семень

Ивановичъ Гундоровъ. А Мещерскимъ воеводамъ князю Володимеру Воротынскому, велѣлъ государь, пришесть х Казани, большому полку быть въ большомъ полку, а тѣмъ полкомъ по томужъ въ полкѣхъ быть. А съ нарядомъ легкимъ: Федоръ Григорьевичъ Очинъ Плещевъ, индѣ пишетъ Иванъ Григорьевичъ, да дьякъ Иванъ Выротковъ. А большой нарядъ воротилъ государь въ Нижней Новгородъ, потому что Волга не подымала.— Въ *Башм. разр. км.* не видно чѣмъ кончилось предпріятіе Шахъ-Алія и воеводъ, посланныхъ Иваномъ съ Роботки. Изъ лѣтописей (*Царк.* 145—148; *Ник.* VII, 60—62; *Лв.* IV, 201—204; *Лѣт. Нор.м.* 54, 55) узнаемъ, что Шахъ-Али и воеводы подступали къ Казани, что Сафа-гирей встрѣтилъ ихъ на Арскомъ полѣ, но былъ разбитъ передовымъ полкомъ подъ начальствомъ князя Семена Микулинскаго, и что за тѣмъ войска наши, простоявъ подъ городомъ недѣлю, двинулись назадъ. Сочинитель Исторіи о Казанскомъ царствѣ (*Ик.* 109—112; *Подр. лѣт.* II, 100—102), описываетъ походъ Русскихъ противъ Казани въ 1547 и 1548 годахъ совершенно иначе, со множествомъ басень и прикрасъ. О Шахъ-Аліѣ онъ не говоритъ ничего. По его словамъ, Иванъ самъ не ходилъ, а отрядилъ князей Семена Микулинскаго и Василя Оболенскаго Серебреннаго, которые принялись грабить землю Казанскую. Проходя мимо столицы, они неожиданно наѣхали на Сафа-гирея (по *Подр. лѣт.* на одного князя Казанскаго), охотившагося въ окрестностяхъ, и едва не взяли его въ плѣнъ. Черезъ три дня, ханъ спохватился, и выслалъ за воеводами

погону. Русскіе спрятались, напали въ распахъ на спящихъ непріятелей, и разбили ихъ на голову.

Какъ видно, въ войнѣ съ Казанью въ 1547 и 1548 гг. Шахъ-Али участвовалъ въ качествѣ царя Касимовскаго: не даромъ шелъ онъ въ походъ изъ Мещеры.

Имя Шахъ-Алія встрѣчается еще по поводу дѣлъ Казанскихъ, подъ годами 1549 и 1550, и подъ первую половину 1551 года. Марта 25-го 1549 г. пришло въ Москву извѣстіе, что Сафа-гирей умеръ, и что на его мѣсто, на престолъ Казанскій, возведенъ двухлѣтній сынъ его Утямишь-гирей (اوتامش کرای)¹²⁰). Въ концѣ

¹²⁰) *Царк.* 151: Тогожъ мѣсяца, Марта 25 (7057); принде вѣсть Царю Великому Князю, что въ Казани Царь Казанскій Сафа-Кирей умеръ; убили въ своихъ хоромахъ. И посадили Казанцы и Крымцы со одина часа на царство Казанское, сына его Утемишь-Гирея Царевича дву лѣтъ. А въ Крымъ послали многихъ Пословъ просити помочи и Сверетного Царя; и Царя Великого Князя казаки Урачко съ товарищи, Пословъ Казанскихъ побили, и ерлыки ихъ поймали, и ко Государю прислали; и въ Крымъ никакова челоуѣка не пропустили (*Жик.* VII, 64, 65; *Лс.* IV, 208, 209, гдѣ не: «марта 25», а «марта 21»; *Лит. Нор.м.* 55). *Ик.* 113; Той убо Царь Саагирей пьянъ лице свое умывая и напрасно ззпнеся о умывальный теремецъ и главою своею весь о землю разразися и отъ того умре того же дни... (И умирая царство приказа меньшей Царицѣ своей Нагаанынь, сынъ бо ему отнея родися,

триемъ же Царицамъ разделъ ровно нѣтъ ни царское, и отпустить повелѣ въ отчествия ихъ. Ониже возвратившася, болшая в Сибирь коотцу своему, вторая же в Астрахань коотцу своему Астраханскому Царю, третья же в Крымъ к братѣ своей Княземъ Ширинскимъ; четвертая же бѣ Руская плененна дщи нѣкоего Князя славна и та по возвращение Царя изъ Нагаи умре в Казани (сл. *Подр. мѣт.* II, 98, 99, гдѣ тоже самое, но съ пропусками). *Иж.* 129: Царя же вто время небе в Казани (якоже прже рѣкъ, умеръ бо баше...) останежеса понемъ Царица его именемъ *Суметрна*, и Царевичъ от нея родися именемъ *Маминирей* (единимъ лѣтомъ сынъ от сосцу матери своей) ему же отецъ его при себѣ царство приказа (*Подр. мѣт.* II, 116, гдѣ царица названа: Сумвекъ). — О посольствѣ въ Крымъ, наряженномъ Казанцами по смерти Сафа-гирея: «просити помочи и сверстного царя», упоминаетъ и Мухаммедъ-Риза въ *Ассекъ о-ссейяръ*. Посольство, какъ видно, не было все перехвачено Русскими, или же, въ слѣдъ за оставленнымъ посольствомъ, было отправлено другое. Мухаммедъ-Риза пишетъ именно (стр. 94), что по смерти Сафа-гирея, Казанцы прислали въ Крымъ предложить престолъ сыну Сафа-гирея, Булакъ-гирею; но что ханъ Крымскій, Сагибъ-гирей, не согласился отпустить султана, и заключилъ его въ темницу (см. также *Nouveau Journal Asiatique*. Ч. XII, стр. 369). Къ этому Риза присовокупляетъ, что Сагибъ-гирей сообщилъ въ Константинополь предложеніе Казанцевъ. Цѣль хана Крымскаго, по словамъ сочинителя *Ассекъ о-ссейяръ*, была

та, чтобы султанъ Турецкій назначилъ ханомъ въ Казань жившаго тогда при дворѣ Оттоманскомъ Даулетъ-гирея, сына Мубарекъ-гирея и внука Менгли-гирея. Сагибъ боялся Даулета, и думалъ погубить его, когда онъ прибудетъ въ Крымъ, проездомъ въ Казань. Уловка Сагибъ-гирея была, по словамъ Ризы, одной изъ причинъ его собственной гибели. Султанъ, уже сердитый по различнымъ причинамъ на Сагибъ-гирея, дѣйствительно назначилъ Даулета ханомъ Казанскимъ, но только для вида; въ сущности же опредѣлилъ его ханомъ Крымскимъ. Даулетъ-гирей прибылъ въ Крымъ, и свергнулъ Сагибъ-гирея.

этого же года объявленъ былъ Иваномъ походъ на Казань. Русское правительство хотѣло, очевидно, воспользоваться переменною, происшедшею въ ханствѣ, и малолѣтствомъ новаго царя. Наравнѣ съ другими воеводами и Шахъ-Али получилъ приказаніе участвовать въ походѣ. Ему и царевичу Ядигару послано было, въ концѣ декабря, изъ Владиміра, гдѣ уже находился государь, предписаніе явиться въ Нижній Новгородъ, назначенный сборнымъ пунктомъ для войскъ ¹²¹⁾.

¹²¹⁾ *Царк.* 156: А Шигаю, и Царевичу Едигерю, и Воеводамъ, кои збиралися съ людьми по городомъ, и тѣмъ велѣлъ быти въ Нижнемъ Новѣгородѣ Генваря (*Ник.* VII, 68, гдѣ не «Едигерю», а «Идигѣрю»; *Лс.* IV, 215). *Башм. разр. кн.*: А со царемъ и великимъ княземъ итти х Казани царю Шигаю Шигавліаровичю, да царевичю Астраханскому Едигару. — Вызывая

Шахъ-Алія на войну, Иванъ, быть можетъ, въ случаѣ удачи, имѣлъ въ виду сдѣлать его царемъ Казанскимъ; по крайней мѣрѣ, лѣтомъ 1549 г., шла объ этомъ переписка съ Ногайскимъ княземъ Юсуфомъ и съ Казанцами, бѣжавшими въ Ногайскіе улусы; Юсуфъ предлагалъ даже выдать за Шахъ - Алія дочь свою, бывшую за Сафа-гиреемъ и Джанъ-Аліемъ (*Прод. Древн. Росс. Висл.* VIII, 144, 145, 154, 155, 162, 164).

Баши. разр. кн. упоминаетъ еще о какомъ-то походѣ Шахъ-Алія «по Казанскимъ вѣстямъ» къ Нижнему Новгороду, въ мартѣ 1549 г., тотчасъ по полученіи извѣстія о смерти Сафа-гирея: «Тогожъ лѣта (7057) съ марта», сказано тамъ, «по Казанскимъ вѣстямъ, какъ Сакъоахирея, Казанского царя, не стало въ животѣ, велѣлъ царь и великій князь быть въ Нижнемъ Новѣгородѣ царю Шигалею; а у него околничей Ѳедоръ Михайловичъ Нагой. А съ нимъ царемъ были великого князя воеводы въ Нижнемъ по полкомъ. Въ болшомъ полку: бояринъ и воевода князь Александра Борисовичъ Горбатовъ.

Въ передовомъ полку: Иванъ Умной Ивановичъ Колычовъ. Въ правой рукѣ: бояринъ князь Дмитрей Ивановичъ Курлятевъ. Въ лѣвой рукѣ: околничей князь Давыдъ Ѳедоровичъ Палецкой. Въ сторожевомъ полку: Семенъ Дмитриевичъ Пѣшковъ - Сабуровъ».

Въ исходѣ января 1550 г., Иванъ, въ главѣ многочисленной рати, двинулся изъ Нижняго Новгорода, сопровождаемый Шахъ-Аліемъ, Ядигаромъ и дворомъ своимъ. При особѣ хана находился тогда князь Ми-

халло Михайловичъ Троекуровъ; при царевичѣ состоялъ князь Юрій Григорьевичъ Мещерскій. Въ войскѣ Русскомъ были и служивые Татары съ Григоріемъ Михайловымъ Шестовымъ ¹²²). Походъ

¹²²) *Царк.* 157: А самъ Царь Великій Князь поиде изъ Володимира, Генваря 7, во вторникъ, а въ Нижній градъ пришелъ Царь и Великій Князь Генваря 18, въ четвертокъ (ошибка; если 18 генваря, то не въ четвергъ, а въ субботу). А изъ Нижнева Новагорода пошелъ Царь и Великій Князь Генваря 23, въ четвертокъ; а передъ нимъ полки по чиномъ, и нарядъ пошелъ; а со Царемъ и Великимъ Княземъ шелъ Царь Шигалей и Царевичъ. А Бояре, Князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславской, и Князь Петръ Михайловичъ Щенятевъ, и Князь Семень Ивановичъ Микулинской, и иные Князи и Дворяне Царева двора, Февраля 12, сырныя недѣли, во вторникъ. Царь и Великій Князь пришелъ къ городу Казани со всѣмъ воинствомъ, и велѣлъ стати около града Казани (*Ник.* VII, 68). *Лс.* IV, 215, 216: Самъ царь и Великій Князь поиде изъ Володимира Генваря 7 во вторникъ, а въ Нижній Новъ - городъ пришелъ царь и Великій Князь Генваря 23 въ четвертокъ, а передъ нимъ полки по чинамъ и нарядъ пошелъ, а съ царемъ и Великимъ Княземъ шелъ царь Шигалей и царевичъ, и Князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславской, и Князь Петръ Михайловичъ Щенятевъ, и Князь Семень Ивановичъ Микулинской, и иные князи и дворяне царева двора. Февраля 12 сырныя недѣли во вторникъ, царь и Великій Князь

пришелъ къ городу Казани со всемъ воинствомъ, и велѣлъ стать около града Казани (ср. *Лѣт. Норм.* 56). *Баши. разр. кн.*: А изъ Володимера князь великии пошолъ х Казани на завтрея Крещенія Господня, да того дни ночевалъ въ князь Дмитрееве селѣ Бѣльскаго въ Добрынскомъ; а въ Новгородъ Нижней шолъ на Пожарскихъ князей вотчину, да на слободку на Холуй, да на Балахну; а въ Нижней Новгородъ пришолъ изъ Володимера въ десятой день, да стоялъ въ Нижнемъ недѣлю. И генваря въ 23 день, положиа упованіе на Бога, пошолъ государь на свое дѣло и на земское изъ Нижнего х Казани. А съ царемъ и великимъ княземъ изъ Нижнего царь Шегалей, да царевичъ Астараханской Едигеръ; бояра князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславской, князь Петръ Михайловичъ Щенятевъ, князь Семенъ Ивановичъ Микулинской, Иванъ Семеновичъ Воронцовъ, Михайло Яковлевичъ Морозовъ, князь Дмитрей Ѳедоровичъ Палецкой, князь Иванъ Ивановичъ Пронской, бояринъ и конюшей Иванъ Петровичъ Ѳедорова Челядинъ, бояринъ и дворецкой Данило Романовичъ Юрьевъ; околничіе Иванъ Умной Ивановичъ Колычовъ, Ѳедоръ Григорьевичъ Адашевъ. Оружничей Левъ Андрѣевичъ Салтыковъ. Дворовые воеводы: бояра князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславской, да князь Семенъ Ивановичъ Микулинской, дворецкой Резанской Петръ Васильевичъ Морозовъ, Дмитровской дворецкой Долмать Ѳедоровичъ Карповъ. Казначей Иванъ Ѳома Петровичъ Головинъ. Постелничей Андрѣй Володимировъ сынъ Мансуровъ. Печатникъ и дьякъ Никита Ѳуниковъ сынъ Курцовъ. Дьяки: Иванъ Григорьевъ сынъ Воротковъ,

Иванъ Михайловъ сынъ Висковатовъ, Угрийъ Львовъ. Рынды: князь Юрья Ивановичъ Шемякинъ Пронской, князь Андрѣй князь Ивановъ сынъ Татевъ, Василей Андрѣевъ сынъ Бутурлинъ, князь Михайло князь Петровъ сынъ Репинъ, князь Петръ князь Ивановъ сынъ Татевъ, князь Петръ князь Ивановъ сынъ Горенской. А у рынды поддани: Андрѣй, да Никита, да Михайло Ивановы дѣти Еропкиа, Мешокъ да Шарапъ Никитины дѣти Мяснова, Костя Дмитреевъ сынъ Поливановъ, Нелюбъ Зачесломской, Болонда Савинъ, Васка Тетеринъ. Яселничей Василей Григорьевъ сынъ Аюнасьева Дровнинъ. Конюшенной Степанъ Ѳедотовъ. А у коня дѣти боярскіе: Полуехтъ Тимоѣевъ сынъ Михалковъ, Плакида Прокудинъ, Иванецъ Ивановъ сынъ Мячковъ, Иванъ да Ермола Сотницыны дѣти Клобукова, Тимоха Пуховъ сынъ Тетеринъ, Митя Семеновъ сынъ Суцовъ, Андрѣецъ Никитинъ сынъ Мяснова, Третьякъ Михайловъ сынъ Висковатова, Богданъ да Игуменъ Карташевы, Митка Савинъ. Съ царемъ Шигалеемъ князь Михайло Михайловичъ Троекуровъ. Съ царевичемъ Астарханскимъ Едигеромъ князь Юрья князь Григорьевъ сынъ Мещерской. Съ служилыми Татари Григорей Михайловъ сынъ Шестовъ. Съ Казанскими князми и съ мурзами, съ Тобаемъ княземъ да съ Костровымъ княземъ съ товарищи, Ѳедоръ Ильинъ сынъ Челищевъ. У знамени былъ князь Иванъ князь Васильевъ сынъ Боровитиновъ Мещерской. А идучи х Казани государь послалъ для своего дѣла на Бежбоду; посыланы воеводы бояринъ князь Иванъ Ивановичъ Пронской, да

князь Петръ Семеновичъ Серебряной. На Укрень посыланы Михайло Ивановъ сынъ Воронова, да Назаръ Семеновъ сынъ Глѣбовъ, Казанскихъ мѣстъ воевать и кормовъ добывать. Да на Укрень же посыланы князь Ѳедоръ князь Борисовъ сынъ Ромодановской, да Степанъ Григорьевъ сынъ Сидоровъ. А по Галицкой дорогѣ къ засѣкѣ посыланы были воеводы бояринъ князь Иванъ Ивановичъ Пронской, да Василей Дмитреевъ сынъ Даниловъ. А пришлоу государь х Казани на масленой недѣли въ понедѣльникъ.

1550 г. ознаменовался дѣломъ весьма важнымъ. Правда, Русскіе не взяли Казани, и, простоявъ подъ стѣнами города 11 дней, принуждены были, въ слѣдствіе сильныхъ дождей и оттепели, 25 февраля, снять осаду и отступить ¹²³⁾; но за то, объ эту пору,

¹²³⁾ Царк. 157, 158: Самъ сталъ Царь и Великій Князь у Кабана озера; а Царю Шигалею и большому полку велѣлъ стати противъ города на Арскомъ полѣ, и передовому полку; а за рѣкою Завію противу города Царевичу Едигерю, и правой рукѣ, да и лѣвой рукѣ, да и Сторожевому полку. И наряду большому на Усть Булака противъ города; а другому наряду велѣлъ стати противъ города у Поганово озера, и Воеводѣ розставилъ. И туры велѣлъ подѣлать, и къ городу приступати; и приступъ ко граду былъ, и града не взяша; а множество много людей на обѣ страны побито. А въ городѣ изъ пушекъ убили Царевича Меньшицына сына, да Крымца Челбака Князя; а долго было стояти, ино пришло въ то время аерное

нестроение... И Царь и Великій Князь стоялъ у города 11 дней; а дожди по вся дни была, и теплота, и мокрота велика; рѣчки малыя попортило, а иныя и проšli. И Царь и Великій Князь видѣвъ таковое нестроение, пошелъ отъ града Казани прочь, во вторникъ на зборной недѣли, Февраля 25 (*Ник.* VII, 68, 69, и *Лв.* IV, 216, 217, гдѣ, въ обѣихъ, выпущено то мѣсто въ которомъ говорится о приступѣ, и рѣка «Занія» названа правильно «Казанью»; въ *Лв.*, по ошибкѣ, вѣсто: «у Кабана озера» стоитъ «у Бакана озера»; сл. *Лвт. Нор.м.* 56). *Баши. разр. км.* (продолжаю выписку съ того самаго мѣста, гдѣ остановился въ предыдущемъ примѣчаніи): Да стоялъ у Казани двѣ недѣли. А приступъ былъ въ городу во вторникъ на Федоровой недѣли; а къ приступу ималъ государь у бояръ и у воеводъ и у дѣтей боярскихъ пѣшихъ людей въ доспѣсахъ.

А отъ Казани пошолъ государь во вторникъ, на зборной недѣли. А воеводы были у государя подъ Казанью по полкомъ. Въ большомъ полку: царь Шигадей, да съ царемъ Шигалеемъ бояринъ и воеводы князь Дмитрей Федоровичъ Бѣльской, да князь Володимиръ Ивановичъ Воротынской; а стояли подъ Казанью, противъ города, на Арскомъ полѣ. Въ передовомъ полку: бояринъ князь Петръ Ивановичъ Шуйской, да князь Василей Федоровичъ Лопатинъ Телешневъ Оболенской; а стояли противъ города, на Арскомъ же полѣ. Въ правой рукѣ: бояринъ князь Александра Борисовичъ Горбатовъ, да дворецкой Углецкой князь Василей Семеновичъ Серебряной; а стояли противъ города, за Казанкою,

на луговой сторонѣ. Въ лѣвой рукѣ: князь Михайло Ивановичъ Воротынской, да Борисъ Ивановичъ Салтыковъ; а стояли за Казанкою, на луговой же сторонѣ, противъ города. Въ сторожевомъ полку: бояринъ князь Юрья Михайловичъ Булгаковъ, да князь Юрья Ивановичъ Кашинъ; а стояли противъ города, за Казанкою, на луговой же сторонѣ, по Галицкой дорогѣ. Въ ертоулѣ были за туры воеводы князь Дмитрей Ивановичъ Пунковъ-Микулинской, да Иванъ Ѳедоровичъ Карповъ. А у наряду были воеводы бояринъ Василей Михайловичъ Юрьевъ, да Василей Петровичъ Борисовъ, да околничей Ѳедоръ Михайловичъ Нагово; а стояли за туры у города, у Кабацкого устья, у Казани рѣки. Да у наряду жь были головамъ съ бояриномъ Васильемъ Михайловичемъ Юрьева: князь Василей князь Ивановъ сынъ Кропоткинъ, Андрей Ивановъ сынъ Яхонтовъ, Иванъ да Василей Костянтиновы дѣти Замыцкого, князь Семенъ князь Ивановъ сынъ Гагаринъ, князь Семенъ князь Ѳедоровъ сынъ Козловской, князь Иванъ князь Андрѣевъ сынъ Друцкой, Семенъ Ѳедоровъ сынъ Киселевъ, Михайло да Яковъ Михайловы дѣти Старого. Дьяки у наряду были: Василей Колзаковъ, Петръ Ѳетчищевъ, Шестакъ Воронинъ. А за туры были государевы воеводы князь Иванъ Ивановичъ Пронской-Турунтай, да Захарей Петровичъ Яковлевъ, да князь Дмитрей Ивановичъ Немого, да князь Иванъ Копыря Александровичъ Кашинъ, да князь Дмитрей Ивановичъ Хилковъ. А съ Арского поля у города стояли за туры воеводы князь Петръ Ивановичъ Шуйской, да князь Василей Ѳедоровичъ Лопатинъ; а какъ въ при-

ступъ князь Петра ранили, и на его мѣсто стоялъ за туры Михайло Яковлевичъ Морозовъ. А отъ Поганого озера стоялъ за туры у города околничей Иванъ Васильевичъ Шереметевъ большой; а какъ его въ приступъ ранили, и въ ово мѣсто стоялъ казначей Иванъ Ѳома Петровичъ Головинъ; а за нимъ стоялъ беречь наряду, послѣ приступа, лѣвой руки воевода князь Михайло Ивановичъ Воротынской. А за Казанкою на лугу, противъ города, стоялъ за туры бояринъ Михайло Яковлевичъ Морозовъ; и какъ князь Петра Шуйскаго ранили, и Михайло былъ въ ово князь Петрово мѣсто, а въ Михайлово мѣсто былъ за Казанкою на лугу Петръ Васильевичъ Морозовъ. А царь и великнй князь стоялъ на Цареве лугу у Кобана озера.

родилась мысль построить не подалеку отъ Казани, на устьѣ рѣки Свйаги, крѣпость, которая бы могла служить опорною точкою для нашихъ будущихъ предприятий. Самъ Иванъ, на обратномъ пути въ Москву, выбралъ это мѣсто, по указанію Шахъ-Алія и князей Казанскихъ, находившихся на службѣ Русской (*Ник.* VII, 70: Царь Шигалѣи и князи казанские великому Князю мѣсто показали; ср. *Лв.* IV, 218, и *Лѣт. Норм.* 57). Мысль о построеніи крѣпости на устьѣ рѣки Свйаги была приведена въ исполненіе лѣтомъ 1551 г. И тутъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей явился Шахъ-Али. Вызванный нарочно въ Москву (по словамъ Казанскаго лѣтописца, изъ Касимова) самимъ великимъ княземъ, который еще разъ хотѣлъ съ нимъ

посоветоваться ¹²⁴⁾, онъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, посланъ

¹²⁴⁾ *Царк.* 162: И посылаетъ Государь по Царя Шигалеа; и Царь ко Государю пріѣхалъ, и Государь при(ка)зываетъ брата своего Князя Юрья, и Князя Владимира, и Царя Шигалеа, и всѣхъ Бояръ своихъ, и Князей Казанскихъ; и советуетъ Государь съ братьями своими, и со Царемъ, и съ Бояры, и со Князьями (*Ник.* 73; *Лв.* IV, 224, 225). *Ик.* 118: И пославъ призываетъ къ себѣ (великій князь) скоро прежде помянутого Царя *Шихъ-Алтѣ* изотчины его земля *Касимова* (*Подр. лт.* II, 105, гдѣ: «И пославъ призвати къ себѣ скоро прежде помянутого Царя Шигалеа изъ Касимова»).

былъ къ Свіягѣ съ судовой ратью. Вмѣстѣ съ тѣмъ отправились войска и сухимъ путемъ. Мая 24-го, *Шахъ-Али* прибылъ на мѣсто, и чрезъ мѣсяцъ новая крѣпость Свіяжская уже была готова.

Въ какомъ именно качествѣ находился *Шахъ-Али* въ обѣихъ походахъ Казанскихъ 1549 и 1550 г. и начала 1551 г. — въ качествѣ ли царя Касимовскаго или нѣтъ — изъ дошедшихъ до насъ описаній этихъ походовъ не видно, такъ какъ одно указаніе Казанскаго лѣтописца, утверждающаго, будто *Шахъ-Али*, предъ построеніемъ Свіяжска, былъ вызванъ изъ Касимова, еще ничего не значитъ. Но вотъ данныя, заимствованныя изъ той же самой эпохи, которыя ясно свидѣтельствуютъ, что и въ походахъ 1549 и 1550 г. и начала 1551 г., *Шахъ-Али* участвовалъ, такъ же точно, какъ и въ войнѣ съ Казанью 1547 и 1548 г.,

въ качествѣ царя Касимовскаго. Въ *Башм. разр. кн.*, въ росписи воеводъ, которые стояли «съ Николина дня вешняго» 1550 г., значится, между прочимъ: «Въ Мещерѣ князь Дмитрей Ивановичъ Хилковъ. Уцаря *Шималей* съ *городкн* околничей Яковъ Андрѣевичъ Салтыковъ». За тѣмъ, подъ мѣсяцомъ августомъ того же 1550 г., въ *Башм. же разр. кн.* читаемъ: «И августа въ 6 день писалъ къ государю на Коломну изъ *городка* царь *Шималей*, что пришли на Мещерскія мѣста многіе люди (Крымцы)».

Собственно о Касимовѣ и тамошнихъ Татарахъ, за весь періодъ времени отъ конца 1546 до августа 1551 г., знаемъ мы только, что во время приготовленій къ Казанскому походу, въ ноябрѣ 1549 г., чрезъ городокъ проѣзжали Ногайскіе послы, и что государь, получившій объ этомъ извѣстіе уже на пути во Владиміръ, отправилъ въ Касимовъ приказаніе отпустить пословъ къ Москвѣ Рогожскою дорогою (*Прод. Дреен. Росс. Висл. VIII, 203*). Да еще знаемъ мы, что другіе Ногайскіе же послы, которые пріѣзжали къ намъ въ октябрѣ того же 1549 г., и которымъ сказано было ѣхать на Мещеру, побоялись идти этой дорогой изъ за Городецкихъ Татаръ, и шли на Рязань (*Прод. Дреен. Росс. Висл. VIII, 171*). Не трудно понять такую недовѣрчивость со стороны Ногайцевъ: стоитъ припомнить прежнія жалобы ихъ на Касимовцевъ (см. выше, стр. 287 и 310).

Въ августѣ 1551 года, Казанцы выдали Русскимъ хана своего Утямишъ-гирея съ матерью его Сююнь-

бекою ¹²⁵⁾. Великій князь, согласно ихъ же просьбѣ,

¹²⁵⁾ Утѣмишъ-гирей былъ привезенъ съ матерью въ Москву въ сентябрѣ 1551 г. (*Царк.* 181; *Ник.* VII, 85; *Дв.* IV, 246). Въ послѣдствіи, именно 8-го января 1553 г., онъ былъ крещенъ и названъ Александромъ (*Царк.* 332, 333; *Ник.* VII, 198, 199; *Дв.* V, 4, 5; *Лѣт. Норм.* 70). Онъ умеръ 11-го іюня 1566 г., и погребенъ былъ въ Москвѣ въ Архангельскомъ соборѣ (Путеводитель къ древностямъ и достопамяностямъ Московскимъ. Ч. I. 1792. Москва, стр. 150). — Сююнь-бека (سیون بیکه) была та самая дочь Ногайскаго князя Юсуфа, на которой, съ дозволенія великаго князя Василія, женился ханъ Джанъ-Али, и которую потомъ взялъ за себя Сафа-гирей (см. о ней выше, пр. 118, стр. 325, 326, и пр. 121, стр. 338). Подтверженіе этому мнѣнію найдемъ мы ниже; въ пользу его клонится и сочинитель Исторіи о Казанскомъ царствѣ, который зоветъ Сююнь-беку (Сумвѣрну, Сумвеку) Ногайкою (см. выше, пр. 120, стр. 335), и дочерью Юсуфа, князя Заяцкаго или Ногайскаго (*Иж.* 152; *Подр. лѣт.* II, 134). Сююнь-бека въ Казани пользовалась большою извѣстностью; имя ея до сихъ поръ живетъ въ памяти народной, и даже теперь въ Казани существуетъ старинная башня, слывущая Сююнь-бекиной (см. Рыбушкинъ. Краткая исторія города Казани. Казань. Ч. I. 1848, стр. 85—87; Erdmann. Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland. Erster Theil. Riga und Dorpat. 1822, стр. 193, 194; Фуксъ, Краткая исто-

рія города Казани. Казань. 1817, гдѣ приложенъ и рисунокъ самой башни). Разсказъ о власти, которою Сююнь-бека пользовалась по смерти Сафа-гирея, во все время царствованія Утямишъ-гирея, о тогдашней связи ея съ известнымъ Кучакъ-огланомъ (قوجاق اوغلان), и о томъ, какъ она едва не отравила Шахъ-Алія, можно видѣть въ Исторіи о Казанскомъ царствѣ (Ик. 129—152; *Подр. мт.* II, 116 — 135). Быть можетъ, въ разсказѣ этомъ заключается и доля правды. Сююнь-бека, по увѣренію сочинителя Исторіи о Казанскомъ царствѣ (см. выше, пр. 118, стр. 325, и пр. 120, стр. 335), была по времени выхода своего замужъ за Сафа-гирея, одной изъ меньшихъ его женъ, а именно пятой. Если это и было такъ, то она, должно быть, считалась старшей его супругой (см. сказанное выше въ пр. 21, на стр. 53), по влиянію отца ея, и по той зависимости, въ которой онъ могъ держать Сафа-гирея, обязаннаго ему престоломъ: не даромъ же ребенокъ Утямишъ, въ 1549 г., не смотря на происки противной партіи, желавшей имѣть «сверстнаго царя» (см. выше, пр. 120, стр. 335, 336), былъ признанъ ханомъ помимо старшихъ его братьевъ, рожденныхъ отъ другихъ женъ. А такіе братья у него были не только въ Крыму, какъ пишетъ Мухаммедъ-Риза (см. выше, пр. 120, стр. 336; Риза въ томъ же мѣстѣ, гдѣ говоритъ о Булакѣ, упоминаетъ еще объ одномъ сынѣ Сафа-гирея, Мубарекъ-гирей, также находившемся о ту пору въ Крыму; см. *Nouv. Journ. Asiat.* T. XII, стр. 369), но даже и въ самой Казани. «А въ городѣ», сказано въ *Царк.* при описаніи

осады Казани Русскими въ 1550 г. (см. выше, пр. 123, стр. 342), «изъ пушекъ убили Царевича Меньшипына сына». Здѣсь дѣло идетъ, очевидно, о какомъ то сынѣ Сафа - гирея, рожденномъ не отъ Сююнь-беки, а отъ другой жены *младшей*, который былъ на столько взрослый, что могъ быть убитъ, сражаясь при защитѣ города.

призналъ царемъ у нихъ Шахъ - Алія. Новый ханъ покинулъ Свіяжскъ, гдѣ онъ жилъ съ весны, и 16-го августа въѣхалъ въ столицу, въ сопровожденіи 300 Городецкихъ князей, мурзъ и Татаръ ¹²⁶), и 200

¹²⁶) *Царк.* 183, 184: Августа 16 (7059); поѣхалъ Царь на царство въ Казань, а съ нимъ по Государеву наказу Бояре его Князь Юрья Михайловичъ Голицынъ, да Иванъ Ивановичъ Хобаровъ, да Діакъ Иванъ Григорьевъ Выродковъ, тѣ его и на царство посадили; и здоровали ему Бояре тогожъ дни на Государевѣ жалованіе, на царствѣ Казанскомъ; да со Царемъ же въ Казань поѣхало триста человекъ городецкихъ Князей, и Мурзъ, и Казаковъ, да двести Стрѣльцовъ съ двема Соцкими Царя и Великого Князя; а жили всѣ у Царя на дворѣ (*Ник.* VII, 87; *Лс.* IV, 250).

стрѣльцовъ Русскихъ. Уже за три дня предъ тѣмъ, посланы имъ были дворецкой его Шахбазъ князь (شهباز بك), и конюшей Битике князь (بینکە بك) съ вещами, чтобы приготовить во дворцѣ все нужное для приѣма ¹²⁷).

¹²⁷⁾ *Царк.* 182: А въ городъ въ Казань Царь Шигалей (августа въ 13 день) послалъ Дворецкаго своего Шабаса Князя, да Конюшого своего Битикей Князя, со всѣмъ своимъ кошемъ (кошь, قوش — слово Татарское, употребительное и нынѣ, означаетъ: домъ, домашняя утварь), и велѣлъ устроить дворъ свой (*Ник.* VII, 85; *Лв.* IV, 247, 248). — Особаго дворецкаго и конюшаго Шахъ-Аліа имѣлъ не потому, что объявленъ былъ царемъ Казанскимъ: въ лѣтописяхъ читаемъ, что Шахъ-Аліа изъ Свіяжска, въ іюні 1551 г., когда еще и рѣчи не было о возведеніи его на престолъ Казанскій, присылалъ къ государю въ Москву «дворецкаго своего Шабаса князя Шамова» (*Царк.* 170; *Ник.* VII, 77; *Лв.* IV, 232; *Лѣт. Нор.м.* 58). Оказывается, что Шахъ Аліа, живя въ Россіи, имѣлъ свой особый дворъ, либо по званію царя Касимовскаго, либо просто по своему царскому сану. Шабазъ князь оставался дворецкимъ при Шахъ-Аліѣ во все время управленія имъ Казанью въ 1551 и 1552 годахъ. Онъ объ эту пору довольно часто упоминается, и даже разъ пріѣзжалъ отъ Шахъ-Аліа посломъ къ Ивану; писался онъ и Шибасъ (*Царк.* 189; *Ник.* VII, 919; *Лв.* IV, 256).

Не надежда на мирное и доброе управленіе принудили Казанцевъ свести Утямиша съ престола, и у государя Русскаго выпросить себѣ на царство Шахъ-Аліа, который уже два раза управлялъ ими и былъ изгнанъ. Крайняя необходимость заставила народъ прибѣгнуть къ этой мѣрѣ. Послѣ построения Свіяж-

ска, Русскіе сильно тѣснили Казань; сами нагорные жители Волги (Чуваши, Черемисы и Мордва), ближайшіе сосѣди и давнишніе подданные ханства, склоненные на нашу сторону страхомъ и подарками, служили Русскимъ, и опустошали земли своихъ прежнихъ властелиновъ. Въ Шахъ - Алиѣ, присяжникъ великаго князя, Казанцы видѣли не царя, а средство выдти изъ отчаяннаго положенія, и оправиться, хотя на время, отъ пагубной для нихъ борьбы съ Россіей.

Съ первой же минуты своего вступленія на престолъ Шахъ - Али очутился въ положеніи трудномъ и стѣсненномъ. Надобно знать, что при возведеніи его на ханство, государь Московскій признавалъ его царемъ не на прежнихъ основаніяхъ, а далъ ему Казань, луговую сторону и Арскую; нагорную же, какъ завоеванную мечемъ, оставилъ причисленную къ Свияжску. Ужь это одно должно было возбудить всеобщее неудовольствіе; примѣшались и другія обстоятельства. Начались притязанія съ обѣихъ сторонъ: Казанской и Русской; изъ нихъ каждая смотрѣла на новаго хана, какъ на лицо, обязанное служить исключительно ея интересамъ. Казанцы требовали, чтобы Шахъ - Али выпросилъ обратно нагорную сторону; глядѣли недовѣрчиво на всѣ его поступки, видя въ нихъ потворство великому князю; бушевали и не слушались. Русское правительство, лаская какъ Шахъ - Али, такъ и князей Казанскихъ и даже Городецкихъ, тѣхъ самыхъ, которыхъ онъ

ввелъ съ собою въ городъ, вмѣстѣ съ тѣмъ строго наказывало, чтобы ханъ привелъ Казань въ такую же точно совершенную зависимость отъ государя Московскаго, въ какой находился Касимовъ ¹²⁸).

¹²⁸) *Царк.* 188, 189: Тогоже мѣсяца (сентября 7060); отпустилъ Царь и Великій Князь въ Казань ко Царю Шигалею, Боярина своего Князя Дмитрія Оедоровича Палецкого, да съ нимъ Діака Ивана Клобукова; а съ нимъ послалъ ко Царю Шигалею великое свое жалованіе платіе, и суды, и деньги; также и Царицѣ его, которую въ Казани взялъ Савакиреевскую Царицу; а Княземъ Казанскимъ и городецкимъ, многое свое жалованіе послалъ, платье, и деньги, и сукна; а приказывалъ ко Царю и земли Казанской жалованное слово за службу... Ко Царю со Княземъ Дмитріемъ приказывалъ, чтобы Царь... укрѣпилъ бы Казань крѣпко Государю, да и собѣ, какъ Касимовъ городокъ, чтобы при немъ и послѣ его была не подвижна, и кровь бы на обѣ стороны престола на вѣки, и чтобы о томъ Царь Шигалей крѣпко (*Ник.* VII, 94; *Лс.* IV, 257, 258). *Царк.* 191: Тогоже мѣсяца (ноября 7060); послалъ Царь и Великій Князь въ Казань ко Царю Шигалею Алексѣя Адашева; а велѣлъ говорити Боярину своему Князю Дмитрію, (и) Алексѣю о томъ накрѣпко Царю Шигалею, чтобы Царь Казань крѣпко устроилъ Государю какъ городокъ, чтобы кровь Христіанская не лилась (*Ник.* VII, 93; *Лс.* IV, 262).

Что было дѣлать Шахъ-Алію? Угождать однимъ,

значило возстановлять противъ себя другихъ. Тщетно ханъ писалъ въ Москву, и молилъ, чтобъ ему отдали нагорную сторону. Государь, для котораго столь важная уступка была невозможна, отвѣчалъ каждый разъ отказомъ, и Казанцы оставались по прежнему недовольны. Мало того, въ городѣ стали затѣваться заговоры. Ханъ началъ прибѣгать къ мѣрамъ строгости; такъ, въ два дня, по его приказанію, погибло до 70 человекъ князей, оглановъ и мурзъ. Жестокость только раздражала умы. Напрасно, желая сколько нибудь угодить народу, глядѣлъ Шахъ-Али равнодушно, какъ Казанцы и даже его собственные Городецкіе Татары держали въ рукахъ у себя Русскихъ плѣнныхъ. Слухъ объ этомъ послабленіи доходилъ до Москвы, и навлекалъ непріятности со стороны Русскаго правительства¹²⁹).

¹²⁹) *Царк.* 192: И Князь Дмитрій по Государеву наказу Царю то отмоливъ... а вѣдаешъ самъ, колько Государемъ нашимъ отъ Казани безчестіа и убытковъ, и нынѣ половъ Христіанской у себя держать въ неволѣ; давъ правду Государю нашему лжють; а многіе и городецкіе, кои съ тобою пріѣхали, тобѣ вѣдомо, половъ Христіанской держать въ неволѣ; а впередъ будутъ таковы же Казанцы, а Государю нашему видѣвъ въ работѣ Христіанство какъ терпѣти (*Ник.* VII, 94, гдѣ вмѣсто: «тобѣ вѣдомо, половъ Христіанской держать въ неволѣ», значитъ: «то мѣсто вѣдомо половъ христіанской держали в неволѣ»; *Дс.* IV, 263, 264).

Шахъ-Али вздумалъ было жаловаться на свое безсиліе, и говорилъ, что ему остается только бѣжать въ Москву. Въ отвѣтъ на это онъ получилъ предложеніе, прискорбное для его сердца, въ которомъ еще была жива любовь къ сородичамъ и мусульманамъ: «укрѣпить городъ людьми Русскими».

Дѣла, очевидно, не могли долго оставаться въ подобномъ напряженномъ положеніи.

Развязка послѣдовала въ началѣ 1552 года. Государь, которому объ эту пору нѣкоторые Казанскіе князья, враги Шахъ-Алія, внушили изъ подъ руки, будто жители Казани готовы принять къ себѣ Московскаго намѣстника, послалъ, въ февралѣ, Алексѣя Адашева свести хана съ престола, и приказать ему сдать городъ Русскимъ. Тутъ къ чести Шахъ-Алія надобно сказать, что онъ счумѣлъ выказать, въ нѣкоторой степени, твердость и благородство характера. Когда Адашевъ, исполняя волю государеву, обратился къ нему съ требованіемъ, чтобъ онъ выпустилъ добровольно людей великаго князя въ городъ, обѣщая ему за то, отъ имени Ивана, все чего бы онъ ни захотѣлъ, то Шахъ-Али отвѣчалъ, что покинуть столицу и сойти съ престола онъ готовъ, но что сдать городъ Русскимъ, и окончательно наложить руку на родную мусульманскую землю онъ не можетъ никакъ. Марта 6-го 1552 года, Шахъ-Али выѣхалъ изъ Казани въ сопровожденіи бывшихъ при немъ Русскихъ стрѣльцовъ, многихъ князей и мурзъ Казанскихъ, и своихъ Городецкихъ Татаръ, подъ

предлогомъ рыбной ловли на озерѣ. За городомъ, онъ объявилъ, что покидаетъ совершенно царство по приказанію государя, и за тѣмъ, встрѣченный нашими воеводами на Волгѣ, перебрался въ Свіязскъ. Таковъ былъ конецъ третьяго и послѣдняго управленія Шахъ-Алія Казанскимъ ханствомъ ¹³⁰⁾.

¹³⁰⁾ *Царк.* 195, 196: Тоя же зимы, Марта 6 (7060), въ первую недѣлю Святаго поста; выѣхалъ Царь Шигалей изъ Казани на озеро рыбы ловити; а съ нимъ многіе Князи и Мырзы Казанцы, и городскіе, и всѣ пять сотъ стрѣльцовъ Великого Князя; и выѣхавъ Царь изъ Казани, говорилъ Казанскимъ Княземъ и Мурзамъ; хотѣли еста меня убить, и били еста челомъ на меня Царю Великому Князю, чтобы меня свелъ; а язъ надъ вами лихо дѣлаю; а далъ бы вамъ Намѣстники, и Царь Князь Великій велѣлъ и мнѣ съ Казани съѣхати, и язъ къ нему ѣду; а васъ съ собою къ нему веду; тамъ ся управимъ. И пріѣхалъ Царь со всѣми тѣми людьми во Свіязской городъ; а Воеводы его встрѣтили на Волгѣ; и вывелъ съ собою Царь Князей Казанскихъ и Мырзъ восемьдесятъ четыре человека (*Ник.* VII, 97, гдѣ не «городскіе», а «городцкіе»; *Лс.* IV, 269, 270, гдѣ писано еще вѣрнѣе: «Городецкіе»).

Про то что происходило въ Касимовѣ, пока бывшій тамошній ханъ, Шахъ-Али, властвовалъ въ Казани, отъ августа 1551 г. до марта 1552 г., особеннаго сказать нечего. Вѣроятно городокъ оставался безъ

владѣльца. Промежутокъ времени былъ не великъ. Да и царей или царевичей Татарскихъ, которымъ бы можно было пожаловать городокъ, о ту пору, при дворѣ Московскомъ, не имѣлось. Утѣмишь, только что плѣненный, былъ чрезъ чуръ малъ; Шахъ-Али Акъ-даулетовъ, который еще не такъ давно находился въ Россіи, болѣе не существовалъ, по крайней мѣрѣ послѣ 1541 г. (см. выше, пр. 113, стр. 314) о немъ не упоминается нигдѣ; Ядигаръ же, царевичъ Астраханскій, жившій одно время у насъ съ 1542 г. (см. выше, пр. 115, стр. 316), успѣлъ уже отѣхать, и скитался въ степяхъ Ногайскихъ (см. ниже, пр. 135, стр. 370). Правда, былъ у насъ царь Астраханскій Дервишъ-Али, короче Дервишъ (درویش علی); но и онъ прибылъ въ Россію не ранѣе какъ въ октябрѣ 1551 г., и ему, въ январѣ 1552 г., пожаловалъ государь Звенигородъ, куда онъ и отправился въ мартѣ мѣсяцѣ. Только проѣздомъ въ Москву, въ октябрѣ 1551 г., останавливался Дервишъ на нѣсколько дней въ Касимовѣ (*Сб. юс. гр. II, № 39, стр. 47 — 50; Прод. Дрест. Росс. Визл. VIII, 313, 315, 318, 322*)¹⁸¹).

¹⁸¹) Если вѣрить нашимъ родословнымъ книгамъ (см. выше, пр. 21, стр. 44, 46, 49), Дервишъ-Али (*Кон., Сим. Дербышъ; Арх. Дербишъ; Род. Дервишъ*) былъ сынъ Шейхъ-Хайдера (شیخ حیدر; *Кон. Шиадеръ; Сим. Андаръ, Шихъ Андаръ; Арх. Шайдаръ; Род. Андаръ*) и внукъ Шейхъ-Ахмеда, хана Золотой Орды

(о Шейхъ-Ахмедѣ см. выше, пр. 49, стр. 112 — 123, пр. 58, стр. 144 — 147 и пр. 85, стр. 249, 250). Въ одной только статьѣ *Син. списка*: *Родъ болшихъ же Орды Царей*, Врем. Моск. Общ. ист. и древн. Кн. 10. Матер., стр. 129, Дервишъ названъ сыномъ Шейхъ-Ахмеда. «А у Шахъ Аметя», сказано тамъ, «дѣти: Шахалей Салтанъ, да Дербышъ Салтанъ, былъ на Астрахани». Дервишъ-Али былъ возведенъ на Астраханскій престолъ въ 1537 г., на мѣсто царя Абд-ур-рахмана (عبد الرحمن). «А Астрахань», читаемъ въ *Лс.* IV, 97, «пришедъ Нагайскіе Мырзы взяли, и Абдыль Рахмана царя со Астрахани сослали, а на Астрахани посадили царемъ Дервешелея». Черезъ нѣсколько времени Дервишъ былъ принужденъ уступить престолъ снова Абд-ур-рахману. «Тогожъ мѣсяца (сентября 7048 = 1539) 20», сказано въ *Лс.* IV, 122, 123, «Великій Князь Иванъ Васильевичъ послалъ въ Астрахань ко Абдыль-Рахману царю Андрея Степанова сына Повадина съ грамотою, а писалъ Великій князь въ грамотѣ о царевѣ здоровѣ и съ нимъ вмѣстѣ отпустилъ и царева челоуѣка Эпболду съ товарищи» (см. также выше, пр. 115, стр. 316). Мѣсто Абд-ур-рахмана въ Астрахани занялъ въ послѣдствіи Ямгурчи (يغورچی). Въ нашихъ лѣтописяхъ Ямгурчи упоминается въ первый разъ, подъ 1551 г. «Тогожъ мѣсяца (августа) 59 году», значится въ *Царк.* 186, «пришли ко Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всея Русіи изъ Асторахани отъ Емгурчія Царя Ишимъ Князь съ товарищи; а били челоуѣ Царю и Великому Князю отъ Емгурчія Царя, чтобъ его Царь и

Великій Князь пожаловалъ велѣлъ себѣ служить и со Яртомъ (чит. Юртомъ), и жаловалъ бы его, какъ и Шигаея Царя, и иныхъ Царей, которые ему служатъ» (*Жик.* VII, 89; *Лв.* IV, 254, 255; ср. *Ст.* II, 274; *Подр. эт.* II, 241, гдѣ царь названъ Елигурчеемъ, а посолъ—Ишипомъ). Но уже въ 1549 г., Ямгурчи властвовалъ въ Астрахани (*Прод. Древн. Росс. Визл.* VIII, 189). Престоломъ Ямгурчи обязанъ былъ Черкасѣмъ. «Бѣлово Князя Черкасы бѣглые холопи», писалъ Ногайскій мурза Белекъ-Булатъ государю Ивану Васильевичу въ 1551 г., «были Аюбекъ Царь съ Черкасы по женитве въ свойстве учинилися, и они ему юртъ ево взявъ дали. И Ямгурчей Царевичъ въ свойствѣ учинилися, и ему братство учинили, Юртъ его взявъ далиже» (*Прод. Древн. Росс. Визл.* VIII, 347). Во все время отъ низверженія своего съ престола до конца 1551 г., пока въ Астрахани царствовали Абд-ур-рахманъ и Ямгурчи, Дервишъ скитался то у насъ, то у Ногайцевъ, которые вообще держали его сторону. Еще въ 1548 г. Дервишъ находился въ Россіи, но въ февралѣ 1549 г. онъ былъ отпущенъ, по просьбѣ Ногайскихъ мурзъ, въ ихъ улусы. Тамъ онъ и жилъ до прибытія своего въ Россію въ исходѣ 1551 г. (*Прод. Древн. Росс. Визл.* VIII, 114 — 126, 135 — 288).

По выѣздѣ изъ Казани, Шахъ-Али недолго жилъ въ Свияжскѣ. Съ начала Казанцы едва не впустили Русскаго намѣстника, и даже присягнули государю Московскому; выдавъ, по требованію бояръ, мень-

шую жену Шахъ - Алія, которая оставалась еще въ городѣ ¹⁸²⁾. Потомъ измѣнили и взбунтовались. Видя

¹⁸²⁾ *Царк.* 197—199: Да говорили Бояре Казанцомъ, чтобы Царицу Шегалееву, Цареву измѣнницу (чит. какъ въ *Ник.* и *Лв.*: «и меншицу»), прислали въ Свияжской городъ; чтобы Царица въ тѣ поры въ городѣ въ Казани не была, какъ князь Семень (Ивановичъ Микулминскій, назначенный намѣстникомъ Русскимъ) въ городъ прїѣдетъ, а Царь Шигалей объ ней Бояромъ говорилъ. И Князь Семень Ивановичъ съ товарищи послалъ въ городъ Казань Ивана же Черемисинова, да съ нимъ толмача Оетька Палецкого достальныхъ людей итъ къ правдѣ приводити, и того смотрити, нѣтъ ли какова лиха... И тоеже ноци Иванъ Черемисинъ прислалъ къ Бояромъ, что далъ Богъ ни котораго лиха нѣтъ; Царицу отпускаютъ, дворъ опоражниваютъ; а сельскіе люди давъ правду, и по селомъ разѣзжаются... И тогожъ мѣсяца (марта) Бояре Князь Семень Ивановичъ, да Иванъ Васильевичъ Шереметевъ, да Князь Петръ Серебреной съ товарищи поѣхали къ городу Казани... И Царицу встрѣтили Бояре на Волзѣ же, и послали ее въ Свияжской городъ къ Царю Шигалею (*Ник.* VII 98, 99; *Лв.* IV, 272, 273). — Упоминаемая здѣсь жена Шахъ-Алія, «меньшица», была, по всей вѣроятности, вдова Сафа-гирея, которую Шахъ-Али взялъ за себя, вскорѣ по вступленіи на престолъ Казанскій въ 1551 г., и къ которой государь посылалъ тогда подарки (см. выше, пр. 128, стр. 353). Не она ли была та самая «меньшица»,

Сафа-гиреева жена, у которой Русскіе убили сына въ 1551 г., при осадѣ Казани (см. выше, пр. 123, стр. 342, и пр. 125, стр. 349, 350)? Сколько было женъ у Сафа-гирея и которая изъ нихъ именно могла быть этою «меньшицею», — не знаемъ. Сочинитель Исторіи о Казанскомъ царствѣ, какъ мы видѣли выше (см. пр. 120, стр. 335, 336), насчитывалъ у Сафа-гирея, кромѣ Сююнь-беки, четыре жены. Первая, большая (т. е. какъ я думаю, большая въ смыслѣ: первая по времени выхода за мужъ; см. сказанное выше въ пр. 125, стр. 349) была родомъ изъ Сибири, *Сибирка* (см. также *Иж.* 91, и *Подр. мѣт.* II, 113); вторая была дочь Астраханскаго царя; третья происходила изъ Крыма, изъ рода Ширинъ, и наконецъ четвертая была Русская, плѣнная дочь какого то князя. Но, по словамъ того же автора Исторіи о Казанскомъ царствѣ, трое изъ этихъ женъ были, по кончинѣ Сафа-гирея въ 1549 г., отосланы на родину; четвертая же, Русская, умерла вскорѣ послѣ возвращенія Сафа-гирея «изъ Нагаи», т. е. вскорѣ послѣ 1546 г. Значитъ, изъ нихъ ни одна не могла быть тою меньшею, которая насъ занимаетъ. Въ лѣтописяхъ упоминается еще объ одной женѣ Сафа-гирея, дочери Ногайскаго мурзы Мамай, которую Казанцы въ 1532 г., предъ воцареніемъ Джанъ - Алія, послали къ отцу ея (*Вскр.* II. С. Р. Л. VIII, 277; *Ник.* VI, 242; *Лѣ.* III, 408). По убіеніи Джанъ - Алія въ 1535 г. и вторичномъ воцареніи Сафа - гирея, жена эта возвратилась въ Казань (*Лѣ.* IV, 62, 63). Въ перепискѣ сыновей князя Ногайскаго Юсуфа съ Иваномъ IV въ

1551 г., говорится о женахъ Сафа-гирея, царицахъ, которыя зимовали въ 1546 г. въ Ногайскихъ улусахъ (см. выше, пр. 418, стр. 323).

это, Шахъ - Али расподожился было весновать въ Свіязскѣ, но государь распорядился иначе. По его приказанію, въ апрѣлѣ 1552 г., Шахъ - Али съ женою, выданною ему Казанцами, въ сопровожденіи окольничаго Владиміра Морозова, былъ отпущенъ въ Касимовъ, уступленный ему снова въ удѣлъ ¹²³⁾.

¹²³⁾ *Царк.* 202: А Воеводы пригворя съ Царемъ Шигалеемъ; Царь остался весновати во Свіязскомъ городѣ и съ Царицею; а къ Государю поѣхалъ Бояринъ Иванъ Шереметевъ; да и всѣ Посланники съ нимъ же поѣхали. И пріѣхалъ къ Государю въ навечеріе Благовѣщенія Пречистыя; и сказали Государю Казанскую измѣну; Государь же о семъ не усумнѣлся ни мало. А самъ Государь умышляетъ, какъ за нихъ измѣну съ ними стояти, и отпускаетъ во Свіязской градъ въ судѣхъ слѣдомъ вѣстѣ Боярина своего и дворецкого Даніила Романовича; а съ нимъ дѣтей Боярскихъ и казаковъ; а Царю Шигалею велѣлъ ѣхати и со Царицею въ городокъ; а приказалъ Даніилу со Царемъ отпустить Окольничего Володимера Морозова (ср. *Ник.* VII, 101, и *Лв.* IV, 277—279). *Царк.* 205: Тоя весны Апрѣля; пригонишь Михаілко Шипиловъ ко Государю отъ Свіязскихъ Воеводъ, отъ Боярина и Воеводы Князя Семена Ивановича, и отъ всѣхъ Бояръ и Воеводъ съ грамотами; а въ

грамотахъ пишеть, что къ нимъ пріѣхалъ Бояринъ и Дворецкой Данило Романовичъ; что Царя Шигалея, и со Царицею въ верхъ отпустили по Государеву наказу (*Ник. VII*, 104; ср. *Лѣт. Норм.* 60; въ *Лѣ. IV*, 283, въ этомъ мѣстѣ пропускъ). *Ик.* 176 — 178: Царьже *Шихъ Алмѣй* пришедъ к Москвѣ из Казани вѣста предъ самодержцемъ... Царьже Князь великій служиваго ему Царя *Шихъ Алмѣя* дарыи великими одаривъ за великую службу его и отпусти его счастію въ вотчину свою Касимовъ градъ (см. тамъ же, стр. 184, 186 и *Подр. лѣт. II*, 153—155). *Отрывокъ Русской Лѣтописи*, П. С. Р. Л. VI, 308, 309 (Послание отъ митрополита Макарія великому князю): Бывши же царю (Шахъ-Алію) у нихъ (Казанцевъ) мало время, и они же окаяніи не возлюбивша его и хоташе убити его; видѣвъ же неистовство ихъ царь, окаянныхъ Казанцовъ лукавыхъ, изыде изъ земли ихъ и иде на Русь въ свою землю, въ Касимовъ (*Сер. II*, 412; ср. *Подр. лѣт. II*, 190, 191).

Во все время пребыванія Шахъ-Алія въ Свіяжскѣ, съ марта по апрѣль, оставались при немъ и Городецкіе Татары, которые были съ нимъ въ Казани. По крайней мѣрѣ знаемъ мы, что чрезъ нѣсколько времени послѣ выѣзда Шахъ-Алія изъ Казани, когда воеводы наши шли занять городъ, нѣкоторые князья тамошніе, бунтуя народъ, увѣряли его, будто Русскіе хотятъ побить всѣхъ жителей столицы ханства, и говорили, что слышали это отъ Городецкихъ Татаръ и отъ Шахъ-Алія. «А слышали сказываютъ», читаемъ въ *Царк.* 199, «отъ городѣтцкихъ Татаръ; иные го-

ворять и отъ сажого Царя Шигалея» (*Ник.* VII, 99; *Лс.* IV, 274). Быть можетъ, Городецкіе Татары и возвратились вѣстѣ съ Шахъ - Алиемъ въ Касимовъ. Одинъ изъ Городецкихъ Татаръ, состоявшихъ при особѣ Шахъ-Алія въ теченіи всего этого времени, извѣстенъ даже по имени; то былъ Нуръ - Али (Муралей) мурза, ясаулъ, Городецкой (نور علی مرزا بساول). Онъ пріѣзжалъ гонцомъ отъ Шахъ-Алія къ Ивану въ сентябрѣ 1551 г. (*Царк.* 187; *Ник.* VII, 90; *Лс.* IV, 256).

Въ маѣ государь вызвалъ Шахъ-Алія къ себѣ въ Москву. Здѣсь, сдѣланный ему пріемъ былъ какъ нельзя болѣе милостивъ. Ханъ получилъ многія села въ Мещерѣ, о которыхъ онъ просилъ, и сверхъ того ему дано было дозволеніе жениться на плѣнной царицѣ Сююнь-бекѣ ¹³⁴).

¹³⁴) *Ник.* VII, 115: И тогожъ мѣсяца (мая) посылаетъ Государь в городокъ по царя Шигалѣя, и царь к Москвѣ пріѣхалъ; и Государь царя Шигалѣя жаловалъ великимъ жалованьемъ, и чего Шигалѣи просилъ у Государя в Мещере селъ многихъ, тѣ ему подавалъ. Да былъ челомъ Шигалѣи Государю о Сююбекѣ царице о савакиреевской цареви, а прежъ Савакирѣя была она за шигалѣевымъ братомъ в Казани за Янадѣемъ царемъ, и Государь царя пожаловалъ царицу за него далъ (ср. *Лс.* IV, 303; ср. также *Царк.* 218, гдѣ стоитъ невѣрно: «о Царѣ Сююбекѣ о Савакиреевской Царевнѣ»). *Лит. Норм.* 61: И того жъ мѣсяца посылаетъ Государь по Царя Шигалея, и Царь к Москвѣ пріѣхалъ, и Государь Ца-

ря Шигалея пожаловалъ великимъ жалованьемъ, чего Шигалей просилъ: добилъ челомъ Шигалей Государю о Царицѣ Сюнбекѣ, о Сава-Киреевской Царицѣ, а прежь Сава-Кирея была она за Шигалеевымъ братомъ в Казани за Еналеемъ Царемъ; и Государь Царя пожаловалъ Царицу за него далъ.—Еще въ февралѣ 1552 г., когда Шахъ-Али царствовалъ въ Казани, государь Иванъ Васильевичъ извѣщалъ Ногайскаго князя Юсуфа о намѣреніи выдать дочь его Сююнъ-беку за Шахъ-Алія, «А Савагирѣвъ Царевъ сынъ *Утемешъ Киртъ* Царь», говорилъ Иванъ Юсуфу въ грамотѣ, писанной въ январѣ и посланной въ февралѣ 1552 г., «за отца своего грубость ныне у насъ на Москвѣ. А мати ево *Сююнбекъ* Царица къ намъже приехала, а *Шигалтъ* Царь у себя ее держати не захотѣлъ. И мы тебя для дочери твою Сююнбекъ Царицу пожаловали великимъ своимъ жалованьемъ платьемъ и ествою издовольили, и сына ево Утемешъ Киртъ Царя ейже кормити дали. И впередь хотимъ ее за Шигалтемъ Царемъ учинити. А Утемешъ Киртъ Царь какъ подростеть, и мы ево хотимъ тогда Юртомъ устроить» (*Прод. Древн. Росс. Визл.* VIII, 310, 311). Въ маѣ 1552 г. пришли въ Москву отъ Юсуфа и отъ Ногайскихъ мурзъ грамоты, въ которыхъ они просили выдать Сююнъ-беку и Утмиша (*Прод. Древн. Росс. Визл.* VIII, 329, 330, 333; IX, 3—5, 7, 8). Иванъ отвѣчалъ однимъ, что Сююнъ-бека выходить, а другимъ — что она уже вышла за Шахъ-Алія. «И мы для *Юсюва* Князя и васъ для всѣхъ», писалъ Иванъ мурзѣ Хайдеру, въ маѣ мѣсяцѣ, «Царицу

жалуемъ. А хотимъ ее дати за *Шигалѣя* Царя того для, чтобы вы о томъ порадовались» (*Прод. Древн. Росс. Висл.* IX, 26, 27). «Прислалъ еси къ намъ», писалъ Иванъ мурзѣ Исмаилу, въ іюнѣ мѣсяцѣ, «просити *Юсуфовы* дочери *Сююнъбекъ* Царицы, чтобы намъ еѣ къ вамъ отпустить. И мы ее хотѣли къ вамъ отпустить. И *Шигалѣй* Царь намъ билъ челомъ, что и *Сююнъбекъ* Царица Юртъ его, что была за братомъ ево за *Еналѣмъ* Царемъ, и по вашему закону пригоже за нимъ быти. И мы вашу дружбу къ себѣ попометовали, *Сююнъбекъ* Царицу полонянкою не захотѣли держати. Учиняли есмя Царицѣ добрую честь васъ для, и дали ее за брата своего *Шигалѣя* Царя, а *Отелмишъ Кирѣя* Царя дали есмя еиже кормити. И выбѣ слыша то наше добро къ себѣ порадовались, и намъ бы есте противъ свою крепкую правду держали (*Прод. Древн. Росс. Висл.* VIII, 334, 335; ср. тамъ же, стр. 336). Юсуфу, сыну его Юнусу и нѣкоторымъ мурзамъ, Иванъ писалъ даже, что *Сююнъ-бека*, по собственному желанію, вышла за *Шахъ-Алія* (*Прод. Древн. Росс. Висл.* IX, 10, 11, 13—15). Быть можетъ и то, что Иванъ, получивъ отъ Ногайскихъ мурзъ просьбы выдать имъ *Сююнъ-беку* и *Утямиша*, поспѣшилъ свадьбою ханьши съ *Шахъ-Аліемъ*, чтобы не выпустить столь важныхъ плѣнныхъ изъ своихъ рукъ.

Въ примѣчаніи 125, на стр. 348, я высказалъ мнѣніе, что *Сююнъ-бека* была именно та самая дочь Юсуфа, князя Ногайскаго, которая съ начала была за *Джанъ-Аліемъ*, а потомъ за *Сафа-гиреемъ*. При этомъ я за-

мѣтилъ и то, что подтвержденіе этому будетъ найдено ниже. Данныя, приведенныя мною въ настоящемъ примѣчаніи, свидѣлствуютъ, какъ нельзя лучше, о справедливости высказаннаго мною мнѣнія.

Отчего Юсуфъ, который, если припомнимъ (см. выше, пр. 121, стр. 338), самъ въ 1549 г. предлагалъ выдать дочь свою за Шахъ Алиа, вздумалъ въ 1552 г. отказываться отъ этой свадьбы, и просить Сююнъ-беку къ себѣ — понять не трудно. Въ 1549 г. Сююнъ-бека жила на свободѣ, и Шахъ-Али могъ со дня на день сдѣлаться ханомъ въ Казани. Въ 1552 г. въ маѣ, когда пришла просьба Юсуфа и мурзъ, Сююнъ-бека была плѣнницею, и Юсуфъ хорошо видѣлъ, что Шахъ-Алиа нельзя болѣе владѣть Казанью. Съ перемѣною обстоятельствъ, измѣнился и взглядъ князя Ногайскаго. Быть можетъ Юсуфъ, которому родственная связь съ Шахъ-Алиемъ уже не представляла никакой выгоды, прочелъ дочь свою за новаго хана Казанскаго.

Въ это время въ Москвѣ готовились къ походу противъ Казани. Тамъ уже властвовалъ новый ханъ, Астраханскій царевичъ Ядигаръ-Мухаммедъ или просто Ядигаръ, тотъ самый, который, за нѣсколько времени предъ тѣмъ, жилъ при дворѣ Московскомъ, и въ послѣдствіи удалился въ Ногайскіе улусы (см. выше, стр. 357)¹³⁵). Часть войскъ нашихъ уже была

¹³⁵) Ядигаръ-Мухаммедъ былъ сынъ Астраханскаго царя Касима. «А сказываютъ», значится въ *Царк.* 207, «что пришелъ изъ Нагай Царевичъ Едагеръ

Магметъ Касымовъ Харевъ (чит. Царевъ) сынъ Астороханска Царя; а прислали его Нагайцы по Казанской ссылке на царство въ Казань (*Жик.* VII, 106, гдѣ царевичъ названъ: «Едигирь Магметъ Касимовъ царевъ сынъ Астороханского царя»; *Лв.* IV, 285, гдѣ Ядигару дано имя: «Одимагметъ», но по ошибкѣ, потому что и въ *Лв.* этотъ же царевичъ, въ послѣдствіи, зовется Эдигерь - Магметомъ). «И такоже на стѣнѣ», читаемъ въ *Отрывкѣ Русской Лѣтописи*, П. С. Р. Л. VI, 313, при описаніи взятія Казани Русскими въ 1552 г., «взяша Царя Аидигеря, Касымъ Салтанова сына, и Астороханского царевича» (*Сер.* II, 419):

По нашимъ родословнымъ книгамъ (см. выше, пр. 21, стр. 44, 46, 49), Ядигаръ-Мухаммедъ (*Жоп.*, *Син.* и *Арх.* Семень, Семіонъ; *Род.* Едигерь, Семіонъ; Ядигаръ-Мухаммедъ, по взятіи Казани, крестился и названъ былъ Семеномъ) приходился внукомъ Семдъ-Ахмеду, хану Золотой Орды (о Семдъ-Ахмедѣ см. выше, пр. 49, стр. 112 — 123).

Отецъ Ядигара, царь Астраханскій Касимъ, названъ въ нашихъ родословныхъ книгахъ Касаемъ (*Жоп.* Касай, Касуй; *Син.* Кайсай; *Арх.* Казай; *Род.* Касай). Только въ статьѣ *Син.* списка: *Родъ болшіе же Орды Царей*, Врем. Моск. Общ. ист. и древн. Кн. 10. Матер., стр. 129, названъ онъ Касимомъ. «А у Семдъ Ахмета Царя», значитъ такъ, «сынъ Кайсимъ Царь, а Кайсимовы дѣти: Камъ Булатъ Салтанъ, да Еди Гирей Салтанъ, былъ на Казани, во крещеніи имя Семіонъ оба бездѣтны». Касаемъ же зовется отецъ Ядигара и въ

нѣкоторыхъ другихъ старинныхъ Русскихъ сочиненіяхъ (см. напр. *Ст. II*, 267). Замѣчу на это, что имя Касай (قاسای) ничто иное, какъ передѣлка на Татарскій ладъ Арабскаго имени: Касимъ. Такъ Касай, мурза Ногайскій, сынъ князя Шейхъ-Мамая, писался и Касимомъ, и Касаемъ (*Прод. Древн. Росс. Визл. VIII*, 93, 94). Въ Исторіи о Казанскомъ царствѣ, даже самъ царь Казанскій Ядигаръ - Мухаммедъ зовется то сыномъ Касая, то сыномъ Касима. Для примѣра укажу на слѣдующія два мѣста. Говоря о вступленіи Ядигара на престолъ, сочинитель Исторіи о Казанскомъ царствѣ пишетъ: «Казанцыже скоро тогоже лѣта послаша, и приведоша себе на царство изъ Ногайскихъ земли именемъ *Единиря Царя Касаевича*, втай ходивше понего. Сушужъ ему породу от Астраханскихъ Царей» (*Ик.* 175, 176; ср. тамъ же стр. 184; *Подр. мт. II*, 152). Описывая же взятіе Казани Русскими въ 1552 г., тотъ же сочинитель говоритъ: «И тамо настанѣ Царя Казанскаго *Единиря Касымъ Салтанова сына*, Астраханскаго Царевича, ухватиша жива» (*Ик.* 239; *Подр. мт. II*, 219; см. также *Ик.* 195, 200, 258 и *Подр. мт. II*, 170, 176, 238).

Касимъ (Касай), царь Астраханскій, отецъ Ядигаръ-Мухаммеда, былъ убитъ въ 1532 г. (см. выше, пр. 99, стр. 286).

Въ лѣтописяхъ, какъ мы видѣли, сказано, что Казанцы вызвали Ядигаръ-Мухаммеда на царство изъ Ногайскихъ улусовъ. Подтвержденіе этому факту находимъ мы и въ Дѣлахъ Ногайскихъ. Служивые Татары, Акъ-

чура Канповъ (آق چورا قاپ اوغلى) и его товарищи, ѣздившіе въ Ногайскую землю, возвратившись оттуда чрезъ Касимовъ въ іюнь 1552 г., доносили, что Казанцы присылали ко князю Юсуфу просить у него царевича въ ханы, и что въ слѣдствіе этой просьбы, Юсуфъ отправилъ къ нимъ Астраханскаго царевича *Едигера* со многими людьми. По показанію другихъ служивыхъ Татаръ, посланныхъ къ самому Юсуфу и возвратившихся отъ него чрезъ Касимовъ же въ іюль 1552 г., *Едигеръ* поѣхалъ изъ Ногайской земли въ Казань самъ, безъ вѣдома Юсуфа (*Прод. Древн. Росс. Висл.* IX, 30, 32, 33).

Прямыхъ указаній на то, чтобы царь Казанскій Ядигаръ - Мухаммедъ, сынъ Астраханскаго царя Касима, былъ тотъ самый царевичъ Астраханскій Ядигаръ, который въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, начиная съ 1542 г., жилъ въ Россіи,—нѣтъ. Но я признаю ихъ за одно лицо. Препятствій къ подобному сближенію я не вижу никакихъ. Если царевичъ, бывшій въ Россіи, и звался въ лѣтописяхъ просто Ядигаромъ, а царь Казанскій въ тѣхъ же лѣтописяхъ носилъ двойное имя Ядигаръ-Мухаммеда, то это еще нисколько не мѣшаетъ тождественности обѣихъ лицъ. Во всѣхъ источникахъ, гдѣ говорится объ Ядигаръ-Мухаммедѣ, а въ томъ числѣ и въ самихъ лѣтописяхъ, мы видимъ, что и онъ весьма часто звался просто Ядигаромъ. Ядигаръ, вѣроятно, отѣхалъ изъ Россіи въ Ногайскіе улусы вскорѣ послѣ 1549 г. Еще въ концѣ этого года, и въ началѣ 1550 г., онъ, какъ мы знаемъ (см. выше, стр. 337, 338, 339 и пр.

123, стр. 342), участвовалъ въ нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Казани; послѣ же того о пребываніи его въ Россіи не говорится нигдѣ ни слова.

отправлена впередъ, и самъ Иванъ намѣревался принять главное начальство надо всею многочисленною ратью.

Въ бытность свою въ Москвѣ, Шахъ-Али присутствовалъ на совѣтѣ, созванномъ, чтобы переговорить какъ о пути, по которому государь долженъ былъ слѣдовать къ Казани, такъ и о времени похода. Шахъ-Али совѣтовалъ ждать зимы, но Иванъ рѣшилъ идти тотчасъ же на Коломну, Муромъ и Свѣяжскъ ¹³⁶).

¹³⁶) *Царк.* 218, 219: И призываетъ Государь къ собѣ брата своего Князя Юрья Васильевича, да Князя Володимера Андреевича, и Царя Шигалея, и Бояръ своихъ; и совѣтуетъ о Казани. И Царь говорилъ, чтобы до зимы Государь ждалъ для иныхъ недруговъ, и для того, что Казанская земля въ великихъ крѣпостяхъ, въ лѣсахъ, и во езерехъ, и въ ржавцѣхъ, зимою добро будетъ воевати; и Государь ему говорилъ, что уже въ судѣхъ отпустилъ Воеводъ и людей многихъ, и нарядъ большей, и запасы всѣ отпущены; а у нихъ говоришь лѣсы и воды крѣпости великіе; язъ же надѣюся на вседержителя Бога, той непроходимыя мѣста проходимы сотворяетъ, и острі путіе въ гладкіе претворитъ. И Царь Шигалей Государеву рѣчь хвалитъ; изъ начала ваша Государей предъ нимъ правда, а ихъ предъ вами измѣна; Богъ тобѣ Государю на помощь; и приговорилъ

Государь съ братомъ своимъ Княземъ Юрьемъ Васильевичемъ, да со Княземъ Володимиромъ Андреевичемъ, и со Царемъ Шигалеемъ, и съ Бояры итти ему Государю на Коломну, да съ Коломны на Муромъ, да на Сакапское (чит. Сакапское) городище чрезъ поле къ Свіяжскому городу (*Ник.* VII, 115; *Лс.* IV, 303, 304; *Лѣт. Норм.* 61).

Изъ Москвы Шахъ-Али былъ вскорѣ отпущенъ на судахъ везти запасы и военные снаряды къ Мурому и Свіяжску¹⁸⁷). Порученіе это лежало на немъ недолго.

¹⁸⁷) *Царк.* 219: А Царя Шигалея въ судѣхъ отпускаетъ, и велитъ вѣзмъ людемъ запасы и нарядъ служебной въ судѣхъ отпущати къ Мурому, и къ Свіяжскому городу (*Ник.* VII, 115; *Лс.* IV, 304; *Лѣт. Норм.* 61)

Въ послѣдней половинѣ іюня, когда государь уже выступилъ къ Коломнѣ, пришло вдругъ извѣстіе, что Крымцы идутъ на нашу Украину¹⁸⁸). Иванъ, прибывъ

¹⁸⁸) Крымцевъ велъ самъ тогдашній ханъ ихъ Даудетъ-гирей. Война эта, начатая Крымцами съ участіемъ и Турокъ (янычары ихъ находились въ ханскомъ войскѣ) въ ту минуту, когда Иванъ собирался идти на Казань, была предпринята съ прямою цѣлью задержать государя и подать руку помощи Казани. Говорили это даже плѣнные Крымцы, попавшіеся о ту пору въ руки Русскихъ (*Царк.* 233; *Ник.* VII, 127; *Лс.* IV, 325; см. *Ик.* 193, 194 и *Подр. лѣт.* II, 169). Вообще

слѣдуетъ замѣтить, что видное тогда расширеніе Русской власти сильно тревожило всѣ окрестныя мусульманскія земли. Въ особенности были озабочены Турція и Крымъ. Въ памятникахъ, касающихся эпохи, близкой ко времени паденія Казани, встрѣчаемъ частыя извѣстія какъ о сношеніяхъ Турціи и Крыма на счетъ Россіи, такъ и о посольствахъ, которыя оба государства эти снаряжали къ Ногайцамъ и даже въ Астрахань, съ цѣлью поднять ихъ противъ насъ, и убѣдить въ необходимости стать всѣмъ мусульманамъ за одно, чтобы противодѣйствовать возрастающей силѣ Россіи. Упомянемъ кстати, что при описаніи одного изъ такихъ посольствъ, говорится мелькомъ и о Городецкихъ Татарлахъ. Свѣдѣніе это находимъ въ донесеніи бывшаго посломъ нашимъ у Ногайцевъ Петра Тургенева, полученномъ въ Москвѣ 7-го іюля 1551 г. «Да Царяже дей Ивана казаки», писалъ Тургеньевъ государю Ивану Васильевичу, передавая, по слышкѣ, слова говоренныя Исмаиль-мурзѣ Турецкимъ посломъ, пріѣзжавшимъ отъ султана, и старавшимся вооружить Ногайцевъ противъ Россіи, «у васъ *Воли* оба берега отняли, и волю у васъ отняли, и ваши улусы воюють. Да у васъ же дей пришедь *Городетцкіе* казаки въ улусы ваши воевали, да и *Дергичи* Царя Астараханского помонили. И то дей вамъ на соромутули учинили? Какъ дей за то стать не умѣете? А *Казань* дей какъ нынѣ воюеть? А ведь дей нашажъ вѣра бусурманская. И мы дей смоулылись всѣ бусурмане, и станемъ отъ нево боронитца за одинъ» (*Прод. Древл. Росс. Висл.* VIII, 266).

نحنة الاديب، مدينة
 الارب (рук. Азіятскаго музея Императорской Академіи наукъ, № 528; см. выше, пр. 48, стр. 99, 100), въ отдѣлѣ ملوك الرشيد, л. 450, 451, описываетъ слѣдующимъ образомъ покореніе Казани Русскими: «Въ 9.. году завладѣли невѣрные Русскіи Казанью, выхвативъ ее изъ рукъ владѣльца ея Шигля-гирей-хана, имя котораго пишется съ кесрою подъ буквою ز съ точкою (значить, читать слѣдуетъ по Дженнабію: *Зимля*, хотя и самъ онъ пишетъ: *Шимля*), и съ сукуномъ надъ буквою غ съ точкою (т. е. произносить слѣдуетъ первый слогъ имени: *Шиг*). Владѣлецъ этотъ былъ человекъ жестокий, крутой и кровожадный; при немъ невѣрные увлекли въ неволю множество мусульманъ, разграбили имущество ихъ и разорили мечети ихъ. Передъ тѣмъ владѣлъ Казанью Сафа-гирей-ханъ; то былъ одинъ изъ величайшихъ и могущественнѣйшихъ государей. Правилъ онъ въ продолженіи двадцати семи лѣтъ; въ его время государство благоденствовало, и подъ защитою его побѣдоноснаго оружія, владѣнія процвѣтали. Когда жъ онъ умеръ, то его мѣсто заступилъ сынъ его Диминъ-гирей-ханъ; былъ онъ ребенокъ, и правилъ три года. При немъ невѣрные стали добиваться Казани; до тѣхъ поръ они не переставали подходить къ ней все ближе и ближе, и тѣснить ее, пока наконецъ не овладѣли ею при Шигля-гирей-ханѣ, который наследовалъ этому ребенку. Сагибъ-гирей, услышавъ о приключившемся въ Казани, послалъ къ высочайшему двору (Отоманскому). Невѣрные, велѣлъ онъ сказать

тамъ, овладѣли Казанью; намъ и его величеству султану слѣдуетъ избавить правовѣрныхъ отъ этого бѣдствія; пришлите къ намъ двоюроднаго моего брата (чит. племянника; см. выше, пр. 88, стр. 264 — 263), Даулетъ-гирея, сына Мубарекъ-султана, сына Менгли-гирей-хана (Мубарекъ показанъ сыномъ Менгли-гирея и отцемъ Даулета и въ нашихъ родословныхъ книгахъ; см. выше, пр. 21, стр. 44), для того чтобы мы могли отправить его къ Казани съ многочисленнымъ войскомъ, ее высвободить изъ рукъ невѣрныхъ, а его посадить тамъ ханомъ» (وفي سنة... وتسعمائة)

استولى كفار الروس على قازان واخذها عن يد صاحبها شغله كرى خان بكسر الزاى المعجمة وسكون الغين المعجمة وكان ظالما جبارا سفاكا فاسر من الكفار جماعة المسلمين ونهب اموالهم وخرب مساجدهم وكان صاحبها القديم صفاكرى خان من اعظم الخوافين واشدهم باسا ملك سبعا وعشرين سنة وكان رياض الملك فى زمانه نزعة وممالك النصر فى ايامه معبورة فلما توفى قام فى ملكه ولد ديش كرى خان وكان طفلا اقام ثلاث سنوات وفى ايامه طمع الكفار فى قازان ولم يزالوا يتقاربوا ويشرفوا حتى اخذوها فى زمن شغله كرى خان الذى تولى بعد هذا الصبى ثم ان صاحب كرى لما سمع بقصة قازان ارسل الى الباب العالى يقول ان الكفار قد استولوا على قازان فيجب علينا وعلى حضرة السلطان تخليص المسلمين من هذه البلية فارسلوا البنا ابن عمى

دولت کری بن مبارک سلطان بن منکلی کری خان
 حتی نرسله الی قازان صحبة عسکر کثیر فنستخلصها من
 (ابدى الکفار فننصبه خانا فى تلك البلاد
 Жженнаби разска-
 зываетъ за тѣмъ, какъ со стороны Сагибъ-гирей жа-
 ланіе видѣть Даулета въ Крыму было хитростію, придуманною имъ для того, чтобы завлечь къ себѣ племянника, какъ эта хитрость не удалась, и какъ Даулетъ, прибывъ въ Крымъ, свергнулъ Сагиба съ престола, и самъ воцарился на его мѣсто.

Разсказъ Жженнабіа о покореніи Русскими Казани, сбивчивъ и полонъ ошибокъ: его Шигля-гирей и Димишь-гирей, очевидно — Шахъ-Али и Утямишь-гирей; но Шахъ-Али гиреемъ не былъ, и Казань взята была не при немъ, а какъ извѣстно, при Ядигаръ-Мухаммедъ-ханъ, въ октябрѣ 1552 г. Къ тому же и въ Крыму, въ эпоху паденія Казани, царствовалъ не Сагибъ-гирей, а преемникъ его Даулетъ-гирей, который уже въ іюнѣ 1552 г. вторгнулся въ Россію. Слѣдующій у Жженнабіа за описаніемъ взятія Казани разсказъ о посольствѣ Сагиба въ Константинополь, и о Даулетъ-гирей, объясняетъ отчасти главнѣйшія ошибки. Разсказъ этотъ заимствованъ, очевидно, изъ одного источника съ разсказомъ, помѣщеннымъ Мухаммедъ-Ризою въ Ассель-о-ссейяръ, по поводу смерти Сафа-гирей, и переданнымъ мною выше, въ пр. 120, на стр. 336, 337. Оказывается, что Жженнаби соединилъ въ одно цѣлое два событія, случившіяся въ двѣ различныя эпохи. Особеннаго нѣтъ ничего, но любопытны слова, которыя

Дженнаби влагаетъ въ уста Сагибъ - гирея, о необходимости для Крыма и Турціи стать за одно противъ Русскихъ. Словъ этихъ у Ризы мы не встрѣчаемъ, а онѣ съ своей стороны свидѣлствуютъ о той заботливости, съ которою въ эпоху близкую къ паденію Казани, Турція и Крымъ слѣдили за дѣйствіями Русскихъ.

въ Коломну, послалъ за Шахъ - Алиемъ. Нуженъ былъ собственно не онъ, а вѣроятно понадобились находившіеся съ нимъ запасы и снаряды. Иванъ продержалъ при себѣ Шахъ-Алія только нѣсколько дней, и отпустилъ на судахъ въ Касимовъ. Весьма любопытна причина, которую выставляютъ лѣтописцы на видъ, чтобы пояснить отъѣздъ хана въ городокъ. «Царя же Шигалея», читаемъ въ *Царк.* 225, «отпускаетъ (государь) въ судѣхъ въ городокъ; понеже Царь велие тѣло имяше, и не могій скоро на конехъ ѣздити; разумиченъ же Царь преизлише, но не храбръ сый на ратехъ, и дружинѣ своей не податливъ» (*Ник.* VII, 120, 121 и *Лѣт. Норм.* 63, 64; ср. *Лѣ.* IV, 313, 314, гдѣ: «Царя же Шигалея отпускаетъ на судахъ въ городокъ, понеже царь пребезмѣрно толстъ не могій скоро на конѣ ѣздитъ, а хотя и разуменъ сей царь, но не храбръ въ войнѣ и дружинѣ своей не податливъ»). Читая это, невольно вспоминаешь уже сообщенные мною выше (пр. 88, стр. 257, 258), отзывы Герберштейна и составителя *Подр. лѣт.* о наружности Шахъ - Алиа, и объ его неспособности къ дѣлу ратному.

Нападеніе Крымцевъ обошлось благополучно. Иванъ, спокойный на этотъ счетъ, двинулся окончательно къ Казани, и 13-го іюля прибылъ въ Муромъ. Отсюда онъ послалъ стольника Федора Ивановича Умнаго (Колычова) за Шахъ-Аліемъ, и когда тотъ явился, отправилъ его немедленно на судахъ къ Казани, съ воеводою княземъ Петромъ Андреевичемъ Булгаковымъ (Голицынымъ), съ дѣтьми боярскими и стрѣльцами ¹³⁹).

¹³⁹) *Царк.* 250: И посылаетъ Государь Стольника своего Феодора Ивановича Умного по Царя шигаля; и Царь пріѣхалъ ко Государю въ Муромъ. И отпустилъ его Государь въ судѣхъ въ Казань; а съ нимъ послалъ Воеводу Князя Петра Андреевича Булгакова съ товарищи, да дѣтей Боярскихъ и Стрѣльцовъ многихъ (*Ник.* VII, 142; *Лв.* IV, 354). *Лѣт. Норм.* 67: Изъ Мурома Государь послалъ по Царя Шигаля столника своего Феодора Иванова сына Умнаго.

Вскорѣ послѣ Шахъ-Алія прибылъ въ станъ Русскій изъ городка Акъ-сеидъ (آق سید), сынъ Шерефъ-сеида (شرف سید), со всѣми Городецкими князьями, мурзами и Татарами. Государь, который находился тогда неподалеку отъ рѣки Пяны, велѣлъ Акъ-сеиду идти вмѣстѣ съ яртауломъ, и строить мосты на Пянь ¹⁴⁰).

¹⁴⁰) *Лв.* IV, 358: Осмой (станъ) на озерѣ не дошелъ Пяны рѣки, и тутъ къ Государю пришелъ изъ городка Аксеитъ Черевсеевъ, со всѣми Городецкими князьями

и Мурзани и Татары, а шелъ Сейтъ на Монсыровъ уголь, и Государь ему велѣлъ итти съ Ертоуломъ вмѣстѣ, и на Пянь Государь велѣлъ мосты подѣлать многіе, и пошелъ (*Царк.* 253, гдѣ, по ошибкѣ, вмѣсто: «Аксентъ Черевсеевъ», стоитъ: «Аксентчере Всѣевъ», а вмѣсто: «Монсыровъ уголь»—Монрыровъ уголь») *Ник.* VII, 144: А осмой на озѣре. Оттуду Государь полемъ пошолъ, не дошедъ Пьяны рѣки, и тутъ ко Государю пришелъ изъ городка Аскентъ рече всѣдѣ, со всѣми городецкими князми и мурзани и Татары, и Шелъ сентъ на Монсыровъ уголь. И Государь ему велѣлъ итти со Ертоуломъ вмѣстѣ, и на Пьяне Государь велѣлъ мосты подѣлать многіе і пошелъ.

Такимъ образомъ Шахъ-Али и Касимовскіе Татары очутились въ рядахъ войска, назначеннаго дѣйствовать противъ Казани.

Объ участіи хана и Городецкихъ Татаръ въ этомъ послѣднемъ походѣ Ивана на Казань, сокрушившемъ державу наслѣдниковъ гордаго Махмута, сохранилось нѣсколько данныхъ.

Мы знаемъ, что по приходѣ 13-го августа въ Свіяжскъ, Иванъ на созванный имъ совѣтъ пригласилъ и Шахъ-Алія. На совѣтѣ было приговорено идти не мѣшкая на Казань, къ жителямъ же ея послать увѣщательныя грамоты. Вмѣстѣ съ тѣмъ государь поручилъ и Шахъ-Алію написать отъ себя къ Ядигаръ-Мухаммеду, какъ къ своему родственнику (оба они были изъ рода Астраханскихъ царей; см. выше, стр. 247, 248,

и пр. 135, стр. 367—369) письмо, и предложить ему сдаться добровольно. Увѣщательныя грамоты и письмо Шахъ-Алія были, 15-го же августа, отправлены въ Казань съ однимъ изъ тамошнихъ Таджиковъ ¹⁴¹⁾. За-

¹⁴¹⁾ *Дарк.* 259, 260: И поѣде Государь на лугъ, и ста въ шатръ на лузѣ подь Свіяжскимъ городомъ; и велѣлъ Государь у себя быти Царю Шигалею. И советуетъ Государь со Княземъ Владимиромъ Андреевичемъ, и со Царемъ Шигалеемъ, и съ Бояры, и съ Воеводами, какъ ему Государю, своимъ дѣломъ промышляти; и приговорилъ Государь итти къ городу къ Казани не мѣшкая, а къ нимъ послати грамоты похотятъ безъ крови Государю бити челомъ, и Государь ихъ пожалуетъ. Государю же нашему смиреніе показующу; вѣдый бо, яко Господь гордымъ противится, а смиреннымъ благодать даетъ. И велитъ Царю Шигалею отъ себя послать Царю Едигерю Магметъ грамоту; понеже бо отъ его роду есть, чтобъ ему въ томъ повѣрилъ отъ Государя нашего не блюся, поѣхалъ изъ города ко Государю нашему, Государь его пожалуетъ. А Царь благочестивый посылаетъ грамоты къ Куль Шерифюлюнъ (Куль-шерифъ-мулла—*قول شریف ملا*) и ко всей землѣ Казанской, чтобы Государю били челомъ; а кто лихое дѣло почалъ и землю взмутилъ, и на Государя и Бояръ его лихое дѣло возвели, за тѣхъ бы не стояли, и Государь ихъ пожалуетъ; и отпустилъ Государь Тезика Казанскаго, Августа 15. *Лс.* IV, 364—366. И поиде государь на лугъ и сталъ въ шатрахъ на лугахъ подь Свіяжскимъ городомъ,

и велѣлъ быть у себя царю Шигалею, и совѣтуеть Государь со Княземъ Владимиромъ Андреевичемъ и съ царемъ Шигалеемъ и съ бояры и воеводами, какъ ему Государю своимъ дѣломъ промышляти, на томъ совѣтѣ приговорилъ Государь итти къ городу Казани не мѣшкая, а къ нимъ послать грамоты, въ коихъ написать похотятъ ли безъ кровопролитія Государю покорится, за что ихъ Государь пожалуетъ. Таковое бо Государь смиреніе показуя, зане вѣдая яко Богъ гордымъ противится, смиреннымъ же благодать даетъ, и велить царю Шигалею отъ себя послать къ царю Эдигерю Магмету грамоту, понеже бо отъ его роду есть, чтобы ему въ томъ повѣрилъ, яко отъ Государя ничегобъ не опасался, а надѣясябъ вѣрно, что Государь его пожалуетъ, такожь Государь послалъ грамоты къ Кушерию Молнѣ и ко всей земли Казанской, чтобы Государю били челомъ, а кто зачинщикъ бунту и землю возмущилъ, на Государя и бояръ его зло умыслилъ, тѣхъ бы и защищать не отважились, чего ради ихъ Государь пожалуетъ, и съ таковымъ писаніемъ отправилъ Государь. Тезика Казанскаго Августа 15 (*Ник.* VII, 147, 148, гдѣ вмѣсто: «понеже бо отъ его роду есть», стоятъ: «понеже бо отъ его городу есть», и Куль-шерифъ-мулла названъ Кушеривъ молною; ср. *Лит. Норм.* 68).

Въ приведенныхъ мною выпискахъ требуетъ объясненія слово *Тезикъ*. О Тезикахъ Казанскихъ упоминаетъ и сочинитель Исторіи о Казанскомъ царствѣ. Въ одномъ изъ списковъ этого сочиненія, при описаніи взятія Казани въ 1552 г., читаемъ: «И посемъ посы-

лаеть изграда Казани храбрый стратилаць Князь *Михайло Ивановичъ Воротынской* глаголя: преславный великій Царю, божиею милостию и твоею храбростию побѣда уже совершися во градѣ Казани, вси побѣдени быша, вполатахъ и впогребяхъ не счѣтное и неизчетное богатство взято, такоже и плена Княгини и Мурзинныхъ *Тезицкихъ* женъ и просто рещи от великихъ до простыхъ много множество держимо бѣ что оснхъ размыслить твоя царская держава?» (*Ик.* 245) Въ Казани существовалъ еще Тезицкій ровъ. «И приближа Христіане», читаемъ въ *Царк.* 306, при описаніи послѣдняго приступа къ Казани, 2-го октября 1552 г., «къ мечите къ Кулшерифу (тому самому, къ которому Иванъ писалъ грамоту), къ Тезицкому врагу» (*Ник.* VII, 178: И приближися христіане х Мечите х Колшери Оухтѣзицкому врагу; *Лс.* IV, 421: И приближишася Христіане къ мечетѣ къ Кулши Ресфухтезатскому врагу). Князь Курбскій, толкуя о послѣднемъ же приступѣ къ Казани, описываетъ Тезицкій ровъ и переводить его словами: купецкій ровъ. «Татароваяжъ», пишетъ онъ, «запрошась съ нашу страну на царевѣ дворѣ, а дольную часть мѣста покинули, елико ихъ могло утеши; а съ другую сторону, яже съ Арскаго поля, откуда подкопъ взорвало, царь Казанскій съ дворомъ своимъ уступя, аки въ половину мѣста, застановился на Тезицкомъ (Тешицкомъ) рвѣ, по нашему на купецкомъ, бѣущесъ крѣпщѣ со христіаны: бо того мѣста двѣ части, аки на равнинѣ, на горѣ стоятъ; а третія часть зѣло удольна, аки въ пропасти; а поперегъ, аки въ половицу

мѣста, отъ стѣны Булака ажъ до дольня части мѣста, ровъ не малый. А мѣсто оно не мало: мало что отъ Виленскаго мѣйше» (*Курбск.* 31; о мѣстоположеніи бывшаго Тезицкаго рва, нынѣ уничтоженнаго, см. Рыбушкинъ. Краткая исторія города Казани. Ч. I. Казань. 1848, стр. 69). Изъ словъ Курбскаго слѣдовало бы заключить, что *тезицк* значить купецъ; въ сущности же это не такъ. *Тезицк* очевидно Русская перепись слова: *Таджикъ*, которое произносится и *Тазикъ* (تازیک, تاجیک). Таджикими же, между прочимъ, называются и до сихъ поръ всѣ коренные жители Средней Азіи, Сарты, говорящіе Персидскимъ языкомъ, въ противоположность позднѣйшимъ пришельцамъ, Узбекамъ, говорящимъ Татарскимъ языкомъ. Таджики издавна славилась своими торговыми оборотами, и теперь еще составляютъ почти исключительно купеческое сословіе Средней Азіи. Отъ Таджиковъ, заѣзжавшихъ въ Казань для торгова, явился, по всей вѣроятности, ровъ Таджикскій (Тезицкій). Самое же понятіе о Таджикѣ очень легко могло слиться съ понятіемъ о купцѣ вообще.

тѣмъ войска наши стали переправляться чрезъ Волгу, а Шахъ-Али съ бояриномъ Михайломъ Яковлевымъ Морозовымъ и дьякомъ Иваномъ Выродковымъ, получилъ приказаніе плыть въ судахъ на Гостинный островъ и везти орудія и осадныя машины ¹⁴²). По-

¹⁴²) *Царк.* 261: И поѣде Государь (18 августа) за рѣку за Волгу; а Сторожевому полку и лѣвой рукѣ велѣлъ возитись выше себя. А Царя Шигадея отпустилъ

въ судѣхъ на Гостинъ островъ. Также и съ снаря-
домъ. Государь отпустилъ въ судѣхъ Боярина своего
Михайла Яковлевича, и Діака своего Ивана Выродкова,
и башни, и тарасы рубленные велѣлъ привести, яже уго-
товлены, противъ Казани поставить; и тутъ Государь дне-
валъ, а ждалъ какъ всѣ полки перевезутся (*Ник.* VII, 148,
149). *Лв.* IV, 366, 367: Потомъ поѣха Государь за
Волгу рѣку, а Сторожевому полку и лѣвой рукѣ ве-
лѣлъ возиться выше себя, царя же Шигалея отпустилъ
водою на Гостинъ островъ, водоюжъ и снаряда отпу-
стилъ, съ ними послалъ боярина своего Михайла Яков-
лича, да дьяка своего Ивана Выродкова, и башни и та-
расы рубленные велѣлъ привести, кои уготовлены про-
тивъ Казани поставить, и тутъ Государь дневалъ, а
ждалъ какъ всѣ полки перевезутся. *Лѣт. Норм.* 68:
Указалъ возитца за Волгу и самъ изволилъ, а в судѣхъ
отпустилъ Царя Шигалея на Гостинъ островъ; тако жъ
и с нарядомъ отпустилъ боярина своего Михаила Яков-
левича, и дьяка своего Ивана Выродкова.

средничество Шахъ-Алія, на которое рассчитывалъ
государь, не повело ни къ чему. Чрезъ нѣсколько дней
послѣ отъѣзда Таджика, присланъ былъ отвѣтъ Яди-
гаръ-Мухаммеда, написанный въ самыхъ дерзкихъ
и грубыхъ выраженіяхъ. Ханъ поносилъ вѣру хри-
стіанскую, отзывался непочтительно объ Иванѣ, уко-
рялъ самаго Шахъ-Алія, и объявлялъ себя готовымъ
на брань ¹⁴³).

¹⁴³) *Царк.* 261: И тутъ (за рѣкою Казанкою, кото-

рую государь перешелъ 20-го августа, въ субботу) при-
слай Царь Едигерь Магметъ къ Царю Шигалею съ
грамотою полоняника; а пишетъ гордыя и скверныя
слова; вѣру Православную и Царя благочестиваго по-
носить и укоряетъ; такожь и Шигалея похуляетъ, и
себя на брань готова возвѣщаетъ (*Ник.* VII, 149; *Лс.*
IV, 367; *Лит. Норм.* 68).

На Тиренъ-узякъ, гдѣ уже дѣло шло о томъ, что-
бы двинуться подѣ самыя стѣны города, Шахъ-
Али опять присутствовалъ на совѣтѣ царскомъ, и
тутъ, между прочимъ, присуждено было идти ему
въ большомъ полку и стать на Арскомъ полѣ за
рѣкою Булакомъ, подѣ кладбищемъ ¹⁴⁴). Эту по-

¹⁴⁴) *Царк.* 262, 263: И сталъ (государь) на Теренъ-
Узякъ; полки же всѣ сташа по Цареву лугу, и въ низъ
по Волгѣ. И повелѣ Государь нарядъ изъ судовъ выни-
мати и устранивати, какъ ему итти къ городу; въ не-
дѣлю, и въ понедѣльникъ (21 и 22-го августа) Государь
тутъ стоялъ.... И призываетъ Государь къ собѣ Князя
Владимера Андреевича, и Царя Шигалея, и Бояръ, и
Воеводъ... и совѣтовалъ Государь какъ пойти къ горо-
ду. И приговорилъ стати самому Государю и Князю Во-
лодимеру Андреевичу на Царевѣ лугу, близъ Отучевы
низгити; а Царю Шигалею за Булакомъ подѣ кладби-
щемъ; а итти Царю въ Большемъ полку; а на Арскомъ
стати Большому полку, да Передовому, да Князь Воло-
димерову Андреевичу Боярину и Воеводѣ Князю Юрью
(*Ник.* VII, 149, 150, гдѣ вѣсто: «близъ Отучевы

низгити», стоитъ: «блиско Отучевы низгити»; а вмѣсто: «а итти Царю въ Большемъ полку», написано: «а итти Государю в большемъ полку», что придаетъ словамъ совершенно другой смыслъ, и въ добавокъ, очевидно, повѣрный; ср. *Лс.* IV, 368 — 370, гдѣ ко: «близъ Отучевы низгити», а: «близко отъ Тучевы Мингити»).

Тирень - узьякъ (Терень - узьякъ, Тереуза, Тергуза) находился близъ устья р. Казанки. См. *Отрывокъ Русской Лѣтописи*, П. С. Р. Л. VI, 306, гдѣ: «Въ лѣто 7060, мѣсяца августа въ 18 день, въ четвертокъ по Опожинѣ дни, на память святыхъ мученикъ Фрола и Лавра, и помде государь царь ко граду къ Казани, и перевезеса того дни Волгу подъ Новымъ городомъ Свияжскимъ, и ста ту въ лузѣхъ; и стоя два дни на единомъ мѣстѣ, ждаше, дабы перевезалися его остоношныя поляки, занеже бѣ невѣстимо много множество людей, до него же возишася и плавана 4 дни и послѣ же его три дни. Въ субботу же воставъ рано, свершивъ молебная, и пришедъ ста на устьѣ Казани рѣки, поблизу же Волги, на заводи Тереузи (*Свр.* II, 407, 408; ср. *Подр. мѣт.* II, 176, 177; ср. также *Иж.* 200, 204, гдѣ вмѣсто: «Тереузи», стоитъ: «Тергузи»). — *Тирень-узьякъ*, въ переводѣ на Русскій языкъ, значить: глубокий протокъ. Слово это составлено изъ двухъ Татарскихъ словъ: *тиренъ* (تيران) — глубокий, и *узьякъ* (اوزاك). Последнее слово *узьякъ* имѣетъ множество значеній. *Узьякомъ* зовутъ: сердцевину дерева, плесо, фарватеръ, протокъ и рукавъ рѣки. Иногда *узьякъ* употребляется даже въ смыслѣ сердца и души; говорить напр.: اوزاکم اوزولدی —

мѣ больно, обидно стало; Мещеряки Сибирской губерніи, въ видѣ ласки, говорятъ: *بوراکم اوزاکم* — сердце мое, душа моя.

Отучева мизгить, т. е. нечеть (см. выше, пр. 27, стр. 65), стоявшая на Царевомъ лугу, вѣроятно названа была такъ въ честь какого нибудь Отуча (*لوتش*), который ее построилъ. Лѣтописцы подъ 1533 г. упоминаютъ объ одномъ князѣ Казанскомъ Отучѣ (см. выше, пр. 93, стр. 275).

мизцію онъ и занялъ дѣйствительно ¹⁴⁵⁾.

¹⁴⁵⁾ *Царк.* 264, 268: Августа 23, поиде Государь къ городу Казани. Пошелъ Государь съ Теренъзука урядя полки къ городу; а велѣлъ итти... также Передовому полку, и Большему полку, Царю Шигаю, и Воеводамъ на Арское поле въ верхъ Булака, у Кабана озера.... Царь же Шигаей, и Воеводы пришедше (чит. какъ въ *Нж.* и *Лс.*: прешедше) Булаку, и ставъ на Арскомъ полѣ, аможе повелѣ Государь (*Нж.* VII, 151, 154, гдѣ, по ошибкѣ, стоитъ: «вверхъ Булака Кубана озера»; ср. *Лс.* IV, 374, 377). *Курбск.* 20: И абіе въ той день обступихомъ мѣсто и градъ бусурманскій полки христіанскими... Таже стратилатове, а по нихъ воеводы полковъ, передовой полкъ, который ходитъ у нихъ за яртауломъ, прише на Арское поле, и еще другіи полкъ, въ немъ же бѣ царь Шигаей, и другіе великіе стратилатове залегоша тамо пути, яже отъ Нагайскія страны ко граду лежать.—Желающіе составить себѣ ясное понятіе о порядкѣ, въ которомъ распо-

ложены были войска Русскія подъ Казанью въ 1552 г., и вообще о ходѣ самой осады, могутъ обратиться къ сочиненію г. О. Ласковского: Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи, ч. I. Спб. 1858, стр. 174 — 190. Въ картахъ, планахъ и чертежахъ, слѣдующихъ къ этой части, находится на л. 22 и весьма хорошій планъ осады города Казани.

Еще знаемъ мы, что въ продолженіи осады, Касимовцы участвовали при взятіи Арска и острога, возведеннаго Казанцами въ тылу нашемъ, за Арскимъ полемъ. Посланный туда отрядъ Русскій, послѣ десятидневнаго похода, взявъ острогъ и городъ, возвратился съ богатою добычею, а что еще важнѣе, со множествомъ съѣстныхъ припасовъ, въ которыхъ осаждающіе начинали чувствовать недостатокъ ¹⁴⁶).

¹⁴⁶) *Царк.* 287: Тогожъ мѣсяца (сентября) 6, во вторникъ; отпустилъ Государь на Арское мѣсто; и на острогъ Воеводъ своихъ... да у Бояръ же велѣлъ быти головамъ своего Царского полку съ дѣтьми съ Боярскими, да съ ними Стрѣлецкимъ головамъ, Стрѣльцы, да Атаманомъ многимъ съ Казаки, да Сейтъ городецкой (по всей вѣроятности, Акъ-семѣ Шерефъ-семдовъ; см. выше, стр. 378, 379) со всѣми городецкими Татарами, да Еникей Князь съ Мордвою Темниковскую, да горніе люди многіе; тѣ и въ вожахъ были (*Ник.* VII, 165; ср. *Лс.* IV, 396, 397, гдѣ, между прочимъ, по ошибкѣ, вмѣсто: «во вторникъ», стоитъ: «въ пятокъ»).

Наканунѣ взятія Казани, 1-го октября, когда Иванъ отдалъ войскамъ приказъ готовиться къ приступу, объявлено было и на счетъ Шахъ-Алія и Касимовскихъ Татаръ особое распоряженіе. Имъ не велѣли ходить на приступъ, а включили ихъ въ ту часть войска, которая, окружая Казань, должна была, на другой день, оберегать тылъ атакующихъ и перерѣзать путь осажденнымъ, въ случаѣ еслибъ они вздумали сдѣлать вылазку или бѣжать ¹⁴⁷⁾.

¹⁴⁷⁾ *Царк.* 298: А отъ сторонъ Государь съ лѣсовъ велѣлъ беречи полковъ, и для сильной вылазки изъ города, и пробиванія на лѣсы на Арскомъ полѣ, и на дорогахъ на Арскихъ, и на Чувашскихъ, велѣлъ Государь быти Царю Шигалею, а съ нимъ всѣ Князи и Мурзы городецкіе, да Боярину и Воеводѣ Князю Ивану Федоровичу Мстиславскому своимъ полкомъ, да горниимъ людямъ велѣлъ съ ними же быти (*Ник.* VII, 172; *Лс.* IV, 411). *Отрывокъ Русской Лѣтописи*, П. С. Р. Л. VI, 310: Повелѣ быти царю Шиголью Шигольяровичю на Арскомъ полѣ и съ нимъ многимъ воеводамъ; и вскорѣ поставиша полки на Арскомъ полѣ стеречи людей Казанскихъ, дабы не были въ приступъ съ лѣсу на помощь граду (*Сер.* II, 414). *Нк.* 212: Семужъ бывшу, Царю *Шихъ Алтю (Алиировичю)* повелѣ быти на Арскомъ полѣ и снми многия воеводы и стрельцы отъ Казанскихъ Татаръ, чтобъ вприступъ съсу непришли напомощъ граду (*Подр. мт.* II, 195, гдѣ вмѣсто: «Алиировичю», стоитъ: «Шиханьяровичю», и вмѣсто: «и стрельцы» — «стрещи»).

Въ самый день взятія Казани, 2-го октября, Шахъ-Али и Касимовскіе Татары, кажется, ничѣмъ не отличались. Про ихъ дѣйствія во время приступа мы ничего не знаемъ. Только Исторія о Казанскомъ царствѣ (*Ик.* 240; *Поср. мт.* II, 220) и Книга Степенная (*Ст.* II, 262) утверждаютъ, будто когда Иванъ, приобщившись, сѣлъ на конь и выѣхалъ въ поле, то при немъ находился и Шахъ-Али.

Участіе Шахъ-Али и Городецкихъ Татаръ въ военныхъ дѣйствіяхъ 1552 г. противъ Казани, какъ видно изъ приведенныхъ фактовъ, было не очень велико. За то, едва городъ былъ взятъ, какъ Шахъ-Али, одинъ изъ первыхъ, явился съ поздравленіемъ къ Ивану. Лѣтописцы сохранили даже рѣчь, говоренную имъ по этому случаю, и отвѣтъ на нее государя. «Буди Государь», произнесъ Шахъ-Али, подѣхавъ къ Ивану, «здравъ побѣдивъ спостаты, и на своей вотчинѣ на Казани въ вѣки». «Царь Господине!», отвѣчалъ государь, «тобѣ брату нашему вѣдомо, много есмь къ нимъ посылалъ, чтобы похотѣли покою, и тобѣ жестость ихъ вѣдома, какимъ злымъ ухищреніямъ во многіе лѣта гнали, и Богъ милосердый праведный судъ показалъ намъ милосердіе свое; а имъ истилъ кровь Христіанскую» (*Царк.* 311; см. также *Ник.* VII, 182, и *Лс.* IV, 428; въ *Ник.* и *Лс.* послѣ слова: «гнали», прибавлено еще: «и сколько крови христіанскіе проливали»). Не пропустилъ Шахъ-Али удобнаго случая выказать себя и при торжественномъ вѣздѣ Ивана въ побѣжденный городъ: ѣхалъ онъ въ слѣдъ

за государемъ вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ его, княземъ Владиміромъ Андреевичемъ. «И Государь», читаемъ въ *Царк.* 312, «въѣхалъ во градъ. Предъ нимъ ѣхали Воеводы и дворяне многіе; а за Государемъ ѣхалъ Князь Владимиръ Андреевичъ, и Царь Шигаей. И пріѣхалъ Государь на Царевъ дворъ (*Иж.* VII, 182, и *Лс.* IV, 428, 429, гдѣ послѣ словъ: «дворяне многіе», прибавлены слова: «да и съ животворящимъ крестомъ Андрей протопопъ»).

По прекращеніи войны съ Казанью 1552 года, Шахъ-Али, если не тотчасъ, то очень скоро возвратился къ себѣ въ Касимовъ. Удѣлъ этотъ остался за нимъ. Свидѣтельствомъ служатъ данныя, сохранившіяся о Шахъ-Али за іюль и августъ 1553 г. Въ іюлѣ пришла вѣсть, что Крымскій ханъ готовится напасть на наши предѣлы. По словамъ лѣтописцевъ, въ числѣ лицъ сопровождавшихъ государя, выступившаго тогда къ Коломнѣ, находились: Семень, бывшій царь Казанскій, *Шахъ-Али, бывший изъ юродка*, и царевичъ Астраханскій Абдулла, сынъ царя Акъ-кубека, вызванный изъ Юрьева; къ нимъ присоединился въ послѣдствіи и Дервишъ-Али, бывшій царь Астраханскій. По минованіи опасности со стороны Крыма, Иванъ въ августѣ, возвращаясь въ Москву, «царей и царевичевъ», какъ сказано въ лѣтописяхъ, «отпустилъ по вотчинамъ». Значить, и Шахъ-Али получилъ дозволеніе ѣхать къ себѣ *отчину, съ юродкомъ*. Тамъ дѣйствительно и находимъ мы его въ концѣ августа: въ Дѣлахъ Ногай-

скихъ (*Прод. Дрест. Росс. Висл.* IX, 90) сохранилось извѣстіе, что онъ объ эту пору присылалъ изъ городка къ государю, служилаго Татарина съ Ногайскими гонцами ¹⁴⁸).

¹⁴⁸) *Ник.* VII, 206: Тогожъ лѣта (7061) Июль 6. пришли вѣсти к Царю изъ Крыму, что царь крымской хочетъ быть на его украинны, и Государь по тѣмъ вестемъ пошелъ на Коломну, а в Серпуховъ отпустилъ князя Владимира Андрѣевича, да воеводу своихъ князя Семена Ивановича Микулинского с товарищи, а в Колугу царя Дербыша Алѣя Астороханскаго, да боярина і воеводу князя Івана Ѳедоровича Метиславскаго и иныхъ воеводъ. А со Царемъ і великимъ Княземъ были царь Семионъ казанской, да бояре і воеводы по полкомъ по розписи, да Черкаские князи Магаушъко з братьею и с людьми, да изъ городка царь Шигалѣ, да изъ Юрьева царевичъ Астороханской Канбула Ахкубековъ, да изъ Колуги Царь Государь велѣлъ у себя быть Дербышу царю Астороханскому. И въ Августѣ прислалъ изъ Мченска князь Петръ князь Ивановъ сынъ Горенскаго съ языки пяти Татаринцовъ Крымскихъ; приходи на мѣщевские украинны пятьдесятъ человекъ крымскихъ, и князь Петръ ихъ побилъ наголову; и тѣ языки сказывали, что Крымской царь ходилъ на Черкасы, а на Цареву великаго Князя украинну не пошелъ. И Государь пошелъ к Москве, а цареі и царевичевъ отпустилъ по вотчинамъ (*Лс.* V, 19, 20, гдѣ слова: «князя Семена Ивановича Микулинского с товарищи» пропущены, и вѣ-

сто: «Магаушъко», стоитъ: «Мага Ушукъ», а вѣсто: «Камбула Ахкубековъ» — «Камбула Кубековъ»; ср. *Лит. Норм.* 72, 73).

По поводу приведенной мною выписки, считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ про упоминаемыхъ въ ней паряхъ и царевичъ: Семень, Абдулла и Дервишъ-Али.

Семень — никто иной какъ Ядигаръ-Мухаммедъ, послѣдній ханъ Казанскій. Ядигаръ, захваченный въ плѣнъ при взятіи Казани, и отвезенный въ Москву, былъ крещенъ 26-го февраля 1553 г., почти въ одно время съ другимъ бывшимъ ханомъ Казанскимъ Утямишъ-гиреемъ, и названъ Семеномъ (*Царк.* 333, 334; *Ник.* VII, 199, 200; *Лс.* V, 5 — 7; *Лит. Норм.* 70; *Ик.* 258; *Подр. лит.* II, 238; *Ст.* II, 267; см. выше, пр. 125, стр. 348, и пр. 135, стр. 368).

Абдулла Акъ-кубековъ (آق کوبک خان اوغلی) выѣхалъ въ Россію въ мѣ 1552 г.; государь тогда же женилъ его на племянницѣ Шахъ-Алія, дочери бывшаго Казанскаго хана Джанъ-Алія, и пожаловалъ ему городъ Юрьевъ съ доходами. «Тогожъ году (7060) въ Маѣ», читаемъ въ *Царк.* 202, «выѣхалъ ко Государю изъ Асторохани Царевичъ Кайбула Ахкубековъ сынъ Царевъ; и Царь Государь пожаловалъ, далъ ему городъ Юрьевъ изданію. А женится ему ослободилъ у Шигалея Царя; поналъ Шигалееву племянницу; Аналееву Цареву дочь» (*Ник.* VII, 102; *Лс.* IV, 279; см. также *Ст.* II, 271, и *Подр. лит.* II, 241; въ *Подр. лит.* царевичъ названъ Кабулою, а царь — Акубекомъ). Рѣчь о выѣздѣ Абдуллы въ Россію

уже была введена заранѣе. «А я далъ Богъ», писалъ изъ Астрахани посолъ нашъ Савастьянъ, въ донесеніи государю, полученномъ въ апрѣлѣ 1552 г., «въ Астраханѣ пришло здеревѣ Ноября 7. день, а Волга стала Ноября 10. день. И Нагайскіе люди, *Исманлъ* мирза и нныя многіе мирзы и улусы многіе перекочевали за Волгу на нашу сторону, и Царь (Янгурчи) *Кайбулла* Царевича и меня затѣи не отпустилъ, что Нагайскихъ людей проехати немочно. И ныне ко мнѣ Царево слово то. Какъ Волга прондетъ, а Нагайскіе люди за Волгу не перемдутъ, и азъ Царевича *Кайбулла* да и многіе княжне роды съ *Кайбуллою* да и съ тобою отпущу» (*Прод. Дрест. Росс. Визл.* VIII, 324, 325). Пріѣздъ Абдуллы въ Россію Иванъ въ грамотахъ своихъ къ Нагайскимъ мурзамъ объяснялъ дружбой, которая существовала между Россіей и Акъ-кубекомъ. «А съ *Ахкубекомъ* Царемъ», писалъ Иванъ въ іюнѣ 1552 г. мурзѣ *Исманлу*, «прежъ сего намъ было слово и дружба, и мы того для сына его къ себѣ взяли» (*Прод. Дрест. Росс. Визл.* VIII, 335). Абдулла, сынъ Акъ-кубековъ, приходился внукомъ Муртазѣ, сыну Ахмеда, хана Золотой Орды (см. о Муртазѣ выше, пр. 49, стр. 112 — 123, и стр. 138 — 143). Такъ значитъ по крайней мѣрѣ въ нашихъ родословныхъ книгахъ (см. выше, пр. 21, стр. 44, 46, 49), гдѣ самъ Абдулла (*Коп., Арх., Род. Кайбула, Сим. Кай Булатъ*), и отецъ его Акъ-кубекъ (*Коп. Ахкубекъ, Сим. Ахбукикъ и Ахкубики, Арх. Ахкубики, Род. Акъ Кубекъ*), сынъ Муртазы, внесены въ родъ Астраханскихъ царей (въ

Син. списокъ, въ особой статьѣ, о которой я въ пр. 21 не упоминалъ, и которая озаглавлена: Родъ болшіе же Орды Царей, Врем. Моск. Общ. ист. и древн. Кн. 10. Матер., стр. 129, Абдулла нѣтъ, но отецъ его, Акъ-кубекъ [Ахтобакъ], значитъ, и названъ сыномъ же Муртазы). Показаніе нашихъ родословныхъ книгъ о томъ, что Абдулла былъ внукомъ Муртазы, подтверждается еще однимъ изъ донесеній посла нашего въ Астрахани Савастьяна, и именно тѣмъ самымъ, изъ котораго я немного выше привелъ выписку. Передавъ все что было ему извѣстно объ Абдуллѣ, и что я уже сообщилъ въ выпискѣ, Савастьянъ, въ слѣдъ за тѣмъ, прибавлялъ: «Да хочеть, Государь, ехати на Государя нашего имя служить сомноюже вѣсте *Крымъ-ирскій* Царевичъ *Устемиресъ* сынъ Царевичевъ внукъ же *Муртозы* Царю» (*Прод. Древн. Росс. Висл. VIII, 325*). Царь Астраханскій Ямгурчи, при которомъ Абдулла выѣхалъ изъ Астрахани въ Россію, приходился ему, по нашимъ родословнымъ книгамъ, двоюроднымъ братомъ. Если вѣрить этимъ книгамъ (см. выше, пр. 21, стр. 44, 46, 49), Ямгурчи (*Коп. Ахмурчѣй, Син. Армугурчѣй, Арх. Ярмъ-Гурчѣй, Род. Емгурчѣй*) былъ рожденъ отъ Бирды-бека (*بيردى بيك* — *Коп. Бердябикъ, Бердебакъ, Син. Бердебикъ, Арх. Бердебекъ, Бердебикъ, Род. Бердибекъ*), роднаго брата Акъ-кубека (въ *Син. списокѣ, въ особой статьѣ: Родъ болшіе же Орды Царей*, Врем. Моск. Общ. ист. и древн. Кн. 10. Матер., стр. 129, Бирды-бекъ [Бердебикъ Салтанъ], сынъ Муртазы, значитъ; Ямгурчія же нѣтъ вовсе).—Отецъ

Абдуллы, Акъ-кубекъ, царствовалъ въ Астрахани весьма недолго. Въ 1532 г. онъ, съ помощью Черкасъ, вступилъ на престолъ на мѣсто Касима (см. выше, пр. 99, стр. 286, и пр. 131, стр. 359; см. также *Прод. Древн. Росс. Висл.* VIII, 229; IX, 110), а въ 1533 г. въ Астрахани уже былъ новый царь Абд-ур-рахманъ «Того же лѣта (7041), августа», читаемъ въ *Вскр. П. С. Р. Л.* VIII, 284, «пріиде къ великому князю Василью Ивановичю всеа Руси на Москву изъ Астаракани, отъ царя Абдыль-Рохмана, Кудалыаръ зъ грамотою о дружбѣ и о любви (*Ник.* VI, 259, гдѣ вмѣсто: «Абдыль-Рохмана», стоитъ: «Абдыхрамана», и вмѣсто: «Кудалыаръ» — «Кудылыаръ»; *Лс.* III, 438; объ Абд-ур-рахманѣ см. выше, пр. 131, стр. 358, 359.). Свержень былъ Акъ-кубекъ съ престола по милости Ногайцевъ. «Тотже Богъ», писалъ Ногайскій мурза Кель-Мухаммедъ государю Ивану Васильевичу въ 1538 г., «*Аккубека Царя нами прогналъ*» (*Прод. Древн. Росс. Висл.* VIII, 51).—У Абдуллы, сына Акъ-кубека, была сестра замужемъ за Акъ-мурзою, сыномъ Ногайскаго князя Юсуфа (*Прод. Древн. Росс. Висл.* X, 312, 322).

О жизни царя Дервишь-Алія Астраханскаго до 1552 г. я имѣлъ уже случай говорить выше (см. пр. 131, стр. 357 — 359). Онъ, какъ мы видѣли, выѣхалъ къ намъ въ исходѣ 1551 г., и получилъ въ началѣ 1552 г. Звенигородъ. Съ тѣхъ поръ Дервишь до 1554 г. оставался въ Россіи. Подъ конецъ жизни, Дервишу суждено было играть роль, если не важную, то по крайней мѣрѣ весьма замѣтную въ исторіи во-

стока: ему довелось быть послѣднимъ ханомъ Астраханскимъ. Въ 1554 г. онъ былъ, согласно желанію Ногайскихъ мурзъ, посаженъ государемъ Иваномъ Васильевичемъ на престолъ на мѣсто Янгурчія. Вскорѣ, въ 1557 г., пала Астрахань, Дервишъ бѣжалъ съ начала въ Азовъ, а потомъ въ Мекку, и царство Астраханское включено было въ составъ государства Русскаго (*Жур.* VIII, 136—138, и пр. 412). Говоря въ настоящемъ случаѣ о Дервишѣ, я не могу не замѣтить одной ошибки довольно важной, которая благодаря ложному показанію составителя старинной Астраханской исторіи, бывшей въ рукахъ у Рычкова, и изданной имъ отчасти въ 1774 г. въ его «Введеніи къ Астраханской топографіи», вошла въ произведенія нѣкоторыхъ Русскихъ ученыхъ. Составитель этой исторіи, которую впрочемъ самъ Рычковъ (стр. 49) называетъ весьма краткой и безпорядочной, описывая возведеніе Дервишъ-Алія (Дервишъ-Алея) въ 1554 г. на престолъ Астраханскій, почти постоянно величаетъ его царемъ Касимовскимъ. Жизнь Дервиша и исторія Касимова въ его время на столько извѣстны, что мы можемъ сказать положительно, что онъ никогда ханомъ Касимовскимъ не былъ. Въ гг. 1548, и 1551—1554, которые Дервишъ прожилъ въ Россіи, Касимовымъ, какъ можно видѣть изъ моего же изслѣдованія, правилъ Шахъ-Али. На сколько я знаю, Дервишъ владѣлъ у насъ, и то не долго, однимъ Звенигородомъ.

Въ записи, данной 12-го марта 1553 г. княземъ Вла-

дмитріомъ Андреевичемъ царю Ивану Васильевичу и малолѣтнему сыну его царевичу Дмитрію, находимъ, между прочимъ, слѣдующія слова: «А въ выходы ми Ординские, и въ Крымъ, и въ Астараханъ, и во Царевичевъ городокъ, и въ иные Цари и во Царевичи, которые будутъ у васъ въ землѣ, и во всѣ Татарскіе проторы давати со всею своею отчины по тому, какъ дѣдъ нашъ Князь Велики Иванъ въ своей духовной написалъ (см. выше, стр. 153 — 157 и 272), и какъ ты Государь мой Царь и Великій Князь Иванъ въ своей духовной написалъ, и мнѣ давати по тому указу» (*Сб. юс. гр. I, № 167, стр. 461; Прод. Древн. Росс. Висл. VI, № 183, стр. 37, 38*). — Здѣсь не названъ владѣлецъ Касимова по имени, но нѣтъ сомнѣнія, что выходъ въ Царевичевъ городокъ, о которомъ идетъ рѣчь, шелъ когда давалась запись, въ пользу Шахъ-Алія ¹⁴⁹).

¹⁴⁹) Статья записи князя Владиміра Андреевича 12-го марта 1553 г. о выходахъ и проторахъ Татарскихъ, повторяется, съ пропускомъ только послѣднихъ словъ: «и мнѣ давати по тому указу», и въ записяхъ, данныхъ тѣмъ же княземъ Владиміромъ Андреевичемъ царю Ивану Васильевичу въ апрѣль и маѣ 1554 г., по случаю кончины царевича Дмитрія и рожденія царевича Ивана (*Сб. юс. гр. I, № 168, 169, стр. 463, 466*). Въ 1554 году, какъ увидимъ ниже, владѣль Царевичевымъ городкомъ тоже Шахъ-Али.

Съ осени 1553 до конца 1557 года, Шахъ-Али, какъ кажется, жилъ безвыѣздно въ Касимовѣ, владѣя имъ по прежнему. По крайней мѣрѣ мы нигдѣ не видимъ, чтобъ онъ участвовалъ въ походахъ, или управлялъ другимъ городомъ. Всѣ свѣдѣнія, которыя имѣются о Шахъ-Алиѣ за этотъ періодъ времени, указываютъ, напротивъ, на его пребываніе въ городѣ.

Самое любопытное изъ означенныхъ свѣдѣній—это переписка, бывшая между государемъ Иваномъ Васильевичемъ и Шахъ-Алиемъ, по поводу жены его Сююнъ-беки, вдовы Сафа-гиреевой. Отецъ ея князь Ногайскій Юсуфъ, который не могъ простить Ивану, зачѣмъ онъ, вмѣсто того чтобъ отпустить къ нему плѣнную дочь, выдалъ ее за Шахъ-Алиа (см. выше, стр. 364, и пр. 134, стр. 364—367), вообразилъ, въ слѣдствіе дошедшихъ до него ложныхъ слуховъ, будто ханъ Касимовскій, по приказанію Ивана, замучилъ Сююнъ-беку до смерти. Иванъ, не желавшій изъ за такой пустой причины ссориться съ Юсуфомъ, въ началѣ 1554 г., писалъ къ нему и къ сыну его Юнусу, чтобъ успокоить ихъ и убѣдить: не слушать «женского обычая непригожихъ речей»; писалъ и къ другимъ Ногайскимъ мурзамъ, прося ихъ съ своей стороны уговорить князя, «чтобъ онъ бездѣльнымъ рѣчамъ не потакалъ» (письма Ивана напечатаны въ *Прод. Дрест. Росс. Висл.* IX, 126—139). Мало того, Юнусу человѣку Джанъ-Алию (Зиенъ-Алию, какъ звалъ его Иванъ въ своихъ грамотахъ), и человѣку другаго

сына Юсуфова, Алія, Бахты-гильдыю (بخنى كبرى), государь объ эту же самую пору приказалъ нарочно, на обратномъ пути въ Ногайскіе улусы, захватить въ городокъ къ Шахъ - Алію, съ тою именно цѣлью, чтобъ они могли лично увѣриться въ несправедливости слуховъ, распространенныхъ о Сююнь-бекѣ, и донести о томъ Юсуфу и его дѣтямъ. По случаю отъѣзда Джанъ - Алія и Бахты-гильдыя въ городокъ, Иванъ писалъ къ Шахъ - Алію особое письмо. Оно заслуживаетъ вниманія, и даже въ нѣкоторой степени поясняетъ отношенія, существовавшія между государемъ и царемъ Касимовскимъ. Приведу его въ подлинникѣ, такъ какъ оно напечатано въ *Прод. Древн. Росс. Висл.* IX, 145 — 148: «Отъ Царя и великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи брату нашему *Шималю* Царю; писали къ намъ *Юмамъ* мирза, и *Касай* мирза и *Юнусъ* мирза. Сказали дей *Юсуфу* Князю, будто ты братъ нашъ по нашему слову *Сююнбекъ* Царицу казнилъ носа ей сръзалъ, и поруганье великое учиня убилъ ее до смерти. И того для дей Юсувъ Князь на насъ гнѣвается, пословъ и гостей къ намъ не посылаетъ. А наши казаки *Бахтеяръ Баимаковъ* съ товарищи намъ сказывали тоже, будто сказали Юсуу Князю, что дочь его казнена. А вожь *Сююндюка Тулусупова Карамышъ Мустолыковъ* намъ сказывалъ, что Сююнбекъ царицына мать сама ему говорила, что дочь ее казнена. И мы ныне Нагайскихъ пословъ отпустили въ Нагай. А Юнусъ мирзину челоуѣку *Зиенгалю*, да Али мирзину чело-

вѣку *Бахтымиллю* велѣли есмь захвати къ тебѣ. И какъ Юнусъ мирзинъ Зненъгалѣй и Бахтыгилдѣй къ тебѣ придуть, и тыбъ ему велѣлъ быти у себя, да и у Царицы бы еси у своей у Сююнбекъ велѣлъ имъ быти, чтобъ они ее видели. И отпустилъ бы еси ихъ изъ *Городка* съ Наганскими послы вмѣсте. А будетъ Сююнбекъ Царице пригоже отъ себя къ отцу и къ матери своей послати грамоты о своемъ здоровье извѣстити и о ихъ здоровье спросити; и ты бы ей велѣлъ послати грамоты, каковымъ пригоже быти да и поминокъ что пригоже. А каковы грамоты Сююнбекъ Царица къ Юсуфу Князю къ матери пошлетъ; и тыбы братъ нашъ съ тѣхъ грамотъ списки къ намъ прислалъ. А будетъ и тебѣ брату нашему о любви пригоже отъ себя послати къ Юсуфу Князю грамоту; и тыбъ къ нему грамоту послалъ. А какову къ нему грамоту пошлешъ, и тыбы съ тое грамоты списокъ къ намъже прислалъ. А мы къ Юсуфу Князю отъ себя грамоту послали; а писали есмь ему, какъ дочь ево жаловали и берегли, и какъ здоброю честию дали за тебя брата нашего, памятуя его къ себѣ прежнюю дружбу, и какъ внука его (Утямишь-гирея) у себя держимъ за сына мѣсто. О всемъ есмь о томъ къ нему писали подлинно, что все учинили есмь его для. Да что будетъ и впередъ о Юсуе Князе твоя брата нашего мысль; и тыбы о томъ къ намъ отписалъ съ сѣмъже гонцомъ, которой къ тебѣ брату нашему сю грамоту привезетъ. Писана на Москвѣ лѣта 7062 Генваря 1 ¹⁵⁶).

¹⁵⁰⁾ Долго ли еще послѣ этого письма жила Сююнь-бека — неизвестно. Въ Описи Царскаго архива 1575—1584, напечатанной въ *Актахъ Арх. Эксп.* I, № 289, на стр. 350, говорится о какомъ-то пріѣздѣ въ Москву Шахъ-Аліа и жены его Сююнь-беки, но года не означено. Вотъ подлинныя слова Описи: «Ящикъ 201. А въ немъ книги, пріѣздъ царя Шигалея и царевы Шигалеевы Сююндюкъ парипы; да книги крещенья Казанскихъ царей, и пріѣздъ Бекбулата царевича, и Черкасскихъ князей пріѣзды, и до Манука и пропускныя грамоты, и опасныя грамоты; да списокъ шартныя грамоты царя Шигалея, какъ его Царь и Великій Князь отпустилъ на Казань 59 году».

Остальныя свѣдѣнія о Шахъ-Аліѣ не такъ важны, и если заслуживаютъ вниманія, то, всего болѣе, именно какъ доказательства пребыванія его въ городкѣ. Въ октябрѣ 1553 г. Шахъ-Али изъ городка присылалъ къ государю Карамыша Мустафина (قرامیش مصطفی اوغلی — или какъ онъ звался въ Дѣлахъ Ногайскихъ, Карамыша Мустояпова), выбѣжавшаго отъ князя Юсуфа изъ Ногайскихъ улусовъ, куда онъ ѣздилъ въ качествѣ вожа Русскаго посланца Сююндюка Куль-Юсуфова (سیوندوک قول یوسف اوغلی — или какъ онъ звался въ Дѣлахъ Ногайскихъ, Сююндюка Тулусупова; см. о немъ и о Карамышѣ выше, стр. 400). Вслѣдъ за тѣмъ, по случаю извѣстій привезенныхъ Карамышемъ, который объявилъ, что Юсуфъ, задержавъ Сююндюка, идетъ войною на наши укрѣпленія,

посылалъ государь въ городокъ къ Шахъ-Алию и во Владимірѣ къ боярину и воеводѣ князю Семену Ивановичу Микулинскому приказаніе вернуть въ Москву Ногайскихъ пословъ, отпущенныхъ домой. Въ декабрѣ того же 1553 г. пріѣзжали изъ городка въ Москву Ногайскіе гонцы, напередъ пословъ Исмаиловыхъ, Темира и другихъ, снаряженныхъ для переговоровъ о возведеніи Дервишъ-Алія на Астраханскій престолъ (сл. выше, пр. 148, стр. 397; въ лѣтописяхъ, *Ник.* VII, 208 и *Лс.* V, 23, пріѣздъ Темира, по ошибкѣ, отнесенъ къ октябрю). Положительно не знаемъ, кто изъ городка отправлялъ тогда гонцовъ, но то былъ вѣроятно Шахъ-Али. Въ апрѣлѣ 1555 г. Шахъ-Али изъ городка присылалъ къ государю Ногайскихъ гонцовъ съ извѣстіемъ, что идутъ послы отъ мурзы Касима (*Прод. Древн. Росс. Висл.* IX, 100, 104, 109, 152). Въ 1554 — 1555 (7063) г. «у царя Шигадея въ городкѣ» находился «околничей Долматъ Ѳеодоровъ Карповъ», а въ 1555 — 1556 (7064) г. «въ цареве городкѣ» былъ «князь Дмитрей Михайловичъ Жижемской» (оба свѣдѣнія эти заимствованы изъ *Башм. разр. кн.*). Наконецъ въ іюлѣ 1557 г. Шахъ-Али увѣдомлялъ государя, что пріѣхали къ нему въ городокъ Ногайскіе послы, Гильды-Уразъ (گیلدی اورازъ) съ товарищами, отъ князя Исмаила (Исмаилъ, убивъ Юсуфа, сдѣлался на его мѣсто княземъ, въ самомъ началѣ 1555 г.) и другихъ мурзъ, и что онъ отпустилъ ихъ къ Москвѣ, давъ имъ въ проводники сво-

его сына боярскаго Степана Головина и разсылщи-
ковъ (*Прод. Дрест. Росс. Висл.* IX, 278).

Спокойное и продолжительное пребываніе Шахъ-Алія въ Касимовѣ отъ осени 1553 до конца 1557 г. не мѣшало однакожъ, въ это же самое время, подвластнымъ ему Касимовскимъ Татарамъ нести государеву службу. Ханъ жилъ дома; а они, подъ ближайшимъ начальствомъ то Русскихъ воеводъ, то царевичей Татарскихъ, ходили на войну и сражались съ непріятелями нашими, — словомъ, далеко не были въ бездѣйствіи. Свидѣтельства этому находимъ въ лѣтописяхъ и разрядахъ.

Такъ Городецкіе Татары ходили зимою 1553 и 1554 г. усмирять мятежъ въ землѣ Казанской, вмѣстѣ съ войскомъ, посланнымъ подъ начальствомъ князя Семена Ивановича Микулинскаго и другихъ воеводъ. Трудный походъ этотъ они совершили съ состоявшимъ при нихъ княземъ Федоромъ Ивановичемъ Татевымъ ¹⁵¹⁾.

¹⁵¹⁾ *Башм. разр. кн* : Лѣта 7062 году, декабря, царь и великий князь посылаѣтъ воеводъ своихъ въ Казань; а изъ Казани велѣлъ имъ итти на луговую сторону и на Арскіе мѣста воевать которые гдѣ не пріимать государю. А велѣлъ быть воеводамъ по полкомъ на три полки. Въ болшомъ полку: бояра и воеводы князь Семенъ Ивановичъ Микулинской Пунковъ, да Петръ Васильевичъ Морозовъ. Въ передовомъ полку: бояринъ Иванъ Васильевичъ болшой Шереметевъ, да окол-

ничей и оруженчей Левъ Авдѣевичъ Салтыковъ.

Въ сторожевомъ полку: князь Андрѣй Михайловичъ Курбской, да Михайло Ивановичъ Вороново Волынской.

А изъ Свіязского воевода со князь Семеномъ Микулинскимъ въ болшомъ полку, князь Юрѣя Ивановичъ Кашинъ. А изъ Казани въ передовомъ полку съ Иваномъ Шереметевымъ, воевода Ѳеодоръ Ивановичъ Умного Колычовъ. Въ сторожевомъ полку со князь Андрѣемъ Курбскимъ, изъ Казани воевода Дмитрей Ивановичъ Плещевъ. А съ Городецкими князьми, мурзы, и со всѣми Мещерскими людьми, князь Ѳеодоръ князь Ивановъ сынъ Татевъ. А съ служилыми Татари Ѳеодоръ Васильевъ сынъ Вокшеринъ. И бояра и воеводы, князь Семень Ивановичъ Микулинской съ товарищи, посылали отъ себя въ войну въ луговую сторону, по государеву указу, головъ. Въ болшомъ полку: князь Иванъ Ивановичъ Кашинъ Сухой, да Григорей Ивановичъ Ногой. Въ передовомъ полку: Иванъ Васильевичъ Шереметевъ меншой, да князь Василей Ивановичъ Такмаковъ. Въ сторожевомъ полку: князь Ѳеодоръ Ивановичъ Глазатой Оболенской, да Ѳеодоръ Пушкинъ. Да посылалижъ бояра и воеводы головъ на рѣку на Мешю.

Въ болшомъ полку: князь Ивана Михайловича Хворостинина, да князь Семена Осокина Стародубского. Въ передовомъ полку: князь Ѳеодора Михайловича Троекурова, да Алексѣя Ершова. Въ сторожевомъ полку: Ивана Ивановича Очина Плещева. И воеводы многие мѣста воевали, и взяли языковъ чотныхъ людей 6000, а полону всякого взяли 15000; а съ сеунчомъ прислали

къ государю Назара Семенова сына Гатбова. И за тое службу посыланъ отъ царя съ рѣчью и съ золотыми къ бояромъ и къ воеводамъ, ко князю Семену Ивановичю Микулинскому съ товарищи, и къ головамъ, Иванъ Александровичъ Упинъ. А въ росписи у него написано: Подать отъ царя и великого князя золотые бояромъ и воеводамъ и головамъ и дворяномъ. Боярину и воеводѣ Ивану Васильевичю большому Шереметеву, по золотому корабленому. Боярину и воеводамъ Петру Васильевичю Морозову, да околничему Льву Андрѣвичю Салтыкову, воеводамъ князю Андрѣю Михайловичю Курбскому, Михайлу Ивановичю Воронову Волынскому, Ѳеодору Ивановичю Умного Колычову, по золотому Угорскому. Головамъ Семену да Ивану Васильевичемъ Шереметевымъ, князь Ивану Ивановичю Кашину, Аонасью Андрѣвичю Бутурлину, князь Ивану Михайловичю Хворостинину, князь Ѳеодору Михайловичю Трескурову, по золотому Угорскому. Семену Александровичю Упину, князю Василью Ивановичю Такмакову, Григорью Ивановичю Ногово, князь Ѳеодору Ивановичю Татеву, князь Ѳеодору Глазатову Оболенскому, Дмитрею Григорьевичю Плещеву, князь Семену Ивановичю Стародубскому, князь Семену да князь Ивану Дмитриевичемъ Дашковымъ, Ивану Ивановичю Очиму Плещеву, Никите Ивановичю Борисову, по полузолотому Угорскому. Головамъ стрелецкимъ Якову Бундову съ товарищи, по дѣнгѣ золотой. Ивану Булгакову сыну Денисьеву, Ивану Яхонтову, Петру Зайцову, Ѳеодору Пушкину, Михайлу Булгакову сыну Денисьеву, Алексѣю Ершову, Юрью

Осорьину, Меншику Простеву, Ѳедору Булгакову сыну Денисьеву, Михайлу Сунбулову, Юрью Чевкину, Стретью Зюзину, Григорью Злобину, Осенчику Зачесломскому, Темке Игнатьеву, князю Никите Кропоткину, Петру Григорьеву сыну Заболотскому, князю Василью Морткину, Серцу Наумову, Роману Олферьеву, Богдану Посникову сыну Губину, Булгаку Каракадымову, Ушатому Чоголокову, Ѳедору Бельскому, Ѳедору Оксакову, Андрѣю Тимоѳееву сыну Мигалкову, по денге по золотой. Петру Пояркову, Андрѣю Зезевитову, Ивану Карпову сыну Левашову, Меншику Козловскому, Андрѣю Васильеву сыну Плещеву, Данилу Отяеву, Меншику Истлѣньеву, Семену Шенгурскому, князю Ивану Козловскому, Замытне Рожнову, Елке Ржевскому, Ѳедору Милюкову, Василью Степанову, Шаюеру Чоголокову, Семенке Вешнякову, Семену Молвяннинову, Поснику Чюбарову, князю Ивану Мещерскому, Истоме Левашову, Михайлу Бурцову, Дмитрею Пушкину, Ураку Булатову, Аюеру Мокѣеву, Василью Вышеславцову, Ивану Трепареву, Степану Скрыпичину, Ивану Хилюпину, Вешняку Александрову, Ивану Баклановскому, по новгородке. А княжатамъ и дворяномъ большимъ подати по новгородке, и по денге, а инымъ дѣтемъ боярскимъ по денге и двумъ и тремъ денгамъ; а спросить о томъ воеводѣ, какъ велятъ дать. Да съ Иваномъ же послано шесть денегъ золотыхъ, да дватцать новгородокъ золотыхъ на запасъ, да новгородокъ два рубля, да московокъ два руближъ; а спросить воеводѣ, кому велятъ дать.— См. описаніе этого же похода въ *Ник.* VII, 208, 213,

214, *Лс. V*, 22, 23, 32 — 34, *Лит. Норм.* 73, 76 и *Курбск.* 48; но тамъ нигдѣ о Городецкихъ Татаряхъ не сказано ни слова.

Равнымъ образомъ участвовали Городецкіе Татары, а съ ними вмѣстѣ «царевы Шегалеевы люди» — первые съ княземъ Федоромъ Васильевичемъ Сисеевымъ и съ Акъ-сендомъ (см. о немъ выше, пр. 146, стр. 388), а вторые съ княземъ Араемъ — въ военныхъ дѣйствіяхъ конца 1554 и начала 1555 г., когда воеводы наши, князь Иванъ Федоровичъ Мстиславскій и другіе, усмиряли Черемисовъ ¹⁵²⁾.

¹⁵²⁾ *Башм. разр. кн.*: Лѣта 7063 году послалъ государь царь и великий князь Иванъ Васильевичъ всея Росіи воеводъ своихъ Черемисы воевать на луговую сторону въ Кокшагу; и стали собираться съ людьми въ Володимере, и пошли изъ Володимира съ Николаина дни осеннего. Въ большомъ полку: князь Иванъ Федоровичъ Мстиславской, да бояринъ и дворецкой Данило Романовичъ Юрьевъ. Въ передовомъ полку: бояринъ Захарей Петровичъ Яковлевъ, да Михайло Ивановичъ Вороново Волынской; а собирались съ людьми въ Муроме. Въ сторожевомъ полку: бояринъ Михайло Яковлевичъ Морозовъ, да князь Василей Андрѣевичъ Сицкой; а собирались съ людьми въ Суздали. А изъ Галича государь велѣлъ идти воеводамъ въ Черемисужь на три полки, а сходитца съ бояры и воеводами, со княземъ Иваномъ Федоровичемъ Мстиславскимъ, въ одномъ мѣсте; и были они для посылокъ. Въ большомъ полку: Иванъ Петро-

вичъ Яковлевъ Хиронъ. Въ передовомъ полку: Иванъ меншой Васильевичъ Шереметевъ. Въ сторожевомъ полку: князь Василей князь Ивановъ сынъ Такмаковъ Ноздроватой. А какъ воеводы сойдутца Галицкие съ бояры и съ воеводами вмѣстѣ, и нмѣ снйтися по полкомъ, а тѣмъ полкомъ снйтися потомужъ, и быть съ воеводами по полкомъ. Да велѣтъ государь быть отъ бояръ и воеводъ, воеводамъ изъ полковъ въ посылке, а иныхъ головъ въ полки прибавить воеводамъ. Въ болшомъ полку: воевода князь Дмитрей Семеновичъ Шестуновъ, да Василей Ѳедоровъ сынъ Колычовъ. Въ передовомъ полку: Иванъ Ивановичъ Очинъ Плещѣвъ, да Дмитрей Ѳедоровъ сынъ Клущинъ. Въ сторожевомъ полку: князь Ѳедоръ Юрьевичъ Глазатовъ Оболенской, да князь Юрья князь Ѳедоровъ сынъ Борятинской. Другая посылка на трижь полки. Въ болшомъ полку: воевода князь Ѳедоръ Ивановичъ Троекуровъ, да Василей Андрѣевичъ Коробовъ. Въ передовомъ полку: Ѳедоръ Андрѣевичъ Карповъ, да Алексѣй Ершевъ сынъ Анневъ. Въ сторожевомъ полку: Ѳома Ивановъ сынъ Третьяковъ, да Невзоръ, Злобинъ сынъ Чоглоковъ. А третья посылка на трижь полки. Въ болшомъ полку: воевода князь Иванъ Ивановичъ Кашинъ Сущъ, да голова Григорей Злобинъ сынъ Петровъ. Въ передовомъ полку: головы Михайло Ѳедоровъ сынъ Сунбуловъ, да Попадья Ѳедоровъ сынъ Вышеславцовъ. Въ сторожевомъ полку: головы Истома Васильевъ сынъ Чоглоковъ, да Григорей Андрѣевъ сынъ Неплюевъ. А съ Городецкими князи и муры и казаки князь Ѳедоръ князь

Васильевъ сынъ Сисѣевъ, да Аксентъ мурза. А съ царевыми Шегалеевыми люди Арай князь. Съ Темниковскими люди Еникей князь Темниковъ. Съ служилыми Татараы Темка Федоровъ сынъ Игнатъевъ. А на Устюгъ государь послалъ Никиту Васильева сына Борисова. Къ Соли Тимоѣя Пухова сына Тетерина. На Вагу Василья Гундорова сына Тетерина. На Вятку Игнатъя Ушакова сына Заболоцкого, да Елизарья Деятаго сына Ржевского. Въ Пермь Мисюря Григорьева сына Зюзина. А велѣлъ итти въ Казанскіе мѣста съ Устюжскими людьми Никите Борисову, да Тимоѣю да Василью Тетеринымъ. А съ Вятки Игнатъю Заболоцкому, да Елизарью Ржевскому, да съ Игнатъемъ же брату его Федору. А съ Перми Мисюрю Зюзину. — См также *Ник.* VII, 227, *Лв.* V, 60, 61 и *Лѣт. Норм.* 84. По *Баши. разр. кн.* Мстиславскій пошелъ изъ Владиміра на Черемисовъ съ Николина дня осенняго 7063 г., т. е. въ декабрѣ 1554; съ этимъ согласны и указанныя мною лѣтописи, которыя сообщаютъ, что Мстиславскій былъ посланъ съ войскомъ въ слѣдствіе извѣстія, полученнаго государемъ по *Ник.* и *Лв.* въ октябрѣ, а по *Лѣт. Норм.* въ декабрѣ 7063 г., о томъ что «луговые сотники Мамичъ Бердей (Мамышь - Бирды *مامش بېردی*) съ товарищи» (такъ по *Ник.* и *Лв.*; *Лѣт. Норм.* не называетъ сотниковъ по именамъ) не хотять повиноваться. По словамъ лѣтописцевъ (*Ник.* VII, 225; *Лв.* V, 56, 57; *Лѣт. Норм.* 83), воеводы наши раззорили многія Черемисскія волости, а въ томъ числѣ и Мамышь-Бирдыевы; съ извѣсти-

омъ объ этомъ присланъ былъ въ Москву (время въ лѣтописяхъ положительно не означено, но по смыслу видно что въ апрѣлѣ или въ мартѣ 1555 г.) Дмитрей Григорьевичъ Плещеевъ.

Въ концѣ 1555 года Городецкіе Татары и «царевы Шегалеевы люди» были включены, подѣ начальствомъ царевича Астраханскаго Абдуллы Акъ-кубекова, въ составъ Русскаго войска, отправлявшагося противъ Шведовъ. Имъ велѣно было ходить за передовымъ полкомъ. При нихъ приказано было находиться Дмитрію Григорьевичу Плещееву; а при Абдуллѣ, въ качествѣ пристава — Ефиму Игнатьеву Салтыкову. Въ этомъ походѣ, продолжавшемся до начала весны 1556 г., Касимовцы дрались со Шведами подѣ Выборгомъ ¹⁵³).

¹⁵³) *Ник.* VII, 252, 254: Тогоже году (7064) мѣсяца Декабря отпустилъ Царь и великий Князь на свѣиского короля Гостава воеводъ своихъ за его неправду, в большомъ полку бояринъ и воевода князь Петръ Михайловичъ Щенятевъ да бояринъ и воевода князь Дмитрей Ѳедоровичъ Палецкой, в передовомъ полку воеводы Семень да Никита Васильевичи Шеремѣтевы, в правой рукѣ князь Андрѣй Ивановичъ Нохтевъ да Иванъ меншой Васильевичъ Шеремѣтевъ, в лѣвой рукѣ Захарей Ивановичъ Очинъ да Михаило Петровичъ Головинъ, а в сторожевомъ полку князь Дмитрей Семеновичъ Шастуновъ да Петръ Петровичъ Головинъ. Да отпустилъ Государь царевича Асторханскаго Камбулу

Ахкубековича, а с нимъ всѣхъ городецкихъ Татаръ, а велѣлъ ему ходити за первымъ (чит. какъ въ *Лс.* и *Дят. Норм.*: передовымъ) полкомъ, и имъ какъ Государь отпустилъ воеводъ и царевича и велѣлъ в Новѣ городѣ збиратца... Тогожъ году мѣсяца Феврала 7. день прѣѣхалъ отъ воеводъ изъ немецкіе земли Шемяка князь Дмитрей Гагаринъ, а отъ царевича Уразлы мурза Канбаровъ, и сказывали какъ воеводы пришли за рубежъ... пошли к Выбору воюючи по обѣ стороны. И не доходя до Выбора за пять верстъ встрѣтили немцы конные и пѣшие, и пришли на артаульской полкъ, и въ Ертоулѣхъ были князь Микита Приниковъ Ростовской да Федоръ Пушкинъ, и Федора с коня збили и ранили добрѣ, а князя Микиту ранилижъ и полкъ артаульской потоптали. И напустили передовымъ полкомъ Семеновъ да Никита Шерѣметевы, и которые пришли на артаульской полкъ и тѣхъ побили Немцовъ, и гонили ихъ сверсту по гору; а тутъ у нихъ конные и пѣшие многие с пищалми стоятъ, в камение прѣѣздъ к нимъ тѣсень, и тутъ ранили воеводу Никиту Васильевича Шереметева. И поспѣшилъ к нимъ царевичъ Каібула с своимъ полкомъ и учалі с ними тутъ битися; а правой руки воевода Иванъ меншеі Васильевичъ Шереметевъ обшолъ около, и прошелъ нашихъ (чит. какъ въ *Лс.*: пришелъ на нихъ) отъ города отъ Выбора, побили ихъ тутъ наголову, и гоняли по самой Выборъ и многихъ живыхъ поимали королевскихъ дворянъ; а князь Андрей Нохтѣвъ не былъ на бою по тому, былъ боленъ, ногу испортилъ еще на рубежѣ (ср. *Лс.* V,

109, 110, 112—114; ср. также *Лит. Норм.* 93, 94, гдѣ, между прочимъ, по ошибкѣ, царевичъ Кайбула названъ Ихкурековичемъ, а Уразлы мурза Канбаровъ — اورازلی مرزا قنبر اوغلی — Уразлы мурзою Кавмировымъ). *Баши. разр. кн.*: Тогожъ году (7064), ноября въ 9 день, царь и великні князь послали на Свѣйскіе Немцы къ Выбору воеводѣ боярина князя Петра Михайловича Щенятева, да боярина и намѣстника изъ Великого Новгорода князя Дмитрея Ѳедоровича Палецкого, и иныхъ бояръ и воеводъ. А збиралися воеводы съ людьми въ Великомъ Новѣгородѣ, а иные въ Орѣховскомъ уѣздѣ въ Кшиенскомъ погосте. А пошли изъ Новгорода декабря въ 26 день; а наказы писаны князю Петру Щенятеву да князю Дмитрею Палецкому с товарищи. И были воеводы по полкомъ. Въ большомъ полку: бояринъ Петръ Михайловичъ Щенятевъ, да съ Новгорода Великого бояринъ и намѣстникъ князь Дмитрей Ѳедоровичъ Палецкой. Въ передовомъ полку: съ Новгорода Великого дворѣцкой Семень Васильевичъ Шереметевъ, да съ Іванягорода намѣстникъ Никита Васильевичъ Шереметевъ. Въ правой рукѣ князь Андрей Ивановичъ Ногтевъ Суздальской, да Іванъ меншой Васильевичъ Шереметевъ. Въ лѣвой рукѣ: Захарей Ивановичъ Очинъ Плещевъ, да Михайло Петровъ сынъ Головинъ меншой. Въ сторожевомъ полку: князь Дмитрей Семеновичъ Шестуновъ, да Петръ Петровъ сынъ Головинъ. Въ ертоуле были воеводы князь Никита Борисовичъ Прѣимковъ Ростовской, да Ѳеодоръ Михайловъ сынъ Пушкинъ. Да отпустилъ государь царе-

веча Астараханскаго Кайбула Аткубековича, а съ нимъ всѣхъ Городецкихъ Татаръ, а велѣлъ ему ходить за передовымъ полкомъ; приставъ у него Бениъ, прозвище Худякъ, Игнатъевъ сынъ Салтыковъ. А съ Городецкими князьями и мурзы, и со всѣми Мещерскими людьми, и съ царевыми Шегалеевыми людьми Дмитрей Григорьевъ сынъ Плещеевъ. А съ служилыми Татарами Григорей Никитинъ сынъ Сукинъ. Съ Казанскими князьями и мурзы изъ Казани, и съ Новокрещены Поукъ Петровъ сынъ Заболоцкой. Съ нарядомъ князь Григорей князь Григорьевъ сынъ Путятинъ. Съ пѣшими людьми изъ Новгородскихъ пригородковъ и съ Корѣлы князь Никита князь Ивановъ сынъ Мезецкой. Изъ Орѣшка Василей Гундоровъ сынъ Тетеринъ. Изъ Копорья князь Юрья князь Ѳеодоровъ сынъ Нерыцкой. Изъ Ладоги Борисъ Тимоѣевъ сынъ Зачесломской. Съ Іванягорода и съ Ямы князь Дмитрей Шемяка князь Даниловъ сынъ Гагаринъ. И воеводы ходили и воевали до Выбору... А какъ Немецкихъ людей въ томъ походе царевичи и бояра побили подъ Выборомъ и два городка сожгли и землю Свицкую воевали, и ко государю прислали бояра, князь Петръ Михайловичъ Щенятевъ съ товарищи, къ Москвѣ съ сеунчомъ князь Дмитрея Шемяку князь Данилова сына Гагарина, да Василя Борисова сына Сабурова, да Івана Шерапова сына Замыцкого, да Ѳедора Сназмина; а царевичъ съ тогожъ дѣла отпустилъ къ государю съ сеунчомъ Ураглыя Канбарова.

Наконецъ въ 1556 году лѣтомъ, когда распространился слухъ о близкомъ нападеніи Крымцевъ, и государь съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, царемъ Семеномъ Казанскимъ, боярами, воеводами и многими людьми, прибылъ въ г. Серпуховъ, назначенный сборнымъ пунктомъ для войска, то царевичъ Абдулла, незадолго предъ тѣмъ возвратившійся изъ Шведскаго похода, получилъ съ своей стороны приказаніе явиться съ Городецкими Татарами въ Серпуховъ и стать въ Тарусъ, гдѣ должны были расположиться передовой полкъ и правая рука. Вмѣстѣ съ Городецкими Татарами были и «царевы Шегалеевы люди». При нихъ при всѣхъ велѣно было состоятъ Дмитрію Григорьевичу Плещееву, а при Абдуллѣ — Михайлу Матвѣеву сыну Лыкову ¹⁵⁴).

¹⁵⁴) *Ник.* VII, 264, 265: И по тѣмъ вѣстемъ (Крымскимъ) Царь и великнй Князь приговорилъ з братнею и з бояры, что итти ему в Серпуховъ, да тутъ собрався съ людьми да итти на Тулу, и с Тулы вышедши на поле дождатца царя и дѣлати с нимъ прямое дѣло какъ богъ поможетъ... Тогожъ мѣсяца (мая 7064) Царь и великнй Князь приѣхавъ отъ Троицы в четвергъ передъ заговейномъ петровымъ, пошелъ в Серпуховъ, а с нимъ князь Владимиръ Андрѣевичъ, царь Семионъ казанскоі да бояре и воеводы и многие люди; пришелъ в Серпуховъ на заговейно, а велѣлъ у себя быти в Серпухове царевичю Каібуле Ахкубекову цареву сыну астороханскаго, а с нимъ вси князи и мурзы городецкие, а ве-

лѣлъ ему Государь стояти в Торусѣ, да в Торусеже велѣлъ быти передовому полку да правой рукѣ (*Лс. V, 133, 134*, гдѣ не: «Кайбуле», а: «Канболъ», и гдѣ, сверхъ того, слова: «да правой рукѣ» пропущены; *Льт. Норм. 98*, гдѣ вмѣсто: «Тогожъ мѣсяца» и т. д. до конца, читаемъ: «И Царь и Великій Князь пришелъ въ Серпуховъ, Царевичю Кайбулѣ Ахтубекову Цареву сыну Астраханскаго, а с нимъ всѣ Князи и Мурзы городскіе, и велѣлъ ему стоять въ Торусѣ, да въ Торусѣ жъ велѣлъ быти передовому полку въ правой рукѣ»). *Ст. II, 284*: Христолюбивый же Царь слышавъ сія, и поиде въ Серпуховъ, съ нимъ же Князь Владимиръ Андрѣевичъ, и Царь Симіонъ Казанскій, и людіе мнози. Оттуду же Государь хотя итти на Тулу, и на поле, идѣже увѣсть Царя, хоташе съ нимъ брань составить, колико Всесильный Богъ поможетъ ему. Царевичю же Кайбулѣ, сыну Ахтубекову, Астарханскаго Царя, и Княземъ и Мурзамъ Городецкимъ повелѣтъ Государь стояти въ Торусѣ. *Башм. разр. кн.*: Тогожъ лѣта (7064), іюля, царь и великий князь Иванъ Васильевичъ всеа Росіи, для своего дѣла и земского, былъ въ Серпухове, для Крымскаго царя приходу. А съ царемъ и великимъ княземъ братъ его князь Володимиръ Андрѣевичъ, да царь Симеонъ Касаевичъ Казанской; а царевичю Кайбулѣ велѣлъ быти въ Торусе. А въ его царскомъ полку дворовые воеводы князь Иванъ Дмитреевичъ Бѣльской, да бояринъ Иванъ Васильевичъ Шереметевъ большой. Околничей и оружничей Левъ Андрѣевичъ Салтыковъ. А бояра и воеводы были по полкомъ по первой росписи,

какъ были съ весны съ Егорьева дни по берегу. А съ государемъ стояли воеводы по рознымъ городомъ. Большой полкъ стоялъ на устьѣ Поротвы. Передовой полкъ и правая рука стояли въ Торусѣ; да въ Торусѣжъ царевичъ Кайбула, а съ царевичемъ Михайло Матвѣевъ сынъ Лыковъ. Лѣвая рука стояла на Сенкине перевозѣ. Сторожевой полкъ стоялъ на усть Лопасы.

Съ Городецкими князьми и съ казаки и съ царевыми Шегалеевыми людьми Дмитрей Григорьевъ сынъ Плещѣвъ. Съ служилыми Татари Игнатей Тимоѣевъ сынъ Заграской. А съ царемъ и великимъ княземъ съ Москвы. Бояра: князь Дмитрей Ѳеодоровичъ Палецкой, князь Петръ Михайловичъ Щенатевъ, Иванъ Ѳока Семеновичъ Воронцовъ, князь Дмитрей Ивановичъ Курлетевъ, Михайло Яковлевичъ Морозовъ, Семенъ Костянтиновичъ Заболоцкой, Юрья Михайловичъ Воронцовъ, Алексѣй Даниловичъ Басмановъ Плещѣвъ, князь Иванъ Андрѣевичъ Куракинъ, князь Андрѣй Михайловичъ Курбской. Окозничіе: Михайло Васильевичъ Яковлевъ, Володимѣръ Васильевичъ Морозовъ, Яковъ Андрѣевичъ Салтыковъ, Семенъ Дмитриевичъ Пѣшковъ Сабуровъ, Иванъ Яковлевичъ Чоботовъ, Алексѣй Ѳеодоровичъ Адашевъ, Василей Дмитриевичъ Даниловъ, Долмать Ѳеодоровичъ Карповъ, Резанской дворецкой князь Василей Андрѣевичъ Спцкой. Постелничей Игнатей Михайловичъ Вешняковъ. Соколничей Иванъ Жакула Ѳеодоровъ сынъ Наумовъ. Дѣяки: Иванъ Елизаровъ сынъ Цыплетевъ, Иванъ Григорьевъ сынъ Выдраковъ, Иванъ Михайловъ сынъ Висковатого, Андрѣй

Васильевъ, Иванъ Клобуковъ, Иванъ Безсоновъ, Василей Неѣловъ, Василей Колзаковъ, Иванъ Юрьевъ, Ишюкъ Бухаринъ, Юрья Башекинъ, Шестакъ Воронинъ, Данило Вылузгинъ, Петръ Даниловъ, Богданъ Логвинъ; дворовой: Масотъ Вислой. Яселничіе: Василей Григорьевъ сынъ Дровнинъ, Иванъ Васильевъ сынъ Тургеневъ. Рынды были у государя; и рында одинъ большой князь Иванъ Юрьевичъ Голицынъ, а тѣ всѣ безъ мѣстъ были рынды. Съ большимъ саадакомъ князь Иванъ Юрьевичъ Голицынъ; а поддани у него: Аѳонасей Ѳедоровъ сынъ Заграской, Андрѣй Яковлевъ сынъ Щелкаловъ. Съ писанымъ саадакомъ Василей Ивановичъ Умного Колычовъ; а поддани у него: Игнашь Татищевъ, да Семень Кочергинъ. Съ ногтермяннымъ саадакомъ князь Дмитрей Ѳедоровичъ Овчининъ Оболенской; а поддани у него: Кирей Басаргинъ, да Сенка Сулменевъ. Съ рогаминою Замятня Ивановичъ Сабуровъ; а поддани у него: Ѳедоръ Дубенской, да Иванъ Кайшюковъ. Съ копьемъ Андрѣй Ивановичъ Шениъ; а поддани: Ѳедоръ Молчановъ, да Лука Раковъ. Съ копьемъ же Ѳедоръ Васильевичъ Шереметевъ; а поддани у него: Иванъ Дубенской, да Михайло Тетеринъ. Оружничему поддани: Василей Тетеринъ, Тихонъ Тыртовъ. Головы были у государя въ стану въ сторожахъ: князь Иванъ князь Петровъ сынъ Звенигородской, князь Данило Семеновичъ Одоевской, князь Андрѣй Ивановичъ Ногтевъ, князь Иванъ Юрьевичъ Хохоловъ Ростовской, князь Петръ Даниловичъ Пронской, князь Андрѣй Васильевичъ Ногтевъ, Михайло Михайловичъ Тучковъ, князь Иванъ Михай-

ловичъ Хворостининъ, князь Петръ князь Ивановъ сынъ Дѣвъ, Аѳонасей Андрѣвъ сынъ Бутурлинъ. Головы которые были въ посылкахъ отъ государя, а съ ними дворяна и дѣти боярскіе государева полку: князь Андрѣй Ивановичъ Кавтыревъ Ростовской, Петръ да Михайло Петровы дѣти Головина, князь Ѳеодоръ Ивановичъ Троекуровъ, князь Дмитрей Семеновичъ Шестуновъ, Захарей Ивановичъ Очинъ Плещѣвъ, Семенъ Васильевичъ Яковлевъ, князь Василей Ивановичъ Токмаковъ, князь Иванъ Сущъ Ивановичъ Кашинъ. Стольники были въ головахъ: князь Василей Михайловичъ Глинской, Никита Романовичъ Юрьевъ, князь Михайло Петровичъ Репнинъ, князь Петръ Ивановичъ Татевъ. Стряпчей Семенъ Ярцовъ сынъ Нарманской.

Въ концѣ 1557 года Шахъ-Али, въ первые послѣ своего долгаго бездѣйствія, выступаетъ вновь на сцену. Онъ былъ поставленъ во главѣ войска шедшаго противъ Ливоніи. По словамъ лѣтописцевъ, въ войскѣ этомъ состояли и Городецкіе Татары съ ихъ сендомъ; они съ княземъ Юрьемъ Репнинымъ были въ правой рукѣ, гдѣ находился и царевичъ Абдулла Акъ-кубековъ. Еще числился въ войскѣ царевичъ Татарскій, по имени Тохтамышъ. Приставами назначены были: къ Шахъ-Алію—князь Иванъ Михайловичъ Хворостининъ, къ Абдуллѣ—Михайло Ивановичъ Салтыковъ, а къ Тохтамышу—Дмитрей Григорьевичъ Плещеевъ ¹⁵⁵).

¹⁵⁵) Ник. VII, 293, 294: Тогожъ мѣсяца (ноября 27*

7066) Царь и великіи Князь отпустилъ ратию из Маистра ливонского и на всю землю ливонскую... І отпустилъ Государь в боішомъ полку царь Шигалгі, а боярь и воеводъ князь Михайло Васильевичъ Глинскоі да Данило Романовичъ да черкаские князи Ссибокъ з братьею; а в передовомъ полку царевичъ Тахтамышъ, а боярь и воеводъ да Иванъ Васильевичъ Шереметевъ болшеі, да Алексіи Даниловичъ Басмановъ да черкаские князи князь Иванъ Маашикъ з братьею; да в передовомъ же полку Данило Адашевъ, а с нимъ казанские люди ис казани, и изъ Свияги и изъ Чебаскаръ, и Черемиса и новокрещеныі; а в правой рукѣ царевичъ Каібула, а воеводъ бояринъ князь Василеі Семеновичъ Серебреноі да околничей Иванъ Васильевичъ Шереметевъ меншоі; да вправоіже рукѣ князь Юрья Репнинъ, а с нимъ городецкие люди Севтъ и Князи и мурзы; а в левой рукѣ воеводъ бояринъ князь Петръ Семеновичъ Серебреноі да Михайло Петровъ сынъ Головина; а в сторожевомъ полку воеводъ князь Андрѣи Михайловичъ Курбскоі да Петръ Петровъ, а люди немногие с воеводами со всѣми ноугородцкие и псковские всѣ, и московскихъ городовъ выборомъ многие, и с Москвы отпушены царь и воеводы, а велѣлъ Государь в Новогородѣ збиратца с людьми (*Лв.* V, 189, 190, и *Лѣт. Норм.* 116, 117, гдѣ, въ обѣихъ, нѣтъ слова: «немногие», послѣ слова: «люди»). *Ст.* II, 276: И посла на нихъ рать свою, многихъ Воеводъ своихъ, съ ними же и Новоградцы и Псковичи всѣ, и изъ Московскихъ градовъ многіе люди выборомъ, да Царя Шигъ-Алея, и дву Царевичевъ Ор-

днскихъ, иже служажу ему, Тактамыша и Кайбулу, со многими Татари, и Князѣй Черкасскихъ, иже приидоша служити Государю, Сибока съ братією, и Млашика съ братією, и съ прочими Черкасы, и многіе люди изъ Казани, и изъ Свиаги, и Чебоксари, и Черемиса, и Новокрещены, и Городецкіе люди, Сеитъ и Князи и Мурзы. *Башм. разр. кн.*: Тогожь году (7066), генваря, послалъ государь воевать изъ Пскова Ливонские Немецкіе земли зимою, за ихъ неисправленія, царя Шегалея, да царевича Крымского Токтамыша, да Астраханского царевича Кайбула. А съ царемъ Шегалеемъ послалъ государь бояръ и воеводъ князь Михайла Васильевича Глинского съ товарищи. И были въ Ливонской земли по полкомъ. Въ болшомъ полку: царь Шегалей Шегальяровичъ, да съ царемъ Шегалеемъ бояра и воеводы князь Михайло Васильевичъ Глинской, да Данило Романовичъ Юрьевъ; да въ болшомъ же полку съ царемъ Шегалеемъ въ приставехъ князь Иванъ Михайловичъ Хворостининъ; да въ болшомъ же полку съ нарядомъ Иванъ Матвѣевъ сынъ Лыковъ Ляхъ. Въ правой рукѣ: бояринъ и воеводы князь Василей Семеновичъ Серебреной, да околничей Иванъ Васильевичъ меншой Шереметевъ; да въ правой же рукѣ царевичъ Кайбула, въ приставехъ у него Михайло Ивановичъ Салтыковъ; да въ правой же рукѣ съ Темниковскими Татари князь Юрья Петровичъ Репнинъ. Въ передовомъ полку: бояра и воеводы Иванъ Васильевичъ болшой Шереметевъ, да Алексѣй Даниловичъ Басмановъ Плещевъ. И Алексѣй Басмановъ былъ челомъ въ отечестве о мѣстехъ на князь Василья

Серебренного, мимо Івана Шереметева, что князь Василей въ правой рукѣ первой, а онъ въ передовомъ полку другой, и государь Алексѣя пожаловалъ велѣлъ Алексѣю Басманову быть на той службѣ безъ иѣсть.

Да въ передовомъ же полку царевичъ Тохтамышъ, а приставъ у него Дмитрей Григорьевичъ Плещевъ; да въ передовомъ же полку Черкасы князь Іванъ Амошукъ съ братьею, а въ приставехъ у нихъ Ѳеодоръ Вакшеринъ; да въ передовомъ же полку съ Казанскими людьми Данило Ѳеодоровичъ Адашевъ, а съ служилыми Татарами Темка Ѳеодоровъ сынъ Игнатьевъ. Въ сторожевомъ полку: бояринъ и воеводы князь Андрѣй Михайловичъ Курбской, да Петръ Петровичъ Головинъ; да въ сторожевомъ же полку съ Мордвою съ Муромскою Іванъ Семеновъ сынъ Курчовъ, а съ Казанскими съ Муралеемъ и съ Костровымъ съ товарищи, которые были въ Новгороде, Павелъ Заболоцкой. Въ лѣвой рукѣ: бояринъ и воеводы князь Петръ Семеновичъ Серебренной, да Михайло Петровичъ Головинъ; да въ лѣвой же рукѣ съ Нижегородскою Мордвою Іванъ Петровъ сынъ Новосильцовъ. А головы были по полкомъ. Въ большомъ полку: князь Іванъ Мавкашевъ, князь Василей Ивановичъ Борбашинъ, князь Александра Ивановичъ Ярославовъ; князь Петръ князь Ѳеодоровъ сынъ Тростенской, Романъ Григорьевъ сынъ Плещевъ, Юрѣя Андрѣевъ сынъ Пильемовъ, Володимеръ Матвѣевъ сынъ Безобразовъ, Ушатою Васильевъ сынъ Чоглоковъ, Михайло да Ѳеодоръ Шеверъ Борисовы дѣти Чоглокова, Невзоръ Злобинъ сынъ Чоглоковъ, Аонасей Ивановъ сынъ Но-

вокиценовъ, Семень Федоровъ сынъ Нашокинъ. Въ правой рукѣ головы: князь Никита князь Борисовъ сынъ Приимковъ Ростовской, Аонасей Михайловъ сынъ Бутурлинъ, Григорей Папинъ сынъ Вислоуховъ Сабуровъ, Федоръ Семеновъ сынъ Усково, Григорей Ивановъ сынъ Заболоцкой, Иванъ Васильевъ сынъ Шестовъ, Андрѣй Ивановъ сынъ Соловцовъ. Въ передовомъ полку головы: Богданъ Юрьевъ сынъ Сабуровъ, Подья Булгаковъ сынъ Вышеславцовъ, Федоръ Григорьевъ сынъ Сназинъ, Василей да Семень Андрѣевы дѣти Вешняковы, Левашъ да Василей Алтуевы, Дмитрей Федоровъ сынъ Шеверекъ. Въ сторожевомъ полку головы: Борисъ Степановъ сынъ Колычовъ, князь Дмитрей князь Васильевъ сынъ Кропоткинъ, Василей Васильевъ Розладинъ, Никита Григорьевъ сынъ Яхонтовъ, Дмитрей Куровъ сынъ Непейцынъ. Въ лѣвой рукѣ головы: Нелюбъ да Василей Федоровы дѣти Колычовы, Федоръ Ивановъ сынъ Лыковъ, Алексѣй Васильевъ сынъ Левашевъ, Петръ Андрѣевъ сынъ Поярковъ (ср. *Др. Висл.* XIII, 269 — 274; такъ порядокъ изложенія соблюденъ не тотъ, жалобы Басманова недостаетъ, и видна нѣкоторая, хотя и незначительная, разнища въ именахъ собственныхъ; замѣчательно, что какъ въ *Башм. разр. кн.*, такъ и въ *Др. Висл.*, не сказано ни слова о Городецкихъ Татаряхъ, и что съ княземъ Юрьемъ Репниннымъ поименованы не они, а Татары Темниковскіе).

О царевичѣ Тохтамышѣ (توقنامش) мнѣ до сихъ поръ не случалось еще говорить ни разу. Чтобы нѣ-

сколько ознакомить читателей съ лицомъ этимъ, имя котораго въ послѣдствіи будетъ встрѣчаться у меня довольно часто, постараюсь очертить его предшествовавшую жизнь.

Въ первое время Тохтамышъ жилъ долго въ Крыму; отъ того и въ разрядахъ зовется онъ царевичемъ Крымскимъ. Лѣтописцы Русскіе утверждаютъ даже, будто Крымцы хотѣли возвести его у себя на престолъ, убивъ тогдашняго хана своего Даулетъ-гирея, сына Мубарекъ-гирея. Едва ли это можетъ быть справедливо, потому что ханами въ Крыму бывали одни гиреи; Тохтамышъ же, какъ мы увидимъ, гиреемъ не былъ. Такъ или иначе, а кончилось тѣмъ, что Тохтамышъ около 1556 г. бѣжалъ изъ Крыма къ Ногайцамъ, именно къ Исмаилу князю. Узнавъ объ этомъ, государь Иванъ Васильевичъ, вѣроятно изъ расчетовъ политическихъ, чтобы досадить Даулетъ-гирею, рѣшился перезвать царевича къ себѣ. Съ этою цѣлью, отправляя въ іюлѣ 1556 г. обратно посла Исмаилова Бикчурю (بيکچورا), въ сопровожденіи своихъ служивыхъ Татаръ Байбирды Тамшева (بای بیردی طایش اوغلی) и другихъ (*Прод. Древн. Росс. Визл.* IX, 226), включилъ онъ въ грамоты къ Исмаилу и къ сыну его Мухаммедъ-мурзѣ требованіе отпустить въ Россію Тохтамыша не мѣшая. Иванъ, между прочимъ, ссылаясь и на то, будто его просилъ заявить это требованіе Шахъ-Али, родственникъ царевича. Вотъ подлинныя слова государя, извлеченныя изъ грамоты къ Исмаилу, писанной на Москвѣ въ іюлѣ 7064 (1556) г.: «Да еще слово наше то: билъ намъ челомъ

Шигай Царь, что братъ ево *Тахтамышъ* Царевичъ изъ *Крыму* прибежалъ къ тебѣ, и намъ бы его для *Тахтамышъ* Царевича взяти къ себѣ... И ты бы *Тахтамышъ* Царевича отпустилъ къ намъ съ нашими казаки. А поехалъ бы къ намъ на *Казань*. А *Тахтамышъ* Царевичъ надобенъ намъ нашего для дѣла и твоего для дѣла. Инокъ бы еси того неучинилъ одноконечно бы еси его въборзе прислалъ къ намъ» (*Прод. Древн. Росс. Висл.* IX, 229, 230). А вотъ что въ это же самое время писалъ Иванъ къ Мухаммедъ - мурзѣ: «Да еще слово наше то, билъ намъ челомъ *Шигай* Царь, что братъ ево *Тахтамышъ* Царевичъ прибѣжалъ изъ *Крыму* къ намъ и намъ бы для ево *Тахтамышъ* Царевича взяти къ себѣ. И мы къ отцу твоему къ *Исмаилу* Князю писали, чтобъ *Тахтамышъ* Царевича къ намъ отпустилъ съ нашими Казаки зъ *Баиберею* *Тошшевы*мъ съ таварищи. И тыбъ отцу своему говорилъ, чтобъ ево въборзе къ намъ отпустилъ; инкобъ есте тово не учинили, одноконечно бы есте ево въборзе *Казанскою* дорогою къ намъ прислали» (*Прод. Древн. Росс. Висл.* IX, 232, 233). Вместе съ тѣмъ отправилъ государь и особую грамоту къ самому *Тохтамышу*, въ которой приглашалъ его къ себѣ, обѣщая принять его милостиво, и даже пожаловать ему городъ. Ханъ *Шахъ - Али*, вѣроятно по наущенію *Ивана* же, съ своей стороны послалъ тогда же съ письмомъ къ царевичу казаковъ своихъ *Ярыгамыша* *Шахрухова* (يارلبغاميش شاهرخ اوغلى) съ товарищами. Грамота писанная *Иваномъ* къ *Тохтамышу* дошла до васъ. Приведу ее вполнѣ: «Божіею милостію

отъ Царя и великаго Князя Ивана *Василевича* всеа Руссїи слово то *Тахтамышъ* Салтану. Присылалъ къ намъ бити челомъ братъ *Шигалъ* Царь, что ты ему въ роду братъ ближній; и нвоу ему такоу брата близка нѣтъ. И намъ бы тебя взяти къ себѣ и юртомъ устроити. И мы ныне послали къ тебѣ своихъ Казаковъ *Баиберию Тошисеа* съ таварищи съ сею своею грамотою. А братъ нашъ *Шигалъ* Царь послалъ къ тебѣ своихъ Казаковъ *Юрлагамыша Шаерукова* съ таварищи съ своею грамотою. И тыбъ *Тахтамышъ* Салтанъ поехалъ къ намъ по сей нашей грамоте. А мы тебя въ своей землѣ юртомъ добрымъ устроимъ, и въ великой любви себѣ учинимъ, и почестъ тебѣ у себя учинимъ свыше иныхъ Царевичевъ. А которое слово о любви молвили есмя и то слово нико не будетъ. Одноконечнобъ еси къ намъ ехалъ безовсякаго сумнѣнія. А ся тебѣ наша грамота и опасная. Молвя крепково для слова печать свою на утверженъе къ сей грамоте приложилъ есми. Лѣта 7064 Юля мѣсяца 25» (*Прод. Древн. Росс. Висл.* IX, 236, 237). *Тохтамышъ* рѣшился принять благосклонный призывъ Ивана, и съ согласія *Исмаила*—согласія, которое князь *Ногайскій* не преминулъ поставить себѣ въ послѣдствіи въ особую заслугу (*Прод. Древн. Росс. Висл.* IX, 299, 300, 305)—выѣхалъ въ Россію въ томъ же 1556 году. «Тогожъ мѣсяца (декабря 7065)», читаемъ въ *Ник.* VII, 276, «пришолъ изъ *Нагаі* царевичъ *Тахтамышъ*, а царю *Шигалю* братъ, а былъ много лѣтъ въ *Крыме* и хотѣли его на царство, а девлетъ *Кирѣа* убити хотѣли; и царь свѣдалъ, отъ того убе-

регся, и Тахтамышъ в Нагаі выбежалъ к Исмаилу князю, и Исмаилъ его отпустилъ служить Царю и великому Князю, а с нимъ прислалъ посла своего Бичюру» (*Лв.* V, 156; *Лит. Норм.* 105). Вместе съ Тохтамышемъ прибылъ и одинъ мурза, по имени Санинъ (صاین), или какъ онъ звался въ Дѣлахъ Ногайскихъ и въ лѣтописяхъ, Семень (*Прод. Древн. Росс. Визл.* X, 128, 216, 223). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ пріѣзда въ Россію Тохтамыша, князь Исмаилъ обратился было къ Ивану съ просьбой послать царевича къ Ивану Черемисинову въ Астрахань, уже покоренную нами, представляя какъ это было бы выгодно для Русскихъ и Ногайцевъ, къ которымъ Тохтамышъ былъ одинаково преданъ, пріятно простому народу Астраханскому, и полезно на случай войны съ Крымомъ. «Да просишь у тебя», писалъ Исмаилъ Ивану въ грамотѣ, присланной имъ въ іюль 1557 г., «*Тахтамыша* Царевича, чтобъ еси его Сываномъ съ Черемисиновымъ съкошевалъ. А онъ не съ твоего слова не выступилъ, а изъ нашего слова не выступилъ же. Добро тебѣ и *Крыма* воевати. А *Астараханскимъ* людямъ чернымъ о немъ держатися будетъ добро» (*Прод. Древн. Росс. Визл.* IX, 286, 287). Просьба Исмаила была оставлена государемъ безъ вниманія. Иванъ имѣлъ ее даже такъ мало въ виду, что не далѣе какъ въ августъ 1557 г. (*Прод. Древн. Росс. Визл.* IX, 290—292, 293—295), потребовалъ отъ Исмаила, чтобъ онъ выслалъ въ Россію жену Тохтамыша, которая съ дочерью жила у отца своего Кутумъ-мурзы. Съ этимъ же требованіемъ

обратился онъ и прямо къ Кутуму; въ самой Россіи приняты были мѣры для свободнаго проѣзда жены и дочери Тохтамыша, куда бы онѣ ни выѣхали изъ Ногайскихъ улусовъ. (Изъ женъ Тохтамыша, кромѣ дочери Кутумъ-мурзы, извѣстна еще одна, дочь какого-то сенда, съ которою царевичъ, въ бытность свою въ Россіи, около 1560 г. развелся, и которую Иванъ отпустилъ тогда, по просьбѣ Исмаила, назадъ къ ея отцу; см. *Прод. Древн. Росс. Висл.* X, 94, 95, 100, 107).

Откуда собственно былъ родомъ Тохтамышъ, данныя объ этомъ увидимъ ниже въ статьѣ: «Саянъ-пуладъ».

Походъ Шахъ-Алія въ Ливонію не былъ продолжителенъ, но составляетъ одну изъ значительнѣйшихъ эпохъ въ его жизни. Время это ознаменовалось важными подвигами. Войска наши въ январѣ 1558 г. вступили въ Ливонію, произвели въ ней страшныя опустошенія, нѣсколько разъ разбивали Нѣмцовъ, подходили къ Дерпту, были недалеко отъ Ревеля и Риги, и наконецъ обремененные добычею и обогранные кровью, въ февралѣ, вышли обратно на Русскую границу. Разоривъ и наказавъ Нѣмцовъ, Шахъ-Али и главные воеводы наши послали къ нимъ грамоту, въ которой писали, что ихъ земля пострадала за свои грѣхи, и предлагали имъ смириться предъ государемъ Московскимъ, обѣщая съ своей стороны ходатайствовать въ ихъ пользу. Съ извѣстіемъ объ успѣхахъ нашего оружія пріѣзжали въ Москву отъ Шахъ-Алія и царевичей (Абдуллы и

Тохтамыш), князь Канбаровъ и Саянъ-мурза, а отъ воеводъ, князь Василий Ивановичъ Барбашина и голова стрѣleckой Тимофей Ивановъ Тетеринъ ¹⁵⁶⁾).

¹⁵⁶⁾ *Ник.* VII, 296, 297: Тогожъ мѣсяца в масленое заговение прѣѣхалъ ко Царю и великому Князю изъ Немець отъ царя Шигалѣя и отъ царевичей Уразлы князь Канбарова Мангитъ да Семень мурза Княдъ, а отъ бояръ и воеводъ отъ князя Михаила Васильевича Глинского с товарищи князь Василей Ивановичъ Борбошинъ да голова стрѣleckой Тимоѣеі Ивановъ сынъ Тетерина, а сказывали Государю отъ царя и отъ царевичевъ и отъ воеводъ (*Лв.* V, 196, и *Лѣт. Норм.* 119, гдѣ вѣсто: «Уразлы князь Канбарова Мангитъ да Семень мурза Княдъ», стоитъ въ *Лв.*: «Уразлы Князя Какъ Баровъ Мангитъ, да Семень Мурза Князь», а въ *Лѣт. Норм.*: «Уразлы Князь Кабаровъ Мангаевъ, да Семей Мурза Инятъ»). *Башм. разр. км.*: И царь и царевичи и воеводы воевали въ Немецкой земли Новгородокъ, Алысть, Корсловъ, Бабей городокъ, Юрьевъ, подле Литовской рубежъ, а городъ Костеръ взяли и многие мѣста воевали до Риги и до Колывани. И со вѣсми людьми вышли, далъ Богъ здорово, а къ государю царь Шегалей съ царевичи прислали съ сеунчомъ князь Ивана Канбарова, а бояра и воеводы съ сеунчомъ прислали князь Василья Ивановича Барбашина, да голову стрѣleckого Тимоѣя Иванова сына Тетерина. — Князь Уразлы Канбаровъ, названный въ *Башм. разр. км.* Иваномъ, никто иной, какъ тотъ самый Уразлы мурза Канбаровъ, кото-

раго еще въ 1556 г. царевичъ Абдулла присылалъ къ государю съ извѣстіемъ о ходѣ военныхъ дѣйствій противъ Шведовъ (см. выше, пр. 153, стр. 413, 414). Князь Канбаровъ въ разрядахъ весьма часто зовется Иваномъ, и даже Уразлы Иваномъ: либо онъ крестился, и получилъ имя Ивана, либо христіанское имя служило ему только прозвищемъ. Происходилъ онъ, какъ думать должно, изъ извѣстнаго рода: Мангытъ (منگیت). Названіе Канбарова (قنبر اوغلی) было не отчествомъ Уразлы, а замѣняло ему фамилію; думаю я это потому, что въ разрядахъ онъ иногда зовется и Ахматевымъ (Магметевымъ, и пр.) т. е. сыномъ Акъ-Мухаммеда (آق محمد). — Саниъ (Семенъ) мурза, какъ я уже замѣтилъ выше (пр. 155, стр. 427), выѣхалъ въ Россію вмѣстѣ съ царевичемъ Тохтамышемъ въ 1556 г. Слово: Князь (Квязь, Инятъ), стоящее въ приведенной мною выпискѣ изъ лѣтописей послѣ имени Саниа, слѣдуетъ читать: Китай. Китаемъ зовется Саниъ-мурза въ Дѣлахъ Ногайскихъ (см. напр. *Прод. Древн. Росс. Висл.* IX, 287); даже въ лѣтописяхъ, въ другихъ мѣстахъ, какъ мы увидимъ ниже, пишется онъ иногда Китаемъ. Слово Китай объяснить не трудно: былъ, и даже до сихъ поръ существуетъ (между прочимъ въ Бухарѣ у Узбековъ; см. Н. Ханыковъ. Описаніе Бухарскаго Ханства, стр. 61) родъ Хытай (خٹای), изъ котораго вѣроятно и происходилъ Саниъ-мурза.

Любопытныя свѣдѣнія о личности, характерѣ и образѣ дѣйствій Шахъ - Алія, въ продолженіи его

кратковременнаго похода въ Ливонію, сохранились у Нѣмецкихъ современныхъ лѣтописцевъ. Мнѣнія ихъ о Шахъ - Али различны.

Одни придаютъ Шахъ - Алию нравъ свирѣпый. Саломонъ Геннингъ (род. въ 1528, ум. въ 1589 г.), сподвижникъ и другъ Кетлера, послѣдняго магистра Ливонскаго, съ негодованіемъ описываетъ его безчеловѣчныя поступки. «Der Oberste Feldherr desselben Zuges», пишетъ онъ въ своей: *Liffländische Churländische Chronica (Scriptores rerum Livonicarum, II)*, стр. 222, 223, «nendt sich ein Tartarischen Keyser *Zerzigaley*, welcher gar Tyrannisch vnd vn-menschlich in demselben Zuge, gewütet vnd getobt. Denn er Schwangere frawen voneinander gehawen, vnd die frucht jhres leibes, wie auch andere geborne junge Kinderlein mehr, an die Zaunstecken gespisset, Alte vnd junge leute nidergeworffen, sie in den seiten auffgeschnitten, Büchsenpuluer darein gestrewet, das angestecket, vnd die arme leute, ohn enig erbarmen von einander gesprengt. Item vielen vnzelichen, die Halssknochen an den Gurgeln entzwey gehawen, vnd sie so mit halb ab gehawenen helsen liegen lassen, biss sie mit grosser angst vnnnd schmerzen, in jrem Blut ersticket, vnd also dem lieben Gott jhre Seelen auffgeopffert. Sie haben jhrer auch viel mit fettem Kyen oder Pergel holtz gespicket, gebunden, vnd so Todt verbrennen lassen. Frawen vnd Jungfern, wie Hunde, nacheinander geschendet. die darvon nicht Todt blieben, sein gefenglich vnd jem-

merlich, vnwerder als das Viehe weg geschleppt, zum theil zur schande, zum theil den Tattern zuuerkeuffen behalten vnd verwahret worden. Die junge seugende Kinder, den Müttern von den Brüsten gerissen, Hende, Füsse vnd Köpffe abgehawen, Das Eingeweyde aus jhnen genommen, Die Leichnam an die Spiesse gesteckt, gebraten oder gekochet, vnd also jhren Teuffelischen blutdürstigen hunger gestillet. Summa wer kan vor hertzleid alle grausamkeit desselben Tartarischen Wüterichts erzelen, vnangesehen, dz er hernacher aus der Mosskaw an die Liefflendische Stende geschrieben, mehr aus betrug, als aus guter meinung, *Instar Crocodili*, Es were jhme, was in Lief-land geschehen, leid. Sie solten gedencken, das sie Gott also vmb jrer Sünden willen geschlagen, weil sie seinem Herrn, dem Grossfürsten, vorgelogen. Sie solten sich noch demütigen, jhr Heupt schlagen, den Tribut bringen, vnd vmb gnade bitten. So wolt er verhoffen, durch sein vorbitt des Grossfürsten Zorn zu stillen, vnd wider friede zumachen» ¹⁵⁷⁾.

¹⁵⁷⁾ Въ томъ же духѣ описываютъ Шахъ - Алія Гернъ и Кельхъ, историки 17-го столѣтія. Впрочемъ у нихъ новаго о ханѣ ничего нѣтъ. Оба они при разсказѣ о жестокихъ поступкахъ Шахъ-Алія слѣдовали Геннингу, заимствуя остальные подробности объ его Ливонскомъ походѣ изъ Руссова, и другихъ источниковъ. Приведу подлинныя слова обоихъ авторовъ. *Hiärn*, Est-, Lyf- und Lettlaendische Geschichte (*Monumenta Livoniae*

antiquae, I), стр. 212, 213: Unterdessen, ehe die Legaten die Post bringen konten, sandte der Moscowiter seinen Feld- Herrn, welcher sich einen Tartarischen Keyser nannte, Czar *Zygaley*, mit 40,000 Mann, der kam den 22sten January des 1558sten Jahres in Lyfland, und durchstreifete das Stifft *Dorpt* und *Wirland* bis an die Narva mit erschrecklicher Tyranney, indem er schwangere Frauen von einander hauen, die Frucht ihrer Leiber, wie auch andere gebohrne junge Kinder mehr an die Zaun-Stecken spiessen, alte und junge Leute niederwerffen, ihnen in die Seiten Pulver streuen, dasselbe anstecken und die armen Leute ohn einigts Erbarmen von einander sprengen liess; viel sind mit fetten Kijn- oder Pergel-Holtz gespicket, und also verbrannt worden. Frau und Jungfrauen wurden als Hunde nach einander geschändet, und die davon nicht sturben, ärger als das Viehe Theils zur Schande, Theils den Tartarn zu verkauffen, weggetrieben . . . Nachdem nu dieser Czar *Zigaley* den Zug in Lyfland gethan, und sich wieder aus dem Lande zurück begeben hatte, und etliche Tage auf der Grentze bei der Narva seines Kriegs-Volckes, so in Lyfland noch hin und wieder zerstreuet war, erwartete, kompt eine Post aus *Moscau* mit des Grossfürsten Brief und Befehl an ihn, dass er in seinem eigenen Nahmen an alle Lyfländische Stände schreiben, und sie noch zum Überflus ihres Versprechens, durch den letzten Legaten geschehen, erinnern und vermahnen sollte. Drauf schrieb zwar Czar *Zigaley* an alle Lyfländische Herren und Stände im Februario: Dass, weil

die Lyfländer an den Keyser aller Reussen die Versprechung nicht gehalten, sondern ihn mit Unwarheit hintergangen, were der Keyser aller Reussen desshalber verursacht worden, sie zu bekriegen, und solchen Krieg und Blutvergiessen hetten sie (die Lyfländer) sich selbst durch ihre Ungerechtigkeit über ihr Land gezogen: So sie aber das Land ferner unverheeret und unverdorben haben wolten, solten sie von Stunde an ihre Legation mit dem versprochenen Gelde an den Grossfürsten schicken. Wenn die Legaten mit dem Gelde da wären, alsdenn wolte er mit den andern Kneßen und Woywoden eine Vorbitte thun für die Lyfländer, damit kein Menschen Blut in Lyfland mehr möchte vergossen werden. *Kelch*, Liefländische Historia, oder Kurtze Beschreibung der Denkwürdigsten Kriegs- und Friedens- Geschichte Esth- Lief- und Lettlandes, etc. Verlegt Johann Mehner, Buchhändler in Revall, im Jahr 1695, стр. 223, 224: *Iwan Wasilewitz* liess... seine Armee aber 40000. Mann starck, unter dem *Commando* eines Tartarischen Fürsten, *Czar Sigaley* genannt, den geraden Weg eben dahin gehen, der denn kurtz nach der Gesandten Ankunfft, und zwar Anno 1558. den 22. *Januarii* in Liefland einfiel... Denn *Czar Sigaley*, der ein grausamer Wütherig war, liess Alte und Junge niedersäbeln, unmündige Kinder an Pfähle spiessen, vielen Leuten Löcher in die Seiten schneiden, Bücksen-Pulver hinein schütten, und selbige damit von einander sprengen. Viel Frauen und Jungfrauen, von vornehmen Stande, wurden öffentlich geschändet,

und folgendс nach der Tartarey geführet, alles was fort zubringen stand, wurde weggeraubet, und das übrige angezündet und verbrand. Und nachdem *Czar Sigaley* also eine gute Probe der Tartarischen Tyranney abgelegt, nahm er mit Ausgang des *Februarii* aus Liefland seinen Abschied, wie die Katze aus dem Tauben- Hause, und gieng über Narva nach Ivanogrod, woselbst er ein Feldlager schlug, und noch des unglückseligen Lieflandes spottete, da er an die Stände desselben ein Schreiben dieses Inhalts abgehen liess: Es wäre ihm leid, das Liefland in solches Unglück gerathen; Sie solten aber gedencken, dass sie solches mit ihren Sünden verdienet hätten, weil sie dem Gross- Fürsten aller Russen vorgelogen, möchten sich aber noch demüthigen, den *Tribut* bringen, und um Gnade bitten, so wolte er nebst andern *Kneesen* bey dem Gross-Fürsten vor sie *intercediren*, dass nicht mehr Blut im Lief- land möchte vergossen werden.

Дурно отзывается о Шахъ-Алиѣ и Бреденбахъ. Но у него въ разсказѣ нельзя не замѣтить двухъ обстоятельствъ. Во *первыхъ*, Бреденбахъ говоритъ о Шахъ-Алиѣ нѣсколько позже упоминаемой мною эпохи, именно называетъ его главнымъ начальникомъ войска Русскаго, дѣйствовавшаго противъ Дерпта въ июлѣ 1558 г. Въ этомъ авторъ ошибается, хотя онъ и писалъ при помощи очевидца Ф. Олммена, и въ добавокъ самъ былъ въ числѣ осажденныхъ (*Dionysii Fabricii Praepositi pontificii Felinensis Livonicae historiae compen-*

diosa series, въ *Scriptores rerum Livonicarum*, II, стр. 468). Осаду велъ и городъ взялъ, какъ мы знаемъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, князь Петръ Ивановичъ Шуйскій. Во *вторыхъ*, Бреденбахъ страннымъ образомъ искажаетъ самое имя Шахъ-Алія, и рассказываетъ про него ни на чемъ не основанную басню. По его словамъ, Шахъ-Али былъ родомъ Русскій, и звался: Петръ Сисегалейдеръ; имя же свое получилъ отъ семи трехъ-весельныхъ галеръ, въ главѣ которыхъ онъ прежде производилъ морскіе разбой. Придавая Сисегалейдеру имя Петра, и называя его Русскимъ, Бреденбахъ, вѣроятно, былъ введенъ въ заблужденіе именемъ Петра, которое носилъ Русскій военачальникъ князь Шуйскій; создать морскаго разбойника Сисегалейдера онъ могъ всего легче изъ двухъ лицъ: Русскаго воеводы Петра Шуйскаго и Татарскаго царя Шахъ-Алія. Вотъ подлинныя слова Бреденбаха по тексту: Tilemanni Bredenbachii et Philippi Olmeni, Belli Livonici Historia (статья: Tertii belli descriptio quod Magnus Ruthenorum Imperator contra Livones gessit anno 1558 quo civitas et provincia Torpatensis a Principe Moscovitarum expugnata, victa et subjugata est), напечатанному въ *Hist. Ruth. script. ext.* I, стр. 21: «Rutheni equites numero triginta millia pergunt in Torpatensem provinciam, obvios quosque Germanos trucidant, alios plebeji ordinis homines, quotquot parati erant, magno Moscoviae Duci subijci, illi parere et jurejurando obstringi, hos in gratiam recipiunt. Imperator Ruthenorum, quoniam

ipse bello non intererat, praefecerat exercitui Ducem quendam Moscovium, cui nomen Petro Sisegaleider, a septem Triremibus Galeaceis, quibus in mari prae-fuerat, et piraticam exercuerat, ita appellatus. Hic cum universo exercitu, videlicet quatuor agminibus Ruthenorum seu Moscoviorum, uno Tartarorum, quorum erant triginta millia, et altero tormentariorum seu scolopetariorum qui duodecim millia constituebant, machinis quoque et tormentis aereis praegrandibus, tanto inquam, cum exercitu, ad obsidendum Torpatum progreditur. Interea quosdam Germanos deprehendens, viros brachiis truncat, feminis ubera et nares abscindit, hos tam misere et crudeliter deformatos, Torpatum praemittit, denuntiat ut civitatem dedant, in Moscovii Principis imperium concedant, ni faciant, omnes eadem et graviori poena plectendos¹⁵⁸⁾.

¹⁵⁸⁾ Ср. современный Голландскій переводъ Бреденбахова сочиненія, изданный въ Антверпенѣ въ 1564 г., подъ заглавіемъ: Die Historie vander orloge die den grooten Vorst vander Moschou ghevoert heeft teghens den Lijflanders, eerst int latijn beschreuen, deur Meester Tilman van Bredenbach, ende nu te dienst der ghemeynten ende vrome coopvaerders ouerghestelde in nederlantsche duytsche sprake, met een corte beschryuinghe vander victorien, die God almachtich den Christenen (namelijck die vander Littauwen) weder verleent heeft teghens den Moschouyters. Ghedruct tot Antwerpen op de Camerpoorthrugghen inden gulden Enghel. An. 1564. ■ въ

нѣтъ статью: *Vande derde orloghe, de welcke vanden grooten ende machtighen Vorst van Moschoouien ghevoert werdt teghen die van Lijfflandt, int iaer 1558. deur de welcke de stadt metten gheheelen lande van Torpat ghedestruert, ghewonnen ende ghebrucht werdt onder de subiectie vande Prince van Moschoouien*, стр. 47. Ср. также Нѣмецкій переводъ Бреденбахова описанія войны 1558 г.: *Tielemann Bredenbach's Beschreibung des dritten Livländischen Krieges, den der grosse Kaiser von Russland (Rutenorum Imperator) gegen die Livländer im Jahre 1558 geführt hat, durch welchen das Stift und die Stadt Dorpat von dem Fürsten der Moscowiter erobert und unterjocht worden ist*, составленный Л. ф. Тизенгаузенемъ, и напечатанный въ: *Archiv für die Geschichte Liv-, Esth- und Curlands*, herausgegeben von Dr. F. G. von Bunge. Erster Band. Zweite, durch neue Artikel vermehrte Auflage. Reval, 1857, стр. 184, 185. Въ переводѣ г. Тизенгаузена предъ Сисегалейдеромъ имени Петра нѣтъ; сказано просто: «*einem Moskowiter, Namens Sisegaleider*». Нелѣпый разсказъ Бреденбаха о Сисегалейдерѣ читаетъ и у Гваггинна въ его: *Regum Polonicarum Tomi tres*. Francoforti, 1584, стр. 703, 704, въ статьѣ: *Tertii belli descriptio, quod Magnus Ruthenorum Imperator contra Livones gessit*, ан. 1558. quo ciuitas et prouincia Torpatensis a Principe Moschoouitarum expugnata, victa, et subiugata est, статьѣ, которая вся цѣлкомъ перепечатана изъ Бреденбаха. Этотъ же самый разсказъ находимъ и у Венатора (*Johann Caspar Venator*) въ его: *Historischer Bericht von dem Marianisch-Teutschen Rit-*

ter-Orden, etc. Nürnberg, 1680, стр. 293. Изъ сочиненій Гваггини и Венатора повѣсть о морскомъ разбойникѣ Петрѣ Сиссегалейдерѣ и о взятіи имъ Дерпта перешла и къ Кельху въ его: *Liefländische Historia*, стр. 229. Всего любопытнѣе то, что встрѣчаемъ мы рассказы о Сиссегалейдерѣ и въ Русскихъ сочиненіяхъ. Такъ въ *Подр.* *лет.* III, 10, сказано: «Царь Іоаннъ Васильевичъ послалъ армию свою триста тысячъ подъ командою Петра Сиссегалейдинъ славнаго морскаго разбойника, бывшаго при Понтѣ Евксинскомъ; то есть при Черномъ морѣ, которой вшедь въ Нарвской дистриктъ, все плѣнилъ мечемъ и огнемъ, атаковавъ же градъ Нарву въ девятой день взялъ; оттуда пошедь градъ Дерптъ осадилъ».

Другіе писатели Нѣмецкіе далеко не такъ строги въ сужденіяхъ о Шахъ-Алиѣ, какъ Геннингъ и Бреденбахъ. Балтазаръ Руссовъ, Ревельскій уроженецъ и пасторъ въ Ревелѣ (ум. въ 1600 г.), говоритъ объ опустошеніяхъ, произведенныхъ въ январѣ и февралѣ 1558 г. въ Ливоніи Русскимъ войскомъ подъ начальствомъ Шахъ-Алиа, но прямо его не обвиняетъ, и не приводитъ примѣровъ его жестокости. «Анно 1558. den 22. Januarij», пишетъ онъ въ своей: *Chronica der Prövitnz Lyfflandt (Scriptores rerum Livonicarum, II)*, стр. 53, «ys de Muscowiter mit geweldiger Heereskrafft in Lyfflandt gefallen, vnde hefft de Lande im Stift Riga, Dörpt vnde Wyrlandt anertagen, vnde dar gerouet, gebrandt vnde gemordet, vnde einen groten schaden gedan mit mordende,

rouende, bernende vnde wechförende, ane yeningen wedderstandt der Lyfflender, vnde wat he van Vehe vnde Korn nicht hefft wechfören können, dat hefft he tho nichte gemaket, vnde gantz vele Vehes in de Schünnen gedreuen, vnde de Schüne darna angetzündet vnde mit dem Vehe vorbrandt... Vnde also des Muscowiters Krygesauerste vnde Feldther Czer *Sigaley*, ein Tater-scher gefangener Köninck, den Toch in Lyfflandt gedan, vnde sick wedder tho rügge vth dem Lande begeuen hadde, vnde etlicke dage vp der Grentze by der Narue synes Krygesvolcks, so noch in Lyfflandt hen vnd wedder des Roues haluen vorstrouwet was, vorwachtete, Do kumpt ylich ein Post vth der Muscow mit des Grothförsten breue an em, dar de Grothförste in schreff, dat Czer *Sigaley* in synem eigen namen an alle Lyfflendische Stende schryuen, vnde se erer Löffte vnde thosage dorch den lesten Legaten geschehen, noch thor auerflot erinnern vnde vormanen scholde. Darup hefft Czer *Sigaley* an alle Lyfflendische Heren vnde Stende stracks in dem Februario Anno 1558. geschreuen, disser meinung also: Dewyle de Lyfflender dem Keyser aller Rüssen, de thosage vnde löffte nicht gehalten, besundern em vorgelagen hadden, were de Keyser aller Rüssen derhaluen vororsaket geworden, se tho bekrygende, vnde solcken Krych vnde Blodtuorgetendt hedden se de Lyfflender siluest dorch ere vngerechticheit vp er Landt gebracht. So se auerst ere Landt verner vnuorheret vnde vnuordoruen hebben wolden, scholden se van

stunde an ere Bodeschop mit dem thogesechten Gelde an den Grothförsten schicken, wenn de Bödeschop mit dem Gelde dar were, alse denn wolde he neuenst anderen Knesen vnde Weywoden eine vorbede vor de Lyfflender don, vp dat kein Minschen blodt in Lyfflandt mehr möchte vorgaten werden». Францъ Ніенштедтъ, бургомистръ въ Ригѣ и въ послѣдствіи бургрфаъ (род. въ 1540, ум. въ 1622 г.), писатель извѣстный, даже хвалитъ Шахъ - Алія и называетъ его человѣкомъ разумнымъ. «Wie nun der versiegelte Zinss nicht erfolgete», читаемъ въ его: *Livländicche Chronik (Monumenta Livoniae antiquae, II)*, стр. 48, «da versammlte der Grossfürst zu *Plescow* ein gross Herr, vnd setzete zum obersten Feldherren einen Tartarischen Herren mit Nahmen *Zaer Zigallee*. Dieser war ein ansehnlicher, grosser Mann von Persohn, vnd auch verständig vnd bescheiden. Er zog Anno 1558 den 25. Januarii mit 40,000 Mann in Liefelandt, vnd theilete das Heer in drey Hauffen. Sobâld sie vber die Grentze kahmen, da mussten die Säbel vnd Beile blencken vnd schneiden, da ward niedergehauen beyde Menschen vnd Viehe, alle Höffe vnd Baeurkahten verbrandt, vnd mehrentheils das gantze Landt durchgestreiffet vnd verheeret. Darnach zog er wieder zurücke nach *Plescow*. Von der *Plescow* schrieb er einen Brieff an den Bischoff *Herrmann* zu *Dörpt*, vnd beschuldigte ihren Unverstand, dass sie sich so vbel vorgesehen, vnd den Grossfürsten zu solchem Zorn bewogen hetten, wodurch so

grosser Schaden den Landen geschehen wäre, vnd daß sie doch sehen, dass sie mit ihrer Macht dem Grossfürsten keinesweges widerstreben könnten, wollte er ihnen wohlmeynende gerähten haben, sie sollten noch bey Zeiten grösserem Vnglücke zuvorkommen vnd ihre Bohten an den Grossfürsten je eher je lieber senden, vnd ihr Haupt vor ihm schlagen. Er wollte gerne mit seiner Fürbitte zu Hülffe kommen, damit der Grossfürst möchte versöhnet werden vnd sie wieder Frieden erlangen».

Какого именно рода заключеніе о Шахъ - Алиѣ слѣдуетъ выводить изъ словъ Нѣмецкихъ писателей: хорошо ли, дурно ли велъ себя ханъ въ продолженіи Ливонскаго похода 1558 г., положительно рѣшить трудно. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что войска наши, подъ начальствомъ Шахъ - Алиа, страшно опустошили Ливонію; этого не скрываютъ даже Русскіе лѣтописцы. Но вѣрится съ трудомъ, чтобы Шахъ - Али былъ заправду такимъ извергомъ, какимъ его изображаютъ Геннингъ и Бреденбахъ, и чтобы войска наши дѣйствительно поступали такъ нагло и безчеловѣчно, какъ пишутъ чужеземные историки. Ненависть ко всему Московскому была объ эту пору такъ сильна въ Нѣмцахъ, что они нерѣдко съ цѣлю преувеличивали дурныя дѣла нашихъ военачальниковъ и войскъ. Самыя странныя небылицы рассказывались ими про Русскихъ, въ особенности же про Татаръ, бывшихъ тогда въ войскахъ нашихъ. Такъ Венаторъ въ своемъ: Historischer Bericht von

dem Marianisch - Teutschen Ritter - Orden, на стр. 325 — 337, приводитъ подлинное донесеніе о бѣдственномъ въ слѣдствіе войнъ съ Россіею положеніи Лифляндіи, поданное въ октябрѣ 1560 г. на сеймѣ въ Шпейерѣ послами, ѣздившими нарочно въ 1559 г. въ Лифляндію, по приказанію императора. Въ этомъ донесеніи, которое Венаторъ называетъ вполне основательнымъ и заслуживающимъ довѣрія (gründlich und wolleswürdig), въ числѣ разныхъ разсказовъ о неслыханныхъ жестокостяхъ Русскихъ, находится, между прочимъ, показаніе о томъ, будто сами плѣнные Русскіе говорили, что Татары, находившіеся въ войскахъ нашихъ, ѣли людей и дѣтей. Вотъ что именно значилось на этотъ счетъ въ донесеніи (стр. 327, 328): «Hat er (der Gross-Fürst in Moscau) folgendes die Stadt und das Haus Dörpten, auch hernachmals Mariaeburg und viel andere ansehentliche Häuser, Vesten, Städt und Flecken erobert, eingenommen, mit Volk besetzt, und aus denselben den Meister, Orden und Stände, bis ins dritte Jahr, für und für, unablässlich, mit grausamer unerhörter Tyranney, über die massen hart beträngt und beängstiget, das Land an allen Orten mehr dann einmal durchstreiffet, unzählich viel Volcks von Mann- und Weibs - Personen, Viehe und andere Güter mit sich hinweg geführt, und was er mit sich nicht wegbringen können, dasselb erbärmlich getödtet, verbrannt und umbracht, und, wie viel beglaubte Leut in der Nachjagt selbst gesehen, haben sie die kleine Kinder in Stücken zerhauen und

zerschnitten, dass man auf den Strassen Haupt, Arm, Bein und Stück vom Leib hin und wider zerstreuet, in grosser Anzahl gefunden, und haben die gefangene Moscovitter bekannt und ausgesagt, dass die Türkische Tartarn, so der Moscovitter zu diesem Krieg braucht, die kleine Kinder, und ander Menschenfleisch zu ihrer Speis brauchten, gefangenen schwangeren Frauen in Gegenwart ihrer Ehe - Männer die Frucht aus dem Leib schneiden, und so unchristlich und unmenschlich mit ihnen umgehen, dergleichen kein Feind jemals geübt oder gethan haben mag». Камерарій (Joachim [I] Camerarius) въ своемъ: *Annotatio rerum praecipuarum, quae acciderunt ab anno Christi MDL. vsque ad MDLXI*, помѣщенномъ въ III томѣ Фрегерова сборника: *Germanicarum rerum scriptores*, стр. 499, положительно увѣряетъ, будто въ 1558 г. среди Татаръ, бывшихъ съ Русскими въ Ливоніи, находились женщины, большею частью пожилыя, изъ которыхъ однѣ имѣли своихъ лошадей, другія же сражались, сидя верхомъ за спиною Татаръ. «Miserat autem», пишетъ Камерарій, «Mosschobitarum Princeps Tartarorum aliquot millia in Livoniam, non tam quod confideret occupari illam posse, quam ut praedae in finibus maximae agerentur. Sed fortuna fuit melior expectatione ipsius... Confluxere saepe Livonienses cum Tartaris, non etiam nunquam superiores fuere. Sed copia et multitudine ingente Tartarorum factum est, ut defendere sua non possent. Constat in exercitu

Tartarorum foeminas bellatrices fuisse, quarum aliquae ipsae equites essent, aliquae tergis equorum quos viri agitent in praedia proveherentur, magna ex parte aetate provectae. Et has crudelissime et saevissime caedes fecisse compertum est».

Во всякомъ случаѣ, если даже и допустимъ, что войска наши, находившіяся въ 1558 г. въ Ливоніи подъ начальствомъ Шахъ-Алія, поступали чрезъ чуръ жестоко, то винить во всемъ одного Шахъ-Алія невозможно. Не надо забывать, что въ войскѣ Русскомъ кромѣ него были другіе воеводы, и что власть его, по всей вѣроятности, была скорѣе номинальная, нежели дѣйствительная: онъ исполнялъ только предписанія великаго князя, и распоряжался не иначе какъ съ совѣта воеводъ.

По выходѣ изъ земли Ливонской, Шахъ-Али стоялъ еще нѣсколько времени на границѣ ея съ Россіей; такъ лѣтописцы наши (*Ник.* VII, 299; *Лв.* V, 201; *Лит. Нор. м.* 121) говорятъ, что 1-го марта магистръ Ливонскій доставилъ къ нему на границу грамоту просительную, въ отвѣтъ на ту, которая послана была имъ и главными воеводами. Вскорѣ послѣ этого Шахъ-Али былъ вызванъ государемъ въ Москву, и принять съ большимъ почетомъ. Въ которомъ именно мѣсяцѣ это случилось, неизвѣстно; знаемъ только, что Шахъ-Али пріѣзжалъ въ столицу до 1-го сентября 1558 г. Свѣденіе объ этомъ заимствовано мною изъ *Башм. разр. кн.* «Тогожь лѣта», читаемъ въ ней въ самомъ концѣ разрядовъ 7066 г., «велѣлъ

государь у себя быть царю Шегалею Шигавляировичю; и встрѣчю учинилъ ему, и велѣлъ ево встрѣчать бояромъ своимъ. Первая встрѣча: бояринъ князь Юрья Ивановичъ Кашинъ, да околничей и оружничей Левъ Андрѣевичъ Салтыковъ. Другая встрѣча: бояринъ князь Андрѣй Ивановичъ Кавтыревъ Ростовской, да бояринъ князь Василей Семеновичъ Серебряной. Третья болшая встрѣча: бояринъ князь Иванъ Михайловичъ Шуйской, да бояринъ князь Петръ Михайловичъ Щенятевъ, да околничей князь Давидъ Федоровичъ Палецкой».

Около этого же самаго времени посѣщалъ Касимовъ извѣстный Англійскій путешественникъ Дженкинсонъ. Онъ былъ тамъ въ началѣ мая 1558 г.; въхалъ же онъ тогда изъ Москвы чрезъ Коломну, Первитескъ, Переяславль, Старую Рязань, Тереховъ монастырь, Касимовъ, Муромъ, Нижній Новгородъ, Казань и Астрахань въ Бухару. Къ сожалѣнію, описывая путь свой изъ Москвы въ Касимовъ и далѣе, Дженкинсонъ не сообщаетъ ничего особенно любопытнаго про самый городъ Касимовъ, или какъ онъ его называетъ *Ласимъ*; говоритъ только, что городомъ этимъ управлялъ Татарскій владѣлецъ, по имени *Вцаръ Зеголитъ* (очевидно царь Шахъ-Али), бывшій нѣкогда царемъ въ Казани и въ послѣдствіи сдѣлавшійся подданнымъ государя Русскаго. Вотъ подлинныя слова Дженкинсона, заимствованныя изъ его: *The voyage of Master Anthony Ienkinson, made from the citie of Mosco in Russia, to the citie of Boghar in Bactria, in the yeere 1558:*

written by himselfe to the Merchants of London of the Moscouie companie, по тексту напечатанному въ: Hakluyt's Collection of the early voyages, travels, and discoveries, of the English nation. A new edition, with additions. Vol. I. London. 1809, стр. 362: «The 23. day of April, in the yeere 1558. (hauing obtained the Emperor of Russia, his letters, directed vnto sundry kings and princes, by whose dominions I should passe) I departed from Mosco by water, hauing with mee two of your seruants, namely, Richard Iohnson, & Robert Iohnson, and a Tartar Tolmach, with diuers parcels of wares, as by the inuentory appeareth: and the 28. day we came to a town called Collom, distant from the Mosco 20. leagues, & passing one league beyond the saide Collom, we came vnto a riuer called Occa, into the which the riuer Mosco falleth, and looseth his name: and passing downe the said riuer Occa 8. leagues, we came vnto a castle called Terrenettisko, which we left vpon our right hand, and proceeding forward, the second day of May, we came vnto another castle called Peroslaue, distant 8. leagues, leauing it also on our right hand. The third day we came vnto the place where olde Rezan was situate, beeing now most of it ruined and ouergrowen, and distant from the said Peroslaue, 6. leagues: the 4. day we passed by a castle called Terreconia, from Rezan 12. leagues, & the 6. day we came to another castle called Cassim, vnder the gouernment of a Tartar prince named Vtzar Zegoline, sometime Emperour of the worthy citie of

Cazan, and now subiect vnto the Emperour of Russia. But leauing Cassim on our left hand, the 8. day we came vnto a faire town called Morom, from Cassim 20. leagues, where we took the sonne, and found the latitude 56. degrees: and proceeding forward the 11. day, we came vnto another faire town & castle called Nyse Nonogrod, situated at the falling of the foresaid riuer Occa into the worthie riuer of Volga, distant from the saide Moron 25. leagues, in the latitude of 56. degrees 18. minutes. Frō Rezan to this Nyse Nonogrod, on both sides the said riuer of Occa, is raised the greatest store of waxe and hony in all the land of Russia».

Въ Москвѣ Шахъ-Али оставался недолго: уже въ ноябрѣ 1558 г. онъ былъ у себя дома, въ Касимовѣ. Въ дѣлахъ Ногайскихъ значится, что 23-го ноября 1558 г. пріѣзжали въ столицу присланные Шахъ-Алиемъ изъ городка гонцы Ногайскаго князя Исмаила, и сына его Мухаммедъ - мурзы (*Прод. Древн. Росс. Висл.* X, 38).

Возвратившись въ Касимовъ, Шахъ - Али зажилъ своею прежнею спокойною жизнью. Чуть ли не безвыѣздно пробылъ онъ въ городкѣ вплоть до начала 1562 г. Про него за весь періодъ времени отъ 1559 до 1562 г. знаемъ только, что онъ объ эту пору, въ разныя времена, препровождалъ изъ Касимова въ Москву либо нашихъ людей, проѣзжавшихъ съ донесеніями изъ Ногайскихъ улусовъ, либо гонцовъ, присланныхъ отъ Исмаила и мурзъ (см. присылки Шахъ-

Алія 14-го іюня и 25-го августа 1559 г., и 9-го сентября 1560 г. въ *Прод. Древн. Росс. Вивл.* X, 47, 50 и 112).

Всѣ походы свои отъ начала 1559 до 1562 г. довелось Городецкимъ Татарамъ совершать однимъ безъ Шахъ-Алія, подъ начальствомъ постороннихъ лицъ. Походовъ же этихъ было не мало, и всѣ они были направлены противъ Ливоніи.

Въ первый разъ ходили Городецкіе Татары и «царевъ Шегалеевъ дворъ» зимою 1559 г. Походъ этотъ былъ удаченъ. Войска наши, состоявшія подъ главнымъ начальствомъ царевича Тохтамыша и князя Семена Ивановича Микулинскаго, доходили до самой Риги, проникли въ Курляндію, и къ веснѣ благополучно возвратились къ Опочкѣ съ богатою добычею. Съ извѣстіемъ объ этомъ пріѣхали въ Москву, въ мартѣ, отъ князя Микулинскаго Федоръ Андрѣевъ Карповъ, а отъ Тохтамыша мурза Самнъ¹⁵⁹).

¹⁵⁹) *Лс.* V, 270, 271: Мѣсяца Декабра (7067) отпустилъ царь и Великій Князь на Ливонскихъ Нѣмецъ войною царевича Тахтамыша, да бояръ своихъ и воеводъ по полкомъ, въ большомъ полку бояра и воеводы Князь Семень Ивановичъ Микулинской Пунковъ, Петръ Васильевичъ Морозовъ, въ передовомъ бояринъ и воевода Князь Василей Семеновичъ Серебряной, да воевода Никита Романовичъ Юріевъ, да въ правой рукѣ бояре и воеводы Князь Юрій Ивановичъ Кашинъ, да Иванъ Васильевичъ Шереметевъ Меншой, въ лѣвой бояринъ и

воевода Князь Петръ Семеновичъ Серебряной, да воевода Иванъ Андреевичъ Бутурлинъ, а въ Сторожевомъ полку бояринъ и воевода Михайло Яковличъ Морозовъ, да воевода Федоръ Игнатьевичъ Салтыковъ, а съ ними дѣти боярскіе многіе Московскіе земли, и Новгородскія, и Татаровъ Казанскіе и Городецкіе, а Княземъ Черкасскимъ Государь велѣлъ быти въ передовомъ полку, а Князь Михайлу Петровичу Репнину съ товарищи велѣлъ быти вмѣстѣ со Княземъ Семеномъ же, и велѣлъ Государь воевати имъ дороги, и гдѣ Маистръ ихъ встрѣтитъ, и Государь велѣлъ дѣло свое земское съ нимъ дѣлать, сколько имъ милосердый Богъ помочи подастъ (*Длт. Норм.* 135, 136, гдѣ вмѣсто: «Князь Михайлу Петровичу Репнину съ товарищи», сказано: «Князю Михайлу Петровичу Репнину да Семену Степановичу Ярцову Норматцкому»). *Башм. разр. кн.*: Лѣта 7067 году по елазъ государь зимою на Ливонскіе Немцы подъ Ругодевъ и подъ Ригу царевича Тохтамыша, да боярина и воеводу князь Семена Ивановича Микулинского, и иныхъ бояръ и воеводъ, по полкомъ. Въ большомъ полку былъ царевичъ Тохтамышъ, да бояра и воеводы князь Семень Ивановичъ Микулинской, да Петръ Васильевичъ Морозовъ; да изъ Ракабора пришли воеводы въ большой полкъ князь Михайло Петровичъ Репнинъ, да Семень Степановъ сынъ Нарманской; да въ большомъ же полку съ нарядомъ Григорей Ивановъ сынъ Заболоцкой. А приставъ у царевича Тохтамыша Дмитрей Григорьевъ сынъ Пящевъ. Въ правой рукѣ: бояра и воеводы

князь Юръя Ивановичъ Кашинъ, да Иванъ Васильевичъ Шереметевъ; да въ правой жерукъ изъ Юрьева Ливонскаго воевода князь Петръ Даниловичъ Щепинъ Оболенской; да въ правой же рукъ съ служилыми Татары Романъ Васильевъ сынъ Алѣеревъ, да съ новокрещеными Татары Андрѣй Тимоѣевъ сынъ Михалковъ.

Въ передовомъ полку: бояра и воеводы князь Василий Семеновичъ Серебреной, да Никита Романовичъ Юрьевъ; да въ передовомъ же полку изъ Острова воевода Ѳеодоръ Васильевичъ Шереметевъ; да въ передовомъ же полку съ царевымъ Шегалаевымъ дворомъ князь Андрѣй Петровичъ Телятеской; да въ передовомъ же полку съ Казанскими съ горными и съ луговыми людьми воевода Борисъ Ивановъ сынъ Сукинъ. Въ сторожевомъ полку: бояринъ Михайло Яковлевичъ Морозовъ, да Ѳеодоръ Игнатьевичъ Саятыковъ; да въ сторожевомъ же полку съ Кадомскими Татары князь Семень князь Даниловъ сынъ Гагаринъ. Въ лѣвой рукъ: бояринъ и воевода князь Петръ Семеновичъ Серебреной, да Иванъ Андреевичъ Бутурлинъ; да въ лѣвой же рукъ изъ Юрьева воевода Михайло Петровъ сынъ Головинъ; да въ лѣвой же рукъ съ Темниковскими и съ Цненскими Татары Григорей Никитинъ сынъ Сукинъ. И воевали къ Риге идучи Киевские и Володимирскіе мѣста и всю Ливонскую землю, и за рѣкою за Двиною Курлянскіе мѣсты; и вышли изъ земли государевы воеводы со всеми людьми, далъ Богъ, здорово, и съ полономъ. А головы были по полкомъ съ бояры и воеводы. Въ болшомъ полку, съ бояриномъ со князь Семеномъ

Ивановичемъ Микулинскимъ головы: князь Андрей князь Васильевъ сынъ Ногтевъ Суздальской, князь Александра князь Ивановъ сынъ Ярославовъ, Федоръ Андрѣевъ сынъ Карповъ, князь Иванъ князь Мовкошеевъ сынъ Теукелевъ, князь Иванъ князь Андрѣевъ сынъ Рюминъ Звенигородской, Никита большой да Никита меншой Ивановы дѣти Чюлкова, Федоръ Васильевъ сынъ Вокшеринъ, Богданъ Юрьевъ сынъ Сабуровъ. Съ Петромъ съ Морозовымъ головы: князь Семень князь Ивановъ сынъ Каркадиновъ, Иванъ Семеновъ сынъ Курчевъ, Игнатей Тимоѣевъ сынъ Заграской, Иванъ Даниловъ сынъ Бутурлинъ, Тимоѣй Даниловъ сынъ Лашаковъ Колычовъ, князь Василей князь Семеновъ сынъ Такмаковъ. Въ передовомъ полку, со князь Василемъ Серебреннымъ головы: Аеонасей Михайловъ сынъ Бутурлинъ, Василей Васильевъ сынъ Розладинъ, Романъ Григорьевъ сынъ Плещевъ, Иванъ Андрѣевъ сынъ Годуновъ, Мөншикъ Леонтьевъ сынъ Проестевъ. Съ Никитою Романовичемъ головы: Иванъ Борисовъ сынъ Голохвастовъ, Попадья Бугаковъ сынъ Вышеславцовъ, Дмитрей Федоровъ сынъ Шевериковъ Пушкинъ, Крикъ Зуковъ сынъ Тыртовъ. Въ правой рукѣ, со князь Юрьемъ Кашинымъ головы: Борисъ Степановъ сынъ Колычовъ, Алексѣй Васильевъ сынъ Левашовъ, Яковъ Михайловъ сынъ Сназинъ, Иванъ Леонтьевъ сынъ Ширяевъ. Съ Иваномъ Шереметевымъ головы: Василей Андрѣевъ сынъ Вешняковъ, Иванъ Ивановъ сынъ Бухаринъ, Федоръ Бугаковъ сынъ Денисьевъ, Андрей Васильевъ сынъ Рахманиновъ.

Въ лѣвой рукѣ, со князь Петромъ Серебрянымъ головы: Василей Борисовъ сынъ Вислоуховъ Сабуровъ, Михайло Андѣевъ сынъ Безининъ, Григорей Папинъ сынъ Вислоуховъ Сабуровъ, Будаи Васильевъ сынъ Болтинъ.

Въ лѣвой же рукѣ съ Иваномъ Бутурлинымъ головы: Дѣи Заборовской, Ѳеодоръ Васильевъ сынъ Берновъ, Левашъ Ивановъ сынъ Алтуевъ. Въ сторожевомъ полку, головы съ Михайломъ Морозовымъ: князь Ѳеодоръ князь Юрьевъ сынъ Глазатой, князь Глѣбъ князь Васильевъ сынъ Оболенской, Василей Никитинъ сынъ Борисовъ, Дмитрей Куровъ сынъ Непейцынъ. Съ Ѳеодоромъ Салтыковымъ головы: Василей Ивановъ сынъ Щербининъ, Андрѣй Леонтьевъ сынъ Соловцовъ, Никиѳоръ Чепчуговъ сынъ Клементьевъ (ср. *Др. Визл.* XIII, 280 — 283). — О присылкѣ къ государю Карпова и мурзы Саина см. *Лв.* V, 284 и *Лѣт. Норм.* 141; въ обѣихъ лѣтописяхъ мурза Саинъ названъ Семень-мурзою Китаемъ (ср. сказанное выше, въ пр 156, на стр. 430).

Во второй разъ ходили Городецкіе Татары и «царевы Шегалеевы люди» противъ Ливоніи весною 1560 г. Они были включены тогда въ составъ войска, отправленнаго подъ начальствомъ знаменитаго князя Андрея Курбскаго. «Лѣта 7068 году», сказано въ *Башм. разр. кн.*, «посылалъ государь изъ Юрьева въ войну въ Немецкіе мѣста съ весны боярина и воеводу князя Андрѣя Михайловича Курбскаго съ товарищи, и велѣлъ имъ быть по полкомъ. Въ болшомъ

полку: бояринъ князь Андрѣй Михайловичъ Курбской, да околничей Данило Ѳедоровичъ Адашевъ. Въ передовомъ полку: воевода князь Петръ Ивановичъ Горенской, да Дмитрей Ѳедоровъ сынъ Пушкинъ; да въ передовомъ же полку былъ князь Иванъ Андрѣевичъ Золотой съ Городецкими людьми, да съ царевыми Шегалеевыми людьми. Въ лѣвой рукѣ: воеводѣ князь Григорей Ѳедоровичъ Мецкерской. Въ сторожевомъ полку: воевода князь Ѳедоръ Ивановичъ Троекуровъ, да Иванъ Андрѣевъ сынъ Бутурлинъ. Да со князь Андрѣемъ же Курбскимъ велѣно быть изъ Юрьева воеводѣ Аѳонасю Михайловичу Бутурлину» (ср. *Др. Висл.* XIII, 310). Годъ 1560 знаменитъ въ исторіи войнъ государя Ивана Васильевича съ Ливонією. Въ этомъ году нанесены были тяжкіе удары ордену: палъ Феллинъ предъ оружіемъ Русскимъ, и взятъ былъ нами въ плѣнъ бывшій магистръ Фюрстенбергъ (см. Arndt. *Der Liefländischen Chronik Andrer Theil von Liefland unter seinen Herren Meistern, welche die alte Geschichte des Ordens und der benachbarten Völker erleutert*, etc. Halle. 1753, стр. 250 — 260; Gadebusch. *Livländische Jahrbücher*. Th. I. Abschn. II. Riga. 1780, стр. 557 — 563).

Въ третій разъ ходили Городецкіе Татары въ Ливонію лѣтомъ 1561 г. «Тогожь лѣта (7069), іюля съ числа», значитъ въ *Баши. разр. кн.*, «посылалъ государь бояръ и воеводъ своихъ въ Ливонскіе Нѣмцы въ войну по полкомъ. Въ болшомъ полку: бояра и воеводы князь Петръ Андрѣ-

вичъ Булгаковъ Куракинъ, да Иванъ меншой Васильевичъ Шереметевъ. Въ передовомъ полку: князь Иванъ Уразлы Ахматевъ Канбаровъ (см. сказанное о немъ выше, въ пр. 156, на стр. 430), да Аѳонасей Михайловичъ Бутурлинъ. Въ правой рукѣ: воеводы князь Григорей Андреевичъ Булгаковъ Куракинъ, да князь Григорей Ѳеодоровичъ Мещерской. Въ лѣвой рукѣ: князь Данило Борисовичъ Пріимковъ, да Михайло Андреевъ сынъ Карповъ. Въ сторожевомъ полку: воеводы Иванъ Ивановичъ Очинъ Плещѣевъ, да Павелъ Петровъ сынъ Заболоцкой. А со князми съ Городецкими и съ мурзами и съ Татары ходилъ князь Василей Волкъ Ростовской» (ср. *Синб. Сб.* I, 3).

Въ началѣ 1562 г. Шахъ - Али опять покидаетъ Касимовъ и берется за оружіе. На этотъ разъ государь Иванъ Васильевичъ употребилъ его на войну съ Сигизмундомъ, королемъ Польскимъ, который принялъ на себя защиту Ливоніи. Война, начавшаяся со стороны короля въ сентябрѣ 1561 г. взятіемъ Тарваста въ Ливоніи, только что разгаралась. Иванъ принималъ дѣятельныя мѣры. Между прочимъ устремлено было вниманіе его и на Смоленскъ. Къ годовавшимъ тамъ воеводамъ отправленъ былъ наказъ, какъ беречь городъ въ случаѣ нападенія. Въ слѣдъ за тѣмъ, 26-го марта, прибылъ къ нимъ посланный отъ государя князь Федоръ Ивановичъ Лыковъ, съ извѣстіемъ, что государь отпустилъ къ нимъ войско подъ начальствомъ Шахъ-Алія. Шахъ - Али дѣйствительно выступилъ къ Смоленску 9-го марта; приставомъ при

немъ былъ Михайло Васильевичъ Годуновъ. Царевичъ Тохтамышъ и еще два другихъ царевича Татарскихъ, Ибакъ и Бикъ-булатъ, шли подъ начальствомъ хана. Въ войскѣ состояли и Городецкіе Татары съ ихъ сеидомъ. По приходѣ въ Смоленскъ, ханъ долженъ былъ прибывшее съ нимъ войско отправить съ частью воеводъ годовавшихъ въ Смоленскѣ, воевать Литву; ему же самому вельно было оставаться въ городѣ ¹⁶⁰⁾.

¹⁶⁰⁾ Любопытныя подробности объ этомъ находятся въ *Башм. разр. кн.* «Тогожь году (7070)», читаемъ въ ней, «были воеводы на году въ Смоленску бояринъ и воеводы Михайло Яковлевичъ Морозовъ, да на году бояринъ и воевода Никита Васильевичъ Шереметевъ, да околничей Михайло Петровичъ меншой Головинъ, да воеводы Иванъ да Никита Ивановичи Очины Плещевы, да князь Иванъ Дмитреевичъ Дашковъ. Городничие: Иванъ Булгаковъ сынъ Денисьевъ, да Федоръ Шелаетъ сынъ Новосильцовъ. Тогожь году приѣзжалъ отъ государя въ Смоленскъ съ наказомъ и съ росписью къ бояромъ и воеводамъ къ Михайлу Яковлевичю Морозову съ товарищи, князь Никита князь Михайловъ сынъ Стародубской. И въ наказе у него и въ росписи написано. Царь и великий князь Иванъ Васильевичъ всеа Росіи велелъ тебѣ говорить, боярину своему и воеводе Михайлу Яковлевичю Морозову: велелъ еси годовать въ Смоленску боярину своему и воеводѣ Никите Васильевичю Шереметеву, да околичему Михайлу Петровичю Головину, да воеводамъ Ивану да Никите Ивановичемъ Очинымъ

Плещѣвымъ, да князь Ивану Дмитриевичю Дашкову; указалъ государь, чтобъ ворота вѣдалъ бояринъ нашъ и воевода .Никита Васильевичъ Шереметевъ Пятницкие, а околичему Михайлу Петровичю Головину вѣдать ворота Крылашевские, а воеводе Ивану Очину Плещѣву вѣдать ворота Духовские, а князь Ивану Дашкову вѣдать ворота Непровские, а Никите Очину Плещѣву вѣдать ворота Костеревские. Да после того писано о городономъ дѣле и о наряде и обо всякихъ дѣлѣхъ.

Таковъ наказъ былъ, и списанъ съ Смоленскаго наказа подлинно. Тогожь году, марта въ 26 день, приѣзжалъ отъ государя въ Смоленскъ съ государевымъ наказомъ князь Ѳеодоръ Ивановичъ Лыковъ къ боярину и воеводе къ Михайлу Яковлевичу Морозову. А въ наказе у него написано. Память князь Ѳеодору Ивановичю Лыкову.

Въхати ему въ Смоленскъ, и, приѣхавъ въ Смоленскъ, говорити отъ царя и великаго князя Івана Васильевича всеа Росіи въ Смоленску боярину и воеводе Михайлу Яковлевичю Морозову, да Никите Васильевичю Шереметеву, да околичему Михайлу Петровичю Головину и всѣмъ воеводамъ: государь царь и великий князь Іванъ Васильевичъ всеа Росіи велелъ вамъ говорить, бояромъ своимъ и воеводамъ: велелъ есми быти въ Смоленску, для своего дѣла, царю Шегалею Шегальяровичю, да царевичемъ, да бояромъ нашимъ и воеводамъ Ивану Васильевичю болшему Шереметеву, да Ивану Михайловичю Воронцову, да съ бояры съ нашими и воеводами велелъ быти дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ, да въ Смоленскужь стоять Татаромъ Городецкимъ, сейту и мур-

замъ и казакомъ, Кадомскимъ и Темниковскимъ и Муромскимъ и Нижегородскимъ и Мораве и служилымъ Татаромъ; и какъ къ бояромъ нашимъ и воеводамъ дѣти боярскіе и Татарова, и мы тогда царю Шегалею велимъ быти въ Смоленску, а съ царемъ Шегалеемъ быти тебѣ, боярину нашему Михайлу Яковлевичю Морозову, да околяичему нашему Михайлу Петровичю Головину, а пристава у царя Шегалея Михайло Васильевичъ Годуновъ; а оставить велѣли царю Шегалею у себя князей и мурзъ двора своего немногихъ, безъ которыхъ ему немочно быти, а тѣхъ всѣхъ ему людей велѣли отпустить съ бояры и воеводы въ Литовской походъ, а царевичемъ и бояромъ своимъ и воеводамъ велѣли есмь воевать итти Литовскихъ мѣстъ, и быти воеводамъ нашимъ въ походе боярину Ивану большому Васильевичю Шереметеву, да бояромъ Ивану Михайловичю Воронцову, да Никите Васильевичю Шереметеву; и тыбъ бояринъ нашъ Никита Васильевичъ Шереметевъ и наши воеводы съ бояриномъ нашимъ и воеводою съ Иваномъ Васильевичемъ большимъ Шереметевымъ въ Литовские мѣста шли, и были по полкомъ по нашей росписи, и дѣла нашего берегли по нашему наказу; а тыбъ бояринъ нашъ и воевода Михайло Яковлевичъ Морозовъ былъ въ Смоленску по нашему наказу; и дѣла бы еси нашего берегли, и къ царю Шегалею притѣжали о посольскихъ нашихъ дѣлѣхъ, и говорили царю по нашему наказу (статья этой нѣтъ ни въ *Др. Висл.*, ни въ *Синб. Сб.*)... Тогожъ году, марта съ 9 числа, отпустилъ государь въ Смоленскъ царя Шегалея, а у него въ приставахъ Ми-

хайло Васильевъ сынъ Годуновъ, да царевича Ибака, а въ приставехъ у царевича Ибака князь Дмитрей Шемяка князь Даниловъ сынъ Гагаринъ, да царевича Тохтамышъ, а въ приставехъ у царевича Федець Федоровъ сынъ Нагово, да царевича Бекбулата, а въ приставехъ у царевича князь Юрья князь Федоровъ сынъ Борятинской. Да съ царемъ же отпустилъ бояръ и воеводъ своихъ Ивана Васильевича болшого Шереметева, да Ивана Михайловича Воронцова. А велѣлъ государь царю Шегалею и царевичемъ и воеводамъ стать въ Смоленску до Благовѣщеньева дни, а съ Благовѣщеньева дни государь велѣлъ отпустить царю Шегалею изъ Смоленска въ Литовскую землю воевать царевичевъ и бояръ своихъ по полкомъ. Роспись воеводамъ какъ ходили изъ Смоленска царевичи и воеводы въ Литовскую землю по полкомъ. Въ болшомъ полку: царевичъ Ибакъ, да государевы бояре и воеводы Иванъ болшой Васильевичъ Шереметевъ, да Иванъ Михайловичъ Воронцовъ; а у царевича Ибака приставъ князь Дмитрей Шемяка князь Даниловъ сынъ Гагаринъ. Въ передовомъ полку: царевичъ Тохтамышъ, да государевы воеводы изъ Смоленска бояринъ Никита Васильевичъ Шереметевъ, да князь Иванъ Дмитриевичъ Дашковъ; а у царевича у Тохтамышъ въ приставехъ Федоръ Федоровъ сынъ Нагово. Въ сторожевомъ полку: царевичъ Бекбулатъ, да съ царевичемъ Бекбулатомъ изъ Смоленска государевы воеводы Иванъ да Никита Ивановичи Очныи Плещевы; а у царевича въ приставехъ князь Юрья князь Федоровъ сынъ Борятинской. Изъ Смоленскажъ съ слу-

жилыми Татара Иванъ Васильевъ сынъ Шестовъ. А будетъ Литовскихъ людей для водополя воевать немочно, а пригожь будетъ послать воевать Литовскихъ мѣсть воеводъ, и царю Шегалею и боярину и воеводѣ Ивану Васильевичу Шереметеву велено отпустить на три полки Литовскихъ мѣсть воевать, въ которыхъ мѣстехъ не почаяютъ Литовскихъ людей собранья. И въ походъ отпустить царевича Тохтамыша, да боярина Ивана Михайловича Воронцова, да околничего Михайла Петровича Головина. А въ другую посылку отпустить царевича Ибака, да боярина Никиту Васильевича Шереметева, да князь Ивана Дмитриевича Дашкова. А въ третю посылку отпустить Бекбулата, да воеводъ Ивана да Никиту Ивановичей Очиныхъ Плещевыхъ (ср. *Др. Висл.* XIII, стр. 324 — 328).

Царевичъ Ибакъ (إيباق) жилъ у насъ съ конца 1559 г. См. *Прод. Древн. Росс. Висл.* X, 45, гдѣ значится: «1558 года Декабря въ 23 день прислалъ къ Царю Ивану Васильевичу изъ Астрахани, Иванъ Выродковъ Ибакъ Царевича, котораго взяли казаки на Волгѣ Митиномъ съ Иваномъ Аванасъевымъ сыномъ Выродкова, и Государь велѣлъ его поставить на Рождественской улицѣ на Християнскомъ дворѣ и кормъ ему велѣлъ давать. Декабря въ 30 день Ибакъ Царевичъ у Государя былъ на приѣздѣ, и у его Ва обѣдалъ».

О царевичѣ Бякъ-булатѣ будетъ говорено въ послѣдствіи въ статьѣ: «Санинъ-булатъ».

Сколько именно времени оставался Шахъ-Али въ

Смоленскѣ — неизвѣстно. Въ походѣ, предпринятомъ самимъ Иваномъ въ концѣ 1562 г. и увѣнчавшемся взятіемъ 15-го февраля 1563 г. Полоцка, находились нѣкоторые изъ воеводъ состоявшихъ при Шахъ-Аліѣ въ Смоленскѣ, были сверхъ царей Александра Сафигиреевича (см. о немъ выше, пр. 125, стр. 348) и Семена Касаевича, и царевича Абдуллы Акъ-кубековича, царевичи Тохтамышъ, Ибакъ и Бикъ-булатъ, всѣ трое, какъ мы видѣли, ходившіе вмѣстѣ съ ханомъ въ Смоленскъ, былъ наконецъ и «царевъ Шигалеевъ дворъ» въ большомъ полку съ княземъ Семеномъ Дмитріевичемъ Елецкимъ, но самого Шахъ - Алія не было (*Др. Висл.* XIII, 328 — 334).

Походъ въ Смоленскъ былъ однимъ изъ послѣднихъ военныхъ подвиговъ Шахъ-Алія. Послѣ него жилъ онъ недолго, именно до весны 1567 г.

За весь пятилѣтній періодъ времени отъ 1563 до 1567 г. ни о Шахъ-Аліѣ, ни о Городецкихъ Татарахъ многого сказать не можемъ, но въ числѣ немногихъ свѣдѣній, имѣющихся у насъ подъ рукамі, находятся и данныя, не лишеныя значенія для исторіи Касимова.

Видное мѣсто среди этихъ данныхъ занимаетъ участіе Шахъ - Алія и Городецкихъ Татаръ въ войнѣ, продолжавшейся съ королемъ Польскимъ Сигизмундомъ. Въ войскахъ нашихъ мы довольно часто вртѣчаемъ то самого хана, то его Татаръ.

Такъ, въ концѣ 1563 г. велѣно было Городецкимъ Татарамъ съ головою Иваномъ Годуновымъ идти воевать Литовскую землю вмѣстѣ съ войсками, ко-

торыя должны были выступить изъ Полоцка и Смоленска. Къ какому именно отряду: къ Полоцкому ли, которымъ начальствовалъ знаменитый воевода нашъ князь Петръ Ивановичъ Шуйскій, или къ Смоленскому, гдѣ находились царевичи Абдулла и Ибакъ, примкнули Городецкіе Татары — неизвѣстно. Источники современные не говорятъ даже, были ли Касимовцы или нѣтъ въ несчастномъ для Русскихъ сраженіи при рѣкѣ Улѣ, 26-го января 1564 г., когда палъ самъ князь Шуйскій ¹⁶¹⁾.

¹⁶¹⁾ *Башм. разр. км.*: Лѣта 7072 году походъ изъ Полоцка въ Литовскую землю зимою боярина и воеводы князь Петра Ивановича Шуйского съ товарищи. А изъ Смоленска походъ въ Литовскую землю князь Василья да князь Петра Семеновичевъ Серебряныхъ съ товарищи, а велено имъ сходится со князь Петромъ Шуйскимъ вмѣстѣ изъ Смоленска. Въ Литовскую землю ходили воеводы и были по полкомъ. Въ большомъ полку: царевичъ Ибакъ, да бояринъ князь Василей Семеновичъ Серебряной. Въ передовомъ полку: царевичъ Кайбула, да бояринъ князь Петръ Семеновичъ Серебряной. Въ сторожевомъ полку: воевода князь Петръ Даниловичъ Щепинъ. И изъ Полоцка ходили воеводы по полкомъ. Въ большомъ полку: бояринъ князь Петръ Ивановичъ Шуйской, да воеводы князь Федоръ Ивановичъ Татевъ, да князь Иванъ Петровичъ Охлябининъ Залуца; а какъ придутъ съ Луцъ Великихъ Иванъ Ивановичъ Очинъ Плещевъ, и Ивану Очину быть въ большомъ же полку.

Въ передовомъ полку: Захарей Ивановичъ Очинъ Плещевъ. Въ сторожевомъ полку: бояринъ Иванъ Васильевичъ меншой Шереметевъ, да князь Давыдъ Васильевичъ Гундоровъ. А по государеву указу въ росписи написано было, какъ сойдутца бояра и воеводы вѣстѣ въ Литовской землѣ, Полоцкіе и Смоленскіе, ино быть по полкомъ.

Въ большомъ полку: царевичю Ибаку, да государевы бояра и воеводы князь Петру Ивановичю Шуїскому, да Захарью Ивановичю Очину Плещеву; а въ приставахъ у царевича Ибака князь Иванъ Семейка Смилого Застѣпникъ. Въ правой рукѣ: царевичю Кайбулѣ, да бояринъ и воеводы князь Василью Семеновичю Серебреному, да Ивану Ивановичю Очину Плещеву; а приставъ у царевича князь Василей Морткинъ. Въ передовомъ полку: боярину и воеводамъ князь Петру Семеновичю Серебреному, да князь Федору Ивановичю Татеву. Въ сторожевомъ полку: воеводамъ князь Петру Диниловичю Щепину, да князь Ивану Петровичю Охлябинину. Въ лѣвой рукѣ: боярину и воеводе Ивану Васильевичю Шереметеву меншому, да князь Давыду Васильевичю Гундорову. А головамъ быть въ походе съ городовъ. Съ Велижа князь Асонасей Звенигородской.

Съ Невля князь Юрья Токмаковъ. Съ Себежа Василей Вешняковъ. Изъ Заволочья Михайло Чоголковъ. Съ Ногайскими мурзами, съ Тохтарою съ товарыщи, голова Василей Коробовъ. Съ Черкасскими князьми, съ Василькомъ съ товарыщи, голова Михайло Булаковъ. Съ Ногайскими мурзами, что въ ново пришли изъ Нагай къ посломъ, голова Андрей Тимоѣевъ

сынъ Михалковъ. Съ Кадомскими и съ Городецкими людьми голова Иванъ Годуновъ. Съ служилыми Татарами голова Иванъ Бухарищъ. И тогда воеводамъ изъ Полоцка и изъ Смоленска походъ былъ, а вмѣстѣ воеводы не сошлись, потому что князя Петра Шуйского Литовскіе люди побили (см. *Др. Висл.* XIII, 343—345; сл. *Синб. Сб.* I, 5, 6).—О битвѣ при рѣкѣ Улѣ см. *Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i Wszystkiój Rusi Macieja Strykowskiego*. Tom II. Warszawa, стр. 414. Стрыйковский говоритъ о царевичѣ Казанскомъ, находившемся въ войскѣ Русскомъ, вмѣстѣ съ княземъ Петромъ Серебрянымъ. Польскій историкъ имѣлъ вѣроятно въ виду либо Абдуллу либо Ибака, хотя и тотъ и другой были царевичи Астраханскіе

Въ 1564 г. Шахъ - Али стоялъ въ Вязьмѣ, имѣя подъ своимъ начальствомъ царя Семена Касаевича, царевичей Абдуллу и Ибака и другихъ воеводъ ¹⁶²).

¹⁶²) *Баши. разр. км.*: Тогожъ лѣта (7072) роспись отъ Литовскіе украинны царю Шигаю и бояромъ и воеводамъ, а стояти имъ въ Вязме и въ Дорогобуже и во Ржеве, другимъ людямъ стоять въ Калуге, третьимъ людямъ стоять на Лукахъ и въ Торопце и въ Порхове.

Роспись въ Вязме воеводамъ по полкомъ. Въ большомъ полку: бояра и воеводы князь Иванъ Дмитреевичъ Бѣльской, да Данило Романовичъ Юрьевъ. Въ правой рукѣ: бояра и воеводы князь Иванъ Ивановичъ Пронской Турунтай, да Иванъ меншой Васильевичъ Шереметевъ. Въ передовомъ полку: воеводы князь Андрѣй Петровичъ

Телятевской, да князь Петръ Ивановичъ Горевской. Въ сторожевомъ полку: воеводы бояринъ Михайло Яковлевичъ Морозовъ, да околничей Петръ Петровичъ Головинъ. Въ лѣвой рукѣ: воеводы бояринъ Иванъ Михайловичъ Воронцовъ, да околничей Михайло Петровичъ Головинъ. А на Лукахъ Великихъ роспись бояромъ и воеводамъ по полкомъ. Въ болшомъ полку: бояринъ и воевода князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславской, да князь Петръ Даниловичъ Щепинъ. Въ правой рукѣ: бояринъ и воевода князь Василей Семеновичъ Серебренной, да Дмитрей Григорьевичъ Плещевъ. Въ передовомъ полку: князь Петръ Семеновичъ Серебренной, да князь Юрья Ивановичъ Такмаковъ. Въ сторожевомъ полку: воеводы князь Иванъ Канбаровъ, да князь Никита Гундоровъ. Въ лѣвой рукѣ: бояринъ и воеводы Михайло Ивановичъ Вороного Волынской, да Михайло Доматовъ сынъ Карповъ. Роспись отъ поля на берегу въ Колуге быть бояромъ и воеводамъ по полкомъ. Въ болшомъ полку: бояринъ и воеводы князь Василей Михайловичъ Глинской, да Иванъ болшой Васильевичъ Шереметевъ. Въ правой рукѣ: бояринъ и воеводы князь Петръ Ивановичъ Телятевской, да Петръ Васильевичъ Морозовъ. Въ передовомъ полку: бояринъ и воеводы князь Александра Ивановичъ Воротынской, да князь Андрѣй Петровичъ Хованской. Въ сторожевомъ полку: воевода князь Иванъ Юрьевичъ Голицынъ, да князь Автонъ Михайловичъ Ромодановской. Въ лѣвой рукѣ: околничей князь Иванъ Михайловичъ Хворостининъ, да князь Михайло Жижемской. Да въ Вязме и во Ржеве

отъ Литовские крайны быти царю Шегалею Шегавлеяровичю, царю Симеону Касаевичю, царевичю Ибаку, царевичю Кайбулѣ, и тогда быти по иной росписи воеводамъ по полкомъ. Въ болшомъ полку: царь Шегалей Шегавлеяровичъ, да государевы бояра и воеводы князь Иванъ Дмитреевичъ Бельской, да Данило Романовичъ Юрьевъ, а съ царемъ Шегалеемъ приставъ князь Тимошей Долгорукой; да въ болшомъ же полку съ бояры и съ воеводами, воевода съ Татары Заматия Ивановъ сынъ Сабуровъ. Въ правой рукѣ: царь Симеонъ Касаевичъ, да государевы бояра и воеводы князь Иванъ Ивановичъ Пронской Турунтай, да Иванъ меншой Васильевичъ Шереметевъ. Въ передовомъ полку: царевичъ Ибакъ, да государевы воеводы князь Андрей Петровичъ Телятевской, да князь Петръ Ивановичъ Горенской, да съ царевичемъ Ибакомъ приставъ князь Михайло Тюеянинъ. Въ сторожевомъ полку: царевичъ Кайбула, да государевы бояринъ и воеводы князь Александра Ивановичъ Воротынской, да Никита Ивановичъ Чулковъ, а съ царевичемъ Кайбулою приставъ Юрья Ивановъ сынъ Карповъ. Въ лѣвой рукѣ: бояринъ и воеводы Петръ Васильевичъ Морозовъ, да князь Давыдъ Васильевичъ Гундоровъ. А нечто придуть Литовскіе люди къ Лукамъ или къ Полоцку, и тогда быти изъ Брянска воеводамъ въ сходъ князь Ивану Юрьевичю Булгакову, да князь Михайлу Жижешскому. А изъ Смоленска быти въ сходъ боярину Ивану Михайловичю Воронцову, да воеводамъ Василью Бутурлину, да Григорью Борису, да князь Ивану Дашкову. А спешивши съ боярникомъ и

съ воеводою со князь Иваномъ Дмитреевичемъ Бѣльскимъ, быть въ большомъ полку воеводе князь Ивану Юрьевичу Булгакову, а людямъ съ нимъ по ево списку; да въ большомъ же полку быть съ бояры и съ воеводы со князь Иваномъ Бѣльскимъ, да съ Даниломъ Романовичемъ Юрьевымъ боярину и воеводе Ивану Михайловичу Воронцову, а люди съ нимъ по ево списку.

Въ правой рукѣ съ бояры и съ воеводы со князь Иваномъ Пронскимъ, да съ Иваномъ меншимъ Шереметевымъ быть воеводе въ сходѣ Василью Андрѣевичу Бутурлину, а люди съ нимъ по ево списку. Въ передовомъ полку быть съ воеводами въ сходѣ со князь Андрѣемъ Телятевскимъ, да со князь Петромъ Горенскимъ воеводе князь Ивану Дашкову. Какъ сойдутца съ Вяземскими и со Ржевскими воеводами Холмскіе бояра и воеводы князь Иванъ Федоровичъ Мстиславской съ товарищи, в тогды быть бояромъ и воеводамъ князь Ивану Федоровичу Мстиславскому съ товарищи по своей росписи по полкомъ съ бояриномъ и съ воеводою со князь Иваномъ Дмитреевичемъ Бѣльскимъ, большому полку быть въ большомъ полку, а правой рукѣ быть въ правой рукѣ, передовому полку быть въ передовомъ полку, сторожевому полку быть въ сторожевомъ полку, лѣвой рукѣ быть въ лѣвой рукѣ, и быть у государева дѣла бояромъ и воеводамъ безъ мѣсть, и дѣломъ государевымъ промышлять по государеву наказу, каковъ наказъ у боярина у князь Ивана Дмитреевича Бѣльскаго (см. *Др. Висл.* XIII, 354—355; сл. *Синб. Сб.* I, 5, 6, годъ 7072 и 7073 гг.; по *Синб. Сб.* съ Замѣтной Са-

буровымъ былъ, между прочимъ, «и царевъ дворъ Шигалеевъ»).

Изъ Вязьмы ханъ въ сентябрѣ ходилъ въ Великіе Луки на встрѣчу появившимся тамъ Литовцамъ, и въ Лукахъ узналъ, что главный воевода Сигизмундовъ Радзивилъ уже стоитъ подъ Полоцкомъ ¹⁶³).

¹⁶³) *Башм. разр. кн.*: Лѣта 7073, сентября въ 13 день, пришли къ Полоцку Польскіе и Литовскіе и Ляцкіе люди, гетманъ и воеводы. Въ ертоулѣ: паны и воеводы панъ и воевода староста Юрья Черторижскій, да панъ и воевода Николай Родивилъ, да Варкалапъ Корсакъ. Въ передовомъ полку были панъ и воеводы князь Баушъ Корецкой, да князь Андрѣй Курбской. Въ правой рукѣ: паны и воеводы князь Юрья Слупскій, да князь Василей Костянтиновичъ Острожскій. Въ болшомъ полку: панъ и воеводы гетманъ навязшій панъ Лукьянъ Юрьевичъ Родивилъ. Въ сторожевомъ полку: паны и воеводы староста Жемоцкой столникъ кралевской панъ Янъ Яранимовичъ Хоткевичъ, а съ нимъ былъ другой воеводичъ Николай Тропскій. А съ ними было во всѣхъ полкѣхъ Польскихъ и Литовскихъ людей, Ляховъ, и Угръ, и Кленъ, и Подолень, и Воыненъ, и Немецъ Прусскихъ, и Жемонтенъ дватцать тысячъ. Въ прибыломъ полку былъ воевода великій гетманъ Ляцкій, а съ нимъ было Ляховъ двенатцать тысячъ. И всѣхъ было людей подъ Полоцкомъ по полкомъ Польскихъ и Литовскихъ и Ляцкихъ семдесятъ тысячъ; и стояли Польскіе и Литовскіе люди у Полоцка три недели, и пошли

прочъ, а городу ничего не учинили. Въ Вазие стояли царь Шегалей Шегавлеаровичъ; да царь Симеонъ Касаевичъ Казанской, да царевичъ Кайбула, да царевичъ Ибакъ, да государевы бояра и воеводы князь Иванъ Дмитриевичъ Бѣльской съ товарищи. И пришла вѣсть къ царю Шегалею, что Литовскіе люди идуть къ Лукамъ.

И сентября въ 12 день, царь Шегалей, да бояра и воеводы князь Иванъ Дмитриевичъ Бѣльской, Данило Романовичъ Юрьевъ пошли къ Лукамъ на спехъ. А по городу послалъ царь Шегалей къ бояромъ и воеводамъ гонцовъ, а велѣлъ итти за собою на спехъ; а напередъ себя послалъ воеводъ князь Андрея Петровича Телятеского, да боярина Ивана меншого Васильевича Шереметева, да кравчего князь Петра Ивановича Горенского, а велѣлъ имъ итти на Луки спѣшно для приходу Литовскихъ людей. А какъ пришлоъ царь Шегалей на Луки, и въ ту пору были Литовскіе люди подъ Полоцкомъ по полкомъ (ср. *Синб. Сб.* I, 6).

Въ октябрѣ, когда непріятель не взявъ Полоцка, отступилъ, Шахъ-Али, по приказанію государя, послалъ къ Озерищу царя Семена Касаевича и другихъ воеводъ, которые и завладѣли этимъ мѣстомъ въ началѣ ноября ¹⁶⁴).

¹⁶⁴) *Синб. Сб.* I, 7: И октября въ 8 д., царь і великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси прислалъ гонца царю Шигалею Шигалиаровичу Андришкѣ Сумбулова сына Мяснова; а велѣлъ послать царю Шигалею к Озерищамъ царя Симеона Касаевича, да съ нимъ бояръ

своихъ і воеводъ... А к Озерншу царь Семнонь Касаевичъ и воеводы пришли, декабря въ д, и Божиимъ милосердіемъ і Пречистыя Матери і великихъ чудотворцевъ моленіемъ в другіе приступать учали: х городу к Озерншамъ ноября въ 6 д, на память преподобнаго отца нашего Варлама Хутынского чудотворца, городъ Озернша приитомъ зажгли.

Въ 1565 г. находимъ Шахъ - Алія на Литовской границѣ, въ Великихъ Лукахъ. «Тогожь году (7073)», сказано въ *Башм. разр. кн.*, «ходили воеводы по Литовскимъ вѣстямъ, а были на Лукахъ Великихъ по полкомъ. Въ болшомъ полку: царь Шегалей, да бояринъ князь Иванъ Дмитреевичъ Бельской. Въ правой рукѣ: царь Симеонъ, да бояринъ Данило Романовичъ. Въ передовомъ полку: царевичъ Ибакъ, да князь Андрѣй Петровичъ Телятевой. Въ сторожевомъ полку: царевичъ Кайбула, да Василей Андрѣевичъ Бутурлинъ. Въ лѣвой рукѣ: бояринъ Петръ Васильевичъ Морозовъ, да кравчей князь Петръ Ивановичъ Горенской, да князь Давыдъ Гундоровъ».

Въ 1567 г. ходили Городецкіе Татары, по Литовскимъ вѣстямъ, съ царевичами Ибакомъ и Абдуллою въ Великіе же Луки. «Тогоже лѣта 7075», сказано въ *Башм. разр. кн.*, «послалъ государь на Луки Великіе царевичей, царевича Ибака да царевича Кайбулу; приставъ у царевича Ибака Михайло Игнатъевъ сынъ Салтыковъ, у царевича Кайбулы приставъ Федоръ

Карповъ. Съ Городецкими Татарами князь Осяпъ Щербатой. Съ Нагайскими мурзами князь Иванъ князь Ивановъ сынъ Мезецкой. Съ служилыми Татарами князь Юрья Борятинской. Съ Кадомскими Татарами Меншикъ Проестевъ. Съ Казанскими людьми князь Давыдъ Гундоровъ. Съ Свияжскими Татарами Ѳедоръ Образцовъ (*Др. Висл* XIII, 388, 389; *Синб. Сб.* I, 20).

Кое-что о Шахъ-Алиѣ и городкѣ за промежутокъ времени отъ 1563 до 1567 г. узнаемъ мы и изъ Дѣлъ Ногайскихъ.

Въ этомъ отношеніи особенное вниманіе обращаетъ на себя грамота государя Ивана Васильевича, писанная ко князю Исмаилу въ сентябрѣ 1563 (7072) г. Князь Ногайскій жаловался, что съ его людей взимаютъ въ Россіи лишнія пошліны. Государь отвѣчалъ на это: «А что еси писалъ къ намъ о тамгѣ, ино тамги тѣмъ обычаемъ велися изъ стари, что здѣ на *Москот* на насъ тамгу емлютъ. А коли поидутъ на *Резамъ* и на *Коломну*, и они емлютъ на Коломенского наместника тамгужъ. Ино то твоимъ людямъ кабы двѣ тамги кажутца. А коли поидутъ на *Володимиръ*; и тогда тамгу другую емлютъ на Володимирского на мѣстника. Да на Володимирѣже коли ходятъ твои послы; тогда имъ лучитца итти на *Городокъ*. А у насъ исстари живутъ на городкѣ Цари и Царевичи. Ино на Царя и на Царевича идетъ пошлинажъ, да на болшего Князя на *Ширинского* идетъ пошлинажъ. И после того твои послы намъ били че-

ломъ, что ихъ Шигалѣй Царь обидить, а емлетъ у нихъ лутчіе лошади въ пошлину. И мы того для всѣ пошлینی велѣли имати на Москвѣ. И потому твоимъ людемъ кажетца емлютъ на нихъ кабы четьре пошлینی; а тѣ пошлینی емлютъ на нихъ старые, а новыхъ пошлинъ не прибавили есмя ничего. А ныне есмя тебя для друга своего твоихъ гостей пожаловали тѣхъ есмя всѣхъ пошлинъ имати на нихъ не велѣли. И тѣ пошлینی есмя имъ отдали» (*Прод. Древн. Росс. Визл. X*, 320, 324). Отсюда намъ становится положительно извѣстнымъ тотъ фактъ, что въ Касимовѣ взималась изъ давна пошлина въ пользу тамошнихъ царей и царевичей, и что въ 1563 г. получалъ ее Шахъ-Али, въ качествѣ царя Городецкаго. Кто былъ упоминаемый въ грамотѣ Ивана большой князь Ширинскій—мое предположеніе объ этомъ будетъ изъяснено въ послѣдствіи въ статьѣ: «Уразъ-Мухаммедъ».

Другое свѣдѣніе, почерпаемое изъ Дѣлъ Ногайскихъ, относится къ 1564 г. Оно въ сущности незначительно, но для насъ любопытно, потому что Касимовъ названъ Шахъ-Аліевымъ городкомъ; значить и въ 1564 г. Шахъ-Али былъ царемъ Касимовскимъ. Свѣдѣніе это заключается въ слѣдующемъ. Въ грамотѣ поданной государю Ивану Васильевичу въ январѣ 1564 г., сынъ Исмаила Динъ-Ахмедъ (دين احمد), признанный княземъ Ногайскимъ на мѣсто только что предъ тѣмъ умершаго отца, писалъ, что одинъ изъ его людей купилъ дѣвку въ Касимовѣ, и что

дѣвку эту задержали. «Да нашъ паробокъ», сказано въ грамотѣ, «купилъ былъ въ *Шигалеве* Цареве городкѣ дѣвку. И тотъ дей Князь, которой провожалъ пословъ нашихъ, ту дѣвку у моего человѣка отнял. А молвилъ дей такъ, тоѣ дей дѣвки въ пропускной грамоте нѣтъ». Государь обѣщалъ Динь - Ахмеду обратитъ вниманіе на это дѣло. «А которой твой человѣкъ», велѣлъ Иванъ передать новому князю, «въ *Касимове* купилъ дѣвку, и тоѣ дѣвку отняли у него въ Касимове городкѣ, тотъ нашъ сынъ Боярской, которой ихъ провожалъ, для того что у него тоѣ дѣвки въ пропускной грамоте не было, и намъ бы тоѣ дѣвки сыскивавъ велѣти отдати И мы тоѣ дѣвки сыскивати велѣли. И какъ същемъ; и мы еѣ велѣли тебѣ отдати» (*Прод. Древн. Росс. Висл.* XI, 52, 65).

Еще знаемъ мы о Шахъ-Аліѣ изъ разрядовъ (*Др. Висл.* XIII, 361; *Синб. Сб.* I, 8), что въ 1565 (7073) г. годовалъ «въ городкѣ у Царя Шигалѣя Окольничей Михайла Михайловичъ Тучковъ». Фактъ этотъ ясно свидѣтельствуетъ, что Шахъ-Али и въ 1565 г. продолжалъ по прежнему владѣть Касимовымъ. Нѣтъ причины сомнѣваться въ томъ, чтобы ханъ не удержалъ городка въ своихъ рукахъ по самую свою кончину.

Къ послѣднимъ днямъ жизни Шахъ-Алія относится одинъ документъ, касающійся Касимова и найденный мною въ копіи въ бумагахъ Гагина, именно жалованная грамота Ивана IV слобожанамъ ямской слободы города Касимова. Считаю долгомъ приложить эту гра-

моту здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ она отыскалась у Гагина.

«Се язъ царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи пожаловалъ есми слобожанъ въ Касимовѣ городѣ на посадѣ ямской слободы, приказщика да старосту и охотниковъ да дворниковъ пятьдесятъ человекъ. Не надобе имъ моя царева и великаго князя дань, ни ямскія денги, посошная служба, ни городское всякое дѣло, ни податей моихъ всякихъ не даютъ, съ черными людьми и съ городскими и съ сельскими некоторые проторы не тянутъ. А намѣстницы наши Касимовскіе, и волостели и ихъ тиуны кормовъ своихъ у нихъ не емлютъ, и не всылаютъ къ нимъ ни по что. И тѣхъ слободскихъ приказщиковъ и старостъ и охотниковъ и дворниковъ, самихъ и ихъ дѣтей и ихъ людей, не судятъ ни въ чемъ; а судить тѣхъ ямскихъ охотниковъ и дворниковъ и ихъ дѣтей и ихъ людей, приказщикъ ямской да староста. А пошлинъ приказщикъ емлетъ съ рубля по алтыну, а хоженанаго денга. А пошлютца на правду, ино имати ѣзду на двѣ версты по денгѣ, а на правду вдвое. А пересуду и праваго десятка приказщику суда нѣтъ. А случитца тѣмъ слобожанамъ судъ смѣстно съ городскими и съ волостными людьми въ душегубствѣ, ино ихъ судятъ Касимовскіе намѣстницы и ихъ тиуны. А приказщикъ слободской съ нимижь судить, а старосты слободскіе у нихъ на судѣ сидятъ для береженья. А правъ или виноватъ слобожанинъ, приказщику и старостамъ, городской или волостной чело-

вѣкъ правъ или виновать, намѣстнику и волостелемъ и ихъ тиуномъ, а на виноватомъ исповъ искъ допра-
вити, да отдать ищемъ. А будетъ душегубство въ
слободѣ, а ищей и отвѣтчикъ оба слобожанина, ино
ихъ судятъ приказщикъ ямской да старосты въ ду-
шегубствѣ и во всякихъ дѣлехъ, опричь разбою. А
явитца въ слободѣ убитая голова, кто подкинетъ въ
ту слободу, или водою наплюетъ, или возомъ со-
третъ, или съ дерева убьетца, или отъ своихъ рукъ
утеряетца, и слобожанамъ та голова явити своему при-
казщику, а тиуну, посадчику, и городовому приказщику
поголовщины не платятъ. А воеводѣ и намѣстнику и
волостелемъ и ихъ тиуномъ, посадникомъ, и городо-
вому приказщику до того душегубства и во всякихъ
дѣлехъ, до нихъ дѣла нѣтъ. А розбойное съ поличнымъ
судятъ старосты губные, а приказщикъ слободской и
старосты съ нимъ же судятъ для береженья. А правъ
или виновать, по судебнику и дѣло кончаютъ, а вино-
ватыхъ казнятъ, по моему цареву и великаго князя
указу. А губные старосты безъ приказщика не су-
дятъ. А пожаловалъ есми своихъ слобожанъ въ тор-
ханѣхъ ото всякихъ своихъ податей и ихъ дворы и
нашни, за то что имъ въ Касимовѣ городѣ на посадѣ
на яму подводы держати по трое лошадей съ выти,
на мое цареву и великаго князя разное дѣло и на
земское. А прогоны имъ иматъ на десять верстъ по
три денги, а проводнику на тридцать верстъ по двѣ
денги. А давать имъ подводы по моимъ царевымъ и
великаго князя грамотамъ, и по воеводскимъ и по на-

мѣстничьямъ, и по грамотамъ городовыхъ приказщи-
ковъ. А лошадей имъ у городскихъ людей и у волост-
ныхъ отнюдь не имати; а возметъ которой охотникъ
на ямъ лошадь въ подводы у кого ни буди, и тѣмъ охот-
никомъ быти отъ меня царя и великаго князя казне-
нымъ. А которые гонцы обмѣняють подводы на дорогѣ
въ селѣхъ и въ деревняхъ у кого ни буди, а тѣ люди тѣ
обмѣнные всталые подводы учнутъ у себя задержива-
ти, а Касимовъ городокъ на ямѣ, къ ямскимъ охотни-
комъ отводить ихъ не учнутъ того же дни, и приказщи-
ку тѣхъ людей давати на поруки цареве и великаго
князя пенѣ, да на тѣхъ людей доправлявати всякой
подводѣ по три алтына на день. А будетъ кому дѣло
до слобожанина и на иномъ городѣ, и намѣстникъ его
велитъ дать на поруку, да отослать въ Касимовъ го-
родокъ къ приказщику слободскому, и намѣстникъ его
не судить нигдѣ ни въ какихъ дѣлахъ. Такожъ есми
тѣхъ слобожанъ пожаловалъ. Наши недѣльщики пло-
щадные и двѳрцовые по нихъ не ѣздятъ, и на поруки
ихъ не даютъ, и сроковъ на нихъ не наметываютъ
ни въ какихъ дѣлахъ. А кто срокъ накинеть сильно,
и они къ тому сроку къ отвѣту не ѣздятъ; а кто на
нихъ по срокѣ возметъ безсудную, и та безсудная
не въ безсудную. А кому будетъ до котораго сло-
божанина какое дѣло, или слобожанину до сторон-
нихъ людей до которыхъ ни буди какое дѣло, и въ
томъ на слобожанъ тѣ люди, и слобожане на сторон-
нихъ людей на кого ни буди наметываютъ мои царе-
вы и великаго князя зазывныя грамоты, да по тѣмъ

зазывнымъ на сроки ставятъ за-отвѣтами, а сужу ихъ язъ царь и великій князь, или наши казначей, или кому будутъ приказаны ямскія дѣла судити, а опричь ямскаго судьи тѣмъ слобожаномъ не искати и не отвѣчати ни предъ кѣмъ. Да тѣхъ же есми слобожанъ пожаловалъ. Кто ѣдетъ на наемныхъ подводѣхъ, и имъ подводы наймовати у охотниковъ; а охотникомъ имати у нихъ наемъ по указу на десять верстъ по три денги. А мимо охотниковъ подводъ въ наемъ никому не давать; а кто дастъ подводу въ наемъ подъ гонцы, и того изымають приказщикъ и старосты, да возмутъ на немъ на меня, царя и великаго князя, заповѣди два рубля денегъ, да тѣ денги привозятъ въ мою цареву и великаго князя казну къ дьякомъ, которымъ ямы приказаны. Да слобожанъ же есми пожаловалъ. Кто тѣхъ слобожанъ въ слободѣ женитца или въ Касимовѣ на посадѣ или въ иной слободѣ или волостяхъ, или дочерь дастъ изъ тое слободы замужъ на посадѣ или въ волость или въ слободу, и приказщику и старостамъ, кому они приказаны, имати на меня, царя и великаго князя, за убрусъ четыре денги, а за выводную кунцу алтынъ, а знамя емлютъ у митропалича приказщика, а за вѣнцы отъ знаменъ даютъ приказщику митрополичу съ холосца по три денги, а со вдовца алтынъ, а съ трехъженца два алтына. На пиръ къ нимъ и въ братчины незванъ сильно не ѣздитъ никто; а кто къ нимъ на пиръ незванъ пріѣдетъ, и отъ него вышлютъ вонъ бездѣльно, а кто не пойдетъ вонъ, а учи-

нитца туто у нихъ какая гибель, и тому незваному за гибель платить вдвое безъ суда. А кто къ кому приѣдетъ въ слободу гость или какой человекъ ни буди, или кто наймита найметъ, и тому слобожанину того своего гостя и наймита явити приказщику и старостамъ, кому они приказаны; а отъ явки приказщику и старостамъ у нихъ не имать ничего. А кто не явить приказщику и старостамъ своего гостя или наймита или кого ни буди, и приказщику и старостамъ на тѣхъ людѣхъ, которые не являютъ, имати заповѣди на меня, царя и великаго князя, два рубля денегъ. А которой слобожанинъ купить или вымѣняеть лошадь у городского человека или волостного и у приѣзжего у кого ни буди, или кому охотникъ лошадь продать или промѣняеть, и они съ тѣхъ лошадей тамги и пошлыны не платятъ, а являютъ тѣ лошади охотники, кто купить или кто продать или промѣнить, своему приказщику и старостамъ, кому они приказаны; и приказщикъ и старосты пишутъ у себя явки изъ за купца и продавца и лошади въ шерсть и цѣну, сколько которой лошади лѣтъ, а за пищега емлютъ они себѣ по денгѣ съ лошади. Такожъ есми слобожанъ пожаловалъ. Ослободилъ есми имъ брагу держать про себя, а пива и меду и вина на корчмы имъ у себѣ отнюдь не держать. И будетъ у кого корчма, или кто своего питья приказщику и старостамъ не явить, и приказщику и старостамъ у того слобожанина корчма выняти, а заповѣди взяти на меня, царя и великаго князя, два рубля денегъ. А вы-

нетъ кто у кого слобожанина корчму опричь приказ-
щяка и старость, и на томъ приказщикѣ и старо-
стахъ взять заповѣди на меня, царя и великаго князя,
по пяти рублевъ денегъ, а того слобожанина казнити
торговою казнію бить кнутомъ, да его изъ слободы
выслать вонъ, а дворъ и животы описать на меня,
царя и великаго князя. Также есми слобожанъ по-
жаловалъ. Наши воеводы, князи и бояре и дѣти
боярскіе, и всякіе ратные люди, Татарове и князи
и мурзы, и всѣ служебные люди, и всякіе посланни-
ки и гонцы и Нагайскіе послы въ ихъ дворѣхъ силь-
но не ставятца, и кормовъ своихъ и конскихъ на нихъ
сильно не емлютъ, и въ лѣтнюю пору на ихъ паш-
няхъ и на лузѣхъ и на покосѣхъ не ставятъжеса, и
не высылаютъ къ нимъ ни по что, а кормъ свой и
конской купать у нихъ по цѣнѣ, какъ имъ продадутъ.
А ставятца послы и гонцы на яму, на то ямъ устро-
енъ. А которые наши воеводы, князи и дѣти бояр-
скіе и всякіе служилые люди у тѣхъ слобожанъ въ
ихъ дворѣхъ учнутъ ставитца сильно, или что воз-
мутъ или чѣмъ ихъ изобидятъ, и тому отъ меня,
царя и великаго князя, быти въ опалѣ, и на немъ то
взяти вдвое безъ суда. А которые охотники или ихъ
дѣти, или ихъ люди пойдутъ въ верхъ по Окѣ къ Те-
рехову, или въ низъ къ Мурому или въ новыго-
роды отъ ямской вдаль за урокомъ, и они въ тѣхъ
во всѣхъ городѣхъ съ головы по алтыну гостинаго
не даютъ; а поѣдутъ тѣ охотники торговать въ ко-
торой городъ ни буди, и пошлинные люди во всѣхъ

городѣхъ на тѣхъ охотникахъ пошлины емлютъ по тому, какъ и съ торговыхъ людей. А которые наши воеводы, посадчики и городовые приказщики, и ключники и высылщики и всякіе мои царевы и великаго князя посланники учнутъ отъ себя гонцовъ посылать по своимъ подорожнымъ грамотамъ на подводѣхъ и въ судѣхъ въ иные города куды ни буди по уѣздамъ, и тѣ де воеводы и городовые приказщики и ключники и высылщики и всякіе посланники своимъ гонцомъ подводы даютъ въ уѣздъ на пять верстъ, да тѣхъ своихъ гонцовъ имена куды пошлютъ и сколько кому подводъ даютъ пишутъ у себя въ книги, да тѣ свои отпуски присылаютъ къ Москвѣ къ дьякамъ въ ямскую избу для справки ямскихъ книгъ. А коли они явятъ сію нашу грамоту Касимовскимъ воеводамъ, посадчикомъ и всякимъ приказнымъ людямъ и ихъ пошлинникомъ, они съ нее явки не даютъ ничего. Дана грамота на Москвѣ, лѣта 7075 (1567), марта въ 27 день». *Подлинникъ писанъ на листѣ, длиною 1 арш. 10¹/₂ вершк., шириною 10¹/₂ вершк.; въ концѣ привѣшена печать изъ краснаго воска. На оборотѣ слѣдующія подтвержденія: «Лѣта 7102 (1594), іюля въ 1 день, государь царь и великій князь Ѳеодоръ Ивановичъ всеа Русіи сее жалованные грамоты слушалъ, и выслушавъ, пожаловалъ Касимовскаго яму приказщика и охотниковъ, велѣлъ подписати на свое государево и царево и великаго князя Ѳеодора Ивановича всеа Русіи имя, и сее жалованныя грамоты рудити у нихъ не велѣлъ, а велѣлъ ходити, какъ у нихъ въ сей жа-*

лованной грамотѣ писано. — А подписалъ государя царя и великаго князя Ѳеодора Ивановича всеа Русіи дьякъ Андреянъ Егоровъ. 2) Лѣта 7107 (1599), августа въ 4 день, государь царь и великій князь Борисъ Ѳеодоровичъ всеа Русіи сее жалованные грамоты слушавъ, Касимовскаго яму приказщика и старосту и охотниковъ пожаловалъ, велѣлъ при себѣ грамоту подписати на свое цареве и великаго князя имя, и сее у нихъ грамоты рудити не велѣлъ никому ни въ чемъ, а велѣлъ у нихъ ходити о всемъ по тому, какъ въ сей жалованной грамотѣ писано, опричь наемныхъ подводъ. — А подписалъ государя царя и великаго князя Бориса Ѳеодоровича всеа Русіи дьякъ Богданъ Бухвостовъ. 3) Лѣта 7116 (1608), февраля въ 1 день, государь царь и великій князь Василей Ивановичъ всеа Русіи сее грамоты слушавъ, Касимовскаго ямскаго приказщика и охотниковъ пожаловалъ, велѣлъ сію грамоту подписать на свое цареве и великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи имя, и рудити у нихъ сее грамоты не велѣлъ никому ни въ чемъ, а велѣлъ ходити о всемъ по тому же, какъ въ сей жалованной грамотѣ писано. — А подписалъ государя царя и великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи дьякъ Михайло Огарковъ. 4) Лѣта 7124 (1616), марта въ 24 день, государь царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ всеа Русіи сее грамоты слушавъ, Касимовской ямской слободы приказщика и охотниковъ пожаловалъ, велѣлъ сію грамоту подписать на свое цареве и великаго князя Михаила Ѳеодоро-

веча всеа Русіи ния, и рудити у нихъ сее грамоты не велѣлъ никому ни въ чемъ, а велѣлъ ходити о всемъ по тому, какъ въ сей грамотѣ писано. — А подписалъ государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи дьякъ Данило Яковлевъ. 5) Лѣта 7154 (1646), марта въ 20 день, государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи сее грамоты слушавъ, Касимовскихъ охотниковъ пожаловалъ, велѣлъ сію грамоту подписать на свое царство и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи ния, и рудити у нихъ сее грамоты не велѣлъ никому ни въ чемъ, а велѣлъ ходити о всемъ по тому, какъ въ сей грамотѣ писано. — Подпись дьяка Василья Яковлева. 6) Лѣта 7186 (1678), іюня въ 1 день, великій государь царь и великій князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержецъ, сее грамоты слушавъ, Касимовскихъ охотниковъ пожаловалъ, указалъ сію грамоту подписать на свое великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, ния, и рудить у нихъ сее грамоты не указалъ никому ничѣмъ, а указалъ ходитъ о всемъ по тому, какъ въ сей грамотѣ писано. — Подпись дьяка Гурія Блудова. 7) Лѣта 7193 (1685), марта въ 11 день, великіе государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцы, сее грамоты слушавъ, Касимовскихъ охотниковъ пожаловали, указали сію грамоту подписать на свое великихъ государей

царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, всяя Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцевъ, ния, и рудить у нихъ сее грамоты не указали никому ничѣмъ, а указали ходить о всемъ по тому, какъ въ сей грамотѣ писано. — Подписи дяковъ Алексѣя Зуева и Ивана Меркулова».

20-го апрѣля 1567 года Шахъ-Али скончался. Онъ былъ похороненъ въ Касимовѣ, гдѣ и до сихъ поръ уцѣлѣлъ его надгробный памятникъ. Въ *Алекс. Нев. Лѣт.* годъ смерти Шахъ-Алія обозначенъ иначе. «Апр. въ 22 (г. 1566)», сказано тамъ (*Жар.* пр. 217 къ Т. IX), «не стало въ животѣ на Касимовѣ городкѣ Шигадея Царя». Лѣтописецъ, какъ видно, ошибся на цѣлый годъ.

Шахъ-Али умеръ бездѣтнымъ. По крайней мѣрѣ несомнѣнныхъ доказательствъ противному не имѣемъ; знаемъ же навѣрно (см. ниже, стр. 585), что еще въ 1552 г. у хана не было ни сыновей, ни дочерей. Одно время жила при немъ племянница, дочь Джанъ-Алія, которую онъ принялъ къ себѣ въ домъ. Племянницу эту онъ содержалъ какъ дочь. Ногайскій князь Исмаилъ, бывъ еще мурзою, сваталъ ее за старшаго сына своего Мухаммедъ-мурзу, котораго онъ въ послѣдствіи, когда сдѣлался княземъ, предназначалъ себѣ въ наслѣдники (Мухаммедъ-мурза умеръ прежде отца, именно въ 1562 году; см. *Прод. Дреен. Росс. Висл.* X, 207); но свадьба эта не состоялась. Любопытно, что Исмаилъ въ грамотахъ своихъ къ Ивану IV, въ которыхъ онъ просилъ для сына руки Шахъ-Аліе-

вой племянницы, постоянно называлъ ее дочерью Шахъ-Алія; Иванъ же въ отвѣтахъ своихъ къ Исмаилу звалъ ее не иначе, какъ племянницею хана, дочерью Джанъ-Алія. Сватовство началось около 1550 года. «Да чтобъ еси *Шигалеву* цареву дочь», писалъ Исмаилъ Ивану въ грамотѣ, полученной въ маѣ 1551 г., «взявъ далъ за моего сына, чтобъ намъ свататься». «А въ грамоте своей къ намъ», отвѣчалъ на это Иванъ въ маѣ же 1551 г., «писалъ еси... за сына бы твоего *Еналтеву* Цареву дочь дати. И мы прежде сево послали къ тебѣ своего посла *Петра Тургенева*... и о Еналтеве Цареве дочери... велѣли съ тобою говорити своему послу Петру Тургенову». Дѣло длилось въ теченіи всего 1551 г. Исмаилъ въ этомъ году еще разъ повторилъ свою просьбу. «Бѣлому Царю», писалъ онъ въ грамотѣ къ Ивану, привезенной въ іюлѣ, «и Шигалѣю Царю въ дружбу и въ братство пригодитца сынъ мой большой *Лааметъ* (чит. *Мааметъ*) мирза, чтобъ есте зятемъ учинили, а за тѣмъ его не облыгайте, что онъ женатъ, занъ же не дѣвку онъ повелъ». Иванъ, въ отвѣтъ на это, обѣщалъ Исмаилу передать его просьбу Шахъ-Алію. «А о сыне твоемъ Мааметъ мирзѣ», писалъ онъ Исмаилу въ концѣ іюля же мѣсяца, «пошлю въ Казань къ *Шигалѣю* Царю, чтобъ его себѣ сыномъ учинилъ, а племянница его у него въ Казани будетъ» (припомнимъ, что объ эту пору со дня на день ждали воцаренія Шахъ-Алія въ Казани; см. выше, стр. 347—350). Въ 1552 году предположеніе о женитьбѣ Му-

хаммедъ-мурзы на Шахъ-Аліевой племянницѣ рушилось. Весною Исмаилъ пытался было снова просить руки ея для сына. «А Шигалѣву дочь», писалъ онъ Ивану въ грамотѣ, присланной въ маѣ, «просилъ есми за сына своего за *Мамедъ* мирзу, чтобъ Князь братъ велѣлъ сватомъ быти, бью челомъ. А не съ Шигалѣемъ Царемъ язь хочю быти въ сватовстве и въ братстве, съ тобою хочю быти въ сватовстве и въ братстве. Брату моему вѣдомо буди». На этотъ разъ Иванъ отклонилъ просьбу Исмаила. Въ началѣ же іюня онъ отвѣчалъ мурзѣ, что Шахъ-Али, съ которымъ онъ говорилъ про это дѣло лично (Шахъ - Али объ эту пору находился въ Москвѣ и праздновалъ свадьбу свою съ Сююнь-бекой; см. выше стр. 364), не можетъ рѣшиться на разлуку съ племянницей. Сверхъ того въ грамотѣ своей государь упрекалъ Исмаила, зачѣмъ онъ не присылалъ жениха въ Россію. «А что еси писалъ къ намъ о *Еналѣеве* Цареве дочери», писалъ Иванъ Исмаилу, «и мы съ *Шигалѣемъ* Царемъ о томъ говорили. И Шигалѣй Царь говоритъ, что у него опричь еѣ сына и дочери нѣтъ (замѣтимъ слова эти; онѣ важны: Иванъ положительно говоритъ, что у Шахъ-Алія въ 1552 году дѣтей не было вовсе), и ему еѣ отъ себя отпустить немочно. А мы къ тебѣ напередъ сево писали, чтобы еси сына своего къ намъ прислалъ. И ты сына своего не прислалъ. И на насъ то дѣло не осталось» (*Прод. Древн. Росс. Визл.* VIII, 228, 240, 283, 284, 288, 331, 335, 336). Отказомъ со стороны Ивана сва-

товство кончилось. Между тѣмъ, объ эту же самую пору, Шахъ-Аліева племянница, дочь Джанъ-Алія, вышла за мужъ за царевича Астраханскаго Абдуллу Акъ - кубеквича, который только что выѣхалъ въ Россію (см. выше, пр. 148, стр. 393). Открывшаяся съ пріѣздомъ Абдуллы возможность пристроить не вѣсту у себя дома была, но всей вѣроятности, одной изъ причинъ, побудившихъ государя и Шахъ - Алія отказать Исманлу. — Кромѣ упомянутой мною племянницы, были еще у Шахъ-Алія, какъ мы увидимъ при описаніи Касимовскихъ надгробныхъ памятниковъ, двѣ близкія родственницы, которыхъ онъ воспиталъ: Ханъ - султанъ и Магъ - султанъ. Первая изъ нихъ умерла въ дѣвицахъ въ 1558 г., 27 лѣтъ отъ роду; другая пережила Шахъ-Алія, и въ эпоху его кончины была еще не замужемъ. Карамзинъ (IX, 66) пишетъ, со ссылкою въ пр. 217 на Дѣла Крымскія, что Иванъ Васильевичъ вскорѣ послѣ кончины Шахъ-Алія, предлагалъ хану Крымскому Даулетъ - гирею женить сына или внука на дочери Шахъ-Алія, и взять въ приданое городъ отца ея, Касимовъ. Быть можетъ, эта предполагаемая дочь Шахъ-Алія была никто иная, какъ Магъ - султанъ. Въ Дѣлахъ Крымскихъ, не вѣста, руку которой предлагали Крымскому султану, могла быть названа дочерью хана, точно также какъ въ Дѣлахъ Ногайскихъ названа дочерью же Шахъ-Алія его племянница отъ Джанъ-Алія.

Памятникомъ долголѣтняго пребыванія Шахъ-Алія въ Касимовѣ осталась выстроенная имъ, такъ назы-

ваемая мѣстными Татарами текіе (تکبه — мавзолей). Ханъ построилъ это зданіе въ 1555 году. Въ немъ погребены были онъ самъ и многія близкія ему лица. Доказательствомъ служатъ удѣлѣвшіе до нынѣ въ текіѣ надгробные камни и надписи ¹⁶⁵⁾.

¹⁶⁵⁾ Обычай возводить для себя и для своего семейства особые мавзолеи существуетъ издавна во всѣхъ мусульманскихъ земляхъ. Стрѣлись, и теперь еще строятся подобнаго же рода часовни надъ прахомъ святыхъ, или лицъ, ознаменовавшихъ себя чѣмъ либо особеннымъ. Много такихъ часовенъ разсыяно и у насъ въ Россіи, въ странахъ, бывшихъ нѣкогда центрами мусульманскаго населенія. Всего чаще встрѣчаются они въ Оренбургскомъ краѣ, и въ Киргизъ-Кайсацкой степи. Киргизъ-Кайсаки и Татары зовутъ ихъ *астане* (آستانه); эти же самымъ именемъ зовутся строенія надъ могилами святыхъ и въ сѣверной Персіи; см. Дорнъ. Отчетъ объ ученѣмъ путешествіи по Кавказу въ VIII части Трудовъ Восточнаго отдѣленія Императ. Археол. Общества, стр. 235). Георгъ въ своихъ: *Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in den Jahren 1773. und 1774. Zweyter Band. St. Petersburg. 1775*, стр. 729 — 731, описалъ одну изъ такихъ астанъ, находившуюся не далеко отъ Уфы. Объ астанахъ въ Киргизской степи см. мою статью: Памятникъ съ Арабско-Татарскою надписью въ Башкиріи, въ IV части Трудовъ Восточнаго отдѣленія Императ. Археол. Общества, и рисунокъ, приложенный къ Т. I. моихъ Историческихъ Извѣстій

о Киргизъ-Кайсакахъ, и о сношеніяхъ Россіи съ Среднею Азією. Уфа. 1853.

Шахъ - Аліева текіе — памятникъ замѣчательный, заслуживающій какъ по своей постройкѣ и внутреннему расположенію, такъ и по надгробнымъ камнямъ и вырѣзаннымъ на нихъ надписямъ, подробнаго и внимательнаго разсмотрѣнія.

Постараюсь, по мѣрѣ возможности, выполнить эту задачу.

Въ общихъ чертахъ текіе описана была нѣсколько разъ въ различныя времена; сняты были даже рисунки и планы съ ея наружнаго вида и внутренняго устройства.

Въ первый разъ описалъ текію Палласъ, посѣщавшій Касимовъ, какъ я имѣлъ уже случай сказать выше (стр. 64), въ августѣ 1768 года. Описаніе находится въ его Путешествіи по разнымъ провинціямъ Россійской имперіи. Ч. I. Спб. 1773, стр. 44—47. Вотъ подлинныя слова Палласа: «Въ южновосточную сторону отъ сего строенія (т. е. отъ остатковъ прежняго дворца Касимовскихъ хановъ; см. выше, на стр. 70, 71, выписку изъ Палласова Путешествія) находится Ханское кладбище въ саду хозяина и понынѣ еще неразрушено. При ономъ ничего не видно Готскаго; но состоитъ только изъ продолговатыхъ четвероугольныхъ толстыхъ кромѣ простаго карниза никакого украшенія неимѣющихъ стѣнъ, складенныхъ изъ гладко отесанныхъ камней. На запад-

номъ концѣ онаго находится небольшой пустой, уповательно для моленія по Магометанскому обычаю назначенный покой со входомъ при западной стѣнѣ и съ малымъ окномъ на сѣверной сторонѣ; а оной покой усланъ нетесаннымъ дикимъ камнемъ. Протчую часть занимаетъ сводъ или погребъ, въ которомъ находятся надгробные камни. Поверхъ сводовъ пустая часть засыпана землею, на которой нынѣ растетъ калина. Все строеніе отъ востока къ западу длиною больше 20, шириною больше 11, а вышиною до 7 аршинъ. Вънутри малаго погреба, считая отъ востока къ западу, не много ширѣ четырехъ аршинъ съ половиною. Въ большой погребъ сдѣланъ входъ съ южной стороны почти въ срединѣ всего строенія, и слѣдовательно близъ простѣнка между погребами. Помянутый входъ снаружи до полутора, а извнутри больше двухъ аршинъ шириною, и сдѣланъ на подобіе воротъ: но не видно слѣдовъ, чтобы прежде были крючья, на которые навѣшиваются двери. Надъ онымъ въ срединѣ карниза вмазана каменная дска съ краткою Арапскою надписью, которую мнѣ перевели слѣдующимъ образомъ: Единому великому Богу! владѣлецъ сего мѣста Шагали Ханъ, сынъ Султана Шихъ-аулеара; мѣсяца Рамазана въ 21 день въ 962 году. А именно по побѣгѣ Магомета; что по нашему численію, естьли не погрѣшаю, значить 1520 годъ (Палласъ дѣйствительно ошибся: 962 г. гиджры соотвѣтствуетъ 1554,5 г.). Помянутый погребъ, считая отъ востока къ западу, длиною до девяти аршинъ съ четвертью, а шириною 8

арш. съ четвертью, а вышиною нѣсколько больше пяти аршинъ. Въ стѣнѣ на сѣверъ сдѣланы два окна, а на востокъ только одно, которыя снаружи сужены и были съ желѣзными рѣшетками; но кому то за благо разсудилось оныя выломать. Въ семъ погребѣ видны 8 продолговатыхъ могилъ. У стѣны на востокъ находится пять могилъ одна подлѣ другой, а шестая близъ дверей, и всѣ сіи, какъ то кажется, складены изъ красноватой сжееной глины. Седьмая лежитъ въ самой срединѣ, длиною больше семи футовъ, а вышиною почти въ аршинъ, и окладена камнемъ на подобіе ступеней. Осьмая позади сей находящаяся окладена такимъ же образомъ, но почти четверугольна; по чему и кажется, что въ ней положены были два покойника: ибо въ семъ могильномъ погребѣ дѣйствительно находится девять череповъ головныхъ. У каждой могилы въ головахъ или на западъ былъ поставленъ на четверугольномъ подвожѣ тупоострый надгробный камень вышиною до шести футовъ. Изъ числа оныхъ стоятъ еще только два, а протчіе лежатъ во кругъ разломаны. У всѣхъ сихъ камней обороченная къ западу сторона высѣчена гладко цвѣтами или звѣздочками на подобіе решетки, а другая украшена раздѣленною на клѣточки чисто высѣченною Арапскою надписью. Подъ симъ сводомъ, въ которомъ стояли надгробные камни, есть подземной могильной погребъ равной длины, но не столь пространенъ; и можно въ оной входить только сквозь узкой камнемъ и землею заваленной проходъ, у котораго

устѣ съ наружи выкладено плитами. Въ семъ низкомъ погребѣ лежали кости на деревянныхъ амвонахъ: но хулы достойныя любопытные люди новѣйшихъ временъ ихъ спокойное домовище разрушили, такъ что нынѣ ничего больше не находится, какъ только около лежащія разбросанныя черепы, кости, волосы и локуты желтой, зеленой, жаркой, полосатой тонкой тафты, которые еще нарочито крѣпки и не очень полиняли».

Послѣ Палласа, Шахъ-Аліева текіе была описана Щекатовымъ въ его: Словарѣ географическомъ Россійскаго государства, въ Ч. III, подъ словомъ: *Касимовскіе Татары*. Описаніе это не имѣетъ рѣшительно никакой цѣны, потому что оно слово въ слово перепечатано изъ Путешествія Палласа. Нельзя впрочемъ не замѣтить, что въ словарь Щекатова въ ту же III-ю часть, но только подъ другимъ словомъ: *Касимовъ*, вкралась грубая ошибка: годъ 962 гаджры, когда была построена текіе, Щекатовъ принялъ за годъ смерти Шахъ-Алія. Говоря именно, подъ словомъ: *Касимовъ*, о надписи, вырѣзанной надъ входомъ въ текію, Щекатовъ пишетъ: «По имѣющейсѣ тутъ надписи на *Арабскомъ* языкѣ видно, что тутъ опочиваетъ съ 962 *Емры*, по нашему Лѣтосчисленію съ 1520 года, страны сей *Ханъ-Шахали*». Щекатовъ, какъ видно, дурно понялъ слова Палласова перевода: «владѣлецъ сего мѣста» (т. е. строитель). Авторъ словаря могъ бы легко избѣжать ошибки, еслибъ обратилъ вниманіе на тотъ переводъ надписи

Шахъ - Алиева надгробнаго памятника, который имъ же самимъ приведенъ подъ словомъ: *Касимовскіе Татары*.

За тѣмъ было говорено о текѣ въ статьѣ: О древнихъ зданіяхъ въ Рязанской губерніи по 1827 годъ, напечатанной въ Отечественныхъ Запискахъ, изд. П. Свиньиннымъ. 1828. Ч. 33, стр. 455, 456; въ статьѣ: О замѣчательныхъ памятникахъ древности въ Рязанской губерніи, помѣщенной въ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ за 1838 г., № 272 (изъ Рязанск. губ. Вѣд.); въ статьѣ: О городѣ Касимовѣ, Рязанской губерніи, находящейся въ Журн. мин. вн. д. 1841. Июль. Ч. XII. Смѣсь, стр. 9; и наконецъ въ сочиненіи г. Барановича: Рязанская губернія (Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба). Спб. 1860, стр. 526, 550 и 551.

Изъ всѣхъ этихъ описаній, болѣе другихъ заслуживаетъ вниманія, по нѣкоторымъ сообщаемымъ имъ подробностямъ, описаніе, напечатанное въ статьѣ: О замѣчательныхъ памятникахъ древности въ Рязанской губерніи. Приведу его въ подлинникѣ: «Въ 35-ти саженьяхъ отъ Касимовской Ханской мечети, построенной изъ дикаго камня, Царемъ Касимомъ, находится изъ такого же камня памятникъ, или палатка, построенная въ 1520 году, Царемъ Шихъ-Алеемъ, подъ которой погребалась фамилія Царя.... Палатка при мечети, построенная изъ дикаго камня, имѣетъ въ длину 18 съ половиной, въ ширину 12, и въ высоту 7

аршинъ; она—съ капитальною внутри перегородкой, безъ кровли и со сводами; на верхней, гладкой и уравненной землею площади растутъ разнородныя деревья, изъ коихъ нѣкоторыя, какъ надобно полагать, были посажены, а другихъ сѣмяна занесены вѣтромъ. Палатка сія имѣетъ съ востока одно, и съ сѣвера три окна; входъ въ одно отдѣленіе—съ юга, а въ другое съ запада. Въ восточномъ отдѣленіи устроено 9 гробницъ, со сводами изъ кирпича, у которыхъ въ ногахъ поставлены дикіе камни, съ надписями на Арабскомъ языкѣ. Западное отдѣленіе предназначалось для моленій, но теперь оно пусто; подъ восточнымъ отдѣленіемъ находится подвалъ со сводами, гдѣ, по устнымъ преданіямъ, въ деревянныхъ склепахъ, хранились тѣла скончавшихся Царей. Въ полу подвала, у трехъ стѣнъ, въ величину кирпича, видны продушины, какъ будто для очищенія воздуха въ нижнемъ какомъ либо отдѣленіи, о существованіи коего, однакожъ, ничего неизвѣстно. По давности времени, сія палатка начинаетъ разрушаться.

Всѣ остальные три описанія весьма кратки и неполны. Годъ построенія текіи во всѣхъ нихъ, за исключеніемъ сочиненія г. Барановича (гдѣ годъ вовсе не выставленъ), означенъ, какъ и у Паласа, ошибочно—1520. О числѣ гробницъ и камней въ текіѣ говоритъ одинъ Барановичъ. «Внутри мавзолея, построеннаго царемъ Шихъ-Алеемъ», пишетъ онъ, «поставлено девять гробницъ подъ кирпичными сводами; у каждой изъ нихъ въ головахъ камень, съ вы-

рѣзанными фигурами и арабскими надписями». Сочинители всѣхъ трехъ описаній утверждаютъ, что подъ подземнымъ этажемъ текіи находился дѣйствительно тайникъ. Авторъ статьи: О городѣ Касимовѣ, полагаетъ, что ходъ въ него, вѣроятно, былъ изъ мечети, подземный. Тоже мнѣніе раздѣляетъ и г. Барановичъ. «Засыпанныя землею каменные ступени, замѣтныя въ срединѣ минарета, «пишетъ онъ, «рождаютъ предположеніе, что изъ мечети былъ нѣкогда подземный ходъ къ мавзолею».

Въ послѣдній разъ текіе была описана въ 1860 г. на мѣстѣ муллою Хусейномъ Фейзъ-хановымъ, ѣздившимъ нарочно въ Касимовъ, по порученію Императорскаго Археологическаго Общества. Рукописное описаніе свое, составленное на Татарскомъ языкѣ, мулла Хусейнъ сообщилъ мнѣ. Предлагаю его здѣсь въ Русскомъ переводѣ. «Шяхъ Алиева текіе находится саженьхъ въ 35 отъ старой Касимовской мечети. Она имѣетъ въ длину около 19 аршинъ, въ ширину 12, а въ вышину около 7 аршинъ. Сложена она изъ бѣлаго камня. вмѣсто крыши сдѣланы два отлогихъ кирпичныхъ свода; по всему верху ихъ растутъ деревья и кустарники: шиповникъ, черемуха, рябина въ большомъ количествѣ, и сосны, уродливыя, но довольно толстыя. По наружнымъ стѣнамъ на верху видны слѣды бывшаго нѣкогда карниза; изъ за нихъ и изъ за деревьевъ, которыми обросла крыша, сводовъ съ низу разглядѣть нельзя. Дверей—двѣ, оконъ—четыре; двери и окна желѣзныя.

Внутренность мавзолея раздѣлена капитальною стѣною на двѣ комнаты: одну, большую, и другую, на лѣво отъ нея, малую. — Въ большой комнатѣ три окна; изъ нихъ два обращены на сѣверъ, и одно на востокъ. Входятъ въ комнату прямо со двора. Дверь обращена на югъ, и приходится почти на самой серединѣ наружнаго фаса зданія. Со двора надъ дверью вмазана каменная доска, на которой красивымъ почеркомъ вырѣзана слѣдующая надпись по Арабски:

а) *Внутри, съ четырехугольной продолговатой рамки, съ двухъ строкъ:* صاحبه ومالكه هذه العماره شاه علي

خان ابن شيخ اوليار سلطان || تاريخ شهر رمضان يوم احد عشرين سنة اثنا وستين وتسع مائة т. е. «Строитель и собственникъ этого зданія — Шахъ-Али-ханъ, сынъ Шейхъ-Ауліяръ-султана; 21 числа мѣсяца рамазана 962 года» (9-го августа 1555 г.). б) *Кругомъ*

рамки: съ верху: لا اله الا هو الى القيوم لا تاخذه الارض: съ низу: من ذا الذي يشفع عنده الا باذنه يعلم ما بين ايديهم وما وسع كرسيه: съ лѣва: ولا يحيطون بشئ من علمه الا بما شاء ولا يوده حفظها وهو العلي العظيم; съ права: السماوات والارض

т. е. «Богъ; нѣтъ Бога кромѣ Него, Бога живаго и Бога сущаго. Имъ не овладѣвають ни дремота, ни сонъ. Ему принадлежитъ все что на небесахъ, и все что на землѣ. Кто можетъ быть предъ Нимъ заступникомъ, иначе какъ съ его разрѣшенія? Онъ знаетъ будущее и прошедшее, и люди изъ того что Онъ въ-

даетъ, постигаютъ только то, что Онъ самъ захотѣлъ открыть имъ. Престолъ Его простирается надъ небесами и землею, и Ему ничего не стоитъ оберегать ихъ; одинъ Онъ всевышній и великій» ¹⁶⁶). Внутри

¹⁶⁶) Слова, вырѣзанныя кругомъ рамки, ничто иное, какъ 256 стихъ II суры курана. Стихъ этотъ называется *стихомъ престола* (اية الكرسي), и пользуется большимъ уваженіемъ у мусульманъ; они даже носятъ его на себѣ въ видѣ талисмана. См. объ этомъ стихѣ: Reinaud. Description des monumens musulmans du cabinet de M. le duc de Blacas. T. II, 1828, стр. 11 — 16. — Оказывается, что у Паласа въ его описаніи Шахъ-Аліевой текин (см. выше, стр. 489), изъ всего стиха переведены только слова: *الله لا اله الا هو*, да и тѣ переданы не точно: *единому великому Богу*.

комваты, по срединѣ, сдѣланы изъ земли и щебня три продолговатыхъ возвышенія, каждое съ обонхъ боковъ о двухъ ступеняхъ. Возвышенія эти обращены длиннымъ фасомъ къ двери. Въ головахъ и въ ногахъ каждаго изъ нихъ стоитъ по камню. Камни эти различной величины; цѣльныхъ между ними нѣтъ, а всѣ они либо обломки, либо смазаны изъ нѣсколькихъ кусковъ. Еще три высокихъ смазанныхъ камня стоятъ просто у правой стѣны комнаты. Всѣ камни, числомъ 9, исчерчены украшеніями и надгробными надписями Арабскими и Татарскими. Возвышенія, очевидно, изображаютъ гробницы, а камни служили надгробными памятниками. Если пристально

вглядываться въ возвышенія и камни, то тутъ представится фактъ любопытный. Въ возвышеніяхъ, между щебнемъ, видѣются въ довольно значительномъ числѣ маленькіе обломки отъ надгробныхъ памятниковъ съ надписями; попасть случайно они не могли: ясно, что они были положены нарочно. Изъ камней же нѣкоторые смазаны невѣрно: то лицевая сторона одного обломка прикрѣплена къ оборотной сторонѣ другого, то смазаны вмѣстѣ куски разной толщины и ширины, такъ что иногда продолженіе рѣчи, начатой на одномъ камнѣ, отыскиваешь на обломкѣ, приставленномъ къ другому. Какъ бы не хотя, приходишь къ тому заключенію, что комната, гдѣ стоятъ гробницы, была въ старину устроена иначе нежели теперь, и что чья-то рука, и въ добавокъ рука человека незнающаго, коснулась ея. — Малая комната въ текіѣ имѣетъ одно только окно, которое обращено на сѣверъ, и размѣромъ своимъ меньше оконъ большой комнаты. Входъ прямо со двора: дверь продѣлана въ западной стѣнѣ зданія. Малая комната совершенно пустая. По видимому, она въ прежнія времена служила молельней, и въ ней, по всей вѣроятности, читали куранъ для поминовенія лицъ, похороненныхъ въ текіѣ. — Подъ текією, а именно подъ большой комнатою, находится почти одинаковой съ ней величины подвалъ. Спускаются въ него по ступенькамъ чрезъ небольшую дверь, продѣланную въ близи отъ главнаго входа. Въ подвалѣ нѣтъ ничего, кромѣ небольшого возвышенія, сложеннаго по срединѣ изъ

каменей. Въ полу, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, замѣтны продушины величиною въ кирпичъ. Думать должно, что подъ поломъ находился еще другой подвалъ. Мѣстные жители утверждаютъ, что этотъ нижній подвалъ дѣйствительно существуетъ, и что изъ него ведетъ подземный ходъ въ мечеть» ¹⁶⁷⁾.

¹⁶⁷⁾ На приложенномъ въ концѣ сочиненія на Табл. I планъ 2, представляющемъ нижній этажъ Касимовской мечети, подъ буквою *а*. означено и то мѣсто, гдѣ, по увѣренію жителей города, находился спускъ въ подземный ходъ, который ведетъ въ Шахъ-Аліеву текію. Это—тѣ самыя засыпанныя землею каменные ступени, о которыхъ говоритъ г. Барановичъ (см. выше, стр. 494). — Предположеніе о томъ что малая комната въ текіѣ служила мѣстомъ поминовенія усопшихъ, должно быть справедливо. Даже въ настоящую пору, въ торжественныхъ случаяхъ, Касимовскіе муллы поминаютъ въ этой комнатѣ прежнихъ царей своихъ. См. Описаніе торжества, совершеннаго Рязанской губерніи въ городѣ Касимовѣ, въ Молвѣ, изд. при Телескопѣ. Ч. X, Москва. 1835, стр. 73.

Изъ рисунковъ и плановъ, снятыхъ въ разное время съ Шахъ - Аліевой текіи, извѣстны мнѣ слѣдующіе. *Во первыхъ*, рисунокъ наружнаго вида текіи, приложенный къ описанію Палласа. Этотъ же самый рисунокъ, но въ уменьшенномъ размѣрѣ, изданъ и въ: *L'Univers pittoresque*, въ сочиненіи: *La Russie par M. Chopin*. Т. I. Paris. MDCCCXXXVIII (см. рис. 10 и

стр. 51). *Во сторахъ*, планы и рисунки, составленные въ 1830 г. Гагинымъ, и найденные мною въ его бумагахъ. Такъ какъ они нигдѣ изданы не были, то я и прилагаю ихъ въ концѣ книги, на Табл. II. Подъ № 1 значится рисунокъ наружнаго вида [Шахъ-Аліевоу теки, а подъ № 2, 3, 4 и 5 изображены планы внутренняго расположенія ея. Планъ 2 представляетъ въ разрѣзѣ большую комнату и подвалъ. Буквою а. означенъ входъ въ подвалъ, а буквою б. обозначены ступеньки, по которымъ спускаются въ него. Планъ 3 представляетъ внутренность теки: на лѣво — малую комнату съ одною дверью, и съ однимъ окномъ; а на право — большую комнату объ одной двери и трехъ окнахъ, съ расположенными внутри ея девятью гробницами (шестью большими и тремя малыми). Планъ 4 изображаетъ видъ внутренности большой комнаты съ девятью же гробницами, и съ семью камнями, стоящими въ головахъ у семи гробницъ (шести большихъ и одной малой). Планъ 5 изображаетъ подвалъ съ продушинами. Рисунокъ 6 снятъ съ каменной доски, находящейся надъ главнымъ входомъ въ зданіе.

Сличая всѣ приведенныя мною описанія Шахъ-Аліевоу теки, а равнымъ образомъ и дошедшіе до насъ рисунки и планы ея, мы можемъ въ нѣкоторой степени составить себѣ довольно точное понятіе о первобытномъ ея видѣ, о перемѣнахъ происшедшихъ съ нею, и даже приблизительно о времени, когда произошли эти перемѣны. Наружный видъ теки и рас-

предѣленіе въ ней этажей и комнатъ остались, кажется, тѣже, что и прежде были; только зданіе отъ времени опустилось и обветшало. Если и были когда либо предпринимаемы мѣры для поддержки его, то мѣры эти были ничтожныя: такъ, Палласъ пишетъ, что при немъ главный входъ сдѣланъ былъ на подобіе воротъ безъ дверей, и что желѣзныя рѣшетки въ окнахъ были выломаны; теперь же, какъ видно изъ описанія муллы Хусейна, оба входа въ текію имѣютъ желѣзныя двери, и желѣзныя рѣшетки въ окнахъ находятся въ исправности. За то сильно пострадали находившіеся внутри текіи гробницы и надгробные камни, и, къ сожалѣнію, пострадали не столько отъ времени, сколько отъ рукъ чело-вѣческихъ. Описаніе муллы Хусейна служить тому неоспоримымъ доказательствомъ. Не даромъ изъ восьми гробницъ, существовавшихъ при Палласъ, образовались три, видѣнные муллою Хусейномъ; а камни, сломанные и разбитые, очутились смазанными, и въ добавокъ смазанными самымъ безтолковымъ образомъ. Ясно, что надо всѣмъ этимъ трудились люди, и люди безграмотные. Не менѣе гробницъ и камней пострадало и внутреннее устройство подземнаго этажа: подъ возвышеніемъ, находящимся теперь, по словамъ муллы Хусейна, по срединѣ подвала, сложены, безъ сомнѣнія, черепа, кости и прочія вещи, за сто лѣтъ предъ симъ замѣченныя Палласомъ. Гробницы, по всей вѣроятности, въ послѣдній разъ передѣланы были не очень давно. Припомнимъ,

что Палласъ насчитывалъ восемь гробницъ, но изъ нихъ одна была двойная, такъ что всѣхъ ихъ въ 1768 г., собственно говоря, было девять. Эту же цифру девять, съ нѣкоторою только разницею въ устройствѣ гробницъ, находимъ какъ въ планахъ, составленныхъ Гагинымъ въ 1830 г., такъ и въ статьѣ: О замѣчательныхъ памятникахъ древности въ Рязанской губерніи, писанной въ 1838 г. Значить передѣланы были гробницы совершенно заново никакъ не ранѣе 1838 года. Тутъ нельзя не замѣтить еще одного обстоятельства. Г. Барановичъ, который свое сочиненіе печаталъ въ 1860 г., съ своей стороны насчитываетъ въ текиѣ девять же гробницъ. Какъ согласить его слова съ показаніемъ муллы Хусейна, который въ томъ же 1860 г. посѣщалъ Касимовъ, и говорить положительно, что объ эту пору гробницъ было всего три — не знаю. Или г. Барановичъ ошибся, или осматривалъ онъ текию прежде чѣмъ сталъ печатать свою книгу, не задолго до 1860 г., и гробницы передѣланы были всего года четыре или лѣтъ пять тому назадъ. Что касается до надгробныхъ камней, то эти камни, какъ думать должно, переставлялись и перебирались не разъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ стоитъ только вникнуть въ дошедшія до насъ описанія текинъ: въ каждомъ изъ нихъ особый счетъ или особое размѣщеніе камней. При Палласѣ, въ 1768 г., стояло только два цѣльныхъ камня, остальные разбросаны были по сторонамъ; при Гагинѣ, въ 1830 г., семь камней стояло въ головахъ

гробницъ; въ 1838 г., когда писалась статья: О замѣчательныхъ памятникахъ древности въ Рязанской губерніи, камней было девять и размѣщены они были въ ногахъ у каждой гробницы; наконецъ въ 1860 г., при посѣщеніи Касимова муллою Хусейномъ, камней было девять же; но съ передѣлкою гробницъ измѣнился и порядокъ размѣщенія камней: шесть стояли въ головахъ и въ ногахъ гробницъ, по два у каждой; остальные же три, какъ лишніе, приставлены были просто къ стѣнѣ.

Давъ понятіе о Шахъ - Алиевой текіѣ въ общихъ чертахъ, на сколько я могъ это сдѣлать при матеріалахъ имѣвшихся у меня подъ руками, обращаюсь теперь къ болѣе подробному описанію собственно надгробныхъ камней находящихся въ текіѣ. Изложу все что мнѣ извѣстно про нихъ, и представляю мое заключеніе.

Начну съ того, что опишу камни въ томъ видѣ, въ какомъ въ 1860 г. засталъ ихъ мулла Хусейнъ Фейзъ - хановъ. Сообщу при этомъ, по снимкамъ и копіямъ муллы Хусейна, тексты надписей вырѣзанныхъ на камняхъ, и представляю переводы ихъ съ тѣми изъ моихъ замѣчаній, которыя касаются текста надписей.

№ 1.*

Обломокъ довольно большой, суженный къ верху; стоитъ въ головахъ у первой отъ входа гробницы. На лицевой сторонѣ верхъ и края разукрашены рисунками. На обломкѣ слѣдующія надписи. На *лиц. стор.*:

قال الله تبارك وتعالى ان مثل عيسى || عند الله كمثل آدم خلقه من تراب ثم قال له كن فيكون || قال الله سبحانه وتعالى كل من عليها فان ويبقى وجه ربك ذو الجلال والاكرام
т. е. «Сказалъ Господь прелюбопытствующій и всевышній: Предъ Богомъ Иисусъ тоже что Адамъ; Адама Онъ создалъ изъ праха, потомъ сказалъ ему: будь, и тотъ былъ. Сказалъ Господь преславный и всевышній: Все что ни есть въ мірѣ, то должно погибнуть; вѣчно одно лицо Господа твоего, полное величія и славы». На обор. стор. въ верху: *بو لومنى بوجولى ماه سلطان خانكه باباسى شاه على خان اوچون بو لومنى بنا قبلوردى* т. е. «Памятникъ этотъ юджумъ Магъ-султанъ-ханике для своего баба Шахъ-Али-хана, памятникъ этотъ поставила».

№ 2.*

Обломокъ небольшого размѣра; стоитъ въ головяхъ у 2-й гробницы. Надпись на лиц. стор.: *قال الله سبحانه وتعالى كل نفس ذابقة الموت ثم البنا ترجعون || قال الله سبحانه وتعالى باى ارض نموت || قال النبى عليه السلام الدنيا جيفة وطالبها كلاب || قال النبى عليه السلام الدنيا مزرعة الآخرة || ناربخ توفوز يوز بنمش تورقندا ابرديكم شيخ اولبار || سلطان اوغلى شاه على خان آلتمش بر باشندا || شوال آى نينك* т. е. «Сказалъ

Господь преславный и всевышній: Всякая душа должна вкусить смерти; за тѣмъ вы къ намъ возвратитесь. Сказалъ Господь преславный и всевышній: (Не вѣдаетъ никто) въ какой странѣ онъ умретъ. Сказалъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ миръ: Миръ сей — падалъ, а ищущіе его — собаки. Сказалъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ миръ: Жизнь человѣческая скоропреходяща; употребляй ее на дѣла угодныя Богу. Сказалъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ миръ: Миръ сей есть поле, на которомъ сѣются сѣмена для будущей жизни. Въ 974 году случилось то, что сынъ Шейхъ-Ауліяръ-султана, Шахъ-Али-ханъ, 61 года отъ рожденія, мѣсяца шевваля въ 10-й день (20-го апрѣля 1567 г.), въ понедѣльникъ, переселился изъ сего міра въ жизнь вѣчную.

Замѣчаніе 1. Оба описанные мною обломка, № 1 и № 2, очевидно, составляли прежде одинъ надгробный камень, стоявшій надъ могилою Шахъ-Али-хана. Это доказывается какъ самымъ смысломъ надписи, такъ и сходствомъ въ рисункахъ и въ почеркѣ. Къ тому же края обоихъ обломковъ исписаны кругомъ вырѣзаннымъ на нихъ стихомъ изъ курана: *آية الكرسي* (см. о немъ выше, пр. 166, стр. 496), и слова этого стиха на обоихъ обломкахъ слѣдуютъ одно за другимъ въ надлежащемъ порядкѣ. Фотолитографическій рисунокъ со снимковъ надписей, вырѣзанныхъ на лицевой сторонѣ обоихъ обломковъ, приложенъ мною въ концѣ книги, на Табл. III (2-й рисун. съ лѣва). На этой же самой Табл. (по срединѣ на верху)

можно видѣть такой же точно рисунокъ со снимка надписи, вырѣзанной на оборотной сторонѣ обломка № 1. Для большаго удобства въ чтеніи, на Табл. III оба обломка сложены вмѣстѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ бы слѣдовало находиться надгробному камню.

Замѣчаніе 2. Въ надписи на обломкѣ № 1 читается весьма ясно, что Шахъ-Али умеръ 61 года. Если ханъ дѣйствительно скончался этихъ лѣтъ, то значить родился онъ въ 1506 г., и слѣдовательно въ 1516 г., когда онъ уже считался владѣльцемъ Касимовскимъ (см. выше, стр. 247), ему было только 10 лѣтъ, а въ 1519 г., когда онъ былъ въ первый разъ объявленъ ханомъ Казанскимъ (см. выше, стр. 251), онъ имѣлъ не болѣе 13 лѣтъ.

Замѣчаніе 3. Въ надписи на оборотной сторонѣ обломка № 1 встрѣчается весьма замѣчательное слово: **بورجون** — *юдасунь*. Въ настоящую минуту, сколько мнѣ извѣстно, слова этого не существуетъ ни въ одномъ изъ Татарскихъ нарѣчій. Даже Касимовцы, по свидѣтельству муллы Хусейна Фейзъ-ханова, не знаютъ его. Сомнѣваться въ правильности чтенія нельзя. *Во первыхъ*, слово **بورجون** встрѣчается довольно часто на надгробныхъ Касимовскихъ памятникахъ, и всегда читается совершенно ясно: **بورجون**. *Во вторыхъ*, слово же **بورجون** находится въ одной Татарской книгѣ, именно въ Шейбани-наме, писанной на Джагатайскомъ нарѣчій въ первой половинѣ XVI-го столѣтія (см. Березинъ. Библіотека Восточныхъ историковъ. Т. I. Казань. 1849. Шейбаниада. Предисловіе, стр. VIII). Въ

Шейбани-наме повторяется оно четыре раза съ ряду, и стоитъ постоянно въ формѣ винительнаго падежа: *یوچی نین*. Въ доказательство приведу подлинныя мѣста изъ Шейбани-наме, по тексту изданному г. Березинымъ. *Стр. 80:* *بسہ محمد مزید ترخان اوغلی قل محمد ترخان بیرلہ یوچی نین بولغان مال لارین سرقندغہ اوزاتیب ایردی دورمان سیفل بیک اوغلی اوروس بہادر خبر تاییب سونک کونجہ قاوا باریب بتیب اوروشوب باسیب قل محمد ترخان قاچیب چیقیب تورور محمد مزید ترخان نینک یوچی نین مال لاری بیرلہ خان قاشیغہ کیلتوروب تورور لار یوچی نین خان اوزبکا* т. е. «Мухаммедъ-Мезидъ-тарханъ отправилъ съ сыномъ своимъ Кулъ-Мухаммедъ-тарханомъ юджуну свою, и всѣ свои имущества въ Самаркандъ. Урусъ-бегадуръ, сынъ Дурманъ-Сейфельбика, узнавъ объ этомъ, погнался за нимъ, настигъ его, сразился съ нимъ и разбилъ его. Кулъ-Мухаммедъ-тарханъ спасся бѣгствомъ; юджуну же Мухаммедъ-Мезидъ-тархана и все его имущество доставили къ хану (Шейбанию). Ханъ взялъ юджуну за себя въ замужество. *Стр. 81, 82:* *محمد سلطان محمد مزید ترخان نی نوشوروب خان قاشیغہ آلب کیلدی تقی اونراغہ ایلتیب باردیلار یوچی نین آلفان سبب دین وکوب خدمت لارهم قبلیب ایردی اول جهت دین کناهی نی باغیشلاب بخشی ساقلاب تورور* т. е. «Махмудъ-султанъ, захвативъ Мухаммедъ-Мезидъ-тархана, привелъ его къ хану; взявъ его съ собою, пошли въ Отраръ; ханъ изъ уваженія къ тому, что же-

вился на юджунѣ, и что Мухаммедъ-Мезидъ-тарханъ въ свое время оказалъ ему важныя услуги, простилъ его, и велѣлъ содержать его хорошо». — Что же значить слово: *يوجون*, и какъ слѣдуетъ переводить его? При первомъ взглядѣ на надпись обломка № 1, казалось бы, что *يوجون* значить: *дочь*. Во всѣхъ другихъ Касимовскихъ надписяхъ, гдѣ встрѣчается слово *юджунъ*, значеніе дочери можетъ быть допущено. Въ одной даже, вырѣзанной на надгробномъ памятникѣ какой-то Алимъ-ши, сказано: *بو لومنى اناسى نقل سلطان* т. е. «Памятникъ этотъ поставила *мать*, Текель-султанъ-бика, для Алимъ-ши, *юджунъ* своей (см. ниже статью: «Арсланъ-Али»)». Самое слово *бабъ*, которое вырѣзано предъ именемъ Шахъ - Али - хана, можно переводить по Русски словомъ *отецъ*. Въ этомъ смыслѣ оно употребляется у Татаръ, и даже, какъ увидимъ въ послѣдствіи, встрѣчается въ Касимовскихъ надгробныхъ памятникахъ. Что касается до приведенныхъ мною отрывковъ изъ Шейбани-наме, то въ нихъ, по смыслу рѣчи, значеніе *дочь* хорошо подходитъ къ Татарскому слову: *يوجون*. Все это дѣйствительно такъ. Но если подвергнуть надпись на обломкѣ № 1 внимательному обсужденію, то окажется, что въ ней именно слово *يوجون* не можетъ быть принято безусловно въ смыслѣ дочери. Шахъ-Али въ 1552 г. (см. выше, стр. 483, 485), былъ бездѣтенъ; стало быть Магъ - султанъ, если была его дочерью, должна была родиться послѣ 1552 г. Ужъ этотъ одинъ

фактъ, хотя онъ въ сущности возможенъ, допустить не совсѣмъ ловко. Къ этому присоединяется еще соображеніе вотъ какого рода. Слово *баба* дѣйствительно употребляется въ смыслѣ отца, но не всегда. *Баба*, собственно говоря, значить: *дѣдъ*; въ переносномъ же смыслѣ, Татары зовутъ *бабою* не только отца, но и всякаго старшаго вообще, роднаго и даже посторонняго, точно также, какъ и мы, Русскіе, зовемъ *дѣдушкою* людей старыхъ, безразлично. Въ Шахъ-Аліевой текѣ, какъ увидимъ ниже, сохранился камень, на которомъ съ одной стороны сказано, что скончалась Ханъ-султанъ-ханике-бикемъ, 27 лѣтъ отъ роду, а на другой написано: *بو لومنی باباسی شاه علی خان خان سلطان خانکه بیکم اوچون بنا قبلوردی* т. е. «Памятникъ этотъ поставилъ *баба* Шахъ-Али-ханъ для Ханъ-султанъ-ханике-бикемы». На этомъ камнѣ Шахъ-Али названъ *бабою* Ханъ-султаны, также какъ на обломкѣ № 1 онъ названъ *бабою* Магъ-султаны. Ханъ-султанъ положительно не могла быть дочерью Шахъ-Алія, потому что она, какъ мы знаемъ, умерла въ 1558 г., а въ 1552 г. Шахъ-Али дѣтей не имѣлъ. Въ этомъ случаѣ, очевидно, слово *баба* употреблено въ связи съ именемъ Шахъ-Алія не въ значеніи роднаго отца, а просто въ смыслѣ старшаго, близкаго родственника. Глядя на это, невольно приходитъ на мысль, что и на обломкѣ № 1 *баба* скорѣе значить: *родственникъ*, нежели: *отецъ*.— Не имѣло ли слово *юджунъ* въ свое время у Татаръ такого же обширнаго значенія, какое до сихъ

воръ сохранило слово *баба*, т. е. не означало ли оно дочь родную, и вмѣстѣ съ тѣмъ всякую близкую родственницу, либо особу, принятую въ домъ и заступавшую мѣсто дочери? Магъ-султанъ и Ханъ-султанъ могли быть, на примѣръ, дочерями одной изъ женъ Шахъ-Алія отъ перваго брака, и жить у него въ домѣ, какъ жила его племянница, дочь Джанъ-Алія-хана, которую Ногайскій мурза Исмаилъ звалъ *дочерью* Шахъ-Алія (см. выше, стр. 484). Во всякомъ случаѣ обѣ, какъ Магъ-султанъ такъ и Ханъ-султанъ, должны были быть дочерями ханскими и незамужними, судя по титулу *ханике* (خانیکه), который въ надписяхъ прибавленъ къ ихъ именамъ, и у Татаръ дается только женщинамъ ханскаго происхожденія, и преимущественно дѣвицамъ (замужнихъ женщинъ царскаго рода зовутъ *ханымъ* — خانیم¹⁶⁸). — Въ ны-

¹⁶⁸) И. Н. Березинъ въ своемъ переводѣ Шейбани-наме (стр. 68, 69) оставляетъ слово *بوجون* безъ перевода. Въ примѣчаніи же 88 пишетъ: «Кажется, слово *بوجینین* итьеть началомъ *بوجین* и не есть собственное имя, а титулъ владѣтельской супруги, можетъ быть испорченный изъ *Фу-жинъ*». Мнѣніе свое о словѣ *Фу-жинъ* г. Березинъ объясняетъ въ пр. 50.

нѣшнихъ нарѣчіяхъ Татарскихъ, я знаю только два слова, которыя по звуку нѣсколько схожи со словомъ *بوجون*, и означаютъ степени родства. Во *первахъ*, слово *جین* или *جان*, *джіенъ* или *джіанъ*. Оно употребляется нынѣ Киргизъ-Кайсаками и Узбеками, и

означаетъ «племянника съ жениной стороны, не роднаго, своднаго» (см. словарь къ Татарской Хрестоматіи Куляшева. Казань. 1859), или, какъ толкуетъ г. Ильминскій (Матеріалы къ изученію Киргизскаго нарѣчія. Казань. 1861. Перепечатано изъ III-й книжки Ученыхъ Записокъ Императорскаго Казанскаго Университета за 1860 годъ, стр. 138, слово: Жіјѣн), «человѣка по отношенію къ роднѣ своей матери». Слово это отъ Узбековъ перешло и въ Бухарское нарѣчіе Персидскаго языка (см. О нѣкоторыхъ событіяхъ въ Бухарѣ, Хокандѣ и Кашгарѣ. Записки Мирзы-Шемса Бухари, изданныя въ текстѣ, съ переводомъ и примѣчаніями, В. В. Григорьевымъ. Казань. 1861. Перепечатано изъ 1-й книжки Ученыхъ Записокъ Императорскаго Казанскаго Университета за 1861 годъ, стр. 26 текста, и пр. 60 на стр. 80). Слово *doxieng* было въ ходу и въ Крыму. См. мои *Матер. для ист. Крыма*, гдѣ на стр. 15, въ грамотѣ Крымскаго хана Гази-гирея къ королю Польскому Сигизмунду III, писанной въ февралѣ 1592 г., читаемъ: *حالا بوروندین* 'بورون ابلاغ مملکتی قرالی بولوب اولکان اعرست قرال نینک بیان لاری که اسوشکه قرال قونداشمزینک اوغلی زیکموت' т. е. «Нынѣ король въ Польшѣ братъ нашъ Сигизмундъ, сынъ брата нашего короля Шведскаго, племянникъ бывшаго короля Польскаго, покойнаго Августа» (извѣстно, что король Польскій Сигизмундъ III, сынъ короля Шведскаго Іоанна, былъ рожденъ отъ Екатерины,

сестры короля Польскаго Сигизмунда-Августа). *Восторчалъ*, слово *بورجو*. Оно существуетъ у Татаръ Сибирскихъ (см. Гиганова. Словарь Россійско-Татарскій. Спб. 1804, и его же: Слова коренныя, нужнѣйшія къ свѣденію для обученія Татарскому языку. Спб. 1801, стр. 32), и значить шурина меньшей (ср. *turtu*, *türsü* — Schwager, въ М. Alexander Castrén's Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre, nebst Wörterverzeichnissen aus den Tatarischen Mundarten des Minussinschen Kreises. Herausgegeben von A. Schiefner. St. Petersburg. 1857, стр. 116).

№ 3.*

Табл. IV, № 1, и № 2.

Обломокъ верхней части надгробнаго камня; стоять въ головахъ у 3-й гробницы. — На немъ надписи. *На лиц. стор.:* || قال الله تبارك وتعالى ان مثل عيسى || عند الله كمثل آدم خلقه من تراب ثم قال له كن فيكون || قال الله تبارك وتعالى كل نفس ذابقة الموت || قال الله سبحانه وتعالى باي ارض تموت || قال النبي عليه السلام الدنيا ساعة فجعلها طاعة т. е. «Сказалъ Господь прелоблагословенный и всевышній: Предъ Богомъ Иисусъ тоже что Адамъ; Адама Онъ создалъ изъ праха, потомуъ сказалъ ему: будь, и тотъ былъ. Сказалъ Господь прелоблагословенный и всевышній: Всякая душа должна вкусить смерти. Сказалъ Господь преславный и всевышній: (Не вѣдаетъ никто) въ какой странѣ

онъ умереть. Сказалъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ миръ: Жизнь человѣческая скоропреходяща; употребляй ее на дѣла угодныя Богу». *На обор. стор.*: شاه علی خان حلای بولاک شاد بیکم اوچون بو لوحنی بنا قبلوردی т. е. «Шахъ-Али-ханъ поставилъ этотъ памятникъ для супруги своей Булякъ-шадъ-бикемы».

№ 4.

Камень, смазанный изъ двухъ кусковъ; стоитъ въ ногахъ 3-й гробницы. На немъ надписи. На верхнемъ кускѣ, *на лиц. стор.*: قال الله تبارک وتعالی ان مثل عبسی || عند الله کمثل آدم خلقه من تراب ثم قال له کن فیکون т. е. «Сказалъ Господь преблагословенный и всевышній: Предъ Богомъ Иисусъ тоже что Адамъ; Адама Онъ создалъ изъ праха; потомъ сказалъ ему: будь, и тотъ былъ». *На обор. стор.*: بو لوحنی باباسی شاه علی خان خان سلطان خانکه بیکم اوچون بنا قبلوردی т. е. «Памятникъ этотъ поставилъ баба Шахъ-Али-ханъ для Ханъ-султанъ-ханике-бикемы». На нижнемъ кускѣ, *на лиц. стор.*: یاشنده || خان سلطان خانکه بیکم یکریمی بنی || دار فنا دین دار البقا رحلت قبلدی т. е. «Ханъ-султанъ-ханике-бикемъ, двадцати семи лѣтъ отъ роду, отошла отъ сего міра въ міръ вѣчный».

Замѣчаніе. Оба куска, изъ которыхъ составленъ камень № 4, очевидно, принадлежали къ одному памятнику. Но такъ какъ между концомъ надписи *на лиц. стор.* верхняго куска, и началомъ надписи на

нижнему куску, по сравненію съ другими камнями, недостаетъ: *во первыхъ*, нѣкоторыхъ изрѣченій, а *во вторыхъ*, обозначенія года, мѣсяца и числа, когда умерла Ханъ-султанъ, то думать надобно, что куски были смазаны въ позднѣйшее время, и что прежде памятникъ былъ гораздо выше. Средній кусокъ, должно быть, затерялся.

№ 5.*

Табл. IV, № 3.

Камень, смазанный на выворотъ изъ двухъ кусковъ; стоять у стѣны, позади № 4. На немъ надписи. На верхнемъ кускѣ, *на обор. стор.*: بولونحنی... ماه سلطان بیکم اوچون. т. е. «Памятникъ этотъ поставил... для Магъ-султанъ-бикемы». На нижнемъ кускѣ, *на лиц. стор.*: قال النبی علیہ السلام الذینا جیفۃ وطالبها کلاب || تاریخ توفوز یوز الشمس تورندا مبارک ذی الحجہ آی نینک || بتنجی کون ایردیکم سید جوروجی یوجونی بولاک شад бикм || اونوز بتی یاشندا دار فناдин دار البقاغا رحلت قلدی т. е. «Сказалъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ миръ: Миръ сей — падалъ, а ищущіе его — собаки. Въ 964 году, въ благословенномъ мѣсяцѣ зиль-хиддже въ седьмой день (1-го октября 1557 г.), случилось то, что *юджунъ* сенда Джуруджія, Булякъ-шадъ - бикемъ, тридцати семи лѣтъ отъ роду, отошла отъ сего міра въ міръ вѣчный.

Замѣчаніе. Куски, изъ которыхъ смазанъ камень № 5, очевидно, ничто иное, какъ сложенные вмѣстѣ обломки двухъ различныхъ памятниковъ. Нижний кусокъ съ именемъ Булякъ-шады, *юджунъ* сенда Джуруджія, безо всякаго сомнѣнія, составлялъ низъ отъ описаннаго уже нами подъ № 3 обломка, на которомъ на *обор. стор.* значится имя Булякъ-шады, жены Шахъ-Али-хана. — Магъ-султанъ-бикемъ, упоминаемая на верхнемъ кускѣ, по всей вѣроятности, та самая Магъ-султанъ-ханьке, которая поставила памятникъ Шахъ-Алію.

№ 6*.

Табл. IV, № 4.

Обломокъ; стоитъ въ ногахъ 2-й гробницы. На немъ надпись. *На лиц. стор.:* قال الله تبارک وتعالی ان مثل عبسی || عند الله کمثل آدم خلقه من تراب ثم قال له کن فیکون т. е. «Сказалъ Господь преблагоговенный и всевышній: Предъ Богомъ Іисусъ тоже что Адамъ; Адама Онъ создалъ изъ праха; потомъ сказалъ ему: будь, и тотъ былъ». *На обор. стор.:* بولوحنی اوغلی میرتضاعلی سلطان باباسی عبد الله سلطان اوچون بنا قبلہوردی т. е. «Памятникъ этотъ поставилъ сынъ Муртаза-Али-султанъ для отца своего Абдуллы султана».

№ 7.

Камень, смазанный изъ двухъ кусковъ; стоитъ у стѣны, позади № 6. На немъ надписи. На верхнемъ кускѣ, *на лиц. стор.*: || قال الله تبارك وتعالى ان مثل عيسى || عند الله كمثل آدم خلقه من تراب ثم قال له كن فيكون || قال ... ذابقة... т. е. «Сказалъ Господь прблагословенный и всевышній: Предъ Богомъ Исусъ тоже что Адамъ; Адама Онъ создалъ изъ праха, потомъ сказалъ ему: будь, и тотъ былъ. Сказалъ Господь преславный и всевышній: Всякая душа должна вкусить... *На обор. стор.*: || بولوحى اوغلى ساين فولاد || اناسى التون جان اوچون بنا قبلوردى || т. е. «Памятникъ этотъ поставилъ Саянъ - Фуладъ для матери своей Алтынъ-джаны». На нижнемъ кускѣ, *на лиц. стор.*: || قال الله تبارك وتعالى كل من عليها فان ويبقى وجه ربك ذو الجلال والاكرام || قال النبی علیه السلام الدنيا جيفة وطالبها كلاب || قال النبی علیه السلام الدنيا مزرعة الآخرة || تاريخ توفوز بوز بتمش توفوزدا ابرديکم تمروق بیک بوجونى... т. е. «Сказалъ Господь прблагословенный и всевышній: Все что ни есть въ мірѣ, то должно потгнуть; вѣчно одно лицо Господа твоего, полное величія и славы. Сказалъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ миръ: Міръ сей — падалъ, а ищущіе его — собаки. Сказалъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ миръ: Міръ сей есть поле, на которомъ сѣятся сѣмена для будущей жизни.

Въ 979 (1571, 2) году случилось то, что Темрюкъ-бика *юджунъ*...

Замѣчаніе. Куски изъ которыхъ составленъ камень № 7, судя по почерку, были обломками двухъ различныхъ памятниковъ. Вѣроятно ихъ смазали въ послѣдствіи по ошибкѣ.

№ 8.*

Табл. IV, № 5.

Камень, смазанный изъ трехъ кусковъ; стоитъ въ ногахъ 1-й гробницы. На немъ надписи. *На лиц. стор.:* قال الله تبارك وتعالى ان مثل عيسى || عند الله كمثل آدم خلقه من تراب ثم قال له كن فيكون || قال الله سبحانه وتعالى كل نفس ذائقة الموت ثم الينا ترجعون || قال الله تبارك وتعالى باي ارض تموت ان الله عليم خبير || قال النبي عليه سلام الدنيا ساعة فجعلها طاعة || قال النبي عليه السلام الدنيا مزرعة (sic) الآخرة || تاريخ توفوز يوز توفسان دا ذى الحجة آى نينك آخريندا چهارشنبه كون || عبد الله سلطان اوغلى بودا على سلطان بيكرمى بيش || باشندا دار الفنادين ت. е. «Сказалъ Господь преславный и всевышній: Предъ Богомъ Иисусъ тоже что Адамъ; Адама Онъ создалъ изъ праха, потомъ сказалъ ему: будь, и тотъ былъ. Сказалъ Господь преславный и всевышній: Всякая душа должна вкусить смерти; за тѣмъ вы къ намъ возврати-

тесъ. Сказалъ Господь преблагословенный и всевышній: (Не вѣдаетъ никто) въ какой странѣ онъ умретъ; всевѣдущъ и всезнающъ—Богъ. Сказалъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ миръ: Жизнь человѣческая скоропреходяща; употребляй ее на дѣла угодныя Богу. Сказалъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ миръ: Миръ сей есть поле, на которомъ сѣятся сѣмена для будущей жизни. Въ 990 году, въ концѣ мѣсяца зильхидже (въ началѣ января 1583 г.), въ среду, сынъ Абдуллы султана Будади-султана, двадцати пяти лѣтъ отъ роду, отшелъ отъ сего міра въ міръ вѣчный». *На обор. стор.:* بولوحنی مصطفی علی خان اغاسی т. е. «Памятникъ этотъ поставилъ Мустафа-Али-ханъ для старшаго брата своего Будади-султана».

Замѣчаніе. Камень № 8 составляетъ единственный цѣльный памятникъ, сохранившійся въ текиѣ; по крайней мѣрѣ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что всѣ три куска, изъ которыхъ онъ сложенъ — отъ одного памятника, хотя бѣ они и были смазаны въ послѣдствіи.

№ 9.

Камень, смазанный изъ двухъ кусковъ; стоитъ у стѣны, позади № 8. На немъ надписи. На верхнемъ кускѣ, *на лиц. стор.:* قال الله تبارك وتعالى ان مثل عيسى || عند الله كمثل آدم خلقه من تراب ثم قال له كن فيكون || قال ...الله سبحانه وتعالى т. е. «Сказалъ Господь преблагосло-

венный и всевышній: Предъ Богомъ Иисусъ тоже что Адамъ; Адама Онъ создалъ изъ праха, потомъ сказалъ ему: будь, и тотъ былъ. Сказалъ Господь преславный и всевышній...». На обор. стор.: بو لوحى خان بوى بكم اوچون چورا محمد اولان بنا قبلدى т. е. «Памятникъ этотъ поставилъ для Ханъ бикемы Чура - Мухаммедъ-уланъ». На нижнемъ кускѣ, на лиц. стор.: ... اونوز بتى ياشندرا دنيادين نقل قبلدى حق т. е. «... Скончался (или скончалась) тридцати семи лѣтъ отъ роду; Господь всевышній да помилуетъ его (или ее)».

Замѣчаніе 1. Въ словѣ بوى на обор. стор. верхняго куска точекъ разобрать нельзя. Читать можно: *Пупай*; по крайней мѣрѣ это женское имя существовать у Татаръ. Для примѣра укажу на жену Абулъ-хайра, хана Киргизъ-Кайсацкаго, поступившаго въ 1730 г. въ подданство Россіи — Пупай - ханьшу (см. мои Историческія извѣстія о Киргизъ-Кайсакахъ, и о сношеніяхъ Россіи съ Среднею Азіею. Уфа. 1853, Т. I, стр. 3).

Замѣчаніе 2. Куски, изъ которыхъ сложенъ камень № 9, были взяты отъ двухъ разныхъ памятниковъ; заключить это можно изъ того, что нижній кусокъ гораздо уже верхняго.

Существуютъ старинныя описанія надгробныхъ камней Шахъ-Аліевой текіи. Собственно говоря, это — не описанія камней, а скорѣе переводы вырѣзанныхъ на нихъ надписей, и то сокращенныя, съ обо-

значеніемъ однихъ именъ собственныхъ и годовъ, и съ выпускомъ всѣхъ изрѣченій. Такихъ описаній три. Одно составлено было около 1792 года тогдашнимъ Касимовскимъ ахуномъ Абдуллою Баклеевымъ; другое — немного позже, Касимовскимъ же муллою сендомъ Шакуловымъ; а третіе напечатано было въ 1828 г. въ Отечественныхъ запискахъ. Приведу ихъ въ подлинникѣ.

1) *Описаніе Баклеева* составлено было, по желанію Рязанскаго епископа Симона Лагова, которому поручено было, по Высочайшему повелѣнію, собрать и прислать въ Святѣйшій Синодъ списки надписей по Рязанской епархіи. Баклеевъ въ своемъ описаніи перевелъ не только надписи Шахъ-Аліевой текіи, но и нѣкоторыя другія, находившіяся въ Касимовѣ. Трудъ его напечатанъ былъ въ Извѣстіяхъ Императорскаго Археологическаго Общества (Т. II. Спб 1861, стр. 255 — 257), по копіи, доставленной о. архимандритомъ Макаріемъ, и выписанной имъ изъ рукописи, найденной имъ же среди бумагъ стараго Рязанскаго консисторскаго архива. Въ Извѣстіяхъ переводы Баклеева напечатаны неточно и съ пропусками, потому что рукопись консисторскаго архива, отысканная о. Макаріемъ, была полунистлѣвшая отъ времени (сл. выше, пр. 25, стр. 61). Въ прошломъ году, въ бумагахъ покойнаго академика К. М. Френа, хранящихся въ Азіятскомъ музеѣ Императорской Академіи наукъ, удалось мнѣ найти полный и вѣрный списокъ Баклеевскихъ переводовъ. Сообщу по Фре-

новскому списку ту часть переводовъ, которая касается Шахъ-Аліевой текіи, именно начало списка. Буду отмѣчать въ скобкахъ [] главнѣйшіе варіанты и пропуски по тексту, изданному въ Извѣстіяхъ Археологическаго Общества. *«Списокъ найденнымъ Рязанской спархії въ юродѣ Касимовѣ, на кладбищахъ Татарскаго народа надъ ихъ умершими Султанами или Царями, надъробнымъ надписямъ, переведеннымъ съ Татарскаго на Россійскій діалектъ»*. Надпись 1-ая въ состоящей Касимовской градской Татарской слободѣ неподалеку отъ той каменной мечети устроенномъ саду (объ этомъ садѣ пишетъ и Палласъ; см. выше, стр. 71), каменной палаткѣ, въ коей лежатъ ихъ Султаны или Цари, надъ дверьми въ верху на камнѣ вырѣзано и писано тако: Сего строенія хозяинъ и владѣтель Шахъ-Алиханъ [Аликинъ] Шехъ-Авлияръ-Салтановичъ, по Россійскому Царь Шехалей, лѣта 962-го году въ мѣсяцѣ Рамазанъ-Шарифъ 21-й день. — Лѣта 975-го году Шехалей Ханъ Шехъ [слово *Шехъ* пропущено] Авліяръ-Салтановичъ, отъ роду живъ шестьдесятъ одинъ годъ, мѣсяца Шевала 15 числѣ, то есть въ поведѣльникъ, отъ сего свѣта отъиде. А сей голубецъ дочь его Магъ-Салтанъ-Хановна для родителя Шехалей Хана построить соизволила. — Лѣта 1001-го году Гайболлагъ-Салтана [Салтанъ] дочь Девлетлихановъ, на 27-ми лѣтахъ, мѣсяцѣ Рабель-Аввелѣ, въ послѣднихъ числѣхъ, въ воскресный день, отъ сего свѣта отъиде. Боже спаси и пріими, Господи нашъ, сего свѣта питатель. Сей голубецъ для своей сожитель-

ницы Сентъ Текъ-Бекъ для Девлетли-Хановны построить соизволилъ. — Лѣто 977-го году, мѣсяца Шабана 30 числѣ, Аккубекъ-Хановичъ что Гайболлахъ-Салтанъ, 37-ми лѣтъ, отъ сего свѣта отъиде. Боже спаси. Сей голубецъ сынъ его Муртаза-Али-Салтанъ для родителя Гайболлахъ-Салтана построить соизволилъ (всей этой надписи нѣтъ въ Извѣстіяхъ Археологическаго Общества; про нее сказано, что она оторвана вмѣстѣ съ истлѣвшею бумагою). — Лѣта 966-го году было въ мѣсяцѣ Мубарекъ-Мухаремъ въ первыхъ числѣхъ, то есть во вторникъ, Ханъ [Жанъ] Алиханна дочь Янъ-Салтанъ-Хановна 27-ми [24] лѣтъ, отъ сего свѣта отъиде въ вѣчный покой. Сей голубецъ родитель ея Шахъ-Али-Ханъ для княгини Янъ [Юнь] Салтанъ-Хановны построить соизволилъ. — Лѣта 990-го году, мѣсяца Зилхиги въ послѣднихъ числѣхъ, то есть въ среду, Гайбуллахъ-Салтановъ сынъ Будади-Салтанъ [Султановъ], 25-ти лѣтъ, отъ сего свѣта въ вѣчный покой отъиде. Сей голубецъ братъ его Мустафа-Али-Ханъ для Будади Султана построить соизволилъ. — Лѣта 979-го году было, Бекъ-Фулатъ-Султана дочь Девлетли-Хановна, въ мѣсяцѣ Шабанъ въ послѣднихъ числѣхъ, то есть въ субботу, 12-ти лѣтъ, отъ сего свѣта преставися, Боже спаси [Лѣта 979 году было Бекъ Фулатъ... отъиде отъ сего свѣта... Боже спаси]».

2) *Описаніе сеида Шакулова* помѣщено Щекатовымъ въ его Словарѣ географическомъ Россійскаго госу-

дарства, въ Ч. III, подъ словомъ: *Касимовскіе Татары*, въ слѣдъ за описаніемъ *Шахъ - Алиевой* текін. Вотъ оно въ подлинникѣ: «Внутри кладбища на первой мавзолеѣ надпись: Лѣта 966, а, по нашему счисленію, 1588 года, въ мѣсяцѣ *Мубарекъ-Мухаремъ* въ первыхъ числахъ дочь Царя *Шеимей-Янъ Салтанъ* въ 27 отъ роду лѣто отъиде въ вѣчной покой, а сію надпись на гробѣ ея положижъ *Шахъ-Алиханъ Шелъ-Алиаръ* Царь *Шеимей*. — На 2 мавзолеѣ надпись: Лѣта 975 (1597) *Шеимей* Царь *Шахъ-Алиаръ*, сынъ *Салтана Шеха*, жилъ 61 годъ мѣсяца *Шевала* отъиде сего свѣта, а сію надпись положила на гробѣ родителей дочь его *Мамъ-Салтанъ*. — На 3 мавзолеѣ надпись: Лѣта 977 (а по нашему счисленію 1599) мѣсяца *Шабана* 30 числа *Акъ-Кубекъ Ганублахъ-Салтанъ* въ 37 лѣтахъ отъ сего свѣта отъиде во имя Божіе, а сію надпись положижъ сынъ его *Муртаза-Алиъ Салтанъ*. — На 4 надписи: Лѣта 979 (1601) *Зекъ-Булатъ Салтана* дочь *Девлет-ли* въ мѣсяцѣ *Шебахъ* въ послѣднихъ числѣхъ отъиде сего свѣта, отъ роду ей было 12 лѣтъ; ее же да спасетъ Богъ. — На 5-й мавзолеѣ надпись: Лѣта 990 (1612) мѣсяца *Зимъ-Хуча* въ послѣднихъ числѣхъ *Гай-Болахъ Салтанъ*, сынъ *Булдала-Салтана*, отъ сего свѣта отъиде въ вѣчный покой на 25 году своего возраста; сію надпись положижъ братъ его *Мустафа-Алиханъ*. — На 6-й мавзолеѣ надпись: Лѣта 1001 (1623) въ мѣсяцѣ *Рабелъ-Аввелъ* въ послѣднихъ числахъ дочь

Гаибалахъ-Салтана Дивлетли отъиде сего свѣта въ 27 лѣтъ своей жизни; ее же да спасетъ Богъ, а сію надпись положилъ на гробъ мужъ ея *Сеитъ-Текъ-Бекъ*. — Сіи надписи переводилъ *Касимовской мечети Мулла Сеитъ-Шахуловъ*.

3) *Описание, напечатанное въ Отечественныхъ запискахъ*, помѣщено въ 33 ч. за 1828 г., въ статьѣ: О древнихъ зданіяхъ въ Рязанской губерніи по 1827 годъ, на стр. 456 — 458. Авторъ пишетъ: «Въ ономъ (въ ханскомъ кладбищѣ, построенномъ Шахъ-Аліемъ) заслуживаютъ вниманіе Арабскія надписи: — 1-я. При входѣ, на наддверномъ камнѣ: «Единому великому Богу, сего строенія хозяинъ и владѣтель Шигъ-Алей Ханъ Шигъ-Авліяръ Султановичъ. Лѣта 962, въ мѣсяцъ Рамазанъ Шарифъ 21-го дня». — 2-я. Внутри мавзолея, на голубцѣ первомъ: «Лѣта 966 (отъ Р. Х. 1524), мѣсяца Муборенъ - Мухаремъ въ первыхъ числахъ во вторникъ, Дисанъ-Али Ханъ Дчанъ Султановна, 27 лѣтъ, отъ сего свѣта отыде въ вѣчный покой». Голубецъ построить соизволилъ родитель ея, Шигъ-Алей Ханъ. — 3-я. «Лѣта 975 (отъ Р. Х. 1535), Шигъ-Алей-Авліяръ Султановичъ, жилъ отъ роду 61 годъ, мѣсяца Шеваля 15 числа въ поведѣльникъ, отъ сего свѣта отыде». Голубецъ построила дочь его, Мугъ-Султанша. — 4-я. «Лѣта 977 (отъ Р. Х. 1535), мѣ-

сяца Шабана 30 числа, Аккобентъ-Хановичъ Гайбулла Султанъ, 37 лѣтъ, преставился». Голубецъ построилъ сынъ его, Муртаза Алей-Ханъ. — 5-я. «Лѣта 979 (отъ Р. Х. 1548), Бекъ-Булатъ Султанша, дочь Девлетли Хановна, 12 лѣтъ, отъ сего свѣта отыде, Боже спаси!» — 6-я. «Лѣта 1001 (отъ Р. Х. 1570), Гайбуллы Султана, дочь Девлетли Ханымъ, 27 лѣтъ, отъ сего свѣта отыде». Голубецъ построилъ сожитель ея, Текъ-Бекъ».

Попробую всѣ эти старинныя описанія надгробныхъ камней Шахъ-Аліевой текіи свести вмѣстѣ. Первую надпись перевода Баклеева, и перевода помѣщенного въ Отечественныхъ запискахъ, т. е. надпись находящуюся надъ главнымъ входомъ текіи, отброшу; о ней въ настоящую пору не можетъ быть рѣчи, тѣмъ болѣе, что она въ своемъ мѣстѣ уже была подробно разобрана мною (см. выше, стр. 495, 496). Для большей наглядности представлю сводъ въ видѣ таблицы слѣдующаго рода.

Описанія Баклеева, Шакулова и автора статьи напечатанной въ Отечественныхъ запискахъ отмѣчены мною буквами *а*, *б*, *в*.

№ по порядку.	Гдѣ пох. опис.	Подъ какою № знач. памят. въ описаніи.	КТО ПОГРЕБЕНЪ.	КОГДА УМЕРЪ.		Скоп. лѣтъ ум.	КТО ПОСТАВИЛЪ ПАМЯТНИКЪ.
				Годъ гиж. съ пер. на хр. лѣтосч. по описан.	Мѣсяцъ, число и день.		
I.	a.	1.	Шехалай Ханъ Шехъ-Авліаръ-Салтановичъ.	975	Шеваль. 15. Понедѣльн.	61	Дочь Магъ-Салтанъ-Хановна для родителя Шехалай Хана.
	b.	2.	Шегалай Царь Шахъ Авліаръ, сынъ Салтана Шеха.	975 (1597)	Шеваль.	61	Дочь Магъ-Салтанъ для своего родителя.
	e.	2.	Шигъ - Алей - Авліаръ Султановичъ.	975 (1535)	Шеваль. 15. Понедѣльн.	61	Дочь Мугъ-Султанша.
II.	a.	2.	Гайболлагъ - Салтана дочь Девлетлихановъ	1004	Рабель - Авель, конецъ. Воскресенье	27	Сынъ Текъ - Бекъ для своей сожительницы Девлетли-Хановны.
	b.	6.	Гайбалахъ-Салтана дочь Девлетли.	1004 (1623)	Рабель - Авель, конецъ.	27	Мужъ Сынъ - Текъ-Бекъ.
	e.	5.	Гайбулла Султана дочь Девлетли Ханымъ.	1004 (1570)		27	Сожитель Текъ-Бекъ.
III.	a.	3.	Аккубекъ-Хановичъ что Гайболлахъ-Салтанъ.	977	Шабанъ. 30.	37	Сынъ Муртаза - Али-Салтанъ для родителя Гайболлахъ-Салтана.
	b.	3.	Акъ-Кубекъ-Ганублахъ-Салтанъ.	977 (1599)	Шабанъ. 30.	37	Сынъ Муртаза - Алисъ Салтанъ.
	e.	3.	Аккобенъ - Хановичъ Гайбулла Султанъ.	977 (1535)	Шабанъ. 30.	37	Сынъ Муртаза - Алей-Ханъ.
IV.	a.	4.	Ханъ - Алиханна дочь Янъ-Салтанъ-Хановна.	966	Мухаремъ, начало Вторникъ.	27	Родитель Шахъ - Али-Ханъ для кнѣгини Янъ-Салтанъ-Хановны.
	b.	1.	Царя Шегалай дочь Янъ Салтанъ.	966 (1588)	Мухаремъ, начало.	27	Шахъ-Алиханъ Шегъ-Авліаръ Царь Шегалай.
	e.	1.	Дисанъ-Али Ханъ Дчанъ Султановна.	966 (1524)	Мухаремъ, начало. Вторникъ.	27	Родитель Шигъ-Алей Ханъ.
V.	a.	5.	Гайбуллахъ - Салтановъ сынъ Будади-Салтанъ.	990	Зилхига, конецъ. Среда.	25	Братъ Мустафа - Али-Ханъ для Будади Салтана.
	b.	5.	Гай - Болахъ Салтанъ, сынъ Буздала-Салтана.	990 (1612)	Зилъ - Хуча, конецъ.	25	Братъ Мустафа-Алиханъ.
	e.	..				..	

№ по порядку.	Гдѣ пом. опис.	Подъ каменѣмъ № знач. памят. въ описаніи.	КТО ПОГРЕБЕНЪ.	КОГДА УМЕРЪ.		Скол. лѣтъ ум.	КТО ПОСТАВИЛЪ ПАМЯТНИКЪ.
				Годъ гдж. съ пер. на хр. лѣтосч. по описан.	Мѣсяць, число и день.		
VI.	а.	6.	Бекъ - Фулатъ - Султана дочь Девлетли-Хановна.	979	Шабанъ, конецъ. Суббота.	12	
	б.	4.	Зекъ - Булатъ Салтана дочь Девлетли.	979 (1604)	Шебахъ, конецъ.	12	
	в.	4.	Бекъ - Булатъ Султанша, дочь Девлетли Хановна.	979 (1548)		12	

Изъ этой таблицы оказывается весьма ясно, что памятники, объясненные во всѣхъ трехъ описаніяхъ, одни и тѣже. Разница состоятъ только въ порядкѣ, въ которомъ они описаны, въ правописаніи и постановкѣ именъ собственныхъ, и въ переводѣ годовъ гджры на христіанскіе (всѣ эти переводы во всѣхъ трехъ описаніяхъ невѣрны). Въ статьѣ помѣщенной въ Отечественныхъ запискахъ, одного памятника недостаетъ.

Сдѣланный мною сводъ старинныхъ описаній памятниковъ слѣду теперь съ помѣщеннымъ мною выше, на стр. 502 — 518, описаніемъ надгробныхъ камней, находившихся въ текіѣ въ 1860 г. Для этого приведу всѣ камни въ надлежащій порядокъ въ формѣ такой же точно таблицы, какая была составлена мною для переводовъ Баклеева, Шакулова, и сочинителя статьи: О древнихъ зданіяхъ въ Рязанской губерніи по 1827 годъ.

№ по порядку.	№ соответств. въ описаніи.	КТО ПОГРЕБЕНЪ.	КОГДА УМЕРЪ.		Скол. лѣтъ ум.	КТО ПОСТАВИЛЪ ПАМЯТНИКЪ.
			Годъ гд-хры и отъ Р. Х.	Мѣсяцъ, число и день.		
I.	2.	Шахъ-Али-ханъ, сынъ Шейхъ-Аулиаръ-султана.	974 (1567)	Шевваль. 40. (Апрѣль. 20). Понедѣльн.	64	Юджунъ Магъ-султанъ-ханике для своего бабѣ Шахъ-Али-хана.
II.	5.	Булякъ-шадъ-бикемъ, юджунъ сенда Джуруджия.	964 (1557)	Зиль-хидже 7. (Октябрь. 1).	37	Шахъ-Али-ханъ для супруги своей Булякъ-шадъ-бикемы.
III.	4.	Ханъ-султанъ-ханике-бикемъ.			27	Бабѣ Шахъ-Али-ханъ для Ханъ - султанъ-ханике-бикемы.
IV.	5.				.	 для Магъ-султанъ-бикемы.
V.	6.				.	сынъ Муртаза - Али - султанъ для своего отца Абдуллы султана.
VI.	7.	Юджунъ Темрюкъ-бика.	979 (1571,2)		.	
VII.	7.				.	Саявъ - Фуладъ для матери своей Алтынъ-дьяны.
VIII.	9.				37	
IX.	9.				.	Чура - Мухаммедъ - улакъ для Ханъ - Пунай - бикемы.
X.	8.	Будали-султанъ, сынъ Абдуллы султана.	990 (1583)	Зиль-хидже конецъ. (Январь, начало). Среда.	25	Мустафа - Али - ханъ для старшаго брата своего Будали-султана.

Сличая эту таблицу съ таблицею, помѣщенною выше на стр. 525, 526, я прихожу къ соображеніямъ и выводамъ слѣдующаго рода.

Камни и обломки № I, III, V и X, находившіеся въ текіѣ въ 1860 г., очевидно—тѣ самые памятники, которые въ сводѣ старинныхъ описаній значатся подъ № I, IV, III и V. Указывать въ подробности всѣ не точности и варіанты старинныхъ описаній этихъ № не стоитъ, потому что подлинники находятся на лицо. Въ двухъ только случаяхъ старинныя описанія представляютъ важныя дополненія. Одно касается памятника № III = IV. Мы узнаемъ, что Ханъ-султанъ-ханике, имя которой въ старинныхъ описаніяхъ передѣлано въ Янъ (Юнь) Салтанъ Хановну, Янъ Салтану и Дчанъ Султановну (кажется, всѣ три переводчика читали первое слово не خان—Ханъ, а جان—Джанъ), приходившаяся Шахъ-Алію близкою родственницею (по стариннымъ описаніямъ, дочерью; слова: بابا — баба, и بوجون — юджунъ, во всѣхъ старинныхъ описаніяхъ, переведены: отецъ и дочь; см. выше, стр. 505 — 511), умерла во вторникъ, въ началѣ мухаррема 966 г., т. е. въ октябрѣ 1558 г. Какъ видно, въ то время когда составлялись старинныя описанія, памятникъ Ханъ-султаны, нынѣ разбитый, былъ еще цѣлъ. Другое дополненіе относится къ № V = III. Дополненіе это весьма любопытно. Въ 1860 г. низа памятника № V, гдѣ вырѣзано было имя лица похороненнаго, уже не существовало, а былъ одинъ верхъ, гдѣ на оборотной сторонѣ читалось, что

памятникъ поставилъ Муртаза-Али-султанъ для отца своего Абдуллы. Изъ старинныхъ переводовъ оказывается, что подъ памятникомъ похороненъ былъ Аккубекъ-Хановичъ что Гайболлахъ-Салтанъ (Акъ-Кубекъ Ганублахъ-Салтанъ, Аккобенъ-Хановичъ Гайбулла Султанъ), умершій, 37 лѣтъ отъ роду, 30-го шабана 977 г., т. е. 6-го февраля 1570 г. Покойный царевичъ былъ, безъ малѣйшаго сомнѣнія, тотъ самый Абдулла, сынъ Акъ-кубека, хана Астраханскаго, который жилъ въ Россіи съ 1552 г., и о которомъ я уже говорилъ не разъ.

За вычетомъ четырехъ указанныхъ мною № (I=I, III=IV, V=III, X=V), остается еще въ таблицѣ, изображающей видъ памятниковъ въ текіѣ за 1860 г., шесть камней, которыхъ нѣтъ въ старинныхъ описаніяхъ; а въ сводной таблицѣ старинныхъ описаній—два такихъ памятника, которыхъ въ текіѣ при муллѣ Хусейнѣ Фейзъ-хановѣ не было. Какъ объяснить эту разницу? Шесть камней недостающіе въ старинныхъ описаніяхъ, слѣдующіе: 1) Булякъ-шадъ-бикемы, жены Шахъ-Алія (№ II); 2) Магъ-султанъ-ханики, близкой его родственницы (№ IV); 3) *юджунъ* Темрюкъ-бика (№ VI); 4) Алтынъ-джаны, матери Саинъ-фулада (№ VII); 5) Неизвѣстнаго лица, скончавшагося 37 лѣтъ отъ роду (№ VIII); и 6) Ханъ-Пупай-бикемы (№ IX). Памятники же которыхъ не было въ текіѣ въ 1860 г., но которые значатся въ старинныхъ описаніяхъ, слѣдующіе: 1) Девлетли (Дивлетли) хановы (ханы-

мы), дочери Гайболагъ (Гамбалахъ, Гайбуллы) Салтана (№ II); и 2) Девлетли-Хановны, дочери Бекъ-Фулатъ (Зекъ - Булатъ, Бекъ-Булатъ) Салтана (№ VI). Положимъ, что изъ числа камней оказавшихся въ текіѣ въ 1860 г. лишними противъ старинныхъ описаній, одинъ обломокъ (№ VIII), изъ котораго только и можно заключить, что *кто-то* умеръ 37 лѣтъ отъ роду — ничто иное, какъ отвалившійся кусокъ отъ потерянной нижней части памятника Абдуллы султана, сына Акъ-кубекъ-хана. Султанъ этотъ, какъ мы знаемъ изъ старинныхъ описаній, составленныхъ въ то время, когда весь памятникъ былъ еще цѣлъ, умеръ 37 лѣтъ отъ роду. Дѣло отъ этого нѣсколько подвигается впередъ; но все таки остается съ одной стороны пять, а съ другой — два памятника, которые между собою не сходятся. Чтобы согласить эту разницу, можно было бы, пожалуй, предположить, что въ текіѣ находилось съ начала 11 памятниковъ, что прежніе переводчики объяснили только одну часть изъ нихъ, упустивъ другую изъ виду, и что къ 1860 г. въ текіѣ осталось всего 9 памятниковъ или обломковъ отъ нихъ. Изъ этихъ девяти четыре тѣ самыя, которые были описаны прежними переводчиками, а пять такихъ, на которыхъ ни Баклеевъ, ни Шакуловъ, ни авторъ статьи помѣщенной въ Отечественныхъ запискахъ не обратили вниманія. Два памятника, которые значатся въ старинныхъ описаніяхъ, а въ 1860 г. уже не существовали, могли

исчезнуть отъ времени. Подобное предположеніе едва ли было бы вѣрно. Палласъ, описывая текію, говоритъ, если припомнимъ (см. выше, стр. 490), что въ ней было восемь гробницъ, изъ которыхъ одна была двойная, значитъ всѣхъ гробницъ было девять. Равнымъ образомъ и въ подвалѣ, при Палласѣ, лежало девять череповъ. Нѣтъ почти никакого сомнѣнія, что Палласъ засталъ еще расположеніе гробницъ въ томъ самомъ первоначальномъ видѣ, въ какомъ онѣ находились, когда въ текіѣ перестали хоронить покойниковъ. Если такъ, то надгробныхъ памятниковъ, очевидно, не могло быть болѣе девяти. Слѣдовательно цифра 11 не можетъ быть допущена, и въ числѣ одиннадцати памятниковъ, которые насчитываются при сличеніи старинныхъ описаній съ показаніемъ муллы Хусейна Фейзъ-ханова, нѣкоторые памятники должны быть лишніе. Вопросъ отъ этого переходитъ на новую почву. Сколько же лишнихъ памятниковъ и какіе именно? Мое мнѣніе на этотъ счетъ, вотъ какое. Въ текіѣ, въ то время когда въ ней перестали хоронить покойниковъ, надгробныхъ памятниковъ было, по числу гробницъ, девять; по крайней мѣрѣ нѣтъ никакого основательнаго повода думать, чтобъ однѣ гробницы были съ памятниками, а другія безъ нихъ. Четыре памятника: Шахъ - Али, Ханъ-султаны, Абдуллы султана Акъ - кубекова, и сына его Будалия, объясненные въ старинныхъ описаніяхъ, и находившіеся въ текіѣ еще въ 1860 г., по всей вѣроятности,

были въ ней поставлены съ самаго начала. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что всѣ четыре лица приходились родственниками другъ другу; текіе же была, очевидно, построена Шахъ-Аліемъ для себя, и для своей родни (о родствѣ Ханъ-султаны съ Шахъ-Аліемъ см. выше, стр. 508, 509; Абдулла приходился троюроднымъ племянникомъ Шахъ-Алію, см. выше, стр. 222 — 224, пр. 148, стр. 394, 395, и родословную таблицу, приложенную въ концѣ сочиненія). Два памятника, значащіеся въ старинныхъ описаніяхъ и въ 1860 г. уже не существовавшіе, именно памятники обѣихъ царевенъ Даулетли ¹⁶⁹⁾, я считаю

¹⁶⁹⁾ Такъ слѣдуетъ правильно читать искаженное въ переводахъ имя: Девлетли и Дивлетли, которое по Татарски пишется دولتی. Слова: *хановна* и *ханымъ*, поставленные въ старинныхъ переводахъ послѣ именъ обѣихъ Даулетли, очевидно, соотвѣтствуютъ Татарскимъ словамъ: *ханике* — خانیکه, и خانیم — *ханымъ*. О различіи между *ханике* и *ханымъ* см. выше, стр. 509. Титулъ *ханымъ* сохраняется за женщинами ханскаго происхожденія, даже при выходѣ ихъ за мужъ за лицъ не царской крови, какъ это и случилось съ одной изъ Даулетли, мужъ которой былъ простой сеидъ Текъ-бекъ. Нельзя впрочемъ не замѣтить, что иногда слово *ханымъ* имѣетъ у Татаръ такое же обширное значеніе, какъ Французское слово: *madame*.

равнымъ образомъ принадлежащими текіѣ. Отецъ одной Даулетли, жены сеида Текъ-бека, умершей,

27 лѣтъ отъ роду, въ концѣ раби-ель-авваля 1001 г., т. е. въ декабрѣ 1592 г., названъ въ старинныхъ переводахъ Гайболагъ (Гаибалахъ, Гайбулла) Салтаномъ; отецъ другой Даулетли, скончавшейся 12 лѣтъ, въ субботу, въ концѣ шабана 979 г., т. е. въ январѣ 1572 г., названъ тамъ же Бекъ-Фулатъ (Зекъ-Булатъ, Бекъ-Булатъ) Салтаномъ. Гайболагъ Салтанъ, по всей вѣроятности—Абдулла султанъ, сынъ Акъ-кубекъ-хана, который умеръ въ 1570 г., и памятникъ котораго, хотя и сломанный, до сихъ поръ сохранился въ текиѣ. Разъ мы допустимъ, что Абдулла этотъ былъ похороненъ въ текиѣ, то нѣтъ ничего проще какъ допустить и то, что въ текиѣ же была положена и дочь его. Бекъ-Фулатъ или Бекъ-Булатъ (Зекъ-Булатъ въ переводѣ Шакулова ошибка, потому что такого имени Татарскаго нѣтъ, а существуетъ имя: بيك بولاد — Бикъ - пуладъ, или بيك فولاد — Бикъ - фуладъ, которое всего чаще у Татаръ пишется и произносится: بيك بولاد — Бикъ-булатъ), безъ сомнѣнія — Бикъ-булатъ царевичъ, который въ 1560-хъ годахъ (см. выше, стр. 456, и сл.) жилъ въ Россіи. Какъ мы увидимъ ниже (см. статью: «Сайнъ-булатъ»), Бикъ-булатъ этотъ приходился родственникомъ Шахъ-Алію, и имѣлъ сына Сайнъ-булата, который былъ въ послѣдствіи, именно въ 1570-хъ годахъ, ханомъ Касимовскимъ. Ничто, конечно, не мѣшало дочери Бикъ-булата, Шахъ-Аліевой родственницѣ, и сестрѣ хана Касимовскаго, быть похороненной въ текиѣ. Если теперь памятни-

ковъ обѣихъ Даулетли вѣтъ, то это еще ничего не значить: они могли послѣ 1828 г. сломаться и быть выброшены. — Изъ пяти надгробныхъ памятниковъ оказавшихся въ 1860 г. въ текіѣ лишними противъ старинныхъ описаній, я считаю три камня, именно: Булякъ - шадъ - бикемы, жены Шахъ - Алія, Магъ-султанъ-ханики, близкой родственницы его, и Алтынъ-джаны, матери Саннъ-булата, такими памятниками, которые дѣйствительно стояли надъ лицами, похороненными въ текіѣ. Гдѣ же было похоронены женѣ Шахъ-Алія и Магъ-султанѣ, для которой Шахъ-Али заступалъ мѣсто отца, какъ не рядомъ съ нимъ, въ построенномъ имъ мавзолеѣ? А ужъ если лежала въ текіѣ сестра Саннъ-булата, Даулетли, то мать его Алтынъ-джанъ, имѣла еще бѣльшія права на подобное отличіе. Остальные два обломка съ именами *юджуны* Темрюкъ-бика, и Ханъ — Пупай-бикемы, которую похоронилъ какой-то Чура-Мухаммедъ огланъ, какъ превышающіе число 9, принятое мною за исходную точку всего разсужденія, попали, по моему мнѣнію, случайно въ текію; они могли быть даже въ недавнее время занесены съ кладбища. Самыя надписи на этихъ двухъ обломкахъ возбуждаютъ невольное сомнѣніе въ томъ, чтобъ обозначенныя въ нихъ лица лежали въ текіѣ. *Юджунъ* Темрюкъ-бика прямое мѣсто было на кладбищѣ простолюдиновъ. Точно также и Пупай-бикемѣ, родственницѣ Чура-Мухаммедъ-оглана, съ какой стати было бы лежать въ текіѣ *ханской*, на

ряду съ ханами, султанами и ихъ близкими? — Отъ чего въ старинныя описанія надгробныхъ камней Шахъ-Алиевой текіи не вошло описаніе памятниковъ Булякъ-шады, Магъ-султаны и Алтынъ-джаны — отвѣчать на подобный вопросъ не трудно. Памятники эти и въ 1860 г. состояли изъ небольшихъ обломковъ. Обломками же могли они быть и въ то время, когда сочинялись старинныя описанія. Должно быть, прежніе переводчики оставили ихъ въ сторонѣ, или потому что не замѣтили ихъ вовсе, или, что еще вѣроятнѣе, потому что не сочли нужнымъ передавать въ своихъ трудахъ надписи неполныя и безсвязныя. Въ доказательство сошлюсь на автора статьи: О древнихъ зданіяхъ въ Рязанской губерніи по 1827 г., который выпустилъ у себя описаніе памятника Будаля-султана, сына Абдуллы султана, хотя памятникъ этотъ навѣрно при немъ существовалъ. Молчаніе автора иначе и объяснить нельзя какъ только тѣмъ, что памятникъ Будаля, бывшій еще цѣлымъ при Баклеевѣ и Шакуловѣ, въ 1828 г. былъ разбитъ, и что авторъ статьи не обратилъ вниманія на обломки, показавшіеся ему ничтожными.

И такъ въ текіѣ, въ то время когда въ ней перестали хоронить покойниковъ, всѣхъ памятниковъ было девять. Лица, надъ могилами которыхъ они стояли, были слѣдующія: 1) Шахъ-Али ханъ † 1567 г.; 2) жена его, Булякъ-шадъ † 1557 г.; 3) близкая родственница его, Ханъ-султанъ † 1558 г.; 4) близкая родственница его же, Магъ-султанъ †...; 5) Абдулла-султанъ,

сынъ Акъ-кубекъ-хана † 1570 г.; 6) сынъ его, Будали-султанъ † 1583 г.; 7) дочь его, Даулетли † 1592 г.; 8) мать Саинъ-булатъ-хана, Алтынъ-джанъ †...; и 9) сестра его же, Даулетли † 1572 г. Въ какомъ именно порядкѣ стояли эти памятники, въ настоящую пору опредѣлить нельзя. Но по всей вѣроятности, памятники Шахъ-Алія и Булякъ-шады стояли надъ гробницею, которая названа Палласомъ осмью (см. выше, стр. 490). Гробница эта была двойная, и отличалась отъ другихъ своимъ наружнымъ видомъ. Кѣмъ же и было лежать вмѣстѣ, какъ не мужу и женѣ?

Кромѣ текин Шахъ-Алія, памятниковъ отъ времени этого хана въ Касимовѣ почти не осталось. Мнѣ извѣстны только два обломка отъ надгробныхъ памятниковъ, найденные муллою Хусейномъ Фейзъ-хановымъ въ 1860 г. Мулла Хусейнъ отыскалъ ихъ на такъ называемомъ Старопосадскомъ кладбищѣ. Кладбище это лежитъ не въ дальнемъ разстояніи отъ города, при Старопосадской слободѣ, на высокомъ и красивомъ мѣстѣ. Касимовскіе Татары называютъ его: *ایسکی زیارت*, *بیسته زیارنی* — старое кладбище. Въ прежнее время стояло здѣсь очень много Татарскихъ надгробныхъ памятниковъ. Въ 1860 же году мулла Хусейнъ видѣлъ только камней 40; остальные, по увѣренію мѣстныхъ жителей, были разобраны сосѣдними крестьянами для фундаментовъ на дома и для плитъ на печи.

Вотъ текстъ и переводъ надписей значущихся на обоихъ обломкахъ.

№ 10.

Обломокъ верхней части памятника. На немъ надписи. *На лиц. стор.:* || قال الله تبارك وتعالى ان مثل عيسى || عند الله كمثل آدم خلقه من تراب ثم قال له كن فيكون || قال الله تبارك وتعالى كل من عليها فان ويبقى وجه ربك ذو الجلال والاكرام || قال النبي عليه السلام الدنيا جيفة وطلبها т. е. «Сказалъ Господь преблагословенный и всевышній: Предъ Богомъ Иисусъ тоже что Адамъ; Адама Онъ создалъ изъ праха, потомъ сказалъ ему: будь и тотъ былъ. Сказалъ Господь преблагословенный и всевышній: Все что ни есть въ мірѣ, то должно погибнуть; вѣчно одно лицо Господа твоего, полное величія и славы. Сказалъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ миръ: Міръ сей — падалъ, а ищущіе его — собаки. Сказалъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ миръ: Міръ сей есть поле, на которомъ сѣятся сѣмена для будущей жизни». *На обор. стор.:* نارنج توقوز بوز آلتش سکزدا ایردیکم محمد اوغلی مودون درویش ایلیک بیش یاشنده بو لومنی اوزی حیاتنده ذی т. е. «Въ 968 (1561) году, случилось то, что муеззинъ Дервишъ, сынъ Мухаммеда, 55 лѣтъ отъ роду, соорудилъ при своей жизни этотъ памятникъ, въ мѣсяцѣ зиль-хидже (августъ, сентябрь)».

Замѣчаніе. Слово *муеззинъ* (глашатай при мечети, приглашающій правовѣрныхъ къ молитвѣ съ верху минарета), по правиламъ Арабской грамматики, пишется не *موذن*, какъ оно вырѣзано на памятникѣ, а *مؤذن*.

№ 11.

Обломокъ нижней части памятника. На немъ надпись. *На лиц. стор.:* || هو الحى الذى لا يموت وكل مى سيموت || قال الله سبحانه وتعالى وما تدرى نفس باى ارض تموت ان الله عليم خبير || قال النبى عليه السلام الدنيا ساعة فجعلها طاعة صدق رسول الله || تاريخ توفوز بوز الشمس... يلنده رجب آى نينك... فاطمه سلطان بيكم دار الفنادين دار البقاعه رحلت قبلدى حق تعالى رحمت

т. е. «Онъ Богъ живой, который не умираетъ; все же живущее умираетъ. Всякая душа должна вкусить смерти; за тѣмъ вы къ намъ возвратитесь. Сказалъ Господь преславный и всевышній: Не вѣдаеть никто въ какой странѣ онъ умереть; всевѣдущъ и всезнающъ — Богъ. Сказалъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ миръ: Жизнь человѣческая скоропреходяща; употребляй ее на дѣла угодныя Богу. Истину сказалъ пророкъ Божій. Въ 96.. (15..) году, мѣсяца реджеба... Фатима - султанъ - бикемъ отошла отъ сего міра въ міръ вѣчный. Господь всевышній да помилуетъ ее».

Въ заключеніе изслѣдованія моего о Шахъ - Аліе-вой текіѣ и о памятникахъ временъ Шахъ-Алія, считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о характерѣ этихъ памятниковъ вообще. Сходство ихъ всѣхъ между собою до того поразительно, что можно легко вывести одинъ общій типъ надгробныхъ памятниковъ, бывшій въ ходу въ Касимовѣ какъ въ эпоху Шахъ-Алія, такъ и послѣ него, въ теченіи нѣкотораго времени.

Этотъ общій типъ я и постараюсь вывести въ настоящемъ случаѣ.

Памятниками служили камни. Они если не всѣ, то по крайней мѣрѣ болышею частью дѣлались высокіе и остроконечные, въ родѣ тѣхъ, которые изображены на таблицахъ, приложенныхъ въ концѣ книги.

Надписи вырѣзывались на обѣихъ сторонахъ, какъ на лицевой, такъ и на оборотной.

На лицевой сторонѣ писались сперва благочестивыя изрѣченія, напоминавшія человѣку о смерти, о будущей жизни и о ничтожествѣ всего земнаго. Каждое изрѣченіе отдѣлялось одно отъ другаго словами: قال الله تبارك (سبحانه) وتعالى т. е. «Сказалъ Господь преблагословенный (преславный) и всевышній», или же словами: قال النبي عليه السلام т. е. «Сказалъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ миръ». Съ начала шли тѣ изрѣченія, въ главѣ которыхъ ставились слова: «Сказалъ Господь преблагословенный (преславный) и всевышній»; потомъ слѣдовали изрѣченія съ заголовкомъ: «Сказалъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ миръ». По

общепринятому обычаю у мусульманъ, слова: «Сказалъ Господь прелюбоглаголюющій (преславный) и всевышній», ставятся только предъ изрѣченіями заимствованными изъ курана, т. е. предъ *аятами*; а слова: «Сказалъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ миръ» — предъ такъ называемыми *хадисами*, или изрѣченіями Мухаммеда. Значить съ начала шли *аеты*, а потомъ — *хадисы*. Такъ и слѣдовало по порядку авторитета, которымъ въ глазахъ правовѣрныхъ пользуются *аеты* и *хадисы*. *Аеты* какъ слова непреложныя, ниспосланныя отъ Бога, обязательны безо всякаго исключенія; *хадисы* же какъ изустныя преданія, могутъ быть принимаемы, или нѣтъ, въ томъ случаѣ, когда они дошли изъ источниковъ не совсѣмъ вѣрныхъ. *Аеты*, которые вырѣзывались на памятникахъ, были слѣдующіе: 1) 52 стихъ III суры: *ان مثل عيسى عند الله كمثل آدم خلقه من تراب ثم قال له كن فيكون* т. е. «Предъ Богомъ Иисусъ тоже, что Адамъ; Адама Онъ создалъ изъ праха, потомъ сказалъ ему: будь и тотъ былъ». 2) 26 и 27 стихи LV суры: *كل من عليها فان * ويبقى وجه ربك ذو الجلال والاكرام* т. е. «Все что ни есть въ мірѣ, то должно погибнуть; вѣчно одно лицо Господа твоего, полное величія и славы». 3) 57 стихъ XXIX суры: *كل نفس ذائقة الموت ثم الينا ترجعون* т. е. «Всякая душа должна вкусить смерти, за тѣмъ вы къ намъ возвратитесь»; стихъ этотъ иногда писался и неполный: выпускались послѣднія слова: *ثم الينا ترجعون* т. е. «вы къ намъ возвратитесь». 4) Отрывокъ изъ послѣд-

няго (34) стиха XXXI суры: *باى ارض تموت* т. е. «въ какой странѣ онъ умретъ.» Послѣдній стихъ XXXI суры, если взять его цѣликомъ, гласить: *ان الله عنده علم الساعة وينزل الغيث ويعلم ما فى الارحام وما تدرى نفس ما اذا تكسب غدا وما تدرى نفس باى ارض تموت ان الله عليم خبير* т. е. «Богъ одинъ знаетъ когда наступитъ послѣдній часъ; Онъ одинъ знаетъ когда ниспослать проливные дожди; Онъ одинъ знаетъ что творится во чревѣ материнскомъ; не вѣдаетъ никто что съ нимъ случится завтра; не вѣдаетъ никто въ какой странѣ онъ умретъ; всевѣдущъ и всезнающъ—Богъ». Отрывокъ подобранъ дурно, такъ что если бы не знать всего стиха, то, пожалуй, нельзя было бы и догадаться что значать слова: «въ какой странѣ онъ умретъ»; Слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, прибавить предъидущія слова: *ما تدرى نفس* т. е. «не вѣдаетъ никто», какъ это и сдѣлано на памятникѣ № 11. Иногда (см. памятники № 8 и № 11) къ отрывку присоединялся еще конецъ стиха: *ان الله عليم خبير* т. е. «всеvѣдущъ и всезнающъ—Богъ». — Поименованные мною четыре *аста* писались на памятникахъ всѣ (см. памятники № 1 и № 2); или же вырѣзывались только нѣкоторые изъ нихъ. Обыкновенно впереди ставился стихъ: *الحى الذى لا يموت* т. е. «Предъ Богомъ Иисусъ тоже что Адамъ», и т. д. Въ рѣдкихъ случаяхъ (см. памятникъ № 11) между *астами* вставлялось еще извѣстное изрѣченіе: *هو الحى الذى لا يموت وكل حى سيموت* т. е. «Онъ Богъ живой, который не умираетъ; все же жи-

вущее умираетъ»; изрѣченіе это составлено изъ части 60 стиха XXV суры: *الى الذى لا يموت*, и словъ: *وكل حى سيموت*, прибавленныхъ къ ней самопроизвольно. — *Хадисовъ*, которые писались на памятникахъ — три, именно: 1) *الدنيا جيفة وطالبها كلاب* т. е. «Миръ сей — падалъ, а ищущіе его — собаки»; 2) *الدنيا ساعة فجعها طاعه* т. е. «Жизнь человѣческая скоропреходящая; употребляй ее на дѣла угодныя Богу»; 3) *الدنيا مزرعة الآخرة* т. е. «Миръ сей есть поле, на которомъ сѣются сѣмена для будущей жизни». Иногда послѣ хадисовъ ставилось извѣстное выраженіе: *صلق رسول الله* т. е. «Истину сказалъ пророкъ» (см. памятникъ № 11) ¹⁷⁰⁾. — Послѣ *асетовъ* и *хадисовъ* обозначались

¹⁷⁰⁾ Поименованные мною три хадиса не принадлежать къ числу несомнѣнныхъ изрѣченій пророка, такъ что, сколько мнѣ извѣстно, ихъ нѣтъ ни въ сборникахъ Бухарія (см. между прочимъ, Гаммера *Auszüge aus der Sunna* въ: *Fundgruben des Orients*, I, стр. 144 и 227) и Суютія, ни въ *Мишкат-уль-масабихъ* (см. Англійскій переводъ этого сочиненія, изданный въ 1809 и 1810 гг. въ Калькуттѣ въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ: *Mischcat-ul-masabih or a Collection of the most authentic traditions, regarding the actions and sayings of Muhammed, etc. Translated from the original Arabic, by Capt. A. N. Matthews*). Тѣмъ не менѣе они въ большомъ ходу у мусульманъ, и первые два обратились даже какъ бы въ пословицы. — По поводу первыхъ двухъ хадисовъ, въ томъ видѣ, въ какомъ они значатся на Касимовскихъ

памятниковъ, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ. Въ хадисѣ: **الدنيا جيفة وطالبها كلاب** оборотъ рѣчи не совсѣмъ правиленъ: слово **كلب** не можетъ быть употреблено во множественномъ числѣ, какъ скоро **طالب** стоитъ въ единственномъ; слѣдовало бы написать или **طالبها كلب** т. е. «ищущій его — собака», или **طالبوها كلاب** т. е. «ищущіе его — собаки». Хадисъ, на сколько я знаю, пишется большею частью чрезъ: **طالبوها كلاب**. Такъ, по крайней мѣрѣ, значится онъ у Готтингера въ его: *Historia Orientalis. Tiguri. MDCLI*, стр. 349, гдѣ при переписи хадиса Еврейскими буквами, читаемъ: **אֶלְדִּנְיָא גִּיפָה וּמַאֲלֻבֵּה כְּלָאב** *Mundus cadaver est, et petentes eum, canes sunt*, и у Ростгаарда и Каллія въ: *Arabum Philosophia popularis, sive Sylloge nova proverbiorum. A Jacobo Salomone Damasceno dictata excepit et interpretatus est perillustris vir Fridericus Rostgaard, p. m. Edidit cum adnotationibus nonnullis Joannes Christianus Kallius. Hafniae. 1764*, стр. 77, гдѣ только хадисъ напечатанъ съ ошибками въ падежахъ: **الدنيا جيفة وطالبوها كلابا** *Mundus (uita haec) est cadaver, et querentes eam sunt canes*. Этотъ же самый хадисъ, и тоже со словомъ **طالب** во множественномъ числѣ, имѣлъ въ виду и Олеарій, который въ приложеніяхъ своихъ къ переводу Гюлистана Саадія (*Persianischer Rosenthal. In welchem viel lustige Historien, scharffsinnige Reden, vnd nützliche Politische Regeln vnd Sprüchwörter. Von einem gelehrten Persianer Schich Saadi in Persianischer Sprache beschrieben. Jetzt aber von Adamo Oleario In hochdeutscher Sprache zum andern mahle*

mit etlichen Historien, vielen Notis vnd Figuren vermehret vnd verbessert heraus gegeben. Schlesswig. Anno MDCLX), помѣстилъ особую статью подъ заглавіемъ: Etliche feine Sprichwörter der Araber, и въ ней на стр. 201, подъ № 15, говоритъ: Ein Aass die Welt ist, wie es scheint. Die sich drumb zerren, Hunde seynd. — Въ хадисѣ: *الرّنبأ ساعة فجعلها طاعة* поражаетъ слово: *فجعلها*. Слово это, очевидно, не можетъ быть принято иначе, какъ въ смыслѣ повелительнаго наклоненія, тѣмъ болѣе, что въ Касимовскихъ надписяхъ поставлены и знаки: *فجعلها*. По правиламъ же Арабской грамматики, слѣдовало бы въ этомъ случаѣ писать не *فجعلها*, а *فاجعلها* или, по крайней мѣрѣ, *فجعلها*. Такъ, совершенно правильно, чрезъ *فاجعلها* значится хадисъ у Ростгаарда и Каллія въ: *Arabum Philosophia popularis*, стр. 78—79 (только объясненіе не вѣрно: *Vita haec hora est, siue spatium unius horae; transige eam in obsequio. In consolationem eorum, qui aliis parent; гораздо ближе подходитъ къ настоящему смыслу толкованіе Каллія: Potest etiam exhortatio esse ad obsequium Dei per totam vitam*). Такъ же точно чрезъ *فاجعلها* изображенъ хадисъ на шлемѣ Драгута (знаменитаго начальника пиратовъ въ XVI ст.), хранящемся въ Вѣнѣ, и описанномъ Гаммеромъ въ: *Fundgruben des Orients*, VI, на стр. 319, въ статьѣ: *Inscript eines Helmes und eines Rauchgefässes, aus dem kais. kön. Ambraser-Kabinete*. (Къ статьѣ этой приложенъ и рисунокъ шлема; см. также Reinaud. *Description des monumens musulmans du cabinet de M. le duc de Blacas*. T. II. 1828, стр. 308. Гам-

меръ въ своей статьѣ толкуеть хадисъ, слѣдующиій образомъ: Die Welt ist Eine Stunde, mit Gehorsam mach' die Runde; Рено переводитъ несравненно лучше: Ce monde est l'affaire d'une heure; Fais en un acte méritoire). Встрѣчается этотъ же самый хадисъ, и все-таки съ повелительнымъ فاجعلها, на циферблатахъ восточныхъ часовъ (см. Hammer. Geschichte der Ilchane das ist der Mongolen in Persien. Bd. I. Darmstadt. 1842, стр. 179, пр. 2, гдѣ Гаммеръ пишетъ: «Anspielung auf den Ueberlieferungs-Spruch, der auf den Zifferblättern morgenländischer Uhren zu sehen: *Eddunja saatun fe edschaalha taaten*, die Welt ist Eine Stunde, gehorsam mach' die Runde»). Съ повелительнымъ же فاجعلها читается хадисъ и на одной изъ надписей, находящихся вокругъ входа въ гробницу (тюрбе) дочери Тохтамыша, Ненкеджанъ-ханумы (ننگه جان خانم), умершей въ 841 = 1438 г., и похороненной въ предмѣстіи близъ Бахчесарая (см. Бахчесарайскія Арабскія и Турецкія надписи, во 2-мъ Отдѣленіи II-го тома Записокъ Одесскаго Общества исторіи и древностей. Одесса. 1850, стр. 527, № 14). Еще точно также читается хадисъ на памятникѣ Тюмекъ Суфія сына Янтая. Памятникъ этотъ находится близъ селенія Нырсы въ Ланшевскомъ уѣздѣ Казанской губерніи, и поставленъ былъ въ 1108 г. гиджры, т. е. въ 1696,7 г. (см. Ильминскій. Татарскія надписи изъ временъ Казанскаго царства, въ Ланшевскомъ уѣздѣ, въ Перечнѣ засѣданій за 1850 годъ, приложенномъ къ III-му тому Записокъ Императорскаго Археологическаго Общества, стр. 116). — Впрочемъ, какъ ни неправильна

форма *فعلها*, принятая на Касимовскихъ памятникахъ, положительно ошибкою считать ее нельзя. Существовать примѣры тому, что хадисъ: «Жизнь человѣческая скоропреходяща, употребляй ее на дѣла угодныя Богу», пишется совершенно такъ, какъ онъ вырѣзанъ на Касимовскихъ камняхъ. Достаточно въ этомъ случаѣ указать на Бугарскія монеты. На форму *فعلها* слѣдуетъ смотрѣть какъ на правописание, конечно дурное, но бывшее въ употребленіи, и потому считавшееся дозволеннымъ (см. С. М. Fraehnii Rostochiensis De numorum Bulgharicorum forte antiquissimo Libri duo. Lib. I, стр. 28 — 30 и рецензію на это сочиненіе барона Сильвестръ де-Саси, въ Journal des Savants, за январь 1848 г., стр. 57).

годъ, мѣсяцъ, число и день кончины лица надъ которымъ ставился памятникъ; потомъ слѣдовало имя и отчество покойника съ опредѣленіемъ его возраста. Самое понятіе о смерти выражалось словами: *دار الفنادین (فنادین) دار البقاغا رحلت قبلدی* т. е. «Отшелъ (отошла) отъ сего міра въ міръ вѣчный», или короче, словами: *دنیا دین نفل قبلدی* т. е. «Переселился (переселилась) изъ сего міра», «Скончался (скончалась)». Еще въ самомъ концѣ прибавлялась иногда общезвѣстная мусульманская формула: *حق تعالی رحمت قبلسون* т. е. «Господь всевышній да помилуетъ его (ее)».

На обратной сторонѣ, на самомъ верху, вырѣзывались имена какъ того лица, кто поставилъ па-

мятникъ, такъ и той особы, въ честь которой камень былъ водруженъ. При этомъ писали обыкновенно: *بو لوحی بنا قیلدوردی قبلدی* т. е. «Памятникъ этотъ поставилъ (поставила)» (такой-то или такая-то для такого-то или такой-то). (Въ памятникѣ Шахъ-Алія слова *بولومی* поставлены въ началѣ, и потомъ безо всякой нужды повторены въ концѣ; см. выше, стр. 503). Нѣкоторыя лица приготавливали памятники при своей жизни для самихъ себя (см. памятникъ № 10).

Въ описаніи Шахъ-Аліеваго памятника (№ 1 и № 2) сказано мною, что по краямъ вырѣзанъ былъ стихъ: *آبۂ الكرسی* (см. выше, стр. 504). Кажется, обычай исписывать края памятниковъ существовалъ въ Касимовѣ въ эпоху, которая насъ занимаетъ. По крайней мѣрѣ, какъ мнѣ лично передалъ мулла Хусейнъ, на многихъ обломкахъ и камняхъ, по краямъ, видны еще слѣды надписей. По словамъ муллы, писались обыкновенно либо *آبۂ الكرسی*, либо имена двѣнадцати имамовъ.

Описанный мною типъ надгробныхъ памятниковъ сохранился въ Касимовѣ довольно долго, такъ что даже, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, его носятъ почти всѣ памятники XVII столѣтія, дошедшіе до насъ отъ временъ позднѣйшихъ царей и царевичей. Дѣлались исключенія, но рѣдкія и незначительныя.

Откуда взялся типъ Касимовскихъ надгробныхъ памятниковъ — рѣшить не берусь, но почти этотъ

же самый типъ существовалъ въ одно время съ Касимовымъ и въ Казани, вмѣстѣ съ другими различными формами, бывшими тамъ въ ходу. Такъ, до сихъ поръ сохранился въ Казани надгробный памятникъ, напоминающій наружнымъ видомъ своимъ, величиною, и вырѣзанными на немъ надписями Касимовскіе камни. Узналъ я объ его существованіи случайно изъ письма, которое въ ноябрѣ 1860 года получилъ мулла Хусейнъ Фейзъ-хановъ отъ Казанскаго муллы Шегабеддина сына Бега - ед - дина ель - Мерджанія (شهاب الدين بن بها الدين المرحلي). Мулла Хусейнъ былъ такъ обязателенъ, что сообщилъ мнѣ это письмо. Приведу изъ него въ подлинникѣ и въ переводѣ то мѣсто, которое заключаетъ въ себѣ описаніе памятника. Описаніе весьма обстоятельно и любопытно:

بزنتک مسجد مزده بولغان طاش طولایکی آرشین دان بر
 وبرشوک کم عرضا اوج چاریک عمقا بش برشوک توبه سطحی
 مسنم کیلکان آلتی سطر باشند بولغان شکل مثلثه یازو
 یوق یازولاری صریح مکر بسار طرفی قوبوب نوشکان مثلا
 بو کيفبتنه || قال الله تبارک وتعالی || کل من علیها فان ویبقی
 وجه || ربک ذو الجلال والاکرام || تاریخ توقوز بوز اوتوز ||
 التی دا شاه محمد بیگ اوغلی محمد علی || بیگ ذو القعدة سند
 کافر قولندین شهید || یمین طرفندا یازلغان قال النبی علیه
 السلام الدنيا ساعه فاجعلها طاعة بسار طرفندا قوبوب

توشكان مكر لفظ قال قالغان ينه الف لام لفظ النبي مي
 تاشنك ارقاسيدا بازلفان بولوحنى اوغلى || تنكرى قولى
 بيك || بنا قيلدى || ذو الجلال ديكان قرات متواترهجه
 ذى الجلال ديباكان شاه لفظى متضمن بولغان هانى
 بو صورتده قويغان ۵ كافى لارنى بيك لفظنده وغيرسندده بو
 صورتده قويغان مثلا بيك ينه شهيد ديكان بولدى سنى
 ابتياكان فاجعلهاى اوشبو صورتده يازغان فانى متصل
 قلمباغان لكن لفظ فاجعلهاى عين وهاسى فى الجملة محو بولوب
 بولاي راق بولغان فاجعلهاى ايكىچى طرفندا بولوحنى ديكانده بو
 صورتده قويغان لوحنى ماوراء النهر رسنجه حاي مهمله استينه
 همزه قويغان الحاصل بولوح قويولغان قبر صاحبي محمد على
 بيك شاه محمد بيك اوغلى ديكان كشى ايكان سنه ۹۳۴
 ذو القعدة اينده كافر قولندان شهيد ايكان الله اعلم قبل
 تسلط الروس على قزان واقع بولغان محاربه لارنتك برنده
 مقتول بولسه كرك يا صبرا يا فى المعركة اما بو لوحنى مزبور
 محمد على بيك ننتك اوغلى تنكرى قولى بيك بنا قلفان ايكان
 يعنى يازدريب قويغان اعالي مسجد مزدان الشمس بتمش سنه
 بولغان كشى لاردان صورالدى انلار بزنتك صفر مزدان بيرى

بو طاش مونده قاچان كيلكاننى بلبايز ديديلار خصوصا سعيد مؤذن سنى التمش غه يتكان اتا وباباسى اوشبو مسجدده مؤذن بولوب كيلوب صفرنجان شول مسجدكا تعاهد قيلغان كشي بولارننك بعضى اينادور پچان بازارندان چقغان وبعضى سى كوچتنى دان چقغان ديو بولار ظن ورجم بالغيب اما برسنى طوقسانغه يتكان احمد بن اسماعيل ديكان برقارط بار صحيح العقل واوزى ننگ عمرى متناول بولغان وقابعضى ضابط وحافظ كشي اول قديمده اوشبو مسجد اهاليندان ايكان اينادور بو طاش يوقارى كوچتنى ده چاي اراتى ننگ چرك ولكا تابان بولغان پوچمقنى قازغانده سنه ۱۷۹۸ ميلاديه بزى ننگ نظرمزده ظاهر بولدى بز آنده چيتوك باشق سوداسى برلان اولتورادور ابدوك ديدور بعد ابراهيم بن خوچش المعروف بافندى اوشبو مسجدكا كبتورتوب قويدى دببور ابراهيم افندى بعد بنا هذا المسجد بولغان اماملارننگ т. е. «Въ нашей мечети (мечеть, о которой пишетъ Шегаб-единъ, есть такъ называемая первая каменная мечеть) находится камень; въ длину онъ имѣетъ два аршина безъ вершка, въ ширину — три четверти, въ толщину — пять вершковъ. Верхъ его суженъ. Надпись въ шести строкахъ. Въ суженномъ, въ видѣ треуголь-

ника, верху ничего не написано. Надписи вообще явственны; только лѣвый край обломался. Выходить вотъ что: «Сказалъ Господь преблагословенный и всевышній: Все что ни есть въ мірѣ, то должно погибнуть; вѣчно одно лицо Господа твоего, полное величія и славы. Въ 936 (т. е. въ 1530) году сынъ Шахъ-Мухаммедъ-бика, Мухаммедъ-Али-бикъ, въ мѣсяцѣ зуль-кааде (т. е. въ іюнѣ, или въ іюлѣ), (погибъ) мученикомъ отъ руки невѣрныхъ». На правомъ краѣ надпись: «Сказалъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ міръ: Жизнь человѣческая скоропреходяща; употребляй ее на дѣла угодныя Богу». На лѣвомъ краѣ надпись обломалась; остались только: слово «сказалъ», и буквы *а* и *л*. Не кроется ли въ этихъ буквахъ слово «*алм-неби*» (пророкъ)? На оборотной сторонѣ камня надпись: «Памятникъ этотъ поставилъ сынъ, Тенгри-кулыбикъ».—На камнѣ вырѣзано «*зум-джеламъ*», какъ это и слѣдуетъ по общепринятому чтенію, а не «*зим-джеламъ*. Въ словѣ *шахъ* буква *х* имѣетъ слѣдующій видъ . Буква *к* въ словѣ *бикъ* (*бикъ*), и въ другихъ словахъ писана . Еще сказано просто: *мученикомъ*; слова же *сблался* (или *погибъ*) нѣтъ вовсе. Слово *фаджа'ма* написано вотъ какъ: слогъ *фа* стоитъ отдѣльно; буквы же *а'и* : совершенно стерты, такъ что выходить: *фа дж л а*. На оборотной сторонѣ, слова *بو لومنی* написаны: *بو لومنی*, т. е. по обычаю Мавероевнагрскому, подъ буквою *ح* поставлена гамза.—И такъ въ могилѣ надъ которою поставленъ былъ описанный мною памятникъ, похороненъ былъ нѣкто, по имени

Мухаммедъ-Али-бикъ, сынъ Шахъ-Мухаммедъ-бика; погибъ онъ мученикомъ отъ руки невѣрныхъ въ мѣсяцѣ зуль-кааде 936 г. По всей вѣроятности лишился онъ жизни въ одной изъ войнъ, бывшихъ до покоренія Казани Русскими: онъ былъ казнень, либо убитъ. Памятникъ надъ нимъ, какъ видно, поставилъ, т. е. камень поставить и надпись вырѣзать велѣлъ его же Мухаммедъ-Али-бика сынъ, Тенгри-кулы-бикъ.—Я спрашивалъ о памятникѣ прихожанъ нашей мечети, стариковъ лѣтъ 60 и 70; всѣ они объявили, что съ самаго ихъ дѣтства памятникъ всегда лежалъ въ мечети; когда же онъ былъ перенесенъ туда—не знаютъ. Въ томъ числѣ находился и Сандъ муеззинъ, человекъ лѣтъ 60; отецъ его, и дѣдъ были муеззинами при этой же мечети, и самъ онъ съ ребячества чуть ли не жилъ въ ней. Говорятъ только: одни, что камень былъ перенесенъ въ мечеть съ Сѣннаго базара, а другіе, что онъ былъ прежде въ Гостиномъ ряду. Впрочемъ все это — однѣ предположенія. Живетъ здѣсь старикъ лѣтъ 90, по имени Ахмедъ, сынъ Исмаила; онъ бодръ еще умомъ, пережилъ на своемъ вѣку много, и хорошо помнитъ всѣ происшествія. Съ давнихъ поръ онъ прихожаниномъ къ нашей мечети. Рассказываетъ онъ вотъ что: «Камень этотъ открылся нашимъ взорамъ въ 1798 году христіанскаго лѣтосчисленія, когда взрыли въ верхней части города въ Гостиномъ ряду уголъ чайнаго ряда, обращенный къ Черному озеру; въ это время я торговалъ тамъ сапогами и башмаками. Потомъ

Ибрагимъ, сынъ Ходжаша, котораго звали Эфенді-емъ, перенесъ камень и положилъ его въ мечети». Ибрагимъ-эфенди былъ третьимъ имамомъ въ нашей мечети послѣ ея построенія; онъ отецъ Нуръ-Мухаммедъ - махдумъ - мухтесибъ¹⁷¹⁾.

¹⁷¹⁾ Камень, описанный Шегаб - ед - диномъ, былъ извѣстенъ еще въ 1817 г. Фукусу. Въ своей Краткой исторіи города Казани, стр. 42, 43, въ особой статьѣ, подъ заглавіемъ: *Арабская надпись на камнѣ, найденномъ въ Казанскомъ юстиномъ ряду*, онъ сообщаетъ переводъ съ одной надгробной надписи. Если сравнить этотъ переводъ съ подлинникомъ, списаннымъ Шегаб-ед-диномъ, то увидимъ тотчасъ же, что рѣчь у обоихъ идетъ объ одномъ и томъ же камнѣ. Вотъ переводъ Фукаса: «Богъ святой, непорочный, праведный, величественный, сказалъ: Все живущее на землѣ увядаетъ, но зракъ Господа твоего, облеченный въ честь и славу, будетъ сіять вѣчно. — Да будетъ благословеніе и спасеніе Могаммеду, сказавшему: миръ сей невѣченъ. — Также благослови и спаси Господи сказавшаго: миръ сей выше самыхъ царей. — Отъ Эгиры Могаммедовой, въ 936 году (1529), въ мѣсяцъ Зулкагидъ убить отъ рукъ иновѣрца Мухаммедъ - Галей, сынъ Мухаммедъ - Шаха. — На камнѣ семъ писалъ Юлавчина сынъ.» — Переводъ Фукаса невѣренъ; тѣмъ не менѣе онъ не лишенъ значенія. Изъ заголовка надъ нимъ, мы узнаемъ, что камень дѣйствительно былъ найденъ, какъ сообщилъ о томъ Шегаб - ед - дину Ахмедъ Исма-

мюль, въ Гостиномъ ряду; вѣроятно при Фуксѣ онъ еще и лежалъ тамъ, такъ какъ о мечети не сказано у него ни слова. У Фукса слова: Юлавчина сынъ, очевидно, ничто иное, какъ дурно понятыя слова подлинника: **بولوچنى اوغلى**, которыя Фуксъ, благодаря гамзѣ находящейся, по замѣчанію Шегаб-ед-дина, подъ буквою **ح**, прочелъ: **بولوچنى اوغلى**.

О различныхъ видахъ надгробныхъ памятниковъ времени Казанскаго царства см. статью Ильминскаго, помѣщенную въ Перечнѣ засѣданій за 1850 г., приложенномъ къ III тому Записокъ Императорскаго Археологическаго Общества, стр. 114 — 118. Къ памятникамъ Ланшевскаго уѣзда, описаннымъ Ильминскимъ, могу присоединить еще нѣсколько другихъ находящихся въ Царевококшайскомъ уѣздѣ. Свѣдѣнія о нихъ доставилъ мнѣ мулла Хусейнъ Фейзъ-хановъ; ему же сообщилъ эти свѣдѣнія мулла Шегаб-ед-динъ, тотъ самый, который такъ обстоятельно описалъ памятникъ Мухаммедъ-Али-бяка. Вотъ что въ 1861 г. писалъ мулла Шегаб-ед-динъ муллѣ Хусейну:

قزان غوبرنياسى صار كوكشای اوبازى آشط صوى
 بوينده اجوم نام قريه ننگ مقبره سنڤ قبر اوزرنده خوش
 خطلى تاشلار بار عنوانلارنده بيك مناسب آيات
 واحاديث بنا على هذا فاضل صاحب هنر آدم لار اول
 وقت بولق فهملنه در ولكن اسمالرى وكلاملى خالص
 تاتار قم لفظى اوزرينه واقع بولغان مثلا عنوانلارنده

غالبند بازغان كل نفس ذابقة الموت وما تدرى نفس
 باى ارض موت مديو بولار جمله سندان مذکور قریه دان
 چاقریم یاریم بلکه ایکی چاقریم مسافه ده ایکی قبر
 متجاوزین بار شهیدلر قبری دیو معروف ایگان
 برسی ننگ عنوانی بعدنده بازغان هذا مقبره سلطان...
 العالی سلطان لفظی ننگ اوستندده بر مبهم لفظ بار
 نائب بولدی بعده تاریخ توقوز یوز قرق بدی دا
 بایمضا دایم اوغلی بادیکار کافر قولندان شهید بولدی
 دیو بنه برنده تاریخ طوقز یوز قرق سکزدا ذی القعدة
 اینده فجیم باى اوغلی چتش اوزغان بارغانده دار
 دنیادین رحمت فیلسی حق تعالی رحمت فیلسون
 اوزغان بارغانده برینه اوروغا بارغانده اوقمق ممکن
 اورو اوجومدن برلق توکل آلتی چاقریم قدر مسافه ده
 بر قریه عظیمه درینه مذکور اول ننگ حالا کی مقبره سندن
 بولغان بر ناشده بازغان تاریخ متک یل اوزوب
 اون سکزدا مبارک ذی الحجه آیندا شد اگ اوغلی مای غه
 الله تعالی رحمت فیلسون آمین رب العالمین دیو
 بازغان لما طلاشی و غطی بیک کوزل بنه برنده تاریخ

توقوز يوز ابللى ده شوال دا ابرديكم بيك يا نجيم باى
اوغلى سودال باى وفات بولدى بيه برندم منك بل

اوزوب يكرمى مبارك محرم آيندا بوچوه اوغلى موسى
т. е. «Казанской губерніи въ Царевококшайскомъ уѣздѣ,
на берегу рѣки Ашытъ, на кладбищѣ деревни Уджумъ, на-
ходятся надгробные камни съ красивыми надписями, и съ
искусно подобранными въ заголовкѣ ихъ стихами изъ кура-
на и хадисами. По неволѣ приходишь къ заключенію, что
въ то время люди здѣсь жили хорошо образованные. Не
смотря на это, имена собственные и обороты рѣчи, всё—
чисто Татарскіе. Такъ, на большей части памятниковъ, въ
заголовкѣ, написано: «Всякая душа должна вкусить смер-
ти; не вѣдаетъ никто въ какой странѣ онъ умретъ». Въ числѣ могилъ находятся и двѣ рядомъ, которыя от-
стоятъ верстахъ въ $1\frac{1}{2}$, или въ 2 отъ упомянутого селенія
Уджумъ, и слывутъ подъ именемъ могилъ мучениковъ.
Надъ одной изъ нихъ послѣ заголовка написано: «Это —
могила султана великаго». Надъ словомъ *султана*,
есть еще одно слово мудреное, котораго я не могъ ра-
зобрать. За тѣмъ значится: «Въ 947 (1540) году
сынъ Баймурзы Даша Ядигаръ погибъ отъ руки невѣр-
ныхъ». Есть еще одинъ камень, на которомъ написано:
«Въ 948 (1542) году, въ мѣсяцъ зиль-кааде (февралѣ,
мартѣ), сынъ Неджимъ бая Четырь, проѣзжая дорогой,
отшелъ отъ сего міра. Господь всевышній да помилуетъ
его.» Вмѣсто: *проѣзжая дорогой*, можно читать еще:
проѣзжая въ Ору; Ору есть большое селеніе, лежащее

въ недалекомъ разстояніи, не болѣе какъ въ 6 верстахъ, отъ Уджума. Еще на одномъ камнѣ, который находится на нынѣшнемъ кладбищѣ селенія Уджумъ, написано: «Въ 1018 (1610) году, въ благословенномъ мѣсяцѣ зиль-хидже (январѣ, февралѣ), Шедякова сына Мамаа Господь всевышній да помилуешь. Аминь. Владыка вселенной». Какъ самый камень, такъ и почеркъ надписи весьма красивы. Еще на одномъ камнѣ значится: «Въ 950 (1543, 4) году, въ шеввалѣ (декабрѣ, январѣ) случилось то, что Неджмиъ-бая (или бика) сынъ Судалъ-бай скончался.» Имѣется еще камень съ слѣдующею надписью: «Въ 1020 (1611) году, въ благословенномъ мѣсяцѣ мухарремѣ (мартѣ), Ючуга сынъ Муса....»

Форму надгробныхъ памятниковъ, схожую съ тою, которая существовала въ Касимовѣ, находимъ, правда въ позднѣйшее время, и въ Оренбургскомъ краѣ. Для примѣра укажу на памятникъ нѣкоего Такиръ-батыря (طغر بتر), умершаго въ 1107 (1695, 6) г. Памятникъ этотъ описанъ былъ Георгіемъ въ его: *Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in den Jahren 1773 und 1774. Zweyter Band. St. Petersburg 1775, стр. 732, 733*, и объясненъ довольно подробно Френомъ въ его: *De Numorum Bulharicorum forte antiquissimo Libri duo. Lib. I, стр. 34—37, пр. 34*. Георги нашелъ его въ нынѣшней Оренбургской губерніи, недалеко отъ Уфы, близъ Мещеряцкой деревни Тирмы. Въ памятникѣ Такира надписи лицевой стороны имѣютъ много схожаго какъ съ надписями вырѣзанными на ка-

миѣ Мухаммедъ-Али-бика, такъ и съ тѣми, которыя употреблялись въ Касимовѣ. Даже самые хадисы: الدنيا جيفة وطالبها كلاب والدنيا ساعة فجعلها طاعة, если принять въ соображеніе Арабскую транскрипцію Георгія, которая вообще во всѣхъ собранныхъ имъ надписяхъ полна грубыхъ ошибокъ, написаны точно также какъ и на камняхъ Касимовскихъ: первый чрезъ فجعلها (у Георгія: فجعليا), а второй чрезъ طالبها (у Георгія: طالبا). كلاب (у Георгія: كلاب).

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Tab. I.

NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.

NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

N° 5.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.